С. А. Качіони

Въ дебряхъ Крыма.

СОДЕРЖАНІЕ:

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пимен. ул., с. д.
Москва.—1902.

С. А. Качіони.

Въ дебряхъ Крыма.

Содержаніе:

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пимѣнов. ул., соб. д.
Москва.—1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Выпуская въ свѣтъ книгу С. А. Качіони «Въ дебряхъ Крыма», я руководился далеко не одними только соображеніями коммерческаго характера, а имѣлъ въ виду при этомъ и иную, болѣе альтруистическую цѣль.

При томъ несомнѣнно громадномъ интересѣ, какой представляетъ изъ себя Крымъ вообще и южный берегъ его въ особенности и съ какимъ относится русская публика къ этому, едва ли не лучшему, уголку нашего обширнаго отечества, омываемому изумрудными волнами красивѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ морей, предлагаемая мною книга должна сослужить добрую службу. Она унесетъ любознательную мысль читателя въ самые укромные закоулки Тавриды и покажетъ ему тѣ почти еще не тронутыя рукой человѣка и культуры дебри, которыя по своей естественной, первобытной красотѣ далеко оставляютъ за собой всѣ искусственныя сооруженія и торныя дороги и тропинки полуострова.

Дикій кряжъ Яйлы съ его вѣдомыми только горнымъ орламъ скалистыми высями, съ его ущельями, провалами, пещерами и задумчивыми междугорными долинами такъ художественно красивъ въ своей безыскусственной первобытности, а нерѣдко полудикій еще обитатель этихъ

горныхъ трущобъ, татаринъ,—чабанъ на заоблачныхъ пастбищахъ грузнаго Чатыръ-Дага, дровосѣкъ этихъ горныхъ лѣсовъ, рыбакъ или селянинъ какой-нибудь заброшенной среди ущелій хребта деревушки—такъ художественно-оригиналенъ поэтическою простотой своего міросозерцанія...

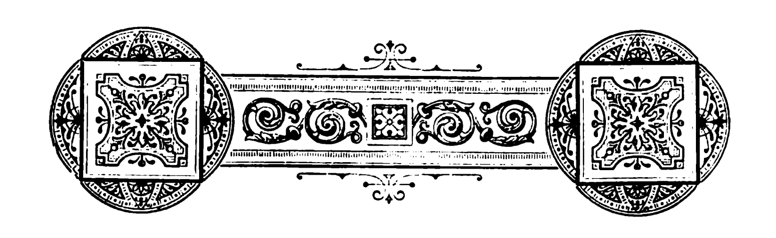
И, нужно отдать справедливость, издаваемый мною авторъ мастерски справился со своею задачей. Это призналъ даже такой геніальный «сынъ Крыма» и всеміpно-извѣстный художникъ, какъ недавно почившій профессоръ И. К. Айвазовскій, когда нарисовалъ къ тексту одного изъ помѣщаемыхъ въ этой книгѣ разсказовъ,—«Куртдедэ», двѣ большія картины. Въ будущемъ, если бы пришлось повторить это изданіе, оно уже будетъ иллюстрированнымъ, и тогда эти двѣ картины безсмертно-великаго художника станутъ, конечно же, лучшимъ украшеніемъ и правдивѣйшей рекламой для книги.

Наконецъ, наша литература не можетъ похвалиться обиліемъ чисто этнографической беллетристики и вообще, и въ частности по этнографіи Крыма. Кромѣ вышедшихъ еще въ 1884 г. вторымъ изданіемъ «Очерковъ Крыма» Е. Л. Маркова, сочиненія высоко художественнаго, но въ то же время исключительно только описательнаго, а не беллетристическаго, о Крымѣ и о крымскихъ татарахъ отдѣльной книги не появлялось вовсе. Такимъ образомъ издаваемая мною книга С. А. Качіони «Въ дебряхъ Крыма» до нѣкоторой степени восполнитъ и этотъ существенный пробѣлъ нашей этнографической беллетристики.

Въ заключеніе не могу не прибавить, что всѣ составляющіе настоящую книгу повѣсти и разсказы съ одинаковою пользой могутъ быть прочитаны и старикомъ, и юношей, и даже ребенкомъ: ни одна фраза автора, ни

одинъ нарисованный имъ образъ, при всей ихъ оригинально-реальной правдѣ, не смутятъ ни на секунду фантазіи читателя... Здѣсь все изящно и красиво, какъ красивъ описываемый авторомъ край, и въ то же время правдиво и просто, какъ правдива въ своей почти первобытной простотѣ несложная жизнь крымскихъ татаръ, исконныхъ обитателей этого чуднаго края.

Издатель Л. Шарберъ.

Судъ моря.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Три башни на Солдайской скалѣ.

Безмолвно и грозно воздвиглись надъ моремъ скалистыя выси древней Солдайи [1]). Остроконечныхъ верхушекъ этихъ громадъ, вѣроятно, никогда еще не касалась нога человѣка, потому что иначе не стали бы селиться на нихъ черно-желтые горные орлы, которые своими хриплыми, сдавленно-гортанными криками одни только нарушаютъ по временамъ безмолвіе этой дикой подоблачной пустыни, сплошь заваленной нагроможденными одна на другую глыбами камня.

Нѣкоторые изъ этихъ обломковъ и скалъ, лежащихъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ первыхъ дней мірозданія, отшлифованные въ теченіе тысячелѣтій дождями и вѣтромъ, сверкаютъ на солнцѣ металлическимъ отливомъ своихъ гладкихъ, какъ сталь, поверхностей. Другіе, наобо-

---

[1]) Солдайя — древнее названіе мѣстечка Судакъ на юго-восточномъ берегу Крыма.

ротъ, покрытые толстымъ слоемъ известковаго налета свѣтло-желтаго цвѣта съ едва примѣтнымъ розоватымъ оттѣнкомъ, кажутся издали, снизу, какъ бы одѣтыми въ бархатные чехлы и своимъ видомъ пріятно смягчаютъ для глаза утомляющій зрѣніе отблескъ сосѣднихъ громадъ.

Вокругъ на далекое пространство все угрюмо-пустынно и дико: глубокія темныя ущелья между скалами совершенно безмолвны, силуэты колоссовъ вѣчно неподвижны, причудливыя линіи ихъ могучихъ контуровъ остаются вѣками вѣковъ неизмѣнными. Точно непробудный сонъ смерти охватилъ эту поражающую своимъ дикимъ величіемъ каменную трущобу, охраняемую угрюмыми пернатыми стражами—орлами. Стражи то рѣютъ величественно въ подоблачной выси надъ своею, заснувшею каменнымъ сномъ смерти, пустыней, то, опустившись по временамъ съ недосягаемыхъ высотъ воздушнаго пространства, разсаживаются одиноко на верхушкахъ остроконечныхъ скалистыхъ пиковъ и, застывъ неподвижно на долгіе часы, кажутся и сами окаменѣвшими.

Въ ясные солнечные дни на этихъ высотахъ царитъ гробовое молчаніе, но лишь только бѣлыя перистыя облака сгустятся въ сизо-черныя тучи и, опустившись ниже, окутаютъ своимъ, какъ свинецъ тяжелымъ, какъ мгла ночи непрогляднымъ, покровомъ вершины кольцомъ окружившихъ долину Солдайи горъ,—тамъ, наверху, за этимъ рухнувшимъ на землю и поддержаннымъ только скалами страшнымъ потолкомъ вселенной, слышатся пронзительные крики и стоны. Это—орлы, обезпокоенные происходящимъ въ вышинѣ подъ напоромъ приближающейся бури передвиженіемъ громадныхъ пепельно-черныхъ массъ,

начинаютъ перекликаться, воодушевляя другъ друга зорче стеречь среди хаоса стихій родныя высоты.

А когда загремятъ первые удары грозы и по мрачному своду станутъ извиваться во всѣхъ направленіяхъ безчисленныя огненныя змѣйки молній, орлиные крики, доносящіеся по временамъ до земли среди громовыхъ раскатовъ, дѣлаются еще пронзительнѣе, а каменные колоссы дрожатъ и колеблются, грозя рухнуть на міръ вмѣстѣ съ обвалившимся на нихъ обломкомъ небеснаго свода и въ одно мгновеніе погубить подъ собою все то, что вѣками вѣковъ, являясь одно на смѣну другому, дышало дыханіемъ жизни и безъ конца копошилось въ этой юдоли смѣха и вздоховъ, счастія и слезъ...

И какъ ни жалка вся эта юдоль земли, какъ ни ничтожны сами по себѣ и ликованія людскія и стоны по сравненію со всѣмъ міромъ и тайной его бытія, но вѣдь въ нихъ воплощается жизнь, а ее человѣкъ всегда считалъ и будетъ считать величайшимъ изъ благъ!

Вотъ отчего становится жутко и страшно всѣмъ людямъ, когда упадетъ на эти высоты свинцовая тяжесть небеснаго свода и дрогнутъ скалы отъ вихря, грома и молній...

Но гроза пронеслась... Черныя тучи, окутавшія со всѣхъ сторонъ горный хребетъ, стали уже на окраинахъ свода замѣтно свѣтлѣть и принимать сѣровато-багровый оттѣнокъ. Вотъ онѣ уже заклубились съ боковъ и, точно вбираясь сами въ себя, поползли кверху. Мгла стала рѣдѣть, свинецъ обратился въ клубы густого грязновато-сѣраго пара и тяжелый покровъ сразу, всею массой, сталъ колебаться, поднимаясь по скаламъ все выше и выше.

Грохотъ пронесшейся бури, отдаваясь глухими пере-

катами въ лѣсахъ и ущельяхъ хребта, еще доносится по временамъ откуда-то далеко изъ-за горъ, когда тучи вдругъ разрываются въ самой серединѣ и сквозь этотъ разрывъ въ то же мгновеніе скользнетъ, какъ Божій посланникъ, на землю цѣлый снопъ солнечныхъ лучей и золотомъ своимъ сразу зальетъ отъ верхушки до моря самую высокую скалу Солдайи.

На верхушкѣ этой скалы былъ виденъ неподвижный силуэтъ громаднаго орла, который, какъ только сверкнули лучи, вдругъ зашевелился. Онъ встрепенулся весь, приподнялся, вытянулъ шею, два раза открылъ и закрылъ могучія крылья и вдругъ, взмахнувъ ими, гордо взвился надъ скалой и на секунду повисъ въ вышинѣ неподвижно. Затѣмъ, поднимаясь, онъ сталъ дѣлать круги все больше и больше, пока не исчезъ въ клубахъ летѣвшихъ уже высоко надъ землею тучъ.

Но вотъ онъ снова дважды мелькнулъ въ ихъ свѣтломъ разрывѣ и, быстро пронесшись сквозь него на ту сторону міра, потонулъ въ глубокой вышинѣ. . . . . .

. . . .

На трехъ уступахъ самой крайней къ морю скалы, о подножіе которой набѣгающія одна за другой безконечныя волны разбиваются въ бѣлоснѣжную шипящую пѣну, стоятъ три древнія полуразвалившіяся башни.

Башни эти, нѣкогда неприступныя грозныя цитадели, а теперь, подъ напоромъ шести вѣковъ, обратившіяся въ живописныя руины, были нѣмыми свидѣтелями кровавыхъ событій исторіи Тавриды со второй половины XIII столѣтія и до нашихъ дней. До нихъ долетали стоны несчастныхъ жителей Херсонеса, когда въ 1363 году суровый князь Литвы Ольгердъ, преслѣдовавшій разбитыя имъ

полчища монгольской орды, проникъ въ Тавриду до этого города и, взявъ его, безпощадно вырѣзалъ всѣхъ людей отъ стараго до малаго, а самый городъ разграбилъ дотла, не остановившись даже передъ святынями алтарей. Подъ ихъ же стѣнами въ XV столѣтіи владѣвшіе уже Константинополемъ турки рѣзались не на животъ, а на смерть, съ татарами крымской орды, объединенной подъ властью только что утвердившагося въ ней сына Хасанъ-Джефай-Башъ-Тимура-Хаджи, спасеннаго въ дѣтствѣ отъ руки искавшаго его смерти Кадиръ-Берди-хана пастухомъ Гиреемъ и присоединившаго въ благодарность за это къ имени своему еще и имя своего спасителя.

Онѣ же были безмолвными свидѣтелями всѣхъ кровавыхъ событій и братоубійственныхъ войнъ, которыя велъ между собой и съ сосѣдями въ теченіе болѣе трехсотъ лѣтъ безконечно длинный рядъ Гиреевъ, начиная отъ шести сыновей Хаджи-Гирея съ первыхъ же дней послѣ смерти его (въ 1467 году, а по нѣкоторымъ источникамъ въ 1455 г.) и до послѣдняго изъ нихъ, Шагинъ-Гирея. Этотъ, спѣвшій лебединую пѣсню и для династіи Гиреевъ и вообще для владычества монголовъ въ Крыму, ханъ, послѣ сложенія съ себя ханскаго достоинства и принятія присяги на вѣрность Россіи, подкормился нѣкоторое время въ Петербургѣ на пенсію, отсыпанную ему щедрою рукой императрицы; но, оправдавъ на себѣ въ милліонъ первый разъ справедливость пословицы: «сколько волка ни корми,—онъ все въ лѣсъ смотритъ», предпочелъ все же таки бѣжать въ Турцію для того, чтобы быть тамъ удавленнымъ по приказанію султана!

Подъ этими самыми башнями рѣяли, какъ коршуны, слетѣвшіеся на кровавый пиръ англо-франко-турецкіе

корабли въ достопамятные дни безпримѣрныхъ въ исторіи всего міра «11 мѣсяцевъ» (осада Севастополя съ 27 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 года), когда около ста шестидесяти тысячъ здѣсь только геройски погибшихъ съ обѣихъ сторонъ человѣческихъ жизней запечатлѣли кровью своею споръ Россіи съ Турціей «о святыхъ мѣстахъ» въ Іерусалимѣ, этотъ офиціально-единственный, хотя и совершенно фиктивный casus belli кровавой войны. До самыхъ этихъ руинъ долетали стенанія невѣдавшихъ никогда страха и шутившихъ словомъ «смерть» моряковъ нашихъ, которые, однако, рыдали какъ дѣти, когда дорогіе имъ корабли-парусники, эти могучіе и покрывшіе себя неувядаемою славой безсмертія дѣды теперешняго флота, тихо опускались одинъ за другимъ на дно моря, добровольно погребая себя только для того, чтобы своими трупами загромоздить кораблямъ враговъ входъ въ бухту Севастополя и тѣмъ спасти отъ неминуемаго пораженія своихъ осиротѣвшихъ сыновъ...

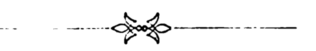
Безмолвно стоятъ эти башни на трехъ уступахъ скалистаго обрыва надъ моремъ. Среди ихъ развалинъ царитъ всегда тишина, лишь изрѣдка только нарушаемая свистомъ и воплями бури да хриплыми криками единственныхъ обитателей скалъ — орловъ. Зато внизу, на самомъ днѣ этого обрыва, и ночью и днемъ шумитъ и грохочетъ прибой. Здѣсь море на далекое пространство вокругъ усѣяно огромными глыбами камня, Богъ вѣсть когда скатившимися сюда съ сосѣднихъ высотъ, быть можетъ, еще брошенными мощною рукой циклоповъ, когда хитроумный Улиссъ, лишившій послѣдняго глаза одного изъ этихъ свирѣпыхъ чудовищъ древности, убѣгалъ на своей утлой ладьѣ отъ ихъ гнѣва и мести.

Ни одно судно съ моря, какъ бы рѣшителенъ и смѣлъ ни былъ его кормчій, не въ силахъ подойти къ скалѣ, на уступахъ которой высятся башни, такъ какъ прибоемъ оно было бы неминуемо разбито въ щепы прежде, чѣмъ успѣло бы приблизиться на такое разстояніе, съ котораго человѣческій крикъ могъ долетѣть до берега.

Вотъ почему генуэзцы, появившіеся сюда во второй половинѣ XIII столѣтія вслѣдъ за византійцами, печенѣгами, команами и татарами и овладѣвшіе всѣмъ побережьемъ отъ Чембало (Балаклава, древній Символонъ) до Кафы и дальше, укрѣпили Солдайю этими тремя башнями и сдѣлали ее главнымъ хранилищемъ своихъ богатствъ. Здѣсь именно былъ устроенъ складочный пунктъ всѣхъ азіатскихъ товаровъ, которые купцы ихъ, завязавшіе обширную торговлю съ отдаленнѣйшими странами и доходившіе даже до Хивы и Бухары, привозили съ востока для того, чтобы отсюда отправлять моремъ въ Италію, Испанію и Африку и караванами на сѣверъ и западъ Европы.

Среди окрестныхъ татаръ существуетъ много разныхъ старинныхъ преданій объ этихъ руинахъ и между прочимъ одна, передаваемая въ многочисленныхъ варіантахъ, легенда о трагической судьбѣ какой-то царицы Ѳеодоры, жившей въ самой высокой изъ трехъ башенъ.

По словамъ легенды, эта башня называлась «Башней Дѣвы» (по-татарски «Кызъ-Куле»), слѣдующая за ней— «Башней Проклятія» и, наконецъ, ближайшая къ морю— «Башней Торселло».

II.

Бухта зеленаго корабля-невидимки.

Свѣтало. Ярко-красная полоса обозначила на востокѣ линію соединенія моря съ небомъ. Полоса эта, еще нѣсколько минутъ тому назадъ узкая, едва примѣтная, теперь, разгораясь все ярче и ярче, залила уже заревомъ пожара цѣлую половину небосклона. А вслѣдъ за нею вспыхнула пурпурнымъ огнемъ и вся необъятно-широкая, безъ конца далекая гладь моря.

Разливавшійся по небу съ каждою секундой все дальше и больше свѣтъ наступавшаго дня, отражаясь въ этой громадной, точно выполированной поверхности совершенно спокойной воды, повторялся въ ней сразу всею своею массой, но не давалъ нигдѣ никакого движенія: свѣтъ съ каждымъ мгновеніемъ сіялъ ярче и ярче. Но такъ какъ на небѣ не было видно ни одного, даже самаго маленькаго, облачка, а въ точно заснувшемъ морѣ не шелохнулась ни одна струйка воды, то, не переливая нигдѣ ни однимъ отдѣльнымъ лучомъ, не сверкнувъ ни одною искоркой, онъ всюду казался мертвымъ: онъ нарождался безъ жизни!

А море, заснувшее, какъ сталь гладкое, лежало тяжело-неподвижно: точно залили котловину его расплавленнымъ золотомъ.

Но вотъ на горизонтѣ между водой и небомъ прорѣзалась огненная полоска восходящаго солнца и въ этотъ самый моментъ откуда-то изъ-за горъ пахнулъ свѣжій утренній вѣтерокъ и слегка зарябилъ зеркальную поверхность моря. Милліоны блесточекъ заиграли веселыми огоньками въ этихъ рябинкахъ воды, и только что мертвое, далекое

лоно вдругъ заискрилось, замигало, задвигалось, оживилось... Вѣтерокъ пронесся и стихъ, но чуть-чуть всколыхнувшееся море уже не застыло опять, а продолжало, точно нѣжась въ теплѣ полившихся на него сверху лучей, играть переливами свѣта въ потревоженныхъ вѣтеркомъ верхнихъ струйкахъ воды. Вся природа точно вздохнула, пробужденная появленіемъ солнца на небѣ, и сразу наполнилась движеніемъ и жизнью.

Вотъ огненный шаръ отдѣлился уже отъ горизонта и величественно поплылъ по голубой высотѣ, а въ синезеленой дали моря показался дымокъ парохода. Надъ сверкнувшими розоватымъ отливомъ первыхъ лучей скалами Солдайи взвилось нѣсколько орловъ, которые, описывая громадные круги, стали подниматься все выше и выше; внизу, въ тѣни густо покрывшихъ подножія горъ и долину лѣса и кустовъ виноградника, загомонили безъумолку птицы, и среди этого безпрерывнаго гомона отчетливо доносился, точно двойное тиктаканье маятника, крикъ проснувшейся поздно кукушки. Гдѣ-то вдали заскрипѣла арба; на пригоркѣ мелькнула красная феска пастуха-татарчонка, а еще черезъ нѣсколько мгновеній надъ долиной поплылъ, теряясь въ глубинѣ горъ, далекій звонъ церковнаго колокола... День начался.

Подъ самою скалой, на уступахъ которой высились башни, среди каменныхъ глыбъ, буквально усѣявшихъ здѣсь море на далекое пространство, скользила небольшая лодка, то скрываясь въ узкихъ проходахъ тамъ, гдѣ камни были нагромождены тѣснѣе, то снова показываясь въ болѣе открытыхъ мѣстахъ. Бушевавшее нѣсколько дней подъ рядъ море, наконецъ угомонилось и со вчерашней ночи точно отдыхало отъ рева и грохота въ полномъ зеркальномъ штилѣ.

Здѣсь, за скалой, свѣтло-зеленая гладь совершенно прозрачной воды лежала такъ неподвижно-спокойно, что дно было видно какъ на ладони.

Усыпанное разноцвѣтными камнями и раковинами всевозможныхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, дно это сквозь неподвижную толщу совершенно прозрачной воды, какъ сквозь увеличительное стекло, казалось выложеннымъ драгоцѣнными камнями, ослѣпительно блестѣвшими подъ лучами восходившаго солнца. Мѣстами эта причудливая мозаика вдругъ прерывалась и на смѣну ей открывалась равнина лежавшаго волнообразными полосками свѣтло-желтаго песку. Полоски эти, въ разстояніи не больше четверти одна отъ другой, шли параллельно линіи берега, и потому въ общемъ получалось впечатлѣніе, будто дно здѣсь покрывалъ выкованный изъ золота панцырь. А дальше опять тянулся цѣлый подводный садъ водорослей, который, благодаря полному спокойствію воды, стоялъ совершенно неподвижно, точно заснулъ въ этомъ безмолвно-прозрачномъ царствѣ.

Но если подъ этимъ прохладнымъ покровомъ не было вовсе звуковъ, то жизни и движенія было много.

Вотъ съ двухъ разныхъ сторонъ несутся навстрѣчу одна другой двѣ огромныя стаи маленькихъ рыбокъ. Онѣ сомкнулись, перепутались, образовали одну еще бо̀льшую стаю и беззаботно рѣзвятся, блестя своими серебристыми чешуйками всевозможныхъ оттѣнковъ. Стая то поднимается до самой поверхности моря и здѣсь нѣсколько мгновеній лежитъ неподвижно, точно грѣется на солнцѣ, то вдругъ сразу вся, брызнувъ серебромъ своихъ чешуекъ, падаетъ на дно и пропадаетъ на секунду среди блеска каменьевъ—для того, чтобы сейчасъ же снова подняться. Среди нихъ гомона нѣтъ, зато движенія цѣлая масса...

Но вотъ невдалекѣ, въ тѣни обросшей водорослями подводной скалы, мелькнуло два какихъ-то красновато-бурыхъ туловища и вслѣдъ затѣмъ въ полосу свѣта высунулись двѣ безобразныя головы аспидно-сѣраго цвѣта съ черезчуръ большими выпуклыми глазами. Непрошенныя гостьи эти—двѣ прожорливыя морскія собаки [1], двѣ хищницы Чернаго моря, острые мелкіе зубы которыхъ опасны для небольшихъ рыбъ, а вооруженіе—шипы (по одному передъ обоими спинными плавниками)—нерѣдко даже и для купающихся.

Красавицы не успѣли еще высвободить изъ-подъ водорослей своихъ желтовато-бѣлыхъ брюхъ, какъ вся огромная стая беззаботно рѣзвившихся рыбешекъ, мелькнувъ своими серебристыми тѣльцами, умчалась съ поразительною быстротой въ противоположную сторону и моментально исчезла въ непроницаемой тѣни подводнаго сада. Собаки покружились нѣкоторое время на томъ мѣстѣ, гдѣ только что для нихъ было такъ много добычи, и уже собирались было отправиться по слѣдамъ исчезнувшей стаи, какъ вдругъ остановились: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ проплывало десятка два головатыхъ бычковъ [2]) свѣтло-бураго цвѣта съ очень темными, почти черными большими пятнами по всему цилиндрическому, сзади сжатому съ боковъ тѣлу. Остановились на секунду, въ

---

[1]) Морская собака—Acanthias vulgaris, Risso — накатница, колючая акула, изъ рода Acanthias, семейства Spinacidae.

[2]) Бычокъ—названіе, которымъ именуются различные виды изъ двухъ семействъ колючеперыхъ костистыхъ рыбъ (Acanthopteri): Cottidae и Gobiidae. Въ Черномъ морѣ почти исключительно встрѣчается въ очень большомъ количествѣ изъ второго семейства такъ называемый бычокъ-песочникъ—Gobius melanostomus, Pallas, длиною отъ 10 до 20 сантиметровъ.

свою очередь, и бычки, замѣтивъ подругъ. Они ощетинили свои колючія тѣльца и приготовились принять нападеніе, но подруги предпочли ударить отбой: виноградъ для нихъ оказался незрѣлымъ, и онѣ вполнѣ основательно побоялись набить имъ себѣ оскомину, такъ какъ по неоднократному и горькому опыту хорошо знали, что у бычка имѣются также шипы, хотя и поменьше, чѣмъ ихъ собственные, но зато, пожалуй, и поострѣе. Одна изъ собакъ, убѣдившись окончательно, съ кѣмъ именно Богъ имъ послалъ встрѣчу, повернулась нѣсколько въ сторону другой и, вѣроятно, шепнула ей: „Пойдемъ въ другой отель: здѣсь—воры!» потому что вслѣдъ затѣмъ обѣ хищницы стремительно юркнули подъ выступъ ближайшаго камня и скрылись. Сейчасъ же и колючки бычковъ опустились, и они побѣдоносно прослѣдовали въ глубь открытаго моря.

Въ одномъ мѣстѣ дно шло на нѣсколько десятковъ саженъ покатою плоскостью изъ сплошного камня, служившаго основаніемъ для береговой скалы. Тамъ и сямъ на этой плоскости лежали цѣлыя груды каменныхъ обломковъ, живописно обвитыя длинными лентами всевозможныхъ формъ водорослей. Здѣсь все пространство было засыпано большими и малыми раковинами разнообразныхъ моллюсковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ приросли къ твердому дну, другія свободно двигались. Одноногія разѣвницы [1]) со своими длинными сифонными трубками, причудливыя аплизіи, или морскіе зайцы [2]), съ нахлобученной пятнистой раковиной, одноплазыя миніатюрныя эолиды [3]), напоминающія по формѣ своей игольчатой раковины кро-

---

[1]) Mya truncata. [2]) Aplysia depilans. [3]) Aeolis rufibranchialis.

шечныхъ ежей съ рожками и усиками, синевато-фіолетовыя перловицы жемчугоносныя [1]), морскія блюдечки [2]), хитоны [3]), трубкообразные камнеточцы [4]), улиткообразныя катушки [5]) съ удивительно симметричными завитками своихъ раковинъ, продолговатые косточкоподобные морскіе финики [6]) и сотни другихъ моллюсковъ были видны сквозь прозрачную воду такъ ясно, что казалось, будто бы отъ внѣшняго міра ихъ отдѣляетъ тонкое стекло.

И хотя многіе изъ этихъ моллюсковъ приросли ко дну и выступамъ камней, тѣмъ не менѣе и этотъ богато убранный раковинами, точно причудливый акваріумъ, уголокъ моря не былъ лишенъ движенія и жизни: красивые морскіе гребешки [7]) съ равностворчатыми, украшенными лучеобразными полосками раковинами розовато-бѣлаго, буроватаго, желтаго и нѣжно-розоваго цвѣтовъ и очень похожія на нихъ, хотя нѣсколько меньшія по величинѣ, лимы [8]) съ не вполнѣ смыкающеюся (зіяющей) овальною раковиной, избороржденною лучеобразными ребрами, безпрерывно открывая и захлопывая свои красивыя створки, быстро носились съ мѣста на мѣсто среди этого царства ракушекъ: точно мотыльки порхали надъ этимъ оригинальнымъ перламутровымъ уголкомъ моря, поблескивая сквозь прозрачную влагу удивительно нѣжною окраской своихъ крылышекъ.

Тутъ же, но совершенно въ сторонѣ отъ другихъ, у самаго края покатаго камня, за которымъ начинался уже золотистый песокъ, чопорно разсѣлось, или, вѣрнѣе, приросло ко дну, цѣлое общество устрицъ [9]). Некрасивыя,

---

[1]) Margaritana margaritifera. [2]) Patella algira. [3]) Chiton squamosus. [4]) Pholas crispata. [5]) Planobris corneus. [6]) Lithodomus dactylus. [7]) Pecten opercularis. [8]) Lima squamosa. [9]) Ostraidae.

угловатыя сверху, онѣ точно спесивились, не желая приходить въ общеніе съ другими моллюсками, и засѣли здѣсь своею колоніей. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали мрачно, закрывъ наглухо свои неряшливыя снаружи, но зато чудно убранныя перламутромъ внутри квартиры; другія, напротивъ, какъ будто желая подышать свѣжимъ воздухомъ, распахнули верхнюю створку и слегка, точно вѣеромъ, помахивали ею, производя этимъ около себя маленькое движеніе воды.

А дальше по песочному дну пресмѣшно бѣгали бочкомъ сотни почти четыреугольныхъ черновато-зеленыхъ крабовъ [1]). Зазубренныя съ двухъ смежныхъ сторонъ туловища ихъ, поддерживаемыя десятью колѣнчатыми ножками, изъ которыхъ двѣ вооружены сильно развитыми клешнями, быстро скользили по дну, когда они, гоняясь одинъ за другимъ и за маленькими рыбками, перебѣгали съ мѣста на мѣсто.

Вотъ лучъ солнца случайно упалъ на одиноко лежащій на пескѣ прозрачный камешекъ, который, сверкнувъ, точно вспыхнулъ въ водѣ. Блёстокъ этотъ обратилъ на себя вниманіе одновременно двухъ неподалеку сидѣвшихъ крабовъ, которые немедленно же стали приближаться къ нему, направляясь подъ угломъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Сначала они двигались медленно, по временамъ останавливаясь и какъ бы скрывая свое движеніе; но когда до блестящей точки оставалось уже не больше двухъ-трехъ аршинъ отъ каждаго, крабы вдругъ стремительно ринулись къ своей цѣли и, достигнувъ ея въ одинъ и тотъ же моментъ, съ разбѣга стукнулись другъ о друга и немедленно же сцѣпились клешнями, закрывъ своими

[1]) Carcinus moenas.

тѣльцами блестящій камешекъ раздора и, повидимому позабывши совсѣмъ о немъ. Крабы нѣкоторое время покопошились на одномъ мѣстѣ, но затѣмъ сконфуженно расползлись въ разныя стороны: одинъ изъ нихъ не досчитывался третьей отъ головы ножки справа, другой волочилъ по дну раненую переднюю ножку, судорожно сжимая и разжимая обезсилѣвшую клешню.

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ бойцовъ происходило въ то же время нѣчто другое.

У основанія большого подводнаго камня, въ сторонѣ, обращенной прямо къ востоку и потому залитой теперь свѣтомъ, не выше какъ на одну четверть отъ дна приросла жемчугоносная перловица. Она раскрыла до половины свои красивыя створки и, слегка колебля верхнюю, наслаждалась прохладой и яркимъ сіяніемъ солнца. При этомъ внутренній слой створокъ, состоящій изъ волнисто-складчатыхъ пластинокъ перламутра, вслѣдствіе интерференціи свѣта, горѣлъ и переливалъ всѣми цвѣтами радуги.

Перловицу эту замѣтилъ пробѣгавшій недалеко большой черно-зеленый крабъ, который сейчасъ же остановился и, какъ-то съежившись, присѣлъ за волнообразною грядочкой песку. Аппетитъ хищника, видимо, разгорался и онъ окончательно порѣшилъ позавтракать перловицей.

Но какъ ее добыть? Крабъ, очевидно, охотился на подобную дичь не впервые, а потому хорошо зналъ, что если полѣзть напрямикъ, по-медвѣжьи, то изъ этого ровно ничего путнаго не выйдетъ, такъ какъ перловица, почуявъ врага, захлопнетъ свои твердыя створки, прежде чѣмъ нападающій достигнетъ до нея.

И вотъ десятиногій Мольтке, по мудрому правилу войны: „до чего не можешь дойти прямымъ путемъ, отправляйся

въ обходъ", порѣшилъ употребить хитрость. Онъ, повидимому, совсѣмъ беззаботно и не торопясь прослѣдовалъ мимо будущаго своего завтрака и сталъ отъ него удаляться. Но пройдя въ бокъ настолько, что уже перересталъ быть замѣтнымъ перловицѣ, онъ стремительно понесся напрямикъ къ камню и, достигнувъ его, сталъ осторожно бочкомъ подвигаться къ ракушкѣ, держась все время у нижняго края скалы. Черезъ нѣсколько минутъ не замѣченный до сихъ поръ перловицей разбойникъ былъ уже прямо подъ нею. Завтракъ находился такъ близко: онъ висѣлъ въ перламутровомъ блюдѣ надъ самою головой обжоры. Пройдя еще немного въ сторону, крабъ сталъ карабкаться по неровностямъ камня къ своей лакомой цѣли. Вотъ онъ уже у самаго замка такъ аппетитно отворенныхъ створокъ моллюска... Большая передняя лапочка съ клешней уже потянулась къ отверстію, чтобы быстрымъ движеніемъ затѣмъ выхватить изъ него вкусное мягкое тѣльце. Колючіе пальцы клешни уже хищно раскрылись... Мгновенно мелькнула эта клешня къ отверстію ракушки, но... ударъ оказался невѣрнымъ! Едва только постороннее тѣло коснулось края нижней створки, какъ верхняя быстро захлопнулась, и несчастный крабъ, не успѣвшій въ пылу столь много обѣщавшей охоты выхватить назадъ свою ножку, повисъ въ водѣ на этой одной ущемленной ногѣ и сталъ судорожно биться, взывая ко всѣмъ земнымъ и небеснымъ богамъ.

Но тяжъ перловицы былъ точно вылитъ изъ стали: чѣмъ больше бился крабъ отъ сильной боли, тѣмъ глубже врѣзывались острые края створокъ въ самую середину его клешни. Прошло еще нѣсколько мучительныхъ секундъ, прежде чѣмъ точно ножомъ разрѣзанная пополамъ

клешня отдѣлилась отъ ненавистной теперь перловицы, а измученный, полумертвый отъ боли, страха и усталости лакомка-хищникъ повалился къ подножію камня. Онъ пролежалъ нѣсколько минутъ безъ движенія и, наконецъ, приподнявъ кверху свою раненую ножку съ одною половинкой клешни, постыдно бѣжалъ съ мѣста охоты. Хорошо еще, что, занятые каждый своимъ дѣломъ, другіе обитатели моря не замѣтили понесеннаго крабомъ фіаско!

Не видѣла его и небольшая стая тарелкообразныхъ буро-сѣрыхъ съ одной и безцвѣтныхъ съ другой стороны камбалъ [1]), которыя чопорно и не торопясь проплывали въ этотъ самый моментъ надъ мѣстомъ пораженія горемыки-сластены, направляясь къ открытому морю. Онѣ, какъ и всегда, плыли на безцвѣтномъ боку, оборотясь кверху окрашенной стороной тѣла, на которой насажены въ изобиліи тупыя костяныя бородавки; а такъ какъ на этой же сторонѣ у нихъ лежатъ оба глаза и ноздри, то и неудивительно, что все, совершавшееся ниже той плоскости, по которой онѣ плыли, осталось для нихъ не замѣченнымъ.

Итакъ, подводная жизнь, невзирая на совершенное ея безмолвіе и тишину, протекала точно такъ же, какъ и полная гомона, трескучихъ фразъ и всякихъ нѣжныхъ и рѣзкихъ для уха звуковъ жизнь на землѣ: та же борьба сильныхъ и слабыхъ, хитрыхъ и глупыхъ, хищныхъ и добрыхъ; тѣ же раздоры изъ-за первой брошенной кости; то же: «я съѣмъ тебя, чтобы не быть съѣденнымъ тобою»; тѣ же коварство, разбой, аппетиты, стремленія... Словомъ, и здѣсь, какъ и тамъ, все та же, какъ міръ старая, какъ міръ неизмѣнная, «война всѣхъ противъ

---

[1]) Rhombus maeoticus.

всѣхъ» («bellum omnium contra omnes») со всѣми вѣковыми подробностями этой упорной, безконечной войны! «Vae victis!»—вотъ девизъ всякой жизни отъ совершеннѣйшаго изъ существъ, царя вселенной, человѣка, и до ничтожнаго обитателя морского дна, моллюска! Едва ли не единственный, непреложный законъ, не знающій притомъ никогда и нигдѣ исключеній!

А пока все описанное происходило въ чистыхъ прозрачныхъ нѣдрахъ изумрудной глубины, скользившая по гладкой ея поверхности лодочка, миновавъ нѣсколько узкихъ проходовъ между глыбами, приблизилась къ скалѣ башенъ и вошла въ небольшую бухточку, окруженную съ трехъ сторонъ выдвинувшимися изъ воды обломками камней, а съ четвертой — имѣвшую длинный извилистый проходъ въ открытое море.

Перерѣзавъ наискось бухту, лодка направилась къ самой крайней изъ глыбъ, одиноко торчавшей нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, противъ перваго уступа береговой скалы съ башней Торселло. Оттуда эта глыба казалась совсѣмъ неприступной, такъ какъ гладкій блестящій камень, не меньше трехъ саженъ вышиною, съ точно искусственно сдѣланными въ видѣ зубцовъ зазубринами на самомъ верху, подымался изъ воды совершенно отвѣсною стѣной.

На самомъ же дѣлѣ она не была неприступна, потому что съ противоположной, обращенной къ открытому морю, стороны глыба эта, понижаясь постепенно къ его уровню, заканчивалась небольшою почти ровною площадкой, возвышавшеюся надъ водой не больше какъ на три четверти аршина и представлявшею изъ себя полукруглую терраску, на которой свободно могло помѣститься два - три десятка людей. Съ терраски этой можно было удобно

подняться по уступамъ до самаго края глыбы, обращеннаго къ башнѣ Торсело и въ отверстія между зубцами, оставаясь самому не замѣченнымъ, видѣть всю бухту и окаймляющую ее береговую скалу.

Въ лодкѣ сидѣло двое татаръ: на веслахъ — молодой рослый брюнетъ съ орлинымъ носомъ и ослѣпительно бѣлыми зубами, красиво оттѣненными небольшими, какъ смоль черными усами. Черная куртка, въ родѣ жилета, съ короткими рукавами, обложенная тонкимъ краснымъ шнуркомъ, стягивала его гибкій красивый станъ, а на головѣ, невзирая на начинавшуюся жару, была надѣта небольшая барашковая шапочка съ вышитымъ бисеромъ маленькимъ кружкомъ на верху. Широкіе рукава бѣлой рубахи были засучены до самыхъ локтей для того, чтобы удобнѣе было гресть, а сильные, ясно выдѣлявшіеся мускулы рукъ, когда онъ напрягалъ ихъ, работая веслами, казались вылитыми изъ бронзы. Онъ былъ искуснымъ и ловкимъ гребцомъ, такъ какъ весла, то врѣзываясь въ воду, то равномѣрно вздымаясь надъ ней, точно крылья, не давали ни одной брызги, а лодка быстро и плавно неслась впередъ безъ всякихъ толчковъ. Товарищъ его, правившій рулемъ, былъ старше и проще на видъ: синяя куртка его и такія же шаровары мѣстами совсѣмъ порыжѣли отъ солнца, а большая косматая баранья шапка, неуклюже нахлобученная на самый лобъ, сильно безобразили его вовсе еще не старое лицо. Совершенно подъ цвѣтъ этому порыжѣвшему костюму и мохнатому мѣху на головѣ была и борода рулевого, хотя и темная, но съ сильнымъ рыжевато-краснымъ оттѣнкомъ. Онъ сидѣлъ согнувшись, точно его давила книзу тяжелая шапка, и сосредоточенно правилъ рулемъ.

Товарищи долгое время плыли молча или перекидываясь по временамъ только отрывистыми фразами, но когда лодка, миновавъ загроможденное камнями пространство, вошла въ бухточку, между ними завязался разговоръ.

— Вотъ здѣсь, Ибрагимъ, всегда стоялъ этотъ корабль,—сказалъ рулевой.

— Какой корабль, Селяметъ?—спросилъ тотъ, взмахивая веслами.

— Тотъ, о которомъ разсказывалъ въ своей пѣснѣ старый Хайдаръ. Ты развѣ не помнишь, о какихъ удивительныхъ вещахъ пѣлъ тогда этотъ уважаемый ага? Его глазъ зорче орлинаго, потому что видитъ все, что теперь дѣлается выше самыхъ высокихъ облаковъ и что дѣлалось въ старину, когда еще ни дѣдовъ нашихъ, ни прадѣдовъ вовсе не было на свѣтѣ; а ухо — болѣе чуткое, чѣмъ у дикой козы: оно хорошо слышитъ, какъ хрустятъ въ могилахъ кости покойниковъ, дѣти которыхъ осмѣливаются на землѣ сказать о нихъ что-либо непочтительное. Бѣлому, какъ самый бѣлый зимній снѣгъ на вершинѣ горы, Хайдару все бѣло: для него нѣтъ ничего темнаго, неяснаго; ему открыто даже больше того, сколько знаетъ нашъ мудрый таракташскій мулла-эфенди, Мухамедъ-Мухамъ, а ты вѣдь хорошо знаешь, что онъ мудрѣйшій изъ муллъ, надъ муллами мулла, которому равнаго нѣтъ ни въ Отузахъ, ни въ Козахъ, ни въ Айсавахъ,—словомъ, нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ.

— Это все я хорошо знаю,—отвѣчалъ Ибрагимъ, продолжавшій все время грести, — и все же таки не знаю, о какомъ такомъ кораблѣ ты толкуешь.

Селяметъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на товарища и, покачавъ головой, сказалъ:

Вѣроятно, ты, Ибрагимъ-Али, сынъ Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу, или оглохъ послѣ того, какъ не спалъ сегодня всю ночь, хотя мы въ это время и наловили половину лодки устрицъ, или же—да не будетъ это мое предположеніе справедливымъ!—черный воронъ сдѣлалъ тридцать-три круга надъ твоей головой и закрутилъ тридцати-трехколѣннымъ узломъ твои мысли, такъ что ты перестаиъ понимать то, что видишь и слышишь.

— Нѣтъ, Селяметъ-Батыръ,—возразилъ юноша съ легкою усмѣшкой,—все это не такъ: и въ ухо мое не влѣзъ таракапъ, и въ мысляхъ моихъ яснѣе, чѣмъ въ закопченной сажей трубѣ, когда ее зимой прикрываютъ сверху крышкой для того, чтобы дождь и снѣгъ не попадали въ печь. А я не знаю, о какомъ кораблѣ ты завелъ рѣчь, потому что не слышалъ, что о немъ разсказывалъ въ пѣснѣ старый Хайдаръ.

— Удивительныя вещи ты говоришь, Ибрагимъ!—воскликнулъ Селяметъ.—Развѣ же ты не помнишь, что это было на свадьбѣ, когда нашъ богачъ Мустафа-Искакъ-оглу выдавалъ свою старшую дочь, Аскай, за сына Куртдедэ-Мустафы-Джафара-оглу, Халиля? Вѣдь и ты же былъ на этой богатой свадьбѣ, потому что тамъ были всѣ татары, живущіе на тридцать верстъ въ окружности. Такой богатой свадьбы давно не бывало въ Крыму; мы вчетверомъ: Абла, Менали, Османъ и я, едва успѣвали въ восьми печкахъ жарить шашлыки для гостей и я знаю, что на одни шашлыки Мустафа-Искакъ-оглу приказалъ зарѣзать изъ своего стада столько лучшихъ барановъ, сколько глазъ, ушей, носовъ, рукъ и ногъ у жениха и невѣсты вдвоемъ! Пять дауловъ гудѣли цѣлыхъ пять дней подъ-рядъ въ разныхъ концахъ Тарakташа! Это была на-

стоящая музыка: я цѣлую недѣлю послѣ этой свадьбы плохо слышалъ, потому что въ ушахъ у меня, какъ въ пустой бочкѣ, когда ее катятъ по камнямъ, гремѣли все время даулы. А другой мой товарищъ, шашлышникъ Менали, совсѣмъ оглохъ на лѣвое ухо, потому что около него слѣва стоялъ самъ Муртаза, который дѣлалъ чудеса на своемъ знаменитомъ даулѣ. Хорошая была свадьба! Богатая свадьба! Говорятъ, всѣ мурзаки завидовали, а ихъ тамъ было почти столько же, сколько барановъ зарѣзали мы для шашлыковъ.

— Вижу, что свадьба была настоящая, — согласился Ибрагимъ, и продолжалъ: — Но еще я ясно вижу и то, что память у тебя, Селяметъ-Батыръ, такая же длинная и такая же толстая, какъ хвостъ у самой молодой блохи, если ты забылъ, что я не могъ быть въ числѣ гостей на этой свадьбѣ, такъ какъ накапунѣ мой старый бабай, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, сломалъ себѣ ногу и съ тѣхъ поръ именно не можетъ уже ѣздить на ловлю устрицъ и рыбы. Мнѣ еще болѣе удивительно, что ты забылъ это, такъ какъ съ тѣхъ поръ я пригласилъ тебя въ компанію продолжать привычный промыселъ моего отца, который и меня научилъ ему. Вы всѣ тогда веселились, для васъ всѣхъ солнце сыпало золото, а луна— серебро, а мой бѣдный бабай страдалъ отъ жестокой боли. Вы слушали хорошую музыку и своею радостью увеличивали рѣку радостей, которая текла въ домахъ Мустафы-Искака и Куртдедэ-Джафара, а мы съ бѣдной моей матерью жестоко терзались оттого, что наши вздохи и грусть не могли, хотя бы на крупицу, облегчить страданій нашего старика... Да, это были тяжелые дни печали, и хвала Аллаху и заступнику всѣхъ

правовѣрныхъ пророку Магомету, что они уже давно миновали.

— Твоя правда, Ибрагимъ, я позабылъ, что тогдашніе веселые дни были для васъ днями великаго горя. Очень жалко, что ты не слыхалъ, какія удивительныя и складныя слова говорили губы Хайдара въ то время, какъ скрипка его громко и жалостно пѣла.

— Какой же это корабль?—поинтересовался Ибрагимъ.

— А вотъ какой: Хайдаръ разсказывалъ, что въ очень стародавнія времена въ самой верхней изъ этихъ трехъ башенъ жила одна могущественная повелительница. Она была молодая дѣвушка рѣдкой красоты. Оттого башня и посейчасъ называется «Кызъ-Куле». У этой самой повелительницы внизу подъ башней, гдѣ мы теперь плывемъ, всегда стоялъ корабль. Корабль этотъ былъ незамѣтенъ на морѣ, такъ какъ онъ весь былъ зеленый, какъ и морская вода. Такого же цвѣта у него были и паруса, но только на нихъ были нашиты серебряные знаки. Вотъ почему и теперь еще старики называютъ эту бухту «бухтой зеленаго корабля-невидимки».

— Послушай, Селяметъ,—перебилъ его Ибрагимъ, заинтересованный разсказомъ товарища,—а какъ же этотъ удивительный корабль могъ невредимо для себя оставаться среди этихъ камней у самой скалы, гдѣ очень рѣдко бываетъ такъ, какъ теперь, а всегда бушуетъ прибой? Вѣдь онъ каждый день сотни разъ долженъ былъ обратиться въ мелкія щепки?

— Онъ оставался невредимъ тутъ потому, что онъ не стоялъ на водѣ, а висѣлъ на воздухѣ, хотя и прикасался къ водѣ.

Ибрагимъ послѣ этихъ словъ перестал грести и въ изумленіи развелъ руками.

— Сначала я все понималъ ясно, что ты мнѣ разсказывалъ,—произнесъ онъ,—а теперь ты заставляешь меня читать неизвѣстную книгу, написанную на невѣдомомъ для меня языкѣ, да еще съ туго завязанными глазами.

— Одинъ только Аллахъ всевѣдущъ,—поспѣшилъ оговориться Селяметъ, — но Хайдаръ разсказывалъ, что корабль этотъ висѣлъ на желѣзныхъ цѣпяхъ съ кольцами... Можетъ быть, онъ и еще что-нибудь говорилъ, но я теперь или позабылъ, или тогда прослушалъ... Но только о цѣпяхъ и о кольцахъ это вѣрно, что онъ такъ пѣлъ.

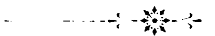
Разговоръ на этомъ прекратился. Въ нѣсколькихъ шагахъ уже стояла глыба съ пологою террaской, къ которой Селяметъ и направилъ лодку.

Черезъ нѣсколько минутъ пловцы уже высадились на нее и, зацѣпивъ за одинъ изъ выступовъ глыбы якорь, стали переносить изъ лодки мокрыя снасти.

Ибрагимъ и Селяметъ для того высадились на терраску, чтобы привести въ извѣстность результаты ночной ловли. Сосѣдній баринъ съ дачи, по ту сторону скалы, заказалъ имъ къ сегодняшнему утру нѣсколько тысячъ устрицъ и они торопились разобрать пойманное, чтобы сейчасъ же доставить заказъ. Пока Ибрагимъ разстилалъ на терраскѣ для просушки нѣсколько небольшихъ сѣтей, каждая въ видѣ продолговатаго и довольно длиннаго мѣшка со вставленной въ отверстіе его двойною желѣзною рѣшеткой, перекладины которой имѣли острые края, Селяметъ опять вошелъ въ лодку и разбиралъ наваленную посрединѣ ея груду мокрыхъ и грязныхъ на видъ устрицъ. Въ грудѣ этой вмѣстѣ съ устрицами было много разнообразныхъ

раковинъ и камней, которые Селяметъ сейчасъ же бросалъ въ воду; впрочемъ, болѣе крупныя и красивыя изъ раковинъ онъ отбиралъ и складывалъ въ другомъ отдѣленіи лодки. Такая смѣсь въ грудѣ объясняется тѣмъ, что, когда устричную сѣть-волокушу тянутъ по дну для того, чтобы она острыми краями своей рѣшетки отдирала приросшихъ тамъ устрицъ, которыя затѣмъ вваливаются въ отверстіе сѣти, вмѣстѣ съ устрицами туда же попадаютъ и разные другіе предметы, лежащіе на днѣ моря по пути волокуши, а также моллюски, крабы и мелкая рыба.

Когда черезъ нѣкоторое время ловцы разобрали и привели въ порядокъ наполнявшую середину лодки кучу, то оказалось, что заказанное количество устрицъ было ими наловлено съ лихвой, а потому было рѣшено, чтобы Селяметъ немедленно же отвезъ ихъ на дачу заказчика, расположенную на самомъ берегу моря, верстахъ въ четырехъ отъ скалы башенъ. На возвратномъ пути Селяметъ долженъ былъ заѣхать опять за Ибрагимомъ, который оставался на терраскѣ съ сѣтями и хотѣлъ тѣмъ временемъ заняться здѣсь же ловлей жемчужницъ.

III.

Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу и его сынъ Ибрагимъ-Али.

Ибрагимъ-Али съ дѣтства выросъ на морѣ. Отецъ его Байкеттынъ - Умэръ-Аромазанъ-оглу съ самыхъ молодыхъ лѣтъ ушелъ изъ Таракташа и очень долго промышлялъ въ Ялтѣ ловлей рыбы и устрицъ. Онъ поселился въ одномъ изъ ближайшихъ къ городу татарскихъ поселковъ и сначала, пока сынъ былъ малъ, одинъ, а потомъ, когда

онъ подросъ, съ нимъ вдвоемъ усердно занялся привычнымъ промысломъ.

Если вообще татары не трусы, то отецъ Ибрагима даже среди татаръ, по всей справедливости, считался однимъ изъ самыхъ безстрашныхъ и опытныхъ ловцовъ. И дѣйствительно: какъ бы ни бушевало море, какъ бы силенъ ни былъ вѣтеръ, какъ бы темна ни была ночь,—Байкеттынъ спокойно поднималъ парусъ на своей крѣпкой, сплошь окованной желѣзомъ лодкѣ и отправлялся на ловлю, въ то время какъ другіе, сомнительно поглядывая на разсыпавшіеся бѣлоснѣжною пѣной валы, качали только головой.

Однажды на берегу, когда вдали на фонѣ черныхъ тучъ горизонта показалось въ бурю едва замѣтное бѣлое пятнышко, между двумя рыбаками-татарами, возившимися около своихъ лодокъ, произошелъ слѣдующій разговоръ. Одинъ изъ нихъ, Адыль, приставивъ козырькомъ руку къ глазамъ, долго и пристально вглядывался въ изборожденную волнами и точно кипѣвшую морскую даль и, наконецъ, сказалъ другому, чинившему здѣсь же на берегу свою сѣть:

— Османъ! Бахъ: ойана́ денызъ-ортасында́ быръ кайкъ гезе́й! Кымъ баръ онда́? [1])

— Да кому же теперь и быть тамъ, кромѣ Байкеттына-Умэръ-Аромазапа-оглу?—отвѣчалъ тотъ вопросомъ.—Всѣ другіе дома. Развѣ въ такую бурю можно выходить въ море? Голова дороже всей рыбы, сколько ея есть въ цѣломъ морѣ.

---

[1]) Османъ! Смотри: вонъ среди моря гуляетъ какая-то лодка! Кто это тамъ?

— А у него развѣ голова такая, что ея не стоитъ беречь? Дешевая?

— На головы цѣна всегда дорогая; рыба бываетъ дороже, дешевле, а головѣ всегда одна цѣна. И его голова не дешевле нашихъ головъ.

— Такъ отчего же онъ цѣнитъ ее какъ арбузную корку? Или шайтанъ погналъ его туда желѣзнымъ костылемъ?

— Потому что рыбы не тонутъ,—объснилъ собесѣдникъ совершенно серьезно.

— Такъ... Это ты правду сказалъ, что рыбы не тонутъ... А только бываютъ и головы такія, что въ самой дырявой торбѣ съ сѣномъ ума больше, чѣмъ въ нихъ. Такія головы и стоятъ не дороже арбузной корки. Вотъ, напримѣръ, твоя, сосѣдъ, голова совсѣмъ такая, потому что когда ей толкуютъ про человѣка, она думаетъ про рыбу.

— Послушай, Адыль, что я тебѣ скажу на это. Одинъ очень старый и очень начитанный эфенди торговалъ на базарѣ осла, про котораго продавецъ, хваля его, между прочимъ, говорилъ, что онъ очень понятливъ. Тогда эфенди вынулъ изъ-за пазухи Коранъ и, взявши лежавшій недалеко на землѣ капустный листъ, сталъ предъ осломъ, держа въ одной рукѣ священную книгу, а въ другой—этотъ листъ. Что же вышло? Эшекъ не обратилъ вниманія на Коранъ, капусту же выдернулъ изъ руки эфенди и сталъ жевать... Скажи теперь, сосѣдъ, какъ ты считаешь, умный это былъ оселъ?

Адыль мотнулъ головой и глубокомысленно отвѣтилъ:

— По-моему оселъ этотъ былъ точно такой же оселъ, какъ и всѣ другіе ослы на бѣломъ свѣтѣ, не мудрѣе и

не глупѣе другихъ: оселъ, какъ оселъ. потому что оселъ всегда и долженъ быть осломъ. Положимъ, это вѣрно, что Коранъ—самая умная книга изо всѣхъ, которыя когда либо были, есть и будутъ подъ луной; но для осла капустный листъ дороже цѣлой скирды Корановъ, ибо сокъ и вкусъ этого листа хорошо извѣстны ослиному языку, мудрости же корана ослиная голова не понимаетъ... Такъ я, сосѣдъ, полагаю.

— И всякій, кто только самъ не оселъ, скажетъ тебѣ и не совретъ, что ты правильно полагаешь.

— Такъ скажи же мнѣ, ради самой бороды Магомета, почему ты разсказалъ мнѣ объ этомъ ослѣ, котораго хотѣлъ купить, но не извѣстно, купилъ ли, тотъ старый и начитанный эфенди?—спросилъ Адыль, любопытство котораго было затронуто.

— Потому, сосѣдъ, что ты на этого осла похожъ такъ же, какъ эта моя рука вотъ на эту,—объявилъ Османъ, выставивъ впередъ сначала правую, а потомъ лѣвую руку.

— Ты, Османъ, кажется, не совсѣмъ хорошаго мнѣнія обо мнѣ,—произнесъ добродушно Адыль,—но это ничего, и я на тебя не въ претензіи... Вѣдь вотъ совы и летучія мыши думаютъ, что солнце — самая глупая и ненужная вещь на свѣтѣ, и никто же на нихъ за это не сердится, потому что всякая тварь и скотина живетъ по своей головѣ. Но ты мнѣ все же таки объясни, въ чемъ ты нашелъ сходство между мной и тѣмъ осломъ?

— Въ томъ, что мои слова насчетъ рыбъ были для тебя то же самое, что Коранъ для того осла; но ты, вмѣсто того, чтобы разспросить меня хорошенько и узнать, почему я сказалъ о рыбахъ, назвалъ мою голову

торбой съ сѣномъ, которая для твоего ума и глаза ближе и понятнѣе, какъ и капустный листъ для того осла былъ милѣе Корана.

— Вотъ я и понялъ. Хорошо... Значитъ, мы поквитались... А теперь, когда мы другъ друга угостили одинаково густымъ и душистымъ кофе, объясни же мнѣ, почему ты заговорилъ о рыбахъ, вмѣсто того, чтобы продолжать рѣчь о Байкеттынѣ-Умэръ-Аромазанѣ-оглу?

Между тѣмъ къ изощрявшимся отъ нечего дѣлать въ восточномъ остроуміи собесѣдникамъ подошло еще двa-три татарина. Они безмолвно опустились на корточки тутъ же на берегу около рыбаковъ и, задымивъ свои длинныя съ черешневыми чубуками трубки, стали слушать бесѣду пріятелей; при этомъ глаза ихъ были неподвижно устремлены вдаль и, не принимая сами никакого участія въ разговорѣ, они по временамъ только покачивали головами, то одобряя этимъ мѣткое слово собесѣдниковъ, то желая выразить этимъ свое удивленіе по поводу слышаннаго.

— А вотъ почему,—сказалъ Османъ:—ты, напримѣръ, Адыль, на чемъ отправляешься въ море на ловлю?

— На своей лодкѣ, которую купилъ три года тому назадъ у рыбака Лазаря.

— Хорошо. А Байкеттынъ-Умэръ на чемъ?

— Я думаю, что также не на терликѣ своей покойной бабки!—отвѣчалъ Адыль, который все еще не понималъ, къ чему клонятся эти вопросы, и уже начиналъ сердиться.

— А на чемъ же?—настаивалъ Османъ спокойно.

— Да также на лодкѣ.

— Совсѣмъ нѣтъ: на рыбѣ.

— На какой рыбѣ?—вскричалъ Адыль.—Что ты тамъ толкуешь, сосѣдъ, глупости?

— Да, на рыбѣ... Только рыба эта и ему самому, и намъ всѣмъ кажется лодкой.

И Адыль, и безмолвно сидѣвшіе на корточкахъ слушатели при этихъ словахъ изобразили изъ себя вопросительные знаки и молча хлопали глазами.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Байкеттынъ спасъ отъ гибели двухъ благочестивыхъ муллъ, которые, возвращаясь одновременно съ нимъ изъ священнаго путешествія въ Мекку, плыли на той же качермѣ изъ Стамбула въ Кафу. Ночью качерму эту сильный вѣтеръ и темнота пригнали къ судакскимъ скаламъ, и тамъ она на разсвѣтѣ разбилась о подводные камни. Байкеттынъ, прежде чѣмъ судно погрузилось въ воду, успѣлъ раздѣться, и такъ какъ въ умѣніи плавать онъ можетъ поспорить съ любою водяною птицей, то онъ спокойно ожидалъ, когда наступитъ моментъ спасаться.

«— Ты счастливый,—сказали ему при этомъ старики-муллы, готовившіеся уже переселиться въ надзвѣздные сады Магометова рая на самомъ высокомъ, седьмомъ, изъ небесъ,—потому что ты—дерево, а мы—топоры.

«— Если топоры воткнуть въ большое дерево, то и топоръ будетъ плавать,—отвѣтилъ имъ Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу и, снявши длинныя зеленыя полотенца съ чалмъ обоихъ муллъ, связалъ ихъ вмѣстѣ и одинъ конецъ привязалъ къ большой деревянной скамьѣ, а мулламъ посовѣтовалъ схватиться за эту скамью и въ остальномъ поручить себя милосердію Аллаха и святымъ молитвамъ Его величайшаго и не имѣющаго себѣ равнаго пророка. Другой конецъ этой зеленой ленты Байкеттынъ

обвязалъ вокругъ своего тѣла. Муллы въ точности исполнили приказаніе самимъ Аллахомъ посланнаго имъ за ихъ праведную и мудрую жизнь товарища, и Байкеттынъ выплылъ на берегъ самъ и притянулъ за собой и скамью, къ которой точно приросли съ обѣихъ сторонъ старики-муллы. Когда же муллы обсохли на берегу и, повязавъ опять головы тѣми же полотенцами, собрались продолжать свой путь пѣшкомъ, одинъ изъ нихъ, болѣе старый и какъ серебро бѣлый, сказалъ этому самому Байкеттыну-Умэръ-Аромазану-оглу такое слово:

«— Вотъ что говоритъ пророкъ моими старыми губами, которыя при этомъ вовсе не касаются грѣшной кости, такъ какъ во рту моемъ всякій теперь нашелъ бы столько же зубовъ, сколько и листьевъ на деревѣ въ концѣ суровой зимы: ихъ давно уже нѣтъ ни одного. За то, что ты, когда нужно было спасаться, подумалъ не объ одномъ только себѣ, а вспомнилъ и о насъ, старикахъ, и за то, что, благодаря только тебѣ, глаза моихъ правнуковъ, а его внуковъ еще будутъ видѣть наши сѣдыя бороды до того дня, когда, по волѣ Аллаха, начертанной въ книгѣ судебъ при сотвореніи міра и всего живущаго здѣсь, свѣтъ жизни потухнетъ въ нашихъ глазахъ, а старыя кости попросятся лечь въ землю рядомъ съ костями нашихъ отцовъ, —ты будешь награжденъ пророкомъ за добро такимъ же добромъ. Иди теперь по той дорогѣ, которую самъ изберешь, и у перваго человѣка,—все равно будетъ ли это гяуръ, или правовѣрный татаринъ,—спроси, нѣтъ ли у него лодки, которую бы онъ пожелалъ продать тебѣ. И если онъ скажетъ: «есть», то купи, не торгуясь, хотя бы онъ запросилъ за нее даже такую сумму денегъ, за которую можно было бы купить два большихъ бар-

каса. Знай, что на этой лодкѣ ты можешь потомъ въ какую угодно бурю плыть ночью и днемъ, и волны морскія никогда не поглотятъ ее вмѣстѣ съ тобой. Но помни, что прежде всего ты долженъ будешь эту лодку оковать всю желѣзомъ. Помни, Байкеттынъ, это слово мое и знай, что это будетъ не лодка, а рыба, которая по молитвѣ пророка и волѣ Аллаха будетъ служить тебѣ до конца дней твоихъ. Теперь Богъ помогъ намъ заплатить тебѣ равною цѣной за твое добро... Прощай!»

И старики, не говоря больше ни слова, ушли и скоро скрылись изъ вида.

Разсказъ этотъ удивилъ слушателей. Сидѣвшіе на корточкахъ въ раздумьи качали головами, а Адыль даже усумнился.

— Откуда, сосѣдъ, ты узналъ эти удивительныя вещи, которыя мы сейчасъ выслушали?—спросилъ онъ.

— Оттуда же, откуда узнали и вы: вамъ разсказалъ я, а мнѣ разсказали люди.

— Слушай, Османъ, да правда ли все это?

— Такая же правда, какъ и то, что я не ишекъ, чтобъ ревѣть попустому.

— Удивительно! Одинъ только Аллахъ и всевѣдущъ... Но странно, что глаза мои видятъ лодку, а умъ долженъ думать про рыбу. И если я этому долженъ повѣрить, то пусть же никто не удивится, когда глазъ мой будетъ смотрѣть на тебя, Османъ, а умъ станетъ думать о той самой трещоткѣ, которою сторожъ въ саду трещитъ и гремитъ, пугая всякую птицу!

— Ты, Адыль, вольнодумецъ и вѣроотступникъ, если не вѣришь, чтобы рыба могла стать лодкой... Спроси любого муллу, и онъ тебѣ разскажетъ, что человѣкъ часто

можетъ принять образъ звѣря, а всякій звѣрь — стать вещью. Вѣдь это все дѣлается по волѣ Аллаха, а развѣ есть что-нибудь такое, что невозможно для Его воли?

Этотъ доводъ окончательно сразилъ вольнодумца Адыля. Онъ смолкъ и больше уже не сомнѣвался, а только зорче сталъ разглядывать значительно уже приблизившуюся къ берегу лодку Байкеттынъ-Умэръ-Аромазана-оглу.

Въ тотъ же день къ вечеру буря разыгралась еще сильнѣе, и всѣ рыбаки должны были бездѣйствовать на берегу. Человѣкъ двадцать ихъ собралось въ одномъ обыкновенно посѣщаемомъ всѣми хану, и въ то время, какъ прочіе безмолвно потягивали изъ маленькихъ чашечекъ густой черный кофе, Адыль монотонно и не торопясь передавалъ имъ этотъ же самый разсказъ съ гораздо большими подробностями.

Окончивъ его, онъ не сталъ даже спорить, а только посмотрѣлъ презрительно на одного изъ товарищей, который такъ же, какъ и онъ самъ утромъ, высказалъ какое-то сомнѣніе по поводу этого разсказа.

Прошло еще нѣсколько дней, и молва окончательно сдѣлала Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу обладателемъ рыбы, превращенной въ лодку. Объ этомъ вопросѣ скоро даже перестали и говорить вовсе: къ чему же болтать о томъ, что всѣмъ извѣстно и ясно, какъ день?!

А около такого отца, какимъ былъ Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, и изъ Ибрагима-Али вышелъ также безстрашный рыбакъ и замѣчательный пловецъ.

Едва только мальчикъ поднялся настолько, что могъ уже помогать отцу въ его постоянныхъ скитаніяхъ по морю, Байкеттынъ сталъ брать его съ собою въ море и съ тѣхъ поръ ловъ у него пошелъ гораздо успѣшнѣе. А

когда лѣтомъ отецъ почему-нибудь не выѣзжалъ на промысель, Ибрагимъ отправлялся на берегъ и высматривалъ, когда покажется дымокъ парохода. Замѣтивши его, онъ спѣшилъ раздѣваться, пряталъ одежду гдѣ-нибудь подъ камнемъ и, бросившись въ воду, плылъ къ ближайшему къ мѣсту остановки парохода бакену, на которомъ садился, ожидая, пока пароходъ броситъ якорь и первая суета и движеніе успокоятся. Тогда онъ подплывалъ къ пароходу и, ныряя подъ нимъ съ одной стороны на другую, удивлялъ всѣхъ своею ловкостью и искусствомъ. При этомъ онъ выставлялся по временамъ изъ воды до пояса и, обращаясь къ слѣдившимъ за нимъ съ палубы парохода пассажирамъ, говорилъ:

— Чорбаджи! Бросай, джанымъ, бѣлый ахча на вода: мэнъ топаджахымъ! [1])

Серебряныя монеты одна за другой летѣли съ палубы парохода и едва успѣвали погрузиться въ воду, какъ ловкій мальчикъ, ныряя какъ утка, ловилъ ихъ и пряталъ въ привѣшенный на шеѣ мѣшочекъ, отверстіе котораго туго стягивалось продѣтою внутри подрубки его края резинкой. Такія упражненія продолжались по два и по три часа, и мальчикъ все время держался, какъ пробка, на поверхности воды, то и дѣло ныряя иногда до самаго дна. По временамъ только, желая отдохнуть, Ибрагимъ подплывалъ къ рулю и садился на нѣсколько минутъ на верхнемъ краѣ его. При этомъ онъ обыкновенно кричалъ пассажирамъ:

— Тохта азгана... болдурдумъ... мэнъ оттураджахымъ! [2])

---

[1]) Джанымъ—пожалуйста; ахча—деньги; мэнъ топаджахымъ—я найду (будущее отъ глагола топмахъ—находить).

[2]) Подождите немножко... усталъ... посижу!

Этотъ оригинальный спортъ приносилъ мальчику хорошій доходъ, когда пароходъ приходилъ въ удобное время и на палубѣ было много пассажировъ. Онъ набиралъ нерѣдко половину мѣшочка серебряныхъ монетъ. Тогда, возвратившись домой, онъ отдавалъ его матери и при этомъ важно говорилъ:

— На, посмотри: я наловилъ сегодня денегъ больше, чѣмъ бабай вчера рыбы!

Но Байкеттыну такой промыселъ сына былъ не по душѣ. Сначала онъ молчалъ, но, наконецъ, когда мальчикъ подросъ, онъ однажды сказалъ ему такъ:

— Больше ужъ ты не поплывешь къ пароходу: довольно попрошайничать... Хорошій человѣкъ не смѣетъ поднимать брошеннаго рукой другого. Бросающій въ правѣ думать, что брошенное будетъ поднято ртомъ, а не рукой, потому что съ земли подбираютъ отброски собаки, карги да проклятыя навѣки самимъ Магометомъ чушки... Подумай только объ этомъ, и ты самъ не захочешь получать подачки...

Съ этого дня Ибрагима больше не видали въ водѣ около парохода.

Но пріобрѣтенное съ дѣтства искусство нырять и довольно долго оставаться подъ водой принесло для Ибрагима-Али впослѣдствіи очень много пользы: онъ сталъ лучшимъ ловцомъ устрицъ и раковинъ. Никто изъ другихъ рыбаковъ не привозилъ столько этихъ моллюсковъ, такъ какъ всѣ прочіе закидывали свои сѣти-волокуши наугадъ и часто послѣ цѣлаго дня тяжелой работы добывали ихъ только нѣсколько десятковъ, тогда какъ Байкеттынъ-Умэръ съ сыномъ всегда возвращались съ моря съ хорошимъ уловомъ, потому что, прежде чѣмъ закидывать сѣти, Ибра-

гимъ-Али, ныряя, подробно обслѣдовалъ дно моря и начиналъ ловлю только тамъ, гдѣ эти моллюски оказывались въ достаточномъ количествѣ. При этомъ онъ собиралъ на днѣ попадавшіяся мѣстами въ изобиліи красивыя и рѣдкія раковины и продавалъ ихъ впослѣдствіи за хорошую цѣну.

Нѣсколько лѣтъ такой трудовой жизни дали возможность Байкеттыну скопить небольшой капиталъ, съ которымъ онъ могъ уже осуществить свою давнишнюю завѣтную мысль о покупкѣ куска земли съ домомъ и садомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Вернувшись въ свой родной Таракташъ, онъ купилъ тамъ у одного переселявшагося въ Турцію татарина по дешевой цѣнѣ просторный домъ и довольно большой кусокъ земли съ виноградникомъ и фруктовымъ садомъ. Теперь жизнь его маленькой семьи, состоявшей изъ жены Фяизи и единственнаго сына (двое другихъ дѣтей умерли), Ибрагима-Али, была уже навсегда хорошо обезпечена и Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу сталъ разумно пожинать плоды своей долгой трудовой жизни, утѣшаясь красавцемъ-сыномъ и пользуясь всеобщимъ уваженіемъ сосѣдей.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Однажды Байкеттынъ-Умэръ, глядя на Ибрагима, изъ котораго уже вышелъ бравый и красивый парень, сказалъ своей женѣ, когда они сидѣли, отдыхая, подъ тѣнистымъ деревомъ волошскаго орѣха въ своемъ саду, а сынъ недалеко на другомъ деревѣ стоялъ на вѣткѣ, собирая въ корзину орѣхи:

— Посмотри, Фяизя, Аллахъ намъ уже выростилъ Ибрагима...

— Хвала Аллаху, отцу всѣхъ насъ, дѣтей Его, за эту милость: Ибрагимъ уже мужчина,—сказала Фяизя, любовно глядя на сына.

— Онъ одинъ у насъ, Фяизя, потому что Аллахъ не захотѣлъ оставить намъ двухъ другихъ, бывшихъ раньше него, и взялъ ихъ къ Себѣ прежде, чѣмъ глазъ ихъ научился различать снѣгъ отъ грязи, а ухо—пѣсню отъ плача.

— И это—милость Его къ намъ: Онъ намъ приготовилъ ко дню своего суда двухъ защитниковъ. Когда ангелъ скажетъ имъ: «Входите въ рай», они отвѣтятъ: «Нѣтъ, безъ родителей нашихъ и намъ тамъ нѣтъ мѣста». Когда же ангелъ отвѣтитъ имъ на это: «Грѣхи вашихъ родителей не позволяютъ имъ переступить порогъ рая», тогда они громко и горько заплачутъ. И Судья царей и міровъ, услышавъ ихъ плачъ, сжалится и скажетъ: «Пусть эти дѣти, которыя не совершили на землѣ ни одного грѣха, отрутъ свои слезы и, взявши родителей своихъ за руку, поведутъ ихъ въ вѣчную обитель радостей!.. Пусть грѣшные родители войдутъ въ рай ради безгрѣшныхъ дѣтей! Такъ, Байкеттынъ, говорится въ той части Корана, которую пророкъ дозволилъ читать и намъ, женщинамъ [1]), и такъ все это и будетъ.

Глубокая вѣра въ непреложность своихъ словъ была разлита по лицу этой женщины-матери, утѣшавшей себя въ смерти двухъ своихъ первенцовъ.

— Это ты хорошо сказала, Фяизя,—произнесъ одобрительно Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу,—и да блеститъ и сіяетъ ярче всѣхъ звѣздъ, луны и солнца чудесное имя великаго пророка, который согрѣлъ твою душу своимъ пророческимъ словомъ и сердце матери просвѣтлилъ вѣрой мусульманки!.. Но онъ у насъ одинъ только...—

---

[1]) Знаніе Корана для женщинъ ограничено и часть его имъ не дозволяется вовсе читать.

продолжалъ задумчиво Байкеттынъ, который, видимо, велъ бесѣду съ какою-то опредѣленною мыслью, еще имъ не высказанною: онъ съ обычною восточною дипломатичностью подходилъ къ цѣли своей бесѣды осторожно, издалека.

— Такъ что же за бѣда, что одинъ?—перебила его жена.—Развѣ человѣкъ съ однимъ глазомъ—слѣпой? Онъ такъ же видитъ все, какъ и другіе, но зато одинъ этотъ глазъ всякій человѣкъ станетъ беречь и лелѣять заботливѣе и больше, чѣмъ берегъ бы его, если бы имѣлъ еще другой... Складывая же добро въ одинъ сундукъ, ты сложишь его вдвое больше, чѣмъ въ два, и втрое—чѣмъ въ три.

— И это правда твоя. Но дали ли мы ему все то добро, которое должны были давать съ дѣтства, чтобы впослѣдствіи онъ не устыдился назвать насъ своими родителями, а мы его—своимъ сыномъ?

— А развѣ нѣтъ?—горячо вступилась жена.—Не ты ли при рожденіи его закололъ двухъ барановъ и мясо ихъ не отдалъ ли бѣднякамъ, кромѣ одной ноги, которую должна была съѣсть я за то, что произвела его на свѣтъ? Не ты ли самъ обрилъ его голову потомъ и не отдалъ ли тѣмъ же бѣднякамъ столько золота, сколько вѣсили обритые волосы? Не ты ли семь первыхъ лунъ по семи разъ въ день шепталъ ему на ухо священныя изреченія Корана? Не я ли полныхъ два года со своимъ молокомъ переливала въ него частицу своей жизни? А развѣ я, вынося его изъ дому, не замазывала ему лица грязью, чтобы худой глазъ сосѣдки и завистливая похвала ея не испортили его? Не ты ли, когда Ибрагимъ подросъ, научилъ его священной заповѣди Корана: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Магометъ Его пророкъ»? Не ты ли

научилъ его передъ всякою ѣдой совершать омовеніе и молитву, а ѣсть правою рукой и немного? И не каждый ли день уши его слышали отъ тебя, что не слѣдуетъ говорить много, поворачиваться къ людямъ спиной, говорить о нихъ дурно и входить въ чужой домъ тихо и безъ разрѣшенія хозяина? Развѣ не мы оба оберегали его душу отъ корысти къ деньгамъ, какъ отъ укушенія змѣи или ядовитаго паука?.. Нѣтъ, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, мой мужъ и данный мнѣ пророкомъ по волѣ Аллаха повелитель,—ни тебѣ, его отцу, ни мнѣ, произведшей его на свѣтъ, нѣтъ никакой причины разрывать свою душу упреками, и когда кость нашихъ костей и плоть нашей плоти станетъ предъ лучезарнымъ лицомъ самого Аллаха на грозномъ и справедливомъ судѣ Его, ему на вопросъ Судьи не придется отвѣчать такъ, какъ тѣмъ дѣтямъ, о которыхъ говорится въ Коранѣ: «Отецъ не училъ насъ, какъ надо жить, а мать кормила насъ запрещенными яствами... пусть они отвѣчаютъ за насъ!»

— Онъ и для себя одинъ,—продолжалъ Байкеттынъ, выслушавши эту рѣчь жены.

— Нѣтъ, у него есть мы.

— Мы для него не то, что онъ для насъ.

— Отъ Мекки до Медины столько же шаговъ, сколько и отъ Медины до Мекки,—возразила Фяизя.

— Нѣтъ, жена, это не такъ. Ибрагиму нужна жена: она для него будетъ лучше, чѣмъ мы, потому что для человѣка никто не можетъ быть лучше хорошей жены. Не даромъ пророкъ самъ сказалъ: «Добродѣтельная жена лучше всѣхъ сокровищъ міра»,—говорилъ Байкеттынъ-Умэръ, дойдя, наконецъ, до истинной цѣли своей бесѣды съ женой.

Но Фяизя была другого мнѣнія.

— Человѣку безъ ноши на спинѣ, какъ коню, у котораго на ногахъ не надѣты тяжелыя желѣзныя путы, легче итти, чѣмъ человѣку съ ношей, или коню съ путами... Зачѣмъ такъ рано наваливать на шею нашего дитяти тяжесть? Пусть еще его голова не знаетъ крѣпкой думы, а сердце—скучной заботы! Ему еще рано завязывать руки...

— Одному буйволу арбу труднѣе везти въ гору, чѣмъ двумъ: нужно ему дать товарища въ помощь,—убѣждалъ мужъ.

— Зато буйволъ совсѣмъ безъ арбы пойдетъ еще веселѣе и легче.

— Ты, женщина, говоришь такъ потому, что не знаешь, что про женитьбу говорилъ пророкъ.

— А что же онъ говорилъ?

— Онъ встрѣтилъ однажды человѣка, у котораго борода была уже длинная, но видъ очень беззаботный. Пророкъ его спросилъ:

«— Ты имѣешь жену?

«— Нѣтъ, не имѣю,—отвѣчалъ тотъ.

«— Почему же ты ея не имѣешь? Развѣ женщинъ мало на свѣтѣ?

«— Не потому, что мало, а потому, что я не хочу ея имѣть.

«— Но ты, кажется, совсѣмъ здоровъ?

«— Здоровъ.

«— Такъ знай же, что ты въ родствѣ съ дьяволомъ: ты—его братъ.

«— Отчего ты меня такъ низко считаешь?

«— Потому что вотъ какъ говоритъ Аллахъ: «Нѣтъ

ничего хуже на свѣтѣ, какъ холостой мужчина, и самые дурные люди такъ и умираютъ холостыми. Пусть же знаютъ всѣ пренебрегающіе бракомъ, что дьяволъ силенъ только для нихъ!»

— Вотъ что объ этомъ говорилъ пророкъ.

Послѣдній доводъ окончательно убѣдилъ религіозную женщину.

— Я этого не знала, потому что объ этомъ, вѣроятно, говорится въ той части Корана, для которой у женщины не должно быть глазъ. Я говорила, что сама думала, а теперь буду думать иначе.

— Когда мнѣ было столько лѣтъ, сколько теперь Ибрагиму, а это дерево, на которомъ онъ стоитъ, собирая орѣхи, уже двадцать-четыре раза перемѣнило листья съ тѣхъ поръ, какъ подъ нашею крышею на четвертый годъ, какъ мы ушли отсюда въ Ялту, въ первый разъ былъ слышенъ его голосъ,—мой старый бабай подумалъ уже, чью дочь взять для меня въ жены.

Подумай и ты.

— Легче думать, когда прежде услышишь мудрое слово совѣта.

— Не мнѣ говорить тебѣ такое слово: вѣдь иголка тянетъ за собой нитку, а не нитка иголку.

— Ты—разумная женщина и добрая жена, Фяизя,—сказалъ Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, весьма довольный исходомъ бесѣды съ женой и тономъ ея послѣднихъ словъ,—и я не въ худой часъ и не глупое слово сказалъ, когда на слова твоего покойнаго отца (пусть честныя кости его мирно покоятся въ прохладной землѣ съ костями его предковъ!): «Выдаю за тебя, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, мою третью дочь, Фяизю, за та-

кое, какъ сказалъ твой бабай, приданое», отвѣтилъ: «Беру твою третью дочь, Фяизю, въ жены для себя во славу пророка!»

— Ты самъ—кроткій и ласковый господинъ мой, и я не стою твоей похвалы,—скромно отвѣтила жена.

— Пусть это слово совѣта мнѣ скажетъ нашъ мудрый и почтенный мулла Мухамедъ-Мухамъ-эфенди, а потомъ мы съ тобой, моя благословенная пророкомъ Фяизя, подумаемъ еще, что лучше и благоразумнѣе сдѣлать для нашего единственнаго ока, Ибрагима, которому пусть безъ конца милосердный Аллахъ пошлетъ свѣтлые дни и такую жену, какъ ты, моя лѣвая рука, безъ которой другая, правая, была бы только одной, малосильной и безпомощной!

— Твоя воля, господинъ: ты самъ лучше знаешь, что сдѣлать!

Такъ былъ рѣшенъ на родительскомъ совѣтѣ вопросъ о будущей женитьбѣ Ибрагима-Али, но выполненіе этого рѣшенія неожиданно затормозилось совершенно непредвидѣнными обстоятельствами. Вскорѣ послѣ этого разговора и прежде, чѣмъ Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу успѣлъ сходить къ муллѣ-эфенди, Мухамеду-Мухамъ, онъ случайно сорвался съ дерева и при паденіи сломалъ себѣ ногу.

Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а Байкеттынъ, не совсѣмъ оправившійся отъ долгой болѣзни, не выбралъ еще случая поговорить съ Мухамедомъ-Мухамъ и выслушать отъ него мудрое слово совѣта.

IV.

Днемъ—звѣзды!

Когда Селяметъ уплылъ, Ибрагимъ-Али, прежде чѣмъ забрасывать сѣти, захотѣлъ осмотрѣть всѣ подводныя стѣны и глыбы для того, чтобы узнать, съ какой стороны къ нимъ приросло больше раковинъ. Онъ раздѣлся и, бросившись въ воду, началъ нырять вокругъ глыбы. Оказалось, что раковинъ было очень много только съ той стороны, которая была обращена къ башнямъ и гдѣ вода была темнѣе всегда, такъ какъ при восходѣ солнца, какъ теперь, эта сторона была защищена отъ лучей тѣнью отъ самой глыбы, а при закатѣ заслонять отъ солнца должна была береговая скала съ башнями.

Море было такъ неподвижно-тихо и вода такъ прозрачна, что Ибрагимъ-Али вмѣсто того, чтобы забросить сѣти и заняться ловлей жемчужницъ, порѣшилъ воспользоваться такимъ рѣдкимъ удобнымъ моментомъ и обслѣдовать всю эту обыкновенно бурлящую прибоемъ бухточку. Онъ быстро и легко переплылъ пространство въ нѣсколько десятковъ саженей между глыбой и берегомъ и началъ свое изслѣдованіе вдоль главной скалы. Теперь это было особенно удобно и потому, что недавно взошедшее солнце стояло еще невысоко на небѣ прямо противъ этой отвѣсной стѣны, а лучи его сквозь прозрачную какъ стекло воду прекрасно освѣщали всю подводную часть скалы до самаго дна.

Ибрагимъ медленно и беззвучно проплывалъ вдоль скалы, внимательно вглядываясь въ глубь. Дно въ этомъ мѣстѣ все сплошь было усыпано мелкими разноцвѣтными камешками, а подводная часть береговой скалы была

гладко отполирована постояннымъ прибоемъ. Ни раковинъ, ни водорослей здѣсь не было вовсе: очевидно, это было слишкомъ неспокойное мѣсто даже и для такихъ нетребовательныхъ обитателей воднаго пространства.

Продолжая свои изслѣдованія, Ибрагимъ наткнулся на совершенно неожиданное для себя открытіе: оказалось, что прямо подъ Башней Дѣвы, у самого дна, которое здѣсь вдругъ понижалось воронкообразною котловиной, въ скалѣ была широкая расщелина. Расщелина эта была обращена прямо къ востоку и аркообразное отверстіе ея прекрасно освѣщалось еще косыми лучами невысокаго солнца. А такъ какъ съ поверхности моря, гдѣ плылъ Ибрагимъ, не было видно, насколько глубоко эта расщелина вдается въ толщу скалы, то онъ, вдохнувши въ себя достаточный запасъ воздуха, нырнулъ до самаго дна и убѣдился, что расщелина эта шириною при входѣ въ нѣсколько саженей вдавалась въ скалу по косому направленію вверхъ почти правильной и постепенно суживающейся вглубь аркой, окончанія которой, однако, отсюда не было видно. Ибрагимъ снова поднялся на поверхность моря и такъ какъ онъ плавалъ уже болѣе получаса, то направился къ глыбѣ съ терраской, чтобы отдохнуть тамъ и размыслить по поводу сдѣланнаго имъ только что открытія. Оно его озадачило. Онъ невольно поставилъ въ связь разсказъ Селямета о зеленомъ кораблѣ легендарной царицы-дѣвы съ этой аркой подъ скалой и притомъ именно подъ ея жилищемъ, и въ воображеніи его самъ собою всталъ вопросъ о томъ, не служила ли эта арка подводнымъ ходомъ въ неприступное съ моря обиталище этой чудесной дѣвы? Это предположеніе казалось ему еще тѣмъ вѣроятнѣе, что никакого сообщенія башни съ моремъ по

скалѣ не было вовсе, да и быть не могло: верхній уступъ скалы со стоящею на ней башней выдвигался сравнительно съ среднею ея частью нѣсколько впередъ надъ моремъ, и потому ни о какомъ спускѣ по ней внизъ съ этой стороны не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что такой отвѣсной формы своей скала, очевидно, перемѣнить не могла, сколько бы вѣковъ ни прошло со времени постройки на ней этой, теперь уже полуразвалившейся, башни.

Съ другой стороны, Ибрагимъ часто бывалъ наверху въ этой старинной башнѣ и вспомнилъ, что въ ея среднемъ залѣ находится какое-то прикрытое тонкими каменными плитами отверстіе, изъ темной глубины котораго постоянно слышится непрерывный плескъ воды. На этотъ плескъ онъ раньше, бывая въ башнѣ, какъ-то не обращалъ вниманія, но теперь это явленіе стало ему вдругъ совершенно понятнымъ: это несомнѣнно было движеніе волнъ, передававшееся подъ скалой чрезъ аркообразную расщелину и вовнутрь выходившаго въ залу башни каменнаго колодца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всматриваясь въ расположеніе стѣнъ башни и проводя мысленно прямую линію отъ ея подножья внизъ до самаго дна моря, Ибрагимъ-Али убѣдился, что этотъ проходъ подъ скалой не можетъ быть длиненъ, во всякомъ случаѣ, не длиннѣе нѣсколькихъ саженъ, такъ какъ, благодаря верхнему выступу скалы, башня почти висѣла надъ моремъ. И если отъ наружнаго входа въ эту расщелину подъ водой онъ не видѣлъ ея конца, то только потому, что лучи поднявшагося уже надъ горизонтомъ солнца, падая въ расщелину подъ тупымъ, а не острымъ угломъ, освѣщали только самый входъ въ нее и оставляли въ тѣни продолженіе. Все это

само по себѣ было теперь для него такъ очевидно, что Ибрагимъ порѣшилъ сейчасъ же, пользуясь рѣдкимъ въ этой бухточкѣ штилемъ, убѣдиться въ своемъ предположеніи воочію и проникнуть сквозь подводный входъ въ сообщающійся съ башней колодецъ. Одно только могло помѣшать задуманному имъ и сдѣлать это предпріятіе прямо опаснымъ: расщелина къ концу могла сузиться настолько, что пройти сквозь нее для того, чтобы подняться на поверхность воды въ колодцѣ, будетъ невозможно. Это, конечно, могло оказаться такъ и тогда хватитъ ли Ибрагиму запаса воздуха, чтобы повернуть назадъ и вынырнуть съ этой стороны скалы въ бухтѣ?

Но Ибрагимъ не даромъ слылъ за не имѣющаго себѣ равнаго пловца и не даромъ онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ удивлялъ пассажировъ останавливавшихся въ Ялтѣ пароходовъ своимъ замѣчательнымъ искусствомъ нырять и очень долго, болѣе полуторы минуты, оставаться подъ водой, а потому, если бы и въ самомъ дѣлѣ проходъ подъ скалой оказался слишкомъ узкимъ для того, чтобы пронырнуть сквозь него внутрь колодца, онъ вернется назадъ тѣмъ же путемъ, и на все это не потребуется времени больше полуторы минуты.

Поэтому, отдохнувши на террасѣ, Ибрагимъ безъ всякихъ колебаній приступилъ къ выполненію задуманнаго и, подплывъ къ скалѣ на нѣкоторое разстояніе, вдохнулъ въ себя полною грудью воздухъ и нырнулъ наискось для того, чтобы войти въ расщелину скалы съ полнаго разгона и, быстро двигаясь, пройти скорѣе сквозь этотъ подводный коридоръ.

Предположенія любознательнаго татарина оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Не прошло и минуты съ

момента погруженія его въ воду, какъ Ибрагимъ, проплывшій по оказавшемуся довольно широкимъ проходу, тронулся уже головой о каменную стѣну: длина прохода не превышала 15—20 шаговъ. Здѣсь, въ концѣ расщелины, было совершенно темно, и вода значительно холоднѣе, чѣмъ въ морѣ. Теперь Ибрагимъ сталъ быстро подниматься вверхъ. При этомъ въ головѣ его невольно мелькнула мысль: «А что, если выхода наружу здѣсь нѣтъ вовсе?» Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ допустить возможность этого и содрогнуться отъ ужаса своего положенія, какъ голова его уже оказалась въ безводномъ пространствѣ.

Онъ облегчилъ грудь отъ сдѣланнаго передъ погруженіемъ въ воду запаса воздуха и снова жадно вздохнулъ...

Теперь только, когда всякая опасность уже миновала и сдѣланное имъ первоначально предположеніе, хотя и казавшееся возможнымъ и правдоподобнымъ, но все же таки только предположеніе, оправдалось до мельчайшихъ подробностей,—Ибрагимъ, вообще не имѣвшій понятія о трусости, вдругъ содрогнулся отъ мысли, что онъ могъ ошибиться, и никакого сообщенія моря съ колодцемъ башни могло не оказаться вовсе. Онъ теперь только сознательно ощутилъ, что повернуть назадъ, проплыть опять весь этотъ проходъ и выплыть на ту сторону скалы у него не хватило бы силъ: онъ захлебнулся бы прежде, чѣмъ успѣлъ бы дойти до начала этого подводнаго коридора.

Ужасъ положенія представился теперь ему такъ ясно, что онъ едва ли не въ первый разъ въ жизни на секунду обомлѣлъ отъ совершенно незнакомаго для него до сихъ

поръ чувства томительнаго страха. Но... все уже миновало, и Ибрагимъ сталъ съ любопытствомъ изслѣдовать, гдѣ онъ очутился. Было совершенно темно. Но когда онъ поднялъ глаза кверху, то удивленію его не оказалось границъ: вдали надъ головой виднѣлся небольшой треугольникъ свѣта, а сквозь него въ недосягаемой высотѣ горѣли голубоватымъ огнемъ двѣ звѣздочки!

Ибрагимъ, незнакомый, конечно, вовсе съ подобнымъ совершенно нормальнымъ явленіемъ, заключающимся въ томъ, что днемъ, при самомъ даже яркомъ солнечномъ свѣтѣ, со дна глубокихъ шахтъ и колодцевъ ясно видны звѣзды на небѣ, не повѣрилъ своимъ глазамъ. Ему показалось, что онъ опустился подъ воду днемъ, а вынырнулъ ночью. Что виднѣвшійся наверху треугольникъ свѣта и былъ именно отверстіемъ выходящаго въ башню колодца, онъ не могъ, конечно, сомнѣваться еще и потому, что между двумя покрывавшими въ башнѣ этотъ колодецъ каменными плитами находилось именно точно такое отверстіе въ видѣ треугольника, сквозь которое онъ слышалъ плескъ воды въ глубинѣ. Онъ это превосходно помнилъ. Но какъ объяснить двѣ кротко горѣвшія въ высотѣ голубоватыя звѣздочки? Это продолжало оставаться для Ибрагима неразрѣшимой загадкой.

Поплававъ по разнымъ направленіямъ, татаринъ убѣдился, что колодецъ внизу достаточно просторенъ и имѣетъ почти круглую форму, глубина же его до дна, судя по тому, сколько времени онъ поднимался, выныряя вверхъ, была не особенно велика — не болѣе десяти-двѣнадцати саженъ: очевидно, уровень воды здѣсь былъ на той же плоскости, какъ и въ морѣ; но проходъ, какъ это Ибрагимъ и замѣтилъ, шелъ не прямо, а наискось и кверху.

Но наступила пора уже и возвратиться назадъ, тѣмъ болѣе, что вода въ колодцѣ была настолько холодна, что Ибрагима-Али начинала уже пробирать дрожь.

Теперь онъ совершенно увѣренно нырнулъ снова, и черезъ минуту поверхность воды въ бухточкѣ, въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ глыбы съ терраской, вдругъ всколыхнулась, и вслѣдъ затѣмъ показалась голова Ибрагима, который черезъ нѣсколько минутъ уже сталъ одѣваться на камнѣ.

V.

Видѣніе на скалѣ.

Ибрагимъ не на шутку продрогъ отъ продолжительнаго пребыванія въ колодцѣ, а потому, одѣвшись, онъ растянулся на терраскѣ, подложивъ подъ голову высохшія уже сѣти, и сталъ грѣться на начинавшемъ уже припекать солнышкѣ. Ловлю жемчужницъ онъ рѣшилъ отложить до другого времени, такъ какъ съ пологой стороны глыбы ихъ не было вовсе, а съ той, гдѣ ихъ было много, забрасывать сѣти и тащить ихъ одному было совсѣмъ неудобно: отвѣсъ глыбы здѣсь былъ очень высокъ, а зубчатые края его настолько узки, что стать на самомъ верху ихъ было совсѣмъ невозможно.

Лежа неподвижно на своей терраскѣ, Ибрагимъ задумался о слышанномъ имъ сегодня разсказѣ Селямета по поводу висѣвшаго въ этой бухточкѣ на цѣпяхъ зеленаго корабля-невидимки и его таинственной обладательницы, дѣвы рѣдкой красоты...

Кто была она? И куда, въ какія невѣдомыя моря умчалъ ее этотъ корабль? А этотъ подводный проходъ, со-

единявшій верхушку скалы съ моремъ?.. Кто сдѣлалъ его? И для чего? И какъ это слабые люди могли устроить такой глубокій колодецъ въ скалѣ и соединить его съ морскимъ дномъ? И почему это отсюда и отовсюду виденъ яркій солнечный день, а когда онъ смотрѣлъ изъ колодца наверхъ, то видѣлъ звѣздную ночь? Во всемъ этомъ кроется какая-то волшебная тайна,—но кто будетъ въ состояніи объяснить ее? Вѣрно, старый и мудрый Хайдаръ ее знаетъ... Вѣдь онъ, этотъ бѣлый старикъ, о которомъ Ибрагимъ давно уже слышалъ разныя удивительныя вещи, много, много знаетъ; онъ, — говоритъ Селяметъ, — все знаетъ...

Пріятное тепло и сладкая истома разлились по всему тѣлу Ибрагима. Послѣ безсонной ночи, проведенной имъ на ловлѣ устрицъ, глаза его стали слипаться, а мысли, убѣгая далеко, перепутываться, блѣднѣть, принимать совсѣмъ уже неясные, почти фантастическіе образы...

Вотъ гдѣ-то далеко, далеко вспыхнули и стали кротко мерцать двѣ голубоватыя звѣздочки... Ибрагимъ думалъ: откуда онѣ взялись? гдѣ это онѣ горятъ? Но вотъ уже звѣздочки стали приближаться. Одна изъ нихъ, болѣе свѣтлая, говоритъ:

«Ибрагимъ! это мой былъ корабль здѣсь... На немъ я уплыла по голубому воздушному морю туда, далеко, гдѣ ты меня увидѣлъ... А эта другая звѣздочка — моя младшая сестра... Хочешь, я тебѣ отдамъ ее въ жены? Ты открылъ нашу тайну!.. Никто изъ людей столько вѣковъ, сколько моя башня стоитъ здѣсь на этой скалѣ, не зналъ объ этомъ подводномъ проходѣ, который ты нашелъ теперь... Смотри же, не выдавай никому этой тайны... Пусть мы трое знаемъ ее!.. Если ты обѣщаешь сохранить

эту тайну, возьми мою младшую сестру себѣ въ жены... Вѣдь она такъ же прекрасна, какъ и я»...

И вдругъ обѣ звѣздочки потухли, и опять засіяло солнце; но съ той стороны, гдѣ онѣ были видны, сталъ доноситься какой-то пріятный голосъ, пѣвшій заунывную пѣсню...

Ибрагимъ никогда въ жизни еще не слыхалъ такого мелодичнаго, прямо въ душу идущаго голоса. Откуда льются эти нѣжные звуки? Отъ нихъ сердцу становится и грустно, и сладко, и такъ, что оно, кажется, вырвалось бы изъ груди, чтобы улетѣть вмѣстѣ съ ними далеко отъ земли, въ эту голубую высь, гдѣ такъ ласково, такъ мягко только что мерцали двѣ чудесныя звѣздочки...

Кто это поетъ? Это, вѣрно, не человѣкъ, а Божій ангелъ, который, пролетая незримый надъ землей, плачетъ въ этой пѣснѣ о бѣдныхъ людяхъ, страдающихъ здѣсь вмѣсто того, чтобы блаженствовать тамъ, среди голубого эѳира и звѣздъ, гдѣ тянутся безконечные воздушные сады рая!

Ангела не видно, но пѣсня его звучитъ все громче и ближе и, наконецъ, вотъ уже такъ близко, что до Ибрагима начинаютъ доносится отдѣльныя слова пѣсни.

Наконецъ, онъ открылъ глаза. Въ тихомъ утреннемъ воздухѣ звонко лилась чья-то пѣсня. Чистый, какъ серебряный звонокъ, и нѣжный, какъ у ребенка, голосъ раздавался откуда-то надъ самою головой Ибрагима. Онъ обомлѣлъ отъ этихъ прекрасныхъ звуковъ, не шевелился и слушалъ. И море, точно очарованное этою чудесною, полною за душу хватающей грусти пѣсней, лежало беззвучно...

А пѣсня все лилась и лилась безъ конца.

«Весенній жаворонокъ, радостно трепеща маленькими крылышками, покинулъ уже свое мягкое гнѣздышко среди душистой травы... Ему въ немъ тѣсно и душно... Несется онъ къ солнцу, все выше и выше отъ скучной и грязной земли... Его и не видно уже за серебристымъ покровомъ легкаго облачка... Только голосъ его звонкій и радостный доносится вмѣстѣ съ золотымъ лучомъ солнца до его осиротѣвшаго гнѣздышка...

«Свободный! Онъ счастливъ!!

«Надъ лугомъ, богато усыпаннымъ душистыми цвѣтками, порхаетъ, сверкая своими разноцвѣтными крылышками, игривый мотылекъ... Легкій вѣтерокъ обвѣваетъ его ароматною прохладой... Лучъ солнца золотитъ его крылышки... Всѣ цвѣты залюбовались этимъ порхающимъ мотылькомъ... Алая полевая гвоздика и нѣжно-розовый горошекъ тянутъ къ нему свои душистыя головки, завидуя тому изъ цвѣтковъ, на который мотылекъ сядетъ на секунду... А онъ снова вспорхнетъ и снова несется все дальше и дальше...

«Свободный! Онъ счастливъ!!

«А ты, мое бѣдное, бѣдное сердце! О чемъ ты горюешь и плачешь и жалобно стонешь? Отчего не летишь ты за жаворонкомъ въ высь? Отчего съ мотылькомъ не порхаешь надъ цвѣтами ароматнаго луга? Оттого, что и птичка и мотылекъ свободны, какъ вѣтеръ, радостны, какъ утро весенняго дня, а ты томишься и поешь и стонешь въ темницѣ...

«Ты—узникъ! Твой удѣлъ горе и слезы!!»

На этихъ словахъ пѣсня вдругъ оборвалась. Вѣроятно, тотъ, кто пѣлъ, заплакалъ, потому что при послѣднихъ

словахъ обращенія къ сердцу голосъ пѣвца дрогнулъ, и въ немъ ясно послышались слезы.

Когда пѣсня смолкла, Ибрагимъ-Али еще нѣсколько минутъ лежалъ неподвижно, едва дыша. Онъ былъ очарованъ. Какое-то еще никогда до сихъ поръ неиспытанное и потому совсѣмъ незнакомое ему чувство шевельнулось въ немъ. Онъ совсѣмъ не зналъ и не понималъ, что это было такое, но въ немъ одновременно закипѣли и отвага, и гнѣвъ, и бурная радость, и щемящая грусть... Въ немъ поднялись сразу и сразу заклокотали всѣ чувства, на которыя способна душа человѣка. Онъ ни на секунду не задумался бы убить того, кто заставилъ грустить ту, которая пѣла эту грустную пѣсню, а это, конечно, была женщина, если не ангелъ; онъ радовался счастливою радостью оттого, что услышалъ этотъ чарующій голосъ, и грустилъ тѣмъ самымъ чувствомъ, о которомъ говорилось въ пѣснѣ; онъ бросился бы въ пучину, въ самый адъ, если бы только это могло принести какую-нибудь пользу, или заглушить тоску той, которая пѣла. Сердце его громко стучало, лицо слегка поблѣднѣло, глаза заискрились такимъ огнемъ, какого въ нихъ еще никогда не бывало.

Онъ готовъ былъ отдать все, чтобы этотъ волшебный голосъ зазвучалъ снова, чтобы онъ звучалъ въ его ушахъ цѣлую жизнь, не смолкая. Но все было тихо: море кругомъ застыло въ беззвучной нѣгѣ, солнце беззвучно сіяло... Онъ слышалъ только стукъ одного своего забушевавшаго всѣми чувствами сразу сердца.

Ибрагимъ осторожно поднялся и сталъ озираться: вокругъ все было тихо и только сине-голубая гладь заснувшаго моря сверкала подъ лучами поднявшагося уже

довольно высоко солнца. Сосѣдніе утесы и глыбы стояли тамъ и сямъ среди этой сверкающей поверхности также совершенно безмолвно.

Ибрагимъ тихо поползъ по террасѣ къ верхнему краю глыбы, чтобы сквозь одно изъ отверстій между зубцами взглянуть на береговую скалу. Голосъ, очевидно, доносился оттуда. Онъ зналъ, что съ этой скалы его видѣть нельзя, и потому онъ даже дыханіе свое старался сдерживать, чтобы ничѣмъ не выдать своего присутствія на этой глыбѣ.

Вотъ онъ доползъ уже до верхней узкой площадки, за которой торчали, точно зубцы, неровные края глыбы. Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него было уже небольшое отверстіе, сквозь которое, самъ прикрытый зубцами, онъ могъ взглянуть на ту сторону бухты. Онъ тихо подползъ къ этому отверстію и, прильнувъ къ нему, такъ и застылъ на мѣстѣ.

Окинувъ взоромъ всю бухту, а за нею скалу отъ самой верхней башни до низу, Ибрагимъ сначала ничего не замѣтилъ; но, остановившись взоромъ на башнѣ Торсело, онъ вдругъ обомлѣлъ...

Недалеко отъ подножія этой башни, на крайнемъ къ морю выступѣ камня полулежала, облокотившись на локоть и положивъ голову на руку, молодая красавица-татарка!

Разстояніе между глыбой и этимъ уступомъ было не больше ста шаговъ и потому ея ярко освѣщенное солнцемъ лицо было ясно видно Ибрагиму. Красавица отбросила съ головы какъ снѣгъ бѣлую чадру и ея роскошные волосы, заплетенные во множество мельчайшихъ косичекъ, разсыпались по плечамъ и, обвившись вокругъ шеи, при-

хотливо расползлись во всѣ стороны по красиво убранной золотыми монетами высокой груди. Большіе и горѣвшіе теперь противъ солнца, какъ два черныхъ брильянта, глаза красавицы съ точно вырисованными надъ ними двумя дугами густыхъ черныхъ бровей, оттѣненные шапочкой изъ голубого бархата, сплошь обвѣшанной мелкими золотыми и серебряными монетами, между которыми одна только, очень большая, горѣла звѣздой между бровями, грустно и задумчиво смотрѣли куда-то въ даль безбрежнаго моря. Темно-голубой же расшитый цвѣтными шнурками короткій бешметъ дѣвушки былъ перетянутъ ярко-красною перевязью съ большою, блестѣвшею у бедра, металлическою пряжкой. Рука, на которую задумчиво склонилась головка татарки, была украшена кольцами.

Ибрагимъ-Али уже нѣсколько минутъ съ восхищеніемъ любовался этимъ чудеснымъ видѣніемъ, которое продолжало неподвижно полулежать прямо противъ него на уступѣ скалы.

Кто это задумчивое существо съ такимъ волшебнымъ голосомъ и откуда оно появилось сюда?

Ибрагимъ съ присущею ему пылкою восточною фантазіей готовъ былъ уже думать, что это только видѣніе; но, взглянувъ случайно направо внизъ на берегъ моря, онъ сразу все понялъ. Тамъ въ полуверстѣ отъ этого мѣста копошилось нѣсколько бѣлыхъ фигуръ, а въ водѣ плескались купавшіяся. Очевидно, что это — таракташскія дѣвушки пришли утромъ, пока берегъ совершенно безлюденъ, купаться, и одна изъ нихъ, отдѣлившись отъ подругъ, ушла сюда на скалу полюбоваться природой и излить предъ ней въ пѣснѣ свое наболѣвшее сердце.

Ибрагимъ первый разъ въ жизни видѣлъ предъ собой татарскую дѣвушку съ открытымъ лицомъ и радовался, что съ нимъ нѣтъ Селямета.

Онъ очень опредѣленно сознавалъ, что пережилъ бы весьма непріятное и тяжелое чувство, если бы и Селяметъ увидѣлъ эту красавицу, если бы и онъ услыхалъ ея несравненный голосъ...

И онъ продолжалъ жадно любоваться видѣніемъ.

Вдругъ онъ опять обомлѣлъ: дѣвушка снова запѣла. На этотъ разъ мотивъ ея пѣсни былъ не такой грустный, какъ первый, но и голосъ и черты ея прекраснаго лица выражали при этомъ столько мольбы, что море, къ которому обращала она свою пѣсню, казалось, не могло не услышать этого молящаго о счастіи вопля и должно было устроить судьбу той, которая его такъ чудно объ этомъ просила.

Дѣвушка пѣла:

„Могучее море, какъ небо широкое, какъ небо далекое, какъ небо глубокое!
Ты сверкаешь и блещешь своею волной, какъ луна серебристымъ лучомъ!
Сколько камней цвѣтныхъ и богатствъ ты кроешь въ своихъ глубинахъ!
Сколько жизней взяло ты людскихъ, сколько слезъ пролилося въ тебя!
Вотъ сверкаетъ на лонѣ далекомъ твоемъ серебряный парусъ!
Это милый спѣшитъ изъ невѣдомыхъ странъ къ одинокой джанечкѣ!
Тамъ мелькнулъ надъ гладью твоей золотистымъ крыломъ голубокъ;
Онъ стрѣлою несется къ землѣ, его ждетъ тамъ голубка!
Сбереги ихъ, широкое море, сократи ты ихъ путь, чтобъ скорѣе

Домчались они на радость и счастье голубкамъ своимъ безу-
тѣшнымъ!
Вотъ жгучія слезы уже покатились изъ глазъ моихъ дѣвичь-
ихъ, море,
И упали онѣ на твою неподвижную грудь, опустились на са-
мое дно...
Сбереги ты ихъ, море, и отдай ихъ тому, кому въ жены
присудишь меня...
Для себя же возьми ты за нихъ золотой амулетъ съ головы:
Это матери даръ и дороже и лучше него уже нѣтъ у меня!..“

Окончивъ пѣсню, дѣвушка сняла съ головы свою голубую бархатную шапочку и, сорвавъ висѣвшую на ней впереди большую золотую монету, которая все время горѣла на солнцѣ яркою звѣздочкой на ея головѣ, протянула руку по направленію къ морю и громко сказала:

— Сестра моя Аскай, съ которой дѣлились мы горемъ и радостью, ушла уже. оставивъ меня одинокой... Она нашла уже свою судьбу! На же тебѣ, широкое море, это золото и присуди мнѣ за него золотую судьбу!

И при этихъ словахъ дѣвушка высоко взмахнула рукой. Монета сверкнула въ воздухѣ и полетѣла въ море. Она упала въ воду плашмя, потому что Ибрагимъ-Али, зорко слѣдившій за ея полетомъ, ясно увидѣлъ въ серединѣ бухты, между скалой и глыбой, маленькій всплескъ воды, а онъ зналъ, что на днѣ въ этой сторонѣ бухты чистый песокъ.

А дѣвушка уже поднялась и, стоя на скалѣ, задумчиво смотрѣла въ воду.

Въ это время до слуха Ибрагима донеслись крики:

— Азетъ! Азетъ! А-а-зе-етъ!!!

Окончившія купанье дѣвушки шли уже берегомъ по направленію къ скалѣ и звали свою размечтавшуюся подругу.

Услышавши зовъ, Азеть быстро набросила чадру на лицо и стала спускаться. Бѣлая фигура ея два-три раза мелькнула на скалѣ между глыбами камней и, наконецъ, исчезла вовсе изъ вида.

Ибрагимъ-Али долго лежалъ еще неподвижно на своемъ мѣстѣ, очарованный всѣмъ происшедшимъ. И только когда уже двигавшіяся по берегу бѣлыя фигуры повернули около подножія скалы и скрылись въ зелени тянувшихся въ глубь долины садовъ, онъ быстро раздѣлся и бросился въ воду.

Доплывъ до середины бухты, онъ нырнулъ, а черезъ нѣсколько времени голова его снова показалась на поверхности. Онъ плылъ обратно къ глыбѣ, а въ губахъ у него сверкало что-то блестящее.

VI.

Азетъ — ангелъ или гулеха?

— Отчего на лицѣ твоемъ, Ибрагимъ, лежитъ черная ночь, а глаза застилаетъ туманъ?—спрашивала заботливо Фяпзя своего сына, который уже цѣлую недѣлю ходилъ грустный и задумчивый и почти не дотрогивался до ѣды.

— Когда тучи заслоняютъ солнце, и самый свѣтлый день становится темнымъ, какъ ночь, — отвѣчалъ ей въ тонъ Ибрагимъ.

— Нѣтъ, сынъ, такихъ густыхъ тучъ, которыхъ бы не разогналъ вѣтеръ. Аллахъ посылаетъ тучи; но когда онѣ уже долго скрывали солнце отъ земли, Аллахъ же по молитвѣ пророка и прогоняетъ ихъ вѣтромъ.

— Когда въ толстую орѣховую доску тяжелый молотъ кузнеца забьетъ длинный желѣзный гвоздь, его уже ни-

чѣмъ не вытащишь оттуда. Когда одна такая мысль, какъ теперь у меня, засядетъ въ головѣ, ее можно вырвать оттуда только съ головой вмѣстѣ,—грустно сказалъ Ибрагимъ и опять задумался.

— Послушай, мой сынъ, мое свѣтлое око!—говорила Фяизя, приближаясь къ сыну и садясь около него.—Твоя кость—моя кость, твоя плоть—моя плоть и твоя душа—частица моей души... Когда нарываетъ палецъ—страдаетъ весь человѣкъ; когда заболитъ одинъ маленькій зубъ—всему тѣлу бѣда; когда горюетъ твое сердце—моя душа не находитъ себѣ мѣста! Открой мнѣ, какой червякъ точитъ твою грудь? Пусть я вырву его своею материнскою рукой, чтобы ты избавился отъ страданій.

— И твоя рука, мать, будетъ безсильна для этого.

Старуха укоризненно покачала головой.

— Нѣтъ, Ибрагимъ, это твое слово — пустое: ты забылъ, что говорятъ старики: «материнское слово—голодному хлѣбъ. ласка ея—для раны бальзамъ». Скажи.—не пожалѣешь!

— Хорошо, мать, слушай: я видѣлъ ангела...

Старуха изумленно посмотрѣла на сына, который между тѣмъ продолжалъ:

— Я видѣлъ его такъ же хорошо, какъ теперь вижу тебя... Я слышалъ его голосъ такой, какого у людей не бываетъ... Пока я видѣлъ и слышалъ его, я пережилъ такое счастіе, какого, вѣрно, не можетъ быть и въ раю Магомета... Когда же онъ, этотъ ангелъ, ушелъ отъ меня и скрылся изъ виду, вмѣстѣ съ нимъ ушло и сердце мое изъ моей груди! Съ того времени и солнечный свѣтъ померкъ для меня, и самъ я сталъ для себя какъ чужой... Пока не найду его опять, пока опять не услышу его

голоса,—тоска, какъ змѣя, не перестанетъ пить кровь изъ моего сердца. Безъ него жить—лучше не жить!..

Пока сынъ говорилъ все это, мать только качала головой.

— Слушай, Ибрагимъ,—перебила она его вопросомъ,—не согрѣшилъ ли ты противъ заповѣди Магомета: не пилъ ли ты вина?

— Нѣтъ, мать, виноградный сокъ еще никогда не оскверня́лъ моего рта.

— Тогда, твоя правда, бѣда: это злой дьяволъ позавидовалъ нашему счастію, что мы имѣемъ такого сына, какъ ты, и напустилъ на тебя навожденіе... Онъ показался тебѣ для того, чтобы ты высохъ, какъ тотъ полевой цвѣтокъ, который лѣтомъ былъ красивымъ и ласкалъ взоръ путника, а зимой стоитъ жалкій на вѣтрѣ, шелестя своими сухими стебельками... Берегись, мой ненаглядный сынъ, моя лучшая мечта, чтобы не дать власти надъ собой злому шайтану и чтобы не случилось съ тобой великаго зла! Пусть милосердый Аллахъ защититъ тебя отъ него!

— Напрасно, мать, ты тревожишь себя такими мыслями: я видѣлъ не дьявола, а дѣвушку такой красоты, что при одномъ воспоминаніи о ней сердце мое начинаетъ метаться въ груди такъ, какъ дикій конь бьется и мечется, когда его станутъ связывать веревками.

— Тогда бѣда еще больше, потому что, значитъ, это былъ не шайтанъ, а гулеха [1]): она плѣнилась твоею молодостью и красотой и не покинетъ тебя, пока ты не растаешь, какъ пчелиный воскъ таетъ отъ пламени.

---

[1]) Мусульмане вѣрятъ въ гулехъ—вѣдьмъ, вѣрнѣе, русалокъ, которыя нерѣдко являются одинокимъ путникамъ и причиняютъ имъ много зла.

— Нѣтъ, мать, гулеха не можетъ быть такою, какъ эта дѣвушка?—почти крикнулъ Ибрагимъ, и затѣмъ восторженно сталъ описывать ея наружность. — Станъ ея стройный и гибкій, какъ молодая зеленая вѣтка ивы; лицо ея такое, что ясный мѣсяцъ, вѣрно, позавидовалъ бы, если бы она стала близко около него; а волосы — какъ мракъ самой темной ночи — окутываютъ ея шею. Подобной серебромъ сверкающей бѣлой шеи не было еще никогда даже и у самаго бѣлоснѣжнаго лебедя! По лицу ея разлитъ такой румянецъ, какой только на нѣсколько минутъ вспыхиваетъ на зарѣ весной на тихомъ безоблачномъ небѣ! Глаза ея — точно миндалины изъ цѣльныхъ брильянтовъ, окаймленныя крутыми, какъ молодой мѣсяцъ, бровями, а надъ ними сверкаетъ лобъ, гладкій и чистый, какъ самая дорогая слоновая кость... Видѣла ли ты, мать, темно-алую розу, которая только что раскрыла свои нѣжные лепестки и такъ и пышетъ своимъ ароматомъ и свѣжестью, облитая крупинками росинокъ? Если не видала, то посмотри на губы моей красавицы: онѣ у нея алѣе и свѣжѣе даже этого самаго пышнаго и красиваго весенняго цвѣтка! А если еще тебѣ случалось видѣть, какъ сверкаетъ мелкій, одинъ къ одному подобранный жемчугъ, обдѣланный въ яркій кораллъ, то ты знаешь, какіе зубы показываются, когда улыбка, какъ солнечный лучъ въ каплѣ росы на цвѣткѣ, заиграетъ на этихъ алыхъ губахъ!.. Теперь скажи мнѣ сама, моя милая мать, можетъ ли быть такою гулеха? Нѣтъ, такихъ гулехъ не бывало еще на свѣтѣ! Такими Творецъ всякой красоты, вѣрно, создалъ тѣхъ ангеловъ, которые окружаютъ Его изъ солнечныхъ лучей построенный тронъ... Если же правда, что и гулехи такія, тогда дай мнѣ одну, только

одну такую гулеху въ жены, и я поклянусь бородою пророка, что рай—не на седьмомъ изъ небесъ, а здѣсь, на землѣ!

Все лицо Ибрагима горѣло восторгомъ при воспоминаніи о своей красавицѣ; но чѣмъ больше оживлялся и сіялъ онъ, тѣмъ задумчивѣе и мрачнѣе становилось лицо его матери.

— Бѣда, бѣда, мое любимое дѣтище! — тихо говорила она—Я вижу, что гулеха не только показалась тебѣ, но и влила уже въ твое сердце свой дьявольскій ядъ, который началъ уже сожигать тебя медленнымъ огнемъ страсти... Пусть Аллахъ спасетъ тебя!

Эти слова матери и явное недовѣріе ея къ тому, чтобы описанная только что сыномъ красавица дѣйствительно могла существовать на землѣ, разозлили Ибрагима, и онъ нетерпѣливо перебилъ ее:

— Что ты, мать, каркаешь надъ моею головой? Зачѣмъ ты все говоришь о дьяволѣ и гулехахъ? Вѣдь я уже не дитя, чтобы пугать меня разными такими страстями! И кто когда видѣлъ дьявола или гулеху? Ты сама видѣла? Я уже слышалъ многихъ старыхъ и умныхъ людей изъ правовѣрныхъ и гяуровъ, и никогда еще никто изъ нихъ не говорилъ мнѣ ничего о дьяволѣ... Значитъ, все это только выдумка, которою матери пугаютъ малыхъ дѣтей, чтобы они боялись и слушались лучше.

При этихъ словахъ сына Фяизя укоризненно покачала головой.

— Ты, Ибрагимъ, вольнодумствуешь... Все, что написано въ святой книгѣ,—великая правда, сомнѣваться въ которой—тяжкій грѣхъ, потому что все, написанное тамъ, было сказано самимъ пророкомъ, а ему открыто Алла-

хомъ чрезъ своего ангела. Значитъ, умъ твой омраченъ уже, если ты не помнишь, что говорится объ этомъ въ книгѣ книгъ.

— Что же тамъ говорится?—спросилъ сынъ машинально.

— Вотъ что. Когда не имѣющій ни начала ни конца, единый Создатель и Властелинъ вселенной, обладающій безграничною властью, и знаніемъ, и славой, и совершенствомъ, пожелалъ населить созданный имъ міръ живыми существами. Онъ ихъ сотворилъ изъ трехъ разныхъ предметовъ: изъ свѣта онъ создалъ ангеловъ, изъ бездымнаго огня—джинни и изъ земли—людей. Долго эти созданія единаго Аллаха жили дружно и мирно, сообща восхваляя великолѣпное имя Творца; но потомъ джинни возмутились, стали дьяволами и, забывъ о Царѣ силъ, навлекли на себя Его справедливый гнѣвъ. Тогда Господь наслалъ на нихъ несмѣтные легіоны ангеловъ, которые огненными мечами истребили цѣлыя полчища ихъ, а всѣхъ остальныхъ прогнали съ земли на отдаленные и никому невѣдомые острова. Тамъ они живутъ и сейчасъ и будутъ жить всегда. По временамъ нѣкоторые изъ нихъ приходятъ и на нашу землю. Ихъ много, очень много, больше чѣмъ листьевъ на всѣхъ деревьяхъ цѣлаго міра, и дѣлятся они на пять колѣнъ, которыя называются: джены, джинни, шайтаны, эфриты и мариды. Всѣ эти колѣна подвластны одному властелину, который, по словамъ Корана, называется Иблисомъ, или Сатаной. А такъ какъ нигдѣ въ мірѣ не видано еще было, чтобы мужчины жили одни, безъ женщинъ, то и для этихъ порочныхъ и злобныхъ духовъ были созданы женщины, гулехи, какъ и тарантулиха создана для тарантула, а змѣя для змія. Изо всѣхъ этихъ

дьяволовъ чаще другихъ къ намъ на землю приходятъ. а иногда и поселяются здѣсь, шайтаны и гулехи. Здѣсь они дѣлаютъ много. много зла людямъ и мучатъ ихъ всячески. Но были и между людьми такіе, которые такъ умудрили свой умъ. что могли даже властвовать надъ самими дьяволами. Теперь, впрочемъ. такихъ людей уже, кажется, нѣтъ вовсе; но въ то время. когда еще священныя стопы пророка касались нашей грѣшной земли. ихъ было немало. Мнѣ разсказывалъ мой старый бабай (а вѣдь онъ былъ муллой!). — да будетъ его блаженство въ раю Магомета безконечнымъ!—что въ одной очень старой и очень мудрой арабской книжкѣ онъ самъ читалъ про одного древняго повелителя Сулеймана, который за свою праведную жизнь былъ такъ награжденъ Аллахомъ. что сталъ властвовать и надъ шайтанами. Къ нему прямо съ неба упалъ въ руки перстень. сдѣланный изъ мѣди пополамъ съ чугуномъ, и на перстнѣ этомъ было вырѣзано величайшее имя Бога. И пока у него былъ этотъ талисманъ, всякому слову его повиновались и птицы, и рыбы, и хищные звѣри. и вѣтры. и даже шайтаны. Вотъ. мой сынъ, что пророкъ открылъ намъ. правовѣрнымъ. о дьяволахъ. и тяжкій грѣхъ легъ бы на душу того изъ насъ. кто осмѣлился бы усумниться въ этомъ откровеніи. Помни еще, мой Ибрагимъ, что приходящіе на нашу погибель къ намъ дьяволы, чтобы скрыть свою дьявольскую природу, могутъ ежесекундно принимать всякіе образы и превращаться въ звѣрей. въ птицъ, въ насѣкомыхъ, въ деревья и камни. и даже въ людей... Горе тому человѣку, который встрѣтитъ шайтана или гулеху; но меня моя старая мать, а твоя бабушка, Мявтюха, научила одному вѣрному средству. какъ сберечь своихъ дѣтей отъ

порчи шайтана, гулехи и всякаго злого духа. Подъ сводами священнаго Меккскаго храма течетъ чистый источникъ Земземъ, чудотворную воду котораго долженъ унести съ собой хотя бы даже въ самой маленькой склянкѣ каждый, кто совершаетъ душеспасительное путешествіе въ Мекку. Съ той минуты, какъ мать вспрыснетъ нѣсколькими каплями этой священной влаги свое дитя, оно дѣлается уже недоступнымъ для дьявола; отъ этой чудотворной воды, какъ ледъ отъ огня, исчезаютъ всякія чары... Вотъ вечеромъ я нарочно пойду къ Алимѣ, женѣ нашего муллы-эфенди Мухамеда-Мухамъ, и принесу отъ нея склянку этой спасительной воды, и только что капля ея коснется твоей головы,—пройдутъ твои муки.

— Послушай, мать,—сказалъ ей рѣшительнымъ тономъ сынъ,—если только отъ этой воды изъ сердца моего вмѣстѣ съ тоской изгладятся и черты лица дорогой теперь для меня, какъ самая жизнь, Азетъ, тогда не ходи за водой: я охотнѣе умру прежде, чѣмъ капля ея упадетъ на мою голову.

— О какой это Азетъ ты, мой сынъ, говоришь мнѣ теперь?—удивилась мать.

— О той самой красавицѣ, которую я видѣлъ недѣлю тому назадъ.

— Ее развѣ такъ зовутъ?

— Ее зовутъ Азетъ, а сестру ея называютъ Аскай... Ахъ, мать, — продолжалъ опять восторженно Ибрагимъ, весь просіявшій при имени своей чародѣйки,—когда губы мои произносятъ это чудное имя Азетъ, въ глазахъ моихъ точно темнѣетъ свѣтъ, а въ сердцѣ становится такъ сладостно и жутко, какъ будто я стремительно лечу внизъ на длинныхъ веревкахъ высокой качели!

— Да какъ же ты обо всемъ этомъ узналъ? И гдѣ ты

увидѣлъ ее? Разскажи же, на милость Бога, мнѣ подробно объ этой встрѣчѣ: можетъ быть, она сулитъ тебѣ не зло, а великое благо.

И Ибрагимъ восторженно передалъ матери о томъ, что онъ видѣлъ. Разсказъ свой онъ закончилъ такъ:

— Теперь, мать, когда ты слышала, какія слова говорила въ своихъ пѣсняхъ эта чудесная дѣвушка, вѣрно и ты перестанешь думать, что это была гулеха... Нѣтъ, если она не человѣкъ, то можетъ быть только ангеломъ! А если ты и теперь еще не вѣришь и продолжаешь считать ее гулехой, то посмотри, что написано на той золотой монетѣ, которую она отдала морю и которую она носила на самой серединѣ своего чуднаго лба. Съ этою самою монетой она бросила и свою судьбу на дно глубокаго моря... Никто, кромѣ меня, не могъ бы найти этой драгоцѣнной вещи въ морской пучинѣ, а потому и никому въ свѣтѣ, кромѣ меня, эта Азетъ не должна достаться въ жены! Такъ должно разсудить море, потому что такъ бы судилъ и самъ милосердный пророкъ!

При этихъ словахъ Ибрагимъ вынулъ изъ ладонки. гдѣ у него, какъ и вообще у всякаго татарина, была зашита великая заповѣдь Магомета, большую золотую монету и подалъ ее матери.

Одна сторона этой монеты была обтерта и на ней отчетливыми глубокими штрихами вырѣзана слѣдующая надпись:

«Аллаху Экберъ Эшхеду Енъ-ла Иллахъ Илъ-лаллъ-лахъ
Эшхеду Энне Муххамедэнъ Рессулулъ-лахъ
Хай-я-аллесъ-салла
Хай-я-аллесъ-феллахъ» [1]).

[1]) „Великій Богъ! Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога.
Магометъ есть пророкъ Божій.
Приходи къ поклоненію.
Приходи къ спасенію.

Когда Фяизя прочитала эту надпись, Ибрагимъ-Али воскликнулъ:

— Скажи, мать: развѣ гулеха станетъ носить на своей головѣ такія святыя слова? Они, какъ свинцовая гора, вдавили бы ее въ землю!

Выслушавъ этотъ разсказъ и осмотрѣвши монету, кото-торую Ибрагимъ опять бережно вложилъ въ свою ладонку, Фяизя просвѣтлѣла. Она долго и любовно поглядѣла на сына и сказала ему:

— Твоя правда, мой сынъ. Когда уши мои услышали все то, что ты сейчасъ разсказалъ мнѣ, материнское сердце снова стало спокойно, потому что оно не чуетъ уже для тебя никакой бѣды. Я не пойду къ Алимѣ за чудотворною водой изъ священнаго источника Земземъ, но схожу непремѣнно теперь совсѣмъ въ другое мѣсто... Да, твоя Азетъ вовсе не гулеха, но она и не ангелъ...

— Но кто же она?—почти закричалъ Ибрагимъ-Али.

— Она— такая же дѣвушка, какою была и я, пока твой бабай Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу не захотѣлъ взять меня въ жены.

— Чья же она дочь?

— Она дочь того, въ чей домъ я собираюсь сегодня сходить: она—младшая дочь Мустафы-Искака-оглу, того самаго, который свою старшую дочь, Аскай, отдалъ въ жены Халилю, сыну Куртдедэ-Мустафы-Джафара-оглу.

При этихъ словахъ Ибрагимъ-Али просіялъ.

— Великъ Богъ въ небесахъ, который захотѣлъ показать мнѣ эту дѣвушку!—воскликнулъ онъ съ восторгомъ,— Знай же, моя мать, ты, которая составляешь для меня свѣтъ въ темнотѣ, прохладу въ зной, въ стужу тепло, утѣху въ бѣдѣ,—знай, говорю я тебѣ, что глаза твоего

сына до тѣхъ поръ не будутъ различать сіянія солнца отъ чернаго мрака ночи, пока онъ не назоветъ Азетъ, дочь Мустафы-Искака-оглу, своею женой! Иди же скорѣй въ домъ отца Азетъ, и пусть Самъ Владыка земли и надзвѣздныхъ міровъ направитъ въ счастливую минуту твои стопы туда! Онъ не далъ тебѣ дочери, такъ пусть же Онъ теперь поможетъ тебѣ въ этомъ домѣ найти себѣ дочь! Иди, мать, туда скорѣе, иди, и да будетъ благословенно величайшее имя Творца и Его святого пророка Магомета!

— Пусть будетъ, какъ ты желаешь, мой сынъ!—сказала Фяизя и, набросивъ чадру, вышла изъ дома.

VII.

Карга въ фазаньихъ перьяхъ.

Къ вечеру того же дня Ибрагимъ-Али съ компаньономъ по промыслу Селяметомъ-Батыромъ уѣхалъ опять въ море, а возвратившаяся давно уже изъ гостей Фяизя поднялась на крышу своего дома, гдѣ Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу плелъ новую сѣть-волокушу для ловли устрицъ, и молча остановилась передъ нимъ, ожидая, чтобы мужъ позволилъ ей говорить.

Старикъ, не торопясь, докончилъ сначала ту полку ячеекъ, за плетеніемъ которой засталъ его приходъ жены, и тогда только ласково сказалъ:

— Какую вѣсть, добрую или худую, ты мнѣ несешь, жена?

— Я пришла спросить, подумалъ ли ты, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, уже о томъ, о чемъ,—ты это го-

ворилъ мнѣ самъ,—тебѣ давно уже нужно было начать думать?

— Въ моей головѣ думъ больше, чѣмъ сколько словъ ты мнѣ сказала сейчасъ, и я не знаю, о какой изъ этихъ думъ ты спрашиваешь?

— О томъ, что наше единственное свѣтлое око, Ибрагимъ, и до сего дня остается одинъ.

Старикъ встрепенулся.

— Твоя правда, Фяпзя, эту думу затоптали въ моей головѣ другія думы, и я еще не думалъ. Но развѣ ты, жена, хоть одинъ разъ съ того дня, какъ мы объ этомъ совѣтовались съ тобой, напомнила мнѣ о ней?—упрекнулъ тутъ же старикъ жену.

— Мой старый бабай былъ муллою и сорокъ три года жилъ со своею женой, а моею матерью, Мявтюхой. За всю ихъ долгую жизнь Мявтюха ни разу не осмѣлилась напомнить муллѣ, что насталъ часъ итти въ мечеть пѣть славословіе пророку, когда мулла, углубенный въ чтеніе Корана или объятый крѣпкимъ сномъ послѣ долгихъ трудовъ, не зналъ или забывалъ, что этотъ часъ уже наступилъ,—скромно оправдалась жена.

— Твоя мать, муллиха Мявтюха, была мудрая женщина; а извѣстно всѣмъ, даже самымъ безтолковымъ и глупымъ людямъ, что огонь производитъ огонь, а не воду, коза рождаетъ козу, а не голубя, а тараканъ—не рыбу, а такого же, какъ онъ самъ, таракана,—глубокомысленно замѣтилъ на это Байкеттынъ-Умэръ, желая похвалить по заслугамъ жену за ея скромность.

— Теперь я хочу просить тебя, мой мужъ и повелитель, чтобы ты больше уже не думалъ о томъ, о чемъ хотѣлъ начать думать.

Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу на секунду прервалъ работу и вопросительно поглядѣлъ на жену.

— Самъ премудрый пророкъ Магометъ подумалъ уже о твоемъ и моемъ сынѣ, и дума эта была такая, что если бы соединить въ одну всѣ головы всѣхъ людей, сколько ихъ есть на бѣломъ свѣтѣ, то и эта огромная голова не могла бы выдумать ничего даже похожаго на премудрую мысль мудрѣйшаго изъ пророковъ.

Глаза мужа снова молчаливо потребовали объясненія отъ языка жены.

— Пророкъ указалъ Ибрагиму, чью дочь онъ долженъ взять въ жены.

— Какъ указалъ?

— Онъ показалъ ему непокрытое чадрой лицо этой дѣвушки.

— Когда показалъ?

— Недѣлю тому назадъ, скоро послѣ разсвѣта праздничнаго дня пятницы.

— Гдѣ показалъ?

— На скалѣ между моремъ и небомъ.

— Языкъ мой усталъ отъ вопросовъ, а ухо хочетъ услышать все толкомъ: говори, жена, все,—сказалъ старикъ и, прекративъ плетеніе, сталъ набивать изъ кисета трубку, приготовляясь внимательно выслушать разсказъ Фяизи.

Жена передала ему разсказъ Ибрагима-Али со всѣми подробностями и затѣмъ дополнила его такъ:

— Когда я пришла къ Аньзямяль, женѣ Мустафы-Искака-оглу, въ его домъ, я видѣла голубую феску Азетъ: на ней недостаетъ того самаго большого червонца, который она бросила въ море и который теперь носитъ

на сердцѣ твой сынъ Ибрагимъ. Я посмотрѣла на Азетъ материнскимъ глазомъ, и вотъ что мой глазъ увидѣлъ: въ волосахъ ея спитъ темная ночь; па лбу и на лицѣ сверкаетъ бѣлый снѣгъ; въ глазахъ тихо горятъ ясныя звѣзды; на щекахъ распустились майскія розы; во рту среди разсыпаннаго жемчуга воркуютъ кроткіе голуби, а въ сердцѣ благоухаетъ въ полномъ цвѣту миндальное дерево! Такая жена Ибрагиму—тебѣ покорная слуга, мнѣ—желанная дочь и помощница, дому—Божье благословеніе! Тебѣ, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, мой мужъ, отецъ Ибрагима и глава этого дома, не остается больше о чемъ думать, а нужно сдѣлать такъ, чтобы совершилась скоро и въ добрый часъ благая воля святого пророка, и пусть Господь благословитъ то, что ты сдѣлаешь во имя Его, да прославится оно превыше неба, солнца и звѣздъ!

Выслушавъ эту рѣчь, Байкеттынъ-Умэръ на минуту сосредоточился и, наконецъ, сказалъ:

— Твой глазъ смотрѣлъ хорошо, твой языкъ говорилъ не пустое, мои уши слушали не болтовню малаго ребенка и не верблюжій ревъ, а толковое слово моей жены, матери моего сына... Пусть будетъ, какъ ты говоришь!

— Въ добрый часъ! — почтительно сказала жена и мягко прибавила:—Вечерній часъ—благопріятный часъ, потому что, окончивъ дневныя заботы, человѣкъ можетъ спокойнѣе говорить о серьезномъ дѣлѣ. Не прикажешь ли, чтобы я вынула изъ сундука тебѣ сейчасъ новый кафтанъ и новую шапку для того, чтобы ты, идя къ Мустафѣ-Искаку-оглу по такому дѣлу, вошелъ подъ крышу дома его въ праздничномъ нарядѣ?

— Нѣтъ, жена, я и самъ бы хотѣлъ поскорѣе начать дѣлать это радостное дѣло; но приступать къ нему сего-

дня не слѣдуетъ, потому что сегодня у меня было дурное утро: выйдя сегодня поутру со двора, я первымъ встрѣтилъ на улицѣ кривого на лѣвый глазъ Ахмета, а ты хорошо знаешь, что такая утренняя встрѣча не обѣщаетъ успѣха въ дѣлахъ, потому что человѣкъ съ такимъ недостаткомъ всегда «огурсузъ», «обуръ» [1]). И хотя я прочиталъ про себя семь разъ подъ рядъ фатихэ, но лучше оставить это дѣло до завтра.

— Ты лучше меня знаешь, какъ сдѣлать,—закончила жена обычною фразой свою бесѣду съ мужемъ и спустилась съ крыши.

На другой день, одѣваясь по-праздничному, чтобы итти сватать для сына невѣсту, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу сказалъ въ раздумьѣ помогавшей ему Фяизѣ:

— Одно можетъ помѣшать мнѣ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ.

— Что такое?

— Отецъ Азетъ, Мустафа-Искакъ-оглу, слишкомъ богатый человѣкъ.

— Мой сынъ не хуже его дочери!—не утерпѣла Фяизя: въ ней одновременно прорвалась женщина и мать.

— Всякому своя рука и свой глазъ дороже чужихъ,— замѣтилъ ей на это мужъ и продолжалъ:—а ты знаешь, что гордость человѣка всегда вѣситъ ровно въ десять разъ столько, сколько вѣситъ его богатство.

— Я думаю, что чѣмъ глубже сидитъ въ рукѣ заноза, тѣмъ тоньше иголку нужно взять, чтобы вынуть ее вонъ.

— Гордость — такая заноза и такъ глубоко сидитъ

1) „Огурсузъ“ и еще болѣе сильное „обуръ“—трудно переводимыя однимъ словомъ понятія: огурсузъ—причиняющій или сулящій неудачу, обуръ—приносящій несчастіе.

всегда въ человѣкѣ, что ее можно оторвать отъ него только вмѣстѣ съ головой; а Мустафа-Искакъ—это всѣмъ вѣдомо—очень гордый человѣкъ.

— Иди, мужъ, съ Богомъ, и да будетъ воля Аллаха: что должно быть,—будетъ, потому что иначе оно, значитъ, и не должно было быть.

И напутствуемый такимъ образомъ, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу отправился къ Мустафѣ-Искаку-оглу просить его отдать дочь Азетъ въ жены сыну его Ибрагиму-Али.

У татаръ, какъ и вообще у всѣхъ мусульманъ, особенно сильно развито уваженіе къ частной жизни вообще и потому самовольный и безъ предупрежденія и разрѣшенія хозяина входъ въ чужой домъ строго воспрещается Кораномъ. Въ этомъ религіозномъ кодексѣ всей жизни магометанъ преподано для даннаго случая слѣдующее категорическое велѣніе: «Не входите, правовѣрные, въ какіе-либо дома, кромѣ вашего собственнаго, если вы не испросили на это позволенія отъ обитателей его: это будетъ и для васъ самихъ лучше. Если же при входѣ вы никого не встрѣтите, то не входите, пока не получите приглашенія. Не получивъ же позволенія войти, возвратитесь обратно: это будетъ гораздо приличнѣе и угоднѣе Господу».

Далѣе Коранъ совѣтуетъ, чтобы каждый входящій, даже послѣ того, какъ приглашеніе войти послѣдовало со стороны хозяина дома, вступая въ домъ, нѣсколько разъ произнесъ громкимъ голосомъ слова: «съ вашего позволенія», или же воззваніе къ Богу, для того, чтобы не застать хозяевъ врасплохъ и чтобы женщины, напримѣръ, успѣли удалиться изъ того покоя, куда вступаетъ

гость, или же прикрыть лица, чтобы ихъ не увидѣлъ входящій.

Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу строго придерживался этого правила священной книги, а потому, подойдя къ дому Мустафы-Искака-оглу и не встрѣтивъ у дверей никого, не вошелъ, а трижды громко хлопнулъ въ ладоши. Прождавъ нѣкоторое время и не слыша изнутри никакого отвѣта, онъ довольно сильно постучалъ желѣзнымъ кольцомъ, висѣвшимъ у дверей, и тогда только изъ глубины дома раздался возгласъ:

— Кымъ баръ онда? [1])

— Нѣтъ бога, кромѣ Бога!—отвѣчалъ на это обычною фразой пришедшій и послѣ того какъ голосъ внутри докончилъ:

— ...И Магометъ Его пророкъ!—онъ продолжалъ:

— Сосѣдъ, у котораго во рту для тебя, сосѣдъ, не жало змѣи, а слово привѣта и ласки.

— Пусть этотъ сосѣдъ войдетъ въ добрый часъ,—послышалось опять приглашеніе хозяина и по коридору раздались шаги идущаго навстрѣчу.

Байкеттынъ-Умэръ однако подождалъ, пока Мустафа-Искакъ самъ отворилъ ему дверь, и только тогда вошелъ, при чемъ, проходя коридоромъ, онъ нѣсколько разъ громко повторилъ:

— Съ твоего позволенія, сосѣдъ, я вступаю подъ крышу твоего дома.

На это хозяинъ, платя, въ свою очередь, любезностью за любезность, всякій разъ отвѣчалъ ему:

— Твое сердце, сосѣдъ, въ этомъ домѣ будетъ такъ же спокойно, какъ въ твоемъ собственномъ.

---

[1]) Кто тамъ?

Затѣмъ, обмѣнявшись обычными привѣтствіями, гость и хозяинъ усѣлись на коврѣ въ кунацкой, поджавъ подъ себя ноги, и, задымивъ каждый свою трубку, замолчали. Долго они курили въ совершенномъ безмолвіи и только послѣ того, какъ трубки ихъ громко захрипѣли въ знакъ того, что курившіе, хотя бы даже оборвали отъ напряженія себѣ жилы на шеяхъ, уже не вытянутъ изъ нихъ ни струйки дыма, они стали перекидываться короткими фразами.

Такъ продолжалось около часу, при чемъ бесѣдовавшіе переговорили уже о многомъ: и о погодѣ, и о всходахъ табаку, и объ урожаѣ орѣховъ, и о новомъ купленномъ муллою, Мухамедомъ-Мухамъ, ворономъ иноходцѣ, о мудрости стараго Хайдара и, наконецъ, о томъ, что никогда еще на памяти обоихъ собесѣдниковъ буйволы не страдали такъ отъ жары и оводовъ какъ въ это лѣто; но о цѣли посѣщенія гостемъ хозяина до сихъ поръ никто изъ нихъ не обмолвился ни однимъ словомъ.

О Хайдарѣ между прочимъ Мустафа-Искакъ, видѣвшій его нѣсколько дней тому назадъ въ Карасубазарѣ, куда хозяинъ отвозилъ запроданную недавно по хорошей цѣнѣ партію табаку прошлогодняго урожая, сообщилъ Байкеттыну-Умэру, что этотъ всегда желанный гость обѣщалъ въ концѣ будущей недѣли опять побывать въ Тарактапѣ, при чемъ оба пріятеля выразили по этому поводу свою живѣйшую радость: вѣдь Хайдаръ въ полтора раза старше годами каждаго изъ нихъ, а при такомъ почтенномъ возрастѣ не удивительно, если его рѣчи мудрѣе рѣчей даже такого человѣка, какъ мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ. А умное слово, какъ и хорошая кружка холодной крѣпкой бузы въ жаркій лѣтній день, всегда пріятно и полезно.

И только уже собираясь уходить, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу какъ бы невзначай бросилъ сосѣду такую фразу:

— Молодой голубь стосковался летать одинъ и ласково воркуетъ, призывая къ себѣ голубку... Подъ твоею крышей, сосѣдъ, есть молодая голубка, которая начинаетъ уже тосковать въ одиночествѣ: отдай ее голубю, пусть воркуютъ вмѣстѣ, чтобы и старымъ голубямъ было радостно, глядя на нихъ, и чтобы прославилось имя Аллаха, устраивающаго судьбы и щедрою рукой разсыпающаго по землѣ всякое добро.

Праздничный нарядъ Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу давно уже подсказалъ Мустафѣ-Искаку-оглу истинную цѣль его посѣщенія. Онъ съ перваго слова понялъ, о какихъ молодыхъ голубяхъ завелъ рѣчь гость, потому что сейчасъ же отвѣтилъ ему въ тонъ и также аллегорически:

— Тогда пусть голубь выберетъ себѣ въ любой голубятнѣ подругу и пусть забудетъ тоску своего сердца.

— Онъ и выбралъ уже голубку въ твоей голубятнѣ.

— Подъ моею крышей есть только одна орлица, а голубки нѣтъ вовсе... Орлица голубю не пара: пусть онъ летитъ къ голубямъ за подругой, — отвѣчалъ надменно хозяинъ.

— Про орловъ что-то въ нашемъ селеніи не слыхано было до сихъ поръ, потому что всѣ они, сколько ихъ есть здѣсь, живутъ на верхушкахъ береговыхъ скалъ, — сказалъ гость, самолюбіе котораго было уязвлено хозяиномъ.

— Орлы очень высоко живутъ, твоя правда, сосѣдъ; вотъ отчего маленькія птицы и не знаютъ ихъ гнѣздъ.

— И это может быть, если ты такъ говоришь, сосѣдъ,—согласился окончательно уже обиженный Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, и продолжалъ:—А вотъ я слыхалъ отъ старыхъ и умныхъ людей про одну каргу, которая такъ разбогатѣла, что могла себѣ купить нарядъ изъ фазаньихъ перьевъ и, надѣвши его, все хотѣла, чтобы другія птицы перестали считать ее каргой, а величали фазаномъ. Но птицы продолжали называть ее каргой, потому что кто кѣмъ родился, тотъ тѣмъ и умретъ, какой бы халатъ, суконный или шелковый, онъ ни носилъ въ жизни. Карга осталась одна, злилась, злилась и скоро издохла отъ горя, что была каргой, а не фазаномъ. И на могилу ее провожали однѣ только карги, а фазанъ не прилетѣлъ ни одинъ.

Этотъ разсказъ, видимо, не особенно понравился Мустафѣ-Искаку-оглу, потому что онъ ядовито замѣтилъ:

— Мало ли какихъ розсказней не услышишь отъ людей, а только бываютъ разсказы умные, бываютъ и глупые... Не каждый старикъ непремѣнно умно и говоритъ... Ты вотъ, сосѣдъ, только слыхалъ, а у меня у самого лѣтъ десять былъ одинъ оселъ, который отъ юности и до глубокой старости все одинаково ревѣлъ по-ослиному, и ревъ его былъ все такой же глупый, какъ въ первый день, такъ и въ послѣдній... Одна только была разница,—закончилъ хозяинъ насмѣшливо:—къ старости онъ осипъ, и ревъ его отъ этого сталъ еще глупѣе.

— Послушай, Мустафа-Искакъ-оглу, что я тебѣ скажу прямо, безъ обиняковъ, чтобы не пенять потомъ на себя въ сомнѣніи, что ты меня не такъ понялъ, какъ слѣдуетъ. Меня Аллахъ благословилъ однимъ только оставшимся въ живыхъ изъ трехъ сыномъ, а, значитъ, я цѣлую жизнь

работаю для него одного только: отдай ему въ жены свою дочь Азетъ, и пусть Богъ благословитъ это наше благое дѣло, которое мы въ добрый часъ порѣшимъ.

— И я тебѣ, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, отвѣчу прямо: у меня три сына и двѣ дочери, но я не отдамъ твоему сыну своей дочери Азетъ. Этого дѣла мы, сосѣдъ, съ тобою не кончимъ.

— Почему не отдашь?

— Потому не отдамъ, что она не можетъ быть для него лѣвою рукой къ правой: вѣдь не слыхано еще, чтобы лѣвая рука была длиннѣе и сильнѣе правой.

— У моего сына, Ибрагима-Али, ликъ свѣтлый, рука твердая, сердце орлиное... Если отдашь ему Азетъ, тебѣ не нужно будетъ давать ей въ приданое тазъ, чтобы она въ него собирала слезы.

— Ты—бѣднякъ въ сравненіи со мною, и намъ вмѣстѣ дружить нашихъ дѣтей не пристало: ищи равнаго себѣ!

— До сихъ поръ я всегда думалъ и весь свѣтъ, вѣрно, также думаетъ, что я равный тебѣ, а ты мнѣ, потому что—подумай, сосѣдъ,—два мѣшка изъ одной парусины всегда будутъ одинаковыми мѣшками, хотя бы въ одномъ было зерна только до половины, а въ другомъ—доверху. Пусть же мой сынъ назоветъ твою дочь Азетъ своею женой.

— А я хочу,—возразилъ съ безконечною гордостью хозяинъ,—чтобы твой сынъ называлъ Азетъ «ханымъ» [1]), когда будетъ говорить о ней съ будущимъ ея мужемъ, мурзакомъ, у котораго онъ будетъ служить табунщикомъ.

— Такъ ты отдашь свою дочь...

[1]) Ханымъ—барыня, госпожа.

— Только за мурзака!—докончилъ надменно Мустафа-Искакъ.

— Ее сама судьба судила моему сыну въ жены.

— Это ты такъ говоришь, желая породниться со мною, а я на судѣ у судьбы не былъ. Кто можетъ знать, что кому судила судьба?

— Одинъ только Аллахъ всевѣдущъ,—скромно согласился съ нимъ гость.

— Да и какъ ты можешь знать, что таковъ судъ судьбы? Чѣмъ можешь это ты мнѣ доказать?—продолжалъ Мустафа-Искакъ-оглу.

— Это мнѣ говоритъ мое сердце.

— Ну, это твое дѣло... Я не знаю, какъ ты, а я такому свидѣтелю не вѣрю.

— Такъ чему же ты повѣришь?

— Чему? Вѣрному доказательству! Вотъ, напримѣръ, если бы твой сынъ бросился въ море во время бури съ той скалы, на которой стоитъ «Кызъ-Куле», и не погибъ, а явился бы послѣ этого ко мнѣ живымъ и невредимымъ за дочерью, тогда я повѣрилъ бы, что, значитъ, сама судьба ее ему судила... Тогда бы я отдалъ ему Азетъ безпрекословно съ богатымъ приданымъ и даже безъ всякаго выкупа.

— Вѣдь ты же, сосѣдъ, не дитя, и долженъ понимать, что ты говоришь невозможное: я съ дѣтства и до тѣхъ поръ, пока не сломалъ себѣ ноги, былъ въ морѣ и хорошо понимаю, что ничего подобнаго обыкновенный человѣкъ сдѣлать не можетъ, потому что если бы даже онъ и долетѣлъ до воды счастливо съ такой высоты, то черезъ минуту послѣ этого волны разбили бы смѣльчака о камень на мелкія части.

— И я понимаю, что это невозможно, потому и горюю: вѣдь только такое невозможное и можно было бы считать за судъ самой судьбы, о которомъ ты говорилъ убѣждая меня... И если бы нашелся какой-нибудь сумасшедшій, чтобы сдѣлать что-нибудь подобное, онъ погибъ бы ради своего безумія. Это вѣрно такъ же, какъ и то, что у насъ съ тобой на усахъ и бородахъ растутъ волосы, а не грибы и черешни. Но если бы это былъ не сумасбродъ, а человѣкъ, исполняющій велѣніе судьбы, тогда сама судьба послала бы ему на помощь никѣмъ еще невиданную птицу рукхъ, которая подхватила бы его на воздухѣ къ себѣ на крылья и вынесла бы невредимымъ на землю. Не даромъ же старики говорятъ, что эта самая птица рукхъ свободно можетъ унести на своей могучей спинѣ даже верблюда!—закончилъ Мустафа-Искакъ-оглу насмѣшливымъ тономъ и выразительно поглядѣлъ на дверь.

— Значитъ, это, сосѣдъ, твое послѣднее слово?—спросилъ оскорбленный отецъ, которому послѣ такихъ рѣчей и этого взгляда оставалось только уйти.

— И первое, и послѣднее, и твердое, которому я не измѣню, а потому не будемъ безъ-толку крутить колесо мельницы, когда подъ жерновомъ уже не осталось ни зерна пшеницы!

— Тогда, съ твоего позволенія, сосѣдъ, я встану,— сказалъ гость обычную въ этихъ случаяхъ фразу для того, чтобы получить разрѣшеніе хозяина уйти изъ его дома.

— Если ты хочешь непремѣнно огорчить меня, сосѣдъ, показавъ, какъ широки твои плечи, то дѣлай, какъ знаешь: пусть я смиренно перенесу эту печаль,—отвѣтилъ

ему также въ обычномъ тонѣ, но съ плохо скрытою насмѣшкой въ голосѣ, хозяинъ.

На этомъ сосѣди разстались.

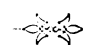
Когда Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу передалъ Фянзѣ во всѣхъ подробностяхъ о своемъ неудачномъ посѣщеніи Мустафы-Искака-оглу, она въ первую минуту не выдержала и свое оскорбленное чувство вылила въ одной только фразѣ:

— Я не знала, что если на осла надѣть попону изъ парчи, такъ онъ уже никого къ себѣ не подпускаетъ.

Но затѣмъ эта истинная дочь муллы разрѣшила вопросъ слѣдующимъ образомъ:

— Значитъ, мой мужъ и повелитель, этого не должно было быть, а что должно быть, то будетъ.

— И будетъ!—повторилъ, не зная, въ чемъ дѣло, ея послѣднее слово Ибрагимъ-Али, который только что возвратился съ моря и вошелъ въ дверь въ тотъ самый моментъ, когда мать произносила послѣднюю фразу.

VIII.

Вѣсти.

Дня черезъ два послѣ этого разговора Мустафа-Искакъ-оглу послѣ утренней молитвы уѣхалъ посмотрѣть свою табачную бахчу, верстахъ въ пяти отъ Таракташа. Не прошло и получаса со времени его отъѣзда, какъ на женской половинѣ дома уже появилась Фянзя.

Хозяйка Аньзямяль, видимо, ничего не знала о происшедшемъ между мужьями, потому что принимала ее съ полною непринужденностью и радушіемъ и угостила

ее такимъ крѣпкимъ и густымъ кофе, приправленнымъ такою основательною порціей сплетенъ, что у гостьи къ концу визита съ непривычки начинала уже кружиться голова. Почтенная хозяйка, какъ оказалось, знала въ совершенствѣ всю подноготную жизни всѣхъ сосѣдей своего околотка, въ особенности женской ея половины, и, выкладывая весь этотъ богатый запасъ свѣдѣній своей гостьѣ, сама захлебывалась отъ удовольствія.

Но съ особенною любовью и интересомъ эта достойная половина обладателя попоны изъ парчи остановилась на мельчайшихъ подробностяхъ жизни Мухамеда-Мухамъ и его жены, Алими.

Въ этомъ интересномъ вопросѣ всевѣдѣніе хозяйки прямо уже не имѣло границъ, потому что доходило до такихъ сокровенныхъ закоулковъ, какъ... изнанка панталонъ мудрѣйшаго изъ муллъ! По самымъ точнымъ свѣдѣніямъ Аньзямяли оказывалось, что, когда Алимя шила своему супругу новыя панталоны изъ куска верблюжьяго сукна, поднесеннаго муллѣ къ празднику Курбанъ-Байрама Мустафой-Искакомъ-оглу, она перевернула на нихъ по нечаянности цѣлую чашку красной цареградской шелковицы вмѣстѣ съ сокомъ, и хотя ею были приняты сейчасъ же всѣ самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы на сукнѣ не осталось пятна, однако старанія ея не увѣнчались успѣхомъ, и мудрѣйшій изъ муллъ въ настоящее время носитъ на одномъ изъ сокровеннѣйшихъ уголковъ своего туалета огромнѣйшее темно-красное пятно, какъ уличительный документъ неловкости рукъ своей супруги.

Фяизя дѣлала видъ, что внимательно слушаетъ всю эту болтовню, но голова ея была занята совсѣмъ другою мыслью. Она нѣсколько разъ пристально поглядывала на

другой конецъ комнаты, гдѣ дочь хозяйки, Азетъ, относившаяся, повидимому, совершенно безучастно къ розсказнямъ своей матери, сидѣла, наклонившись надъ вышиваньемъ, и старательно отдѣлывала золотою ниткой какіе-то причудливые цвѣты и фигуры на краю широкаго полотенца. Фяизя, впрочемъ, обратила вниманіе на то, что эта безучастность была скорѣе притворной, потому что, когда Аньзямяль коснулась такой щекотливой подробности, какъ панталоны Мухамеда-Мухамъ, краска румянца покрыла нѣжныя щеки дѣвушки, и она еще ниже наклонилась къ работѣ.

Наконецъ, длинный рядъ и ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ сосѣдей околотка пришелъ къ концу въ неисчерпаемомъ калейдоскопѣ словоохотливой Аньзямяли и она вышла изъ комнаты по какимъ-то хозяйственнымъ надобностямъ.

Какъ только внутренняя дверь во дворъ затворилась за нею, Фяизя быстро встала со своего мѣста и, подойдя къ Азетъ, сунула ей подъ работу на колѣни какой-то голубой атласный пакетикъ, перевязанный крестъ-накрестъ серебрянымъ шнуркомъ, и при этомъ шепнула:

— Спрячь скорѣе, Азетъ: это тебѣ посылаетъ море.

Большіе блестящіе глаза дѣвушки поднялись на гостью скорѣе испуганно, чѣмъ удивленно.

— Какое море?—спросила она.

— То самое море, которое слушало твою пѣсню, и на дно котораго опустился твой золотой подарокъ. Это оно теперь посылаетъ тебѣ свой вѣщій отвѣтъ.

Изумленію дѣвушки не было предѣловъ. Густая краска стыдливости залила ея лицо, когда она прошептала:

— А ты какъ узнала про это?

— Мнѣ сказало море.

При этихъ словахъ изумленная дѣвушка опять вскинула на говорившую свои чудные глаза, въ которыхъ одновременно выражались и боязнь, и любопытство, и какое-то ласковое довѣріе.

— Не бойся меня, дитя, — продолжала ласково Фяизя. — Здѣсь для тебя много мѣста... Вотъ гдѣ для тебя давно уже готовъ самый завѣтный уголокъ,—и она приложила руку къ своему сердцу.—Черезъ нѣсколько дней я снова приду сюда для того, чтобы дать тебѣ возможность, если захочешь, послать со мною морю отвѣтъ... Ты не бойся и довѣряй мнѣ, потому что я молчаливѣе, чѣмъ сама пучина морская... Только спрячь подальше то, что я дала тебѣ... Никто въ цѣломъ свѣтѣ не долженъ знать ничего объ этомъ.

Въ этотъ моментъ за дверью снова раздался голосъ возвращавшейся Аньзямяли, и Фяизя поспѣшила занять свое мѣсто, а дѣвушка, сунувъ пакетикъ на грудь подъ кафтанъ, опять наклонилась надъ своею работой.

По возвращеніи хозяйки Фяизя для приличія посидѣла еще нѣсколько минутъ и, наконецъ, ушла, пообѣщавъ Аньзямяли на-дняхъ принести много красивыхъ раковинъ, которыя привезъ недавно ея сынъ, Ибрагимъ-Али, съ моря.

Руки у Азетъ дрожали какъ въ лихорадкѣ, когда она, улучшивъ, наконецъ, минуту и воспользовавшись отсутствіемъ матери, отправившейся провѣдать муллиху Алимю, вынула изъ-за кафтана переданный ей Фяизей атласный пакетикъ и стала разворачивать его.

Въ пакетикѣ оказалось письмо. Кромѣ голубого атласа,

оно было завернуто еще въ отдѣльную бумагу, на которой, вмѣсто адреса, было написано такъ:

«Море посылаетъ этотъ привѣтъ самому душистому и пышному изъ цвѣтковъ во всемъ свѣтѣ.

«Онъ дойдетъ до цвѣтка, если на то будетъ милость и соизволеніе всеблагого Аллаха,—да сіяетъ и блещетъ Его величайшее имя столько ярче всѣхъ звѣздъ небеснаго свода, сколько ярче горятъ изумрудъ и рубинъ при лучахъ солнца, чѣмъ простые булыжники, валяющіеся въ темную ночь на пыльной дорогѣ!

«Письмо это передастъ несравненному изъ цвѣтковъ рука преданнаго и вѣрнаго друга, если допуститъ это Господь,—да славится и восхваляется Его имя милліонами милліоновъ людей! — такая рука, которая не дрогнетъ взять пылающій уголь и смертоноснаго скорпіона, если понадобится отбросить ихъ отъ того, кому это письмо предназначено!

«О, Господи міровъ! Ты—единый владыко и царь земли и небесъ, подземныхъ пространствъ и всѣхъ безконечныхъ тѣнистыхъ обителей рая въ безпредѣльной дали надзвѣздныхъ высотъ!!»

Азетъ дважды перечитала это замѣняющее адресъ предисловіе. Глаза ея горѣли, лицо пылало счастливымъ румянцемъ. Она въ этотъ моментъ больше, чѣмъ когда-либо, дѣйствительно, походила на только что распустившійся пышный цвѣтокъ.

Вложивъ эту бумагу въ атласный пакетъ, дѣвушка развернула самое письмо, чтобы прочесть, и при первомъ же взглядѣ обомлѣла: листъ былъ сложенъ пополамъ и верхняя его половина, по обыкновенію, оставлена чистой, т.-е. не заполненной текстомъ. На этой половинѣ не было

даже, какъ должно было быть, подписи писавшаго, а были приложены только двѣ большія печати.

Видъ и форма этихъ печатей и привели Азеть въ изумленіе: на тонкихъ круглыхъ пластинкахъ окрашеннаго въ голубой цвѣтъ воска были оттиснуты двѣ стороны той самой подаренной Азеть матерью золотой монеты, которую она бросила въ море!

Значитъ, Фяизя, въ глазахъ которой свѣтилось для нея столько любви и ласки, сказала правду, что море посылаетъ ей это письмо, потому что кто же, кромѣ моря, могъ приложить сюда лежащую на днѣ его пучины монету?

Но какъ понять все это? И что за связь между моремъ и этою доброю женщиной, которую Азеть знаетъ давно, еще съ самаго дѣтства?

И она стала читать письмо:

«Нѣтъ бога, кромѣ Бога!..

«Когда всемогущій Создатель вселенной, Аллахъ, сотворивъ землю, взглянулъ на Свое твореніе съ высоты лучезарнаго престола, оно Ему показалось бѣднымъ и жалкимъ, потому что на землѣ еще не было цвѣтовъ... И Онъ щедрою рукой Своей усыпалъ эту землю цвѣтами.

«Когда Онъ вторично взглянулъ внизъ, то хотя цвѣточный коверъ, покрывавшій землю теперь, и украсилъ ее, какъ богатый нарядъ украшаетъ всякаго, даже самаго безобразнаго человѣка, но и этотъ сотканный изъ цвѣтовъ коверъ показался ему бѣднымъ, потому что между цвѣтами не было еще голубой душистой фіалки!

«И милосердный Творецъ всякой красоты протянулъ надъ міромъ опять Свою чудесную десницу, и изъ нѣдръ его выглянули среди этого ковра голубые глазочки скром-

ной фіалки, а воздухъ наполнился такимъ чудеснымъ ароматомъ, которому подобнаго нѣтъ въ цѣлой природѣ. Ароматъ этотъ вознесся до самаго подножія Божьяго трона и наполнилъ радостью сердце самого Міротворца, который послѣ этого призналъ свое твореніе совершеннымъ.

«Поэтому-то и сказалъ величайшій изъ всѣхъ ходившихъ по землѣ пророковъ, пророкъ Магометъ, о фіалкѣ то, что сказалъ, и эти его святыя слова такъ записаны въ святой книгѣ: «Запахъ фіалки превосходитъ всякій запахъ, какъ религія эль-ислама превосходитъ всякія другія религіи».

«Ты, Азетъ, — самая скромная и самая душистая изъ всѣхъ фіалокъ цѣлаго міра,—да продлитъ Владыка жизни и смерти твою жизнь еще ровно столько лѣтъ, сколько качествъ приложено къ величайшему имени Его, а ихъ вѣдь, какъ извѣстно изъ той же святой книги, приложено девяносто-девять!

«Душа твоя открылась предъ могучимъ моремъ въ тотъ часъ, когда, спокойное и величавое, оно могло услышать твою полную дѣвичьихъ слезъ пѣсню... И море услышало этотъ твой вопль, лучшая изъ фіалокъ; оно приняло твой даръ, сберегло его въ тайникахъ своихъ прозрачныхъ глубинъ и отдало его тому, съ судьбой котораго оно судило связать до гробовой доски и твою судьбу... Знай же, душистый цвѣтокъ, что море судило тебя Ибрагиму-Али, сыну той самой доброй изъ матерей, изъ руки которой будетъ передана въ твои руки эта счастливая вѣсть. Такъ хочетъ море! Такъ хочетъ Самъ Богъ!!

«И хотя противъ такого суда могучаго моря возстала ослѣпленная золотомъ гордость отца твоего, Мустафы-Искака-оглу, но то, что должно быть, будетъ по велѣнію

моря, если бы даже золото отца твоего вѣсило въ десять, сто, тысячу разъ больше того, сколько вѣситъ онъ самъ со своею безмѣрною гордыней!

«Что отвѣтишь на это сама ты, райская птичка? Какой откликъ дастъ твое собственное чистое сердце, самый лучшій, самый скромный и самый душистый цвѣтокъ цѣлаго міра?! Бальзамъ или ядъ, свѣтъ или тьму, жизнь или смерть пришлешь ты тому, кто въ любящемъ сердцѣ считаетъ уже тебя своею женой и кто приложилъ здѣсь эту печать, какъ вѣрный и лучшій признакъ того, что онъ есть счастливый избранникъ моря-судьи?..

...«И Магометъ его пророкъ!!»

Прошло нѣсколько дней. Азетъ поминутно поглядывала сквозь деревянныя рѣшетки оконъ, чтобъ увидѣть, не подходитъ ли къ ихъ дому та, которую она давно уже ждала съ такимъ нетерпѣніемъ и которая, уходя, обѣщала притти опять черезъ нѣсколько дней.

Наконецъ, наканунѣ пятницы Фяизя пришла и принесла съ собой обѣщанный Аньзямяли узелокъ красивыхъ раковинъ. Когда дѣвушка увидѣла ее, лицо ея зардѣлось, какъ маковъ цвѣтъ, счастливымъ румянцемъ, и она невольно потупила глаза.

Аньзямяль засуетилась и заахала отъ радости при видѣ давно желанной гостьи. Ее, въ свою очередь, радовали не столько даже принесенныя гостьей красивыя раковины, сколько то обстоятельство, что появился свѣжій человѣкъ, которому достойная наблюдательница текущей жизни могла немедленно же передать всѣ послѣднія новости околотка.

И счастливая супруга не въ мѣру гордаго Мустафы-Искака-оглу поспѣшила освободить свою грудь отъ да-

вившаго ее спуда интереснѣйшихъ свѣдѣній и подѣлиться съ пришедшей самыми животрепещущими событіями дня. Главнѣйшими изъ этихъ новостей были слѣдующія: во-первыхъ, мужъ ея приказалъ ей приготовить на завтра въ изобиліи всякихъ яствъ и угощеній, такъ какъ назавтра ожидалось прибытіе въ Таракташъ такого почетнаго и желаннаго гостя, какимъ всегда считался старый Хайдаръ со своею удивительною скрипкой. Онъ, конечно же, будетъ пѣть свои чудесныя пѣсни, въ которыхъ онъ разсказываетъ много разныхъ удивительныхъ вещей.

Во-вторыхъ, пятнастая корова муллихи Алими,—та самая корова, которую уже два года ея мужъ, Мустафа-Искакъ, безуспѣшно торгуетъ у муллы и которая даетъ такое густое молоко, что катыкомъ изъ этого молока можно было бы угостить самого султана, — не дальше, какъ сегодня утромъ, сломала себѣ лѣвый рогъ у самаго корня. Конечно, только у такой хозяйки, какъ Алимя, и можетъ случиться что-нибудь подобное! Вѣдь гдѣ же это видано и гдѣ слыхано, чтобы такую корову можно было выпускать со двора въ лѣсъ съ привязанною къ рогамъ веревкой?! Какъ дошла на привязи, такъ и выпустила. Хорошо еще, что, зацѣпившись въ лѣсу веревкой за пень, она сломала себѣ только одинъ рогъ: вѣдь если бы рога эти были покрѣпче, то, рванувшись сильнѣе, корова легко могла оторвать себѣ отъ туловища и всю голову! Подѣломъ Алимѣ! Пусть другой разъ будетъ поумнѣе! Пусть не кичится своимъ катыкомъ!

Въ-третьихъ!.. Но когда Аньзямяль дошла до этого нарочно оставленнаго ею pour la bonne bouche нумера, глаза и все лицо изобразили столько удовольствія, что она даже остановилась на секунду и, видимо, смаковала

впередъ то ошеломляющее дѣйствіе, которое, конечно же, должна произвести на слушательницу предстоящая новость.

Но вѣсть эта была или слишкомъ сенсаціоннаго характера, такъ что ее можно было довѣрить только пріятельскому уху, но такъ, чтобы и стѣны даже не подслушали, въ чемъ дѣло, или же—и это, пожалуй, было вѣрнѣе—присутствіе дочери, Азеть, стѣсняло словоохотливую мамашу, потому что Аньзямяль наклонилась къ Фяизѣ и стала быстро, не переводя духа, шептать ей что-то на ухо.

Какъ ни равнодушно выслушивала Фяизя, пришедшая сюда совсѣмъ за другимъ, всѣ эти сплетни, но такъ таинственно сообщенное ей, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ было нѣчто удивительное, потому что она покачала головой и даже усумнилась:

— Керчекъ-мы? [1])—удивленно спросила она.

— Керчекъ! [2])—отвѣтила хозяйка убѣжденнымъ тономъ и побѣдоносно взглянула на слушательницу съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать: «что же ты теперь послѣ этого скажешь?»

Но по выраженію лица гостьи было ясно, что она положительно отказывается вѣрить сообщенному.

— Бошла харды, бошла харды! [3])—махнула она рукой.

— Отчего бошла харды?—подступила къ ней обидѣвшаяся Аньзямяль.—Развѣ я у совы взяла глаза, которые днемъ слѣпы, или болтливая сорока привязала мнѣ на мѣсто моего свой языкъ, чтобы онъ стрекоталъ пустяки?

---

[1]) Правда ли?

[2]) Правда!

[3]) Пустая болтовня, пустая болтовня!

— Ни про сову, ни про сороку я не думала,—возразила ей спокойно Фяизя, — а просто этого не можетъ быть... Вѣдь не слыхано еще было, сколько свѣтъ стоитъ, чтобы табачный стебель выросъ на голой скалѣ, или чтобы сухое обгорѣвшее дерево вдругъ опять зацвѣло, какъ свѣжее и зеленое?! Нѣтъ, сосѣдка, что-что, а этого не можетъ быть!

— Все можетъ быть, все можетъ быть!—сказала скороговоркой хозяйка.—Я смотрѣла глазами, а не носками моихъ терликовъ... Когда Аллахъ захочетъ, все можетъ быть,—заключила она и, признавъ этотъ вопросъ окончательно исчерпаннымъ, перешла къ сообщенію другихъ, хотя и менѣе выдающихся, но во всякомъ случаѣ свѣжихъ и интересныхъ уже по одному этому новостей.

Наконецъ, разрядившись совершенно, хозяйка вдругъ вспомнила, что на дворѣ у нея сидитъ въ печкѣ свѣжій хлѣбъ на завтра, и стремительно вылетѣла изъ комнаты.

Теперь только наступилъ тотъ моментъ, ради котораго Фяизя пришла сюда подъ благовиднымъ предлогомъ отдать обѣщанныя раковины.

Азетъ сама подошла къ ней и подсѣла рядомъ.

— Что скажетъ мнѣ любимая, моремъ данная дочь?— ласково спросила Фяизя.

Дѣвушка не сказала ничего, а только, наклонившись, положила свою голову къ ней на грудь и крѣпко прижалась. Фяизя одною рукой нѣжно погладила ее по лицу, и въ это время на другую, лежавшую на колѣняхъ, упала горячая капля. У матери Ибрагима-Али навернулись на глазахъ слезы.

— Я съ пустыми руками уйду отсюда?

— Нѣтъ, ты понесешь эту вещь.

И Азетъ сунула въ руку Фяизѣ маленькій пакетикъ изъ голубого шелка, на которомъ была вышита серебромъ фіалка.

— Кому же я должна отдать это? — спросила Фяизя, улыбаясь.

— Тому, отъ кого ты принесла мнѣ счастливую вѣсть.— И затѣмъ, поглядѣвши на нее долгимъ взглядомъ, Азетъ спросила:—А *это* скоро будетъ?

— Про то знаетъ одинъ Богъ да море, — отвѣтила уклончиво мать Ибрагима-Али.

— Я хочу, чтобы это скоро случилось... Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше!

— Кустъ съ колючками выростаетъ изъ земли прежде чѣмъ на немъ распустится роза, — сказала загадочно Фяизя.

— Фіалки растутъ въ травѣ, безъ куста! — тихо сказала Азетъ и отошла отъ Фяизи, потому что за дверью опять послышались шаги возвращавшейся со двора матери.

Ибрагимъ-Али сіялъ, читая вложенную въ пакетикъ съ серебряною фіалкой бумажку. На ней было лишь нѣсколько строчекъ, но въ этихъ строчкахъ было сказано все, что составляло теперь для него самую дорогую и завѣтную мечту жизни.

«Пусть пресвѣтлый Аллахъ допуститъ,—писала Азетъ,— чтобъ этотъ отвѣтъ достигъ до руки, глаза, уха и сердца того, кому море велѣло послать мнѣ счастливую вѣсть!

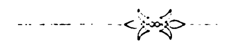
«Азетъ говоритъ избраннику моря такъ: когда онъ придетъ и скажетъ ей: «беру тебя въ жены для себя»,— губы ея будутъ молчать, но сердце громко воскликнетъ: «я сама отдаюсь тебѣ, мой повелитель!»

«Азетъ молитъ Дарителя всякаго счастія, чтобы этотъ часъ наступилъ скорѣе, чѣмъ станетъ черствымъ свѣжій хлѣбъ, который вынетъ изъ печи мать избранника моря въ первый разъ послѣ того, какъ глаза его увидятъ, какъ неумѣло рука Азетъ вышила тотъ самый цвѣтокъ, который теперь всегда будетъ для нея самымъ дорогимъ въ мірѣ!»

— Мать, когда ты будешь печь свѣжій хлѣбъ?—спросилъ вдругъ Ибрагимъ-Али.

— Завтра въ полдень выну изъ печи,—отвѣтила удивленно Фяизя.

— Такъ пусть же будетъ такъ, какъ хочетъ Азетъ,—воскликнулъ Ибрагимъ-Али и передалъ матери содержаніе принесеннаго ею отвѣта.

IX.

Ночные посѣтители „башни Дѣвы".

Поздняя луна медленно выползала изъ-за густой пелены, которою точно задернутъ былъ горизонтъ. Багрянокрасный серпъ ея постепенно показывался однимъ верхнимъ рогомъ изъ-за туманной дымки, бросая слабые лучи а расходившееся и точно вскипѣвшее море, на темные силуэты скалъ, начинавшіе обрисовываться изъ общей мглы, благодаря чуть мерцавшему свѣту этихъ лучей, и на заснувшую долину, которая длинною черною полосой уходила въ глубину горъ.

Море въ эту послѣднюю четверть луны разыгралось не на шутку и, поминутно вспыхивая на всемъ пространствѣ милліонами фосфорическихъ блестковъ въ шипящей

пѣнѣ на гребняхъ валовъ, казалось теперь въ темнотѣ зіяющею пропастью, по которой съ ревомъ и грохотомъ блуждали эти загадочные огоньки.

Но въ воздухѣ было совершенно тихо. Тяжелая теплая мгла висѣла кругомъ неподвижно и ни одна даже чуть примѣтная струйка вѣтра не шелохнула заснувшихъ листьевъ деревъ. Ни на секунду не смолкавшій грохотъ бури убаюкалъ природу: она притихла сначала, точно испугавшись этого ужаснаго взрыва злобы разъяренной стихіи, да такъ и заснула тяжелымъ мертвеннымъ сномъ.

По скалѣ между верхней и средней башнями давно уже мелькала какая-то блестящая точка. Огонекъ медленно поднимался вверхъ къ башнѣ Дѣвы, то пропадая на нѣкоторое время изъ вида, то снова показываясь надъ темнымъ контуромъ скалы. Наконецъ, когда эта блестящая точка доползла до самаго верха, она остановилась на секунду и вслѣдъ затѣмъ потухла совсѣмъ.

Обширный полуразрушенный залъ башни Дѣвы былъ тускло освѣщенъ небольшимъ фонаремъ. Двѣ стѣны его, высѣченныя въ скалѣ, и часть крыши стояли нетронутыми временемъ; но двѣ другія, сложенныя искусственно изъ огромнѣйшихъ плитъ, и большая половина зубчатой вышки съ ведущею на нее изъ зала башни узенькою каменною лѣстницей, отъ которой уцѣлѣло только нѣсколько висѣвшихъ тамъ и сямъ отдѣльныхъ ступенекъ, наполовину развалились и своими обломками засыпали почти доверху одинъ уголъ этого таинственнаго чертога.

У одной изъ уцѣлѣвшихъ стѣнъ былъ сложенъ изъ громадныхъ глыбъ камня четырехугольный помостъ въ видѣ стола, на краю котораго былъ поставленъ фонарь; а въ самомъ углу между стѣнами находилось аркообразное

углубленіе въ ростъ человѣка, очевидно служившее нѣкогда дверью въ сосѣднее отдѣленіе башни, представлявшее теперь лишь высокую груду обломковъ. Здѣсь же, въ залѣ, ближе къ углу тѣхъ двухъ стѣнъ, которыя уже были полуразрушены, на каменномъ полу находилось маленькое возвышеніе отъ бортовъ того самаго глубокаго колодца, въ который проникъ съ бухты Ибрагимъ-Али черезъ случайно открытый имъ подводный проходъ сквозь расщелину скалы. Почти круглое отверстіе этого колодца съ приподнятыми надъ поломъ краями было прикрыто нѣсколькими плоскими каменными плитами, между которыми оставались довольно широкія щели, а двѣ изъ нихъ въ самой серединѣ были положены настолько косо, что между ними образовался просвѣтъ въ видѣ треугольника, который зіялъ темнотой. Часть крыши въ этой сторонѣ башни давно уже рухнула подъ напоромъ времени вмѣстѣ съ частями обѣихъ искусственныхъ стѣнъ и потому-то Ибрагимъ-Али видѣлъ сквозь просвѣтъ треугольника такъ поразившія его двѣ голубыя звѣзды.

Свѣтъ фонаря освѣщалъ одинъ только уголъ каменнаго чертога и еще болѣе усиливалъ царившій вокругъ мракъ.

Недалеко отъ фонаря, на первой ступенькѣ лѣстницы, соединявшей нѣкогда залу съ вышкой, сидѣла Фяизя. У ногъ ея на полу помѣщался сынъ, Ибрагимъ-Али. Тутъ же недалеко лежалъ какой-то завязанный въ темный платокъ узелокъ и очень большой кругъ свитой изъ волоса тонкой бечевки со множествомъ бѣлыхъ палочекъ, каждая въ палецъ толщиной и не больше четверти аршина длиной.

Пришедшіе сюда въ такой неурочный часъ посѣтители отдыхали отъ труднаго подъема и тихо переговаривались.

— Зачѣмъ ты, мой любимый сынъ, утѣха и радость души моей, задумалъ такое безумное дѣло? Вѣдь ты наполнилъ бѣдное сердце матери такою тревогой, что оно рвется на части отъ страха,—говорила задумчиво Фяизя, отирая глаза концомъ отброшенной съ лица темной чадры.

— Ты, мать, напрасно только печалишь себя... Сама судьба захотѣла, чтобы я поступилъ такъ, какъ рѣшилъ поступить, потому что иначе глазъ мой не увидитъ Азетъ подъ своею крышей.

— Если судьба судила ее тебѣ въ жены, то это и такъ исполнится, безъ того, чтобы ты рисковалъ погибнуть по доброй волѣ своей и осиротить насъ двухъ стариковъ, которые зажгли въ тебѣ свѣтъ жизни вовсе не для того, чтобы видѣть, какъ онъ погаснетъ... Сохрани насъ Богъ, сохрани насъ Богъ отъ такой великой бѣды!— и Фяизя съ безконечною скорбью въ лицѣ качала при этихъ словахъ головой.

— Нѣтъ, мать, не отговаривай меня: жизнь безъ Азетъ для меня послѣ того, какъ Аллахъ захотѣлъ, чтобы я увидѣлъ этого ангела, хуже смерти.

— А если ты потонешь?

— Ты знаешь, мать, что я въ водѣ могу поспорить съ любою водяною птицей и рыбой.

— Это я знаю, но здѣсь подъ скалой сильный прибой можетъ какъ легкую щепку бросить тебя на камень и разбить на мелкія части... Когда твой старый отецъ разсказывалъ мнѣ про это глупое слово отца Азетъ, онъ прибавилъ: «Значитъ, Ибрагиму не суждено имѣть эту дѣвушку своею женой, потому что не родился еще тотъ человѣкъ, который могъ бы исполнить такое дурацкое условіе, которое способенъ былъ придумать только ослѣ-

плѣнный неслыханною гордостью человѣкъ, и остаться живымъ». Такъ онъ говорилъ, Ибрагимъ, а твой старый бабай знаетъ море еще лучше, чѣмъ ты.

— Это онъ говорилъ потому только, что не знаетъ того, что случайно узналъ я, какъ будто нарочно для того, чтобы сумѣть выполнить сказанное гордымъ отцомъ дѣвушки. Слушай же, мать, меня хорошо и ты сама увидишь, что тебѣ нечего такъ страшиться за меня. Я нарочно привелъ теперь тебя сюда, чтобы ты своими глазами увидѣла то, о чемъ я разсказалъ одной только тебѣ и чего больше не знаетъ и никогда не узнаетъ никто.

И Ибрагимъ-Али передалъ матери подробно свой планъ.

Мустафа-Искакъ, отказавшій наотрѣзъ отдать ему въ жены Азетъ, потому что хотѣлъ имѣть зятемъ мурзака, имѣлъ неосторожность обмолвиться однимъ условіемъ, которое, конечно же, этотъ, не въ мѣру гордый, благодаря своему богатству, человѣкъ считалъ совершенно невыполнимымъ. Онъ сказалъ, что отдастъ и даже безъ выкупа и съ богатымъ приданымъ Азетъ ему въ жены только въ такомъ случаѣ, если Ибрагимъ-Али рѣшится прыгнуть въ море со скалы, на которой стоитъ башня Дѣвы, и если онъ не погибнетъ. Это было бы, конечно, вовсе не исполнимымъ, если бы судьба не открыла случайно Ибрагиму подводнаго прохода въ колодецъ, выходящій въ башню. Теперь же это—пустякъ! Подъ скалой море очень глубоко, такъ что, упавши въ него съ разлета, Ибрагимъ не рискуетъ убиться о дно. А привыкнувъ уже съ дѣтства прыгать въ воду съ большой высоты, Ибрагимъ-Али, конечно, сумѣетъ долетѣть до воды прямо, чтобы не убиться, ударившись о поверхность ея плашмя. Какъ

бы ни сильна была буря и какъ бы ни былъ страшенъ прибой у скалы, тѣло человѣка, разлетѣвшагося съ большой высоты, пронесется, благодаря своей тяжести, сквозь волны и верхніе взбаламученные слои воды такъ стремительно быстро, что не успѣетъ быть отброшеннымъ валомъ, во всякомъ случаѣ, а въ особенности, если долетитъ до воды въ тотъ моментъ, когда разбившійся о скалу валъ стремительнымъ потокомъ несется назадъ и, встрѣтившись съ новымъ набѣгающимъ валомъ, производитъ кипящій пѣной и брызгами водоворотъ. А пройдя благополучно верхній бушующій пластъ воды и достигнувъ нижнихъ совершенно спокойныхъ ея слоевъ, Ибрагимъ-Али, которому не нужно уже будетъ подниматься опять на поверхность, гдѣ бы онъ теперь уже, навѣрно, погибъ бозвозвратно, потому что въ ту же минуту былъ бы разбитъ волной о скалу,—нырнетъ въ извѣстный ему подводный проходъ и черезъ нѣсколько секундъ очутится уже въ этомъ глубокомъ колодцѣ, а еще черезъ нѣсколько минутъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь сидитъ съ матерью. Онъ одѣнется здѣсь въ то платье, которое мать принесла въ узелкѣ, и, выйдя черезъ отверстіе въ стѣнѣ на другую сторону башни такъ, что никто изъ стоящихъ на берегу и первыхъ уступахъ скалы людей его не замѣтитъ, спокойно опустится внизъ къ долинѣ по крутой тропинкѣ, идущей по ту сторону скалы.

А для того, чтобы изъ глубины колодца подняться наверхъ, онъ принесъ съ собой очень крѣпкую и длинную волосяную бечевку, связанную изъ нѣсколькихъ концовъ рыболовныхъ бечевокъ отъ устричныхъ сѣтей-волокушъ; онъ привязалъ на ней въ разстояніи одного аршина другъ

отъ друга крѣпкія кизиловыя палочки и такимъ образомъ устроилъ надежную и удобную веревочную лѣстницу. По этой лѣстницѣ онъ легко и свободно выберется изъ колодца вверхъ. Узелокъ съ одеждой онъ спрячетъ сейчасъ гдѣ-нибудь въ башнѣ и теперь же приспособитъ и веревочную лѣстницу, чтобы все было готово къ тому времени, когда придется исполнить задуманное.

— Теперь ты видишь, мать, что ты горюешь напрасно,—закончилъ онъ свое объясненіе и прибавилъ:—Море показало мнѣ эту чудесную дѣвушку, море открыло мнѣ свою вѣками никому неизвѣстную тайну, море отдало мнѣ золотой даръ Азетъ, такъ пусть же оно и разсудитъ меня съ гордымъ отцомъ этой дѣвушки! Я вѣрю, мать, что этотъ судъ моря будетъ судъ правый, и что оно присудитъ мнѣ ту, ради которой я готовъ рѣшиться на все и которая, даже не видя меня, уже отдала мнѣ свое какъ глазъ Магомета чистое сердце,

И Ибрагимъ-Али сталъ приспособлять веревочную лѣстницу. Фяизя держала около него фонарь, а онъ сталъ опускать въ колодецъ веревку, привязавъ предварительно на концѣ ея тяжелый камень.

Опуская постепенно эту лѣстницу внутрь колодца, онъ считалъ, сколько уходило палочекъ. Едва девяносто девятая палочка мелькнула въ треугольникѣ, какъ привязанный къ концу веревки камень коснулся уже воды.

— Смотри, мать,—сказалъ при этомъ Ибрагимъ-Али радостнымъ голосомъ: — глубина колодца, а значитъ и высота утеса, съ котораго я прыгну, девяносто девять аршинъ. Это значитъ, что я долженъ исполнить задуман-

ное во славу Того, къ имени котораго Коранъ прилагаетъ ровно столько же названій. Значитъ, самъ Аллахъ поможетъ мнѣ въ этомъ!

— Да будетъ же Его благая воля!—набожно сказала начинавшая уже успокаиваться мать.

Ибрагимъ-Али обвязалъ верхній конецъ веревки вокругъ толстой каменной плиты, а для того, чтобы привязаннаго конца не было видно на случай, если бы кто-нибудь зашелъ въ башню прежде, чѣмъ это приспособленіе сослужитъ свою службу, онъ положилъ на ту плиту, вокругъ которой конецъ веревки былъ обмотанъ, другую, меньшую, и, кромѣ того, расширилъ немного просвѣтъ треугольника, отодвинувъ составлявшія его плиты одну отъ другой для того, чтобы въ просвѣтъ этотъ свободно можно было пролѣзть изнутри. Узелокъ съ одеждой затѣмъ былъ спрятанъ въ широкой трещинѣ стѣны и заложенъ снаружи каменною плитой.

— Теперь ты, мать, видѣла собственными глазами, что задуманное мною совсѣмъ не такъ страшно, какъ ты думала. Успокойся же и жди терпѣливо: черезъ нѣсколько времени по волѣ всемогущаго Бога, вмѣсто одного сына ты будешь имѣть сына и любимую дочь,—сказалъ сынъ, окончивши всѣ приготовленія.

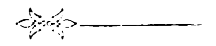
— Пусть будетъ такъ, какъ должно быть и какъ опредѣлено у милосерднаго Отца всѣхъ людей въ начертанной Имъ раньше сотворенія земли и неба книгѣ судебъ!—отвѣтила Фяизя, и мать съ сыномъ, взявши фонарь, вышли изъ башни и стали спускаться со скалы.

Спустившись въ долину, они задули фонарь.

Востокъ только что начиналъ чуть замѣтно алѣть первыми проблесками утренней зари, когда мать и сынъ

тихо входили подъ свою крышу. Никто не узналъ объ этомъ ихъ ночномъ путешествіи.

Байкеттынъ - Умэръ - Аромазанъ - оглу сладко спалъ на арбѣ, полной свѣжаго сѣна.

X.

Бродячій пѣвецъ Хайдаръ.

Аньзямяль сказала Фяизѣ правду относительно прибытія Хайдара.

Дѣйствительно, на другой день въ полдень въ Тарак-ташъ въѣхала трусцой неимовѣрно высокая двухколеска съ рогожнымъ верхомъ, запряженная громаднымъ костлявымъ каурымъ мериномъ, у котораго нижняя губа отвисла и болталась какъ какое-то постороннее тѣло, прицѣпленное къ головѣ лошади,—признакъ глубокой старости.

Въ двухколескѣ сидѣлъ бѣлый, какъ лунь, старикъ съ мѣдно-краснымъ лицомъ и очень густыми, совершенно бѣлыми бровями, подъ которыми помѣщались замѣчательные глаза: одинъ былъ коричнево-карій, а другой—свѣтло-голубой. Эта рѣдкая особенность глазъ придавала всему, нѣсколько суровому, лицу старца такое удивительно рѣзкое выраженіе проницательности, что, вѣроятно, изъ-за этого всѣ знавшіе Хайдара татары—а его знали поголовно татары всего Крыма—относились къ нему съ особеннымъ, доходившимъ до благоговѣнія, уваженіемъ.

Они говорили:

— Не даромъ онъ разноглазый: свѣтлый глазъ его видитъ, что дѣлается теперь на всемъ бѣломъ свѣтѣ, а темный смотритъ въ прошлое и видитъ, что тамъ соверша-

лось. Счастіе его, что Аллахъ не далъ ему еще третьяго глаза, потому что имъ онъ видѣлъ бы все будущее и тогда онъ не захотѣлъ бы и жить на этой землѣ.

Склонные ко всему загадочному, многіе изъ татаръ увѣряли, что старый Хайдаръ никогда не спитъ обоими глазами сразу: пока спитъ темный глазъ, свѣтлый зорко смотритъ; а когда засыпаетъ свѣтлый, темный глазъ, не моргая, смотритъ на свѣтъ Божій и не пропускаетъ ничего.

Вообще же Хайдара очень любили вездѣ за его удивительныя пѣсни-разсказы, въ которыхъ онъ передавалъ о разныхъ загадочныхъ исторіяхъ, совершавшихся въ Крыму въ стародавнія времена. Невзирая на очень преклонный возрастъ, у Хайдара былъ довольно сильный, хотя и старческій голосъ, и онъ мастерски говорилъ речитативомъ подъ аккомпанементъ своей поставленной вертикально на ногу скрипки связанныя съ разными мѣстностями Крыма легенды.

У Хайдара было множество внуковъ и правнуковъ, жившихъ на пространствѣ цѣлаго Крыма, и имъ-то онъ отдавалъ всегда все заработанное при своихъ, если можно такъ выразиться, артистическихъ путешествіяхъ. А зарабатывалъ онъ много, очень много, такъ много, что всѣ эти семьи внуковъ и правнуковъ жили очень богато. Хайдара любили вездѣ и вездѣ щедро награждали деньгами и всѣмъ необходимымъ за его пѣсни. Но старикъ продолжалъ оставаться бѣднякомъ и, кромѣ своей двухколески съ рогожнымъ верхомъ, скрипки и глубокой старости мерина съ отвисшею губою, на которомъ онъ ѣздилъ уже больше двадцати лѣтъ, не имѣлъ рѣшительно ничего. Старикъ все, и деньги и продукты, сейчасъ же дѣлилъ между безчисленною родней и дѣлилъ всегда строго спра-

ведливо, наблюдая, чтобы не обдѣлить кого-нибудь изъ этой родни случайно; а самъ пользовался только однимъ, и то потому лишь, что этого уже невозможно было отдать никому. Это единственное былъ почетъ, который ему за старость и пѣсни оказывали всюду.

Необходимо прибавить еще, что Хайдаръ былъ именно своеобразнымъ музыкантомъ-артистомъ, а не ремесленникомъ. Часто онъ пѣлъ свои пѣсни-легенды одинъ по ночамъ среди лѣсной поляны, гдѣ онъ останавливался на ночлегъ. Въ такіе моменты онъ композировалъ, не имѣя передъ собой никого другого слушателемъ, кромѣ одного своего неизмѣннаго кaураго мерина, который, впрочемъ, къ музыкѣ своего хозяина относился снисходительно-равнодушно и не переставалъ ни на минуту предаваться иному, хотя и болѣе грубому, но и болѣе питательному занятію. А старикъ увлекался, забывалъ и усталость и сонъ, и часто только заря и разсвѣтъ напоминали ему, что давно пора отдохнуть.

Какъ могъ создаться такой сообразный типъ бродячаго рапсода? На этотъ вопросъ довольно трудно отвѣтить что-нибудь другое, кромѣ того, что Хайдаръ былъ и единичнымъ и вполнѣ самобытнымъ рапсодомъ, носителемъ между прочимъ, преданій чисто татарскаго мѣстнаго эпоса.

Итакъ, этотъ разноглазый пѣвецъ-музыкантъ въ полдень, на другой день послѣ ночного посѣщенія Фянзей съ Ибрагимомъ башни, въѣзжалъ въ Таракташъ.

Вѣрный данному Мустафѣ-Искаку-оглу слову, онъ направился прямо къ нему. Черезъ часъ послѣ того, какъ старый пѣвецъ въѣхалъ во дворъ отца Азетъ, въ нарядной кунацкой уже стоялъ низенькій и очень широкій

столъ, выложенный перламутромъ, на которомъ дымились круглыя жестяныя блюда съ катламой, пастой, шашлыками, бараньимъ пилавомъ и поданнымъ къ катламѣ кипяченымъ медомъ.

За столомъ, кромѣ Хайдара и самого Мустафы-Искака-оглу, засѣдалъ еще почетный гость, мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ.

Пріятели въ полномъ безмолвіи добросовѣстно очищали содержимое блюдъ, обильно запивая съѣденное прохладною язмой [1]).

Вѣсть о прибытіи стараго пѣвца, благодаря тому, что у жены Мустафы-Искака-оглу, какъ она сама говорила, и глаза были не совиные, и языкъ не сорочій, очень быстро разнеслась по всему Тарақташу. День былъ праздничный, пятница, всѣ были дома, и потому неудивительно, что въ домѣ Мустафы-Искака-оглу скоро собралась цѣлая толпа тараклашцевъ, желавшихъ увидѣть и услышать пріѣзжаго мудраго старца.

Уже и кунацкая, и сосѣдняя съ нею комната, и весь коридоръ были полны безмолвно сидѣвшими съ поджатыми подъ себя ногами сосѣдями. Нѣсколько мальчиковъ разносили между гостями, предлагая то тому, то другому, большіе картузы изъ краснаго и зеленаго сафьяна съ табакомъ собственныхъ бахчей хозяина, и гости добросовѣстно набивали свои трубки и курили такъ ожесточенно-усердно, что въ комнатѣ среди облаковъ табачнаго дыма буквально ничего не было видно.

---

[1]) Язма—любимый и, дѣйствительно, очень прохладительный напитокъ; это—вода съ небольшимъ количествомъ разболтаннаго въ ней катыку.

Хайдаръ сидѣлъ на небольшомъ мягкомъ тюфячкѣ въ почетномъ углу кунацкой между муллой-эфенди Мухамедомъ-Мухамъ и хозяиномъ дома.

Почтенный мулла, невзирая на жару, былъ въ тѣхъ самыхъ праздничныхъ шароварахъ изъ верблюжьяго сукна, сокровенная тайна которыхъ, благодаря похвальному усердію Аньзямяли въ распространеніи всякаго рода вѣстей, давно уже стала въ мельчайшихъ подробностяхъ извѣстной всему женскому населенію Тарakташа. Это, впрочемъ, нисколько не подрывало авторитета и духовнаго вліянія на свою паству уважаемаго муллы, очевидно, потому, что штаны—сами по себѣ, а достойный мулла—самъ по себѣ, и одно отъ другого во всякомъ случаѣ весьма легко отдѣлимо!

А народъ все продолжалъ прибывать и дошло, наконецъ, до того, что вновь приходившіе буквально уже не могли протѣсниться въ кунацкую, чтобы привѣтствовать почтеннаго гостя.

Тогда хозяинъ предложилъ перейти всѣмъ на свѣжій воздухъ и начинавшая уже задыхаться отъ жары и табачнаго дыма толпа повалила изъ дома во дворъ.

Въ числѣ гостей находился и Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу съ сыномъ. Предшествовавшее неудачное посѣщеніе имъ Мустафы-Искака-оглу не могло, конечно, повліять на характеръ послѣдующихъ отношеній между этими двумя сосѣдями уже потому, что татары обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ разсуждаютъ такъ:

«Сватовство—дѣло отцовъ взрослыхъ дѣтей и дѣло полюбовное. Я хотѣлъ его дочь въ жены для своего сына—это мое дѣло; онъ не хотѣлъ моего сына въ мужья для своей дочери—это его дѣло. А ссориться намъ нѣтъ во-

все причины. Каждая дудка пищитъ по-своему, но это вовсе не мѣшаетъ многимъ дудкамъ лежать въ одномъ мѣшкѣ. Кто чѣмъ былъ до сватовства, тотъ тѣмъ же остался и послѣ него, и если раньше каждый изъ насъ считалъ другого сосѣдомъ благопріятнаго облика, то какая же причина потомъ вдругъ начать думать иначе?»

И Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу съ Мустафой-Искакомъ-оглу продолжали попрежнему оставаться добрыми сосѣдями.

Домъ отца Азетъ, какъ человѣка очень зажиточнаго, и по внѣшнему виду и по внутреннему убранству отличался отъ домовъ другихъ, менѣе его достаточныхъ жителей Тарakташа. Онъ былъ двухъэтажный, просторный, съ причудливо раскрашенными всевозможными восточными фигурами окнами и воротами и стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, въ переулкѣ недалеко отъ мечети.

За обширнымъ дворомъ, заставленнымъ всякими хозяйственными постройками и арбами и обнесеннымъ со всѣхъ сторонъ высокою оградой изъ сложенныхъ безъ всякаго скрѣпленія одна на другую каменныхъ плитъ, шла по пригорку, спускаясь къ рѣкѣ, зеленая лужайка, среди которой тамъ и сямъ стояло нѣсколько роскошныхъ пирамидальныхъ тополей и десятка два очень старыхъ и развѣсистыхъ деревьевъ волошскаго орѣха. Лужайка эта въ концѣ упиралась въ подножье очень высокой и заросшей сплошь кустарникомъ горы Таракъ-Ташъ (гребешокъ-скала) съ грузно надвинутыми на вершину ея зубчатыми скалами, отчасти похожими на гребень гигантскихъ размѣровъ. Здѣсь, въ концѣ лужайки, подъ горой, тихо гремя своими свѣтлыми и холодными струйками по сплошь усыпанному мелкими камнями руслу, текла рѣка Суукъ-су

(холодная вода). Тополи, волошскіе орѣхи и каштановыя деревья обступили въ этомъ мѣстѣ рѣку со всѣхъ сторонъ и образовали здѣсь живописный и вѣчно тѣнистый уголокъ.

Сюда-то именно, въ этотъ привѣтливый и укромный конецъ лужайки, пригласилъ своихъ многочисленныхъ гостей во главѣ съ наиболѣе почетными. Хайдаромъ и муллой-эфенди, Мустафа-Искакъ-оглу.

Проходя черезъ дворъ, Хайдаръ остановился у своей двухколески и вынулъ изъ находившагося въ ней ящика почернѣвшую отъ времени скрипку съ грубымъ самодѣльнымъ смычкомъ. Онъ ткнулъ ее себѣ за пазуху, и шествіе продолжалось.

Отлогій скатъ лужайки у самой рѣки подъ деревьями оказался уже по заранѣе отданному хозяиномъ распоряженію устланнымъ нѣсколькими громаднѣйшихъ размѣровъ войлоками, на которыхъ гости расселись рядами, поджавъ подъ себя ноги. Для Хайдара же впереди и нѣсколько выше всѣхъ былъ разостланъ особый коверъ и сверху него еще положенъ маленькій мягкій тюфячокъ, на которомъ онъ и усѣлся. Около него съ двухъ сторонъ заняли, какъ и раньше въ кунацкой, мѣста Мухамедъ-Мухамъ и самъ хозяинъ Мустафа-Искакъ-оглу. Сзади пѣвца на низкомъ табуретѣ былъ поставленъ большой широкогорлый кувшинъ язмы и красный сафьянный картузъ съ табакомъ.

Первыя трубки послѣ размѣщенія всѣхъ были выкурены въ совершенномъ безмолвіи, такъ какъ болѣе почетные люди, Хайдаръ и мулла-эфенди, молчали, и стало-быть, заговорить кому-нибудь изъ прочихъ гостей, очевидно, было бы верхомъ неприличія. Наконецъ, докуривъ

свою трубку и положивъ ее около себя, Хайдаръ нарушилъ молчаніе и произнесъ:

— Вижу я, правовѣрные, что вы желаете послушать то, что вамъ разскажетъ моя старая скрипка,

Всеобщее молчаніе свидѣтельствовало, что Хайдаръ не ошибался.

— Такъ ли мнѣ говорятъ мои оба глаза—и свѣтлый, и темный?

Утвердительное молчаніе снова свидѣтельствовало въ пользу глазъ стараго пѣвца.

— Скажи же, господинъ,—обратился вслѣдъ затѣмъ Хайдаръ уже прямо къ муллѣ-эфенди Мухамеду-Мухамъ:—отчего ни ты самъ и никто изъ подвластныхъ тебѣ, которые сидятъ здѣсь, не хотите отвѣтить мнѣ, не ошибся ли я?

— Мы всѣ единогласно отвѣтили тебѣ, Хайдаръ-ага, тѣмъ, что промолчали: не мнѣ говорить тебѣ, почтенный и мудрый ага, что молчаніе гораздо больше и гораздо яснѣе объясняетъ дѣло, чѣмъ самый говорливый языкъ... Кто молчитъ, когда его спрашиваютъ, тотъ, значитъ, почтительно подтверждаетъ обращенный къ нему вопросъ,—произнесъ и съ достоинствомъ, и въ то же время съ надлежащею почтительностью владѣлецъ историческихъ панталонъ изъ верблюжьяго сукна, носившихъ на себѣ слѣды красной цареградской шелковицы.

Головы всѣхъ сидѣвшихъ на войлокахъ послѣ этихъ словъ своего духовнаго главы и наставника равномѣрно покачались взадъ и впередъ, и руки погладили бороды. Вся паства при этомъ, казалось, такъ и говорила: «Вотъ какъ должны говорить истинно мудрые люди»!

И Хайдаръ остался доволенъ этимъ отвѣтомъ; онъ сказалъ:

— Не даромъ, господинъ, тебя весь свѣтъ называетъ мудрымъ: ты сказалъ немного словъ, но и въ этихъ немногихъ словахъ ты обнаружилъ уже весьма много мудрости... Почетъ и слава тебѣ, мудрый господинъ!

При этихъ словахъ всѣ пятнадцать десятковъ головъ на войлокѣ равномѣрно откачнулись справа налѣво, застыли на секунду въ такомъ наклоненномъ положеніи и снова возвратились къ нормальному: паства этимъ жестомъ говорила такъ: «Слышите?.. Не даромъ мы гордимся нашимъ муллой-эфенди и называемъ его мудрымъ! Вотъ это же самое говоритъ и мудрѣйшій изъ мудрыхъ!»

А самъ чествуемый между тѣмъ скромно отвѣтилъ:

— Ты, Хайдаръ-ага, не по заслугамъ ласковъ ко мнѣ и воздаешь мнѣ больше того, чѣмъ сколько я стою.

— Ни больше, ни меньше, а ровно столько, сколько слѣдуетъ.

— Нѣтъ, много больше .. Ты, напримѣръ, называешь меня господиномъ.

— Потому, что ты—господинъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ почетное названіе для меня.

— Оно принадлежитъ тебѣ по праву,—настаивалъ разноглазый пѣвецъ.

— Почему же? Я—просто скромный имамъ,—возражалъ Мухамедъ-Мухамъ.

Головы на войлокахъ насторожились; паства застыла, выслушивая такое рѣдкое состязаніе мудрости, но пока еще не могла рѣшить, какой жестъ ей придется сдѣлать.

— Но вѣдь ты же—мулла?

— Это ты говоришь ровно столько, сколько мнѣ слѣдуетъ.

— Значитъ, ты—господинъ!

— Но только не для тебя, ибо ты много мудрѣе и меня и всѣхъ муллъ въ окрестности.

— Нѣтъ: и для меня, и для нихъ,—Хайдаръ показалъ рукой на паству,—и для всего свѣта: и для правовѣрныхъ, и для гяуровъ!

Рты у головъ чуть-чуть пріоткрылись: Хайдаръ начиналъ говорить удивительныя вещи.

И Мухамедъ-Мухамъ, видимо, былъ совершенно озадаченъ. Въ особенности, онъ не могъ постигнуть своего духовнаго главенства надъ гяурами.

— Какъ я могу быть господиномъ даже для гяуровъ?—воскликнулъ онъ.

— Но вѣдь тебя муллой называютъ и правовѣрные и гяуры?

— Называютъ и тѣ и другіе... Всѣ называютъ.

— Значитъ, всѣ признаютъ и всѣ называютъ тебя господиномъ... Вѣдь слово «мулла» не наше, татарское, и не турецкое, и даже не персидское... Оно—арабское слово; но арабы его говорятъ не такъ, какъ мы—«мулла», а иначе; они говорятъ «мевла», а не «мулла»; а слово «мевла» обозначаетъ «господинъ»... Вотъ почему я правильно назвалъ тебя, когда сказалъ тебѣ «господинъ».

Паства была ошеломлена. Вслѣдъ за этими словами каждыя двѣ рядомъ торчавшія головы, повернувшись одна къ другой, покачались нѣсколько разъ съ боку на бокъ и приняли прежнее вертикальное положеніе. Это обозначало: «Ай-ай-ай!.. Сколько мудрости! Сколько мудрости!!»

А мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ, пораженный не менѣе всѣхъ остальныхъ, развелъ только руками отъ удивленія и тономъ полнаго почтенія къ старику сказалъ:

— Много есть глубокихъ колодцевъ, много есть глубокихъ рѣкъ; еще больше глубокихъ морей... Но такой глубокой мудрости еще не бывало въ нашей сторонѣ! Ты, почтенный Хайдаръ-ага, ага надъ агами и мевла надъ мевлами! Гдѣ ужъ намъ говорить, когда ты, мевла мевлъ, говоришь! Говори же, пожалуйста, а мы будемъ тебя слушать.

Головы почтительно не двигались.

— Что же вамъ разсказать?—спросилъ Хайдаръ.

— Что самъ знаешь, ага,—произнесъ мулла.

— Разсказать ли вамъ о подвигахъ нашего славнаго джигита Алима, котораго всѣ мы знаемъ и видѣли и, дастъ Богъ, увидимъ когда-нибудь снова? Или объ этой татаркѣ, которая вонъ стоитъ окаменѣвшая?—и Хайдаръ показалъ рукой вдаль, гдѣ виднѣлась скала Бака-Ташъ.—Или о томъ, какъ бѣдный пастухъ Гирей спасъ хана Хаджи, сына Хасанъ-Джефай-Башъ-Тимура, отъ руки грознаго Кадиръ-Берди-хана? Или, можетъ быть, спѣть вамъ о древней царицѣ-дѣвѣ Θеодорѣ, развалины дома которой, Кызъ-Куле, стоятъ здѣсь на скалѣ, какъ достовѣрный, хотя и молчаливый, свидѣтель былого?

Отвѣтить на этотъ вопросъ счелъ себя въ правѣ до сихъ поръ безмолвствовавшій хозяинъ дома, Мустафа-Искакъ-оглу.

— Ты, ага, мой почетный и желанный гость, а потому разрѣши мнѣ самому выбрать. Будь ласковъ, спой во славу имени Аллаха и Его великаго пророка Магомета еще разъ эту самую пѣснь, чтобы и я услышалъ ее, какъ слѣдуетъ. И они будутъ рады,—прибавилъ хозяинъ, указывая на сидѣвшихъ на войлокахъ,—потому что эта твоя пѣснь, говорятъ, чудная пѣснь; а что хорошо разъ, то будетъ хорошо и десять, и сто, и тысячу разъ.

Сидѣвшіе утвердительно качнули головами, а мулла-эфенди также утвердительно крякнулъ. Получилось общее утвержденіе.

— Пусть будетъ по-твоему, мой хлѣбосольный и гостепріимный хозяинъ,—согласился старый пѣвецъ и, вынувъ изъ-за пазухи свою скрипку, настроилъ ее и, поставивъ на лѣвое колѣно, проигралъ нѣсколько вступительныхъ тактовъ.

Толпа почтительно слушала... Хайдаръ запѣлъ.

XI.

Пѣснь Хайдара о царицѣ Ѳеодорѣ.

Слушайте, старцы и малыя дѣти,
Прошлаго славную быль!
Все, что вѣками свершалось на свѣтѣ,
Все пронеслося, какъ пыль!
Тамъ, гдѣ когда-то шумѣли кочевья
Полчищъ Кипчакской орды,—
Листьями шепчутъ теперь лишь деревья...
Старыхъ могилъ тамъ ряды...
Тамъ, гдѣ стояли мечети и башни,
Мирно пасутся стада...
Кровь гдѣ лилась среди брошенной пашни,—
Тихо цвѣтетъ резеда...
Слушайте жъ, старцы, разгладивъ морщины,
Пѣснь о давнишнихъ дѣлахъ...
Все обратится во прахъ и руины:
Вѣченъ одинъ лишь Аллахъ!

* * *

На грозной твердынѣ Солдайской скалы
Стояли три башни... Морскіе валы

Внизу грохотали, ползли на утесъ
И въ злобѣ безсильной потоками слезъ
Струились въ пучину... Прибой бушевалъ:
То вылъ, то гремѣлъ онъ, то глухо стоналъ!
Но башни безстрашно и гордо стоятъ:
Скала и прибой отъ враговъ ихъ хранятъ.
А въ бухтѣ, на кольцахъ желѣзныхъ цѣпей,
Корабль оснащенный виситъ средь камней.
Зеленый, невидимъ онъ вовсе въ волнахъ,
Горятъ лишь кресты на его парусахъ...
Тамъ въ верхней изъ башенъ царица живетъ;
Красавицей дѣва повсюду слыветъ:
Свѣжѣй она розы, румянѣй зари...
И въ жены не даромъ вожди и цари
Ту дѣву искали... Но всѣмъ имъ отвѣтъ:
„Творцу принесла я безбрачья обѣтъ!"
О томъ же молилъ Өеодору не разъ
И главный начальникъ, суровый Гиркасъ...
Но кротко царица на эти мольбы
Ему отвѣчала: „Дѣвичьей судьбы,
Свободной и вольной, какъ вѣтеръ въ поляхъ,
На брачное рабство въ тяжелыхъ цѣпяхъ
Дала я обѣтъ никогда не мѣнять...
Не мужемъ, а братомъ тебя буду звать!"
Со злобою слушалъ Гиркасъ тотъ отвѣтъ,
И взоръ его мрачный сулилъ много бѣдъ...

* * *

Бѣгутъ изумрудныя волны толпой,
Шумитъ и гремитъ рокотливый прибой...
Съ востока изъ дальнихъ сгустившихся тучъ
Прорвался стрѣлой солнца радостный лучъ.
Сверкнулъ онъ на мраморныхъ башни зубцахъ,
Гдѣ только что взвился серебряный флагъ,
И вмигъ на площадкахъ двухъ башенъ другихъ
Раздался такъ явственно крикъ часовыхъ:

„На башнѣ царицы данъ бѣлый сигналъ:
Флагъ дважды поднялся и дважды упалъ!“
Начальниковъ былъ то условленный зовъ,
Вѣщалъ онъ царицыну волю безъ словъ.

* * *

Предъ царственной дѣвой задумчиво въ рядъ
Вожди молчаливо давно ужъ стоятъ.
На лицахъ суровыхъ тревога лежитъ:
Царица имъ вѣщій свой сонъ говоритъ.
„Повѣдайте, братья названые, мнѣ,
Понять какъ, что видѣла нынче во снѣ?
На стѣнахъ стояла я башни моей,
А къ ней подплывалъ цѣлый сонмъ кораблей...
Чудовища тихо по морю ползли
И всѣ они черныя снасти несли...
Когда жъ они стали вблизи береговъ,
Я слышала ясно тамъ крики враговъ...
Вдругъ море вскипѣло и стало темнѣть,
А пѣна валовъ—яркой кровью алѣть...
Вода поднялась выше края скалы
И въ башню ударили грозно валы...
Потомъ съ кораблей тѣхъ послышался вой
И дрогнули стѣны всѣ башни родной!
Вдругъ кровью меня захлестнула волна!
Я вскрикнула дико, смятенья полна,
И въ бездну пучины стремглавъ понеслась...
Но тутъ я проснулась... Отъ страха тряслась...
И только молитвою долгой въ тиши
Разсѣяла ужасъ смятенной души...
Скажите же, братья, понять какъ мнѣ сонъ?
Не смерть ли и бѣды вѣщаетъ намъ онъ?“
— Не бойся, сестра!—вожди дали отвѣтъ,—
Бѣды предсказанія въ грёзѣ той нѣтъ!
— То дьяволъ тебѣ навожденье наслалъ:
Пойди, помолись!—сѣдой Ставросъ сказалъ.

Изъ всѣхъ промолчалъ одинъ только Гиркасъ:
Онъ зналъ, что ужъ близокъ погибели часъ!

* * *

Вожди разошлися... Одинъ лишь стоитъ
И, въ землю потупясь, сурово глядитъ...
— Что скажетъ мнѣ братъ мой?—спросила его
Царица; но онъ не сказалъ ничего.
— Гиркасъ! что молчишь ты? Я жду,—отвѣчай:
Мнѣ страхомъ напраснымъ души не смущай!
— „Царица! Я снова начну умолять
Женою позволить тебя мнѣ назвать...
Забудь, Ѳеодора, суровый обѣтъ:
Пусть ласки подруги услышу привѣтъ!"
— Навѣрно забылъ ты, что небу клялась
Остаться я дѣвой?.. Такъ знай же, Гиркасъ,
Что лютая смерть мнѣ гораздо милѣй,
Чѣмъ, ставши женой, стать рабыней твоей!—
Вѣщала такъ дѣва, вся гнѣвомъ полна,
И, дверь распахнувъ, удалилась она...
И мраченъ, и грозенъ вождь долго стоялъ,
И духъ его гнѣвомъ и местью пылалъ,
А губы шептали: „Запомни, змѣя,
Что смерть, ты сказала, милѣе, чѣмъ я...
Такъ пусть же свершится, что выбрала ты!
Твой жребій достоинъ твоей красоты!"

* * *

Какъ коршуновъ стая, сомкнувшись толпой,
Стоятъ корабли предъ Солдайской скалой:
То рать генуэзцевъ сюда собралась
И требуетъ грозно, чтобъ дѣва сдалась!
Но башни попрежнему гордо стоятъ:
Скала и прибой отъ враговъ ихъ хранятъ...

* * *

На море и скалы спустилася мгла
И звѣздъ въ высотѣ миріады зажгла,

Но въ полночь задолго до ясной зари
Погасли вдругъ эти небесъ фонари.
Покрылося небо завѣсой изъ тучъ,
Звѣзды ужъ не виденъ мерцающій лучъ.
Отъ средней изъ башенъ, Гиркасъ гдѣ живетъ,
Незримая тѣнь по уступу ползетъ...
Всплеснула чуть слышно волна подъ скалой,
И кто-то поплылъ, скрытъ отъ глазъ темнотой...

* * *

Ужъ близко къ разсвѣту... Мгла стала темнѣй...
У мѣста стоянки враговъ кораблей
Чуть слышенъ отъ веселъ плескъ тихій воды:
То къ берегу тянутся лодокъ ряды...
На первой—измѣнникъ... Онъ знаетъ тропу,
По ней къ Өеодорѣ приплывшихъ толпу
Ведетъ онъ во мглѣ... Растянувшись змѣей,
Цѣпь вражья вползаетъ въ проходъ подъ землей...
Измѣнникъ у входа остался; стоитъ
И дико сквозь тьму онъ на башню глядитъ...
Вотъ стало свѣтать... Когда тьма поднялась,
У входа стоялъ одинокій Гиркасъ!
Вдругъ дикіе вопли, и стоны, и вой
Раздались мгновенно вверху за стѣной...
Отъ нихъ потряслась, задрожала скала:
До башни змѣя ужъ давно доползла!
Когда засверкали свѣтила лучи,
Покончили дѣло враги-палачи!
И видитъ Гиркасъ: на высокихъ зубцахъ
Стоитъ Өеодора и держитъ въ рукахъ
Отъ крови горячей дымящійся мечъ...
Его увидала и грозную рѣчь
Къ нему обратила: „Да будешь навѣкъ
Ты проклятъ, измѣнникъ! И пусть человѣкъ
Умретъ въ тебѣ нынѣ, чтобъ камнемъ ты сталъ
И вѣчно на этомъ бы мѣстѣ стоялъ!“

Сказала и, ринувшись внизъ головой,
О камни разбилась надъ самой водой...
Гиркасъ онѣмѣлъ, неподвижно стоитъ
И дико на трупъ Өеодоры глядитъ...
Вотъ въ ужасѣ адскомъ онъ хочетъ бѣжать,
Но... что жъ это?.. Ногъ онъ не можетъ поднять!
Онъ сталъ каменѣть!.. Онъ къ утесу приросъ:
Проклятіе дѣвы-царицы сбылось!

* * *

А башни и нынѣ, какъ прежде, стоятъ
И тайну измѣны Гиркаса хранятъ...
Шумитъ и грохочетъ подъ ними прибой,
Да изрѣдка слышится явственно вой...
Тамъ камень одинъ есть... Онъ живъ и сейчасъ:
То воетъ понынѣ измѣнникъ-Гиркасъ!

* * *

Слушайте, старцы и малыя дѣти,
Прошлаго славную быль!
Все, что вѣками свершалось на свѣтѣ,
Все пронеслося, какъ пыль!
Тамъ, гдѣ когда-то шумѣли кочевья
Полчищъ Кипчакской орды,—
Листьями шепчутъ теперь лишь деревья...
Старыхъ могилъ тамъ ряды...
Тамъ, гдѣ стояли мечети и башни,
Мирно пасутся стада...
Кровь гдѣ лилась среди брошенной пашни,—
Тихо цвѣтетъ резеда!
Слушайте жъ, старцы, разгладивъ морщины,
Пѣснь о давнишнихъ дѣлахъ...
Все обратится во прахъ и руины:
Вѣченъ одинъ лишь Аллахъ!

XII.

Умереть отъ жажды, или утонуть въ водѣ?

Хайдаръ окончилъ. Всѣ слушатели подъ впечатлѣніемъ его пѣсни застыли на нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи, а онъ самъ спокойно набилъ свою трубку и, устремивъ взглядъ куда-то вдаль, задумался.

Наступила совершенная тишина, которая длилась нѣсколько минутъ. Наконецъ, мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ первый рѣшился нарушить молчаніе.

— Великъ Богъ, который, создавъ свѣтъ и людей, создалъ и мудрость! Мудрость, почетъ и трубка — всякій это знаетъ, даже тотъ, кто не перелисталъ за всю жизнь и пяти листовъ Корана,—три главныя отрады, услаждающія жизнь человѣка... Мудрость — это свѣтъ и воздухъ для ума, почетъ — самая пріятная и лакомая пища для него, ибо что же есть слаще почета? А трубка—это лучшія мечты, ибо когда человѣкъ вдыхаетъ въ себя душистый дымъ, то онъ забывается и видитъ предъ собой даже то, чего нѣтъ: онъ мечтаетъ, а извѣстно, что въ мечтахъ всякій и богатъ, и счастливъ, и властенъ, и вездѣсущъ, такъ какъ онъ одновременно переносится съ земли на небо, а оттуда — даже на самую нижнюю изъ земель.

Слушатели нисколько не были удивлены этимъ совершенно неожиданнымъ философскимъ трактатомъ своего почтеннаго муллы. Вѣдь нужно же, чтобы кто-нибудь что-нибудь сказалъ, а кто же могъ бы придумать, что сказать, лучше муллы-эфенди? Ужъ если онъ сказалъ то, что сказалъ, такъ, значитъ, сказать это надлежало именно теперь...

Того же мнѣнія, повидимому, оказался и самъ мудрѣйшій изъ мудрыхъ, Хайдаръ, который вслѣдъ за рѣчью Мухамеда-Мухамъ произнесъ:

— Такъ нужно говорить! Это — настоящій разговоръ! Кто умѣлъ такъ сказать, тому не нужно тратить много словъ, чтобы доказать, что мудрость—благо, ибо говорящій на себѣ самомъ уже доказалъ то, что сказалъ.

— Это про мудрость,—вставилъ Мустафа-Искакъ-оглу.

— А про почетъ я скажу: кто при тебѣ, Хайдаръ-ага, заговорилъ о почетѣ, тому рука больше поможетъ, чѣмъ языкъ, потому что онъ можетъ только молча показать рукой на тебя, почтенный ага, и всякій пойметъ, что и почетъ—благо... Кто же когда пользовался большимъ почетомъ за свою мудрость, какъ не ты, умнѣйшій изъ умныхъ и почетнѣйшій изъ почетныхъ агъ?

— Тогда разрѣши уже мнѣ докончить,—весело прибавилъ Хайдаръ,—ибо остается еще третье благо—трубка, о которой основательно упомянулъ достойный мулла-эфенди. Я скажу такъ: если бы нашелся такой обиженный Богомъ человѣкъ, который бы подумалъ, что слово Мухамеда-Мухамъ о трубкѣ—пустое слово, то мулла безполезно бы поступилъ, стараясь разубѣждать его словами, ибо кто не вѣритъ слову, тому нужно показать дѣло. Пусть того человѣка мулла возьметъ за руку и доведетъ до твоего дома, хлѣбосольный Мустафа-Искакъ-оглу! А войдя въ домъ, пусть попроситъ у тебя разрѣшенія набить трубку твоимъ прекраснымъ табакомъ съ твоей удивительной бахчи, лучше котораго не сыщется ни въ Старомъ Крыму, ни въ Карасубазарѣ, ни даже въ самомъ Бахчисараѣ. И повѣрь мнѣ, старику, знающему толкъ въ табакѣ, что упрямецъ послѣ первой же затяжки убѣдится

въ томъ, что трубка—истинная услада жизни, и что мулла-эфенди хорошо и правильно говорилъ о ней! Такъ ли я говорю, правовѣрные?—обратился Хайдаръ къ сидѣвшимъ на войлокахъ.

Хотя на этотъ вопросъ отвѣта на словахъ и не было дано, но если бы въ эту минуту кто-нибудь въѣзжалъ въ Тараккташъ, онъ былъ бы испуганъ не на шутку, ибо далъ бы голову на отсѣченіе, что въ Тараккташѣ вспыхнулъ пожаръ: такой густой и высокій столбъ дыма поднялся вдругъ надъ дворомъ Мустафы-Искака-оглу послѣ словъ Хайдара о качествѣ табаку хозяйской бахчи.

А самъ польщенный этими словами хозяинъ приложилъ руки крестъ-накрестъ къ груди и почтительно произнесъ:

— Ты захотѣлъ похвалить мой табакъ, ага... Жалѣю я твоего каураго мерина, которому уже, вѣроятно, очень много лѣтъ, ибо иначе не болталась бы его нижняя губа такъ, какъ болтается па шеѣ у коровы привязанный рукою заботливой хозяйки старый башмакъ, сохраняющій корову отъ худого и завистливаго глаза. Жалѣю я твоего коня потому, что ему придется везти отсюда больше тяжести, чѣмъ онъ привезъ сюда: въ твоей двухколескѣ, ага, будутъ лежать два самыхъ большихъ картуза лучшаго крошеннаго табаку и двадцать папушекъ листового. Кури, ага, въ услажденіе твоей души и во славу Аллаха, произраствшаго такое благородное зеліе.

Такъ обмѣнивались любезностями послѣ пѣсни Хайдара три важнѣйшихъ лица изъ собравшихся на лужайкѣ Мустафы-Искака-оглу. Когда же, наконецъ, предметъ бесѣды истощился, и собравшіеся уже начинали подумывать о томъ, чтобы расходиться, тѣмъ болѣе, что наступало уже время

Мухамеду-Мухамъ идти въ мечеть славословить пророка. изъ толпы сидѣвшихъ на войлокахъ вдругъ поднялся Ибрагимъ-Али и совершенно неожиданно обратился къ присутствующимъ съ такими словами:

— Слушайте, сосѣди, и ты, всѣми чтимый ага-гость. что я хочу сказать вамъ.

Начинавшіе уже было подниматься со своихъ мѣстъ татары опять опустились на войлокъ и нѣкоторые, болѣе старые изъ нихъ, недоумѣвающе поглядывали на юношу, который осмѣливался говорить тамъ, гдѣ сидѣло столько стариковъ.

— Я знаю, что тутъ, гдѣ сидятъ мой старый бабай и самъ мулла-эфенди и гдѣ лежитъ столько снѣгу на твоей бородѣ, ага, и на бородахъ прочихъ сосѣдей, мнѣ, сыну. внуку и правнуку вашему, не слѣдуетъ говорить, а только слушать ваши мудрыя рѣчи; но то дѣло, о которомъ я вамъ скажу, рѣжетъ мнѣ деревяннымъ ножомъ сердце, а когда начать рѣзать палецъ кому-нибудь, онъ будетъ громко стонать, будь это малый ребенокъ, или взрослый человѣкъ, или глубокій старикъ, хотя бы даже такой, у котораго уже правнуковъ больше, чѣмъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Вотъ отчего я рѣшился открыть ротъ предъ тобой, почтенный ага, предъ тобой, мудрый мулла-эфенди, и предъ вами, сосѣди!

Рѣчь Ибрагима-Али, видимо, понравилась слушателямъ, потому что многіе изъ нихъ одобрительно кивнули головами; а Хайдаръ, обратившись къ муллѣ, вполголоса спросилъ:

— Чей сынъ этотъ джигитъ, господинъ?

— Это—Ибрагимъ-Али, сынъ Байкеттына-Умэръ-Аромазана оглу,—отвѣчалъ священникъ.

— А отецъ его здѣсь?

— Здѣсь, ага!

— Гдѣ же онъ сидитъ?

— Вонъ, съ лѣвой стороны, на самомъ краю.

Послѣ этого Хайдаръ обратился уже непосредственно къ отцу юноши и сказалъ:

— Тебѣ хочу сказать, Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу... Бываютъ разныя птицы и поютъ онѣ разно. Есть карга, есть сорока; отъ ихъ пѣнія уши болятъ. Но есть и соловей, который поетъ сладко... Честь тебѣ, Байкеттынъ-Умэръ, за то, что ты возрастилъ такого сына! Его рѣчь не напоминаетъ ни каргу, ни сороку, и тебѣ не нужно притворяться глухимъ, чтобы не отвѣчать, когда незнающіе люди, увидя твоего сына, станутъ спрашивать, кто его отецъ.

— Съ твоего языка медъ течетъ, эфенди, — отвѣчалъ тотъ скромно, — въ твоихъ глазахъ солнце и луна свѣтятъ, а въ головѣ мудрости больше, чѣмъ воды въ морѣ.

А Ибрагимъ-Али между тѣмъ продолжалъ:

— Я хочу, сосѣди, просить у васъ помощи.

— Дай сосѣду кружку воды, онъ тебѣ за это потомъ выроетъ во дворѣ цѣлый колодецъ!—замѣтилъ на это кто-то изъ сидѣвшихъ.

— Кто сказалъ: «дай пожалуйста!» — тому нужно, и всякій, кто имѣетъ нужное, долженъ отвѣтить: «на, возьми, сосѣдъ!» Если же онъ скажетъ: «иди, проси у другого»,—онъ самъ добровольно зальетъ чернилами тотъ листъ въ книгѣ судьбы своей, на которомъ были записаны его добрыя дѣла. И листа этого потомъ, когда придетъ часъ, уже нельзя будетъ прочитать вовсе,—сказалъ мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ.

— Разъясните мнѣ, сосѣди,—продолжалъ юноша,—слѣдующее: одинъ путникъ заблудился въ пустынѣ, гдѣ, кромѣ песку и раскаленныхъ отъ солнца камней, не было ничего. Долго-долго онъ шелъ, томимый жаждою, и все не находилъ даже ни одной грязной лужи, въ которой бы осталось хоть нѣсколько капель дождевой воды. Наконецъ, зной и жажда довели его до того, что онъ едва уже волочилъ ноги и только молился въ душѣ Аллаху, чтобы онъ скорѣе послалъ ему смерть. И вдругъ путникъ увидѣлъ предъ собой широкую рѣку. Онъ возблагодарилъ Бога за то, что Богъ не далъ ему погибнуть, и, собравши послѣднія силы, побѣжалъ къ рѣкѣ, чтобы скорѣе напиться. Добѣжавши до берега, онъ припалъ растрескавшимися отъ зноя губами къ водѣ; но едва сдѣлалъ первый глотокъ, какъ горло его сжалось отъ боли: вода оказалась горько-соленой, какъ въ морѣ. Путникъ тогда не выдержалъ и горько зарыдалъ отъ такого несчастія... Когда же онъ поднялъ голову, то увидѣлъ сидящимъ на другомъ берегу какого-то человѣка, около котораго стояла корзина, наполненная разными плодами, и большой стеклянный кувшинъ со свѣтлою, какъ слеза, водой. Въ кувшинѣ плавали куски льду, и большой же кусокъ его лежалъ на горлѣ кувшина сверху. А около, у берега, была привязана небольшая лодка съ веслами. И путникъ со слезами взмолился:

« — Во имя самого Аллаха, добрый человѣкъ, дай мнѣ напиться: я умираю!

« — Приди и пей, сколько хочешь,—отвѣчалъ тотъ, и прибавилъ: — А если ты еще и голоденъ, то вотъ тебѣ цѣлая корзина плодовъ.

« — Какъ же я дойду до тебя? Вѣдь рѣка глубока, а я не умѣю плавать, да если бы и умѣлъ, то не доплылъ

бы, потому что отъ долгихъ блужданій по этой пустынѣ я выбился изъ силъ.

« — Тогда умирай отъ жажды,—спокойно сказалъ тотъ и, взявши кувшинъ въ руки, отпилъ изъ него нѣсколько глотковъ.

« — Вонъ тамъ около тебя лодка,—умолялъ путникъ,— сядь и переѣзжай ко мнѣ на эту сторону!

« — Нѣтъ, не поѣду.

« — Такъ вынь хоть кусочекъ льду изъ кувшина и перебрось мнѣ на эту сторону ради Самого милосерднаго Бога и Его благословеннаго пророка Магомета! — заклиналъ умиравшій отъ жажды путникъ сидѣвшаго на другомъ берегу съ плодами и водой человѣка.—Этотъ одинъ маленькій кусочекъ льду дастъ мнѣ жизнь.

« — Нѣтъ, я тебѣ льду не брошу.

« — Слушай же, добрый человѣкъ: если ты имѣешь отца, или мать, или жену, или дѣтей—Аллахъ продлитъ ихъ годы за это и твои также; заклинаю тебя величайшимъ именемъ Бога, перебрось мнѣ сюда хоть одно яблоко, или даже одинъ только самый маленькій персикъ: сокъ его спасетъ меня!

« — Ни яблока, ни персика я тебѣ не брошу, а ужъ если ты непремѣнно хочешь, чтобы я тебѣ что - нибудь бросилъ, то вотъ я брошу это.

«И къ ногамъ путника упалъ небольшой раскаленный камень.

« — Тогда я умру, жестокосердный человѣкъ!—грустно прошепталъ путникъ.

« — Постарайся избѣжать смерти, переплывши сюда, потому что здѣсь можешь ѣсть и пить, сколько хочешь,— отвѣчалъ тотъ.

« — Но ты слышишь, что я не умѣю плавать?

« — Это я уже слышалъ,—спокойно сказалъ человѣкъ съ водой.

« — Такъ, значитъ, я утону, если поплыву!

« — Можетъ быть и утонешь,—согласился тотъ, и прибавилъ:—Рѣка очень глубока.

« — Такъ зачѣмъ же мнѣ идти на вѣрную смерть?!—воскликнулъ путникъ.

« — А не все ли равно тебѣ, какъ умереть: отъ жажды или отъ воды? Если ужъ тебѣ суждено умереть сегодня,—все равно умрешь... Но зато, если до этого мѣста еще не дочитана книга твоей судьбы, то ты этимъ спасешь себя. Плыви же и знай, что если ты доберешься благополучно до этого берега, то корзина съ плодами и кувшинъ съ ледяною водой будутъ твои, и мнѣ не нужно за нихъ никакой платы».

На этомъ мѣстѣ разсказа Ибрагимъ-Али остановился и замолчалъ. Но слушатели, заинтересованные продолженіемъ, ждали съ нетерпѣніемъ дальнѣйшаго, чтобы узнать судьбу изнемогавшаго отъ жажды путника.

— Ну, и что же случилось потомъ?—спросилъ Хайдаръ.

— Этого я не знаю,—сказалъ спокойно разсказчикъ.

— А кто же знаетъ?—спросилъ Мустафа-Искакъ-оглу.

— Пока—никто.

А мулла-эфенди Мухамедъ - Мухамъ все время вдумывался въ разсказъ Ибрагима-Али, стараясь понять, къ чему онъ ведетъ рѣчь; но, наконецъ, не будучи въ состояніи разгадать смысла его рѣчей, спросилъ:

— Для чего же ты все это намъ разсказывалъ? Неужели для того, чтобы мы, обезпокоенные участью пут-

ника, такъ и не узнали, что же дальше съ нимъ случилось?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ, нисколько не смущаясь, Ибрагимъ-Али.

— Такъ для чего же?—спросилъ одинъ изъ стариковъ.— Вѣдь всякая пѣснь должна имѣть конецъ.

— Для того, чтобы услышать ваше мнѣніе и совѣтъ, на что долженъ рѣшиться путникъ: умереть ли отъ зноя и жажды, глядя на ледяную воду, на этомъ берегу, или же утонуть въ горько-соленой рѣкѣ, поплывши на тотъ берегъ за водой и плодами?

Всѣ смолкли. Слышно было только усиленное хрипѣніе трубокъ. Наконецъ, Хайдаръ сказалъ:

— Ты, кажется, юноша, хочешь насъ поймать, чтобы мы отвѣтили что-нибудь невпопадъ и тѣмъ явили недостатокъ разума въ нашихъ сѣдыхъ головахъ.

— Боже сохрани, Боже сохрани!—воскликнулъ Ибрагимъ-Али.—Зачѣмъ ты, уважаемый эфенди, думаешь такъ обо мнѣ? Развѣ я посмѣлъ бы издѣваться надъ такими почтенными людьми?! Отвѣтъ вашъ мнѣ нуженъ такъ же, какъ тому путнику нужна была вода... И ты, и вы всѣ, сосѣди, убѣдитесь потомъ, правду ли я говорю теперь.

— Въ такомъ случаѣ,—важно произнесъ мулла,—и самое маленькое дитя могло бы дать путнику разумный совѣтъ. Оно сказало бы такъ: «Плыви скорѣе туда: можетъ быть, милостивый Аллахъ дастъ тебѣ силы доплыть... Если же нѣтъ, и ты утонешь, то ты ничего не потеряешь, ибо для каждаго человѣка у Бога опредѣлена только одна смерть, и, утонувши въ рѣкѣ, ты тѣмъ самымъ избѣгнешь другой смерти отъ жажды». Я такъ думаю и такой совѣтъ подалъ бы путнику.

— А ты, Хайдаръ-ага?—спросилъ юноша.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь во второй разъ о томъ, на что уже получилъ мудрѣйшій отвѣтъ?

— А ты, Мустафа-Искакъ-оглу, и вы всѣ, сосѣди?

— Ты уже слышалъ такое слово, умнѣе котораго не придумали бы и всѣ муллы, сколько ихъ есть отъ Бахчисарая до Стараго Крыма и дальше, потому что это слово сказано тебѣ самимъ муллой-эфенди Мухамедомъ-Мухамъ. А кто же когда слыхалъ, чтобы изъ кувшина съ хорошею бузой полился въ кружку деготь или уксусъ? — сказалъ хозяинъ.

— Теперь скажите еще, сосѣди, — продолжалъ Ибрагимъ-Али,—что будетъ, если тотъ жестокосердный человѣкъ съ водой, когда путнику удастся переплыть какъ-нибудь рѣку, вдругъ скажетъ ему такъ: «Ты переплылъ? Ну, теперь умирай здѣсь на этой сторонѣ отъ жажды: вѣдь все равно ты бы умеръ и тамъ?!»

— Тогда его самого нужно бросить въ рѣку, чтобы онъ утонулъ! — рѣшилъ категорически Мустафа-Искакъ-оглу.

— Или вырвать ему языкъ,—прибавилъ Хайдаръ.

— И бросить этотъ языкъ чушкѣ,—продолжалъ кто-то изъ стариковъ.

— Это вы напрасно говорите, сосѣди,—вмѣшался мулла,—потому что этого не можетъ быть! Вѣдь тотъ человѣкъ сказалъ слово: значитъ, если онъ человѣкъ, а не сорока, или не безсмысленный эшекъ, который реветъ безъ толку,—онъ уже не можетъ перемѣнить его, хотя бы потомъ онъ самъ умеръ отъ жажды, если бы путникъ выпилъ весь кувшинъ. Поэтому пусть путникъ плыветъ и думаетъ только о томъ, чтобы не утонуть.

Послѣ такого отвѣта лицо Ибрагима-Али оживилось радостнымъ выраженіемъ, и, поклонившись всѣмъ низко, онъ сказалъ:

— Спасибо вамъ, сосѣди, за такое слово! Теперь вы уже мнѣ дали половину того, чего я у васъ просилъ... А другую половину вы мнѣ дадите завтра, послѣ восхода солнца. Для этого я васъ всѣхъ, сосѣди, прошу, не откажите мнѣ, ради бороды величайшаго изъ пророковъ, завтра, послѣ утренней молитвы въ мечети, съ почтеннымъ агой-гостемъ и муллой-эфенди отправиться на берегъ моря, къ тѣмъ самымъ башнямъ, про которыя пѣлъ Хайдаръ-ага: тамъ вы додадите мнѣ вторую половину того, что вами уже обѣщано мнѣ при началѣ моихъ словъ.

— Зачѣмъ же намъ идти туда? — спросилъ Мустафа-Искакъ-оглу, задумываясь о чемъ-то.

— Потому что тамъ только я могу объяснить вамъ, сосѣди, какая помощь мнѣ нужна отъ васъ, — отвѣчалъ Ибрагимъ-Али.

— Ты, юноша, поишь насъ темною водой, и мы не видимъ, что пьемъ,—сказалъ въ раздумьѣ Хайдаръ.

— Мудрый ага, — отвѣтилъ ему почтительно молодой человѣкъ,—не мнѣ, которому была бы великая честь назвать себя твоимъ правнукомъ, объяснять тебѣ, что когда кто-нибудь зачерпнетъ воды изъ быстраго горнаго ручья послѣ дождя, онъ не увидитъ дна въ той кружкѣ, которою черпалъ, потому что вода всегда будетъ мутной отъ песку и земли, унесенныхъ быстрымъ теченіемъ ручья. Когда же эта вода постоитъ, она сдѣлается чистою и прозрачною, какъ слеза дѣвушки, которую везутъ въ домъ жениха, потому что илъ и песокъ осядутъ на дно... Дай же времени до завтра, пусть то, что теперь пока дѣлаетъ

воду мутной, осядетъ, и ты тогда увидишь все сквозь нее такъ же ясно, какъ сквозь самое чистое и свѣтлое стекло.

— День твоей жизни, Ибрагимъ,—сказалъ ему на это Хайдаръ,—начинается свѣтло. Ты молодъ еще, но обнаруживаешь своими рѣчами разумъ старческій. Честь за это тебѣ, честь твоему отцу, честь и тому учителю, который просвѣтлялъ тебя съ дѣтства! Пусть будетъ по-твоему! И хотя я думалъ сегодня же ночью уѣхать отсюда, но теперь останусь, потому что этого хочешь ты, да и я самъ интересуюсь узнать, что станется съ путникомъ.

— Аллахъ вознаградитъ тебя за это!—отвѣчалъ юноша.

Гости стали расходиться.

XIII.

Путникъ поплылъ за водой.

Задолго до разсвѣта слѣдующаго дня два ночныхъ сторожа, обходившіе Таракташъ, замѣтили, что со двора Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу кто-то въ темнотѣ вывелъ лошадь и повелъ ее вдоль плетня.

— Бахъ, Аметъ,—хырсызъ [1],—шепнулъ одинъ сторожъ другому.

Послѣ этого сторожа, прибавивъ шагу и догнавши ведшаго лошадь человѣка, громко спросили:

— Нереэ кетэрсенъ? [2])

— Мэнъ истерымъ атты сувармаіа [3]),—отвѣчалъ женскій голосъ въ темнотѣ.

1) Аметъ, смотри,—воръ!

2) Куда ты идешь?

3) Я хочу напоить лошадь.

Что говорила женщина, въ этомъ для сторожей не было сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что, подойдя ближе, они увидѣли, что тотъ, кто велъ, былъ закутанъ въ темную чадру. Но появленіе женщины съ лошадью среди ночи все же таки представлялось весьма страннымъ. А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это—воръ, который одѣлся только женщиной и измѣнилъ голосъ?

Для очищенія совѣсти сторожа рѣшили подвергнуть незнакомку обычному въ этихъ случаяхъ опросу:

— Прославляй единство Бога!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ бога выше Бога!—отвѣчала въ ту же минуту женщина.

Теперь сторожа успокоились: ясно было, что лошадь велъ честный человѣкъ, потому что тотъ, кто совершилъ что-либо беззаконное, никогда не дерзнулъ бы такъ отвѣтить.

И сторожа повернули въ переулокъ.

А женщина провела коня черезъ все село и, выйдя за околицу, направилась къ берегу моря.

Когда Мухамедъ-Мухамъ, встрѣтивъ солнечный восходъ обычнымъ славословіемъ пророку, спустился съ минарета мечети, онъ нашелъ всѣхъ, бывшихъ вчера у Мустафы-Искака-оглу, уже въ сборѣ. Тутъ же находился и Ибрагимъ-Али, но отца его, Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу, не было видно.

— А гдѣ твой бабай?—спросилъ его мулла.

— Дома,—отвѣчалъ юноша.

— Онъ пойдетъ со всѣми на берегъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— У него нога болитъ та, которая была сломана.

— А развѣ онъ не могъ свои ноги замѣнить лошадиными?

— Онъ тамъ не понадобится, потому что отецъ о своемъ сынѣ ненадежный судья.

Шествіе двинулось. Впереди шелъ Ибрагимъ-Али, за нимъ Хайдаръ, мулла и остальные. До берега было верстъ пять, и весь этотъ путь былъ пройденъ въ совершенномъ безмолвіи.

Наконецъ, показалось море. Оно точно кипѣло. Громадные валы катились одинъ за другимъ и съ грохотомъ разсыпались у берега бѣлоснѣжною кипящею пѣной. Равномѣрно слѣдовавшіе удары валовъ были слышны уже издалека, точно пушечный грохотъ...

— Какъ бушуетъ море,—сказалъ Хайдаръ шедшему рядомъ съ нимъ муллѣ.

— Скоро новый мѣсяцъ, ага, а въ послѣдніе дни передъ новолуніемъ на морѣ всегда почти буря,—отвѣчалъ Мухамедъ-Мухамъ.

Дойдя до берега, Ибрагимъ-Али обратился къ остальнымъ и, показывая рукой на башни, сказалъ:

— Намъ нужно, сосѣди, взобраться туда.

И всѣ стали подниматься на скалу. Старики то и дѣло останавливались отдыхать. Наконецъ, миновавъ первую башню Торселло, Ибрагимъ-Али повернулъ къ самому краю скалы и, не доходя до второй башни Проклятія, остановился.

Здѣсь скала дѣлала широкій выступъ впередъ, и надъ моремъ образовалась широкая площадка, которая точно висѣла въ воздухѣ. Съ площадки этой была видна вся крутизна скалы отъ подножья верхней башни Дѣвы до

моря и вся бухточка, усѣянная обломками каменныхъ глыбъ.

Картина была очаровательная и грозная. Освѣщенная стоявшимъ еще невысоко на небѣ солнцемъ, скала искрилась и сверкала. На вершинѣ ея точно потонули въ голубой дымкѣ чистаго утренняго воздуха живописныя руины той самой башни, грустную и величественную исторію которой пѣлъ вчера Хайдаръ; а внизу, ни на секунду не смолкая, гремѣлъ и клокоталъ цѣлый водоворотъ пѣны. Могучіе валы съ сѣдыми гребнями съ ревомъ врывались въ этотъ загроможденный скалами уголокъ, проносились надъ осколками глыбъ, разбросанныхъ по всей бухточкѣ, сшибались одинъ съ другимъ и съ воемъ и стономъ обрушивались въ грудь скалы. При этомъ цѣлая сплошная стѣна брызгъ и водяной пыли вздымалась высоко и прежде, чѣмъ успѣвала упасть опять внизъ въ самую середину вслѣдъ за первымъ налетѣвшимъ валомъ, встрѣчалась съ новыми клубами такихъ же брызгъ и пыли и, перепутавшись въ воздухѣ, образовывала одинъ непрерывный каскадъ, въ которомъ отъ лучей солнца играла радуга всѣми восхитительными оттѣнками своей очаровательной семицвѣтной ленты.

Когда всѣ поднимавшіеся добрались до этой площадки, Ибрагимъ-Али, слегка поблѣднѣвшій, но съ огнемъ отваги въ глазахъ, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Садитесь, добрые сосѣди, и позвольте мнѣ теперь окончить то, что я началъ вчера.

Собравшіеся разсѣлись большимъ полукругомъ въ два ряда. Въ рукахъ у всѣхъ появились кисеты и трубки. Ибрагимъ-Али одинъ стоялъ предъ этимъ серьезнымъ сбо-

рищемъ слушателей и уже приготовился начать говорить, но въ это время Хайдаръ, сидѣвшій попрежнему рядомъ съ муллой и Мустафой-Искакомъ-оглу въ серединѣ перваго полукруга, остановилъ его словами:

— Когда человѣкъ пьетъ, змѣя ему не мѣшаетъ; когда же человѣкъ набиваетъ трубку, даже вѣтеръ перестаетъ дуть, чтобы не раздувать табакъ и не засыпать имъ глаза. Съ трубкой въ рукахъ человѣкъ слушаетъ внимательнѣе то, что ему говорятъ, и можетъ основательнѣе обсудить все. Подожди, дай намъ окончить одно, чтобы приняться за другое.

Наконецъ, трубки задымились.

— Я позвалъ васъ сюда, добрые сосѣди,—сказалъ Ибрагимъ-Али,—для того, чтобы вы присутствовали на судбищѣ, которое должно сегодня совершиться здѣсь надо мной... Это будетъ великій судъ,—судъ моря и, можетъ быть, послѣдній судъ! Путникъ, умирающій отъ жажды, про котораго я вамъ говорилъ вчера, это—я самъ, а человѣкъ съ плодами и кувшиномъ ледяной воды сидитъ между вами! Кто онъ, я теперь не скажу вамъ, сосѣди, для того, чтобы, если мнѣ суждено погибнуть, вы не стали упрекать его въ моей смерти... Пусть тогда эта тайна умретъ вмѣстѣ со мной, а его и безъ вашихъ упрековъ довольно будетъ терзать собственная совѣсть! Онъ сказалъ про меня: «Пусть во время бури бросится въ море со скалы отъ Кызъ-Куле и пусть не погибнетъ, тогда будетъ такъ, какъ онъ хочетъ, потому что, значитъ, и судьба такъ хочетъ». Пусть будетъ такъ: и я самъ такъ рѣшилъ, и вы, добрые сосѣди, такъ же посовѣтовали мнѣ! Уши ваши слышатъ, какъ ревутъ волны; глаза видятъ, какъ бушуетъ прибой подъ скалой; но я твердо вѣрю, что

судъ моря будетъ судомъ милостивымъ ко мнѣ, и что я выполню это тяжелое условіе, которое гордый человѣкъ поставилъ мнѣ для полученія того, безъ чего я не могъ бы жить, какъ безъ воды и пищи! Пусть же могучее и грозное море разсудитъ меня съ этимъ человѣкомъ! Если я выйду правымъ на этомъ страшномъ судѣ, велика будетъ моя награда; если же мнѣ суждено погибнуть, пусть я лучше погибну на глазахъ у всѣхъ васъ смертью храбрыхъ, а не засохну отъ горя такъ, какъ тотъ путникъ, который бы умеръ отъ зноя и жажды, видя предъ собой ледъ и воду!.. Я знаю, что если погибну, разорвется на части сердце родителей моихъ, у которыхъ я одинъ на свѣтѣ; но если бы я не сдѣлалъ того, что сдѣлаю,—я все равно бы погибъ... И вѣрно же я долженъ поступить такъ, какъ задумалъ, если сама старая мать моя, рыдая, благословила меня на это... Пусть же будетъ то, что должно быть: такъ хочу я, такъ хочетъ Самъ Богъ для того, чтобы прославилось Его великолѣпное имя! Вы всѣ, сосѣди, и между вами тотъ, по волѣ котораго я требую у моря суда, увидите отсюда, какъ я брошусь съ той скалы въ пучину. Пусть же совершится то, что написано въ книгѣ судьбы, и да будетъ прославлено неимѣющее себѣ равнаго величайшее имя великаго Бога, Владыки судебъ и Его всѣмъ міромъ славимаго пророка Магомета!

Сказавъ это, Ибрагимъ-Али началъ быстро взбираться вверхъ по скалѣ къ башнѣ Дѣвы.

Глубокая тишина царила между слушавшими его рѣчь. Какъ ни хладнокровны были всѣ эти старики, слова Ибрагима-Али поразили и ихъ. Но ни одинъ изъ нихъ ни словомъ, ни жестомъ не обнаружилъ, что онъ-то и есть именно тотъ, по чьей волѣ юноша рѣшается на такой

безумный шагъ. Мустафа-Искакъ-оглу почему-то курилъ все время съ особеннымъ ожесточенiемъ: другiе не кончили еще и первой трубки, а онъ набивалъ уже себѣ третью.

Между тѣмъ, пока Ибрагимъ-Али карабкался вверхъ по скалѣ, сидѣвшiе на площадкѣ и сначала хранившiе глубокое молчанiе подъ впечатлѣнiемъ слышаннаго, стали разговаривать. Хайдаръ сказалъ:

— Семьдесятъ четыре лѣтнихъ солнца уже пекли мою кожу, и столько же зимнихъ снѣговъ посыпали мою голову, но до сихъ поръ мнѣ еще не приходилось видѣть и слышать ничего подобнаго.

— Многое можетъ быть на свѣтѣ больше того, что видѣли и слыхали и болѣе старые люди, чѣмъ ты, Хайдаръ-ага... Все бываетъ на свѣтѣ, все бываетъ и все можетъ быть, такъ что нельзя даже и представить себѣ, чего не можетъ быть, какъ нельзя представить и того, что бы было, если бы ничего не было!—глубокомысленно и торжественно произнесъ мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ.

— Этотъ юноша—великiй джигитъ [1]),—сказалъ опять Хайдаръ,—и если онъ—чего Боже упаси—погибнетъ, татары потеряютъ великаго храбреца, который могъ доставить много славы всему татарскому народу.

— Зато онъ самъ ничего не потеряетъ,—прибавилъ опять мулла,—потому что онъ заслужитъ великое и почетное имя мученика, которое дается воинамъ, сложившимъ свои головы на войнѣ за вѣру, потомъ людямъ, которые были убиты другими, или, какъ и онъ, погибли

[1]) Джигитъ—удалецъ, герой.

изъ-за другихъ безвинно, и еще только тѣмъ, кого задавила рухнувшая стѣна или зданіе. Счастливъ человѣкъ, окончившій свою земную жизнь мученикомъ! Старые имамы говорятъ,—да это такъ и есть, потому что имамы пустяковъ не говорятъ,—что души такихъ мучениковъ до дня великаго и страшнаго суда переселяются въ зобы золотисто-зеленыхъ птицъ, тѣхъ самыхъ, которыя порхаютъ въ тѣни райскихъ кустовъ и деревьевъ, питаются райскими плодами и пьютъ воду изъ райскихъ ключей и фонтановъ.

Хайдаръ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это самое время Ибрагимъ-Али показался на небольшомъ выступѣ скалы у башни Дѣвы. Онъ сталъ, не торопясь, раздѣваться...

Снявъ съ себя все и положивъ одежду подъ стѣной башни, онъ снова вернулся къ краю обрыва.

У зрителей замеръ духъ... Вотъ онъ поднялъ руки къ небу и нѣсколько секундъ держалъ ихъ такъ: очевидно, онъ молился. И губы всѣхъ присутствовавшихъ стали невольно шептать молитву...

Теперь опять руки его уже опустились, и герой на нѣсколько мгновеній застылъ неподвижно на самомъ краю утеса: онъ выжидалъ чего-то. Эти минуты ожиданія для зрителей были ужасными. Всѣ вытянули головы впередъ, а по лицу Мустафы-Искака-оглу покатились градомъ крупныя капли пота.

Громадный девятый валъ медленно вкатывался въ бухточку. Однимъ своимъ концомъ онъ уже разбивался о далекій выступъ шедшей полукругомъ скалы; а здѣсь, подъ скалой, эта движущаяся и шипящая сверху пѣной стѣна потемнѣвшей воды грузно перекатывалась черезъ глыбы, направляясь къ утесу...

Ибрагимъ отошелъ отъ края и сталъ подъ самой башней. Валъ разбивался о скалу полукругомъ, и шумъ отъ его удара ясно выдѣлялся изъ общаго рева бури все ближе, ближе...

Вдругъ Ибрагимъ-Али рванулся впередъ, и въ тотъ самый моментъ, когда подъ скалой загрохоталъ ужасный ударъ этого вала, гибкое бѣлое тѣло героя мелькнуло на мгновеніе въ воздухѣ и скрылось изъ глазъ зрителей...

Крикъ ужаса вырвался изъ груди всѣхъ сидѣвшихъ на площадкѣ свидѣтелей такого небывалаго суда, но громче и отчаяннѣе всѣхъ крикнулъ побѣлѣвшій, какъ полотно, Мустафа-Искакъ-оглу.

Тѣло Ибрагима-Али долетѣло до воды въ тотъ самый моментъ, когда громадный валъ, разбившись о скалу, откатывался стремительнымъ потокомъ назадъ и, встрѣтившись съ набѣгавшимъ вслѣдъ за нимъ меньшимъ валомъ, боролся съ нимъ ужаснымъ водоворотомъ.

Въ самую середину этого клокотавшаго водоворота врѣзалось съ разлета тѣло героя и моментально исчезло подъ водой...

Всѣ зрители впились глазами въ море; но оно, поглотивъ въ свою пучину тѣло безумнаго храбреца, давно уже сомкнулось надъ нимъ, вѣроятно, навсегда, и не выпускало изъ нѣдръ глубины своей жертвы. Оно продолжало бушевать и злиться попрежнему, потрясая воздухъ несмолкаемымъ грохотомъ своихъ безконечно набѣгавшихъ откуда-то изъ невѣдомой дали громадъ. На поверхности его, кромѣ бѣлой пѣны, не было видно ничего.

А зрители все продолжали смотрѣть въ середину этого ужаснаго кипящаго котла, боясь ежесекундно, что вотъ-вотъ пѣна гдѣ-нибудь покраснѣетъ отъ крови и вслѣдъ

затѣмъ мелькнетъ обезображенное разбитое тѣло храбреца...

Вотъ и въ самомъ дѣлѣ на гребнѣ одного изъ валовъ мелькнуло что-то на мгновеніе, но сейчасъ же исчезло въ котловинѣ между двумя валами. Взоры всѣхъ точно приковались къ тому мѣсту, гдѣ мелькнулъ этотъ предметъ...

Вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ, потому что это былъ большой обломокъ доски, Богъ вѣсть откуда принесенной моремъ; можетъ быть, это—жалкій остатокъ разбитаго судна, держась за который какой-нибудь несчастный долго боролся со смертью, пока, обезсилѣвъ, не опустился на дно пучины, а облегченный обломокъ понесся одинъ къ далекому берегу. Большой валъ приподнялъ на себѣ этотъ обломокъ и грохнулъ его о скалу съ такою силой, что обратный потокъ втянулъ уже въ море назадъ однѣ мелкія щепы.

Уже больше часа прошло съ той минуты, какъ несчастный Ибрагимъ-Али скрылся подъ волнами, а сидѣвшіе на площадкѣ все еще оставались тамъ, продолжая внимательно осматривать море. Наконецъ, мулла-эфенди поднялся и, ставъ предъ грустно безмолвствовавшимъ полукругомъ толпы, присутствовавшей при столь неожиданной и трагической гибели храбреца, нашедшаго себѣ по волѣ кого-то изъ этихъ же самыхъ зрителей раннюю могилу въ бушующей пучинѣ моря, торжественно произнесъ:

— Правовѣрные! на нашихъ глазахъ совершилось то, что еще до сотворенія міра было записано по волѣ Аллаха въ книгѣ судьбы сына Байкеттына-Умэръ-Аромазанаоглу... Такъ, значитъ, должно было быть, такъ и исполнилось! Горе его осиротѣвшимъ родителямъ, горе тому

жестокосердному человѣку, который захотѣлъ гибели этого джигита! Сонъ его уже не будетъ спокойнымъ, глаза его мутно будутъ смотрѣть на свѣтъ Божій, а душу его будутъ терзать тоска и уныніе... Былъ храбрый джигитъ, и не стало его такъ, какъ будто его никогда и не бывало вовсе... Но горевать нечего, потому что джигиту достался почетный удѣлъ мученика, а его отважную душу уже проглотила зеленая райская птица и унесла ее въ своемъ золотистомъ зобу далеко отъ земли и могилы, въ блаженную обитель надзвѣздныхъ садовъ Магометова рая... Великъ и премудръ Аллахъ, распоряжающійся судьбою царей и шейховъ всего міра, и мелкаго червя, и едва примѣтной мошки и тли! Намъ нечего больше сидѣть здѣсь и ждать: все совершилось уже! Пойдемте же, правовѣрные, понесемъ печальную вѣсть отцу погибшаго, и пусть каждый изъ насъ найдетъ въ своемъ сердцѣ хоть одно слово утѣшенія бѣдному, убитому горемъ, старику...

И мулла, приложивъ руки къ лицу, трижды громко произнесъ «фатихэ», которую повторили за нимъ и всѣ остальные; послѣ чего сборище двинулось въ обратный путь.

Когда татары спустились со скалы и, обогнувъ ее по берегу, повернули въ глубь долины, они подъ впечатлѣніемъ всего происшедшаго были слишкомъ углублены каждый въ себя, чтобы обратить вниманіе на какую-то покрытую темною чадрой старушку, которая, шлепая терликами, бодро спускалась къ дорогѣ по тропинкѣ съ другой стороны скалы, направляясь, какъ и они, къ Таракташу...

XIV.

Все можетъ быть, все можетъ быть!

Грустно возвращались таракташцы домой съ берега моря. У каждаго было тяжело на душѣ. Никто изъ нихъ нѣсколько часовъ тому назадъ и не предполагалъ даже, чтобы вчерашняя разумная рѣчь юноши такъ скоро завершилась столь неожиданнымъ трагическимъ исходомъ.

Мустафа-Искакъ-оглу въ сторонѣ отъ другихъ едва плелся.

Въ совершенномъ безмолвіи проходили они по селу, направляясь къ дому отца Ибрагима-Али. Пусть старикъ при всѣхъ выслушаетъ отъ самого муллы-эфенди роковую вѣсть: ему будетъ легче, потому что и радость и горе переживать съ людьми лучше, чѣмъ одному въ тишинѣ.

Вотъ уже и домъ Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу. Во дворѣ тихо; никого нѣтъ... У старика, говорилъ Ибрагимъ-Али, разболѣлась нога: онъ, вѣрно, лежитъ въ кунацкой.

Толпа машинально остановилась у воротъ.

Къ дверямъ подошелъ одинъ мулла-эфенди и тихо постучалъ желѣзнымъ кольцомъ. Отвѣта долго не было. Онъ постучалъ во второй и третій разъ, но никто не отзывался: домъ, очевидно, былъ пустъ.

— Никого нѣтъ, сосѣди,—сказалъ мулла.—Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу, вѣрно, уѣхалъ куда-нибудь... Ну, что жъ, и лучше: чѣмъ позже узнаетъ про свое тяжелое горе, тѣмъ дольше душа его будетъ спокойна, тѣмъ короче будетъ самое горе.

— Нѣтъ, мулла-эфенди, онъ не могъ никуда уѣхать,—сказалъ кто-то, заглянувъ во дворъ черезъ плетень:—вотъ

лошадь его стоитъ у арбы, но почему-то вся мокрая, какъ будто на ней только что пріѣхали.

— Значитъ, ушелъ куда-нибудь: можетъ быть, въ мечеть помолиться, если онъ зналъ, для какой цѣли его бѣдный джигитъ звалъ насъ на берегъ моря... Пойдемъ къ мечети.

Домъ Мустафы-Искака-оглу стоялъ недалеко отъ мечети, въ сторонѣ отъ другихъ. Дорога проходила мимо того переулка, въ который нужно было повернуть, чтобы попасть къ отцу Азетъ. Толпа уже миновала этотъ переулокъ, а Мустафа-Искакъ-оглу, который все время плелся сзади другихъ, повернулъ безмолвно по направленію къ дому...

Вдругъ нечеловѣческій крикъ пронесся въ переулкѣ.

Всѣ вздрогнули и остановились на секунду, но вслѣдъ затѣмъ снова раздался голосъ Мустафы-Искака-оглу:

— Сосѣди! ради самого Магомета, бѣгите скорѣй сюда!—хрипя кричалъ онъ.

Всѣ побѣжали. Но едва бѣгущая толпа повернула въ переулокъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ до того мѣста, съ котораго былъ уже виденъ входъ въ домъ Мустафы-Искака-оглу, она мгновенно вскрикнула и остановилась какъ вкопанная...

А Мухамедъ-Мухамъ, спѣшившій на крикъ своего пріятеля впереди другихъ, замеръ на секунду на мѣстѣ и вдругъ попятился назадъ, выставивъ впередъ руки, какъ будто хотѣлъ этимъ жестомъ отогнать отъ себя наважденіе злого духа... Губы его, по привычкѣ, шептали: «Эшхеду энне Муххамедэнъ-Ресулулъ-лахъ!»

Подъ деревомъ у входа въ домъ, скрестивъ на груди руки въ знакъ почтенія, стоялъ... Ибрагимъ-Али! Тутъ же

на скамеечкѣ около дверей сидѣлъ и отецъ его Байкеттынъ-Умэръ-Аромазанъ-оглу...

Мулла, попятившись нѣсколько шаговъ назадъ, остановился, наконецъ, и сталъ теперь протирать себѣ глаза руками. Но Ибрагимъ-Али продолжалъ стоять неподвижно подъ деревомъ!

Такое безмолвное созерцаніе толпы длилось нѣсколько минутъ: никто не двигался. Кто въ какой позѣ остановился въ первый моментъ, тотъ такъ и стоялъ, точно очарованный сверхъестественною силой...

Сама собой, безъ всякой подготовки, получилась поражающая по своей естественности и рельефности выраженія всѣхъ входившихъ въ нее фигуръ живая картина. Это было художественное и рѣдкое по своей правдѣ изображеніе самой крайней формы паническаго страха, изумленія и радости...

Вотъ, наконецъ, Ибрагимъ-Али двинулся впередъ къ толпѣ; но въ тотъ же моментъ пораженная толпа, какъ одинъ человѣкъ, попятилась отъ него назадъ.

Онъ остановился, и толпа опять замерла на мѣстѣ.

И снова прошла минута совершенно неподвижнаго безмолвія...

Онъ опять сдѣлалъ движеніе впередъ, и опять толпа шарахнулась задомъ назадъ. И снова всѣ на минуту застыли.

Наконецъ, первымъ овладѣлъ собой все же таки мулла-эфенди, Мухамедъ-Мухамъ. Онъ вытянулъ опять руки, двинулся впередъ и вдругъ громко запѣлъ обычное славословіе пророку.

Всѣ подхватили этотъ священный напѣвъ, и толпа стала медленно подвигаться впередъ. Когда уже до Ибрагима-

Али оставалось нѣсколько шаговъ, толпа опять остановилась, и къ нему подошелъ одинъ мулла.

Онъ прикоснулся руками къ головѣ, лицу и груди юноши. Тотъ стоялъ неподвижно, слегка улыбаясь.

Мулла трижды совершилъ это ощупыванье и, наконецъ, громко воскликнулъ:

— Правовѣрные! Аллахъ намъ являетъ какое-то неслыханное чудо! Или я сплю, или, въ самомъ дѣлѣ, правда, что руки мои прикасаются къ живому человѣку!

И мулла самымъ добросовѣстнымъ образомъ продѣлалъ еще разъ отъ начала до конца всю процедуру ощупыванья. Затѣмъ онъ повернулъ столь неожиданно появившагося на этомъ свѣтѣ джигита, самъ дважды обошелъ вокругъ него и, наконецъ, изо всей силы дернулъ самого себя за бороду. При этомъ послѣднемъ доказательствѣ того, что все совершающееся въ самомъ дѣлѣ не сонъ, а дѣйствительность, всегда спокойныя, точно изъ желтой мѣди вылитыя черты достойнаго носителя верблюжьихъ шароваръ съ пятномъ отъ красной цареградской шелковицы исказились отъ боли. Онъ громко произнесъ:

— Клянусь святымъ камнемъ Кааба и всѣми девяноста-девятью именами великаго Аллаха,—я теперь убѣдился, что я самый ничтожный изъ дураковъ, и что голова моя, которую еще недавно и я самъ и многіе другіе дерзали считать умнѣе многихъ головъ,—глупѣе всѣхъ четырехъ копытъ самаго глупаго изъ ословъ! Это—истина, ибо воистину я теперь вижу и трогаю руками того самаго Ибрагима-Али, сына сидящаго здѣсь же Байкеттына-Умэръ-Аромазана - оглу, — того самаго безстрашнаго джигита, смерть котораго мы всѣ видѣли собственными глазами, и душа котораго, по моему крайнему разумѣнію и по всѣмъ

правиламъ святого Корана, должна уже болѣе двухъ часовъ наслаждаться неземнымъ покоемъ въ золотисто-зеленомъ зобу райской птицы!

Гробовое молчаніе изумленной толпы по теоріи, недавно еще преподанной самимъ же почтеннымъ муллой, подтвердило непреложность его словъ о превосходствѣ всѣхъ четырехъ копытъ глупѣйшаго изъословъ надъ головой достойнѣйшаго и мудрѣйшаго изъ муллъ.

А Мухамедъ-Мухамъ продолжалъ:

— И еще я убѣдился, что я во всю свою долгую и — теперь вижу — совсѣмъ безполезную жизнь сказалъ одно только, дѣйствительно, мудрое и, какъ истина Корана, вѣрное слово. Это слово я сказалъ тебѣ, Хайдаръ-ага, тамъ, на берегу, два часа тому назадъ, за нѣсколько минутъ до мученической кончины этого самаго юноши, который теперь стоитъ здѣсь предъ всѣми нами и кажется живой, какъ есть живой. Я сказалъ: «Все бываетъ на свѣтѣ, все можетъ быть и нельзя себѣ даже представить, чего только не можетъ быть, какъ нельзя себѣ представить и того, что бы было, когда бы ничего не было?!» Умнѣе этого слова я никогда еще не сказалъ и, конечно, никогда не скажу до самой смерти, если только я уже не умеръ и не сижу самъ въ золотисто-зеленомъ зобу райской птицы, потому что, кромѣ мучениковъ, въ этихъ самыхъ зобахъ пребываютъ и души всѣхъ муллъ.

А толпа понемногу начала приближаться и, наконецъ, окружила кольцомъ муллу и Ибрагима-Али.

Когда вмѣстѣ съ толпой приблизился и Мустафа-Исакъ-оглу, который больше другихъ казался пораженнымъ всѣмъ происшедшимъ, Ибрагимъ-Али двинулся къ нему и, поклонившись до земли, произнесъ:

— Вотъ путникъ исполнилъ уже твое приказаніе, Мустафа-Искакъ-оглу, и переплылъ отдѣляющую его отъ спасенія и жизни глубокую рѣку! Теперь твоя очередь исполнить свое слово... Сдѣлай же такъ, чтобы путникъ не умеръ отъ жажды на твоемъ берегу!

Вмѣсто отвѣта ему, Мустафа-Искакъ-оглу обратился ко всѣмъ присутствующимъ и сказалъ:

— Дорогіе сосѣди и ты, чтимый всѣми мой гость, Хайдаръ-ага! войдите подъ крышу моего дома, ибо тамъ имѣетъ совершиться радостное.

Всѣ безмолвно вошли. Когда затѣмъ, по обыкновенію, всѣ разсѣлись, гдѣ кто могъ, и задымились трубки, набитыя табакомъ изъ хозяйскихъ картузовъ, отецъ Азетъ обратился къ гостямъ и сказалъ:

— Милосердный Аллахъ послалъ мнѣ сегодня три радости: онъ спасъ этого джигита и тѣмъ избавилъ меня на всю жизнь отъ жесточайшихъ терзаній совѣсти, горечь которыхъ душа моя уже начинала испытывать; Онъ наказалъ мою грѣшную гордость, въ которой я вамъ сейчасъ покаюсь, и Онъ же породнилъ меня съ этимъ великимъ джигитомъ, которымъ послѣ того, что мы видѣли, можетъ гордиться татарскій народъ.

— Хорошо говоришь!—сказали на это въ одинъ голосъ мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ и Хайдаръ.

Затѣмъ, разсказавъ гостямъ исторію сватовства отца Ибрагима-Али и свой отвѣтъ ему, Мустафа-Искакъ-оглу прибавилъ:

— Теперь и я убѣдился, но не въ томъ, въ чемъ каялся нашъ высокочтимый мулла - эфенди и мой дорогой пріятель, Мухамедъ - Мухамъ, а въ томъ, что самъ Богъ

судилъ, чтобы моя дочь Азеть стала женой этого великаго и благороднаго джигита, который даже передъ смертью не хотѣлъ назвать по имени того, кто заставилъ его сдѣлать безумное дѣло. Слава тебѣ, мой любимый будущій сынъ! Скажи же предъ всѣми самъ, чего ты желаешь отъ меня, и доставь мнѣ этимъ возможность исполнить свое слово.

Ибрагимъ-Али всталъ съ своего мѣста и, снова поклонившись до земли своему будущему тестю, произнесъ:

— Умоляю тебя, Мустафа-Искакъ-оглу, именемъ Бога и Его безконечно-милосерднаго пророка Магомета, отдай мнѣ твою дочь Азеть въ жены, и будетъ она душою моей души и жизнью моей жизни!

— Ибрагимъ-Али, сынъ Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу!—отвѣчалъ торжественно хозяинъ,—съ великою радостью отдаю тебѣ въ жены свою дочь, Азеть, и дамъ тебѣ съ нею богатое приданое. А за то, что я былъ гордъ и отвергъ однажды такого храбраго джигита, я жертвую для бѣдняковъ Таракташа одну десятую часть нынѣшняго урожая моей табачной бахчи и задамъ такую пышную свадьбу, какой еще никогда не бывало въ Таракташѣ на памяти самыхъ старыхъ стариковъ. И ты, почтенный ага, мой счастливый гость, который принесъ съ собой счастье подъ мою крышу, не уѣдешь изъ моего дома прежде, чѣмъ не отпразднуемъ вмѣстѣ этого великаго торжества.

Ибрагимъ-Али сіялъ отъ счастья.

— Ты какъ сказалъ, хлѣбосольный Мустафа-Искакъ-оглу, такъ и будетъ,—произнесъ Хайдаръ. — Пусть мое старое сердце отдохнетъ и порадуется здѣсь среди вашей радости и веселья, а скрипка моя на свадьбѣ разскажетъ

вамъ и всему свѣту о томъ, чему вчера и сегодня мы были свидѣтелями. Въ добрый часъ! Такъ судило могучее море, такъ хочетъ Самъ Богъ!

Въ это время появились прохладительные напитки и сласти. Начались обычныя всеобщія поздравленія.

Среди этого общаго веселаго шума поднялся мулла-эфенди Мухамедъ-Мухамъ и поднесъ лѣвую руку къ головѣ въ знакъ того, что онъ хочетъ что-то сказать.

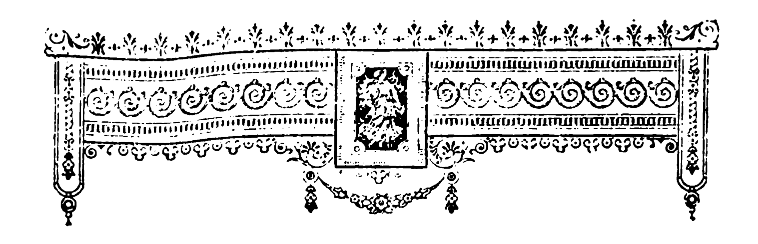
Всѣ смолкли.

— Добрые мои сосѣди и любимыя духовныя дѣти!— произнесъ растроганнымъ голосомъ старикъ. — Вотъ на закатѣ моей жизни я самъ видѣлъ и слышалъ то, чего никогда еще не видалъ и никогда не слыхалъ... Какъ все это могло случиться, какъ мертвый и бывшій уже тамъ, гдѣ когда-нибудь будетъ и моя грѣшная душа, то-есть въ зеленомъ зобу райской птицы, могъ опять появиться среди насъ и радовать насъ своею радостью, — этого — видитъ Самъ Богъ съ высокихъ небесъ—я не знаю, не понимаю и никогда не пойму! Одно вижу, одно знаю, что отвага у Ибрагима-Али львиная, слово его вылито изъ блестящей стали, а сердце кроткое, какъ у голубя... Великъ Богъ мусульманъ, родившій среди нихъ такого джигита! Еще знаю послѣ всего того, чему мы сами—живые свидѣтели, что на свѣтѣ можетъ быть все, рѣшительно все, и что самый мудрый умъ мудрѣйшаго изъ мудрецовъ не могъ бы придумать и представить себѣ чего-нибудь такого, чего бы не могло быть! И еще, наконецъ, знаю, что никто въ мірѣ не знаетъ и не можетъ даже предположительно сказать, что же бы въ самомъ дѣлѣ было, когда бы ничего не было? Прославимъ же пресвѣтлое имя всемогущаго Ал-

лаха, который не имѣетъ ни начала, ни конца и который одинъ только вѣченъ, вездѣсущъ и всевѣдущъ!..

А черезъ недѣлю Тарактапъ гремѣлъ и грохоталъ весельемъ, празднуя пышную свадьбу сына Байкеттына-Умэръ-Аромазана-оглу, Ибрагима-Али, и дочери Мустафы-Искака оглу, Азетъ.

КОНЕЦЪ.

Куртдедэ.

очеркъ изъ крымской жизни.

Долгій и невыносимо знойный день наконецъ сталъ склоняться къ вечеру. Въ комнатѣ, гдѣ приходилось съ утра сидѣть въ полумракѣ, съ закрытыми ставнями, стало замѣтно легче дышать, и только нѣсколько оконъ со стороны заката пылали еще тамъ и сямъ кроваво-огненными пятнами, какъ раскаленныя дверцы адскихъ печей: это жгучіе лучи солнца, пронизывая своими стрѣлами насквозь даже ставни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было больше смолы, казалось, накаляли ихъ докрасна.

Утомленный цѣлымъ днемъ невольнаго плѣна, измученный нестерпимою духотой, отъ которой не спасалъ ни легкій костюмъ, ни даже полумракъ комнаты, я, наконецъ, вышелъ на воздухъ и сталъ жадно впивать въ себя потянувшуюся отъ горъ и отъ моря прохладу. Стояли послѣдніе дни сентября, эти лучшіе дни очаровательнаго крымскаго взморья. Наступавшій вечеръ своимъ арома-

томъ, смѣшаннымъ со свѣжимъ дыханьемъ воды, невольно манилъ и тянулъ куда-нибудь вдаль отъ жилья, въ горную высь, гдѣ для глаза больше простора, для груди— больше эѳира, гдѣ ухо отдыхаетъ отъ скучныхъ человѣческихъ звуковъ, а сердце, заснувшее сердце, встрепенувшись, уносится въ грезахъ Богъ вѣсть куда, какъ птичка навстрѣчу первымъ лучамъ восходящаго солнца.

Дача, гдѣ я проводилъ конецъ лѣта и осень, была расположена въ одной изъ приморскихъ горныхъ долинъ, среди виноградпаго сада, защищенная съ обѣихъ сторонъ двумя грузными, до половины одѣтыми зеленью лѣсовъ хребтами. Великаны эти съ надвинутыми на нихъ скалами самыхъ причудливыхъ формъ и изгибовъ постепенно и грузно спускались десятками террасъ къ морю. Издали они казались двумя гигантскими медвѣдями, которые залегли рядомъ, неподалеку одинъ отъ другого и, положивъ головы на протянутыя къ волнамъ переднія лапы, о чемъ-то надолго задумались, да такъ и застыли навѣки...

Тихо и таинственно лежатъ здѣсь эти медвѣди съ незапамятныхъ временъ, и только одно море, день и ночь не перестающее ласкать ихъ склоненныя къ нему головы то тихо-говорливыми всплесками прилива, то ревущими и стонущими громадами прибоя,—только оно одно вѣдаетъ, какія мысли гнѣздились въ головахъ этихъ чудовищъ и окаменѣли вмѣстѣ съ ними.

Въ то самое время, когда я рѣшалъ, куда мнѣ отправиться—на гору, къ скаламъ, или на берегъ, къ морю,— изъ сторожки виноградника вышелъ мой пріятель и всегдашній спутникъ въ прогулкахъ по окрестнымъ горамъ— татаринъ Куртдедэ и, увидѣвъ меня, привѣтствовалъ, по

своему обычаю, приложеніемъ руки сначала къ груди, а потомъ къ головѣ.

— Акшамсъ хайрысенъ, чорбаджи!

— Алла разусенъ [1]).

— Аманъ-сенъ?

— Шокуръ... Аманъ-сенъ?

— Шокуръ [2]).

Завязался разговоръ на этотъ разъ не по-татарски, какъ всегда, а на томъ смѣшанномъ русско-татарскомъ нарѣчіи, гдѣ вперемѣшку съ отдѣльными татарскими словами говорятся русскія фразы, умышленно коверкаемыя въ убѣжденіи, что татаринъ, и самъ такъ всегда коверкающій ихъ, лучше и скорѣе пойметъ ихъ. Такимъ образомъ вмѣсто «ты» говорятъ «твоя», вмѣсто «онъ»—«ему», вмѣсто «я»—«моя», вмѣсто мужескаго рода—женскій, вмѣсто на «той сторонѣ»—«на тамъ сторона» и т. п.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ о жарѣ, созрѣваніи винограда и тому подобныхъ мелочахъ Куртдедэ сталъ приглашать меня на прогулку.

— Аллъ тюфекъ, чорбаджи,—айда китеикъ [3]).

— Куда китеикъ?

— За гора. Тамъ перепелка болшой многа имѣитъ.

— Твоя видалъ?

— Моя видалъ... Свой глазъ видалъ... Когда ны видалъ,—ны сказалъ.

— Когда видалъ? Какой мѣстъ видалъ?

---

1) — Добрый вечеръ, баринъ.
— Спасибо.

2) — Ты здоровъ?
— Слава Богу... А ты здоровъ?
— Слава Богу.

3) Бери-ка ружье, баринъ, да пойдемъ.

Куртделэ отвѣтилъ не сразу. Онъ помолчалъ, очевидно недовольный, что я сомнѣваюсь и заставляю его безъ нужды такъ много говорить, а, можетъ быть, и потому, что вспоминалъ точно мѣсто, куда теперь приглашалъ меня на перепелокъ.

Наконецъ онъ указалъ рукой на ближайшую скалу, которая остроконечнымъ пикомъ высилась на хребтѣ лѣваго медвѣдя, поросшаго до самаго ея подножія щетинистой кольчугой лѣсовъ, и сказалъ:

— Эта ташъ (скала) твоя видышь? Моя вчера поздна темна ходилъ, менымъ бикъ шукалъ [1]), болшой многа перепелка пугалъ... Недалека литилъ, на тамъ сторона окола ташъ сидилъ... Когда бъ тюфекъ (ружье) була, моя энси (всѣхъ) можна убилъ...

— А можетъ быть теперь ихъ тамъ нѣтъ уже?—сказалъ я, больше думая вслухъ, чѣмъ возражая пріятелю; но онъ, считая эту фразу, очевидно, не стоящей вниманія болтовней, ограничился только тѣмъ, что медленно повернулъ ко мнѣ свою голову въ большой бараньей шапкѣ, пронизалъ меня взглядомъ своихъ жгучихъ, какъ смоль черныхъ маленькихъ глазокъ и, равнодушно отвернувшись опять отъ меня, не торопясь вынулъ изъ кармана шароваръ расшитый шелками кисетъ съ табакомъ и сталъ крутить папироску.

Вслѣдъ затѣмъ онъ вернулся къ себѣ въ сторожку, гдѣ обыкновенно жилъ осенью, сторожа виноградникъ отъ людей и собакъ, которыя, какъ извѣстно, очень любятъ спѣлые гроздья и сильно обижаютъ сады. Тамъ онъ захватилъ свое грозное орудіе—длинную, не менѣе 40 са-

---

[1]) Искалъ своего вола.

женей, и хотя тонкую, но очень крѣпкую и гибкую веревку, нѣчто въ родѣ лассо, свернутую въ большое кольцо, и снова вышелъ, повѣсивъ это кольцо на лѣвомъ плечѣ. Подобнымъ лассо нѣкоторые изъ горныхъ татаръ Крыма владѣютъ такъ же искусно, какъ и краснокожіе сыны американскихъ прерій.

Куртдедэ съ изумительною ловкостью и всегда безъ промаха набрасывалъ проходящую черезъ желѣзное кольцо на концѣ этого лассо петлю на самаго непокорнаго коня въ табунѣ на разстояніи ста шаговъ; имъ же онъ ловилъ особенно надоѣвшую ему въ виноградникѣ собаку, для того, чтобы навсегда отбить ей охоту лакомиться чужимъ добромъ, и имъ же, засѣвши гдѣ-нибудь на скалѣ у ручья въ лѣсу, онъ поймалъ уже не одинъ десятокъ дикихъ козъ, когда онѣ на закатѣ приходили къ этому ручью утолить жажду и на бѣду свою останавливались для этого неподалеку отъ мѣста засады.

Медлить дальше не оставалось причинъ, да и прямо-таки было бы неделикатно по отношенію къ пріятелю, который легко могъ счесть мою нерѣшительность за недовѣріе къ его словамъ, а потому я поторопился вскинуть на плечо свою двухстволку, и мы отправились.

Чтобы добраться до горы, необходимо было пройти черезъ садъ, гдѣ изъ темной зелени каждаго куста привѣтливо мигали частые гроздья почти уже созрѣвшаго винограда и, просвѣчивая насквозь подъ косыми лучами солнца, такъ аппетитно манили къ себѣ золотистымъ янтаремъ своихъ ягодъ. Мы подвигались гуськомъ по узкой садовой тропинкѣ. Куртдедэ, шедшій впереди, отъ времени до времени нагибался въ сторону и сорвавъ болѣе спѣлую

кисть, подавалъ ее мнѣ со словами: «Кушай... Эта карошо... Некъ ару юзумъ!» [1]).

Достигнувъ горы, мы стали взбираться на нее, направляясь въ сторону моря къ одиноко высившейся скалѣ, очень напоминавшей отсюда гигантскую сахарную голову съ чуть замѣтнымъ розоватымъ отливомъ. Она имѣла слегка наклонное положеніе и потому казалась висящей надъ темною пропастью лѣса.

Вода и сплошная зелень имѣютъ свойство удивительно скрадывать разстояніе, и поэтому хотя намъ казалось, что бывшая цѣлью путешествія скала виситъ въ воздухѣ почти надъ нашими головами, но это являлось только оптическимъ обманомъ: до нея приходилось пройти еще не менѣе двухъ верстъ, то подымаясь по крутизнѣ, то глубоко спускаясь въ многочисленныя ущелья и расщелины, по которымъ раннею весной, крутя и бурля, проносились стремительно къ долинѣ и морю съ ревомъ и грохотомъ цѣлые каскады мутныхъ, сердито вздувшихся водъ.

Около получаса мы двигались молча. Куртдедэ, родившійся и выросшій въ этихъ горахъ, значительно опередилъ меня. Онъ какъ серна перепрыгивалъ съ корня на камень и, быстро подвигаясь впередъ, не показывалъ никакой усталости: только баранья шапка его сдвинулась теперь къ самому затылку, изъ-подъ нея лоснился на солнцѣ обритый наголо спереди черепъ и выглядывалъ еще край черной ермолки.

Обливаясь потомъ и тяжело дыша подобно подходящему къ станціи паровозу, я едва поспѣвалъ за нимъ. Что

---

[1]) Очень хорошій виноградъ.

было легко татарину, то мнѣ становилось невмоготу. Наконецъ пыхтѣніе мое сдѣлалось, вѣроятно, настолько уже громкимъ, что разжалобило даже этого хладнокровнаго сына востока. Добравшись до одной изъ ближайшихъ скалъ съ совершенно плоскою, какъ будто человѣческими руками высѣченною, квадратною поверхностью, онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Болдурдымъ?.. Оттуръ! [1]).

Радуясь отдыху, я развалился на камнѣ со всѣмъ возможнымъ комфортомъ, любуясь восхитительнымъ видомъ, развернувшимся передъ моими глазами.

Природа—самый вдохновенный и величественный художникъ. Двумя-тремя смѣлыми взмахами своей могучей кисти она набросала въ этомъ уголкѣ міра очаровательный ландшафтъ, который, казалось, тонулъ въ безпредѣльно-глубокомъ фонѣ сине-голубого южнаго неба. Прикрытая боковыми колоссами отъ вѣтра и непогоды, долина, одѣтая пышнымъ ковромъ бархатной зелени, дремлетъ подъ ласково льющимся на нее съ голубыхъ высотъ тепломъ. Ее убаюкиваютъ сверху ни на секунду не смолкающія трели беззаботныхъ пѣвцовъ свободы, жаворонковъ, а тамъ, далеко-далеко внизу, день и ночь ласкаетъ и поетъ ей свою колыбельную пѣсню ропотливымъ прибоемъ море. Съ грузнымъ и таинственнымъ видомъ слушаютъ эту пѣсню горы-медвѣди и также дремлютъ подъ тѣнью скалистыхъ шлемовъ... А море, какъ небо глубокое и какъ оно же безбрежное, дугой окаймляющее долину, растянулось безъ конца вдаль, утопивъ на горизонтѣ въ своей синевѣ края розоватыхъ облаковъ. Вотъ

---

[1]) Ты утомился?.. Садись!

въ той линіи, гдѣ морская синь сливается съ зеленымъ бархатомъ суши, мелькнуло и задвигалось что-то бѣлое: это маленькая лодка поставила парусъ и направляется въ море. Свѣжій вѣтерокъ только что потянулъ изъ-за противоположной горы, и лодочка, лавируя, быстро понеслась отъ берега. При каждомъ поворотѣ бѣлоснѣжный парусъ ея сверкалъ на солнцѣ, точно чайка крыломъ... Сходство было настолько велико, что, когда лодочка, шедшая въ нашу сторону съ цѣлью обогнуть гору, достигла той линіи, гдѣ надъ водою носилась огромная стая этихъ морскихъ птицъ, видно не поладившихъ теперь между собою, потому что онѣ на далекое пространство оглашали воздухъ своимъ хриплымъ, но тѣмъ не менѣе пронзительнымъ крикомъ,—я почти пересталъ различать ее изъ-за птицъ.

Залюбовавшись всей этой развернувшейся передо мной картиной, я невольно задумался настолько, что забылъ о своемъ спутникѣ и совершенно не замѣчалъ его присутствія. А Куртдедэ между тѣмъ, стоявшій сначала около скалы, на которой я теперь нѣжился, поднялся нѣсколько выше и, прислонившись къ крутому выступу другой скалы, почти прилипъ къ камню и такъ и застылъ на мѣстѣ, устремивъ свои зоркіе глаза въ синѣющую даль горизонта.

Вдругъ голосъ его вывелъ меня изъ задумчивости.

— Нэ стей-сенъ, Куртдедэ?—спросилъ я.

— Ярамазъ... Пекъ ярамазъ... Алла сахласенъ... Ульды!.. [1])

И, проговоривъ эти слова, татаринъ какъ кошка сползъ съ выступа и, подойдя ко мнѣ, заговорилъ уже только

[1]) — Чего ты хочешь, Куртдедэ?
— Худо... Очень худо... Сохрани Богъ... Онъ пропалъ...

по-татарски, не мѣшая ни одного русскаго слова и противъ обыкновенія не отрывисто, а цѣлыми фразами.

— Ты видѣлъ эту лодку, что сейчасъ пошла въ море?

— Видѣлъ.

— Это Лифтерка поплылъ съ сыномъ.

— Какой Лифтерка?

— Мой сосѣдъ,—рыбакъ. Съ нимъ поплылъ и сынъ его, Христофоръ, ровесникъ моего Халиля, потому что глаза Халиля увидѣли въ первый разъ свѣтъ солнца, а уши услышали голосъ муллы, пѣвшаго молитву на мечети, въ Рамазанъ [1]) того самаго года, когда и Христофоръ въ первый разъ увидѣлъ улыбку своей матери...

— А твой Халиль большой уже?

— Нѣтъ, онъ почти дитя. Ему нужно пережить еще пять зимъ, прежде чѣмъ отецъ его долженъ будетъ подумать, чью дочь взять ему въ жены... Сердце мое болитъ, что Халиль не увидитъ больше Христофора, а отецъ его—его отца...

— Почему не увидитъ? Развѣ они навсегда уплыли куда-нибудь далеко и останутся жить тамъ?

— Нѣтъ, они уплыли за рыбой, но больше не возвратятся.

— Какъ не возвратятся?

— Они потонутъ... Жалко!..

Голосъ пріятеля моего былъ серьезенъ, а лицо—слишкомъ задумчиво и грустно, чтобы я могъ заподозрѣть въ его словахъ шутку. Да наконецъ онъ, какъ и всякій хорошій татаринъ вообще, а тѣмъ болѣе такой, какъ онъ, т.-е. весьма хорошо образованный по-своему эфенди, и не

---

[1]) Рамазанъ—татарскій постъ, соотвѣтствующій нашему Великому.

позволилъ бы себѣ подобной шутки, искренно считая грѣхомъ всякое пустословіе и краснобайство. Поэтому не удивительно, что слова его поразили меня.

— Что ты говоришь, Куртдедэ? Почему каркаешь, какъ ворона, надъ головой бѣднаго рыбака? Что онъ тебѣ худого сдѣлалъ?

— Нѣтъ, я не каркаю,—возразилъ все болѣе омрачавшійся татаринъ.—Глаза мои видятъ черное и сердце мое хочетъ плакать... Лифтерка не врагъ мнѣ, а сосѣдъ и другъ... Если онъ не вернется больше, я не успѣю отдать ему долгъ, и долгъ этотъ будетъ висѣть камнемъ на моей шеѣ до самой смерти... Пусть Богъ и великій пророкъ сохранятъ его!..

— Да почему ты думаешь, что они съ сыномъ погибнутъ?

— Потому что онъ ушелъ въ море на цѣлую ночь въ худое время... Не пройдетъ двухъ-трехъ часовъ, какъ гора эта задрожитъ подъ ударами морскихъ волнъ, а воздухъ застонетъ отъ грома... Будетъ великая буря. Я удивляюсь, какъ это онъ, старый рыбакъ, не чуетъ приближенія бури?! Вѣрно глаза его затуманились, потому что иначе онъ не отдалъ бы себя съ сыномъ на вѣрную гибель... Слышишь, какъ кричатъ чайки? Видишь, какъ онѣ кружатся въ воздухѣ, обгоняя его лодку? Это онѣ остерегаютъ его. Онѣ рѣжутъ ему дорогу для того, чтобы онъ повернулъ назадъ къ берегу, а онъ, какъ слѣпой, мчится впередъ! Бѣдный, бѣдный!.. Если бы онъ теперь еще повернулъ назадъ, онъ успѣлъ бы выйти на землю, прежде чѣмъ затрещитъ его лодка отъ шторма.

— Да, можетъ быть, Богъ дастъ, что ты ошибаешься и бури не будетъ. Вѣдь смотри—вездѣ ясно, и вѣтеръ

небольшой, такъ гдѣ же ты видишь бурю?—успокаивалъ я его и себя въ то же время.

— Нѣтъ, чорбаджи, къ сожалѣнію я не ошибаюсь. Сорокъ четыре года уже глаза мои смотрятъ на это самое море, и столько же лѣтъ грудь моя дышитъ этимъ самымъ воздухомъ... Такъ развѣ же не глупъ бы я былъ какъ сорокъ четыре самыхъ глупыхъ осла, если бы глазъ мой не научился за это время видѣть, а сердце чувствовать приближеніе шторма? Ты слышишь—вотъ уже вѣтеръ загудѣлъ сильнѣе за той горой. Здѣсь намъ не слышно такъ его, а тамъ, въ морѣ, посмотри, какъ уже почернѣла вода и какъ часто морскіе старики стали показывать изъ воды свои сѣдыя бороды и грозить своими страшными черными руками! [1]) Бѣда, чорбаджи, большая бѣда!.. Теперь уже Лифтерка на своей маленькой лодочкѣ не успѣетъ вернуться. Жаль его крѣпко и горе мнѣ! Придется мнѣ до той самой минуты, когда Халилъ заплачетъ надъ моимъ трупомъ, носить на шеѣ тяжелымъ жерновомъ свой долгъ ему...

— О какомъ это долгѣ ты все говоришь?—заинтересовался я.—Много ты ему долженъ?

— Если можно добро мѣрить на деньги, то я ему долженъ столько, сколько никогда не буду имѣть. Сто самыхъ большихъ урожаевъ всѣхъ этихъ виноградниковъ, которые отсюда видитъ твой глазъ, не составятъ и сотой части моего долга, потому что одна капля добра на вѣсахъ пророка перетягиваетъ цѣлую гору золота! Я ему долженъ добро, а не деньги: онъ вымылъ мнѣ руку, и

[1]) Передъ бурей въ Черномъ морѣ дельфины часто играютъ у береговъ и, выпрыгивая, показываются изъ воды. Туземцы ихъ называютъ „морскими свиньями“. *Авторъ.*

пророкъ не пуститъ меня даже къ дверямъ своего рая, если я дважды не вымою ему лица и всего тѣла.

— Что же онъ сдѣлалъ тебѣ? Разскажи.

— Ну, такъ слушай же и вѣрь, что мое сердце въ тридцать разъ лучше чувствуетъ то, что разскажетъ языкъ.

При этихъ словахъ Куртдедэ снялъ съ плеча лассо и, положивъ его около меня на камнѣ, сѣлъ самъ на это кольцо, поджавъ подъ себя, по восточному обычаю, обѣ ноги, и началъ разсказывать. Голосъ его звучалъ монотонно, а глаза были устремлены куда-то вдаль, но каждое слово невольно запечатлѣвалось въ сердцѣ слушателя.

Разсказъ Куртдедэ я передаю здѣсь однако обыкновеннымъ русскимъ языкомъ.

«— Въ тотъ самый день, когда, пятнадцать зимъ тому назадъ, великій пророкъ наслалъ на меня глубокій сонъ и во время этого сна отдѣлилъ отъ моей души частицу для того, чтобы вложить ее въ тѣло Халиля, онъ далъ мнѣ еще и другую прибыль: на крикъ Халиля, появившагося въ моемъ домѣ, отвѣчалъ веселымъ ржаніемъ маленькій жеребенокъ, появившійся въ ту же минуту въ моей конюшнѣ. Я сейчасъ же совершилъ омовеніе и, упавши ницъ на землю, возблагодарилъ Всемогущаго, не имѣющаго Себѣ равнаго, Великаго Бога, Господа міровъ и Его великаго пророка Магомета и, зарѣзавъ пять самыхъ жирныхъ барановъ и шестую—молодую буйволицу, роздалъ мясо ихъ бѣднымъ для того, чтобы появленіе въ этомъ мірѣ моего первенца принесло имъ радость и успокоеніе. Бѣдные ѣли и громко воздавали хвалу Царю царей и Владыкѣ владыкъ, и хвалу эту пророкъ положилъ у ступеней Его лучезарнаго престола. И Повелитель солнца, земли и звѣздъ (нѣтъ Бога кромѣ Бога!..)

принялъ эту мою бѣдную жертву, потому что повелѣлъ своему пророку (...и Магометъ—его пророкъ!) явить мнѣ знаменіе въ этомъ. Ровно черезъ пять лѣтъ (по числу барановъ), когда жеребенокъ мой сталъ уже взрослымъ джоргой [1]), быстрымъ какъ вѣтеръ, игривымъ какъ буря и горячимъ какъ огонь, злой воръ укралъ его ночью въ лѣсу, гдѣ онъ всегда ходилъ на свободѣ, и увелъ его въ Кафу [2]), для того, чтобы на торговомъ суднѣ перевезть его въ Турцію... Еще бы! За такого коня въ Турціи можно было взять столько серебра, сколько вѣсилъ онъ самъ!

«Но тутъ-то и случилось, по волѣ Аллаха, первое знаменіе. Въ тотъ самый моментъ, когда воръ (это былъ турокъ) перевозилъ на большомъ баркасѣ моего джоргу, скрутивъ его ремнями, на судно, стоявшее далеко въ бухтѣ и готовое уже поднять паруса и уплыть къ берегамъ Турціи, его встрѣтилъ около самой пристани сосѣдъ мой Лифтерка, этотъ самый рыбакъ, который тогда въ компаніи съ кафскими рыбаками взялъ какой-то подрядъ на поставку нѣсколькихъ сотенъ тысячъ устрицъ и потому въ теченіе цѣлаго мѣсяца жилъ въ Кафѣ и каждую ночь уплывалъ въ море на промыселъ. Баркасъ вора на разсвѣтѣ только что готовился отчалить отъ пристани, когда близко отъ него проплывала лодка возвращавшагося съ промысла Лифтерки. Одного взгляда этого добраго сосѣда было довольно, чтобы узнать лежавшаго на доскахъ сверхъ скамеекъ баркаса джоргу. Да и какъ не узнать такого сокровища?! Онъ былъ золотистой масти, и подобнаго этому коню не было въ цѣломъ Крыму! Лифтерка крикнулъ... Вора сію же минуту схватила таможенная

1) Джорга—иноходецъ.

2) Кафа—татарское названіе города Ѳеодосіи.

стража, и черезъ нѣсколько дней я уже цѣловалъ шею и обливалъ своими слезами красивую и умную голову моего незабвеннаго любимца. Вѣришь, чорбаджи, когда я вспоминаю теперь, какъ смотрѣло тогда на меня это животное, какъ съ его большихъ, какъ ночь темныхъ и какъ у самаго стараго человѣка умныхъ глазъ упали на мою шею и обожгли меня двѣ горячія слезы, и какъ радостно заржалъ онъ, когда я поднялъ къ его головѣ своего малютку Халиля, его духовнаго брата, сердце дрожитъ во мнѣ, а глаза противъ воли моей плачутъ!..»

Куртдедэ на минуту умолкъ. Два серебряныхъ шарика прокатились по его смуглому лицу и, повиснувъ на щетинистыхъ короткихъ усахъ, заискрились отъ лучей близившагося къ западу солнца. Было что-то трогательное во всей серьезно-мужественной фигурѣ этого мусульманина, проливавшаго здѣсь, на скалѣ, слезы при воспоминаніи о любимомъ животномъ.

«—Это было первое добро, которое мнѣ сдѣлалъ Лифтерка,—продолжалъ черезъ минуту Куртдедэ, оправившійся отъ волненія и заговорившій опять своимъ ровнымъ металлическимъ голосомъ.

— Онъ мнѣ тогда вернулъ мой глазъ... Да, мой джорга былъ моимъ глазомъ, потому что и днемъ и ночью, когда я верхомъ на немъ по горнымъ, едва замѣтнымъ, тропинкамъ взбирался на крутизну или спускался въ ущелья, я могъ спокойно закрыть оба глаза: умный конь смотрѣлъ лучше меня, и не было случая; чтобы нога его ступила на камень, который нетвердо лежалъ на тропинкѣ надъ пропастью!

«Прошелъ .еще годъ, т.-е. шесть отъ дня появленія на свѣтъ моего Халиля (припомни: буйволица была *шестой*

жертвой!). Я забылъ уже объ этой бѣдѣ, но не забылъ о томъ, что Лифтерка мнѣ сдѣлалъ добро, и ждалъ только, чтобы пророкъ послалъ мнѣ случай отблагодарить достойно сосѣда. Но Богъ судилъ иначе. Онъ захотѣлъ, чтобы я, должникъ, еще разъ одолжился у своего благодѣтеля. Вскорѣ послѣ нашего праздника Курбанъ-Байрама [1]), въ это самое время, какъ теперь, когда виноградъ уже почти созрѣлъ, я со своимъ братомъ, Адылемъ, наполнили двѣ арбы виноградомъ и отправились продавать его по деревнямъ и селамъ. Я не предчувствовалъ никакого несчастія. Душа моя была спокойна, и сонъ—безмятеженъ... А въ это время дома случилась такая бѣда, которая еще не слыхана была въ нашихъ окрестностяхъ на памяти самыхъ дряхлыхъ изъ нашихъ стариковъ. Жена моя, Пембе, пошла съ утра въ сосѣднюю деревню навѣстить больную женщину, родственницу, а сына Халиля и домъ оставила подъ присмотромъ своей сестры, дѣвушки, жившей тогда съ нами...

«Подумай же, чорбаджи, что должна была пережить моя бѣдная подруга Пембе, когда, возвратившись къ вечеру домой, она услыхала отъ сестры и сосѣдей, что Халиль вскорѣ послѣ ея ухода утромъ неизвѣстно куда исчезъ?! Свѣтъ помутился въ глазахъ матери при этой вѣсти и, крикнувъ нечеловѣческимъ голосомъ, она замертво грохнулась объ землю. Чадра ея свалилась съ нея, и (да простятъ ей Аллахъ и пророкъ это ея невольное прегрѣшеніе!) сбѣжавшіеся люди, сосѣди-мужчины, увидѣли ея какъ смерть побѣлѣвшее прекрасное лицо. Многіе изъ этихъ сосѣдей давно уже, еще съ полудня, разбѣжались

---

1) Курбанъ-Байрамъ—большой татарскій праздникъ, непосредственно слѣдующій за большимъ Рамазаномъ.

по окрестнымъ лѣсамъ на горахъ въ поискахъ за пропавшимъ ребенкомъ. Они думали, что дитя ушло само и заблудилось, или, свалившись въ пропасть, разбилось. Теперь они голодные и измученные возвращались одинъ за другимъ, и никто изъ нихъ не могъ въ утѣшеніе несчастной матери принести радостную вѣсть о пропавшемъ ребенкѣ. Въ это время Лифтерка возвращался съ моря, гдѣ онъ былъ цѣлый день на ловлѣ. Когда онъ утромъ проходилъ мимо моего дома къ берегу, онъ видѣлъ Халиля игравшимъ на дворѣ, а дальше немного встрѣтилъ двѣ повозки съ цыганами.

«Старики говорятъ, что цыгане были когда-то, когда еще не было здѣсь этихъ горъ (вѣдь это не горы, а окаменѣлые медвѣди!), правовѣрными, но пророкъ проклялъ ихъ за какой-то смертный грѣхъ, и съ тѣхъ поръ они не имѣютъ нигдѣ на землѣ своего уголка, а бродятъ всюду по бѣлому свѣту, и кости ихъ тлѣютъ тамъ, гдѣ застала ихъ смерть. Днемъ они нищенствуютъ, а ночью воруютъ. Женщины ихъ постоянно надуваютъ народъ, предлагая темнымъ и довѣрчивымъ людямъ погадать на бобахъ, или прочитать по рукѣ всю будущую судьбу человѣка. Много людей вѣритъ этимъ обманщицамъ и даетъ имъ свои трудовыя деньги за то, чтобы послушать, какъ эти обманщицы будутъ врать, смотря на подставленную руку. Глупые, глупые люди! Какъ будто кто-нибудь изъ тѣхъ, кто каждую минуту находится во власти смерти, можетъ когда-нибудь прочитать или узнать, что написано у Бога въ книгѣ судьбы. Книгу эту сторожатъ триста тридцать три огнедышащихъ дракона, и всякій, кто пожелалъ бы достигнуть до этой таинственной книги, былъ бы раньше сожженъ и обращенъ въ пепелъ ихъ огненнымъ дыханіемъ.

«Когда, прибѣжавши на крикъ людей во дворѣ моего дома, Лифтерка услышалъ горестную вѣсть, пророкъ вдругъ просвѣтлилъ его глаза и умудрилъ его умъ: онъ сразу увидѣлъ и узналъ то, чего не видѣли и не знали другіе сосѣди.

«—Это цыгане утромъ украли дитя, чтобы выпечь ему глаза и выкрутить ноги и руки... Они искалѣчатъ его и потомъ, выдавая за своего ребенка, будутъ показывать людямъ, чтобы возбудить ихъ жалость, и получить щедрую милостыню!—вскричалъ тогда Лифтерка, и съ этими словами онъ, какъ сумасшедшій, вбѣжалъ въ мою конюшню, гдѣ безъ меня стоялъ запертымъ джорга, взнуздалъ его и, вскочивъ безъ сѣдла на его могучій хребетъ, умчался какъ вихрь по дорогѣ, даже не заглянувъ къ себѣ въ домъ послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ морѣ на ловлѣ.

«Лифтерка исчезъ. Онъ не вернулся ни ночью, ни завтра, ни черезъ три дня. Съ нимъ вмѣстѣ исчезла изъ осиротѣвшаго сердца неутѣшной матери и всякая надежда прижать когда-нибудь къ своей груди дорогое дитя, услышать его звонкій, безгрѣшный лепетъ. Черная печаль и уныніе посѣтили мой домъ, и вмѣсто веселаго смѣха и громкаго щебетанія въ немъ, не переставая, полились горючія слезы...

«Къ концу третьяго дня возвратился и я съ братомъ съ пустыми арбами. Счастливый и спокойный входилъ я подъ родную кровлю, неся съ собой подарки домашнимъ: для Пембе—кусокъ дорогого атласа на праздничный бешметъ, сестрѣ же и Халилю—по красивому фесу. Но въ домѣ нашелъ я вмѣсто рая могилу. Печальная вѣсть поразила меня какъ громомъ. Кровь сразу похолодѣла въ сердцѣ моемъ, и я, какъ окаменѣлый, приросъ на

мѣстѣ къ землѣ на нѣсколько минутъ. Потомъ какъ будто меня кто облилъ кипящей смолой, и я, обезумѣвшій отъ горя, съ дикимъ крикомъ бросился вонъ изъ дома, самъ не зная куда и зачѣмъ...

«Но на срединѣ двора ноги мои подкосились, въ ушахъ зазвенѣло, на глаза опустилась вдругъ темная ночь, и я повалился на землю, какъ конь отъ перетянутаго на шеѣ аркана.

«Долго ли я лежалъ, не знаю, но когда я очнулся, то оказалось, что я лежу лицомъ къ землѣ, и земля эта была обагрена моею кровью. При паденіи я расшибъ себѣ скулу и носъ, и вотъ, посмотри, до сихъ поръ на скулѣ моей есть небольшой шрамъ, который одинъ только теперь напоминаетъ мнѣ о пережитой печали. Поднявшись и осмотрѣвшись кругомъ себя, я замѣтилъ, что солнце уже скрылось за моремъ. Вдругъ я сразу вспомнилъ горестную дѣйствительность, и сердце снова захолонуло во мнѣ. Мнѣ ясно, такъ же ясно, какъ ясенъ свѣтъ костра ночью въ темномъ лѣсу, представилось мое бѣдное дитя съ выпеченными глазами и выкрученными руками и ногами, и я заскрежеталъ зубами отъ этого леденившаго кровь видѣнія. Уже ротъ мой раскрылся, а губы зашевелились, чтобы возроптать на Господа міровъ, но въ этотъ самый моментъ надъ головой моей съ минарета мечети раздалась, какъ гласъ Божій, священная пѣснь муллы съ славословіемъ пророку.

«Онъ вдохновеннымъ голосомъ пѣлъ тамъ о ничтожествѣ этой временной жизни здѣсь, на землѣ, и о божественныхъ радостяхъ, ожидающихъ всякаго богобоязненнаго правовѣрнаго тамъ, на лонѣ Магометова рая, въ тѣнистыхъ аллеяхъ надзвѣздныхъ садовъ. Слова за-

мерли у меня на губахъ... Вмѣсто нихъ изъ самаго сердца неудержимымъ потокомъ хлынули душившія мою грудь и сжимавшія горло слезы, какъ бѣлая пѣна высокой волны хлынетъ иногда въ самые далекіе закоулки и расщелины прибойной скалы, и, упавъ на колѣни передъ священнымъ востокомъ, я вмѣсто хулы прославилъ въ теплой молитвѣ Владыку судебъ! Вѣрь, чорбаджи, я до этого дня никогда не молился такъ горячо и такъ искренно, и молитва моя была угодна Богу! Она долетѣла до той завѣтной дали востока, гдѣ стоятъ священныя Медина и Мекка, и, коснувшись гробницы пророка, сама написалась на твердой поверхности святого Кааба. Послѣ этого, войдя въ домъ, я крѣпко заснулъ.

«Очень рано утромъ меня кто-то сталъ будить. Открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собой важнаго начальника въ мундирѣ съ золотыми пуговицами, а дальше, около дверей, стоялъ нашъ мулла.

«— Это ты, Куртдедэ-Мустафа Джафаръ-оглу?—спросилъ онъ меня.

«— Это я самъ, господинъ.

«— У тебя есть сынъ Халиль?

«— Нѣтъ, господинъ, теперь уже нѣтъ,—сказалъ я ему и заплакалъ: такъ невыносимо больно было мнѣ прикосновеніе къ свѣжей ранѣ моего сердца.—Сегодня въ четвертый разъ солнце, появляясь утромъ на небѣ на радость міру, освѣщаетъ пустоту на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде покоилась голова моего Халиля. Онъ былъ еще недавно у меня, но теперь уже нѣтъ...

«— Куда же онъ дѣвался? — спросилъ начальникъ, строго и зорко посмотрѣвъ на меня. (Потомъ уже я узналъ, что меня заподозрѣли, будто я умышленно думалъ скрыть

мальчика, для того, чтобы ни одинъ не пошелъ въ солдаты въ случаѣ, если бы Богъ подарилъ мнѣ еще другого.)

«— Его украли цыгане... Ахъ, господинъ, если у тебя есть сынъ, ты поймешь, какая черная рана зіяетъ теперь на моемъ растерзанномъ сердцѣ!.. Лучше бы онъ умеръ на моихъ глазахъ и, оплаканный нами, былъ опущенъ въ могилу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покоятся и тихо тлѣютъ кости всѣхъ нашихъ предковъ!

«— Ну, Куртдедэ, — сказалъ вдругъ ласковымъ голосомъ начальникъ, — перестань плакать... Можетъ быть, Богъ дастъ, что ты опять увидишь и обнимешь своего сына. Вотъ я привезъ тебѣ приказъ отъ губернатора, чтобы ты немедленно ѣхалъ со всѣми домашними въ Аккъ-Мечеть [1])... Васъ всѣхъ требуетъ туда самъ губернаторъ.

«У меня отъ волненія захватило духъ; я не зналъ еще — радоваться мнѣ, или снова начинать плакать.

«— Зачѣмъ же намъ всѣмъ ѣхать? Что хотятъ сдѣлать съ нами?—спросилъ я со страхомъ.

«— Я еще навѣрно не знаю, потому что въ телеграммѣ этого не объяснено, — отвѣчалъ начальникъ, — но думаю, что вамъ хотятъ предъявить ребенка. Вѣроятно твой Халиль живъ и уже нашелся.

«Случалось ли тебѣ, добрый чорбаджи, видѣть, какъ послѣ чернаго какъ ночь ненастья, когда ураганъ вырывалъ съ корнями вѣковыя деревья, а съ свинцовыхъ небесъ, какъ изъ мрачной пропасти, лились цѣлые потоки дождя, вдругъ заблещетъ полуденное солнце и сдѣлаетъ въ одно мгновеніе изъ ада рай, изъ тьмы — свѣтъ, изъ

---

[1]) Аккъ-Мечеть—татарское названіе гор. Симферополя.

зла—добро? Тогда всякій листикъ, всякая травка, обмытые дождемъ отъ сѣрой пыли и грязи, радостно трепещутъ, и мелкія капли воды на нихъ горятъ какъ алмазы. Тогда все вдругъ воскресаетъ отъ сна и смерти и громко возноситъ къ сіяющимъ небесамъ хвалу Всемогущему Богу, Повелителю міровъ! Такъ просвѣтлѣли и задрожали вдругъ и наши сердца, мое и Пембе, при этой радостной вѣсти! Халиль живъ!.. Халиль нашелся!.. О Господи міровъ! Доводилось ли кому-нибудь изъ жившихъ на свѣтѣ людей съ того самаго дня, когда въ годъ геджры [1]) гонимый пророкъ бѣжалъ изъ Мекки въ Медину, переживать болѣе счастливую минуту?! Клянусь бородой Магомета, что нѣтъ: большаго счастія на землѣ подъ священной луной не бывало!

«Еще не перестали лаять собаки на колеса повозки, на которой уѣхалъ начальникъ, какъ я уже съ Пембе и ея сестрой отправился въ путь, въ Аккъ-Мечеть, на самой скрипучей мажарѣ [2]). Даже волы мои какъ будто знали, куда и зачѣмъ они ведутъ насъ, потому что шли такъ скоро, какъ будто они были верблюды, а не волы. Къ полудню другого дня мы ѣхали уже черезъ мостъ въ Аккъ-Мечети, а еще черезъ два часа передъ глазами нашими поплыли золотые круги отъ слезъ счастія: Халиль, нашъ милый Халиль, душа нашей души и жизнь нашей жизни, здравый и невредимый лежалъ уже подъ чадрой

[1]) Геджра или гиджра—бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину—по повелѣнію халифа Омара, принята за начало лѣтосчисленія у мусульманъ; приходится на 16 іюля 622 г. послѣ Рождества Христова.

Авторъ.

[2]) Сильно скрипящая мажара у горныхъ крымскихъ татаръ считается своего рода шикомъ; они говорятъ: „Мажара громко поетъ, ее далеко слышно,—значитъ ѣдетъ честный человѣкъ“.

Авторъ.

около трепетавшаго сердца матери! Великъ Богъ міровъ и слава Его живетъ въ каждой пылинкѣ!..

«А знаешь, чорбаджи, черезъ кого Богъ его намъ отдалъ?

«Опять черезъ того же Лифтерку. Всю ночь гнался онъ на моемъ безцѣнномъ джоргѣ вслѣдъ за цыганами и на утро, когда солнце уже катилось высоко по небу, онъ, наконецъ, увидѣлъ двѣ ихъ повозки, переѣзжавшія Салгиръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ между тремя высокими тополями раскинулся тѣнистый столѣтній волошскій орѣхъ. Прежде чѣмъ Лифтерка доѣхалъ до берега, повозки уже остановились подъ орѣховымъ деревомъ. Тамъ цыгане разбили свой таборъ. Но какъ только Лифтерка переѣхалъ рѣку вслѣдъ за ними, мой безцѣнный джорга, мое незабвенное сокровище, которое я любилъ и берегъ какъ собственный глазъ, грохнулся мертвымъ на землю. Онъ исполнилъ свой долгъ, для котораго пророкъ повелѣлъ ему появиться на свѣтъ въ одну минуту съ Халилемъ: его жизнь нужна была для спасенія жизни Халиля, и вотъ онъ исполнилъ велѣніе пророка: онъ палъ въ ту самую минуту, когда до слуха Лифтерки долетѣлъ изъ передней закрытой повозки жалобный плачъ моего Халиля... Слава тебѣ, слава, слава, мой незабвенный конь, мой свѣтлый правый глазъ! Я собралъ потомъ, уже на возвратномъ пути, его драгоцѣнныя кости, сложилъ ихъ на костеръ и заставилъ Халиля поджечь этотъ костеръ и превратить эти кости въ пепелъ. Тогда же я далъ великую клятву, о которой услышишь позже.

«Оставшись пѣшимъ, Лифтерка не бросилъ того, за чѣмъ гнался всю ночь напролетъ. Чтобы убѣдиться, не обманулъ ли его слуха голосъ Халиля, онъ подошелъ къ

цыганамъ и заставилъ самую старую старуху погадать себѣ на бобахъ и спросить судьбу: будетъ ли ему въ жизни какое-нибудь особенное большое счастье въ награду и утѣху за потерянную имъ любимую лошадь? Старуха долго-долго болтала свои бобы въ чашкѣ и, наконецъ, разсыпала ихъ по землѣ и стала говорить.

«А Лифтерка тѣмъ временемъ все придвигался къ закрытой повозкѣ и слушалъ. Сначала тамъ было тихо: вѣрно мой бѣдный Халиль усталъ уже плакать и заснулъ на минуту. Но вотъ снова раздался его жалобный плачъ и стонъ.

«— Кто это плачетъ у васъ?—спросилъ Лифтерка.

«— Это внукъ мой заболѣлъ въ дорогѣ, — отвѣчала вѣдьма, разсыпая бобы по землѣ.

«— Что же съ нимъ такое?

«— А кто можетъ знать, что такое... Вѣтеръ нанесъ, вѣтеръ и знаетъ...—шамкала вѣдьма.

«— А ну-ка, покажи мнѣ его: можетъ быть, я ему чѣмъ-нибудь помогу, потому что я понимаю въ болѣзняхъ,—продолжалъ равнодушнымъ голосомъ Лифтерка.

«— Нѣтъ, не трудись: ему никто не можетъ помочь, кромѣ ворона: воронъ его перелетѣлъ съ худой стороны и навелъ на него черную болѣзнь... Пока воронъ не полетитъ назадъ черезъ него, не выздоровѣетъ и все будетъ кричать...—поспѣшила объяснить вѣдьма и сейчасъ же начала говорить Лифтеркѣ его будущую судьбу.

«Долго и много болтала она всякаго вздора и, наконецъ, сказала такъ:

«— Путникъ! Много утечетъ воды изъ этой рѣки въ море, много-много прольется ея съ неба, много тысячъ орѣховъ упадетъ съ этого дерева на землю, волосы твои

уже будутъ посыпаны мукой, а мои — сгніютъ уже въ землѣ, когда ты за этого коня получишь такое большое добро, какое только можетъ получить человѣкъ на свѣтѣ.

«Лифтерка далъ ей мѣдную монету и пѣшкомъ пошелъ въ Аккъ-Мечеть заявить властямъ. На другой день къ вечеру всѣ цыгане, а съ ними и Халиль мой, были уже арестованы, а еще черезъ три дня мы съ Пембе уже плакали отъ счастья, прижимая къ сердцу свое спасенное дитя.

«Когда на возвратномъ пути я со всей своей семьей подъѣхалъ къ этому самому мѣсту, волы мои, войдя въ рѣку, стали пить воду.

«Халиль сидѣлъ рядомъ со мной. Я тѣломъ своимъ чувствовалъ его дѣтское тѣло, а сзади мать, сидѣвшая рядомъ съ сестрой, не спускала съ него своихъ материнскихъ глазъ. Я повернулся къ востоку, туда, гдѣ вдали сіялъ подъ солнцемъ одѣтый въ сверкающую снѣговую шапку и уходящій выше облаковъ Чатыръ-Дагъ, и горячо благодарилъ Бога, спасшаго для насъ на этомъ мѣстѣ Халиля.

«Подъ тѣмъ же самымъ орѣхомъ, гдѣ еще видны были черные слѣды отъ цыганскихъ костровъ, расположились на отдыхъ и мы. Но пять дней тому назадъ здѣсь раздавались стоны и плачъ Халиля и сердитое ворчаніе старухи-вѣдьмы, теперь же Халиль заливался звонкимъ игривымъ смѣхомъ и слышались нѣжныя ласки счастливой матери. А сбоку, недалеко отъ дороги, бѣлѣли драгоцѣнныя кости джорги и надъ ними витала стая воронъ, спугнутая нами. Собаки и хищныя птицы сожрали его тѣло вмѣстѣ съ золотистой шкурой, и теперь на небольшомъ пригоркѣ виднѣлись только чистыя и бѣлыя какъ

мраморъ кости благороднаго животнаго. Я ихъ предалъ огню. Халиль самъ поджегъ этотъ костеръ, и всѣ мы, собравшись вокругъ огненной могилы, молча смотрѣли, какъ тлѣли останки любимца. Потомъ, прежде чѣмъ вѣтеръ успѣлъ развѣять по полю золу отъ костра, я взялъ щепотку этого драгоцѣннаго пепла и, оставивъ женщинъ около воловъ и мажары подъ тѣнью орѣха, пошелъ вмѣстѣ съ Халилемъ къ старой мечети, которая высится тутъ же на склонѣ холма за полями, заброшенная съ давнихъ временъ. У подножья этой мечети я поднялъ кусочекъ земли и смѣшалъ съ нею пепелъ джорги. Держа на рукѣ эту смѣсь, я произнесъ двѣ страшныя великія клятвы: одну—не имѣть больше до самой смерти своей никакой лошади и ни на одну изъ нихъ послѣ моего незабвеннаго джорги не сѣсть верхомъ, а другую—пожертвовать жизнью, когда это понадобится для блага Лифтерки! Въ залогъ этихъ клятвъ я съѣлъ половину смѣси пепла съ землей, а другую половину бросилъ къ небу на вѣтеръ. А ты знаешь, чорбаджи, что если татаринъ дастъ клятву и въ залогъ ея съѣстъ кусочекъ земли, то скорѣе деревья станутъ расти не къ солнцу, а въ землю, скорѣе верблюдъ станетъ летать, а буйволъ говорить, скорѣе дитя станетъ старше годами своихъ родителей, а камень, брошенный рукою дряхлой старухи, полетитъ на небо вмѣсто того, чтобы упасть на землю, — чѣмъ эта клятва будетъ нарушена.

«О, Господи міровъ, о, Царь царей и Владыко владыкъ! Да будетъ благословенно вовѣки Твое святое Имя въ людяхъ, и въ звѣряхъ, и въ птицахъ, въ козявкахъ, въ желѣзѣ и въ звукахъ, въ каждой каплѣ росы и былинкѣ, и въ тверди небесной! Ты, всемогущій и ни на-

чала ни конца не имѣющій, не допустишь, чтобы я, гной и червь, пыль и ничто, закрылъ свои глаза раньше, чѣмъ эта моя клятва будетъ исполнена!»

Такъ закончилъ свой чудный разсказъ Куртдедэ.

Трудно описать пережитое мною въ это время чувство. Разсказъ этотъ, переданный мнѣ при такой живописной обстановкѣ, переданный при томъ со своеобразной восточной манерой разсказывать и съ чисто восточною поэтическою образностью рѣчи, очаровалъ меня. Куртдедэ уже давно окончилъ и замолчалъ, а я все еще не могъ оторваться отъ нарисованныхъ имъ въ моемъ воображеніи картинъ и виталъ мыслями гдѣ-то далеко-далеко... Но черезъ нѣсколько минутъ раздался опять его голосъ:

— Чорбаджи, развѣ не правду сказали мой глазъ и мое сердце?

— А что такое?—спросилъ я совершенно разсѣянно, невольно находясь еще подъ впечатлѣніемъ всего слышаннаго.

— Посмотри вонъ, что дѣлается на морѣ и на небѣ: буря пришла гораздо раньше даже, чѣмъ я ожидалъ ее.

Теперь только я вполнѣ сознательно оглянулся вокругъ и былъ пораженъ перемѣной, незамѣтно совершившейся на небѣ и морѣ. Съ востока медленно и грузно наползала на насъ сизо-черная свинцовая мгла. Тучи надвигались такъ низко, что, казалось, хотѣли поглотить насъ въ свою необъятную и страшную бездну. Съ далекаго горизонта уже доносилось безпрестанное грохотаніе, и небо, только что безоблачное и все сіявшее золотисто-голубымъ эѳиромъ, а теперь непроглядно черное на востокѣ и какъ самый адъ грозное, ежеминутно борозди-

лось тамъ длинными и короткими огненными жилками. При этомъ тяжелыя тучи вспыхивали вдругъ багрянымъ заревомъ, отъ котораго на душѣ становилось страшно, до жуткости страшно. А съ другой стороны, на западѣ, голубой небосклонъ попрежнему продолжалъ сіять, облитый золотомъ послѣднихъ лучей медленно тонувшаго за горизонтъ свѣтила. Все небо раздѣлилось на двѣ половины: большую—черную, страшную, сулившую муки и смерть и потому со стономъ рыдавшую уже недалеко надъ моремъ проливнымъ дождемъ и метавшую огненныя стрѣлы частой молніи; другую—меньшую, еще сіявшую невинной улыбкой чуднаго лѣтняго заката и вселявшую радость, надежды и сладкія грезы. Раздѣльная линія между этими двумя половинами шла немного лѣвѣе, параллельно хребту горы, на которой мы находились. Невольно казалось, что природа сама въ своемъ необъятномъ величіи захотѣла показать людямъ бокъ-о-бокъ двѣ разныхъ картины: рая и ада, жизни и смерти, захватывающаго душу веселья и жмущаго ее жесткими дланями горя!

А море вторило только одной лѣвой картинѣ. Оно все вздымалось громадами съ блиставшими серебромъ гребнями и разсыпалось впрахъ по всей линіи берега.

— Слушай, чорбаджи, сказалъ мнѣ татаринъ,—теперь уже не до охоты. Возвращайся скорѣе домой, если успѣешь, пока гроза еще не достигла до насъ. А если не успѣешь, то ложись гдѣ-нибудь въ ущельи подъ камень и жди тихо, пока пронесется шайтанъ [1]... Тамъ на низу будетъ безопаснѣе.

[1]) Шайтанъ—чортъ. Татары вѣрятъ, что въ вихрѣ носится по землѣ чортъ. *Авторъ*.

— Ну, такъ идемъ же скорѣе,—согласился я сразу, не желая быть застигнутымъ бурей здѣсь, наверху.

— Нѣтъ,—проговорилъ быстро Куртдедэ,—ты пойдешь одинъ. Я поднимусь выше на ту сторону хребта и пройду ближе къ морю, посмотрѣть, что сталось съ Лифтеркой... Душа моя ноетъ, и я трепещу, что моя клятва останется навѣкъ неисполненной.

Теперь только я вспомнилъ опять объ этой лодочкѣ, и у меня невольно замерло сердце.

— Я пойду съ тобой,—сказалъ я ему рѣшительно, поднимаясь съ камня.

— Не ходи, чорбаджи: ты себѣ сдѣлаешь бѣду. Ты не привыкъ, какъ я, лазить по скаламъ и, когда налетитъ вихрь, тебя можетъ легко сбросить въ пропасть.

Слова Куртдедэ на секунду заставили меня поколебаться.

Но вслѣдъ затѣмъ мнѣ сдѣлалось стыдно за свою нерѣшительность, тѣмъ болѣе, что какое-то далекое чувство говорило мнѣ, что я смогу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ своему пріятелю на его опасномъ пути.

— Нѣтъ, я пойду съ тобой,—сказалъ я категорически и двинулся впередъ.

— Въ такомъ случаѣ спрячь здѣсь ружье. Оно будетъ тебѣ тамъ только мѣшать. Иди осторожно и держись возлѣ большихъ камней, чтобы тебѣ было за что схватиться, когда насъ застигнетъ буря.

Съ этими словами Куртдедэ сталъ какъ серна карабкаться вверхъ, а я, припрятавъ свою двухстволку подъ скалой въ безопасномъ отъ дождя мѣстѣ, торопливо послѣдовалъ за нимъ.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ все труднѣе и труд-

нѣе становилось идти. Когда же, наконецъ, мы достигли хребта горы и перевалили на другую сторону, я сразу же убѣдился, что предостереженіе моего пріятеля было не преувеличеннымъ: буря бушевала и вѣтеръ налеталъ такими яростными порывами, что я только, схватившись обѣими руками за выступъ скалы, едва могъ удержаться на мѣстѣ.

Въ первую минуту мнѣ пришлось остановиться, потому что двигаться дальше между двумя огромными глыбами камня, рискуя быть сброшеннымъ внизъ, гдѣ каждое ущелье было наполнено остроконечными обломками скалъ, было бы прямо безумнымъ. Но Куртдедэ, какъ истинный сынъ горъ, не промедлилъ ни одной секунды. Онъ только обернулся ко мнѣ въ ту минуту, когда я показался на этой сторонѣ, и закричалъ:

— Тохта! Тохта, чорбаджи!.. Оттуръ!.. [1])

Самъ же онъ продолжалъ быстро подвигаться впередъ къ морю.

Извиваясь, какъ кошка, онъ то проскальзывалъ въ узкіе промежутки между гигантскими глыбами, то прилипалъ совершенно къ отвѣсной стѣнѣ скалы, подвигаясь по узкому выступу и почти вися надъ глубокимъ обрывомъ. Фигура его мелькала между камнями, то пропадая въ лабиринтѣ громадныхъ обломковъ скалы, то снова показываясь на секунду во весь ростъ на вершинѣ пика, или на выступѣ надъ бездной зіяющей пропасти.

А буря ревѣла и злилась попрежнему.

Мгла уже подвинулась далеко за гору и громъ грохоталъ въ вышинѣ надъ самой головой, оглушая по-

---

[1]) Подожди! Подожди, баринъ!.. Садись!

минутно своими раскатистыми ударами и трескомъ. Наконецъ, хлынулъ дождь цѣлымъ тропическимъ ливнемъ и вокругъ вдругъ стало такъ темно, что я не только потерялъ изъ вида своего отважнаго спутника, но не могъ даже разглядѣть ближайшей скалы.

Забившись подъ выступъ огромнаго камня, одной только узкой стороной приросшаго къ горѣ, я долженъ былъ оставаться какъ въ плѣну, терзаясь душой за своего пріятеля и при всемъ своемъ желаніи не будучи въ состояніи двинуться ни на шагъ впередъ, чтобы помочь ему въ чемъ-нибудь, если бы эта помощь оказалась возможной и нужной. Время тянулось томительно-долго; минуты казались часами. Прошло, вѣроятно, не больше четверти часа съ того момента, какъ хлынувшій ливень скрылъ у меня изъ вида татарина, а я былъ убѣжденъ, что прошло уже нѣсколько часовъ. Опасенія за его участь начинали терзать меня все больше и больше. Что сталось въ самомъ дѣлѣ съ бѣднягой? Укрылся ли онъ точно такъ же, какъ и я, гдѣ-нибудь въ первой пещеркѣ, или, быть можетъ, уже лежитъ бездыханнымъ гдѣ-нибудь въ ложбинѣ, между грудами камней окровавленной безформенной массой?

А Лифтерка съ сыномъ?

Едва мысль о нихъ мелькнула въ моей головѣ, какъ мнѣ ясно, поразительно ясно, представились два трупа утопленниковъ, забитые бушующимъ прибоемъ куда-нибудь въ самое отдаленное углубленіе подъ эту скалу и глядящіе оттуда, какъ раки, стеклянным не моргающимъ взглядомъ своихъ открытыхъ глазъ, въ которыхъ уже угасла искра жизни, въ непроглядно-темную глубь разъяреннаго моря. Холодъ прошелъ у меня за спиной отъ этой ужас-

ной картины и я невольно закрылъ глаза, чтобы избавиться отъ такого тягостнаго видѣнія.

Черезъ нѣсколько мгновеній я опять открылъ ихъ, потому что шумъ ливня вдругъ прекратился, оборвавшись такъ же внезапно, какъ внезапно и начался отъ массы хлынувшихъ водъ. Выглянувъ изъ своей засады, я убѣдился, что гроза уже пронеслась дальше: раскаты грома грохотали глуше и рѣже, и—что всего удивительнѣе—вѣтеръ, только что несшійся вихремъ между скалами съ такой силой, что, казалось, эти громады, не выдержавъ его напора, вотъ-вотъ грохнутся отсюда съ высотъ въ бушующую пучину моря, настолько утихъ, что почти не было уже слышно его свиста и воплей.

Наступилъ моментъ, когда я, наконецъ, могъ узнать о судьбѣ своего спутника, и я, какъ могъ быстро, бросился впередъ.

Спустившись сначала книзу до лѣса, чтобы быстрѣе достигнуть конца хребта, гдѣ онъ упирается въ море, я почти бѣгомъ пустился къ цѣли. Однако, не доходя немного до этого склона, мнѣ пришлось снова подняться наверхъ къ скаламъ, потому что по размытой ливнемъ крутизнѣ дальше итти было невозможно: земля здѣсь обратилась въ жидкую массу и сползала подъ ногами внизъ цѣлыми глыбами.

Наконецъ, я достигъ крайней скалы, которою хребетъ оканчивался у самаго моря, и все оно какъ на ладони развернулось передо мною въ своемъ безконечномъ просторѣ. Я невольно остановился на минуту, очарованный величественнымъ видомъ бушующихъ громадъ, которыя съ оглушительнымъ трескомъ яростно разбивались тамъ гдѣ-то, далеко внизу подъ моими ногами. Небо уже со-

всѣмъ прояснилось и хотя по немъ еще тамъ и сямъ летѣли отставшія отъ сплошной мглы одинокія тучи, но по временамъ между ними прорывался въ высотѣ лучъ невидимаго уже изъ-за горизонта солнца и дѣлалъ еще болѣе разительнымъ контрастъ между просвѣтами голубого эѳира и этими грязными обрывками только что пронесшейся дальше грозы.

Прямо противъ меня, въ полуверстѣ отъ берега, металось на волнахъ небольшое двухмачтовое суденышко: это турецкая качерма подвезла и спустила на берегъ въ темную ночь какой-нибудь контрабандный товаръ, а теперь стоитъ уже нѣсколько дней, ожидая такого же груза, чтобы, взявъ его ночью, исчезнуть за горизонтомъ такъ, какъ и явилось.

Но гдѣ же Куртдедэ? Неужели же онъ погибъ тамъ, между скалъ, сброшенный бурей куда-нибудь въ пропасть.

Какъ бы отвѣтомъ на этотъ жгучій вопросъ до слуха моего откуда-то снизу вдругъ долетѣлъ дикій гортанный крикъ человѣка. Я вздрогнулъ и, самъ не зная куда и зачѣмъ, сталъ быстро спускаться внизъ къ морю. Хребетъ съ этой стороны понижался небольшими террасами и спускъ былъ возможенъ и даже достаточно безопасенъ. Добѣжавъ до средней, болѣе выдававшейся впередъ, террасы и достигнувъ края ея, я взглянулъ внизъ и радостно вскрикнулъ: подо мной, внизу, нѣсколько правѣе, на самомъ послѣднемъ уступѣ горы, о который разбивались въ пыль могучіе валы, стоялъ здравый и невредимый Куртдедэ!

Сбросивъ кафтанъ, въ бѣлой сорочкѣ съ засученными рукавами онъ, какъ могучій горный духъ, стоялъ у самаго края уступа среди облака брызгъ и, протянувъ впередъ

правую руку, глядѣлъ пристально вдаль изборожденнаго бѣлыми гребнями волнъ моря. Надъ головой его проносились чайки и, описавъ въ воздухѣ кругъ, залетали далеко въ море за турецкую качерму. По временамъ онѣ касались верхушекъ волнъ и послѣ этого быстро взвивались въ высоту съ добычей въ цѣпкихъ когтяхъ.

Вдругъ Куртдедэ снова вскрикнулъ громкимъ голосомъ и, бросившись назадъ на утесъ, схватилъ лежавшее около кафтана лассо и побѣжалъ, перепрыгивая съ камня на камень, направо. Взглянувъ въ ту сторону, и я невольно вскрикнулъ отъ радости и ужаса вмѣстѣ: саженяхъ въ двухстахъ отъ берега среди бушующихъ громадъ мелькала небольшая лодка. Лифтерка съ сыномъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣли до сихъ поръ и теперь въ виду берега боролись со смертью.

На лодкѣ уже не было паруса, и они изо всѣхъ силъ работали веслами, стараясь выгрести въ море для того, чтобы не разбиться въ куски вмѣстѣ съ лодкой о камни, которыми въ этомъ мѣстѣ на всемъ протяженіи горы было усѣяно море.

Но какъ ни работали отважные пловцы, сила прибоя все же одолѣвала ихъ, и лодку довольно быстро несло на вѣрную гибель. У меня отъ этой картины замерло сердце, и я быстро сталъ сбѣгать внизъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ, по моему мнѣнію, черезъ нѣсколько минутъ должна была разразиться катастрофа съ пловцами.

Но Куртдедэ, которому было ближе, добѣжалъ гораздо скорѣе меня. Вотъ онъ остановился на небольшомъ камнѣ и, осмотрѣвшись вокругъ, быстро сбросилъ съ себя всю одежду; потомъ, надѣвши на шею только свернутое въ

кольцо лассо, онъ сталъ внимательно слѣдить за движеніями лодки.

Шагахъ во ста отъ того камня, на которомъ теперь стоялъ Куртдедэ, была небольшая отмель, въ самой серединѣ которой стоялъ невысокій остроконечный утесикъ. Если бы прибой могъ нанести лодку съ Лифтеркой и его сыномъ на эту отмель, они были бы спасены, потому что лодка врѣзалась бы въ песокъ раньше, чѣмъ достигнуть камня, о который могла бы разбиться. Но направленіе волнъ, къ несчастію, было таково, что лодку неминуемо должно было пронести мимо, шагахъ въ пятидесяти, и ударить о тотъ самый утесъ, на которомъ стоялъ Куртдедэ, когда я его въ первый разъ замѣтилъ съ горы. Для всѣхъ было ясно, что въ такомъ случаѣ отъ лодки остались бы жалкія щепки, а отъ несчастныхъ рыбаковъ—куски разбитаго мяса.

Пока я успѣлъ добѣжать до пріятеля, въ головѣ татарина видимо созрѣлъ уже какой-то отчаянный планъ. Онъ вдругъ сбросилъ съ шеи лассо и, взявши одинъ конецъ его въ лѣвую руку, правой вдругъ взмахнулъ кольцомъ высоко надъ головою. Кольцо взвилось въ воздухѣ, быстро разматываясь на лету, упало на вершину остроконечнаго утесика на отмели и крѣпко обвилось вокругъ нея. Куртдедэ подался нѣсколько назадъ и натянулъ веревку: она держалась прочно.

Я вдругъ сообразилъ его намѣреніе: ему во что бы то ни стало нужно было добраться до этой отмели, чтобы быть ближе къ проносимой мимо нея лодкѣ съ Лифтеркой. Однако, несмотря на то, что Куртдедэ былъ превосходный пловецъ, планъ этотъ показался мнѣ теперь безуміемъ: сила прибоя была настолько велика, что не-

реплыть эти сто шаговъ, отдѣлявшіе Куртдедэ отъ отмели, было бы развѣ только чудомъ, и рѣшившійся на такой подвигъ пловецъ черезъ нѣсколько же секундъ долженъ былъ разбиться въ куски объ этотъ самый камень, съ котораго бросился бы въ море. Я громко вскрикнулъ и побѣжалъ что было мочи, чтобъ удержать пріятеля отъ такого безумнаго шага и тѣмъ спасти отъ вѣрной смерти, но прежде чѣмъ я успѣлъ добѣжать, Куртдедэ, выждавъ моментъ, когда самый большой, девятый валъ, разбившись о камни, сталъ возвращаться кипящимъ отливомъ назадъ въ море, вдругъ поднялъ высоко надъ головой руки, въ которыхъ онъ держалъ другой конецъ лассо, и съ крикомъ «Аллахъ!» бросился въ разъяренную пучину воды.

Вопль ужаса замеръ у меня на губахъ. Черезъ нѣсколько секундъ я уже достигъ рокового камня и впился глазами въ кипящеее у ногъ моихъ море, боясь увидѣть изуродованный трупъ Куртдедэ.

Но, видно, Господь пожелалъ, чтобы мусульманинъ исполнилъ свою великую клятву, потому что черезъ минуту я замѣтилъ его уже далеко въ морѣ: онъ то и дѣло передавалъ изъ одной руки въ другую натянувшуюся стрѣлой съ дальняго утесика веревку и, то взлетая на верхушку вала, то стремглавъ падая съ его бѣлаго гребня въ пропасть между двумя водяными горами, подвигался впередъ къ недалекой уже цѣли. Черезъ нѣсколько минутъ его бѣлое тѣло покатилось по песку отмели.

Быстро вскочивъ на ноги, Куртдедэ подбѣжалъ къ утесику, вокругъ котораго обвилось лассо, и, снявъ его, сталъ снова складывать веревку въ кольцо, поспѣшно вытягивая другой ея конецъ изъ моря. Прошло еще нѣ-

сколько мгновеній, и Куртдедэ, снова держа одинъ конецъ веревки въ лѣвой рукѣ, а все кольцо въ правой, стоялъ уже около утеса и тѣмъ же увѣренно-спокойнымъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ слѣдилъ за движеніями лодки, ожидая рѣшительной минуты, чтобы снова взмахнуть надъ головой своимъ спасительнымъ лассо.

А съ лодки между тѣмъ уже замѣтили нежданно посланную Богомъ помощь. Рыбаки гребли изо всѣхъ силъ, чтобы приблизиться къ отмели. Вотъ, наконецъ, жалкая скорлупа поровнялась съ тѣмъ мѣстомъ, съ котораго зорко слѣдилъ за нею отважный спаситель...

Но—увы—крикъ ужаса вырвался изъ груди несчастныхъ... Лодка ихъ, отброшенная опять обратнымъ отливомъ волнъ въ море, проносилась шагахъ въ 70 отъ мѣста спасенія... Кинуться въ воду для того, чтобы попытаться вплавь достигнуть отмели, для измученныхъ и выбившихся уже изъ силъ рыбаковъ значило бы только ускорить и безъ того вѣрную смерть: валы поглотили бы ихъ, прежде чѣмъ, отброшенные ими къ той же чернѣвшей уже недалеко скалѣ, они успѣли бы своею кровью обагрить ихъ кипящіе серебряной пѣной гребни...

Но въ этотъ самый моментъ, когда уже безпощадная смерть взмахивала надъ ними своей ужасной косой, взмахнулъ и Куртдедэ своимъ спасительнымъ лассо.

Какъ Божій посланникъ, упало кольцо на обломокъ мачты и крѣпко обвилось вокругъ него.

Лифтерка и сынъ его, которымъ вдругъ блеснулъ лучъ надежды на жизнь и спасеніе, бросились оба и въ ту же секунду закрѣпили еще веревку около прочнаго якорнаго кольца. А Куртдедэ въ тотъ же моментъ стремительно дважды обвилъ находившійся въ его рукахъ ко-

нецъ вокругъ спасительнаго утеса и завязалъ его узломъ. Веревка натянулась стрѣлой, и лодка бывшая уже на краю гибели, у самаго преддверія смерти, внезапно... остановилась на волнахъ.

Теперь рыбаки стали притягиваться къ отмели. Каждый укороченный кусокъ привязи одинъ изъ нихъ старался обматывать вокругъ обломка мачты, а Куртдедэ, который волей-неволей во все это время долженъ былъ оставаться пассивнымъ зрителемъ, терзаясь ужаснымъ страхомъ, чтобы не оборвалась подъ напоромъ волнъ веревка, жадно слѣдилъ за ними глазами, стоя около своего камня. Моментъ былъ поистинѣ ужасный, и то, что переживали теперь всѣ трое, вѣроятно, стоило всей предшествовавшей ихъ жизни: рѣшалось роковое «быть или не быть» для двухъ человѣческихъ жизней!..

Минутъ черезъ десять къ ногамъ счастливаго татарина покатились тѣла выброшенныхъ толчкомъ лодки о край отмели еще болѣе счастливыхъ рыбаковъ... Чудо спасенія ихъ было уже фактомъ!..

Въ тотъ же моментъ другая волна подхватила облегченную вдругъ и не удерживаемую болѣе лодку. Она быстро понеслась за прибоемъ и, рванувъ съ разлета размотавшуюся во всю длину веревку, оборвала ее на самой серединѣ...

Еще нѣсколько минутъ и у перваго утеса, гдѣ должны были неминуемо погибнуть рыбаки, раздался оглушительный трескъ, и на камень вмѣстѣ съ брызгами посыпались мелкія щепы обломковъ. У трехъ человѣкъ на отмели руки въ этотъ моментъ были подняты къ небу съ мольбой благодарности, а у меня, рѣшительно ничѣмъ не могшаго помочь зрителя всей этой сцены, вмѣстѣ съ глубо-

кимъ вздохомъ облегченія сами собой хлынули невольныя счастливыя слезы...

Куртдедэ и спасенные имъ рыбаки оставались на отмели цѣлую ночь. Только къ утру волненіе улеглось настолько, что катеръ съ ближайшаго кордона, куда я вчера же поспѣшилъ дать знать о случившемся, могъ взять ихъ оттуда и перевезти обратно на берегъ.

Но каково же было изумленіе цѣлой толпы собравшагося народа, когда изъ катера вмѣсто не имѣвшаго еще ни единой сѣдинки Лифтерки вышелъ... старикъ: вчера еще черные какъ смоль волосы его за одну только ночь побѣлѣли какъ снѣгъ!

Въ тотъ же день вечеромъ я пошелъ навѣстить своего пріятеля и узнать, не заболѣлъ ли онъ, простудившись послѣ цѣлой ночи сидѣнія безъ одежды на отмели. Тамъ я засталъ и Лифтерку. Сосѣди молча курили и только по временамъ перебрасывались односложными фразами.

Съ приходомъ моимъ разговоръ оживился и, конечно, на тему о только что пережитомъ событіи. Вспомнили между прочимъ и о томъ, что передъ самымъ спасеніемъ Лифтерки Куртдедэ на скалѣ подробно разсказалъ мнѣ о своемъ долгѣ ему, закрѣпленномъ великой и не исполненной еще до того момента клятвой.

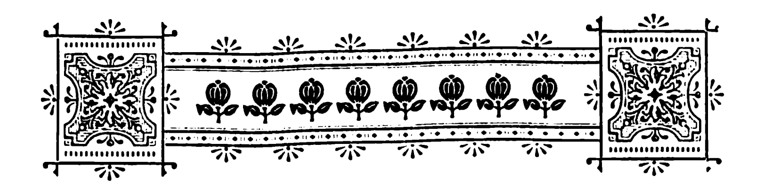
— Послушай, сосѣдъ,—замѣтилъ на это рыбакъ,—а вѣдь старая вѣдьма-цыганка разъ во всю свою жизнь прочитала на бобахъ правду... Вчера черезъ тебя я получилъ самое большое добро, какое только можно получить на свѣтѣ, потому что ты рискнулъ своею жизнью для того, чтобы подарить мнѣ мою и еще болѣе дорогую жизнь сына Христофора... Припомни же теперь: вчера

именно минуло ровно десять лѣтъ съ того дня, когда бѣдный твой джорга (славный былъ конь!) упалъ подо мной мертвымъ на берегу Салгира, и, посмотри еще, голова моя дѣйствительно обсыпана уже мукой...

Куртдедэ отвѣчалъ не сразу: глаза его были устремлены задумчиво куда-то на востокъ и губы чуть замѣтно шевелились... Потомъ вдругъ лицо его просвѣтлѣло и онъ съ чувствомъ величайшаго умиленія въ голосѣ произнесъ:

— Слава всемогущему Богу, Владыкѣ земли, неба, солнца и звѣздъ! Онъ захотѣлъ, чтобы я, гной и прахъ, оправдалъ свою клятву и отдалъ тебѣ, сосѣдъ, вчера ничтожную часть изъ своего великаго долга! О Господи міровъ!

КОНЕЦЪ.

Паспортъ съ особой примѣтой.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТАГО КРЫМСКАГО РАЗБОЙНИКА АЛИМА.

И вотъ въ устахъ толпы слѣпой
Онъ то разбойникъ, то святой,
То духъ, который всюду бродитъ...

Я. П. Полонскій.

Многимъ изъ старожиловъ Крыма еще памятно то, не Богъ вѣсть какое далекое, время (лѣтъ около 60 тому назадъ), когда по всему полуострову отъ края и до края гремѣла доходившая подчасъ до фантастическихъ вымысловъ и небылицъ тысячеустая молва о подвигахъ и молодечествѣ знаменитаго тогда татарина-разбойника Алима.

Теперь, конечно, при современномъ укладѣ жизни, многое, если не все, изъ этой молвы могло бы показаться прямо невѣроятнымъ, но тогда, въ виду чуть ли не ежедневно совершавшихся фактовъ, во многомъ тождественныхъ съ тѣмъ, что о похожденіяхъ Алима разсказывалось, всему охотно вѣрили и... трепетали.

Разбойникъ столько же, сколько и рыцарь, головорѣзъ и грабитель сегодня, а завтра герой и благодѣтель,— Алимъ въ концѣ-концовъ сталъ загадкой для однихъ, су-

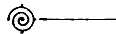
ществомъ сверхъестественнымъ для другихъ и грозой для всѣхъ и каждаго. Его молодечество, доходившее подчасъ до безумной бравады, граничившая съ героизмомъ отвага, благодаря которой онъ на глазахъ толпы продѣлывалъ чудеса храбрости, и роль таинственнаго покровителя бѣдныхъ и слабыхъ, которымъ онъ щедрой рукой восточнаго калифа раздавалъ награбленное добро,—все это стяжало ему въ татарской фантазіи ореолъ богатыря, борца за народъ и за національную славу... Объ Алимѣ сложились пѣсни, легенды, цѣлый маленькій эпосъ. И даже впослѣдствіи, когда, какъ солдатъ, прогнанный сквозь строй и сосланный въ Сибирь, онъ безвозвратно погибъ для своей родины, народная фантазія не признала завѣдомо для всѣхъ совершившагося факта и долго еще продолжала прославлять якобы дѣйствительные подвиги героя.

Алимъ на своемъ бѣлоснѣжномъ конѣ, прибѣгавшемъ въ нужный моментъ изъ чащи лѣсовъ на богатырскій свистъ своего хозяина, этотъ красавецъ-орелъ, весь въ серебрѣ, вооруженный съ головы до ногъ, съ гикомъ и свистомъ несущійся вихремъ по гребнямъ скалъ, у самаго края обрывовъ, гдѣ могъ бы пройти только гордый олень да легкая серна,—Алимъ-чародѣй, недоступный для шашки и пули, продолжалъ жить и дивить всѣхъ чудесами своей богатырской отваги. Алимъ сосланъ въ Сибирь? Да развѣ есть для такого орла Сибирь или цѣпи?! Алимъ въ рудникахъ?—Это онъ дался нарочно для того только, чтобы показать свою мощь... Развѣ не уплылъ онъ однажды на глазахъ у всѣхъ изъ острога Акъ-Мечети (г. Симферополь) на воздушномъ кораблѣ, въ который обратился его конь-товарищъ?! Онъ и теперь подъ землей

пройдетъ изъ Сибири прямо въ родную Яйлу... Скоро раздастся опять тамъ его молодецкій посвистъ, пролетитъ по всѣмъ, ему одному только знакомымъ, пещерамъ и безднамъ хребта, донесется до самыхъ верхушекъ скалистыхъ утесовъ, разбудитъ, спугнетъ всѣхъ его младшихъ братьевъ-орловъ, — и откликнется ему изъ груди лѣса-отца, изъ устъ нѣжныхъ горъ-матерей могучее стократное эхо!..

Такъ поетъ малюткѣ-сыну молодая красавица-мать и такъ же, качая въ тактъ бѣлой, какъ снѣгъ, головой, говорилъ въ своей пѣснѣ-легендѣ столѣтній старецъ Хайдаръ подъ заунывно-протяжный аккомпанементъ поставленной на ногу скрипки [1]).

Предлагаемый ниже читателямъ небольшой эпизодъ изъ жизни Алима по возможности очищенъ отъ всего наноснаго, отъ всего неизбѣжно добавленнаго къ нему фантазіей татаръ-разсказчиковъ. Такимъ образомъ передается только самый фактъ въ надлежащей послѣдовательности событій, правдивость и точность котораго притомъ удостовѣрена многими весьма близкими автору лицами, жившими въ Крыму въ самый расцвѣтъ славы Алима и знавшими нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа.

I.

Цѣлый потопъ ослѣпительно яркихъ и жгучихъ лучей солнца обливалъ въ апрѣльскій полдень и море, и горы,

---

[1]) О Хайдарѣ, этомъ почти единственномъ татаринѣ-рапсодѣ, умершемъ чуть ли не ста лѣтъ отъ роду въ концѣ семидесятыхъ годовъ, интересующіеся могли бы найти нѣкоторыя свѣдѣнія въ моей біографіи профессора И. К. Айвазовскаго, напечатанной въ журналѣ „Новь“ за 1885—86 годъ, № 1-й (ноябрь), стр. 110. *Авторъ*.

и протянувшіяся въ необозримую даль по ту сторону горъ привольныя крымскія степи...

Весь обновленный и точно окутанный легкой сверкающей дымкой міръ, казалось, дышалъ ароматными вздохами чудной весны и, нѣжась въ привольѣ золотого тепла, такъ и забылся въ счастливой дремотѣ.

Въ этотъ моментъ на немъ не могли не затихнуть всякіе стоны, всякая грусть, всякія слезы и горе: новыя силы и жизнь послѣ долгихъ и жестких зимнихъ оковъ всюду били ключомъ, всюду лились черезъ край, все обновили, все оживили, все возродили къ счастью, къ свѣту, къ любви.

Цѣлебныя струйки этой могучей волны, прокатившись по всему лону земли, не забыли коснуться ни одной былинки, ни одного существа, не оставили сирымъ ни одного человѣческаго сердца. Все расцвѣло, все ободрилось и шумнымъ общимъ потокомъ помчалось навстрѣчу веснѣ, навстрѣчу надеждамъ и грезамъ о томъ, что счастье еще не все прожито, что въ жизни еще много осталось добра и , веселья!

Даже мрачная гадюка и та, забывши на время свою змѣиную злость, не шелохнулась, когда возлѣ нея упалъ съ высоты легкихъ пушистыхъ облачковъ, чтобы отдохнуть въ прохладѣ душистой травы и придумать новыя трели и новыя пѣсни, уставшій отъ свѣта и звуковъ жаворонокъ. Она продолжала спокойно лежать, свившись въ кольцо и положивъ въ самый центръ его на кончикъ хвоста свою треугольную полную яда головку. Она забыла предначертанный ей съ первыхъ дней міра удѣлъ — нести смерть, не бросилась на пѣвца, даже не зашипѣла на него злобно, выставивъ къ нему свое отвратительное

жало, а только уставилась на птичку безконечно-пристальнымъ, не моргающимъ взоромъ своихъ змѣиныхъ очей и не переставала тихимъ, едва ей самой слышнымъ, свистомъ выражать состояніе нѣги и полнѣйшее довольство теплотой весенняго дня.

Жаворонокъ такъ и не зналъ о своей грозной сосѣдкѣ до тѣхъ поръ, пока, вспорхнувши опять, не взвился въ голубую высь и не увидѣлъ оттуда этого чернаго, отражавшаго солнечный свѣтъ сѣроватымъ отблескомъ своихъ серебристыхъ чешуекъ, кольца. Онъ на секунду умолкъ, затрепеталъ тамъ наверху своими маленькими крылышками, но вдругъ снова и еще звонче залился счастливою пѣснью, прославляя солнце и весну за тепло, за цвѣты, за яркій живительный свѣтъ, утопившій въ себѣ и смягчившій облитую ядомъ злость даже мрачной гадюки.

По живописному откосу Таткары [1]) медленно ползла вверхъ запряженная буйволами простая двухколесная татарская арба. Невообразимый скрипъ и грохотъ раздавались на далекое пространство вокругъ по всему лѣсу такъ пронзительно и такъ визгливо, что человѣку съ ухомъ, не привыкшимъ къ такимъ обычнымъ для крымскихъ горъ звукамъ, почудилось бы, точно гдѣ-то въ дебряхъ ущелій, если не подъ землей, заработала какая-то адская машина, которая цѣлые вѣка передъ тѣмъ стояла и ржавѣла, а теперь вдругъ не смазанная пущена въ ходъ и стонетъ, перетирая глыбы кремней.

Но ни одинъ изъ жителей Таракташа не сталъ бы думать ничего подобнаго, потому что еще за версту до встрѣ-

[1]) Таткара—одна изъ очень пологихъ горъ Крымскаго хребта, медленно и на разстояніи нѣсколькихъ верстъ постепенно опускающаяся террасами по направленію къ селенію Таракташъ и Судакской долинѣ.

чи съ этой машиной-арбой всякій изъ нихъ уже былъ бы увѣренъ, что это ѣдетъ старый добрякъ Муртаза, владѣлецъ двухъ оглушительныхъ машинъ, составлявшихъ гордость и славу не только его самого, но и для всего его родного села, Таракташа. Машины эти—арба и даулъ [1]), который Муртаза нерѣдко въ порывѣ нѣжности называлъ своимъ «правымъ глазомъ», извѣстные всѣмъ и каждому въ околоткѣ и служившіе предметами зависти для многихъ изъ его обитателей.

«Даульщикъ Муртаза—самый честный человѣкъ во всемъ Таракташѣ,—нерѣдко отзывался о немъ такъ даже самъ почтенный мулла Яя-эфенди Джафаръ-оглу.—Его арба поетъ громче всѣхъ, его даулъ какъ громъ гремитъ... Хорошій человѣкъ».

И мулла при этомъ глубокомысленно поглаживалъ свою сѣдую, рѣдкую и нѣсколько клиномъ впередъ выдающуюся бородку.

II.

Однажды, недѣли за двѣ до начала разсказа, на какой-то свадьбѣ въ Таракташѣ Муртаза превзошелъ самого себя.

Былъ моментъ, когда всѣ три дудки оркестра поднялись вдругъ вверхъ къ небу и залились въ унисонъ на нѣсколько секундъ такой необычайно высокой и пронзительной нотой, что даже визгъ цѣлой сотни поросятъ, головы которыхъ ткнули въ мѣшки, а хвосты немилосердно уще-

---

[1]) Даулъ—огромнѣйшій турецкій барабанъ, самый необходимый и самый важный инструментъ каждаго татарскаго оркестра. Чѣмъ оглушительнѣе въ оркестрѣ даулъ, тѣмъ лучше, тѣмъ дороже и самый оркестръ.

мили между дверями, показался бы передъ нею только шопотомъ счастливаго юноши, произносящаго въ тѣни развѣсистаго чинара, на берегу тихо гремящаго ручейка, передъ зарумянившейся бѣлокурой красавицей первыя клятвы любви!

При этомъ щеки музыкантовъ неимовѣрно раздулись до величины хорошаго бычачьяго пузыря, всѣ жилы налились кровью, а глаза едва не покинули навѣки указанныхъ имъ самою природою вмѣстилищъ.

Фуроръ дудокъ былъ огромный. Пока длилось это знаменитое adagio, всѣ невольно притихли. Притихъ и Муртаза, самъ артистъ и самъ великій цѣнитель хорошей музыки. Онъ только лѣвой рукой очень быстро елозилъ маленькой палочкой по той сторонѣ своего даула, на которой была натянута болѣе тонкая шкура молодого буйвола, и такимъ образомъ производилъ одно непрерывное и очень нѣжное громыханіе, на фонѣ котораго пѣніе дудокъ, выдѣляясь болѣе отчетливо и сочно, производило еще большій эффектъ.

Но вотъ мало-по-малу щеки и жилы дудкистовъ стали уменьшаться, въ глазахъ уже можно было различить бѣлки, а дудки съ высоты очарованныхъ небесъ начали понемногу опускаться къ землѣ. То тамъ, то сямъ въ свадебной толпѣ снова заговорили, и женихъ даже направился уже со двора въ домъ, чтобы вынести музыкантамъ въ награду за такую прекрасную «славу» по хорошему кисету. Но въ эту именно минуту артистическій экстазъ охватилъ вдругъ и Муртазу: онъ захотѣлъ показать и себя. Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое какія-то несчастныя дудки въ сравненіи съ его, Муртазы, божественнымъ инструментомъ?! Пусть же узнаютъ всѣ, кто только есть

тутъ на свадьбѣ.—Большой и Малой Таракташи, всѣ далекія и близкія села по сю и по ту сторону Суукъ-Су, пусть узнаютъ Айсавы, Куттлакъ, Эльбузлы и Отузы [1]), пусть узнаетъ весь свѣтъ, что эти самыя дудки, которымъ сейчасъ всѣ такъ удивлялись,—гной и пыль по сравненію съ его «правымъ глазомъ», ничтожныя, жалкія палки, недостойныя даже на то, чтобы ими хоть разъ ударить по не главной сторонѣ его даула, и годныя, пожалуй, развѣ только для костра, на огнѣ котораго гяуръ станетъ смолить тушу заколотой имъ къ своему байраму [2]) богомерзкой чучки! [3])

Едва эти мысли промелькнули въ головѣ Муртазы, какъ уже правая рука его, вооруженная главной молоткомъ-палкой, взвилась надъ дауломъ и тяжело опустилась. Раздался точно ударъ грома, заставившій всѣхъ оглянуться. Вслѣдъ затѣмъ рука замелькала такъ быстро, что стало казаться, будто ихъ у него десять. Загремѣлъ, застоналъ, заревѣлъ славный даулъ, оглушая всѣхъ, удивилъ цѣлый свѣтъ! Замолчали всѣ,—и старый, и малый; женихъ, пораженный такимъ неслыханнымъ еще громомъ, остановился у самаго порога дома, забывъ о кисетахъ и дудкахъ. Такъ можетъ гремѣть только громъ во время самой сильной грозы, отдаваясь въ ущельяхъ и пропастяхъ горъ; такъ грозно стонать и ревѣть можетъ только самый черный и самый сильный буйволъ, когда въ битвѣ съ быкомъ получитъ послѣдній смертельный ударъ.

---

[1]) Таракташъ—большое татарское село въ долинѣ около Судака, которое рѣкой Суукъ-Су раздѣляется на двѣ части: Біюкъ-Таракташъ и Кучукъ-Таракташъ. Айсавы, Куттлакъ, Эльбузлы и Отузы—ближайшія окрестныя поселенія татаръ въ этой части хребта.

[2]) Байрамъ (Курбанъ-Байрамъ)—главный татарскій праздникъ.

[3]) Чучка—свинья.

А раскаты даула все продолжали гудѣть и трещать, оглушая онѣмѣвшую отъ удовольствія татарскую толпу. Вотъ они стали еще громче и гуще... Казалось, точно два урагана звуковъ, проносясь надъ землей, вдругъ встрѣтились съ оглушительнымъ трескомъ, ударились одинъ о другой, отпрянули въ стороны, снова сцѣпились, перепутались, и завязалась жестокая борьба стоновъ, треска и гула. Вой тысячи грѣшниковъ, когда ихъ посадятъ въ адскій котелъ съ кипящей смолой, вѣрно, не будетъ громче того, что сдѣлалъ Муртаза на своемъ благородномъ даулѣ.

И вдругъ послѣ самаго большого напряженія звуковъ даулъ внезапно смолкъ. Наступившую тишину можно было бы сравнить только съ кромѣшной тьмой, которая неожиданно и во мгновеніе ока упала на землю среди самаго яркаго солнечнаго дня. Наэлектризованная такой чисто восточной серенадой толпа испустила единодушный возгласъ удивленія. На Муртазу со всѣхъ концовъ двора посыпались похвалы. Если фуроръ дудкистовъ, теперь, впрочемъ, уже всѣми забытый, былъ великъ, то фуроръ Муртазы былъ колоссальнымъ: даулъ уничтожилъ дудки, стеръ ихъ, затопталъ въ грязь, обратилъ въ гной!

Трое музыкантовъ, исполнявшихъ adagio на дудкахъ, позеленѣли отъ зависти. Одинъ изъ нихъ, Нурла-Барабатыръ-оглу, музыкантъ изъ Отузъ, приглашенный спеціально оттуда на свадьбу въ оркестръ, мрачно и злобно взглянулъ на стараго даульщика, и если бы только Муртаза могъ проникнуть въ его мысли, если бы онъ узналъ, что пронеслось при этомъ взглядѣ въ головѣ Нурлы, онъ задрожалъ бы, потому что участь его даула, его «праваго глаза», въ этотъ моментъ была уже рѣшена.

— Чалъ, Муртаза, чалъ... Аллъ быръ гумышъ! Аллъ бешъ гумышъ! Онъ гумышъ аллъ!!! Чалъ, джанамъ, чалъ джубэръ!.. [1])—кричалъ въ экстазѣ женихъ.

Но Муртаза уже кончилъ. Огромная баранья шапка его сдвинулась почти на затылокъ, обнаживъ голый лоснящійся черепъ; по лицу градомъ катились крупныя капли пота. Послѣ такого подвига силы ему измѣнили. Вотъ онъ опустилъ передъ собой на землю свой знаменитый даулъ, опустился и самъ. И вдругъ, обнявши его обѣими руками и припавши къ нему головой, Муртаза... зарыдалъ какъ ребенокъ. Это были счастливыя слезы стараго артиста, которыя противъ воли, сами собой полились на любимый инструментъ, который былъ виновникомъ его тріумфа.

Нѣсколько минутъ пролежалъ онъ такъ, а когда волненіе улеглось и онъ поднялся, къ оркестру въ это время уже подходилъ самъ женихъ съ подарками въ рукахъ.

— Спасибо вамъ, музыканты, что вы прославили и повеселили меня и всѣхъ, кто пришелъ въ мой домъ на мою свадьбу, когда я беру себѣ жену такъ, какъ брали и великій пророкъ Магометъ, и другъ его Али... Только пророкъ захотѣлъ взять себѣ въ жены вдову богатаго купца, а я беру дѣвушку, Меметову, дочь, Альму, невинную какъ ягненокъ, веселую какъ весенняя птичка, скромную какъ лѣсная фіалка, стройную и здоровую какъ это благородное дерево.

При этомъ женихъ указалъ рукой на стоявшій во дворѣ во всей красѣ весенняго наряда роскошный пирамидальный тополь.

---

[1]) Играй, Муртаза, играй... Возьми рубль! Возьми два!! Десять рублей возьми, только, пожалуйста, играй еще, играй громче!..

— Ты дѣлаешь хорошее дѣло, потому что берешь себѣ хорошую жену, и бракъ твой будетъ счастливымъ,—сказалъ оправившійся уже совершенно Муртаза.

— Спасибо тебѣ, Муртаза, за доброе слово. И я самъ думаю, что беру хорошую жену, потому что, если бы я думалъ иначе, то не взялъ бы ея, а если бы она и въ самомъ дѣлѣ могла быть нехорошей, то не сказалъ бы мнѣ мой старый бабай [1]), указывая на домъ Мемета: «Въ этомъ домѣ пророкъ спряталъ для тебя отъ другихъ людей самое большое богатство: пойди и возьми его въ добрый часъ». И анаимъ [2]), сказала также: «Во имя преблагого и милостиваго Господа» [3]), послѣ того, какъ она посмотрѣла на Альму своимъ свѣтлымъ для меня материнскимъ глазомъ. Но кто можетъ знать, что захотѣлъ написать премудрый Аллахъ въ книгѣ судьбы въ тотъ часъ, когда я родился? Пусть будетъ такъ, какъ тамъ написано, потому что никто изъ людей, какъ бы онъ ни былъ богатъ и силенъ, хотя бы это былъ самый богатый и самый сильный изъ царей, не въ состояніи измѣнить и помѣшать противъ воли судьбы даже паденію волоска изъ его бороды.

Рѣчь жениха видимо произвела и на Муртазу, и на всѣхъ присутствовавшихъ самое выгодное для него впечатлѣніе настолько, что стоявшій около бесѣдовавшихъ старикъ мулла, Яя-эфенди, обращаясь къ его отцу, сказалъ:

— Твой Осанъ говоритъ такъ, какъ будто уже поте-

[1]) Бабай—отецъ.

[2]) Анаимъ—мать.

[3]) Обычная фраза мусульманъ при началѣ переговоровъ о бракѣ, при заключеніи всякаго важнаго договора и вообще при началѣ всякаго, признаваемаго важнымъ, дѣла.

рялъ изъ своей бороды столько же волосъ, сколько и я,—при этомъ мулла провелъ рукой по своей жиденькой торчавшей впередъ бородкѣ,—хотя она у него еще такая, какъ пшеница черезъ мѣсяцъ послѣ посѣва. Не жалѣю я, что трудился и потратилъ много времени даромъ, когда билъ его по головѣ камышомъ, уча его мудрости по книгѣ книгъ [1]), потому что много крупицъ этой мудрости осталось подъ его фесомъ. Хорошій молотокъ прибиваетъ крѣпко гвоздь къ доскѣ, хорошій камышъ еще крѣпче прибиваетъ умъ къ головѣ,—да будетъ прославлено имя Аллаха!

— Спасибо тебѣ, умный мулла,—отвѣтилъ старикъ.

— А все же таки я тебѣ говорю,—продолжалъ Муртаза,—что бракъ твой будетъ счастливый бракъ.

— Дай Богъ.

— Богъ дастъ, и я на это имѣю двѣ вѣрныя примѣты.

— Какія?

— А вотъ какія: тебя зовутъ Осанъ?

— Всѣ тебѣ скажутъ, что ты говоришь вѣрно.

— А невѣсту твою Альма?

— И это ты не солгалъ.

— Хорошо. Такъ слушай же: если всѣ буквы вашихъ именъ сдѣлать изъ золота, высыпать ихъ въ шапку и предложить вамъ обоимъ брать изъ шапки по очереди по одной, то кому бы первому ни дать взять—другой не будетъ обиженъ, потому что оба возьмете поровну, по пяти, и не останется на концѣ ни одной, изъ-за которой бы вамъ пришлось цѣлую жизнь спорить и ссориться, кому она слѣдуетъ... Значитъ, Аллахъ вамъ все въ жизни,—

[1]) Коранъ.

и горе, и радость,—судилъ пополамъ, и вамъ легко будетъ жить, потому что и арбу двумъ буйволамъ тянуть легче, чѣмъ одному, когда другой одряхлѣетъ, или станетъ лѣниться [1]).

Мулла при этомъ одобрительно крякнулъ.

— А другая какая?—спросилъ уже онъ, видимо заинтересовавшись словами Муртазы.

— Другая примѣта для меня еще вѣрнѣе первой, потому что она мнѣ еще никогда не солгала, хотя я уже почти сорокъ лѣтъ ее провѣряю на всѣхъ свадьбахъ, гдѣ только мнѣ случалось бывать. А видѣлъ я ихъ больше, чѣмъ сколько есть половинокъ буквъ всѣхъ словъ во всѣхъ молитвахъ, которыя мулла пропоетъ съ минарета мечети за цѣлый день, прославляя не имѣющаго себѣ равнаго и сильнѣйшаго всѣхъ самыхъ сильныхъ владыкъ— владыку Аллаха и его святого пророка.

— Если маленькая рѣчка несетъ много воды, вода всегда бываетъ мутная, потому что это бываетъ весной, когда въ водѣ много грязи и сору; если человѣкъ много словъ говоритъ,—проку выходитъ мало, потому что на одно умное слово приходится слишкомъ много пустыхъ и глупыхъ. Вѣдь даже изъ цѣлой сотни пшеничныхъ зеренъ, которыя на пустомъ блюдѣ составятъ кучку, достаточную для насыщенія большой курицы, не разыщешь ни одного зерна, если эту кучку всыпать въ мѣшокъ муравьиныхъ яицъ и хорошенько встряхнуть этотъ мѣшокъ,— сказалъ кто-то изъ стариковъ, выведенный изъ терпѣнія

---

[1]) Многіе изъ татаръ склонны вѣрить этой примѣтѣ—четной суммѣ буквъ именъ брачущихся—настолько даже, что, давая имя сыну, на всякій случай выбираютъ одно съ четнымъ, а другое съ нечетнымъ числомъ буквъ, чтобы не имѣть впослѣдствіи худой примѣты. *Авторъ.*

многословіемъ Муртазы и, очевидно, желавшій поскорѣе услышать вторую примѣту.

— Это ты, сосѣдъ, хорошо сказалъ, а еще лучше правду своихъ словъ подтвердилъ своею же собственною рѣчью,— огрызнулся добродушно Муртаза, къ удовольствію муллы и всѣхъ присутствовавшихъ, и продолжалъ:—Вторая примѣта—мой товарищъ даулъ, мой вѣрный правый глазъ. Когда онъ на свадьбѣ поетъ громко—браку предстоитъ счастье; когда же онъ не хочетъ давать голосъ, а только жалобно стонетъ, отвѣчая на каждый ударъ по своей груди,—ничего кромѣ горя пусть не ждутъ и женихъ, и невѣста [1]). Вотъ уже семь буйволовыхъ шкуръ пробилъ и перемѣнилъ я на этомъ даулѣ, а еще никогда не былъ обманутъ. Если же, Боже упаси, лопнетъ кожа даула, какъ это случилось на свадьбѣ старшаго сына Каи-Абдраима-оглу, который потомъ утонулъ въ морѣ вмѣстѣ съ братомъ черезъ девять недѣль послѣ свадьбы, а бѣдный отецъ, потерявъ обоихъ сыновей сразу, помѣшался умомъ отъ горя и скоро умеръ и самъ,—то хуже этой бѣды я и не знаю.

— А что говоритъ тебѣ сегодня твой вѣщій даулъ?— спросилъ отецъ жениха.

— Да вы же всѣ слышали, какъ онъ пѣлъ, и всѣ видѣли, какъ я отъ радости даже заплакалъ!—воскликнулъ старый музыкантъ и любовно провелъ однимъ пальцемъ

---

[1]) На самомъ дѣлѣ звукъ даула можетъ дѣйствительно давать весьма замѣтную разницу въ силѣ и гулкости инструмента, и это находится въ прямой зависимости отъ состоянія атмосферы и большей или меньшей сухости воздуха. Поэтому въ пасмурные дни осенью и зимой во время оттепели даулъ издаетъ лишь отрывистые и глухіе звуки, тогда какъ весной, лѣтомъ и зимой при морозѣ онъ гремитъ звонко и гулко. *Авторъ.*

по даулу такъ, что онъ издалъ какое-то протяжное пѣвучее грохотаніе.

— Въ такомъ случаѣ еще десять разъ спасибо тебѣ, Муртаза,—снова вмѣшался женихъ,—за музыку и за добрыя рѣчи,—и приступилъ къ раздачѣ подарковъ.

Всѣ музыканты получили кисеты и красивые красные пояса.

— А тебѣ, Муртаза, кисета и пояса будетъ очень мало,—сказалъ женихъ, подавая ему то и другое.—Ты много лучше ихъ всѣхъ игралъ на своемъ даулѣ, а потому вотъ тебѣ еще пять серебряныхъ рублей за такую хорошую игру.

И онъ бросилъ эти деньги въ шапку. Муртаза просіялъ.

— Подожди, Муртаза,—вмѣшался при этомъ отецъ жениха.—Я еще хочу сказать тебѣ пріятное слово. Ты говоришь: не дай Богъ, когда лопнетъ кожа на даулѣ?

— Алла сахласенъ! [1])—воскликнулъ Муртаза.

— А давно ты мѣнялъ ее?

— Давно: послѣ свадьбы сына Каи-Абдраима-оглу, уже больше пяти лѣтъ тому назадъ.

— Такъ что она уже скоро порвется?

— Кто можетъ это сказать? Какъ Богу будетъ угодно.

— Ну, вотъ что: ты правильно сказалъ, что если одинъ буйволъ одряхлѣлъ, арбу трудно вести другому. Я знаю, что одинъ изъ твоихъ буйволовъ едва уже волочитъ ноги, потому что онъ старше годами моего сына. Зарѣжь же его, возьми его шкуру, сдѣлай ее какъ нужно и натяни на свой даулъ, не ожидая, пока эта сама собой лопнетъ...

---

[1]) Упаси Богъ!

— Я и самъ давно бы уже сдѣлалъ такъ, если бы у меня были деньги, чтобы купить себѣ пару для другого молодого буйвола, но, когда вѣтра нѣтъ, парусъ не надувается и лодка будетъ стоять на мѣстѣ.

— Подожди, не перебивай меня, потому что я же вѣдь обѣщалъ сказать тебѣ «пріятное» слово.

И, обратившись къ сыну, старикъ сказалъ:

— Осанъ, приведи сюда нашего молодого буйвола, который остался одинъ отъ третьей пары послѣ того, какъ другой съѣлъ тарантула и лопнулъ. Онъ дома, потому что четыре другихъ его бьютъ, какъ одиночку.

Сынъ отправился исполнять приказаніе отца и черезъ нѣсколько минутъ вернулся къ гостямъ, ведя за собою молодого красиваго буйвола.

— Вотъ вѣтеръ начинаетъ дуть и парусъ на твоей лодкѣ уже надувается: пусть же она больше не стоитъ на одномъ мѣстѣ,—сказалъ аллегорически старикъ, передавая Муртазѣ поводъ, на которомъ было приведено животное, и продолжалъ:—Муртаза! это уже не мой буйволъ, а твой. Онъ такой же молодой и сильный, какъ тотъ твой другой. Осанъ одарилъ тебя за хорошую игру, а я—за умное слово, которое, какъ душистый бальзамъ, облило мое сердце радостью за сына. Аллахъ и пророкъ велятъ каждое важное дѣло ознаменовать хотя бы однимъ добрымъ дѣломъ: пусть же это запишется мнѣ и сыну въ книгѣ судьбы Тѣмъ, Кто добрѣе всѣхъ самыхъ добрыхъ, да будетъ благословенно Его чудесное имя!

Трудно описать счастливое смущеніе стараго даульщика, который, конечно, никогда не могъ разсчитывать на такой щедрый даръ здѣсь, на этой, въ сущности небогатой, свадьбѣ простого татарина, даже не мурзы. Онъ

не зналъ, какъ ужъ ему и выразить свою благодарность, и только, прикладывая руку то къ груди, то къ головѣ, поминутно повторялъ:

— Алла разусенъ, алла разубусенъ! Алла верды! Алла верды!! [1]).

Но этимъ тріумфъ Муртазы еще не окончился. Мулла-эффенди счелъ долгомъ и съ своей стороны наградить старика добрымъ словомъ. Растроганный, насколько татаринъ вообще можетъ поддаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ, но, конечно, наружно совершенно спокойный и серьезный, Яя-эффенди Джафаръ-оглу обратился къ присутствующимъ по поводу всего происшедшаго съ маленькою рѣчью. Онъ поднялъ лѣвую руку къ головѣ,—знакъ, что мулла желаетъ говорить,—откашлялся, провелъ другой рукой по своей бородѣ и, когда всѣ умолкли, заговорилъ по привычкѣ нѣсколько нараспѣвъ и монотонно:

«Правовѣрные сосѣди! Сейчасъ глазъ мой видѣлъ, какъ маленькая птичка радостно покружилась надъ этимъ дворомъ и улетѣла. Она весело пѣла и, улетая, чирикнула надъ самой моей головой, какъ будто нарочно для того, чтобы я ее замѣтилъ. Это святой пророкъ послалъ ее объявить вамъ черезъ меня, что и его сердце такъ же радостно сегодня, какъ пѣніе и порханіе этой птички. Уши мои слышали умныя рѣчи, глаза мои видѣли лица благопріятнаго облика [2]). Пусть же живетъ себѣ на здоровье Осанъ съ своей женой, пусть радуется, глядя на

[1]) Спасибо, великое спасибо! Богъ тебя вознаградитъ. Богъ вознаградитъ!

[2]) „Благопріятный обликъ“—особое, чисто-восточное выраженіе, означающее столько же почтенность, сколько и добродѣтель человѣка, о которомъ такъ говорятъ. „Сосѣдъ благопріятнаго облика“—равносильно выраженію: „уважаемый и добродѣтельный сосѣдъ“. *Авторъ.*

нихъ, добродѣтельный отецъ его старикъ, пусть и Муртаза умретъ еще не скоро. Ты, Осанъ, мой духовный сынъ, доказалъ уже мнѣ сегодня передъ всѣмъ свѣтомъ. что ты не пустой и темный колодецъ съ горькой и вонючей водой на днѣ, въ который даже самый мудрый изъ мудрецовъ можетъ кричать сколько угодно умныхъ словъ и ничего изъ этого не выйдетъ: онъ надорветъ себѣ грудь и все же таки вода въ этой глупой ямѣ не станетъ ни сладкой, ни свѣжей! Тотъ бы сказалъ великую ложь, кто бы сталъ тебя увѣрять. что я жалѣю многихъ пучковъ камыша, которые я, исполняя велѣніе пророка, приказывающаго при ученіи дѣтей не забывать трости, перебилъ на твоей головѣ. Отъ огня родится свѣтъ и тепло, отъ камышевыхъ палокъ—повиновеніе и умъ. да будетъ прославлено великое имя премудраго пророка! Ты вотъ берешь уже себѣ жену. дочь Мемета—Альму... Что жъ?! И это мудрый поступокъ, ибо человѣкъ безъ жены развѣ не то же самое, что и человѣкъ, у котораго одинъ глазъ свѣтлый, а на другомъ бѣльмо? Мы всѣ знаемъ Мемета, и не только люди, но даже и собаки, если бы онѣ умѣли говорить, закричали бы, что Меметъ—сосѣдъ благопріятнаго вида. А такъ какъ овца родитъ овцу. а не волка, то и Осанова жена будетъ добродѣтельной женой. Вѣдь не слыхано еще было, чтобы на нашей землѣ, верхней изъ всѣхъ семи, о которыхъ говорится въ Коранѣ, прикрытой нижнимъ изъ семи небесъ, когда-нибудь на виноградномъ кустѣ выросъ табакъ, или на орѣхѣ—арбузъ! Но, хотя «добродѣтельная жена», по словамъ пророка, и «лучше всѣхъ сокровищъ міра», хотя она «вѣнецъ на головѣ царя, а злая—тяжкая ноша на спинѣ дряхлаго старика», но ты, мой сынъ, не забывай, что когда про-

рокъ заглянулъ черезъ дверь въ середину ада, то увидѣлъ, что тамъ были почти только однѣ женщины. Это оттого, что всѣ онѣ хитры и лукавы какъ лисицы, хотя лисицы и покрыты дорогимъ мѣхомъ. Въ одной очень старой и очень мудрой арабской книгѣ я самъ читалъ, что въ давнія времена жилъ на свѣтѣ очень сильный калифъ Омаръ и онъ всегда говорилъ своему народу такъ: «Передъ началомъ каждаго серьезнаго дѣла мужчина долженъ посовѣтоваться съ десятью друзьями; если у него нѣтъ столько друзей, то хоть съ пятью, по два раза съ каждымъ; если и этого не отыщется, пусть совѣтуется съ однимъ въ теченіе десяти дней. Но если этотъ человѣкъ живетъ со своей женой въ пустынѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ сосѣдей, то пусть тогда онъ посовѣтуется съ женой одинъ разъ, но поступить онъ обязанъ во всемъ противъ ея совѣта, если захочетъ, чтобы это серьезное дѣло ему удалось, потому что иначе онъ погубитъ и слова свои, и самое дѣло». Такъ говорилъ всегда этотъ калифъ, по имени Омаръ, и я вижу, что въ книгѣ не даромъ написано, что онъ былъ самый мудрый изъ калифовъ, ибо и я самъ имѣю жену! Помни это, Осанъ, а если ты это забудешь, то пусть твой старый бабай не забудетъ, что вонъ тамъ, подъ самой стѣной дома, у него лежитъ больше десяти арбъ хорошихъ орѣховыхъ палокъ, которыя онъ приготовилъ для подвязки виноградныхъ кустовъ: самая тонкая изъ этихъ палокъ надежнѣе и лучше даже самой толстой камышевой трости! Радуйся, Осанъ, радуйся и ты, его добродѣтельный бабай! Вотъ уже солнце подходитъ къ краю земли, и мнѣ нужно идти въ мечеть, чтобы тамъ съ минарета пропѣть вечернее славословіе великому пророку, но я еще хочу сказать здѣсь передъ всѣмъ свѣ-

томъ нѣсколько словъ и Муртазѣ. Радуйся, Муртаза, и пусть могильные черви совсѣмъ засохнутъ отъ голода, прежде чѣмъ начнутъ терзать въ тишинѣ твое тѣло. Ты—великій музыкантъ и мудрый старикъ! Твой даулъ—знаменитый даулъ, и нѣтъ ему равнаго въ цѣломъ Крыму, да не знаю, есть ли и въ Турціи,—одинъ только Аллахъ всевѣдущъ [1]).

«Правда, что музыка—неугодное Богу занятіе, потому что иначе пророкъ не сказалъ бы о ней такъ: «Пѣніе пѣсенъ и слушаніе ихъ рождаетъ въ душѣ человѣка лукавство, точно такъ же, какъ и сырость порождаетъ сорныя травы и всякихъ гадовъ». Пророкъ даже сказалъ еще, что черезъ музыкальные инструменты для шайтана легче всего овладѣть человѣкомъ и соблазнить его на самый тяжкій изъ грѣховъ, и многіе старые муллы видѣли своими глазами, какъ вмѣстѣ съ музыкой появлялся много разъ и шайтанъ. Вотъ почему въ прежнее время на пирахъ и свадьбахъ музыкантовъ сажали отдѣльно отъ гостей, и то мѣсто, гдѣ они были, обвѣшивали простынями, чтобы шайтанъ не могъ разсмотрѣть, кто слушалъ музыку, и соблазнить ихъ! Но вѣдь и звѣри, и птицы бываютъ чистые и нечистые: есть богомерзкая чучка и чистый барашекъ; есть противная карга [2]) съ синимъ, какъ у мертвеца, мясомъ, пожирающая всякаго гада, даже маленькую змѣю, если случится, и есть невинная курица. Точно такъ же и музыка бываетъ разныхъ сортовъ. Дудка, скрипка и бубенъ призываютъ дьявола, и онъ скоро яв-

[1]) „Одинъ только Аллахъ всевѣдущъ"—обычная прибавка у мусульманъ, когда рѣчь идетъ о чемъ-либо не вполнѣ точно извѣстномъ разсказчику.

[2]) Карга—ворона.

ляется на этотъ пріятный ему зовъ, но даулъ, да еще такой даулъ, какъ у тебя, Муртаза, отгоняетъ его на далекое разстояніе: онъ его боится, какъ и грома, и чѣмъ громче гудитъ даулъ, тѣмъ страшнѣе шайтану. Когда завоетъ и засвиститъ вѣтеръ, шайтанъ радуется и носится, какъ бѣшеный, по дорогамъ, крутясь въ столбахъ пыли и всякой грязи. Много зла онъ тогда дѣлаетъ, и лучше правовѣрному не встрѣчаться съ нимъ, когда онъ такъ пляшетъ подъ эту адскую музыку. Но когда уже онъ натворитъ черезчуръ много бѣды, Аллахъ приказываетъ бить огненными палками въ небесные даулы. Взмахи этихъ огненныхъ палокъ видны съ земли и людямъ, и сейчасъ же послѣ каждаго взмаха гремитъ громъ, т.-е. гудитъ небесный даулъ. Шайтанъ помертвѣетъ отъ страха, разсыпается въ прахъ и спѣшитъ скрыться подъ землю, чтобы не слышать этихъ страшныхъ ударовъ. А какъ только Аллахъ увидитъ, что шайтанъ уже убѣжалъ, такъ сейчасъ велитъ полить землю чистой небесной водой, чтобы потоки ея унесли въ море и черезъ глубокія ущелья подъ землю всю его грязь и прахъ, которые шайтанъ оставилъ послѣ себя на лонѣ земли. Вотъ почему я говорю, что твоя музыка, Муртаза, угодна пророку и Богу. Тамъ, гдѣ загремитъ твой славный даулъ, туда не осмѣлится появиться шайтанъ, потому что даулъ этотъ подобенъ небесному грому. Я радъ, что тебя здѣсь наградили такъ щедро, но только и ты не забудь бѣдняковъ: половину мяса твоего стараго буйвола, когда ты его зарѣжешь, пусть съѣдятъ бѣдняки; пусть и имъ будетъ хорошо отъ твоего добра; пусть и они порадуются и пусть громко похвалятъ твою добродѣтель. Похвалы эти долетятъ до ушей пророка, и услышитъ и онъ про тебя, да будетъ

прославлено и похвалено велеколѣпное имя Аллаха, который создалъ свѣтъ и все на свѣтѣ, и да славится и имя Его святого пророка, которое давно уже похваляетъ весь міръ каждый день и будетъ величать и хвалить до конца дней... Салхма!» [1])

Вслѣдъ затѣмъ почтенный мулла съ сознаніемъ исполненнаго долга благополучно отбылъ со свадьбы и направился къ стоящей неподалеку за рѣкой мечети.

Но если бы Яя-эффенди Джафаръ-оглу могъ предвидѣть, сколько непріятностей и горя принесетъ вторая часть его рѣчи тому самому Муртазѣ, на тѣло котораго, по высказанному муллою пожеланію, могильные черви могли окончательно оставить всякія, даже самыя отдаленныя, надежды, то вѣрно бы онъ, желая старику добра, воздержался отъ публичнаго восхваленія даула во вредъ дудкамъ, скрипкамъ и бубнамъ. Стародавняя и хорошо всѣмъ извѣстная исторія о лаврахъ Мильтіада и безсонницѣ его завистниковъ слово въ слово повторилась въ несчетный разъ и въ Таракташскомъ захолустьѣ.

Дудкистъ Нурла-Барабатыръ-оглу и два его товарища, безконечно униженные количествомъ и качествомъ полученныхъ ими подарковъ, оскорбленные, какъ артисты, и наконецъ—что ужаснѣе всего—низведенные рѣчью самого муллы до роли вызывателей шайтана, обратились силою обстоятельствъ въ такихъ ненавистниковъ и враговъ Муртазы, по сравненію съ которыми даже самъ этотъ шайтанъ, не взирая на злополучный даулъ музыканта, могъ бы показаться однимъ изъ самыхъ нелицемѣрныхъ и самыхъ закадычныхъ его пріятелей.

[1]) Прощайте!

Нурла-Барабатыръ-оглу заскрежеталъ зубами. Участь даула счастливаго въ тотъ моментъ Муртазы была рѣшена, потому что послѣ отбытія муллы этотъ дудкистъ и одинъ изъ его товарищей, Кая-Тулумбашъ, обмѣнялись слѣдующими лаконическими фразами:

— Ты слыхалъ?

— Нѣтъ, если только не слышитъ человѣкъ, котораго бьютъ молоткомъ по головѣ.

— Что же нужно сдѣлать?

— Ты это знаешь лучше меня.

— А что ты сдѣлаешь, если около твоей ноги увидишь скорпіона, а ты не босой?

— Я растопчу поганое насѣкомое.

— Поможешь мнѣ?

— Зачѣмъ спрашиваешь пустое? Развѣ я на даулѣ играю?..

— А гдѣ поймаемъ?

— Лѣсъ развѣ малъ? А арба его развѣ не такая же, какъ и его даулъ? На сто верстъ кругомъ нѣтъ такой громкой арбы: мертвый услышитъ, когда онъ поѣдетъ на ней.

— Ну, такъ, смотри же, молчи.

— А развѣ я сосу еще грудь матери?

И пріятели обмѣнялись при этомъ слишкомъ понятнымъ для нихъ обоихъ взглядомъ.

Между тѣмъ этотъ счастливый для стараго музыканта день уже догорѣлъ и потухъ. Наступившія послѣ захода солнца короткія южныя сумерки, постепенно сгущаясь, напоминали неугомоннымъ людямъ, что пора уже прекратить дневную сутолоку жизни и дать отдохнуть уставшему отъ трудовъ и движенія тѣлу и не менѣе его уто-

мившемуся отъ печалей, радостей, злобы и всѣхъ прочихъ заботъ духу. Тишина и покой стали наполнять землю. Вотъ уже замолкли и тысячи пернатыхъ крикуновъ, которые передъ этимъ рѣзвились и сновали въ разныя стороны, гоняясь одинъ за другимъ въ верхнихъ слояхъ воздуха, освѣщенныхъ еще отблесками послѣднихъ лучей скрывшагося за горизонтомъ свѣтила. Веселая стая, опустившись на землю, разсѣлась по деревьямъ и гнѣздамъ, и въ потемнѣвшихъ высотахъ уже не слышно было щебетанія, писка и криковъ. Оттуда лишь изрѣдка доносилось теперь только какое-то отрывисто-пугливое тиликанье запоздалаго кулика, стрѣлой проносившагося куда-то вдаль и также спѣшившаго успокоиться и отдохнуть въ мягкой и душистой муравѣ родного болота, да двѣ-три летучія мыши по временамъ мелькали въ просвѣтахъ деревьевъ, напоминая своими стремительно-неожиданными изворотами нѣчто похожее на то, когда вихрь треплетъ въ разныя стороны надъ землей какіе-то безформенные черные клочья...

Потемнѣвшій небесный сводъ заискрился, замигалъ безчисленными алмазами, которые, какъ разноцвѣтные фонарики, горѣли и переливали въ таинственной высотѣ всѣми цвѣтами радуги. Это природа-волшебница открыла всѣ свои миріады очей и такъ ласково, такъ любовно, точно мать, глядитъ на смолкнувшую землю, осѣняя ее съ надзвѣздныхъ высотъ безмятежіемъ сна и покоя. Это она легкой дымкой Млечнаго пути простерлась изъ конца въ конецъ надъ міромъ, распахнула надъ нимъ свою осыпанную брильянтами ризу, окутала его этой изъ эѳира сотканной пеленой и слушаетъ, какъ тихо и ровно вздыхаетъ во снѣ нѣжными всплесками морского прибоя ея любимое дѣтище...

Все давно ужъ заснуло, все успокоилось. Одна только сова, давнишній заклятый врагъ солнца и свѣта, неслышно проносится надъ самой землей, широко растянувъ свои пушистыя мягкія крылья и почти не шевеля ими. Вотъ она поднялась вверхъ, промелькнула надъ минаретомъ мечети, покружилась съ минуту надъ нимъ, зорко осмотрѣла всѣ выступы, чтобы убѣдиться, не виситъ ли тамъ еще головой внизъ, зацѣпившись однимъ когтемъ ноги за край крыши, какая-нибудь разоспавшаяся послѣ цѣлаго дня летучая мышь, увидѣла, что здѣсь нѣтъ для нея добычи, и вдругъ опять, сложивъ оба крыла разомъ, упала къ землѣ и понеслась надъ самою гладью рѣки вверхъ по теченію къ лѣсу. Уже нѣсколько минутъ сова быстро неслась такъ надъ заснувшею рѣкой, и ни одинъ звукъ не встревожилъ ея, кромѣ едва слышнаго журчанія воды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло было засыпано сплошь цѣлыми грудами камешковъ. Вотъ уже она почти миновала село, но въ этотъ моментъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на самомъ поворотѣ рѣки надъ нею нависла съ одного берега и почти до другого столѣтняя кривая ветла, протянувъ, точно лапы, во всѣ стороны длинныя толстыя вѣтви, — сова вдругъ шарахнулась въ бокъ и, почти касаясь крыльями земли, стремительно полетѣла обратно къ селу. До чуткаго слуха ночной птицы съ этой ветлы явственно донеслись голоса людей. Сова не ошиблась. Въ тотъ моментъ, когда она приближалась къ ветлѣ, оттуда изъ самой середины ея темной листвы послышалась слѣдующая вполголоса сказанная фраза:

— Вырви у змѣи жало, если хочешь, чтобъ она стала безвредной.

Оказалось, что кромѣ совы не спали еще три суще-

ства: дудкисты Нурла-Барабатыръ-оглу, Мустафа и Кая-Тулумбашъ сидѣли рядомъ на стволѣ ветлы и рѣшали вопросъ хоть и не о жизни старика Муртазы, но о чемъ-то такомъ, что ему было почти такъ же мило и дорого,— о его «правомъ глазѣ», о его даулѣ. Между ними было рѣшено сообща отнять или украсть этотъ ненавистный инструментъ и сжечь его, чтобы отъ него остался только пепелъ и прахъ. Мустафа, какъ житель Таракташа, могущій имѣть всегда наблюденіе надъ Муртазой, долженъ былъ, не медля ни минуты, дать знать двумъ другимъ въ Отузы, когда старый даульщикъ со своимъ инструментомъ отправится куда-нибудь изъ села. Остальное брали на себя отузскіе дудкисты и главнымъ образомъ Нурла-Барабатыръ-оглу.

Согласившись на этомъ, товарищи спрыгнули со ствола, на которомъ у нихъ происходило совѣщаніе, и разошлись въ разныя стороны. Теперь и здѣсь воцарилась полная тишина, и если бы сова прилетѣла сюда нѣсколькими минутами позже, она не шарахнулась бы въ сторону, а можетъ быть присѣла бы на этомъ же самомъ стволѣ, чтобъ отдохнуть и обдумать, куда ей дальше летѣть.

А старый Муртаза между тѣмъ спалъ безмятежно посрединѣ двора на своей знаменитой арбѣ. Онъ вернулся со свадьбы, ведя за собой прекраснаго молодого буйвола, привязалъ его тутъ же къ арбѣ, бросилъ ему свѣжей травы, отдалъ деньги, кисетъ и поясъ женѣ, взялъ изъ дому войлокъ, растянулся на немъ въ арбѣ усталый и разбитый тѣломъ, но счастливый и гордый духомъ послѣ всего того, что сегодня произошло съ нимъ на свадьбѣ. Онъ долго и умильно глядѣлъ на горѣвшее звѣздами небо. Глаза его начинали уже закрываться, когда одна изъ

этихъ звѣздочекъ, вспыхнувъ вдругъ красноватымъ пламенемъ, покатилась по своду, оставляя за собой яркій голубовато-огненный слѣдъ. «Убей, Господи, врага вѣры[1]), успѣлъ по привычкѣ прошептать Муртаза и вслѣдъ затѣмъ заснулъ глубокимъ спокойнымъ сномъ.

Но, странное дѣло: ему въ эту ночь приснился недобрый сонъ. Онъ стоялъ на какой-то высокой зеленой скалѣ надъ водою и сильно билъ въ свой любимый даулъ, но звука при этомъ почти никакого не было: точно онъ ударялъ не по даулу, а по землѣ или камню. Онъ сталъ бить еще сильнѣе, а даулъ, вмѣсто того, чтобы зазвучать, сталъ вдругъ становиться совершенно бѣлымъ и, наконецъ, заблисталъ, какъ первый снѣгъ на солнцѣ. Изумленный Муртаза остановился, стараясь разгадать причину такой удивительной ослѣпительной бѣлизны даула.

Въ это время точно ударилъ громъ, и все вдругъ потемнѣло: и скалы, и вода, и даулъ. Къ скалѣ начала подступать, поднимаясь выше и выше, ярко-красная кровь, и когда Муртаза опять сталъ усиленно бить въ даулъ, изъ него послѣ каждаго удара брызгала во всѣ стороны такая же самая кровь. Красные брызги ея, попадая на лицо и руки музыканта, обжигали его точно огнемъ... Потомъ все смѣшалось и, наконецъ, раздался такой оглушительный ударъ грома, что Муртаза сразу проснулся и и вскочилъ со своего мѣста... Начинало свѣтать... Буйволъ жевалъ траву, лежа около арбы; кругомъ было все попрежнему тихо.

Когда утромъ Муртаза разсказалъ этотъ сонъ своей женѣ, старуха покачала головой.

[1]) Обычная фраза мусульманъ при падающей звѣздѣ.

— Ярамазъ [1])... Впрочемъ, не тревожься,—прибавила она, подумавъ,—потому что хоть и очень худое начало, зато очень хорошій конецъ [2]).

Однако прошло вотъ уже почти двѣ недѣли со времени этого недобраго сна, но рѣшительно ничего худого или необыкновеннаго въ жизни старика Муртазы не случилось. Напротивъ: на-дняхъ возвратился изъ Бахчисарая старый Меметъ, тесть Осана, и привезъ Муртазѣ пріятную вѣсть о томъ, что его съ дауломъ требуетъ на свадьбу къ себѣ богатый мурза, Мамутъ-бей, владѣлецъ многихъ десятинъ земли и двухъ табуновъ лошадей по пяти тысячъ головъ каждый. Бей приказывалъ передать Муртазѣ, чтобы тотъ пріѣхалъ «играть свадьбу» непремѣнно, обѣщая вознаградить за это музыканта по-княжески. И вотъ, взявши съ собой десятилѣтняго внука Аблу, для того, чтобы было кому присмотрѣть тамъ на свадьбѣ за буйволами, и положивши на арбу свой «правый глазъ», Муртаза, какъ уже сказано было въ началѣ разсказа, выѣхавъ еще до солнца изъ Таракташа, къ полудню медленно поднимался по Таткарѣ, оглашая горы и лѣсъ на далекое пространство вокругъ невѣроятно пронзительнымъ скрипомъ своей знаменитой арбы.

III.

На самой серединѣ живописнаго подъема на Таткару дорога дѣлаетъ небольшой поворотъ влѣво, и съ этого

---

1) Ярамазъ—худо.

2) Татары вѣрятъ въ сны: видѣть во снѣ воду, зелень, что-нибудь бѣлое считается худымъ предзнаменованіемъ; слышать же громъ, видѣть темноту или кровь—предвѣщаетъ счастіе. *Авторъ.*

мѣста открывается чудный, хотя и нѣсколько однообразный видъ.

По правую сторону дороги, какъ пасть какого-то гигантскаго чудовища, зіяетъ глубокій и длинный обрывъ, откосъ котораго, какъ и склонъ сосѣдней горы, покрытъ сплошь очень старымъ, хотя и не густымъ лѣсомъ. Тамъ-и-сямъ, по обѣимъ стѣнамъ обрыва, торчатъ покрививміяся и высохшія деревья и еще болѣе увеличиваютъ это сходство съ пастью, точно рѣдкіе зубы, кое-гдѣ еще не вывалившіеся изъ этихъ грозныхъ челюстей, къ одной изъ которыхъ прислонилась почти обнаженная отъ всякой растительности небольшая плоская скала, очень похожая на присохшій къ гортани языкъ. Ложбинка эта между горами такъ и слыветъ у окрестныхъ жителей подъ названіемъ «Дикой пасти».

По другую сторону подъема почти перпендикулярной стѣной высится откосъ горы, при чемъ растущіе нѣсколько наклонно столѣтніе дубы, грабы и серебристые тополи образуютъ своей густой листвой надъ дорогой какъ бы одинъ непрерывный зеленый шатеръ, сквозь который не въ силахъ пробиться даже и самые жгучіе лучи лѣтняго крымскаго солнца. Такимъ образомъ дорога въ этомъ мѣстѣ представляетъ изъ себя сплошную природную аллею, вѣчно тѣнистую, вѣчно прохладную, какъ бы висящую въ воздухѣ на головокружительной высотѣ, надъ глубокимъ зеленымъ обрывомъ. Видъ отсюда на всю долину, съ серебрящеюся на самомъ горизонтѣ поверхностью моря, восхитительный. Кажется, будто эти грузныя громады горъ нарочно отодвинулись одна отъ другой по всей длинѣ долины, чтобы дать просвѣтъ и этому голубому уголку водъ и тѣмъ оживить нѣсколько однообраз-

ный ландшафтъ. И дѣйствительно: то бѣлесовато-голубая и вся сверкающая, то вдругъ—при случайномъ облачкѣ на небѣ—хмурящаяся темно-лазуревою синью перспектива эта чрезвычайно живитъ всю картину, заставляя даже самаго угрюмаго и равнодушнаго къ красотамъ природы путника залюбоваться удивительнымъ сочетаніемъ тоновъ и красокъ въ этомъ ландшафтѣ и унестись невольно глазомъ и мыслью въ эту чарующую, вѣчно трепещущую всѣми переливами свѣта и вѣчно живую постояннымъ движеніемъ даль. И какъ бы нарочно для того, чтобы увеличить прелесть этого мѣста и сдѣлать остановку для уставшаго отъ жары и подъема на гору путника еще болѣе пріятной, на самомъ поворотѣ дороги изъ боковой отвѣсной стѣны струится хрустальной прохладной струйкой чистая, какъ слеза, вода горнаго родничка. Къ отверстію его, неизвѣстно кѣмъ и когда, придѣлана каменная доска съ рельефнымъ человѣческимъ лицомъ, сквозь полуоткрытыя губы котораго холодная струя воды выползаетъ свѣтлой гремящей змѣйкой и тянется внизъ по рытвинкѣ, съ боку дороги, довольно далеко, до тѣхъ поръ, пока не исчезаетъ безслѣдно въ какомъ-то едва замѣтномъ снаружи отверстіи.

Родникъ этотъ татары назвали очень выразительнымъ именемъ «Цѣлуй-Фонтанъ» по той причинѣ, что каждый, желающій напиться, обыкновенно долженъ попросту прильнуть своими губами къ струящимъ чистую, какъ слеза, прохладную влагу губамъ рельефнаго лица на каменной плитѣ фонтана. Само собою получается впечатлѣніе освѣжительнаго поцѣлуя.

Арба Муртазы едва ползла въ гору. Истомившіеся отъ жары и очень длиннаго подъема буйволы едва передвигали ноги. Животныя эти, какъ извѣстно, ни отъ чего такъ не страдаютъ, какъ именно отъ чрезмѣрной жары, и потому весьма часто случается, что, если на бѣду ихъ хозяина на пути въ жаркій день встрѣтится рѣка или болотце, буйволы, какъ ошалѣлые, бросаются въ прохладу воды и ложатся въ ней такъ, что на поверхности видны только однѣ ихъ вытянутыя впередъ и сплюснутыя морды съ закрученными назадъ вдоль черепа широкими и морщинистыми на видъ рогами. Тогда ужъ никто и ничто не въ силахъ заставить ихъ разстаться съ прохладой. Даже уколы внушительной иглы на концѣ орѣховой палки, употребляемой погонщикомъ вмѣсто кнута,—такъ какъ буйволовая шкура слишкомъ толста и нечувствительна для обыкновенныхъ ударовъ,—оказываются мало надежнымъ средствомъ для того, чтобы принудить животныхъ встать и покинуть любимую ванну.

Муртаза, сидя въ переднемъ концѣ арбы, усердно дѣйствовалъ палкой съ иглой столько же, сколько и голосомъ, подбадривая буйволовъ тащиться впередъ, а внукъ его Абла, приставивъ даулъ одной стороной къ боковой плетенкѣ арбы, залѣзъ въ образовавшееся такимъ образомъ отверстіе и крѣпко спалъ, не взирая на цѣлую тучу мухъ и небольшихъ оводовъ, производившихъ какія-то весьма серьезныя и терпѣливыя изслѣдованія около рта, носа и глазъ мальчугана.

До «Цѣлуй-Фонтана» оставалось уже не больше версты. Муртаза подгонялъ своихъ буйволовъ, разсчитывая остановиться тамъ и дать отдохнуть усталымъ животнымъ, пока не спадетъ самый сильный зной, тѣмъ болѣе, что

свадьба богатаго мурзы начиналась еще черезъ нѣсколько дней, и, стало быть, времени у стараго музыканта было довольно.

Благодаря ужасному скрипу и визгу своей пѣвучей арбы, онъ и не разслышалъ раздавшагося вдругъ впереди него по дорогѣ топота быстро скачущей лошади и только, когда вдали между деревьями показалось облачко пыли и мелькнуло что-то бѣлое, старикъ прищурился и сталъ всматриваться. Вотъ это бѣлое мелькнуло опять и опять, все ближе и ближе, и, наконецъ, Муртаза увидѣлъ, что изъ-подъ начинавшейся уже недалеко впереди тѣнистой аллеи вылетѣлъ во всю прыть молодецкаго карьера какой-то всадникъ и, невзирая на крутой спускъ дороги, продолжалъ быстро мчаться навстрѣчу.

Удивленный такой неестественно-бѣшеной скачкой съ горы, музыкантъ забылъ о своихъ буйволахъ и о благодѣтельномъ остреѣ палки, а потому и животныя, переставши ощущать эти—нужно-таки признаться—препротивныя доказательства хозяйскаго вниманія, сочли вполнѣ резоннымъ немедленно же стать, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ на нихъ освѣжительно пахнулъ пріятной прохладой неизвѣстно откуда сорвавшійся вѣтерокъ. Теперь скрипъ прекратился, и только явственно раздавался богатырскій топотъ бѣлоснѣжнаго коня.

Любуясь издали безстрашнымъ всадникомъ, Муртаза однако не удержался, чтобы не покачать головой и при этомъ сказалъ, думая, что его услышитъ спавшій между дауломъ и плетенкой арбы внукъ:

— Этому человѣку, видно, совсѣмъ не жаль ни своего коня, ни своей шеи. Такъ скакать съ горы можетъ только тотъ, кто или чорта хочетъ поймать, или самъ отъ него

уходитъ... Абла! если ты хочешь увидѣть неразумнаго ѣздока, тебѣ не нужно будетъ идти его разыскивать: онъ самъ скачетъ къ тебѣ.

Но Абла не слыхалъ этой рѣчи дѣда, и хотя вслѣдъ затѣмъ проснулся и вылѣзъ изъ-подъ даула, однако совсѣмъ по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что когда арба остановилась и вмѣстѣ со скрипомъ ея прекратились и внушительные толчки, бросавшіе его голову отъ плетенки къ даулу и обратно и не дававшіе оводамъ и мухамъ удержаться на облюбованныхъ пунктахъ его лица, вся эта туча вооруженныхъ хоботками и жалами слѣдователей немедленно же опустилась и, разсѣвшись спокойно на лицѣ татарчонка, принялась серьезно за работу, обративъ благороднѣйшую часть тѣла несчастнаго любителя поспать на досугѣ въ какую-то подвижную сѣро-зелено-черную маску. Но и это не въ состояніи было разбудить внука достойнаго музыканта. Впрочемъ, слѣдователи, наконецъ, переступили всякія границы возможнаго. Одинъ изъ нихъ, молодой и слишкомъ ужъ неугомонный оводокъ, простеръ свое любопытство до того, что предпринялъ экскурсію въ самую глубину ноздри сладко спавшаго и дышавшаго черезъ полуоткрытый ротъ Аблы.

Увы! оводокъ жестоко поплатился и самъ и не облагодательствовалъ этимъ и всѣхъ своихъ болѣе опытныхъ и менѣе любопытныхъ товарищей: страшный ураганъ чиха вынесъ его изъ этого импровизированнаго дула не менѣе стремительно, чѣмъ и газы воспламенившагося пороха выносятъ пулю изъ обыкновеннаго дула ружья, и расплющилъ бѣднягу о край латуннаго бока даула!.. Изслѣдователь погибъ безславною, хотя и мученическою смертью за свое чрезмѣрное любопытство, а вся прочая

стая, ошеломленная неожиданнымъ сотрясеніемъ изслѣдуемаго объекта и оглушенная громовымъ «а-чхи», умчалась въ разныя стороны. Абла вылѣзъ изъ-подъ даула и съ какимъ-то удивленно-ожесточеннымъ видомъ отправилъ цѣлую половину пальца въ ту же самую, сыгравшую для бѣднаго оводка роль губительнаго пушечнаго жерла, ноздрю и тамъ, начиная отъ самаго отдаленнаго и темнаго закоулка, яростно сталъ уничтожать ногтемъ, не щадя и слизистой оболочки, всякіе слѣды въ этотъ моментъ уже покойнаго оводка.

А всадникъ тѣмъ временемъ продолжалъ бѣшено мчаться навстрѣчу арбѣ. Еще нѣсколько секундъ—и онъ, поровнявшись съ буйволами, вдругъ на всемъ скаку остановился, какъ вкопанный. Дѣдъ съ внукомъ отъ неожиданности такого аллюра даже вздрогнули. Врывшись передними копытами въ землю, чудесный бѣлый конь всадника почти сѣлъ на заднія ноги. Красивая голова животнаго съ раздутыми ноздрями и огневымъ выраженіемъ большихъ умныхъ глазъ, украшенная сіяющей на солнцѣ богатымъ серебрянымъ наборомъ дорогой уздечкой, могла бы служить моделью для самаго взыскательнаго художника. Конь былъ весь въ мылѣ, и каждая жилка его, сквозившая черезъ тонкую бѣлоснѣжной масти кожу, казалось, била и трепетала огнемъ и силой.

Но и конь и сѣдокъ одинаково могли поспорить красотой и богатствомъ наряда.

Муртаза не даромъ подумалъ, что это какой-нибудь изъ самыхъ знатныхъ владѣтельныхъ беевъ. Въ этомъ убѣждали его и изящный костюмъ всадника, сдѣланный изъ дорогого темно-синяго сукна и обложенный въ нѣсколько рядовъ настоящимъ золотымъ снуркомъ, и цѣлая

масса какихъ-то горѣвшихъ на солнцѣ серебряныхъ украшеній, которыми сплошь былъ увѣшанъ весь передъ его казакина, и золотой верхъ его дорогой каракулевой шапки, и расшитое такими же снурками черкесское сѣдло съ кованными серебромъ луками и серебряными же стременами, на которомъ такъ легко и красиво сидѣлъ всадникъ.

Добродушный старикъ, прожившій всю свою безмятежную жизнь въ дебряхъ горъ и ничего почти не видавшій кромѣ такихъ же, какъ и онъ самъ, татаръ-бѣдняковъ, и не подозрѣвалъ, что каждое изъ этихъ многочисленныхъ украшеній заключало въ себѣ двѣ вѣрныя смерти для встрѣчныхъ, если бы того пожелалъ этотъ красавецъ-бей. Вообще и всадникъ, залитый весь въ серебрѣ, и бѣлоснѣжный конь его въ такомъ же богатомъ уборѣ появились такъ неожиданно и представляли изъ себя такое дотолѣ еще не виданное зрѣлище, что старый даульщикъ и его внукъ съ не скрываемымъ изумленіемъ уставились на незнакомца и даже позабыли отвѣтить на первое его привѣтствіе.

Между тѣмъ всадникъ вторично уже прикоснулся слегка рукой ко лбу и вмѣсто обычной въ этомъ случаѣ фразы сказалъ:

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога...

— И Магометъ пророкъ его, — поспѣшилъ отвѣтить старикъ.

— Старикъ, сдѣлай мнѣ великое добро ради самого Аллаха и святой бороды его пророка.

Услыша такую рѣчь, Мартаза невольно изумился.

— Мнѣ ли, ничтожнѣйшему комку грязи и послѣдней изъ самыхъ малыхъ козявокъ, тысячи которыхъ твой конь давитъ ногами на дорогѣ, дѣлать какое-нибудь добро тебѣ, богатый и знатный бей?!.. Ты, вѣрно, захотѣлъ посмѣяться

надъ старикомъ Муртазой, но для этого не стоило ломать ноги своему коню и терять время, чтобы остановиться около моей арбы.

— Ты много говоришь, старикъ,—перебилъ нетерпѣливо его рѣчь незнакомецъ,—потому что, вѣрно, долго сидѣлъ молча... Времени у меня, твоя правда, очень и очень немного, и каждая лишняя минута можетъ стоить мнѣ...—при этомъ всадникъ запнулся, но вслѣдъ затѣмъ продолжалъ:—дороже, чѣмъ тебѣ твои слова, а потому отвѣчай скорѣе, хочешь ли ты ради самого пророка сдѣлать мнѣ великое добро или нѣтъ?

— Что же я могу для тебя сдѣлать?

— Скрыть меня сейчасъ же отъ тѣхъ, которые за мной гонятся и которые будутъ здѣсь прежде, чѣмъ твои буйволы успѣютъ дойти до «Цѣлуй-Фонтана».

Старикъ опять изумился.

— Знатный бей!—воскликнулъ онъ жалобнымъ голосомъ.—Ты дѣйствительно шутишь надо мной! Вѣдь крѣпкія, какъ сталь, ноги твоего безцѣннаго коня,—посмотри, какія ямы онѣ вырыли около моей арбы,—скроютъ тебя отъ тѣхъ людей въ тысячу разъ вѣрнѣе, чѣмъ я!.. Куда же и какъ я тебя скрою?

— Конь мой скоро упадетъ отъ усталости, потому что я на немъ скачу такъ, какъ скакалъ, уже слишкомъ долго, а онъ мнѣ дороже себя самого... Онъ—мой вѣрный товарищъ, но теперь его помощь невозможна. Спасая себя, если я сойду съ него теперь и скроюсь кудани будь, я спасу и его.

— Но куда же я скрою тебя, бей?

— Твой даулъ, вѣрно, не насыпанъ доверху деньгами?—спросилъ незнакомецъ.

— Твоя правда: онъ такъ же пусть, какъ и карманъ мой!

— Можно ли его открыть съ одной стороны?

— Обручъ, на которомъ натянута кожа, снять такъ же легко, какъ и мою шапку.

— Скорѣй же снимай его,—крикнулъ всадникъ и въ то же время легко и красиво спрыгнулъ съ сѣдла.

— А коня твоего мы привяжемъ къ арбѣ?

— Ты дѣлай добро мнѣ одному, а конь самъ о себѣ подумаетъ,—говорилъ незнакомецъ и, поднявъ кверху оба стремени, связалъ ихъ надъ сѣдломъ такъ, чтобы они не болтались. Затѣмъ, укрѣпивъ слегка поводья уздечки около передней луки сѣдла, бей потрепалъ какъ-то особенно своего коня по шеѣ и лѣвой передней ногѣ, свистнулъ какимъ-то особеннымъ свистомъ надъ его лѣвымъ ухомъ и два раза хлопнулъ въ ладоши.

Благородное животное насторожило уши, издало негромкое ржаніе и вдругъ прыгнуло къ самому краю дороги налѣво, на секунду остановилось тамъ, живописно поднявъ вверхъ свою красивую головку, потянуло въ себя разъ-другой воздухъ и, выпрямивъ переднія ноги, стало осторожно, какъ человѣкъ, спускаться внизъ по густо заросшему орѣховыми кустами откосу горы.

Изумленный донельзя старикъ не зналъ, что и думать. Онъ уловилъ при этомъ взглядъ незнакомца, какимъ тотъ смотрѣлъ на своего коня нѣсколько секундъ, пока животное стояло на самомъ краю откоса. Взглядъ этотъ былъ такъ же нѣженъ и ласковъ, какъ и взглядъ матери на своего ребенка, который, покачиваясь въ стороны и разводя ручками, старается сдѣлать первые шаги.

— Хорошо, товарищъ... Огуръ-Алла [1])!—сказалъ вполголоса незнакомецъ, когда лошадь его скрылась совершенно въ густой чащѣ откоса и, повернувшись къ арбѣ, прибавилъ:—Что же ты, старикъ, не открылъ еще даула?

Муртаза спохватился. Онъ немедленно сбилъ концомъ главной молотка-палки обручъ съ кожей съ одной стороны даула и приподнялъ крышку настолько, чтобы всадникъ могъ пролѣзть въ середину.

— А кто ты такой, бей?—спросилъ Муртаза, пока незнакомецъ влѣзалъ въ отверстіе кадла [2]).

— Не все ли равно тебѣ, кто я? Пусть я буду Таушанъ-бей [3]) для тебя.

— Таушанъ трусливое животное, а ты не трусилъ, когда скакалъ какъ вихрь съ горы и зналъ, что каждую минуту можешь сломать свою молодую шею,—резонно возразилъ Муртаза.

— Нѣтъ, я пока таушанъ, потому что и я, какъ заяцъ отъ собакъ, убѣгалъ отъ тѣхъ, которые охотятся па меня и мчатся недалеко сзади. Закрой меня хорошенько, и если ты уже меня пріютилъ, помни, что я гость для тебя...

— Ты, бей, вѣроятно не разсмотрѣлъ второпяхъ моей сѣдой бороды и не замѣтилъ, что я много старше тебя, потому что хочешь учить меня, какъ ребенка,—съ гордостью сказалъ старикъ.

— Прости меня, добрый старикъ; я вовсе не думалъ тебя обижать, а только хотѣлъ быть спокойнымъ за свою свободу.

— Старый Муртаза въ своей жизни вѣрно сказалъ

[1]) Огуръ-Алла—въ добрый часъ.

[2]) Кадло—остовъ (обыкновенно латунный) даула.

[3]) Таушанъ—заяцъ.

столько глупыхъ словъ, сколько звѣздъ на небѣ, но онъ не сдѣлалъ еще ни одной подлости... Ты просилъ меня сдѣлать тебѣ добро, а не предать тебя врагамъ, которые, вѣрно, завидуютъ твоему коню и твоему богатству и гонятъ тебя передъ собой, какъ собаки зайца.

Незнакомецъ между тѣмъ окончательно помѣстился въ кадлѣ даула, и Муртаза слегка прикрылъ его снова обручемъ съ кожей, но такъ, что съ одной стороны осталось небольшое отверстіе.

— Закрой совсѣмъ, закрой, Бога ради,—просилъ неизвѣстный.

— Нельзя... Ты задохнешься, если закрыть совсѣмъ обручъ, а если и не задохнешься, то потеряешь слишкомъ много поту и будешь какъ шапка послѣ долгаго проливного дождя: жаль твоего дорогого наряда,—испортится!

— Ничего, добрый старикъ, закрывай наглухо... Потерять даже цѣлое ведро пота и испортить даже десять разъ по десяти такихъ нарядовъ, какъ этотъ, въ тысячу разъ легче и пріятнѣе, чѣмъ потерять хотя бы одинъ часъ свободы. Закрой непремѣнно, а то мои собаки почуютъ запахъ зайца, когда поравняются съ твоей арбой.

Старикъ стукнулъ нѣсколько разъ по краямъ обруча, и послѣ этого никому бы даже и въ голову не могло придти о таинственномъ содержимомъ даула, который принялъ свой обычный видъ.

— А что будетъ съ твоимъ дорогимъ конемъ?—полюбопытствовалъ Мартаза, усаживаясь опять на свое мѣсто и беря въ руки магическую палку съ иглой, на которую дремавшіе буйволы покосились далеко не дружелюбно.

— То же, что и съ лежавшей на берегу рыбой, послѣ

того какъ ее добрый человѣкъ бросилъ опять въ море,—послышался голосъ изъ даула.

— Хорошій конь, пусть не сдыхаетъ!—сказалъ въ заключеніе старикъ и очень неделикатно ткнулъ иглой каждаго изъ буйволовъ.

Въ отвѣтъ на это они, впрочемъ, на первый разъ ограничились только тѣмъ, что пошевелили своими длинными и густо заросшими внутри ушами, но съ мѣста не двинулись.

Тѣмъ временемъ Муртаза, вспомнивши о внукѣ, который въ теченіе всей этой сцены какъ-то изумленно хлопалъ глазами и видимо такъ былъ пораженъ неожиданностью всего происшедшаго, что позабылъ даже вынуть изъ носа палецъ, которымъ онъ приводилъ тамъ все въ порядокъ послѣ визита злополучнаго оводка, повернулся къ нему и произнесъ строгимъ госомъ:

— Послушай, Абла! если ты захочешь сказать хоть одно слово, когда мы съ кѣмъ-нибудь встрѣтимся, о томъ, что ты видѣлъ, то ты прежде откуси себѣ языкъ и проглоти то, что откусишь, а потомъ уже можешь говорить... А если не сдѣлаешь такъ, какъ я тебѣ сказалъ, то отецъ твой отрѣжетъ тебѣ этотъ языкъ своимъ ножомъ и броситъ его съѣсть поганой чучкѣ. Но прежде этого еще я поломаю на твоей спинѣ и головѣ столько палокъ, сколько ихъ можетъ расти на самомъ большомъ деревѣ.

— Я не откушу себѣ языка и не проглочу его, потому что ничего никому не захочу сказать, дѣдъ,—отвѣтилъ мальчикъ и только теперь освободилъ несчастную ноздрю отъ посторонняго предмета.

— Ты—умный мальчикъ, Абла, и я не жалѣю, что взялъ тебя съ собой,—похвалилъ его дѣдъ и окончательно

занялся шпигованіемъ буйволовъ, послѣ чего арба скрипнула и снова невообразимый концертъ этой несмазанной машины сталъ оглашать горы и лѣсъ на далекое разстояніе.

Прошло съ четверть часа, пока буйволы добрались до начала аллеи. При въѣздѣ подъ тѣнь нависшихъ надъ дорогой вѣковыхъ деревьевъ буйволы пошли веселѣе, а Муртаза сейчасъ же замѣтилъ, что въ полуверстѣ отъ него, на самомъ поворотѣ около «Цѣлуй-Фонтана», ѣдетъ довольно быстро человѣкъ верхомъ.

Старикъ, не оборачиваясь назадъ къ даулу, сказалъ:

— Сусъ, таушанъ!.. Ойана быръ копэкъ гезей!.. [1])

Оказалось, впрочемъ, что это была не «быръ копэкъ», т. е. не одна собака, а вѣрнѣе «бешъ копэкъ-лары», т. е. пятеро собакъ, потому что вслѣдъ за первымъ всадникомъ, ѣхавшимъ впереди, мчались еще четверо верховыхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ наступилъ и самый рѣшительный моментъ, потому что передовой всадникъ поровнялся съ арбой и, придержавъ коня, сдѣлалъ и Муртазѣ знакъ остановиться.

Муртаза провелъ палкой по спинамъ буйволовъ спереди назадъ, и буйволы, прекрасно понимая значеніе этого пріятнаго для нихъ всегда, а въ особенности въ жару, приглашенія, немедленно же остановились.

Встрѣтившіеся узнали другъ друга.

Передъ арбой Муртазы сидѣлъ на лошади капитанъ пограничной стражи изъ Судака, давно уже жившій на кордонѣ въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Тарактаща и знакомый всѣмъ окрестнымъ татарамъ. Онъ часто бывалъ

[1]) Смирно, заяцъ! Вонъ собака гуляетъ!..

приглашаемъ ко многимъ изъ нихъ на свадьбы въ качествѣ почетнаго гостя и хорошо также зналъ Муртазу и его знаменитый даулъ. За нимъ слѣдовали верхомъ четверо изъ его кордонныхъ солдатъ.

— Здравствуй, Муртаза,—сказалъ капитанъ.

— Добрый день, чорбаджи.

— Куда это ты ѣдешь въ такую жару?

— Въ Бахчисарай, чорбаджи, къ богатому мурзаку, Мамутъ-бею—свадьбу играть... Когда волкъ захочетъ ѣсть, долженъ пойти найти себѣ овцу, потому что его ноги кормятъ; а когда даульщикъ хочетъ заработать что-нибудь, долженъ ѣхать туда, гдѣ нужно свадьбу играть.

— Ты когда выѣхалъ изъ дому?

— Когда еще солнце не выѣхало на свою дневную дорогу.

— Встрѣтилъ кого-нибудь на пути?

— Твоя правда, чорбаджи: въ 2 верстахъ отъ дома встрѣтилъ нашего муллу, Яя-эффенди Джафара-оглу, который ѣхалъ домой, а откуда, — какое мнѣ дѣло знать? Вѣдь я не женщина!

— А потомъ?—допрашивалъ капитанъ.

— Потомъ?..—переспросилъ старикъ, дѣлая видъ, что вспоминаетъ,—потомъ... почта гремѣла звонкомъ.

— А больше никого?

— Кажется, никого больше.

— А на бѣломъ конѣ верховой не ѣхалъ?

— Ахъ, правда, правда чорбаджи, и бѣлаго коня видѣлъ... Только это не конь, а птица, должно быть, потому что онъ не бѣжалъ, а летѣлъ. На немъ сидѣлъ какой-то бей,—вѣрно сумасшедшій: онъ или самъ хотѣлъ чорта поймать, или думалъ, что его чортъ хочетъ поймать. Такъ

скакать, какъ этотъ бей скакалъ съ горы на своемъ конѣ, можетъ только заяцъ, когда его гонятъ собаки... Не дай Богъ!.. Если онъ послѣ встрѣчи со мной не поѣхалъ тише, то, вѣроятно, и ты еще, чорбаджи, увидишь его, но только уже не на конѣ, а на дорогѣ съ разбитой головой... Онъ совсѣмъ сумасшедшій или, можетъ быть, только глупый, какъ послѣдній эшекъ [1], — говорилъ добродушнымъ тономъ Муртаза, вынувъ тѣмъ временемъ изъ кармана подаренный ему у Осана на свадьбѣ новый кисетъ и медленно набивая себѣ трубку.

— Атышъ баръ, чорбаджи? Бэръ-ма, джанымъ [2]).

Капитанъ перебросилъ ему въ арбу нѣсколько спичекъ, которыя Абла очень ловко поймалъ.

— Куда же это верховой поѣхалъ? — спросилъ капитанъ въ раздумьи.

— А какъ я могу знать? Ѣхалъ по той же дорогѣ, по которой и я ѣду, только я ѣду впередъ, а онъ скакалъ назадъ. Можетъ быть въ Таракташъ, можетъ быть въ Судакъ, а можетъ быть къ тебѣ, чорбаджи, на кордонъ.

— Ну, ко мнѣ-то, положимъ, онъ не поѣдетъ,—усмѣхнулся капитанъ и, повернувшись на сѣдлѣ къ стоявшимъ въ рядъ солдатамъ, приказалъ:

— Ты, Рябой, съ Мастанюкомъ поѣзжайте съ поворота въ объѣздъ до Отузской дороги и тамъ прямо въ Таракташъ, а вы два за мной, на Айсавы... Да если, братцы, гдѣ-нибудь наткнетесь на него, шельму, то какъ только будете на выстрѣлъ, стрѣлять прямо въ коня!.. А угодите и въ него самого,—не бѣда!

— Слушаю, ваше благородіе,—гаркнулъ молодецки пѣ-

1) Эшекъ—оселъ.

2) Есть у тебя, баринъ, огонь? Дай мнѣ, пожалуйста.

сколько выдвинувшійся впередъ молодой красивый солдатъ, котораго капитанъ назвалъ Рябымъ, но лицо котораго вопреки такой незвучной фамиліи было чистое, безъ единой рябинки.

— Ну, прощай, Муртаза,—сказалъ капитанъ, тронувши поводья своей уздечки.

— Въ добрый часъ,—отвѣчалъ музыкантъ и немедленно же угостилъ своихъ буйволовъ цѣлой порціей самыхъ внушительныхъ шпигованій. Арба снова пронзительно запѣла.

Только доѣхавъ до фонтана, старикъ освободилъ своего плѣнника изъ даула, убѣдившись предварительно, что отъ преслѣдовавшихъ этого загадочнаго незнакомца уже, какъ говорится, и слѣдъ простылъ, и что ни съ той, ни съ другой стороны дороги никого не видно.

Таушанъ-бей не заставилъ себя упрашивать выйти изъ того весьма непросторнаго помѣщенія, въ которомъ ему пришлось просидѣть около трехъ четвертей часа, согнувшись въ три погибели: отъ духоты и недостатка воздуха онъ былъ весь мокрый и, съ жадностью потянувъ въ себя ароматную прохладу аллеи, онъ прежде всего приложился къ губамъ одинаково для всѣхъ ласковаго, хотя и каменнаго лица фонтана и долго не могъ оторваться отъ этого оригинальнаго поцѣлуя.

Утоливъ жажду и придя окончательно въ себя; незнакомецъ приказалъ Аблѣ отойти въ сторону, и когда мальчикъ удалился настолько, что не могъ слышать его словъ, сказалъ старику:

— Ну, Муртаза, пусть Богъ благословитъ тебя за твое добро. Ты поступилъ со мной какъ отецъ, пусть же и я сдѣлаю для тебя такъ, какъ обязанъ сдѣлать благодарный

сынъ... Прикажи мнѣ, что считаешь нужнымъ, и ты увидишь, что и для меня не понадобится тупить ножъ, срѣзывая съ дерева тѣ самыя палки, которыя не понадобились для твоего внука.

— Я тебѣ, бей, ничего не сдѣлалъ и тебѣ не за что благодарить меня. А если мой даулъ помогъ тебѣ укрыться отъ погони, такъ вѣдь и Коранъ всѣмъ одинаково строго велитъ не оставлять путника въ дорогѣ безъ помощи.

— Тогда прими отъ меня, старикъ, въ благодарность за твою доброту вотъ это,—сказалъ бей и уже приподнялъ полу своего казакина на ярко-красной шелковой подкладкѣ, направляя руку въ карманъ шароваръ, но Муртаза опять остановилъ его:

— Зачѣмъ ты, бей, уже вторично сегодня оскорбляешь меня? Вѣдь ты же самъ сказалъ, что считалъ себя моимъ гостемъ, а теперь хочешь платить мнѣ, какъ содержателю хана [1]), за постой! Ты самъ мусульманинъ, а какъ будто не знаешь, что взять съ гостя деньги за угощеніе или услугу—хуже грабежа на дорогѣ! Или, можетъ быть, тебя побуждаетъ къ тому моя бѣдность? тогда знай, пожалуйста, что и я, бѣднякъ, имѣю такое же право быть гордымъ, какъ и ты, богатый и знатный бей... Священная луна одинаково ясно отражается и въ морѣ, когда оно по ночамъ бываетъ спокойно и гладко какъ стекло, и въ нѣсколькихъ капляхъ воды на днѣ деревянной чашки, изъ которой хозяинъ ея одинъ разъ въ день ѣстъ горсточку плава.

Эта простая рѣчь старика окончательно смутила незнакомца. Въ отвѣтъ на нее Таушанъ-бей только коснулся

---

[1]) Ханъ—татарскій заѣзжій домъ съ постоялымъ дворомъ.

рукой его плеча, а потомъ, приложивъ руку къ груди и головѣ, сказалъ:

— Ты, старикъ, много умнѣе меня и потому прости меня за мою глупость, но повѣрь, что я вовсе и не думалъ обижать тебя. Я тебя прошу только, чтобы ты не забылъ обо мнѣ въ тотъ день, когда тебѣ понадобится какая-нибудь услуга или помощь, и ты самъ тогда не пожалѣешь объ этомъ.

— Кто же ты такой, бей, и какъ твое имя?

— Зачѣмъ тебѣ знать это теперь? Я хочу сказать тебѣ свое имя только тогда, когда вмѣстѣ съ именемъ ты узнаешь и то, что я умѣю быть благодарнымъ за всякое сдѣланное для меня добро, а теперь пока называй меня Ташанъ-беемъ.

— А какъ же мнѣ найти тебя, не зная твоего настоящаго имени?

— Найдешь ты меня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы съ тобой разстаемся, т. е. здѣсь, около «Цѣлуй-Фонтана»: каждую пятницу я провожу въ этихъ мѣстахъ, употребляя праздничный отдыхъ на свиданіе съ тѣми, кому я могу быть нужнымъ. И если ты пожелаешь увидѣть меня, ты только привяжи къ длинной палкѣ лоскутъ красной матеріи и выставь эту палку на верхушкѣ вонъ того стараго дуба; взлѣсть на него такъ же легко, какъ и взойти по лѣсенкѣ на вышку минарета мечети. Не пройдетъ часу и ты услышишь недалеко отъ себя громкій свистъ; хлопни тогда три раза въ ладоши, и еще черезъ минуту я уже буду стоять около тебя. А если бы, чего почти никогда не бываетъ, на зовъ твой въ теченіе часа ты не услышалъ отвѣтнаго свиста, тогда ужъ не жди меня въ эту пятницу и приходи въ слѣдующую. Но помни одно

условіе: ни теперь, ни потомъ ты никому не долженъ сказать ни слова о нашемъ свиданіи. Я тебя, Муртаза, прошу хранить эту тайну, потому что имѣю очень, очень много враговъ.

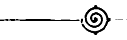
— Объ этомъ никто никогда не узнаетъ,—успокоилъ его дуальщикъ.

— Отдай же, пожалуйста, эту монету своему внуку Аблѣ за то, что пчела не кусала его языка въ то время, когда около арбы стояла погоня, и пусть Богъ дастъ тебѣ увидѣть, какъ Абла будетъ дарить своимъ внукамъ много такихъ же монетъ.

Тушанъ-бей подалъ Муртазѣ серебряный рубль и, прежде чѣмъ старикъ успѣлъ сказать что-нибудь на это, онъ прыгнулъ въ обрывъ и, раздвинувъ густой кустъ орѣшника, исчезъ.

Муртаза удивленно покачалъ головой и не могъ не произнести вслухъ обычной въ подобныхъ случаяхъ фразы:

— Одинъ только Аллахъ всевѣдущъ!

IV.

А Мастанюкъ и Рябой въ это самое время мчались въ карьеръ по объѣзду къ Отузской дорогѣ, зорко поглядывая по сторонамъ, чтобы убѣдиться, не скрылся ли гдѣ-нибудь въ кустахъ преслѣдуемый ими всадникъ.

Когда до поворота оставалось уже не больше версты, они замѣтили какого-то верхового, мелькнувшаго на дорогѣ по направленію отъ Таракташа къ Отузамъ. Имъ показалось, что это былъ тотъ самый, кого они уже съ утра преслѣдовали почти по пятамъ, такъ какъ мелькну-

шій былъ одѣтъ въ темный костюмъ, сидѣлъ на бѣлой же лошади и по наклону его тѣла и по фигурѣ коня видно было, что и этотъ скакалъ полнымъ галопомъ.

— Рѣжь ему дорогу, Мастанюкъ!—крикнулъ Рябой, повернувъ карьеромъ направо черезъ заросшую рѣдкимъ кустарникомъ поляну, и оба быстро помчались, снимая на всемъ скаку висѣвшіе у нихъ за плечами заряженные пулями короткіе штуцера.

Когда минутъ черезъ десять бѣшеной скачки между кустами солдаты достигли дороги, передъ ними саженяхъ въ двухстахъ показался и всадникъ на бѣлой лошади. Мастанюкъ сгоряча уже приложился, чтобы выстрѣлить, но Рябой къ счастью успѣлъ крикнуть ему:

— Стой, дурной, не стрѣляй! Онъ ли? Лучше догонимъ!

И солдаты почти прилегли къ шеямъ своихъ лошадей, помчавшихся во всю прыть по гладкой и ровной дорогѣ. Разстояніе раздѣлявшее преслѣдовавшихъ отъ всадника, начало замѣтно сокращаться, и когда они были отъ него уже такъ близко, что онъ долженъ былъ услышать ихъ голосъ, Мастанюкъ крикнулъ грозно:

— Стой, не то буду стрѣлять!

Теперь только скакавшій впереди человѣкъ обернулся и, увидя, что преслѣдовавшіе его очень внушительно приподняли надъ головами лошадей свои штуцера, круто повернулъ имъ навстрѣчу.

Подскакавъ къ нему, Рябой и Мастанюкъ остановились. Выраженіе лицъ ихъ было въ достаточной степени глупымъ, когда они увидѣли, что вмѣсто сверкавшаго серебромъ всадника на бѣлоснѣжномъ конѣ передъ ними стоялъ, съежившись отъ страха и удивленія, таракташскій

дудкистъ Мустафа и какъ-то испуганно-глупо хлопалъ глазами, ожидая объясненія причинъ такой грозной погони.

— Ну вотъ видишь, глупая сова, и не онъ!.. А ты уже и палить хотѣлъ,—говорилъ Рябой своему товарищу, который тѣмъ временемъ почесывалъ себѣ затылокъ.

— А знаешь, братъ, и вправду хорошо, что не выпалилъ,—согласился незлобивый Мастанюкъ.—Да кто же его, дурня, зналъ, что это не онъ!—прибавилъ онъ, видимо считая эту прибавку весьма вѣскимъ оправдательнымъ аргументомъ въ объясненіе своей поспѣшности.

Вслѣдъ затѣмъ Мастанюкъ разразился, обратившись къ все еще молчавшему Мустафѣ:

— Ты зачѣмъ это, сто чертей твоей бабушкѣ въ зубы, такъ скакалъ сломя голову?

Но татаринъ продолжалъ хлопать глазами, ничего не отвѣчая на эту привѣтственную тираду съ такимъ по меньшей мѣрѣ нелестнымъ пожеланіемъ по адресу его почтенной прародительницы. Дудкистъ вовсе не понималъ русскаго языка.

— Ты почему такъ скачешь?—спросилъ Рябой по-татарски.

— Потому, что долженъ сдѣлать скоро свое дѣло,—отвѣчалъ Мустафа.

А куда ты ѣдешь?

— Дорога эта ведетъ въ Отузы.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ нужно передать туда важное извѣстіе.

— Какое извѣстіе?

— А ты меня почему допрашиваешь?—отвѣтилъ оправившійся уже отъ испуга дудкистъ, видя, что солдаты не предпринимаютъ по отношенію къ нему ничего худого.—

Развѣ у тебя прибавится здоровья или денегъ, если ты узнаешь, кому и какое извѣстіе я везу?

Подобный отвѣтъ былъ самъ по себѣ настолько резоннымъ, что Рябой не нашелся, что и сказать.

— А ты почему такъ скакалъ съ товарищемъ за мной да еще грозилъ мнѣ ружьемъ?—продолжалъ въ свою очередь допрашивать его Мустафа.

Рябому опять стало неловко.

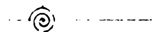
— Что ему сказать?—посовѣтовался онъ съ Мастанюкомъ.

— Да плюнь ты попросту въ ухо этой татарской лопаткѣ [1]) — и дѣлу конецъ,—разсудительно замѣтилъ вопрошаемый и повернулъ уже коня назадъ по дорогѣ.

— Убирайся къ чорту!—сказалъ Рябой, слѣдуя за товарищемъ.

— Нѣтъ, мнѣ съ тобой не по дорогѣ,—огрызнулся дудкистъ и направился своимъ путемъ къ Отузамъ.

Солдаты возвращались шажкомъ. Они и не подозрѣвали, что послѣдняя встрѣча ихъ съ дудкистомъ Мустафой находилась въ связи съ ихъ первой встрѣчей за часъ передъ тѣмъ съ даульщикомъ Муртазой, въ арбѣ котораго былъ и тотъ, изъ-за котораго они совершенно понапрасну напугали и задержали Мустафу. Вѣрный уговору дудкистъ спѣшилъ въ Отузы дать знать Нурлѣ-Барабатыру и Каѣ-Тулумбашу объ отъѣздѣ Муртазы изъ Тарakташа: представлялся случай «вырвать у змѣи жало, чтобы сдѣлать ее безвредной».

[1]) „Татарская лопатка"—обыкновенная унизительная кличка для татаръ въ Крыму со стороны русскихъ; въ свою очередь татары называютъ русскихъ „свиноѣдами".

V.

Прошло еще около двухъ недѣль. Свадьба богатаго мурзы Мамутъ-бея окончилась уже три дня тому назадъ, и Муртаза возвращался домой изъ Бахчисарая.

Мамутъ-бей сдержалъ свое слово и отблагодарилъ музыканта дѣйствительно по-княжески: въ награду за оглушительную звучность своего даула Муртаза, не въ примѣръ прочимъ, получилъ хорошаго молодого коня изъ табуна бея и теперь велъ его домой, привязавъ сзади къ арбѣ и то и дѣло оглядываясь на свое драгоцѣнное пріобрѣтеніе.

Тѣмъ временемъ наступили уже такія жары, что ѣхать днемъ на буйволахъ почти не было никакой возможности: несчастныя животныя такъ страдали отъ зноя, что никакія шпигованія иглой не были въ состояніи заставить ихъ двигаться подъ жгучими лучами солнца.

Поэтому Муртаза ѣхалъ назадъ только по ночамъ, предоставляя своимъ буйволамъ цѣлыми днями лежать въ прохладѣ рѣки или лужи, а коню въ это время—пастись около мѣста стоянки, благо свѣжая весенняя травка еще не успѣла пожелтѣть и выгорѣть въ особенности около воды и подъ тѣнью деревьевъ лѣса.

Было часа три ночи, когда Муртаза, оглашая горы раздирающимъ душу скрипомъ своей арбы, подъѣзжалъ къ тому же самому «Цѣлуй-Фонтану». Абла сладко похрапывалъ, растянувшись на свѣжемъ душистомъ сѣнѣ и выставивъ вверхъ лицо, которому теперь не грозила уже назойливость оводовъ и мухъ, способныхъ не дать покоя даже такому завѣдомо равнодушному къ ихъ нападеніямъ сонѣ. Буйволы, чуя приближеніе дома, шли дружно и скоро по знакомой дорогѣ, и Муртазѣ теперь уже вовсе

не было надобности въ ненавистной для нихъ орѣховой палкѣ съ иглой, а потому и онъ, облокотившись о даулъ, дремалъ, раздумывая обо всѣхъ недавнихъ событіяхъ и предвкушая удовольствіе обрадовать свою старую жену полученнымъ отъ Мамутъ-бея дорогимъ подаркомъ.

Все кругомъ было тихо; ни одинъ листикъ не шевелился. Природа заснула глубокимъ передразсвѣтнымъ сномъ, и даже пыль, слегка увлажненная росой, почти не поднималась изъ-подъ колесъ арбы и ногъ буйволовъ, точно и она отяжелѣла, охваченная этой всеобщей дремотой. Луны не было, но весь сводъ небесъ былъ такъ богато усыпанъ ярко-горѣвшими звѣздами, что отъ мерцанія ихъ самая темнота казалась не густой и прозрачной. Даже въ аллеѣ подъ навѣсомъ деревьевъ лента дороги настолько выдѣлялась изъ мрака, что буйволы продолжали идти такъ же скоро, а Муртаза такъ же спокойно дремалъ, не боясь находившагося по лѣвую сторону обрыва «Дикой Пасти».

Муртаза уже миновалъ поворотъ «Цѣлуй - Фонтана» и почти половину аллеи, когда случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Буйволы вдругъ бросились направо къ горѣ и стали, а привязанный сзади конь, захрапѣвъ, шарахнулся въ сторону и, натянувъ поводъ, которымъ онъ былъ привязанъ къ арбѣ, едва не опрокинулъ ея. Въ тотъ же самый моментъ изъ темноты раздалась грозная команда, произнесенная какимъ-то неестественно - грубымъ голосомъ на татарскомъ языкѣ:

— Стой! Буду стрѣлять!!

Старикъ машинально выскочилъ изъ арбы и остановился на мѣстѣ, ошеломленный неожиданностью нападенія. Впе-

реди на дорогѣ обрисовывался силуэтъ всадника, державшаго передъ собой что-то длинное, очевидно ружье. Тамъ, гдѣ нападавшій стоялъ, отъ просвѣта между двумя деревьями протянулась поперекъ дороги болѣе ясная полоска и потому фигура всадника, освѣщенная мерцаніемъ звѣздъ, особенно рельефно выступала изъ окружающаго ее мрака и казалась такой необычайно большой и грозной, что бѣдному даульщику поневолѣ сдѣлалось жутко.

Но даже первый испугъ не могъ сравниться съ охватившимъ Муртазу ужасомъ, когда вслѣдъ затѣмъ изъ темноты загремѣлъ опять голосъ гиганта;

— Не двигайся никто съ мѣста!.. Кто шевельнется-застрѣлю какъ собаку, или зарѣжу какъ барана!.. Я—Алимъ!!

Слова замерли на губахъ Муртазы: онъ затрясся всѣмъ тѣломъ; въ вискахъ его стало стучать точно молотомъ. Одного страшнаго имени «Алимъ» было достаточно для того, чтобы придти въ ужасъ. Хотя старикъ въ цѣлой массѣ ходившихъ объ этомъ полуфантастическомъ существѣ самыхъ невѣроятныхъ разсказовъ и слышалъ, что Алимъ бѣдняковъ не трогаетъ, что будто бы даже онъ имъ помогаетъ деньгами, но... онъ «Алимъ» и этого вполнѣ достаточно, чтобы у каждаго, передъ кѣмъ онъ сталъ на дорогѣ въ такую темную ночь, выступилъ холодный потъ.

Муртаза успѣлъ только шепнуть вскочившему вмѣстѣ съ нимъ внуку Аблѣ одно слово «спрячься» и затѣмъ безпомощно ждалъ рѣшенія своей участи. Абла поступилъ лучше: онъ не заставилъ уговаривать себя, а сейчасъ же поползъ отъ арбы къ обрыву, и, пока дѣдъ дрожалъ при послѣдовавшей затѣмъ бесѣдѣ съ разбойникомъ, мальчикъ уже былъ далеко отъ дороги и тамъ, въ обрывѣ, прижа-

вшись къ толстому дереву, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ въ темнотѣ, не различая словъ и слыша сверху только какіе-то неясные звуки.

— Что тебѣ нужно, добрый человѣкъ, отъ меня?—произнесъ Муртаза упавшимъ голосомъ.

— Отдай деньги!

— Какія у меня могутъ быть деньги?! Я — бѣднякъ-даульщикъ, а не богачъ, у которыхъ есть деньги... У меня, кромѣ даула и лысины, нѣтъ ничего,—лепеталъ Муртаза.

— На твоей лысинѣ пусть шайтанъ потрошитъ чучку!—сердито закричалъ разбойникъ.—Что ты мнѣ городишь чушь?!.

— Пусть потрошитъ, если тебѣ это угодно, добрый человѣкъ,—произнесъ смиренно старикъ, не желая противорѣчіемъ раздражать разбойника.

— Ты не бѣднякъ, а старая лисица, съ которой давно уже нужно содрать шкуру, а тѣло бросить собакамъ!—гнѣвно ревѣлъ гигантъ.—Отдай деньги, если не хочешь, чтобы я ихъ самъ взялъ у тебя,—произнесъ неумолимый всадникъ, и въ темнотѣ можно было различить, что онъ сдѣлалъ угрожающее движеніе ружьемъ.

— У меня есть только нѣсколько грошей.

— Лжешь, старый плутъ... Ты, вѣрно, заработалъ теперь тамъ, откуда ѣдешь... Давай сюда все, положи на землю около арбы.

— Я не получилъ отъ бея, на свадьбѣ котораго игралъ, денегъ, клянусь пророкомъ!

— Что жъ ты даромъ игралъ, что ли, хитрая торба?

— Онъ мнѣ далъ вмѣсто денегъ коня,—сказалъ Муртаза, и обомлѣлъ при мысли, что разбойникъ можетъ отобрать у него это сокровище.

— Убирайся вонъ отъ арбы, старая ворона, если не хочешь, чтобы я выпустилъ изъ тебя кишки!—загремѣлъ всадникъ и двинулся впередъ.

Муртаза побѣжалъ въ гору почти до самаго фонтана и тамъ упалъ въ изнеможеніи отъ волненія и страха на землю. Кругомъ все было тихо, только струйка воды едва слышно журчала, сбѣгая по ложбинкѣ внизъ сбоку дороги.

Но вотъ пронесся вѣтерокъ, и весь спавшій лѣсъ вздрогнулъ, зашумѣвъ листьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ той сторонѣ, гдѣ старикъ оставилъ арбу и разбойника, раздался топотъ, сначала громко, потомъ тише и тише, и, наконецъ, все опять смолкло, кромѣ журчанья фонтана и шелеста листьевъ.

А на востокѣ вслѣдъ за вѣтеркомъ, обычнымъ предвѣстникомъ разсвѣта, вспыхнула красноватая полоска и, разгораясь ярче и ярче, поползла кверху. Не прошло и четверти часа, какъ уже цѣлый пожаръ охватилъ весь небосклонъ; звѣздочки стали блѣднѣть, высь—проясняться. Снова пролетѣлъ вѣтерокъ, снова зашептались деревья; гдѣ-то въ обрывѣ внизу чирикнула первая птичка, ей откликнулась сверху другая, третья, и вдругъ весь лѣсъ всколыхнулся какъ-то мгновенно отъ движенія и звуковъ.

Загорѣлось утро. Когда прояснилось совсѣмъ, Муртаза поднялся съ земли. Взглянувъ внизъ по дорогѣ, старикъ обомлѣлъ: вдали стояла его арба, буйволы лежали на землѣ, но около нихъ не было коня... Разбойникъ увелъ его! Муртаза побѣжалъ. Подъ впечатлѣніемъ перваго горя онъ и не замѣтилъ издали, что конь — не единственная пропажа, и, только добѣжавъ до арбы, онъ увидѣлъ, что вмѣстѣ съ конемъ исчезло и другое его сокровище, его

«правый глазъ», его знаменитый даулъ! Старикъ былъ ограбленъ не только на сегодня, но и на цѣлую жизнь, потому что никакой другой даулъ, конечно, не будетъ въ состояніи замѣнить для него незабвенный пропавшій инструментъ!

Этого уже было слишкомъ для бѣднаго музыканта, и онъ, облокотившись на плетенку арбы, неутѣшно и горько заплакалъ...

Такого несчастливаго дня, какъ это праздничное утро пятницы, Муртаза еще не переживалъ. Часъ тому назадъ онъ былъ спокоенъ и богатъ, теперь — онъ ограбленный бѣднякъ. Даже конь не такъ огорчалъ его, хотя и эта потеря была тяжела; но даулъ, его вѣрный даулъ, его товарищъ, съ которымъ онъ жилъ неразлучно всю свою жизнь, который былъ частью его собственнаго существа,— эта потеря была невознаградима. Слезы градомъ лились изъ глазъ старика; онъ всхлипывалъ какъ дитя, и только когда Абла, вылѣзшій, наконецъ, изъ засады и увидѣвшій, что дѣдъ стоитъ около арбы и плачетъ, также заревѣлъ вдругъ навзрыдъ около него,—старикъ поднялъ голову и пришелъ въ себя.

Онъ выплакалъ уже первую жгучую боль горя; теперь оставалось одно тупое страданіе.

Но вотъ какая-то мысль озарила его. Онъ заставилъ подняться лежавшихъ буйволовъ, поворотилъ ихъ съ арбой назадъ и поѣхалъ къ фонтану.

Остановившись тамъ, онъ спустился въ обрывъ къ орѣховому кусту и вырѣзалъ самую длинную палку. Снявъ затѣмъ съ себя свой красный поясъ, онъ расправилъ его, какъ могъ, руками и, обмотавъ одинъ конецъ палки, завязалъ узломъ такъ, чтобы концы висѣли.

Абла удивленно смотрѣлъ на все это, не понимая, что дѣлаетъ дѣдъ.

— Что ты дѣлаешь, дѣдъ?—спросилъ мальчикъ.

— Хочу попробовать помочь нашей бѣдѣ, — отвѣтилъ тотъ и приказалъ внуку взлѣзть на самое большое дерево и привязать палку на верхушку своимъ очкуромъ такъ, чтобы флагъ былъ виденъ.

Мальчикъ поспѣшилъ исполнить приказаніе дѣда.

Пока внукъ работалъ на деревѣ, Муртаза, совершивъ около фонтана обычное омовеніе, помолился. Черезъ нѣсколько минутъ надъ деревомъ уже заполоскался по вѣтру укрѣпленный тамъ мальчикомъ флагъ. Старикъ тѣмъ временемъ, окончивъ молитву, освободилъ изъ ярма буйволовъ, напоилъ ихъ изъ чашки фонтана, пустилъ на гору около дороги пастись, а самъ сѣлъ на краю обрыва и задумался.

Придетъ ли Таушанъ - бей? Десять дней тому назадъ онъ на этомъ самомъ мѣстѣ разстался съ нимъ, отказавшись отъ денегъ, которыя тотъ хотѣлъ ему дать. Сегодня, къ счастью, пятница; значитъ онъ долженъ быть здѣсь, вѣроятно близко... А можетъ быть его нѣтъ? И если даже есть, если онъ придетъ, чѣмъ онъ можетъ помочь ему въ его великой бѣдѣ? «Нѣтъ, вѣрно онъ не придетъ», подумалъ старикъ и... вдругъ радостно вздрогнулъ.

Откуда - то недалеко сверху раздался пронзительный свистъ. Старикъ вскочилъ со своего мѣста и три раза громко хлопнулъ въ ладоши.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Съ горы надъ самымъ родникомъ послышался трескъ сухихъ сучьевъ, и вслѣдъ затѣмъ передъ обрадованнымъ Муртазой уже стоялъ тотъ же самый красавецъ Таушанъ - бей, но только въ

другомъ совершенно нарядѣ. Онъ былъ въ черномъ атласномъ костюмѣ, богато расшитомъ серебряными шнурками; на головѣ былъ надѣтъ маленькій красный фесъ съ серебряной же кисточкой; станъ его перетягивалъ дорогой кованный поясъ, за который былъ заткнутъ длинный кинжалъ въ серебряныхъ съ чернью ножнахъ, съ ручкой, осыпанной крупной бирюзой.

И Таушанъ-бей видимо обрадовался увидѣть Муртазу.

— Это ты, старикъ,—сказалъ онъ, здороваясь съ нимъ.— Хвала Аллаху, что онъ привелъ меня опять увидѣть тебя. Послушный сынъ ждетъ твоего приказанія: говори!

— Знатный бей, ты самъ велѣлъ мнѣ позвать тебя, когда со мной случится какая-нибудь бѣда, — произнесъ Муртаза печальнымъ голосомъ.

— Могу поклясться бородой пророка, что я это сказалъ и хотѣлъ этого.

— Со мной случилась великая бѣда.

— Нѣтъ такой бѣды, кромѣ смерти, которую нельзя было бы поправить! Значитъ, твоя бѣда — не бѣда, а пустякъ.

— Когда рѣжутъ зайца—сорокѣ не больно: тебѣ—пустякъ, мнѣ—бѣда,—продолжалъ Муртаза, и на глазахъ его опять выступили слезы.

— Такъ говори же, старикъ, не теряя времени: ты не пожалѣешь о потраченныхъ словахъ.

— Меня сейчасъ обидѣлъ Алимъ...

— Что ты сказалъ? Кто тебя обидѣлъ?—крикнулъ бей удивленно.

— Алимъ. Онъ меня ограбилъ.

— Алимъ?! Какъ Алимъ? Какой Алимъ?!

— Тотъ самый, о которомъ говорили, будто онъ тро-

гаетъ только гяуровъ, да и то не всѣхъ, а только скупыхъ богачей, а я говорю, что онъ—просто воръ, который готовъ содрать кожу съ послѣдняго изъ бѣдняковъ...

Густая краска залила лицо Таушанъ - бея при этихъ словахъ старика.

— Да что же онъ тебѣ сдѣлалъ этотъ Алимъ?—вскричалъ онъ нетерпѣливо.

— Онъ часъ тому назадъ ограбилъ у меня коня, котораго мнѣ подарилъ за игру Мамутъ-бей.

— Алимъ ограбилъ тебя?!—удивлялся незнакомецъ.— Тебя, старика? И какъ ты знаешь, что это Алимъ? Ты его когда-нибудь раньше видѣлъ?

— Остановивъ меня, онъ самъ крикнулъ: «я—Алимъ!» и грозилъ зарѣзать меня какъ барана... Потомъ онъ ограбилъ меня, сдѣлавъ меня несчастнымъ, потому что кромѣ коня онъ укралъ у меня мой правый глазъ, мой даулъ, тотъ самый даулъ, въ которомъ и ты скрылся тогда отъ своихъ враговъ...

— Даулъ?!. Да на что ему даулъ?—говорилъ бей, видимо пораженный словами Муртазы.

— Аллахъ только одинъ всевѣдущъ... Спроси волка, зачѣмъ онъ, когда ворвется въ кошару, душитъ десятки овецъ, но уноситъ только одну? Это потому, что онъ—волкъ, и Алимъ такъ сдѣлалъ, потому что и онъ такой же волкъ... Я же теперь осиротѣлъ на старости лѣтъ,— жалобно произнесъ старикъ, и слезы опять покатились по его сѣдой бородѣ.

— А куда поѣхалъ тотъ Алимъ?—быстро спросилъ бей.

— Подъ гору внизъ, а куда—развѣ я знаю?

— Ну, такъ вотъ что, старикъ: сиди здѣсь и жди, пока я опять не приду къ тебѣ, а я приду раньше, чѣмъ солнце

станетъ спускаться. А когда я приду, бѣда твоя уже не будетъ бѣдой... Ты самъ увидишь, что я не говорю на вѣтеръ пустыя слова.

И вслѣдъ затѣмъ незнакомецъ приложилъ два пальца ко рту. Раздался двукратный пронзительный свистъ, оканчивавшійся какою-то особенною трелью. Затѣмъ онъ сложилъ руки на груди и сталъ ждать, глядя вверхъ по дорогѣ.

— Скажи мнѣ еще, Муртаза,—спросилъ онъ старика,—какой на видъ этотъ Алимъ? И какъ онъ былъ—на конѣ или пѣшій?

— Онъ сидѣлъ на конѣ, а какой онъ на видъ и какой у него конь, я не могу сказать: ночь и страхъ совсѣмъ затемнили мои глаза.

— Ну, все равно... Я самъ это увижу... Мой глазъ не боится ни ночи, ни страха.

Таушанъ-бей еще не кончилъ этихъ словъ, какъ по дорогѣ послышался топотъ. Черезъ минуту Муртаза увидѣлъ того самаго бѣлоснѣжнаго коня, на которомъ скакалъ съ горы незнакомецъ при первой встрѣчѣ съ нимъ. Благородное животное неслось на зовъ своего хозяина, какъ самый вѣрный товарищъ и другъ, и, добѣжавъ до него, остановилось.

Таушанъ-бей опустилъ стремена, которыя были связаны надъ сѣдломъ, и, вскочивъ на коня, крикнулъ Муртазѣ:

— Смотри же, старикъ, ожидай меня здѣсь непремѣнно: я скоро вернусь.

Конь взвился подъ нимъ, и всадникъ скоро скрылся изъ вида.

Солнце только что начинало припекать, поднявшись изъ-за горы довольно высоко надъ лѣсомъ.

Абла сидѣлъ недалеко отъ дороги подъ тѣнью стараго дуба и мастерилъ изъ куска бузины длинную дудку, которою онъ думалъ возбудить неописанную зависть всѣхъ своихъ пріятелей - мальчишекъ въ Таракташѣ. Буйволы паслись тутъ же недалеко по склону горы, пока еще не было жарко.

Муртаза, уставшій душою и тѣломъ, спалъ на своей арбѣ около фонтана.

Вдругъ его разбудилъ раздавшійся надъ нимъ веселый голосъ Таушанъ-бея.

— Вставай, Муртаза... Бѣда твоя уже прошла; теперь тебѣ можно ѣхать домой.

Старикъ сейчасъ же поднялся и въ удивленіи протеръ глаза. Передъ нимъ стоялъ на своемъ бѣлоснѣжномъ конѣ незнакомецъ и—о счастье!—въ одной рукѣ онъ держалъ за длинный поводъ, сдѣланный изъ точно такого же краснаго пояса, какіе дарились на свадьбѣ у Осана, его пропавшаго коня, а въ арбѣ на краю лежалъ его безцѣнный даулъ. Старикъ даже вскрикнулъ отъ радостнаго удивленія.

— Дай Богъ тебѣ счастья, бей!—сказалъ онъ, любовно осматривая свой даулъ.—Ты меня, слѣпого, опять сдѣлалъ зрячимъ.

— Вотъ тебѣ, Муртаза, твой конь и даулъ, а такъ какъ теперь не я гость, какъ тогда, а ты мой, и гостю сдѣлать подарокъ Коранъ не запрещаетъ, то вотъ тебѣ еще и маленькій подарокъ, который вознаградитъ тебя за пережитое горе.

И онъ бросилъ въ арбу плетеный изъ толстаго шелка кошелекъ въ видѣ длиннаго и съ обоихъ концовъ глухого мѣшечка съ прорѣзомъ посрединѣ и двумя кольцами, на-

полненный серебромъ: съ одной стороны рублями, а съ другой мелкой монетой.

Старикъ такъ былъ пораженъ всѣмъ происшедшимъ и этой неожиданной смѣной горя на радость и нищеты на богатство, что не могъ ничего сказать. Онъ только развелъ руками и невольно поднялъ глаза къ небу.

А всадникъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вотъ тебѣ еще и это...—онъ подалъ Муртазѣ, наклонившись къ нему съ коня, какой-то маленькій предметъ, завернутый въ тряпку.—Разверни его и посмотри,—сказалъ онъ.

Муртаза машинально исполнилъ требованіе всадника.

Но, развернувъ тряпицу, онъ вскрикнулъ отъ ужаса: въ рукахъ его очутилось... запачканное кровью человѣческое ухо!

Изумленію стараго даульщика, казалось, не было границъ: онъ уставился на всадника и только хлопалъ глазами, не будучи въ состояніи сообразить, что съ нимъ происходитъ.

— Ты удивляешься, старикъ? — сказалъ, наконецъ, тотъ.—Такъ слушай же: это примѣта, по которой всякій пусть отличитъ каргу отъ орла! Вотъ ты недавно сказалъ, будто Алимъ—воръ, готовый содрать кожу съ бѣдняка... Это не правда. Алимъ настоящій, Алимъ—братъ орловъ и сынъ этихъ горъ, Алимъ, который имѣетъ такого коня, какъ этотъ,—словомъ, Алимъ подлинный, а не ложный,— не воръ и бѣдняковъ не обижаетъ... Напротивъ: сотни ихъ прославляютъ имя Алима и молятся за него Аллаху, потому что этотъ Алимъ кромѣ добра имъ ничего не дѣлаетъ... А тотъ, который только назвалъ себя Алимомъ,— не Алимъ, а поганая собака, которую бы нужно было

застрѣлить, потому что она взбѣсилась. Я ему уже приказалъ, чтобы черезъ три дня его духу не было въ этихъ горахъ и въ цѣломъ Крыму, и выдалъ ему отъ себя паспортъ съ хорошей и вѣрной примѣтой, по которой всякій легко и вездѣ отличитъ его отъ настоящаго Алима. Знай же ты, добрый старикъ, и пусть знаетъ весь свѣтъ, что у Алима-орла, который стоитъ передъ тобой на своемъ богатырскомъ конѣ, оба уха на мѣстѣ, а тотъ, другой, ворона-Алимъ, который ограбилъ тебя, назвавъ себя ложно моимъ именемъ, не имѣетъ одного, праваго: вотъ оно!

Съ этими словами красавецъ-разбойникъ пронзительно свистнулъ и вихремъ умчался изъ глазъ пораженнаго старика Муртазы.

Даульщикъ долго еще сидѣлъ на арбѣ съ разведенными по сторонамъ руками, не будучи въ состояніи придти въ себя отъ изумленія. Онъ готовъ былъ думать, что все происшедшее съ нимъ случилось во снѣ, но даулъ, конь и кошелекъ съ серебромъ, а въ особенности это окровавленное ухо съ присохшими къ нему нѣсколькими волосками, валявшееся тутъ у него на колѣняхъ, черезчуръ ясно свидѣтельствовали о томъ, что все это — быль, только что имъ пережитая, хотя и похожая скорѣе на сказку...

Уже и топотъ Алимова коня давно не былъ слышенъ, и пыль, поднятая по дорогѣ его молодецкой скачкой, улеглась, а старый даульщикъ все еще разводилъ удивленно руками и качалъ своей сѣдой головой...

VI.

Три дня спустя къ турецкой качермѣ, подвезшей изъ Турціи контрабандный табакъ и шелка̀ и качавшейся на волнахъ Чернаго моря въ закрытой со всѣхъ сторонъ выступами горъ и совершенно пустынной бухточкѣ, верстахъ въ тридцати южнѣе Судака, ночью подплыла небольшая лодчонка съ двумя пассажирами.

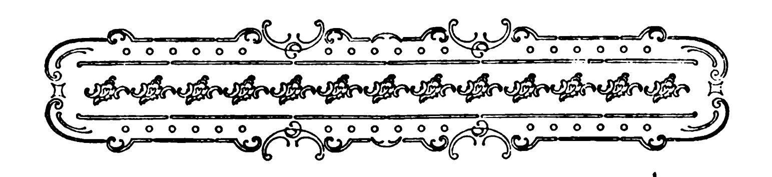
Поговоривъ нѣсколько минутъ со свѣсившимся черезъ бортъ хозяиномъ-туркомъ, одинъ изъ нихъ сталъ подниматься на качерму по спущенной внизъ до самой воды веревочной лѣстницѣ.

Было совершенно темно; по небу неслись черныя дождевыя тучи. Хозяинъ судна пошелъ за фонаремъ. Дрожащій свѣтъ сальнаго огарка упалъ на лодку и освѣтилъ и ее, и карабкавшагося наверхъ человѣка. Теперь можно было разглядѣть, что въ лодкѣ на веслахъ сидѣлъ отузскій дудкисть Кая-Тулумбашъ, а по лѣстницѣ поднимался другой его товарищъ, Нурла-Барабатыръ-оглу, у котораго, вѣроятно, крѣпко болѣли зубы, потому что правая сторона его лица и всей головы была обвязана толстымъ темнымъ платкомъ.

Когда утромъ солнце взошло и освѣтило море и эту бухточку, она уже была совершенно безлюдна.

Только на горизонтѣ, точно крыло бѣлоснѣжной чайки мелькалъ и серебрился небольшой парусъ...

КОНЕЦЪ.

На заоблачныхъ пастбищахъ.

ОЧЕРКЪ ЧАБАНСКОЙ ЖИЗНИ НА ЧАТЫРЪ-ДАГѢ.

I.

Могучій и величественный царитъ надъ толпою молчаливыхъ и грузныхъ исполиновъ Яйлы колоссъ Крыма, Чатыръ-Дагъ.

Ослѣпительно сверкающая на далекое пространство своими точно по линейкѣ разлиневанными слоями юрскаго известняка громада этого колосса издали кажется почти правильною пирамидой съ очень широкимъ основаніемъ и съ совершенно ровною, какъ плоскость стола, усѣченною вершиной. На самомъ же дѣлѣ Чатыръ-Дагъ составляется изъ многихъ отдѣльныхъ возвышеній съ такими же плоскими вершинами, служащими въ сущности его уступами, и только конечный придатокъ его, въ семьсотъ футовъ вышиною, грузно насѣвшій на плоскости Біюкъ-Янкой-Яйлы, какъ статуя на пьедесталѣ, является уже отдѣльною, вполнѣ самостоятельною горой, бѣлые известковые бока которой съ залежавшимися тамъ и сямъ въ ложбинахъ ихъ поздними снѣгами искрятся на солнцѣ и видны почти на триста верстъ отовсюду, рѣзко вы-

дѣляясь на темномъ фонѣ лѣсовъ и глубокаго южнаго неба.

Но правильность этой сверкающей пирамиды—только кажущаяся издали, благодаря разстоянію, скрадывающему и затушевывающему всѣ, даже очень крупныя, детали этой громаднѣйшей до колоссальности горной картины.

Стоитъ приблизиться къ Чатыръ-Дагу даже на нѣсколько верстъ только, чтобы быть пораженнымъ цѣлымъ лабиринтомъ просвѣтовъ, тѣней, контуровъ, впадинъ, уступовъ, громадныхъ безформенныхъ глыбъ и зіяющихъ таинственною мглой проваловъ, которыми покрыто сплошь такъ безжалостно растерзанное и израненное вѣковою борьбой стихій тѣло этого великана-страдальца!

Да и неудивительно: вѣдь это здѣсь возмутившіеся противъ неба титаны громоздили утесы одинъ на другой, чтобы добраться по нимъ до безпредѣльныхъ высотъ, обиталищъ Кроноса; здѣсь былъ главный очагъ чудовищно-безумной борьбы великановъ земли съ колоссами неба, этихъ жалкихъ въ своей ослѣпленной гордости рабовъ смерти съ сынами вѣчнаго безсмертія; здѣсь долженъ былъ совершиться переворотъ міра, конецъ восторжествовать надъ началомъ, моментъ—надъ безпредѣльностью, пылинка—надъ громадой вселенной; здѣсь живое на мигъ хотѣло побороть самый источникъ всякой жизни—вѣчную жизнь; здѣсь ослѣпленный своею безмѣрною для земли силой человѣкъ-титанъ хотѣлъ разъ навсегда сбросить съ себя ненавистныя оковы смерти и на зло вѣковому порядку всякаго конечнаго бытія, на зло богамъ, возродиться въ безконечности; здѣсь жалкій смертный возмечталъ стать богомъ!..

Уже нагроможденные одинъ на другой утесы и скалы

давно скрылись въ самыхъ далекихъ слояхъ вѣчно голубыхъ небесныхъ высотъ, а титаны все продолжали отрывать отъ земли новыя и новыя глыбы и со дна образующихся безднъ относить ихъ на своихъ могучихъ плечахъ на самый верхъ баррикады. Уже, прибавляя уступъ за уступомъ, безумцы мнили скоро добраться до горнихъ уступовъ Олимпа, чтобы, ринувшись туда всесокрушающимъ потокомъ, низвергнуть въ бездну возлежавшихъ на нихъ владыкъ міра, боговъ, и самимъ возлечь на этихъ уступахъ, самимъ стать богами, когда взоръ бога боговъ Кроноса случайно упалъ на это жалкое созданіе титановъ...

Разгнѣванный, метнулъ онъ внизъ горсть своихъ страшныхъ перуновъ... Грянули громы небесъ и во мгновеніе ока рухнули эти тысячи тысячъ утесовъ въ разверстую у подножія ихъ бездну... Дрогнулъ весь міръ, оглушенный этимъ паденіемъ громадъ и... на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго ослѣпленная въ своемъ безуміи толпа дерзала грозить Небесамъ, остался одинъ лишь хаосъ руинъ, а въ этомъ хаосѣ, извиваясь въ безсильной злобѣ, грызли зубами холодныя глыбы низвергнутые въ прахъ черви-титаны!..

Прошелъ длинный рядъ вѣковъ. Груда руинъ подъ напоромъ стихій и времени все осѣдала, разсыпалась въ прахъ, уплотнялась. Тысячелѣтія одно за другимъ, какъ трудолюбивые пауки, стали затягивать всю эту хаотическую массу разсыпавшихся камней и земляныхъ глыбъ непроницаемыми слоями известковой пыли, погребая подъ нею навѣки слѣды былой титанической борьбы міра съ богами... Слой за слоемъ росла земляная кора надъ мѣстомъ погрома, и вотъ уже цѣлая вереница тысячелѣтій истребила без-

слѣдно даже самую память о нѣкогда грозномъ быломъ, погребенномъ теперь навѣки вмѣстѣ съ хаосомъ руинъ въ глубочайшихъ нѣдрахъ земли..

Когда же всесильное время опустило надъ этимъ мѣстомъ борьбы чудесно сотканный изъ травы и цвѣтовъ душистый зеленый покровъ, когда надъ этимъ покровомъ зашумѣло цѣлое море лѣсовъ изъ бука, дуба и граба,— былая пустыня наполнилась сразу движеньемъ и жизнью. Надъ нею полились, зазвенѣли безконечныя трели жаворонковъ; въ лѣсахъ грянули цѣлые хоры другихъ пернатыхъ пѣвцовъ; затрещалъ сухой валежникъ подъ легкимъ копытомъ пугливыхъ оленей и сернъ; въ горахъ застучалъ и десятки разъ повторился въ звучномъ эхо топоръ дровосѣка и среди всего этого веселаго гомона жизни донесся и тихо поплылъ надъ лѣсомъ мелодично-торжественный звонъ далекаго колокола...

На мѣсто позора и смерти уже хлынула жизнь гремучею волной и вслѣдъ за этою первою волной загудѣлъ, зашумѣлъ ея ни на минуту не смолкающій вѣчный прибой!

Такъ возродилась вся эта дикая горная страна, среди которой царитъ величественный Чатыръ-Дагъ, похоронившій подъ своею грузною громадой всѣ слѣды давно минувшихъ событій, и только исполины-утесы, изгрызанные, иззубренные нѣкогда страшными зубами погибавшихъ титановъ, обступившіе безпорядочно-тѣсною молчаливою толпой всѣ вершины, одни продолжаютъ вѣчно стоять, какъ нѣмые свидѣтели прошедшихъ временъ, да цѣлое море горько-соленыхъ слезъ, брызнувшихъ когда-то изъ глазъ ниспровергнутыхъ въ бездну великановъ древности и пролитыхъ ими въ безсильной злобѣ, когда они поги-

бали въ хаосѣ руинъ, и день, и ночь въ теченіе тысячъ вѣковъ все лижетъ и гложетъ подножья хребтовъ, вѣчно кипя и шипя бѣлою пѣной прибоя...

Время, этотъ безпощадный могильщикъ, нѣмой и безстрастный, одинакаво равнодушный и къ горю, и къ счастью, одинаково холодный къ царямъ и къ нищимъ, къ святымъ и къ злодѣямъ, столько же презирающій жизнь, какъ и смерть, этотъ вѣчно бездушный и одинъ только всесильный владыка міра-раба, давно уже заковало все былое непроницаемою броней...

Все кануло въ вѣчность, все потонуло въ бездонной пучинѣ забвенія...

II.

Почти ровные издали наклоны оригинальнаго Шатра-горы, тамъ и сямъ ярко сверкающіе на солнцѣ сквозь рѣдь лѣсовъ ослѣпительно бѣлыми слоями юрскаго известняка, на самомъ дѣлѣ состоятъ изъ многихъ уступовъ, представляющихъ цѣлую систему совершенно параллельныхъ одна другой горныхъ равнинъ. Равнины эти, то затерявшіяся среди хаоса окаймляющихъ ихъ со всѣхъ сторонъ утесовъ, то свободно протянувшіяся надъ самыми верхушками ихъ, представляютъ изъ себя роскошныя пастбища для овецъ, тѣмъ болѣе богатыя травою и цвѣтами, чѣмъ выше онѣ расположены. Въ то время, какъ на степяхъ и на ближайшихъ къ нимъ уступахъ горячее крымское солнце безпощадно выжгло уже всякую травку, эти плоскогорія, освѣжаемыя на высотѣ трехъ, четырехъ и пяти тысячъ футовъ и болѣе надъ поверхностью моря прохладными слоями воздуха и орошаемыя не пересыхаю-

щими цѣлое лѣто горными ручьями, сбѣгающими на нихъ съ самой вершины горы, остаются вплоть до зимнихъ снѣговъ и ненастья зелеными и своимъ ароматнымъ прохладнымъ привольемъ и вѣчно весеннею свѣжестью манятъ къ себѣ все истомленное и задыхающееся отъ жары тамъ, внизу, живое.

Сотни овечьихъ стадъ, разсыпавшихся съ перваго весенняго дня по окрестнымъ у подножья горы степямъ, по мѣрѣ того, какъ степи эти начинаютъ засыхать и желтѣть отъ лѣтняго зноя, ползутъ вверхъ со всѣхъ сторонъ, ища прохлады и корма и, переходя постепенно все къ болѣе и болѣе высокимъ яйламъ [1]), къ концу августа достигаютъ до этихъ заоблачныхъ пастбищъ для того, чтобы остаться тамъ до тѣхъ поръ, пока вѣтры и бури поздней осени не заставятъ ихъ снова начать обратное шествіе книзу.

И не однѣ только овцы: сюда же стремятся и полуодичавшіе табуны лошадей, которыми, только благодаря этимъ горнымъ пастбищамъ, еще богатъ крымскій мурзакъ. Сюда же спасается отъ зноя и голода бродящій цѣлое лѣто по горамъ вразсыпную и безъ всякаго присмотра татарскій скотъ и здѣсь же, среди непролазныхъ зарослей дуба, бука, граба и лѣсного орѣшника, въ расщелинахъ скалъ и въ глубинѣ зіяющихъ между ними пропастей, сплошь заросшихъ кустарникомъ и лѣсомъ, могутъ спокойно пастись исконные жители этихъ лѣсистыхъ дебрей—коза и олень.

Вотъ почему такъ нерѣдко бываетъ пораженъ до изумленія добросовѣстно карабкающійся къ вершинѣ Ча-

---

1) Яйла—пастбище.

тыръ-Дага туристъ, когда вдругъ прямо надъ его головой на недосягаемой высотѣ въ воздухѣ вырисуется длинный и грузный силуэтъ жесткотѣлаго и плоскорогаго буйвола! Животное это, опираясь задними ногами о самый край скалы надъ бездоннымъ обрывомъ, вытянулось вверхъ во всю длину своего иссиня-чернаго тѣла, карабкаясь къ нѣсколькимъ кустикамъ свѣжей травы, торчащей изъ щелей, и для глазъ удивленнаго такою неожиданностью наблюдателя кажется снизу точно повисшимъ въ воздухѣ. А пока изумленный туристъ не можетъ понять, какимъ образомъ такое неуклюже-громадное животное, какъ буйволъ, могло очутиться тамъ, гдѣ, казалось бы, только одна горная серна можетъ промелькнуть на секунду, испуганная шумомъ случайно покатившагося внизъ камня, въ сторонѣ на узкой извилистой площадкѣ, точно природнымъ карнизомъ огибающей склонъ утеса надъ пропастью, слышится какой-то трескъ, и цѣлый градъ мелкихъ камней, звонко перепрыгивая съ уступа на уступъ, летитъ въ глубину обрыва. Туристъ здѣсь одинъ. Спутники его остались тамъ далеко, внизу на привалѣ, а онъ въ ожиданіи, пока будетъ готовъ зажаренный на вертелѣ искуснымъ суруджи [1]) кусокъ сочной баранины, пошелъ побродить по этимъ таинственнымъ дебрямъ.

Воображеніе среди безмолвія дикой горной пустыни само собою настраивается фантастически и потому невольное чувство тревоги прокрадывается въ душу одинокаго туриста отъ этого страннаго шороха и треска. Онъ пристально и зорко всматривается въ окутывающую камень чащу деревьевъ, готовый ожидать появленія, пожалуй, даже медвѣдя, хотя и знаетъ хорошо, что этихъ

[1]) Суруджи—проводникъ.

космачей нѣтъ и не можетъ быть среди теплаго приволья Яйлы. А шумъ и трескъ все усиливается, приближаясь: какое-то, очевидно, громадное существо неуклонно ломится впередъ по скалѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ выше прижавшагося къ небольшому утесу туриста. Еще моментъ—и сквозь густую листву орѣшника явственно мелькнуло между двумя рядомъ стоящими глыбами камня какое-то странное сѣро-черное тѣло...

Тревога туриста мгновенно переходитъ въ томительное чувство безотчетнаго страха. Напрягая изо всѣхъ силъ свое зрѣніе, чтобы разглядѣть наконецъ это таинственное существо, онъ въ то же время старается какъ можно скорѣе вспомнить все когда-либо читанное и слышанное о фаунѣ крымскихъ горъ, а призракъ гиганта-медвѣдя такъ и лѣзетъ невольно въ глаза, хотя память и отказывается подсказать что-нибудь объ этомъ угрюмомъ обитателѣ непроглядныхъ лѣсовъ далекаго сѣвера...

Вотъ наконецъ неизвѣстный звѣрь совсѣмъ поровнялся съ туристомъ: онъ движется не болѣе какъ въ десяти саженяхъ выше него.

Какъ разъ противъ утеса, къ которому приникъ наблюдатель, площадка-карнизъ, огибающая сосѣднюю скалу, на пространствѣ двухъ-трехъ аршинъ видна ясно: и ниже, и выше нея голый камень, и потому въ этомъ мѣстѣ нѣтъ вовсе деревьевъ. Звѣрь не можетъ миновать этой части пути: тропинка идетъ по карнизу.

Еще моментъ—и изъ гущи орѣшника мелькнуло сначала что-то блестящее, плоское, черное, а вслѣдъ затѣмъ въ разрывъ высунулась огромная голова... коровы съ глуло задумчивымъ взглядомъ безсмысленныхъ глазъ и однимъ только рогомъ: другой сломанъ у самаго корня!

Вздохъ облегченія и невольная улыбка туриста по поводу своихъ призрачныхъ страховъ привѣтствуютъ появленіе этой таинственной незнакомки, въ свою очередь, повидимому, пораженной такою неожиданною встрѣчей. Происходитъ быстрая смѣна ролей: этотъ безобидный единорогъ лѣсной трущобы, очевидно, испуганъ: корова на секунду застыла на мѣстѣ, пригнувъ голову къ самому низу; но вслѣдъ затѣмъ, вскинувшись кверху, мелькнула всѣмъ тѣломъ и, перепрыгнувъ черезъ довольно широкую расщелину на сосѣдній утесъ, обратилась въ постыдное бѣгство и быстро скрылась въ чащѣ: только цѣлый градъ камней посыпался внизъ по обрыву.

Съ появленіемъ въ серединѣ лѣта на этихъ заоблачныхъ яйлахъ овечьихъ стадъ горы оживляются. Вмѣстѣ со стадами приходятъ десятки чабановъ, сотни собакъ: по горамъ начинаютъ разноситься человѣческіе голоса, лай; слышатся по ночамъ выстрѣлы. Среди скалъ, тамъ и сямъ, вьются синеватые столбики дыма; изъ лѣса доносится далекій скрипъ двухколесной арбы, медленно ползущей по горѣ вверхъ къ одному изъ плато: это подручный какого-либо изъ атамановъ подвозитъ къ пастушьему становищу пшено, муку и другіе незатѣйливые припасы хозяйскаго обихода. Крутизна подъема изумительна; дороги нѣтъ вовсе, а арба, оглашая окрестности невѣроятнымъ скрипомъ, хотя и медленно, но все же безостановочно движется вверхъ подъ уклономъ почти въ пятьдесятъ градусовъ: поистинѣ только одни могучія, точно изъ черно-синей стали вылитыя плечи буйвола въ состояніи вынести по такой головокружительной крутизнѣ къ саклѣ атамана эту столько же неуклюжую, сколько и пронзительно-визгливую машину, да еще съ грузомъ и

безпечно торчащимъ на покрывающемъ грузъ войлокѣ татариномъ, все время шпигующимъ этихъ удивительныхъ животныхъ длинною орѣховою палкой съ насаженнымъ на концѣ ея желѣзнымъ остреемъ.

Нерѣдко изъ глубины горъ слышится заунывно однообразная татарская пѣсня, а съ другой стороны, съ самой вершины двухъ закрытыхъ облакомъ утесовъ, отвѣчая этой заунывной пѣснѣ, точно плачетъ, всхлипывая, пастушья волынка...

Двѣ басовыя трубки ея, настроенныя въ тонику и доминанту въ той гаммѣ, въ которой поетъ дудка-прима, однообразно гудятъ съ чуть слышнымъ хрипѣньемъ, точно ноютъ; а на фонѣ этого минорно-тоскливаго гуда главная дудка-свирѣль заливается и стонетъ въ безконечныхъ переливахъ своеобразной, полной нѣжныхъ трелей и какого-то за душу хватающаго дрожанія звуковъ, заунывной мелодіи. Тому, кто въ первый разъ услышитъ среди горъ эту оригинальную музыку, будетъ казаться, точно невидимый хоръ гномовъ, скрывшихся за глыбами скалъ, тянетъ безъ передышки въ унисонъ одну ноту, а посреди этого хора также незримая фея лѣсовъ оплакиваетъ въ пѣснѣ, разливаясь слезами, свою одинокую, безотрадную долю... Пѣсня эта то замираетъ diminuendo, чуть дребезжа двумя-тремя, какъ трель серебрянаго звоночка, высокими нотками среди тихо гремящаго подъ сурдинку хора; то, встрепенувшись, вдругъ хлынетъ цѣлою волной отчаянно умоляющихъ звуковъ, и въ то же самое время хоръ, какъ будто пробужденный отъ своего музыкальнаго оцѣпенѣнія, заревётъ въ бурномъ allegro; то, наконецъ, поплыветъ среди тишины горъ надъ лѣсами полными, сочными перекатами звуковъ; а только что гремѣвшій

аккордъ хора, точно удаляясь отъ феи или засыпая, станетъ постепенно ослабѣвать, падать, замирать, пока не дойдетъ снова до прежняго тихо гремящаго, полуоцѣпенѣлаго урчанія. Это, если можно такъ выразиться, нѣжное музыкальное мерцаніе звуковъ придаетъ совершенно особую, невыразимую прелесть поэтически-грустной мелодіи пѣсни: она удивительно рельефно выдѣляется на этомъ чуткомъ звуковомъ фонѣ все время однообразно гремящаго аккорда; она становится музыкально-пластичной, ощутимой не только однимъ слухомъ, а и другими какими-то чувствами: ее скорѣе видишь, чѣмъ слышишь, ее точно осязаешь всѣми чутко встрепенувшимися подъ ея вліяніемъ фибрами души.

Такой способъ оттѣненія звука—общевосточный способъ: въ то время какъ мусульманскій востокъ, а съ нимъ вмѣстѣ, конечно, и татаринъ-пастухъ, прибавкой къ мотиву такого однотоннаго минорно-гремящаго аккорда украсилъ имъ свою грустную пѣсню любви, пѣсню сладостной тоски по какимъ-то невѣдомымъ благамъ, пѣсню героическую, оплакивающую далекое и всегда кажущееся безконечно счастливымъ прошлое, греческая церковь этимъ же самымъ пріемомъ доводитъ души молящихся въ извѣстные моменты богослуженія до возвышенно-трепетнаго настроенія и молитвеннаго экстаза.

Нѣкоторые псалмы, пропѣтые однимъ только пѣвцомъ при тихомъ минорномъ аккордѣ подъ сурдинку гремящаго остальнаго хора, способны умилить душу вѣрующаго до степени религіознаго восторга, при которомъ вмѣстѣ съ хорошею, чистою слезою умиленія сами собою изъ глубины спокойно счастливаго въ этотъ моментъ сердца хлынутъ неслышно прошептанныя слова горячею вѣрою согрѣтой молитвы!

III.

Горная пастушья жизнь издавна приняла здѣсь свой ясно опредѣленный типъ, выработала точные, стародавнимъ обычаемъ освященные пріемы, поставила для извѣстныхъ случаевъ строгія, непреступимыя грани,—словомъ, создала свой особый оригинальный, буколически - несложный укладъ и режимъ. Какъ бы ни мала была та или другая отара овецъ, у нея, кромѣ чабановъ и чабаненковъ, обязательно долженъ быть и всегда есть главный чабанъ, именуемый атаманомъ. Этотъ атаманъ является единственнымъ и безконтрольно-всесильнымъ распорядителемъ судебъ и вершителемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся отары и всего, что входитъ въ составъ этого своеобразнаго, чисто пастушьяго учрежденія, т. е. чабановъ, чабаненковъ, собакъ, овецъ, кошары и всего отарнаго имущества. Слово атамана—столь прочно и твердо соблюдаемый по обычаямъ старины, дѣдовъ и прадѣдовъ законъ, что даже не существуетъ вовсе никакихъ ограждающихъ непреложность этого закона постановленій и правилъ: «О севледы́ оле́» [1])— и этого вполнѣ достаточно, чтобы получившій то или другое приказаніе атамана, чего бы оно ни касалось, немедленно же приступилъ къ его исполненію.

Если же возникаетъ какой-либо вопросъ, касающійся не одной, а нѣсколькихъ сосѣднихъ отаръ, пасущихся въ данный моментъ на одной и той же яйлѣ, то вопросъ этотъ обыкновенно разрѣшается старѣйшимъ и наиболѣе почетнымъ изъ атамановъ, при чемъ это главенство вовсе не связано съ численностью его отары и нисколько отъ нея не зависитъ: года, мудрость и почетъ—вотъ единственныя

---

[1]) ,, О севледы оле"—онъ такъ сказалъ.

основанія такого признаваемаго всѣми главенства и права сказать свое рѣшающее слово. При этомъ даже никакихъ предварительныхъ совѣщаній и выборовъ не происходитъ: возникаетъ извѣстное обстоятельство, касающееся интересовъ нѣсколькихъ отаръ одного и того же плоскогорія, и этого достаточно, чтобы компетентный судья возвысилъ свой голосъ и выступилъ съ рѣшеніемъ самъ собою, безъ особаго приглашенія остальныхъ, руководимый единственно самознаніемъ, что именно онъ и никто другой можетъ и долженъ распорядиться и рѣшить дѣло по всѣмъ требованіямъ справедливости, общаго блага и преданій святочтимой старины и обычаевъ.

Слово судьи произнесено и немедленно же по молчаливому согласію всѣхъ остальныхъ вступаетъ въ силу закона и безпрекословно исполняется: «о севледы́ оле́» снова становится единственнымъ непреложнымъ основаніемъ создаваемаго такимъ рѣшеніемъ распорядка.

И только въ случаяхъ особой, чрезвычайной важности, или же такихъ, которыхъ еще никогда не бывало на памяти самыхъ старыхъ атамановъ и чабановъ и которые возникаютъ какъ результатъ новыхъ вѣяній и въ корень измѣнившихся по сравненію съ патріархальнымъ прошлымъ условій общежитія, этотъ самоизбранный судья отказывается принять одинъ на свою совѣсть рѣшеніе такого новаго необыкновеннаго дѣла и обращаетъ его на судъ собранія всѣхъ сосѣднихъ атамановъ и двухъ-трехъ старѣйшихъ изъ чабановъ, обыкновенно ближайшихъ кандидатовъ въ атаманы. Но и тогда ему же принадлежитъ право назначить время и мѣсто собранія, и онъ же снова по достаточномъ обсужденіи вопроса формулируетъ окончательное рѣшеніе, соглашаясь съ тѣмъ изъ высказанныхъ

мнѣній, которое въ данномъ случаѣ кажется ему наиболѣе удобнымъ, справедливымъ и согласнымъ съ тѣмъ, какъ могли и должны были поступить мудрые отцы и дѣды, если бы что-нибудь подобное возникло при этихъ приснопамятныхъ и достойныхъ всякаго уваженія старцахъ.

Этому же собранію и въ такомъ же порядкѣ принадлежитъ право изгнанія изъ своей пастушьей среды съ волчьимъ паспортомъ, т.-е. право окончательнаго и навсегда удаленія съ высотъ кого-либо, оказавшагося особенно порочнымъ изъ чабановъ, и такой судъ является обыкновенно настолько грознымъ, что подвергнутый остракизму не будетъ уже никогда принятъ ни въ одну изъ отаръ на сто и больше верстъ въ окружности.

— Кесньізъ бу іипны, менъ ялвáрымъ сизé, ортáхлáрыны [1],—обращается приблизительно такъ аллегорически атаманъ-докладчикъ къ безмолвно слушающему его докладъ собранію по поводу дѣйствій порочнаго члена пастушьей семьи, и горе этому подсудимому, если собраніе въ отвѣтъ на это обращеніе произнесетъ слово «яланджи» [2]) или «хырсьізъ» [3]).

Формуляръ его испорченъ навсегда, и волчій паспортъ, ни въ какихъ книгахъ не записанный и никакою печатью не скрѣпленный, будетъ годами сопровождать заклеймённаго этимъ судомъ товарищей всюду, куда бы онъ ни обратился съ предложеніемъ услугъ или компанейства.

Ни атаманы, ни чабаны обыкновенно денегъ, какъ жалованья, отъ хозяина отары вовсе не получаютъ; они вознаграждаются натурой: полнымъ содержаніемъ, одеждой

---

1) Разрѣжьте эту веревку, прошу васъ, товарищи!
2) Яланджи—мошенникъ.
3) Хырсызъ—воръ.

и овцами. Три-пять овецъ—окладъ жалованья мальчику-чабаненку, десять-двадцать—чабану, въ зависимости отъ его опытности и усердія, и, наконецъ, атаману—безъ всякой нормы, а въ зависимости отъ численности отары, ея сохранности въ лѣтнее и зимнее время, числа лѣтъ службы у одного хозяина, степени его богатства и довѣрія къ атаману и многихъ другихъ самыхъ разнообразныхъ и не имѣющихъ никакого общаго характера условій.

Хорошій чабанъ—всегда и непремѣнно опытный чабанъ, воспитавшій въ себѣ это качество длиннымъ рядомъ годовъ пастушьей жизни. Нерѣдко это—почти полуодичавшій, близкій къ природѣ человѣкъ. Всѣ его интересы, заботы, симпатіи, знанія, радости и бѣды зиждутся во ввѣренномъ его дозору и отвѣтственности стадѣ и, имъ однимъ ограничиваясь, не идутъ дальше плетня кошары и степи, или яйлы, на которой это стадо разбрелось спокойно, охраняемое его бдительнымъ окомъ. Его единственные друзья и товарищи—собаки; его злѣйшіе враги—волки; его недруги—орлы-беркуты; любимыя дѣтища—овцы; его безотвѣтный рабъ и слуга—чабаненокъ; его всесильное начальство и безапелляціонный судья—атаманъ. Хорошій чабанъ никого и ничего въ мірѣ, кромѣ атамана, не боится: хорошій чабанъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше онъ боится атамана. Эту единственную боязнь, соединенную съ почтеніемъ, онъ воспиталъ въ себѣ еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей бродячей жизни: чабаненкомъ онъ привыкъ бояться своего господина чабана; чабаномъ онъ долженъ бояться своего владыку атамана. «О севледы́ оле́»—вотъ весь короткій и въ то же время безграничный кодексъ жизни чабана, этого, какъ вѣтеръ вольнаго, вѣчнаго бродяги среди дебрей заоблачныхъ пастбищъ. Цѣль этой

жизни одна—сохранить свое стадо; средство также одно—вѣчная непримиримая война со своимъ заклятымъ, смертельнымъ врагомъ волкомъ. «Харышхыръ якунъ!»[1])—вотъ постоянный Дамокловъ мечъ, ежесекундно висящій надъ головой чабана, развивающій въ концѣ концовъ въ немъ чуткость, почти равную собачьей, заставляющій его спать, что называется, «однимъ глазомъ», ѣсть и пить со взоромъ, устремленнымъ не на пищу, а на опушку сосѣдняго лѣса или въ сторону окаймляющихъ пастбище скалъ, гдѣ можетъ притаиться этотъ его заклятый сѣрый врагъ и вѣчный мучитель.

— На свѣтѣ два зла: волкъ и метель,—говоритъ каждый чабанъ,—и, которое изъ нихъ хуже, человѣкъ не въ силахъ сказать: одинъ только Аллахъ вѣдаетъ это! Помоему такъ: метель хуже волка, а волкъ—хуже метели. Волкъ и метель—братъ и сестра; когда завоетъ сестра, братъ, какъ бы онъ далеко ни былъ, всегда ей отвѣтитъ.

И вотъ цѣлую жизнь идетъ эта безконечная война чабана съ неотступно слѣдующимъ за нимъ и за его стадомъ врагомъ: они зорко слѣдятъ другъ за другомъ, стараясь перехитрить одинъ другого.

Желая внушить своимъ чабанамъ необходимость постоянной бдительности, а главное—изученіе всѣхъ хитростей и продѣлокъ волка, старые атаманы нерѣдко говорятъ такъ:

— Только сѣрый чабанъ—надежный чабанъ, потому что чернаго (т.-е еще молодого, не начавшаго еще сѣдѣть) волкъ не боится: къ совсѣмъ бѣлому чабану волкъ не подходитъ, отъ сѣраго онъ—далеко, а за чернымъ идетъ

---

[1]) „Харышхыръ“, или „беры“—волкъ; „якунъ“—близко.

позади. Черный чабанъ—слѣпой, сѣрый—зрячій, а бѣлый—лѣсъ насквозь видитъ... Отъ сѣраго чабана волкъ за скалой прячется, отъ бѣлаго ему негдѣ укрыться. Бѣлый снѣгъ и бѣлый чабанъ для волка хуже самой чуткой и самой сильной собаки: на снѣгу слѣды, а въ старикѣ-чабанѣ хитрость всегда волка откроютъ.

IV.

Но ни хитрость, ни ружье, ни самыя бѣлыя сѣдины не спасли бы чабана въ этой вѣчной борьбѣ, если бы у него не было вѣрныхъ друзей и чуткихъ помощниковъ—псовъ.

Остромордыя, на высокихъ мускулистыхъ ногахъ, съ нѣсколько поджатымъ всегда хвостомъ и особенно оригинальными ушами, кончики которыхъ, въ родѣ листиковъ, свѣшиваются внизъ,—эти косматыя, чаще всего сѣровато-бурыя или чисто-бѣлыя, собаки уже по внѣшнему виду самою природой предназначены для вѣчной борьбы съ исконнымъ злодѣемъ—волкомъ. Ихъ худощавое, замѣтно сжатое съ боковъ около заднихъ ногъ туловище довольно стройно, и вся фигура такой собаки-овчарки производитъ впечатлѣніе силы, быстроты и отваги. Безъ этихъ чуткихъ, умныхъ, безгранично преданныхъ и всегда бдительныхъ и неутомимыхъ сторожей никакая отара, въ особенности среди лѣсовъ, скалъ и дебрей горныхъ пастбищъ, не была бы спасена отъ полнаго истребленія кровожадными и до наглости дерзкими хищниками—волками.

Понятливость овчарки доходитъ до того, что она по-

нимаетъ буквально не только слова и жесты, но даже взглядъ своего чабана и безпрекословно ему повинуется.

Въ свою очередь чабанъ до того хорошо знаетъ своихъ овчарокъ, что уже по одному издалека донесшемуся до него лаю той или другой изъ нихъ онъ безошибочно узнаетъ, звѣря или человѣка почуялъ его надежный и вѣрный товарищъ.

Овчарки не только стерегутъ отару отъ всякой опасности со стороны волка, человѣка и лисицы, которая всегда охотно живится маленькими молочными ягнятами, но и оберегаютъ каждую овцу вообще отъ всякой опасной случайности. Онѣ не дадутъ ни одной отстать отъ отары и заблудиться въ лѣсу, подойти черезчуръ близко къ краю обрыва, съ котораго овца неминуемо свалилась бы въ пропасть, или залѣзть въ непролазную чащу сосѣднихъ съ пастбищемъ кустарниковъ, гдѣ она легко могла бы быть схвачена и унесена вѣчно подстерегающимъ ее хищникомъ, прежде чѣмъ собаки почуяли бы его и могли явиться на выручку.

Но есть у овцы два врага, противъ которыхъ даже такіе вѣрные друзья и стражи ея совершенно безсильны: воздушные ея враги—орелъ-беркутъ и метель. Чернобурые, бѣлоплечіе беркуты гнѣздятся на неприступныхъ крутизнахъ Крымской Яйлы и въ особенности во время выкармливанія своихъ птенцовъ много вредятъ отарамъ, унося немало даже уже довольно крупныхъ ягнятъ.

Смѣлый и сильный хищникъ этотъ рѣетъ спокойно въ заоблачныхъ высотахъ надъ стадомъ и вдругъ совершенно неожиданно падаетъ камнемъ оттуда на свою облюбованную сверху и хорошо намѣченную жертву. Схвативъ ягненка, онъ нѣсколькими могучими взмахами огромныхъ

крыльевъ уносится снова въ заоблачное пространство, гдѣ для него уже безопасна картечь чабанскаго ружья. а два-три удара его страшнаго клюва разбиваютъ голову схваченнаго ягненка еще въ моментъ подъема. Описавъ затѣмъ въ небесахъ нѣсколько круговъ, беркутъ пронзительными хрипло-гортанными криками ликуетъ свою побѣду и затѣмъ плавно и гордо опускается, унося лакомую добычу въ гнѣздо, гдѣ ее съ радостнымъ остервененіемъ принимаютъ прожорливые орлята. Надъ горячимъ, еще трепещущимъ тѣломъ ягненка начинается кровавый семейный пиръ!

Понятно, что противъ такого налета съ воздушныхъ высотъ совершенно безсильны самые чуткіе и вѣрные псы. И только зоркая бдительность чабана и мѣткость его заряженнаго крупною картечью ружья могутъ охранить отару отъ слишкомъ большихъ потерь и заставить беркутовъ охотиться чаще на зайцевъ, лисицъ, ягнятъ дикихъ козъ и на слѣпнущихъ днемъ, а потому почти беззащитныхъ, большихъ филиновъ.

Но истинная бѣда и несчастіе наступаютъ для отары во время метели, если атаманъ и чабаны не успѣютъ заблаговременно загнать ее въ кошары.

Разыгравшаяся буря со снѣгомъ гонитъ обезумѣвшихъ овецъ по направленію вѣтра, и нерѣдко случается, что сотни и тысячи ихъ погибаютъ, загнанныя въ море, или же разбиваются, свалившись въ глубокіе овраги и пропасти. А когда стадо подъ напоромъ бури двинулось и побѣжало по вѣтру, остановить его, а тѣмъ болѣе заставить идти противъ вѣтра, нѣтъ почти никакой физической возможности.

Въ такихъ случаяхъ и чабаны, и собаки совершенно

безсильны: стадо стремительно несется впередъ съ какою-то стихійною силой, невзирая ни на какія препятствія на пути, и нерѣдко погибаетъ все до послѣдней овцы въ волнахъ моря, если вихрь захватитъ его въ степи недалеко отъ берега, или же обращается въ громадную груду мертвыхъ тѣлъ, разбившись о камни на днѣ пропастей, если въ позднюю осень оно было захвачено метелью еще на горныхъ яйлахъ.

Впрочемъ, такіе случаи вообще сравнительно рѣдки: опытные атаманы и чабаны по разнымъ, имъ однимъ извѣстнымъ примѣтамъ узнаютъ приближеніе бури задолго до наступленія ея и всегда своевременно принимаютъ надлежащія мѣры.

Въ числѣ разныхъ другихъ предвѣстниковъ бури однимъ изъ самыхъ безошибочныхъ служатъ тѣ же собаки: онѣ часто за цѣлыя сутки раньше начинаютъ выказывать какое-то непонятное безпокойство: мечутся безъ всякой видимой причины, взвизгиваютъ по временамъ или, лежа неподвижно и уткнувъ головы въ лапы, изрѣдка отрывисто и глухо завываютъ и, наконецъ, начинаютъ издавать какой-то особенный, непріятный запахъ псины. Эти примѣты служатъ всегда почти безошибочнымъ признакомъ приближающагося ненастья, и чабаны спѣшатъ укрыть свою отару въ кошары, а въ горахъ — въ ближайшія пещеры.

Такъ протекаетъ въ вѣчной и непрерывной борьбѣ со стихіями и хищниками вся жизнь чабана. А при такихъ условіяхъ вовсе неудивительно, если нѣкоторые изъ нихъ въ концѣ-концовъ становятся какими-то особенными полуодичавшими существами, скорѣе похожими по натурѣ и привычкамъ на волковъ, чѣмъ на людей. Нѣмой языкъ

природы дѣлается для нихъ гораздо болѣе понятнымъ и краснорѣчивымъ, нежели вычурная людская рѣчь, а звуки, издаваемые животными и птицами,—гораздо болѣе родными и знакомыми ихъ уху, чѣмъ голоса человѣческіе.

Живя всю жизнь на лонѣ природы, онъ сближается съ нею до того, что начинаетъ понимать и скорѣе инстинктомъ, чѣмъ какими-либо внѣшними чувствами, угадывать и предчувствовать всѣ, даже самые незначительные, ея процессы.

Едва уловимая перемѣна оттѣнковъ небеснаго свода, трескъ сухихъ сучьевъ и валежника въ лѣсу, ароматъ легкаго горнаго воздуха, орлиные крики и стремительность полета прочихъ пернатыхъ, слабо вспыхивающее мерцаніе звѣздъ и багряный отливъ утренней зари, взвизгиваніе псовъ и далекій вой волка, тревожный стонъ гдѣ-то въ лѣсу ночного филина и суетливая бѣготня насѣкомыхъ по древеснымъ стволамъ и въ травѣ,—вся эта хоть и нѣмая, но вѣчно живая, вѣчно копошащаяся сутолока природы говоритъ уху, глазу и сердцу чабана много больше и много яснѣе, чѣмъ самые сильные телескопы и сложныя комбинаціи безспорныхъ математическихъ формулъ—глазамъ и разуму кропотливо трудолюбиваго астронома! Живой инстинктъ слившагося съ природой существа и его не исковерканные условными тяготами шипящаго злобою и завистью общежитія нервы гораздо болѣе чутки къ малѣйшимъ колебаніямъ стихій, чѣмъ самые точные инструменты и приборы. Оно и понятно: самою природой вдохновленное, живое сердце уже по однимъ ничтожнымъ намекамъ способно впередъ угадать и почувствовать много больше и безошибочнѣе того, что холодный, бездушный металлъ только послѣ воздѣй-

ствія можетъ воспринять настолько, чтобы отмѣрить и указать нѣмымъ дѣленіемъ скалы.

Послѣ многихъ лѣтъ вольной пастбищной жизни старый чабанъ наполовину дичаетъ. Онъ рѣдко видитъ людей, еще рѣже слышитъ ихъ рѣчь: большую часть своей вольной безхитростной жизни онъ проводитъ въ молчаливыхъ пространствахъ заоблачныхъ горныхъ высотъ; людская жизнь бьетъ своимъ опьяняющимъ грязнымъ ключомъ тамъ, далеко гдѣ-то внизу, и шумныя струи этого стремительно несущагося потока страстей и пороковъ не въ силахъ захватить и увлечь съ собою чистаго сердцемъ, мыслью и чувствомъ чабана-человѣка. Живя на высотахъ, этотъ одѣтый шкурой овцы полудикарь стоитъ *выше* въ буквальномъ и переносномъ смыслахъ этого слова живущей у подножія горъ людской толпы, среди которой позументы, бархатъ и шелкъ нерѣдко служатъ лишь обманчивымъ мишурнымъ покровомъ самыхъ низменныхъ инстинктовъ, страстей и желаній.

Близкій другъ природы, чабанъ въ то же время—ея понятливый ученикъ и восторженный цѣнитель. Питомецъ стихій, съ юныхъ лѣтъ дышавшій только чистымъ горнымъ эѳиромъ, закаленный солнцемъ, вѣтрами и стужей, никогда не вѣдавшій губительныхъ волненій милліона страстей, съ дѣтства подтачивающихъ, точно червь, красивое съ виду яблоко, разодѣтую горделивую толпу въ гремящихъ движеніемъ городахъ, цвѣтущій здоровьемъ,—чабанъ всегда свѣжъ и бодръ духомъ.

Живя всю жизнь на лонѣ природы, онъ питаетъ свой духъ непосредственно изъ этого неисчерпаемаго хранилища всякой красоты и добра. А гдѣ же больше красоты и добра, этихъ единственно цѣнныхъ благъ, какъ не въ

самой природѣ?! Въ ней все и всегда красиво, потому что сама она—одна красота, сама она—ея колыбель, ея неизсякаемый вѣчный первоисточникъ. Какъ холодъ и бѣлизна—снѣгу, какъ свѣтъ—солнечному лучу, какъ безмолвіе—смерти, такъ же точно красота присуща природѣ, и нѣтъ и не можетъ быть въ ней ни одного момента, который былъ бы лишенъ прежде всего красоты...

Всякій покой или движеніе, борьба или миръ стихій, возрожденіе, застой или разрушеніе безконечно большихъ и безконечно малыхъ частей природы—всѣ эти непрерывно смѣняющіеся, непрерывно чередующіеся отдѣльные моменты всякаго бытія въ природѣ прежде всего красивы. Склонилась ли умирающая тихою продолжительною смертью, полузасохшая ветла надъ рѣкой, отразивъ въ ней свои обнаженныя уже отъ зелени, точно коченѣющія вѣтви; реветъ ли весной мутный горный потокъ, низвергаясь въ глубокій провалъ; выриcуется ли предъ глазами путника на далекомъ горизонтѣ безконечно-однообразной степи крыло полуразрушенной мельницы и торчитъ пятномъ на начинающемъ уже постепенно тускнуть, но еще розовомъ фонѣ небосклона послѣ заката солнца; опустятся ли надъ землей черныя, какъ ночь, громады свинцовыхъ грозовыхъ тучъ; мелькнетъ ли расположенный среди бархатистой зелени луга у подножія холма бѣдный цыганскій таборъ съ парой тощихъ измученныхъ клячъ и полудюжиной совершенно нагихъ и грязныхъ дѣтей; разсыпалось ли стадо овецъ по пригорку, наверху котораго полулежитъ чабаненокъ-подростокъ, а у самаго края дороги точно окаменѣла бородатая фигура козла, вожака стада,—всѣ эти моменты прежде всего дышатъ истинною красотой безыскусственной, правдивой природы!

Природа положительно не знаетъ вовсе отсутствія красоты въ себѣ самой и прежде всего потому, что самое понятіе красоты регулируется этою же самою природой: красиво только то, что близко къ природѣ, что одухотворяется ея вѣчно-красивою безыскусственною правдой.

«Природа не терпитъ пустого пространства», говоритъ безспорный афоризмъ физики; «природа полна красоты: она—одна красота!»—столько же непреложный афоризмъ эстетики. Поэтому и критерій всякой красоты—близость къ природѣ и къ ея совершеннымъ по красотѣ моментамъ и формамъ.

Но почему же это такъ? Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объяснить это неисчерпаемое изобиліе красоты въ природѣ? На всѣ эти вопросы едва ли и возможно дать точный отвѣтъ... Не потому ли, что въ той же природѣ такъ же мало зла, какъ много красоты?

И въ самомъ дѣлѣ: зло ради зла вѣдь вовсе невѣдомо внѣшней природѣ. Если зломъ въ общемъ широкомъ опредѣленіи этого понятія считать всякое явленіе, нарушающее гармонію отдѣльныхъ моментовъ данной жизни, разрывающее внутреннюю, разумную связь въ порядкѣ отдѣльныхъ событій, вносящее разладъ и путаницу туда, гдѣ раньше царили гармонія, миръ и стройный порядокъ, то очевидно, что такого зла во внѣшней природѣ нѣтъ вовсе. Такимъ зломъ переполнена исключительно только внутренняя жизнь человѣка, который самъ создаетъ его искусственно въ погонѣ за призрачными благами и за всѣмъ тѣмъ, что онъ въ слѣпомъ заблужденіи хочетъ считать для себя счастіемъ.

Даже такое, повидимому, крайнее изъ золъ, какъ смерть, во внѣшней природѣ и для этой природы перестаетъ

быть зломъ уже потому, что, оставаясь неизбѣжно вѣковымъ явленіемъ, подчинившимъ себѣ всякую жизнь и всякое бытіе, оно тѣмъ самымъ становится и первымъ элементарнымъ признакомъ и свойствомъ этой жизни: все, что живо, должно умереть; что можетъ умереть и страшится этой смерти, то живо...

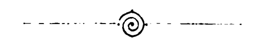
Жизнь и смерть — это только міровая смѣна явленій, это — гармоническое сочетаніе понятій бытія и небытія, это — вѣчная цѣль, смыслъ и правда вселенной, это — единственный способъ обновленія жизни и всего міра.

Колоссальный храмъ жизни, вѣчно обновляемый, вѣчно украшаемый, покоится незыблимо на фундаментѣ и устояхъ, которые созидаются для него смертью. На вѣчныхъ развалинахъ смерти не перестаютъ воздвигаться гордые своею временною, переходящею красотой прекрасные дворцы жизни для того, чтобы, рухнувъ, уступить свое мѣсто еще болѣе пышнымъ и еще болѣе величественнымъ и стройнымъ колоссамъ...

Поэтому и смерть для природы—вовсе не зло, а лишь одинъ изъ главнѣйшихъ, основныхъ моментовъ ея вѣчнаго бытія: безъ ея созидательнаго разрушенія не могла бы возродиться новая, болѣе совершенная жизнь; безъ ея кропотливой, ни на секунду не прекращающейся работы не было бы приготовлено той тучно удобренной нивы, на которой, расцвѣтая, благоухаютъ все новые и новые, а потому вѣчно свѣжіе и вѣчно пышные цвѣты!..

И вотъ среди этой безсмѣнной красоты и ключомъ бьющаго добра жизнь чабана протекаетъ полнымъ, спокойнымъ ручьемъ. Она сливается съ жизнью самой природы и, питаясь только ею, становится настолько неразрывнымъ съ нею, неотдѣлимымъ отъ нея цѣлымъ, что безъ

этой природы не могла бы существовать самобытно. Если отдѣлить этотъ малый ручей отъ общаго русла, онъ, быстро изсякнувъ, засохнетъ; если лишить этого сына природы привычнаго для него приволья и свободы, то даже залитый золотомъ чертогъ и дворецъ стали бы для него тѣсною тюрьмой, въ которой бы онъ, протомившись недолго, зачахъ, какъ чахнетъ и вянетъ самый пышный букетъ въ золотомъ портбукетѣ...

V.

Огромная семнадцатитысячная отара овецъ медленно вспо̀лзала на одно изъ предпослѣднихъ верхнихъ плоскогорій Чатыръ-Дага.

Девять отдѣльныхъ стадъ этой отары одно за другимъ поднимались на свѣжее, еще въ этомъ году нетронутое пастбище, для того, чтобы глубокою осенью подняться еще выше, на самую макушку горы и оттуда уже начать обратное и болѣе быстрое движеніе внизъ лишь послѣ того, какъ снѣгъ, морозы и вьюги сдѣлаютъ совсѣмъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе на такой высотѣ.

Главный атаманъ отары, сѣдой Мусса-Фассафетдинъ-оглу, который еще вчера устроилъ свою штабъ-квартиру съ нѣсколькими громадными котлами для варки овечьяго сыра и полудесяткомъ ружей и перевезъ всѣ запасы и имущество отары, лично принималъ каждое изъ этихъ стадъ и каждому указывалъ свое мѣсто на новомъ пастбищѣ, наблюдая при этомъ, чтобы стадо, досматриваемое болѣе молодымъ, а потому, значитъ, менѣе опытнымъ и надежнымъ чабаномъ, занимало наиболѣе безопасное мѣ-

сто. т.-е. подальше отъ края плоскогорія и окружающихъ его скалъ и ущелій, гдѣ легче спрятаться волку, а овцѣ удобнѣе свалиться въ пропасть и разбиться на смерть.

Только къ вечеру закончилось передвиженіе отары и всѣ ея стада заняли опредѣленныя атаманомъ мѣста. А на завтра Мусса-Фассафетдинъ-оглу назначилъ генеральную провѣрку отары, потому что съ тѣхъ поръ, какъ овцы перешли изъ степей въ горы, онъ еще не дѣлалъ имъ общаго осмотра. Въ другое время онъ и теперь считалъ бы такой осмотръ излишнимъ, но у него въ этомъ году изъ девяти чабановъ четверо было новыхъ, набранныхъ атаманомъ наспѣхъ весной, почти въ день выгона овецъ въ поле, такъ какъ одинъ изъ его чабановъ, Султанъ-Харрысъ, самый надежный и опытный изъ всѣхъ остальныхъ, сдѣлался атаманомъ сосѣдней отары и переманилъ къ себѣ трехъ другихъ, пообѣщавъ каждому изъ нихъ по шести овецъ въ годъ больше того, сколько они получали у Муссы-Фассафетдина-оглу.

Когда эти чабаны заявили о томъ, что они уходятъ на службу къ бывшему своему товарищу, атаманъ не сталъ ихъ задерживать, но при этомъ спросилъ:

— Развѣ я васъ обидѣлъ чѣмъ-нибудь?

Чабаны промолчали.

— Почему же вы молчите? Значитъ, правда, что обидѣлъ?

— Молчимъ потому, что не знаемъ, кому первому слѣдуетъ отвѣчать,—сказалъ на это старѣйшій изъ уходящихъ чабановъ, Абдуллъ-Гаффаръ.—Вѣдь каждый можетъ сказать только за самого себя... А что можно сказать за другого? На каждой мечети свой мулла поетъ.

— Твоя правда,—согласился атаманъ и затѣмъ обратился къ каждому порознь:—Тебя, Абдуллъ-Гаффаръ, я обижалъ?

— Я твоихъ обидъ, ага, не видѣлъ... Языкъ бы мой почернѣлъ, какъ у дохлой овцы, если бы я сказалъ иначе.

— А тебѣ какую я сдѣлалъ неправду, Хуснятдинъ-Иллячъ?—обратился атаманъ къ другому.

— Такую самую, какую матка-овца дѣлаетъ ягненку, когда закрываетъ его своимъ тѣломъ, замѣтивъ надъ стадомъ орла.

— Такъ скажи ты про свою обиду, Фетхулла?

— Хоть ты и приказываешь мнѣ говорить, Мусса-Фассафетдинъ-оглу, но я буду молчать, потому что мнѣ не о чемъ тебѣ разсказать... Дождь идетъ только тогда, когда есть тучи; а когда небо ясное и тучъ нѣтъ,—нѣтъ и дождя.

— Хорошо,—замѣтилъ на это успокоенный атаманъ,—и я самъ не чувствую на душѣ мельничнаго жернова, когда смотрю вамъ въ глаза... Такъ зачѣмъ же вы отъ меня уходите?

— Потому, что такъ нужно,—отвѣтилъ Фетхулла.

— У сосѣда курица всегда красива. Такъ?—спросилъ иронически пословицей атаманъ.

— Нѣтъ, атаманъ,—возразилъ Абдуллъ-Гаффаръ,—это ты не то говоришь... Пусть тебѣ Аллахъ воздастъ во много разъ больше за твою правду и ко мнѣ, и къ нимъ обоимъ, потому что и они сейчасъ похвалили твою справедливость; но вѣдь всякому извѣстно, что даже самый глупый баранъ въ отарѣ тянетъ морду туда, гдѣ трава зеленѣе и гуще... И не умнѣе этого барана былъ бы тотъ чабанъ, который, желая въ зной утолить жажду, сталъ

бы черпать изъ ручья воду дырявымъ листомъ лопуха, когда около него стоитъ крышка отъ капакловъ.

— Дай намъ, ага, столько, сколько онъ обѣщалъ, и тогда твоему глазу не придется увидѣть, большія ли дыры на пяткахъ нашихъ пастоловъ,—прибавилъ Фетхулла.

— У тебя, ага, каждый изъ насъ за лѣто и зиму получаетъ по столько овецъ, сколько пальцевъ на двухъ рукахъ и одной ногѣ безъ одного, а у него,— онъ самъ такъ сказалъ, значитъ такъ и будетъ,—на каждый палецъ обѣихъ рукъ и обѣихъ ногъ придется намъ по овцѣ. Вотъ почему мы уходимъ отъ тебя къ нему,—вставилъ и отъ себя Хуснятдинъ-Иллячъ.

— Пусть будетъ по-вашему,-- сказалъ атаманъ, внимательно прослушавшій чабановъ.—Забирайте, сколько каждому изъ васъ придется получить отъ меня овецъ, и идите съ Богомъ, куда знаете, потому что я не прибавлю вамъ ни одного овечьяго уха: вѣдь только очень глупый человѣкъ станетъ передѣлывать колеса своей арбы и вставлять безъ надобности въ нихъ новыя спицы ради того, что у сосѣда его этихъ спицъ больше. А только я часто слышалъ отъ мудрыхъ людей, что слишкомъ цвѣтистое скоро и линяетъ. Такой цѣны, какую обѣщалъ вамъ Султанъ-Харрысъ, не слыхано еще было на нашихъ горахъ, и я не знаю, что скажетъ ему хозяинъ его, когда въ началѣ зимы онъ поѣдетъ къ нему съ отчетомъ о прибыляхъ и убыткахъ въ отарѣ.

— Это—его дѣло, атаманъ, а не наше,— замѣтилъ Фетхулла.

— Конечно его, а не ваше,—иронически согласился Мусса-Фассафетдинъ-оглу и продолжалъ:—Ты, Фетхулла, да и они оба,—при этомъ атаманъ махнулъ на двухъ

другихъ чабановъ,—на дѣлѣ показали лучше, чѣмъ даже на словахъ, что бѣда атамана—его бѣда, а не ваша. А только меня уже болѣе полусотни разъ зимнія вьюги сгоняли съ верхней яйлы Чатыръ-Дага назадъ, внизъ, къ подножью горы, а я за все это долгое время еще ни разу не слыхалъ, чтобы какая-нибудь овчарка бросила свою отару и ушла къ другой только потому, что другой атаманъ сытнѣе кормитъ своихъ собакъ... И у отцовъ, и у дѣдовъ нашихъ объ этомъ не было слыхано. Вотъ Абдуллъ-Гаффаръ сказалъ сейчасъ, что даже самый глупый баранъ въ отарѣ тянетъ морду туда, гдѣ трава гуще и зеленѣе... Это правда конечно; но этотъ же самый баранъ ни за какую траву и зелень не отстанетъ отъ своей отары и сейчасъ же броситъ самый вкусный кормъ, какъ только увидитъ, что передовые козлы, а за ними и вся отара, уходятъ. А если какъ-нибудь отстанетъ, такъ навѣрно пропадетъ, если только умныя собаки не разыщутъ его и не пригонятъ къ отарѣ. Выходитъ, что бараны и собаки не бросаютъ своихъ; а вотъ люди находятся такіе, что бросаютъ... Кто же лучше?

— Напрасно ты упрекаешь насъ, Мусса-Фассафетдинъ-оглу,—сказалъ на это Абдуллъ-Гаффаръ.—Мы уже сказали Султанъ-Харрысу, что, если ты не перемѣнишь платы, мы—его чабаны: значитъ, перемѣнить своего слова мы уже не можемъ.

— Я и не хочу, чтобы вы его мѣняли... Всякая веревка хороша, пока она не порвалась или не порѣзана, потому что потомъ, какъ ни связывай эти куски, узлы будутъ всегда... Идите себѣ съ Богомъ къ Султанъ-Харрысу... И я безъ чабановъ не останусь: добрый хозяинъ, когда у него дерево высохло, сажаетъ на его мѣсто дру-

гое. И хотя ему придется потрудиться, пока оно подрастетъ и окрѣпнетъ, зато потомъ онъ будетъ имѣть молодое сильное дерево, вмѣсто засыхавшаго стараго.

Атаманъ помолчалъ немного и затѣмъ опять спросилъ:

— Сколько у тебя въ стадѣ пропало овецъ въ прошломъ пастбищѣ, Хуснятдинъ-Иллячъ?

— Шестнадцать ягнятъ и четыре матки.

— А у тебя, Абдуллъ-Гаффаръ?

— Одиннадцать ягнятъ и пять матокъ.

— А ты сколькихъ не досчиталъ, Фетхулла?

— Семь ягнятъ и девятнадцать матокъ... Мнѣ куцый волкъ съ бѣлымъ пятномъ на глазу много бѣды надѣлалъ. Онъ и собаку Айвана покалѣчилъ: на трехъ ногахъ скачетъ теперь.

— Ни у кого изъ чабановъ такого недочета не было: слишкомъ много не хватаетъ,—замѣтилъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

— Это правда, атаманъ: такая уже бѣда упала на меня. Когда я выгонялъ въ прошломъ году свое стадо первый разъ изъ зимней кошары на степь,—заяцъ семь разъ перебѣжалъ мнѣ дорогу справа налѣво, и семь разъ оступился и упалъ передовой козелъ... Ты самъ сказалъ мнѣ тогда, что это—очень худая примѣта. Вышла твоя правда.

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу, Фетхулла,—произнесъ атаманъ:—ягнята въ счетъ не идутъ, потому что ягненка труднѣе уберечь, чѣмъ овцу-матку: ягненка схватитъ беркутъ; ягненка сама отара можетъ задушить въ тѣсномъ проходѣ; ягненокъ отъ холода падаетъ и отъ болѣзни дохнетъ... Ягненокъ пропалъ—моя бѣда.

— У меня ихъ совсѣмъ мало пропало: только семь; у другихъ больше,—замѣтилъ Фетхулла.

— Это все равно, сколько: я ихъ совсѣмъ не считаю... И человѣкъ, и звѣрь, и дерево, пока выростутъ, не надежны: малое скорѣе пропадетъ, чѣмъ большое. Изъ большихъ же овецъ во всѣхъ девяти стадахъ въ томъ году больше шести матокъ не пропало ни у кого. Значитъ, шесть могло и у тебя пропасть. Въ остальныхъ ты самъ виноватъ: не досмотрѣлъ.

— Я не виноватъ,—возразилъ Фетхулла,—бѣда моя виновата.

— Хорошо, пусть такъ: ты не виноватъ, но бѣда, ты самъ сказалъ, твоя?

— Бѣда моя.

— Она и будетъ твоя, а не моя: когда будешь брать своихъ овецъ, оставь въ стадѣ столько матокъ, сколько у тебя пропало больше шести,

Фетхулла задумался: онъ, видимо, считалъ.

— Значитъ, за прошлый годъ мнѣ придется только одна овца?—спросилъ онъ.

— Больше одной не придется,—подтвердилъ атаманъ.

— Мало,—сказалъ чабанъ въ раздумьѣ.

— Это всякій скажетъ,—согласился атаманъ.

— У тебя должно сердце болѣть за меня, атаманъ... Отмѣни свое приказаніе: пусть я возьму все, сколько мнѣ слѣдуетъ.

— Сердце мое не болитъ, и слова своего я не перемѣню.

— Отчего не болитъ? Я—твой чабанъ, значитъ—палецъ твоей руки.

— Пустое говоришь,—усмѣхнулся Мусса-Фассафетдинъ-оглу.—Смотри, это твоя борода?

— Конечно, моя.

— Значитъ, если тянуть тебя за всю бороду или за одинъ волосъ, будетъ больно?

— Это понимаетъ даже дитя. Потяни за бороду хоть козла, и тотъ кричать станетъ.

— Хорошо. Теперь возьми самъ себя рукой за бороду и потяни слегка: останется въ пальцахъ волосъ?

Фетхулла въ точности исполнилъ требуемое (о сёвледы олé!): въ рукѣ его осталось два-три похожихъ на щетину волоса.

— Осталось,—сказалъ онъ.

— Дай мнѣ одинъ.

Фетхулла подалъ. Мусса-Фассафетдинъ-оглу методически взялъ эту щетину въ руки и порвалъ ее на сколько могъ кусковъ. Чабаны въ недоумѣніи смотрѣли на своего начальника: они не могли понять, для чего онъ это все дѣлаетъ.

— Отчего же ты не кричалъ?—спросилъ онъ наконецъ Фетхуллу, окончивъ уничтоженіе щетины изъ его бороды.

— Оттого, что не было причины кричать.

— Развѣ тебѣ не было больно, когда я рвалъ твой волосъ?

Фетхулла даже не отвѣтилъ; онъ только удивленно посмотрѣлъ на атамана.

— Вотъ почему и мнѣ теперь твоя бѣда не болитъ... Пока ты былъ мой—болѣла, а теперь ты мнѣ—то же, что и тебѣ этотъ волосъ, который я сейчасъ на твоихъ глазахъ порвалъ... Ты—чужой!

Фетхулла, видимо, былъ обезоруженъ такимъ нагляднымъ доводомъ, но все же таки сказалъ:

— На нашихъ горахъ не слыхано еще было, чтобы

чабанъ одинъ отвѣчалъ за бѣду, которую Аллаху угодно было послать на отару.

— А слыхалъ ли кто-нибудь, чтобы чабанъ бросилъ своего атамана только за то, что другой пообѣщалъ ему больше?.. Будетъ такъ, какъ я сказалъ, потому что такъ справедливо... Такъ бы поступилъ всякій... Спроси своего новаго атамана, Султанъ-Харрыса, и если онъ разсудитъ по правдѣ иначе, можешь придти и взять своихъ овецъ обратно,—закончилъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу не требующимъ возраженія тономъ и разговоръ на этомъ прекратился.

Чабаны ушли къ новому атаману, а Мусса-Фассафетдинъ-оглу пріискалъ и взялъ себѣ четырехъ другихъ.

VI.

Размѣстивъ отару на новомъ пастбищѣ, атаманъ центральной кошарой для всѣхъ стадъ ея назначилъ пещеру Сулу-Коба, находящуюся въ этой части Чатыръ-Дага.

Громадные гроты этой замѣчательной по величинѣ, едва ли не самой большой пещеры, уходящей легкою покатостью очень далеко въ глубину нѣдръ горы, могли свободно помѣстить въ себѣ не только всѣ семнадцать тысячъ овецъ Муссы-Фассафетдина-оглу, но и еще десятка дватри такихъ же отаръ и при этомъ были бы заняты только центральные высокіе залы ея, а множество боковыхъ проходовъ и отдѣленій, тянущихся цѣлой амфиладой по обѣимъ сторонамъ гротовъ, остались бы свободными.

Сулу-Коба представляла собою еще и то незамѣнимое удобство, что входъ въ нее чрезвычайно широкій, хотя и

замаскированъ снаружи цѣлою толпой утесовъ и каменныхъ глыбъ, декорированныхъ со всѣхъ сторонъ густою чащей кустовъ и деревьевъ.

Сулу-Коба («Холодная пещера») едва ли не самая величественная изъ всѣхъ пещеръ Чатыръ-Дага. Другая, ближайшая къ ней,—Бинъ-Башъ-Коба («Пещера тысячи головъ»), ставшая нѣкогда, какъ показываютъ самое названіе ея и груды череповъ и человѣческихъ костей, разбросанныхъ всюду на пространствѣ ея безконечныхъ темныхъ чертоговъ, мѣстомъ трагической смерти многихъ сотенъ людей, заживо погребенныхъ въ ней какими-то жестокосердными врагами, была бы совсѣмъ непригодна для того, чтобы служить кошарой, такъ какъ входъ въ нее представляетъ изъ себя длинную и узкую извилистую нору, вышиною мѣстами меньше аршина, такъ что человѣкъ можетъ проникнуть въ эту пещеру не иначе, какъ проползя на четверенькахъ пространство въ нѣсколько саженей.

Да если бы какой-нибудь геологическій переворотъ или человѣческая рука и расширили эту нору и даже сдѣлали входъ въ Бинъ-Башъ-Коба такимъ же тріумфальнымъ, какимъ сама природа украсила Сулу-Коба, то и тогда татары едва ли бы рѣшились проникать въ этотъ таинственный чертогъ смерти, богато обложенный сталактитами и сталагмитами, но переполненный грудой костей давно погибшихъ здѣсь невѣдомыхъ мучениковъ.

Изъ каждаго угла этого чертога, изъ каждой сталактитовой ниши выглядываютъ безобразные черепа со своею вѣчною адски-оскаленною улыбкой и зіяющими провалами глазъ, которые точно говорятъ вошедшему:

— Что тебѣ нужно, жалкій червь, здѣсь въ нашей братской могилѣ? Здѣсь нѣтъ мѣста живому! Здѣсь ца-

рятъ безмолвіе, смерть и вѣчный мракъ и покой!.. Прочь отсюда, безумецъ! Ты нарушаешь купленный нами цѣною мученій и смерти тихій загробный миръ... Тамъ, гдѣ вѣками тлѣютъ и разсыпаются въ прахъ наши святыя кости, гдѣ вѣетъ только могильнымъ холодомъ смерти, гдѣ безмолвствуетъ чувство и страсть,—тамъ нѣтъ мѣста звукамъ, согрѣтому жизнью дыханію и мѣрному трепетанію сердца!.. Прочь же отсюда скорѣе, прочь, жалкій сынъ жалкаго міра!! И ты и твой міръ давно уже чужды для насъ... Намъ весело здѣсь безъ тебя... Смотри, мы вѣчно смѣемся, но наше веселье и смѣхъ не для васъ: наша улыбка должна ледянить твою кровь... Прочь поскорѣе, безумецъ, изъ этого зала страшнаго для тебя, хоть и беззвучнаго, окостенѣлаго смѣха!..

Вотъ почему всѣ татары такъ старательно обходятъ эту таинственную усыпальницу тысячи мучениковъ прошлаго, уже одно названіе которой, Бинъ-Башъ-Коба, наполняетъ душу каждаго изъ нихъ невольнымъ страхомъ.

Къ ночи всѣ девять стадъ отары были уже загнаны въ пещеру Сулу-Коба и заняли только два первыхъ, ближайшихъ къ выходу грота, гдѣ теперь пылали два большихъ костра, освѣщая красноватымъ таинственнымъ заревомъ причудливо облитыя сталактитами стѣны этихъ удивительныхъ подземныхъ чертоговъ.

Пламя костровъ то гасло постепенно, когда они прогорали, то вспыхивало вдругъ цѣлымъ пожаромъ, когда въ нихъ подбрасывали свѣжую охапку сухихъ сучьевъ и листьевъ, и отблескъ его, дрожа и переливаясь, игралъ по всѣмъ отдаленнымъ закоулкамъ уходящихъ въ нѣдра горы и сверкающихъ хрусталемъ стѣнъ подземелья.

Получалась столько же оригинальная, сколько и вели-

чественная по красотѣ картина. Громадные, чудесно убранные богатѣйшими лѣпными украшеніями чертоги, полные таинственности и мрака, казались обиталищемъ какихъ-то подземныхъ духовъ.

Невидимый волшебный рѣзецъ такого неподражаемаго художника, какимъ является сама природа, покрылъ куполообразные потолки и всѣ стѣны до отдаленнѣйшихъ закоулковъ этого подземнаго дворца горнаго духа такою до художественности изящною рѣзьбой и сталактитовою лѣпкой, какихъ еще никогда не производила рука человѣка и передъ которыми украшенія надземныхъ дворцовъ показались бы такими же грубыми и бѣдными, какими кажутся и самыя яркія краски на полотнѣ картины передъ нѣжною лазурью небесъ, пурпуромъ утренней зари и чарующею свѣжестью румянца на щекѣ красавицы, вспыхнувшей въ счастливомъ смущеніи послѣ перваго робкаго слова любви! Тамъ вѣдь—только силящаяся приблизиться къ правдѣ безжизненная искусственность, здѣсь—самимъ богомъ красоты одухотворенная правда; тамъ — каждая черточка, каждый штрихъ, какъ бы совершенны и художественны они ни были, стынутъ подъ рукой создавшаго ихъ въ вѣчно неподвижную, точно окаменѣвшую форму, здѣсь же эти штрихи и черточки, созданные однимъ смѣлымъ размахомъ чудесной руки Самого Творца всякой красоты, вѣчно пышатъ этою красотой, брызжущею жизнью и неподражаемою правдой! Тамъ — неподвижная форма, контуръ, очертаніе красоты, здѣсь—то неуловимое, вѣчно живое и потому вѣчно новое, что одухотворяетъ самоё природу; здѣсь—сама красота! Тамъ—тѣло, здѣсь—душа; тамъ—слабый смертный человѣкъ, здѣсь —вѣчный всесильный Богъ!..

Мѣстами сталиктитовыя украшенія стѣнъ напоминаютъ собою изящнѣйшее кружево самаго причудливаго рисунка съ выступающими тамъ и сямъ на сквозномъ фонѣ его замысловатыми узорами и фигурами. Сплетенія тонкихъ сталактитовыхъ жилокъ такъ оригинальны и такъ разнообразны, а рисунки выступающихъ изъ этой художественной сѣтки выпуклыхъ узоровъ такъ гармонично сложны и по содержанію своему неожиданны, что въ общемъ кружево это является неподражаемымъ образчикомъ красоты. А вмѣсто зубчиковъ и кромки оно по всей длинѣ своей окаймляется густою бахромою изъ длинныхъ и тонкихъ сосулекъ сталактита, на каждой изъ которыхъ дрожатъ и серебрятся прозрачныя свѣтлыя капли воды, просачивающейся сквозь толщу горы, и звонко падающія съ высоты на сырой полъ подземелья. Зарево костровъ переливается теперь милліонами блестковъ въ этихъ трепещущихъ капляхъ и потому кажется, будто бахрома эта состоитъ изъ богато убранныхъ алмазами нитей, которыя все время дрожатъ и колеблются, точно живыя...

Чѣмъ выше по сводамъ гротовъ, тѣмъ выпуклѣе выступаютъ эти сталактитовыя наслоенія, представляющія изъ себя уже сплошные ряды барельефовъ, переходящихъ мѣстами въ пластичные горельефы и даже цѣлыя фигуры. Незримый художникъ-скульпторъ не поскупился украсить эти волшебные чертоги неподражаемыми образцами своего удивительнаго по совершенству пластики искусства.

Кромѣ главнаго входа, представляющаго изъ себя нѣсколько вытянутую вверхъ и въ бокъ арку, богато убранную зеленью и потому напоминающую скорѣе тріумфальныя ворота, Сулу-Коба имѣетъ несомнѣнно еще сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ и въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ дымъ

отъ костровъ, поднимаясь клубами вверхъ подъ своды потолка, образовалъ тамъ цѣлое облако, которое длинными языками расползалось во всѣ стороны въ боковые коридоры и отдѣленія и исчезало безслѣдно: очевидно, вверху была довольно замѣтная тяга воздуха, направлявшая эти языки въ другія скважины и отверстія, соединявшія это просторное подземное царство съ внѣшнимъ міромъ.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу, какъ старый и опытный атаманъ, еще до сбора отары въ пещерѣ, которую необходимо было прежде всего освѣтить кострами, сейчасъ же обратилъ вниманіе на эту тягу дыма, указывающую на несомнѣнное существованіе и другихъ, кромѣ главнаго, выходовъ наружу, и, памятуя прежде всего и раньше всего о волкахъ, отдалъ немедленно же такое приказаніе чабанамъ:

— Если дымъ не падаетъ внизъ и не слѣпитъ вашихъ глазъ, значитъ,—какъ въ домѣ труба,—и здѣсь есть гдѣнибудь для него выходъ... А если есть выходъ, то, хотя бы онъ былъ такъ же малъ, какъ ухо двухнедѣльнаго ягненка, хитрый харышхыръ сумѣетъ пролѣзть сквозь него, чтобы надѣлать много бѣды въ нашей отарѣ. Поэтому, прежде чѣмъ загонять овецъ сюда, пустите собакъ: чабана волкъ надуетъ, собаку не проведетъ, потому что собака—тотъ же волкъ, только добрый. Умъ у нихъ одинаковый, только кровь разная: на томъ мѣстѣ, куда попадетъ кровь волка, выростаетъ колючій репейникъ или дурманъ, а потомъ, когда растеніе высохнетъ, выроетъ свою норку тарантулъ; а тамъ, куда капнетъ кровь собаки, или дерево выростетъ, или овца окотится. Только по виду волкъ и собака — одно и то же, какъ и люди всѣ на видъ одинаковы, но есть злые и добрые и разница

между ними такая же, какъ между горящимъ углемъ и снѣгомъ... Пусть собаки прежде обшарятъ пещеру; если тамъ волкъ отъ собачьяго глаза можетъ спрятаться, то уже духа своего отъ песьяго носа не укроетъ.

И умныя овчарки точно угадали мысль атамана: прежде чѣмъ чабаны сдѣлали что-нибудь, онѣ сами бросились въ пещеру и немедленно же скрылись изъ глазъ въ ея темныхъ проходахъ и извилинахъ.

Но волчьяго духа, очевидно, не оказалось, потому что черезъ нѣсколько времени собаки одна за другой стали опять появляться наружу. Теперь можно было вполнѣ безопасно загонять и овецъ.

Когда это было исполнено, и овцы, окруженныя, какъ и на вольномъ пастбищѣ, цѣпью собакъ, успокоились,— вокругъ костровъ усѣлись чабаны вмѣстѣ съ атаманомъ.

Очень долго длилось глубокое молчаніе.

Этотъ волшебный, точно хрусталемъ залитый подземный дворецъ, который теперь сверху донизу блисталъ и искрился, эта точно окаменѣвшая масса овецъ и, наконецъ, неподвижно застывшіе у костровъ силуэты чабановъ—представляли собою удивительно оригинальное зрѣлище. Въ кожаныхъ шароварахъ и бараньихъ полушубкахъ, туго перетянутыхъ широкими поясами съ металлическими украшеніями и обязательно привѣшеннымъ у каждаго коротким ножомъ, съ такими же широкими перевязями черезъ плечо, на которыхъ виситъ сумка съ славословіемъ Аллаху и его величайшему изъ пророковъ Магомету, въ мягкихъ буйволовыхъ макассинахъ, перевитыхъ крестъ-накрестъ почти до колѣнъ тонкими ремешками, и въ надвинутыхъ почти на самые глаза очень высокихъ остроконечныхъ бараньихъ шапкахъ съ длинною всклокоченною шерстью,

здоровыя и сильныя фигуры чабановъ и ихъ точно изъ темной бронзы вылитыя красивыя лица съ сосредоточенно серьезнымъ и почти неподвижнымъ выраженіемъ дѣлали ихъ похожими скорѣе на разбойниковъ, чѣмъ на мирныхъ пастуховъ мирно заснувшей отары. Вся группа представляла изъ себя такую удивительно художественную по простотѣ и граціозности въ цѣломъ живую картину, какой не въ силахъ были бы воспроизвести ни рѣзецъ, ни кисть даже величайшихъ маэстро.

Совершенное безмолвіе длилось до тѣхъ поръ, пока его не нарушилъ, какъ и слѣдовало по правиламъ восточнаго этикета, равно строго соблюдаемаго въ сераляхъ, какъ и среди полудикихъ горныхъ чабановъ, старшій, атаманъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

— Двѣ новыя луны пройдутъ надъ землей и уйдутъ подъ нее прежде, чѣмъ наша отара поднимется на самый верхъ Чатыръ-Дага.

Чабаны почтительно молчали.

— На этой яйлѣ травы много: для нашей отары хватило бы до самой замы, если бы не отара Султанъ-Харрыса-оглу. Черезъ день-два и она уже придетъ сюда и тогда двумъ скоро станетъ тѣсно...

Чабаны безмолвствовали.

Наступила опять совершенная тишина, длившаяся очень долго. Слышенъ былъ только трескъ сухихъ сучьевъ въ кострахъ, да изъ глубины гротовъ все время доносился обычный шумъ отъ заснувшей отары: безконечное чиханіе и сдавленный кашель сонныхъ овецъ, перхотящее блеяніе вѣчно безпокойныхъ козловъ, ни на минуту не прекращающееся переминаніе на одномъ мѣстѣ многихъ тысячъ овечьихъ ногъ, напоминающее по звуку безпрерывное

треніе одна о другую двухъ гигантскихъ жесткихъ щетокъ, какіе-то удушливые до хрипоты отрывистые стоны овецъ, которымъ, вѣроятно, грезились бросающіеся на нихъ волки или, можетъ быть, камнемъ падающіе на ихъ дѣтенышей беркуты и другіе трудно объяснимые, но всегда раздающіеся по ночамъ въ овечьихъ кошарахъ звуки.

Отъ неподвижно сидѣвшихъ вокругъ костровъ чабановъ по стѣнамъ гротовъ ползли громадныя чудовищныя тѣни, которыя все время дрожали отъ неровно вспыхивающаго пламени, и то блѣднѣли и расплывались въ общемъ мракѣ, когда пламя постепенно ослабѣвало, то вдругъ, когда оно вспыхивало съ новою силой, отчетливо вырисовывались на ближайшихъ сталактитовыхъ сводахъ густыми черными силуэтами, заканчиваясь вверху длинными-длинными языками отъ остроконечныхъ бараньихъ шапокъ чабановъ.

Нѣсколько лежавшихъ внутри гротовъ около своихъ стадъ овчарокъ уткнули морды въ вытянутыя впередъ лапы и не шевелились, точно спали. Но вдругъ среди общаго безмолвія всѣ собаки, какъ одна, сразу приподняли свои головы, ощетинились и зарычали сердито и глухо. Въ тотъ же самый моментъ наружи нѣсколько десятковъ ихъ бѣшено рванулись куда-то, оглашая тишину ночи похожимъ скорѣе на вой лаемъ. Вой этотъ, постепенно удаляясь, доносился съ разныхъ сторонъ: очевидно было, что умныя собаки, почуявъ волка и ринувшись на него, образовывали сразу же цѣпь для того, чтобы отрѣзать отступленіе ненавистному хищнику.

Двое изъ сидѣвшихъ ближе къ выходу чабановъ быстро поднялись со своихъ мѣстъ и, схвативъ стоявшія неподалеку ружья, бросились, какъ-то нагибаясь на ходу, изъ

пещеры. Двое другихъ выбѣжали вслѣдъ за ними безъ ружей.

Черезъ нѣсколько секундъ раздалось громкое гоготанье ихъ, а потомъ съ двухъ разныхъ сторонъ и два почти одновременныхъ выстрѣла, послѣ которыхъ собаки, находившіяся внутри гротовъ, немедленно же успокоились и снова положили свои головы на протянутыя впередъ лапы.

Прошло минутъ десять, въ теченіе которыхъ атаманъ прислушивался къ доносившимся по временамъ извнѣ звукамъ. Наконецъ, все стихло и чабаны одинъ за другимъ возвратились къ кострамъ и такъ же безмолвно усѣлись на свои мѣста, зарядивъ предварительно только что разряженныя выстрѣлами ружья.

— Откуда приходилъ?—спросилъ атаманъ перваго возвратившагося изъ чабановъ.

— Сверху,—коротко отвѣчалъ тотъ, понимая, конечно, что рѣчь идетъ о волкѣ.

— Много?

— Два... Одинъ ушелъ назадъ, а другой пошелъ внизъ: ему сабаки наши отрѣзали дорогу наверхъ.

— Къ утру пойдетъ назадъ,—сказалъ атаманъ положительнымъ тономъ и затѣмъ продолжалъ: — Теперь около нашей отары всѣхъ четырнадцать волковъ и между ними тотъ куцый, съ бѣлымъ пятномъ на глазу, который уже сдѣлалъ намъ много бѣды... Тотъ изъ васъ, который принесетъ мнѣ его куцый хвостъ, получитъ за него двѣ матки съ ягнятами. Его нужно убить, потому что всѣ они хитры, но этотъ—хитрѣе всѣхъ. Такого волка уже давно не было на нашихъ горахъ: это—надъ волками волкъ и если не убьемъ его, наконецъ, будетъ великая бѣда.

— Онъ — сынъ той самой волчихи, ага, которая пять

зимъ тому назадъ загрызла твою бѣлую кобылу,—сказалъ одинъ старый чабанъ изъ выбѣгавшихъ на тревогу.

— Да,—сынъ,— отвѣчалъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу.— Онъ—ея зубъ отъ зуба и коготь отъ когтя: и шея такая же толстая, какъ у чушки. У него былъ братъ, выше него ростомъ и тоже съ пятномъ на глазу, только не куцый; тотъ былъ совсѣмъ не такой волкъ, какъ этотъ; тотъ былъ какъ и всѣ волки. Того загрызли два года тому назадъ наши овчарки,—вотъ этотъ, Чибинъ,—и атаманъ указалъ на лежавшаго неподалеку огромнаго съ мрачнымъ видомъ желто-бѣлаго пса, который при этомъ слегка только шевельнулъ хвостомъ, но головы не поднялъ,—и другой,— бѣдный Хыргы [1]), котораго потомъ эта проклятая волчиха задушила на моихъ глазахъ, прежде чѣмъ я успѣлъ ее застрѣлить... Она схватилась съ нимъ тамъ, въ оврагѣ, за Волчьей скалой, подъ которой я цѣлую ночь сидѣлъ съ ружьемъ, подкарауливая ее... Я видѣлъ, какъ они сцѣпились на днѣ оврага и долго крутились въ ямѣ, какъ одно тѣло. Они даже не рычали... Я не могъ стрѣлять, потому что боялся убить мою добрую собаку. Потомъ они вдругъ поднялись на заднія лапы, обнявшись передними, и долго стояли неподвижно, оскаливъ зубы, и смотрѣли другъ на друга кровавыми глазами... Въ то время уже совсѣмъ разсвѣло и я хорошо видѣлъ и помню ихъ борьбу... Они боролись совсѣмъ какъ люди... Морды ихъ были такъ близко одна къ другой, что клыки собаки цѣплялись за клыки волчихи и стучали, а сами они топтались на одномъ мѣстѣ... Мой Хыргы былъ сильнѣе ея, а она—ловче него... Вдругъ волчиха схватила собаку подъ горломъ, и я

---

[1]) Чибинъ-муха. Хыргы-ястребъ.

самъ слышалъ, какъ бѣдный Хыргы застоналъ, какъ человѣкъ... Видя, что собака все равно погибаетъ, потому что, если волку удалось схватить какое-нибудь животное за горло, оно уже не останется въ живыхъ,—я выстрѣлилъ и въ ту же секунду оба повалились на землю... Когда я прибѣжалъ, они оба уже были мертвыми, но все еще лежали обнявшись... Клыки волчихи такъ глубоко вонзились въ горло собаки, что она, убитая моей пулей наповалъ, уже не могла ихъ вытащить обратно. Несчастная собака лежала около волчихи съ высоко поднятой вверхъ головой, а изо рта у нея далеко высунулся облитый кровью языкъ... Оба погибли... Жалко пса! Онъ былъ какъ человѣкъ—умный, только что не говорилъ, а по силѣ и храбрости не было ему равнаго и между волками... Если бы онъ былъ живъ, куцый волкъ не ушелъ бы отъ него...

— Да, Хыргы былъ рѣдкая собака... Когда такая собака есть при стадѣ, чабанъ можетъ спокойно спать,— добавилъ тотъ же самый старый чабанъ и продолжалъ:— Онъ меня въ одинъ годъ два раза спасъ отъ бѣды: одинъ разъ на меня самого напало сразу четыре волка, а у меня въ рукахъ была только чабанская палка съ крючкомъ, ружья не было. Это было далеко отъ отары. Я пошелъ искать больную матку, которая отстала отъ стада, и не взялъ съ собою собаки. На меня напало четыре волка и если бы я не успѣлъ взлѣзть на маленькое дерево, я бы пропалъ. Но и на деревѣ я былъ въ опасности: высоко нельзя было лѣзть, потому что дерево было тонкое, молодое, а волки прыгали почти до меня и отъ злости грызли дерево. Я сталъ кричать, но не надѣялся, чтобы меня кто-нибудь услыхалъ, потому что это было очень далеко отъ стада. Однако Хыргы услыхалъ: у него ухо было

такое, что слышало приближеніе вѣтра и бури за два дня... Онъ опять съ Чибиномъ прибѣжалъ ко мнѣ на выручку (они всегда держались вмѣстѣ и теперь бѣдный Чибинъ осиротѣлъ, потому что ему нѣтъ пары) и отъ двухъ волковъ остались только клочки, а два другихъ убѣжали, и изъ этихъ одинъ—совсѣмъ искалѣченный. Этотъ волкъ еще и теперь живъ и только съ тѣхъ поръ скачетъ на трехъ ногахъ. Онъ у меня двѣ недѣли тому назадъ ягненка унесъ.

VII.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу хотѣлъ что-то сказать, но въ это самое время гдѣ-то очень близко вверху раздалось вдругъ оглушительное и грозное рыканіе, точно зарычала въ одинъ и тотъ же моментъ цѣлая сотня собакъ. Это даже было не рычаніе и не рыканіе, а какое-то буквально удесятеренное въ силѣ звука мычаніе разсвирѣпѣвшаго быка, но мычаніе отрывистое, со скачками, очень густое и звучное въ началѣ каждаго отдѣльнаго колѣна и раскатисто-хрипящее въ концѣ, при чемъ колѣна эти такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что прослѣдить и отдѣлить каждое колѣно одно отъ другого почти не было возможности: точно гигантскій рогъ ревѣлъ и гудѣлъ гдѣ-то очень близко.

Одинъ изъ молодыхъ чабановъ, сидѣвшій около атамана, пугливо вскочилъ съ мѣста при первыхъ же звукахъ этого рева, но Мусса-Фассафетдинъ-оглу спокойно сказалъ ему:

— Кырк-ма́! Оттуръ: сыгы́нъ! [1])

[1]) Не бойся! Сиди: олень!

И дѣйствительно: не только атаманъ и всѣ старые чабаны, но даже собаки остались совершенно спокойными, несмотря на этотъ страшный, оглушительный ревъ.

Наступилъ уже сентябрь, а въ это время въ лѣсныхъ дебряхъ подобное явленіе, хотя и рѣдкое само по себѣ вообще, все же было обыкновеннымъ. Начинался *оленій ревъ.*

Едва прозвучали первые перекаты этого рева надъ пещерой, какъ откуда-то снизу донесся не такъ громко, но явственно такой же самый ревъ оленя, отвѣчавшаго первому; къ этому второму сейчасъ же присоединились сразу еще два точно такихъ же грозныхъ рева сверху; потомъ еще и еще два-три новыхъ съ разныхъ сторонъ, и черезъ нѣсколько минутъ вся гора задрожала отъ демоническаго концерта. Теперь уже этотъ соединенный ревъ почти цѣлаго десятка оленей напоминалъ прямо рыканіе нѣсколькихъ львовъ, при чемъ дальніе замѣтно стали приближаться къ пещерѣ и, наоборотъ, первый заревѣвшій сталъ отъ нея уходить.

Слушая это оглушительно грозное рыканіе, трудно было даже повѣрить, чтобы оно исходило изъ груди такого небольшого и на видъ слабаго животнаго, какимъ является вѣчно преслѣдуемый, несмотря на всѣ строгости запрета, красавецъ-олень крымскихъ горъ. А между тѣмъ этотъ грозный оленій ревъ хорошо знакомъ людямъ, проводящимъ полжизни среди горныхъ дебрей.

Явленіе это изъ-года въ годъ повторяется только въ сентябрѣ, когда между оленями происходятъ ожесточенныя битвы изъ-за самокъ. И какъ только откуда-нибудь изъ непроходимой трущобы оврага раздастся этотъ могучій призывный кличъ оленя-самца, вызывающаго на смерт-

ный бой сосѣда-врага, ему изъ ближайшаго ущелья сейчасъ же прогремитъ такой же грозный отвѣтъ...

Все ближе и ближе подступаютъ одинъ къ другому эти смертельные враги-рыцари и вотъ, наконецъ, они уже сходятся гдѣ-нибудь, среди каменныхъ грудъ оврага, или на самомъ краю нависшей надъ пропастью одинокой скалы, и одинъ изъ нихъ, а нерѣдко и оба погибаютъ послѣ геройски отчаяннаго боя. Они или сваливаются оба въ бездну, не замѣтивъ въ пылу этой рыцарской схватки не на жизнь, а на смерть, разверстой подъ самыми ихъ ногами могилы, и разбиваются о груды камней на днѣ ея, или—что еще хуже и что также бываетъ весьма нерѣдко — послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ сшибокъ такъ перепутываются своими роскошными вѣтвистыми рогами, что уже никакими силами не могутъ разъединить своихъ наклоненныхъ къ самой землѣ головъ и остаются въ такомъ положеніи, сначала топчась и кружась безсмысленно на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ падаютъ отъ усталости на колѣни и, задыхаясь отъ бѣшеной ярости и грызя землю въ безсильной злобѣ, издыхаютъ въ концѣ концовъ оба соединенные и послѣ смерти неразрывными узами роговъ.

Но до такого исхода чаще всего ихъ не допускаютъ ликующіе въ подобныхъ случахъ волки: какъ только начинается этотъ въ буквальномъ смыслѣ смертельный бой, цѣлая стая ихъ осторожно приближается къ дерущимся и, зорко наблюдая за ними, выжидаетъ момента, когда уже противники, у которыхъ отростки вѣтвистыхъ роговъ при лобовыхъ сшибкахъ заскакиваютъ одни за другіе, не могутъ отдѣлиться другъ отъ друга.

Тогда во мгновеніе ока появляются на сцену эти кровожадные посредники боя и... черезъ нѣсколько минутъ

отъ соперниковъ остается только пара перепутавшихся роговъ, оканчивающихся каждые обглоданными костями головъ... Кровавая тризна длится не долго: хищная стая тутъ же, на мѣстѣ, раздираетъ тѣла несчастныхъ бойцовъ и пожираетъ ихъ еще дымящимися, горячими, дрожащими...

А въ это время изъ другого ущелья опять доносится такой же самый воинственный кличъ второй пары, и стая спѣшитъ докончить этихъ, чтобы во-время поспѣть на новую тризну...

Заглушавшій сначала все ревъ надъ Сулу-Коба, гдѣ ночевала отара Муссы-Фассафетдина-оглу, сталъ, наконецъ, ослабѣвать: олени сходились гдѣ-то далеко въ сторонѣ.

Теперь уже можно было опять продолжать разговоръ.

— Ну, теперь этою ночью волкамъ не до насъ: у нихъ будетъ другая пожива,—сказалъ атаманъ.—Сегодня первый разъ въ этомъ году запѣли олени. А когда запоетъ олень, значитъ приходитъ волчій Курбанъ-Байрамъ послѣ долгой уразы. Сегодня можно было бы даже выпустить отару безъ собакъ и чабановъ: ни одинъ волкъ не останется на этой яйлѣ, потому что олени ушли драться въ нижніе овраги, а за ними спустятся туда же и всѣ волки. Ты, Менали-Сабыръ, кажется, испугался?.. Лицо твое перемѣнилось, когда началъ пѣть свою пѣсню этотъ олень,—обратился онъ къ молодому чабану, одному изъ взятыхъ вмѣсто ушедшихъ.

— Я, атаманъ, никогда еще не слыхалъ, какъ поетъ олень... И развѣ можно подумать, чтобы это онъ такъ кричалъ?—отвѣчалъ тотъ, потупясь.

— Это слыхалъ не всякій и изъ старыхъ чабановъ,—успокоилъ его атаманъ,—потому что олень поетъ разъ-два въ году... Только онъ поетъ себѣ на погибель. Со-

ловью Богъ далъ такой громкій и пріятный голосъ на славу: когда онъ запоетъ, даже злой волкъ остановится, чтобы послушать его, а человѣкъ, который плакалъ отъ горя, перестаетъ плакать и вмѣсто слезъ на лицѣ его будетъ улыбка: такъ сладко поетъ эта маленькая птичка. Оленя же Аллахъ наградилъ такимъ голосомъ на бѣду ему: люди, какъ ты сейчасъ, которые еще не слыхали его крика, боятся его, а злой волкъ будетъ знать, гдѣ онъ кричитъ, и скоро найдетъ его. Выходитъ, что соловью — слава, то этому — смерть.

— Зачѣмъ онъ кричитъ?—спросилъ молодой чабанъ.

— Другого оленя драться зоветъ.

Опять наступило молчаніе. Костры прогорѣли и въ гротахъ стало почти темно. Одинъ изъ чабановъ подбросилъ на уголья по охапкѣ сухихъ вѣтвей. Пламя вспыхнуло и ярко освѣтило всю картину.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу снова заговорилъ и теперь уже строгимъ наставительнымъ тономъ:

— Вы, молодые чабаны, еще первый разъ пришли въ горы и на эту яйлу, такъ помните же, что чабанъ долженъ спать однимъ глазомъ, ѣсть однимъ зубомъ, хлѣбъ брать одною рукой, и то лѣвою, а въ мысляхъ не имѣть ничего другого, кромѣ овецъ и волковъ, потому что волкъ никогда не дремлетъ и отъ зари до зари только и думаетъ, какъ ему перехитрить чабана и собакъ. Подъ луной нѣтъ звѣря хитрѣе и злѣе волка... Онъ—сынъ шайтана и бѣшеной суки, а волчиха — дочь гулехи и бѣшенаго пса. Куда пришла отара, туда раньше нея на одно солнце пришли уже и всѣ волки. Волкъ—вторая тѣнь овцы: первая ходитъ за овцой, когда она идетъ противъ солнца, и передъ овцой, когда она отъ солнца уходитъ; а эта, вторая, идетъ

сразу со всѣхъ сторонъ овцы, и никакой глазъ не можетъ увидѣть ее во-время; только носъ вѣрной собаки почуетъ ее, когда она очень приблизится къ овцѣ. Помните же все это, чабаны, потому что тотъ чабанъ, который бы этого не помнилъ, былъ бы достоинъ попасть въ лапы и зубы этимъ самымъ волкамъ. И прежде всего и раньше всего пусть каждый изъ васъ знаетъ, что при сильномъ вѣтрѣ самыя чуткія собаки должны быть всегда за отарой по вѣтру, потому что этотъ хитрый сынъ шайтана и бѣшеной суки никогда не подходитъ къ отарѣ вмѣстѣ съ вѣтромъ, а всегда противъ вѣтра: онъ хорошо знаетъ, что если онъ пойдетъ по вѣтру, то собачій носъ почуетъ его духъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ надѣлать бѣды, и тогда бѣда ему самому. Овца—самое кроткое, но и самое глупое животное въ свѣтѣ; оттого она и беззащитная и безъ чабана и собаки не прожила бы и одного пастбища. Вотъ почему, когда волку удалось обмануть сторожей отары и подойти къ ней откуда-нибудь, онъ хватаетъ ближайшую овцу и рветъ ее на клочки. А въ это время все стадо отбѣгаетъ на нѣсколько десятковъ шаговъ и, повернувшись къ нему головами, молча смотритъ, какъ онъ разрываетъ первую овцу. Порвавши ее, волкъ опять приближается и хватаетъ еще одну; отара опять отбѣгаетъ недалеко и опять глупыя головы овецъ смотрятъ на него до тѣхъ поръ, пока онъ не покончитъ со второю и не примется за третью, четверую, десятую и за послѣднюю. При этомъ ни шума, ни крика не бываетъ никакого. И если чабанъ заснулъ, а собаки всѣ ушли въ одну сторону, волкъ можетъ рвать, сколько хочетъ овецъ, и никто ничего не услышитъ. Одного онъ боится при этомъ: не натолкнуться бы какъ-нибудь на козу. Коза во сто кратъ умнѣе овцы: увидя приближа-

ющагося волка, она поднимаетъ такой крикъ, что, какъ бы далеко собаки ни были, онѣ всегда услышатъ ее и прибѣгутъ на выручку. У молодыхъ и неопытныхъ чабановъ волки изъ-за такой глупости овецъ дѣлаютъ очень и очень много бѣды.

Старикъ замолчалъ. Чабаны, почтительно слушавшіе его, не нарушали этого молчанія. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять продолжалъ:

— Однако, какая бы бѣда ни случилась, первую помощь каждый чабанъ долженъ искать и ожидать отъ атамана, потому что атаманъ всегда подастъ мудрый совѣтъ и указаніе. Поэтому всякій чабанъ долженъ ничего не скрывать отъ своего атамана, а правдиво ему все разсказывать. Если же разумъ чабана такъ помутится, что онъ станетъ не умнѣе самой глупой овцы и захочетъ скрыть правду отъ своего атамана, тогда уже пусть онъ лучше станетъ нѣмымъ и пусть лучше молчитъ обо всемъ, чѣмъ скажетъ не то, что было и что есть: вѣдь еще прадѣды нашихъ прадѣдовъ говорили, что языкъ нѣмого лучше языка лгуна.

— Развѣ кто-нибудь изъ насъ когда-нибудь солгалъ тебѣ въ чемъ-нибудь, ага?—позволилъ себѣ вставить одинъ изъ чабановъ.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу не счелъ нужнымъ не только отвѣтить, но даже посмотрѣть на позволившаго себѣ перебить его рѣчь и тѣмъ же тономъ продолжалъ:

— Зато пусть радуется чабанъ, а съ нимъ и атаманъ отары, если около стада волчиха выведетъ своихъ волчатъ: тогда за цѣлое пастбище она сама не тронетъ ни одного ягненка, даже и не позволитъ этого сдѣлать и волку: хитрый звѣрь около своего гнѣзда, гдѣ у него есть

дѣти, не трогаетъ ничего, чтобы не стали искать ее здѣсь и не убили ея дѣтей. Но отарѣ, пасущейся за десять верстъ отъ ея логовища, будетъ очень плохо: весь кормъ для всего ея проклятаго семейства она будетъ брать въ этой дальней отарѣ.

Та самая волчиха, которая задушила Хыргы, вывела на свѣтъ этого своего куцаго сына и его брата около нашей отары, и я самъ разъ видѣлъ, какъ этотъ куцый волкъ—онъ и волченкомъ былъ такимъ же куцымъ — игралъ съ отставшимъ отъ нашей отары ягненкомъ, а старая волчиха лежала подъ скалой и ласково смотрѣла, какъ ея любимое дѣтище потѣшалось, таская ягненка за его маленькій курдючокъ... И ягненокъ остался цѣлъ и невредимъ. Она не только не разорвала его, но—кто бы могъ повѣрить—когда волченокъ вдоволь наигрался, взяла, какъ мать, этого ягненка осторожно зубами за спину и отнесла его поближе къ стаду, отъ котораго онъ отбился. Волчиха боялась, чтобы онъ не пропалъ около ея гнѣзда и чтобы чабаны не подумали на нее. Я самъ видѣлъ все это собственными глазами и благодарилъ Аллаха, что онъ далъ мнѣ увидѣть это самому, потому что если бы мое ухо только услышало что-нибудь подобное отъ кого-нибудь другого, то тотъ, кто бы мнѣ разсказалъ такую невѣроятную вещь, навсегда бы остался для меня лгуномъ: вѣдь кто солгалъ даже одинъ только разъ въ жизни, уже навсегда не будетъ ни въ чемъ имѣть вѣры отъ людей... И этотъ ягненокъ до сихъ поръ цѣлъ и невредимъ: это—тотъ самый баранъ съ двумя рыжими пятнами на шеѣ, который у тебя въ стадѣ, Менали-Сабыръ, идетъ всегда около передового козла. Да... Все, что только можетъ видѣть солнце и слышать громъ на свѣтѣ, все должно про-

клинать и проклинаетъ эту мерзкую тварь, волка, потому что волкъ—самое худшее изъ золъ подъ луною и только для своихъ волчатъ волчиха—самое кроткое, ласковое, заботливое и самое доброе существо. Это потому, что нѣтъ ничего такого изъ того, что можно видѣть, слышать и чувствовать, до чего бы не могъ хоть одинъ разъ въ жизни прикоснуться шайтанъ; а до чего хоть разъ дотронется этотъ заклятый врагъ всего живого, который, если не погубилъ еще всего свѣта, такъ только по великой благости Аллаха и по молитвамъ величайшаго изъ всѣхъ святыхъ когда-либо родившихся на землѣ пророковъ,—пророка Магомета, то уже навсегда будетъ испорчено и отравлено: всякая самая глубокая рана заживаетъ, но слѣдъ шайтанской порчи не заживаетъ никогда. И только одного еще никогда шайтанъ не могъ одолѣть и испортить—сердца матери! Какъ беркутъ, парящій выше облаковъ, для чабана, какъ нѣжный свѣтъ утренней зари для слѣпого, какъ птица на верхушкѣ дерева для рыбы морской, какъ груды золота на днѣ океана для младенца, сосущаго грудь матери, а мудрость Корана для жалкаго червя, сидящаго въ упавшемъ съ дерева яблокѣ,—такъ же точно и сердце матери недоступно и неуловимо для богомерзкаго ехидства шайтана. Всего коснулось на свѣтѣ зло, все можетъ осквернить своею страшною злостью шайтанъ, и только одно материнское сердце всегда благоухаетъ на свѣтѣ у людей и у звѣрей, у насѣкомыхъ и рыбъ и у всего, что живо и что можетъ плодиться, какъ пышный райскій цвѣтокъ!

Оно одно только во всякую минуту жизни доброе: и въ счастіи, и въ бѣдѣ, и въ радости, и въ печали; для добра и ласки въ немъ всегда открыты ворота такія же

широкія, какъ самая большая пропасть, и нѣтъ даже едва примѣтной скважины, черезъ которую могло бы проникнуть въ него зло... Оттого и зло не знаетъ его вовсе, и оно само вовсе не знаетъ зла... Оттого и самыя проклятыя твари на землѣ берегутъ и лелѣютъ своихъ дѣтей: кровожадная волчиха ради дѣтей своихъ отвернется даже отъ горячей крови, какъ отъ уксуса; смертоносная тарантулиха носитъ ихъ долго на себѣ самой, а проклятыя Богомъ скорпіониха и змѣя грѣютъ ихъ своими тѣлами, въ которыхъ нѣтъ и капли крови, а течетъ одинъ только ядъ! И всѣ эти мерзкія твари во всякую минуту отдадутъ свою жизнь за самый ничтожный кончикъ лапки или хвоста своихъ дѣтей. Мудрость Аллаха, создавшаго свѣтъ и все на свѣтѣ, была безмѣрная: какія бы бѣды ни произошли на нашей землѣ, хотя бы даже на нее упали всѣ семь небесъ,—міръ не пропадетъ: его отъ гибели избавитъ материнская любовь! Она сильнѣе всего на свѣтѣ, она сильнѣе даже злости волчихи! А потому, чабаны, не бойтесь совсѣмъ волчихи, когда она около васъ устроитъ гнѣздо для своихъ волчатъ, но бойтесь самаго далекаго волка.

Не вѣрьте слѣду волка на снѣгу: онъ всегда будетъ одинъ, хотя бы тамъ прошла цѣлая сотня ихъ, потому что даже сто волковъ, если ноги ихъ оставляютъ на землѣ ясный слѣдъ, идутъ всегда одинъ за однимъ и наступаютъ каждый на одно и то же самое мѣсто.

Пусть каждый изъ васъ скорѣе забудетъ положить въ ротъ хлѣбъ, чѣмъ въ дуло ружья зарядъ, потому что пустое ружье—то же, что ослѣпшій глазъ, или отрубленная отъ тѣла рука: и то, и другое, и третье одинаково безполезно.

Но какъ бы ни былъ хитеръ волкъ, человѣкъ все же умнѣе его, а съ помощью вѣрной и такой же умной, какъ волкъ, собаки и гораздо сильнѣе его. Значитъ, если у чабана волкъ надѣлалъ много бѣды,—не годится чабанъ: такому чабану перестанутъ вѣрить и атаманъ, и другіе чабаны; такого чабана перестанутъ слушаться даже собаки. Такой чабанъ пусть лучше пойдетъ копать землю на сосѣдской бахчѣ, или натыкать кусочки мяса на спицы въ шашлышнѣ: тамъ, по крайней мѣрѣ, его не перехитритъ ни зарѣзанный баранъ, ни лопата! Если бы чабанъ не умѣлъ перехитрить волка, давно уже не осталось бы ни одной овцы на свѣтѣ. Толковый чабанъ можетъ сдѣлать и такъ, что самый злой волкъ, если только онъ не бѣшеный, никогда не тронетъ овцы, даже и безъ чабана и безъ собки. Я самъ, когда еще былъ чабаномъ, спасъ трехъ своихъ матокъ отъ цѣлой стаи волковъ.

Это было уже давно, очень давно, когда еще на моей головѣ было столько волосъ, сколько шерсти на самомъ кудлатомъ бараньемъ курдюкѣ и когда еще во всей этой отарѣ ногъ и ушей было вдвое меньше, чѣмъ теперь головъ. Тогда и волковъ было гораздо больше, чѣмъ теперь. Былъ тогда одинъ старый рыжій волкъ со сломаннымъ хвостомъ, который у него висѣлъ и мотался, какъ переломанная вѣтка на яблонѣ: онъ путался у него въ ногахъ и мѣшалъ ему бѣжать. Этотъ волкъ только три зимы и жилъ у насъ на горахъ, а куда потомъ дѣвался,—Аллахъ вѣдаетъ, но только вдругъ среди лѣта пропалъ: вѣрно околѣлъ гдѣ-нибудь въ оврагѣ, а коршуны и карги съѣли его раньше, чѣмъ кто-нибудь изъ чабановъ успѣлъ увидѣть его трупъ.

— Ты, Куртсаибъ, его помнишь?—обратился атаманъ

къ самому старому чабану, начавшему тѣмъ временемъ приготовлять ѣду въ котелкѣ.

— Помню... Хорошо помню... Это былъ какой-то проклятый волкъ; вѣрно самъ шайтанъ его помѣтилъ, обломавши ему хвостъ. Онъ разъ въ бурю у меня въ стадѣ десять матокъ зарѣзалъ, пока я успѣлъ прибѣжать, и на все это у него пошло не больше времени, чѣмъ сколько нужно для овцы, чтобы напиться воды. Злой былъ волкъ, упаси Богъ, какой злой, но не такой хитрый, какъ этотъ куцый,—отвѣчалъ старикъ Куртсаибъ, мѣшая большою жестяною ложкой въ котлѣ, куда онъ только что всыпалъ пшена и налилъ овечьяго молока.

— Твоя правда, Куртсаибъ, что злой былъ волкъ, а главное то, что онъ всегда нападалъ въ бурю. Онъ и другихъ волковъ водилъ и всегда бывалъ впереди. У него была очень большая лапа и его слѣдъ былъ широкій, такой широкій, какъ отъ копыта жеребенка. Онъ между волками большимъ агой былъ, и они его слушались, какъ чабаны своего атамана. Въ ту осень у него въ стаѣ бѣгало двадцать волковъ безъ одного. Я его вой зналъ хорошо: толще и громче его голоса не было на всѣхъ горахъ: за семь верстъ было слышно.

Разъ, когда уже насъ снѣгъ и вьюги гнали назадъ, внизъ, въ кошару, налетѣла совсѣмъ неожиданно великая буря. Нашъ атаманъ, мой покойный бабай,—пусть милосердный Аллахъ успокоитъ его благочестивую душу въ раю Магомета и пусть поручитъ ему тамъ вѣчно пасти на фіалковыхъ пастбищахъ, куда не можетъ попасть ни одинъ проклятый волкъ, свои райскія отары!—былъ великій атаманъ и бурю чувствовалъ за два-три солнца, но на этотъ разъ и онъ даже совсѣмъ бури не ожидалъ, по-

тому что никакихъ примѣтъ не было. Не ожидали ея и собаки, потому что ни отъ одной изъ нихъ не шло тяжелаго собачьяго духа.

Вдругъ налетѣлъ вихрь со снѣгомъ такой, что стали валиться деревья. Мое стадо метнулось сразу все за вѣтромъ и пошло, какъ морская волна. Я съ собаками бросился за нимъ и вижу, что три больныя матки остались лежать на мѣстѣ, потому что совсѣмъ не могли двигаться: онѣ только жалобно кричали вслѣдъ отарѣ. Я хорошо зналъ, что вмѣстѣ съ бурей явится и стая рыжаго волка, догонитъ стадо и перерветъ все, если не будетъ меня и собакъ; значитъ, изъ-за этихъ трехъ матокъ отдать на бѣду всѣхъ овецъ было нельзя. Буря застала насъ на этой самой яйлѣ, а я зналъ, что рыжій увелъ свое стадо на верхъ Чатыръ-Дага, потому что я видѣлъ утромъ свѣжій слѣдъ и передъ самой бурей слышалъ оттуда его толстый вой.

Что же мнѣ было дѣлать? И отару нельзя остановить изъ-за бури и волковъ, и трехъ матокъ потерять жалко. Тогда я пустился на хитрость. Я вспомнилъ, что мнѣ мой бабай—покойникъ былъ великій атаманъ, какихъ теперь уже нѣтъ въ нашихъ мѣстахъ—разсказывалъ, что волкъ бережетъ свою шкуру больше, чѣмъ человѣкъ, и оттого онъ очень остороженъ и ничему не вѣритъ: если онъ видитъ добычу, которую никто не сторожитъ и которую очень легко взять, и если еще эта добыча на видъ не такая, какъ другая, а имѣетъ какой-нибудь знакъ, то онъ боится даже близко подойти къ ней, такъ какъ онъ думаетъ, что это нарочно чабанъ ему ловушку поставилъ, и сейчасъ же убѣгаетъ подальше.

И вотъ я таки перехитрилъ этого стараго рыжаго вора.

У меня былъ красный платокъ, который мнѣ привезъ мой бабай-атаманъ отъ хозяина въ награду за благополучное настбище передъ тѣмъ: я этотъ платокъ носилъ всегда на шеѣ. Не пожалѣлъ я его: снялъ съ себя, разорвалъ на три куска и перевязалъ каждой маткѣ шею; а кромѣ того вбилъ въ землю около каждой по колышку и привязалъ еще каждую матку длинною веревкой за ногу къ этому колышку. Потомъ съ собаками я бросился за стадомъ.

Цѣлый день и цѣлую ночь бушевала буря. Мнѣ удалось на второй отсюда яйлѣ остановить свое стадо и загнать его подъ скалу, гдѣ оно и простояло весь остатокъ дня и цѣлую ночь. Къ утру небо прояснилось, и стало совсѣмъ тихо. Тогда я подогналъ свое стадо къ другому чабану, оставилъ около него всѣхъ собакъ, кромѣ одной, и съ этою одною пошелъ посмотрѣть, что сталось съ моими бѣдными матками. Я думалъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ вчера остались лежать, я найду только слѣды крови и клочки шерсти, но оказалось иначе: всѣ матки были на своихъ мѣстахъ; только одна уже околѣла сама отъ болѣзни и холода, а двѣ другія уже поднялись и паслись на веревкѣ около колышка. Но что было удивительно: вокругъ каждой изъ матокъ шли волчьи слѣды! Ясно было, что волки ходили кругомъ и раздумывали, что могло бы означать то, что овцы оставлены такъ, безъ сторожей и призора и что на нихъ какая-то необыкновенная красная замѣтка. И они, видя еще ихъ привязанными къ одному мѣсту, вѣроятно, посчитали ихъ приманкой и не тронули! А вѣдь вожакомъ былъ такой хитрый и старый воръ, какъ этотъ рыжій вислохвостый волкъ! Самъ старый бабай потомъ похвалилъ меня за это и наградилъ меня за эту хитрость вмѣсто одного двумя еще лучшими красными же платками.

Разсказъ этотъ произвелъ на всѣхъ чабановъ и въ особенности на болѣе молодыхъ видимо большое впечатлѣніе: они дивились мудрости и находчивости своего атамана.

А тѣмъ временемъ старикъ Куртсаибъ уже приготовилъ ужинъ, и бесѣдовавшіе, совершивъ предварительно обычное омовеніе, приступили въ совершенномъ безмолвіи къ ѣдѣ.

Скоро всѣ улеглись около отары и только двое чабановъ, захвативъ по ружью, остались сторожить: одинъ изъ нихъ сталъ у входа въ пещеру, а другой ушелъ наружу, развелъ тамъ костеръ и все время свисталъ и гоготалъ на собакъ для острастки бродячихъ, можетъ быть, неподалеку во тьмѣ хищниковъ.

VIII.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу поднялся съ зарей и сейчасъ же приступилъ къ повѣркѣ отары.

Сначала покончили съ отдѣленными на ночь отъ матокъ ягнятами, потому что вслѣдъ за повѣркой каждаго стада матокъ выдаивали и сейчасъ же выпускали къ нимъ отдѣленныхъ на ночь ягнятъ.

Только къ полудню повѣрка эта была окончена. Считали по головамъ собственно только четыре стада новыхъ чабановъ; остальныхъ же атаманъ съ чабанами только *переглядывали*. Это удивило новичковъ.

— Отчего же ты, ага, этихъ не считаешь?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Оттого, что не нужно,—лаконически отвѣчалъ тотъ.

— А нашихъ для чего считалъ?

— Для васъ, а не для себя. Я знаю, сколько у кого

изъ васъ въ стадѣ, а вы не знаете. Нужно было, чтобы и вы узнали. Для этого считали и у каждаго на палкѣ сдѣлали отмѣтку: около крючка—матокъ, съ другого конца—ягнятъ, а посрединѣ—козъ и барановъ. Теперь не можетъ быть спора.

— Тогда зачѣмъ же было считать, ага? Лучше бы прямо взялъ палки и подѣлалъ отмѣтки: скорѣе.

— Такъ, какъ я сдѣлалъ, дѣлали наши дѣды и отцы; такъ же точно будутъ дѣлать и наши дѣти и внуки,—возразилъ атаманъ.—Когда чабанъ принимаетъ стадо отъ атамана, то въ первое же пастбище его слѣдуетъ основательно пересчитать при самомъ чабанѣ, чтобы на случай большой недостачи овецъ къ зимѣ, когда атаманъ потребуетъ отчета отъ чабана, не могло вовсе быть сомнѣнія въ томъ, что атаманъ требуетъ правильно. А когда чабанъ узналъ точно, сколько у него овецъ, и присмотрѣлся къ своему стаду, ему потомъ уже считать ихъ не къ чему: довольно глаза. Старики говорятъ такъ: если хочешь вѣрно узнать, чего и сколько у тебя есть, спроси сосѣда, а еще лучше пусть жена твоя спроситъ жену сосѣда, потому что, если случайно самъ сосѣдъ не знаетъ, или зналъ да забылъ, то ужъ жена его, навѣрно, и знаетъ, и не забыла, а хорошо помнитъ чужое даже во снѣ: на то она женщина. Но у чабана вмѣсто сосѣда и сосѣдской жены есть для этого собственный глазъ: онъ ему каждый день утромъ долженъ сказать, все ли у него въ стадѣ благополучно. Глазъ—бумага, овцы—буквы; смотрѣть—все равно, что писать хорошо извѣстную молитву: если недостанетъ буквы для слова, или не хватитъ цѣлаго слова,—сейчасъ замѣтно. Оттого хорошему чабану довольно только утромъ велѣть чабаненку перегнать одинъ-

два раза стадо черезъ узкое мѣсто, а самому стать впереди. И если онъ при этомъ не нахлобучитъ своей шапки на голову такъ, чтобы и все лицо до самаго носа ушло въ нее, или не залѣпитъ себѣ глазъ смолою, онъ будетъ знать послѣ этого, всѣ ли овцы цѣлы у него въ стадѣ, а если не всѣ, то сколькихъ и какихъ именно нѣтъ. Вѣдь стадо безъ чабана—все равно, что тѣло съ руками и ногами, но безъ головы. Значитъ, чабанъ-голова долженъ знать свое стадо, какъ свои руки и ноги. А развѣ человѣку для того, чтобы узнать, всѣ ли у него пальцы на рукахъ и на ногахъ, нужно начать считать ихъ? Глазъ сейчасъ же откроетъ, гдѣ и котораго нѣтъ!

— Это все такъ, ага, если ты такъ говоришь,—почтительно согласился съ нимъ Менали-Сабыръ. — Значитъ, тебѣ довольно было посмотрѣть только и наши стада, какъ и ихъ, и потомъ сказать намъ, сколько матокъ, ягнятъ, козъ и барановъ у каждаго изъ насъ.

— А я тебѣ говорю, что дѣды наши такъ дѣлали, значитъ и намъ слѣдуетъ такъ дѣлать. Дѣды были не глупѣе насъ! А что было бы потомъ, когда я сталъ бы требовать отъ тебя отчета: куда что дѣвалось? Если бы ты хоть немного сталъ сомнѣваться не въ томъ, что я тебѣ нарочно сказалъ неправду, потому что — ты это хорошо знаешь—языкъ мой послѣ такой лжи окостенѣлъ бы въ первый же разъ, какъ только я произнесъ бы имъ величайшее имя Аллаха, которое—это говоритъ Коранъ,—есть корень всякой правды; но ты могъ подумать, не ошибся ли мой старый глазъ и не затуманился ли онъ слезой отъ случайно влетѣвшей въ него мошки... Значитъ, ты сталъ бы сомнѣваться, а сомнѣніе—все равно, что илъ, который мутитъ самую чистую и свѣтлую воду горнаго

источника, когда случайно попадетъ въ нее. Такъ говорилъ мой старый бабай, а онъ во всю свою долгую жизнь (глаза его сто девять разъ видѣли, какъ весеннее солнце сгоняло снѣгъ со степей и украшало ихъ цвѣтами!) не сказалъ ни одного пустого или ненужнаго слова.

Наконецъ пещера совсѣмъ опустѣла. Всѣ девять стадъ размѣстились на обширной яйлѣ, и обычная пастушья жизнь потекла своимъ чередомъ.

Сулу-Коба находилась въ самомъ центрѣ всѣхъ пастбищъ этой яйлы, и въ ней атаманъ устроилъ главную кошару и свою штабъ-квартиру: здѣсь происходило ежедневно на зарѣ доеніе овецъ, здѣсь же варился сыръ изъ этого молока, здѣсь складывались кожи павшихъ или зарѣзанныхъ овецъ и хранилось все несложное отарное имущество, оружіе и запасы.

Когда черезъ нѣсколько дней на эту же яйлу пришелъ и новый атаманъ сосѣдней отары, Султанъ-Харрысъ, онъ былъ очень непріятно удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что такая помѣстительная и безопасная природная кошара, какъ пещера Сулу-Коба, была уже занята отарой его бывшаго начальника, Муссы-Фассафетдина-оглу. Султанъ-Харрысу пришлось, конечно, помѣстить свою отару на другомъ концѣ яйлы и устроить тамъ саклю и кошару.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу не даромъ посѣдѣлъ среди этихъ горныхъ заоблачныхъ пастбищъ, и не даромъ объ опытности и надежности его, какъ атамана, молва шла давно уже на всѣхъ верхнихъ и нижнихъ пастбищахъ въ этой сторонѣ Крыма: онъ прекрасно зналъ всѣ изстари заведенные обычаи и пріемы среди чабановъ, потому что и самъ долго былъ чабаномъ, да еще при такомъ знаменитомъ атаманѣ, какимъ былъ до конца дней своихъ его

умершій ста девяти лѣтъ отъ роду и всегда имъ восхваляемый бабай.

Онъ съ дѣтства привыкъ знать и думать, что воровство само по себѣ—великій грѣхъ и позоръ. Поэтому украсть для себя хотя бы самаго малаго ягненка, а тѣмъ болѣе—украсть для того, чтобы продать этого ягненка или овцу дровосѣкамъ, доходящимъ иногда до этихъ высокихъ пастбищъ, или вообще кому-нибудь на сторону,—значило опозорить себя навсегда и лишить себя надолго права произносить обычное славословіе пророку. Но пополнить убыль своей отары изъ сосѣдней, *чужой*—вовсе не значило воровать, если, конечно, при этомъ не былъ пойманъ и вообще уличенъ въ такомъ, совершаемомъ обыкновенно въ глухую ночь, экономическомъ пріемѣ.

Такое пополненіе своего стада за счетъ чужого,—лишь бы только никто въ мірѣ, даже свой собственный атаманъ объ этомъ ничего не зналъ и не вѣдалъ,—своего рода заслуга, и если никто изъ чабановъ не станетъ открыто объ этомъ говорить и хвастать, то еще меньше онъ самъ или его товарищи стали бы укорять его въ такомъ обычномъ на горахъ и перешедшемъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ способѣ отеческой заботы о цѣлости и сохранности довѣреннаго ему атаманомъ стада.

Можетъ быть, именно ради такого тщательно скрываемаго, но молчаливо всѣми одобряемаго и всѣми охотно практикуемаго обычая установился и свято соблюдается и другой обычай: никогда не идти *искать* своей овцы въ чужомъ стадѣ. Придти искать—значитъ обидѣть, и обидѣть кровно.

— Свою трубку ищи у себя за пазухой, свой кисетъ, кресало и губку ищи въ своемъ карманѣ, а свою овцу—

въ своемъ стадѣ, потому что если трубка за чужой пазухой — чужая, то почему же овца въ чужой отарѣ — своя?—такъ говорятъ и такъ поступаютъ на дѣлѣ, по обычаю стародавнихъ временъ, всѣ атаманы и чабаны Чатыръ-Дага.

Придти *искать только*—значитъ впередъ и безъ основанія назвать воромъ; ну, а если пришедшій съ обыскомъ и уже однимъ этимъ обидѣвшій чабана не найдетъ своей овцы, что тогда?

Тогда по понятіямъ чабановъ лгуну-обидчику слѣдуетъ вырвать языкъ, какъ и змѣѣ жало, чтобы она больше уже не могла укусить.

Поэтому въ чужую отару можно придти, но съ прямымъ обвиненіемъ: такая-то овца, такихъ-то и такихъ точныхъ примѣтъ находится въ твоей отарѣ, въ такомъ-то стадѣ, потому что ее тогда-то именно укралъ у меня такой-то твой чабанъ, и вотъ тебѣ и доказательство налицо. Это — другое дѣло. На такое прямое заявленіе каждый атаманъ словами дѣдовъ и прадѣдовъ отвѣтитъ приблизительно слѣдующее:

— Ты показалъ мнѣ вора: значитъ вынулъ занозу изъ тѣла, или снялъ тарантула съ шеи; требуй за это награды! И наградой служитъ отбираемая похищенная овца или овцы, если ихъ было нѣсколько.

Уличенный же чабанъ, заклейменный навсегда кличкой «хырсызъ», или «яланджи», немедленно же изгоняется и уже навѣрно не будетъ принятъ ни однимъ атаманомъ на сотню верстъ въ окружности.

Но если бы, съ другой стороны, такой обвинитель не смогъ доказать своего обвиненія, то весь позоръ, ожидавшій вора, обратится на его собственную голову, и

кромѣ того, тотъ, кого онъ обвинялъ, но не уличилъ передъ всѣми (хотя бы онъ и былъ небезвиненъ), во всю жизнь не проститъ ему этого обвиненія и такъ или иначе, но отомститъ ему навѣрно. Послѣ такого неудачнаго обвиненія лучше уйти навсегда съ горъ подальше, потому что у опозореннаго чабана за поясомъ всегда виситъ какъ бритва острый чабанскій «пичáхъ»[1]), а ночи въ горахъ, когда ихъ закроютъ густыя тучи, бываютъ слишкомъ темны для того, чтобы кто-нибудь увидѣлъ и узналъ, для какой цѣли этотъ ножъ вынимался изъ-за пояса и что именно — барана, волка, или какое-нибудь другое живое существо — онъ рѣзалъ. Темнота и глухія непролазныя дебри горныхъ ущелій и пропастей скроютъ все достаточно надежно; а волки, орлы и коршуны, къ несчастію, безмолвны, чтобы явиться свидѣтелями, да и сами будутъ слишкомъ прикосновенными къ дѣлу, чтобы обнаруживать совершившееся.

Все это прекрасно зналъ старый и сѣдой, какъ лунь, атаманъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу и потому въ первый же день прибытія на эту яйлу отары Султанъ-Харрыса онъ собралъ вечеромъ всѣхъ своихъ чабановъ и сказалъ имъ:

— Пусть каждый изъ васъ, чабаны, возьметъ теперь для себя по два глаза у совы и по два лишнихъ уха у лѣсной козы: теперь здѣсь будетъ и волковъ больше, потому что всѣ волки, которые держались около той отары, пришли съ нею сюда, и бѣды больше: отары пасутся рядомъ; а когда два хозяина вѣютъ пшеницу на одномъ арманѣ, вѣтеръ можетъ заносить зерна одного въ кучу

[1]) Пичàхъ - ножъ.

другого, или лопата одного можетъ ошибиться и отгрести не свое въ свою кучу. А когда зерно попало въ чужой мѣшокъ, оно уже чужое. Смотрите же четырьмя глазами, слушайте четырьмя ушами, потому что каждому свое стадо дороже чужого, и если у кого-нибудь изъ васъ оно будетъ уменьшаться, сосѣдній чабанъ чужой отары не перестанетъ отъ этой потери пить-ѣсть и не похудѣетъ отъ этой заботы! Твое стадо, Менали-Сабыръ, ближе всѣхъ къ чужой отарѣ: значитъ, тебѣ должно имѣть даже не четыре, а восемь глазъ. Какого чабана Султанъ-Харрысъ поставилъ около тебя?

— Рядомъ со мной ходитъ Фетхулла, а рядомъ съ Фетхуллой—Абдулъ-Гаффаръ,—отвѣчалъ тотъ.

Атаманъ слегка качнулъ головой на это извѣстіе, помолчалъ и сказалъ:

— Каждый день одинъ разъ смотри замѣтку на своей палкѣ, а два раза въ день переглядывай стадо. Да берегись куцаго волка: *онъ Фетхуллѣ сдѣлалъ слишкомъ много бѣды*,—прибавилъ загадочно Мусса-Фассафетдинъ-оглу и отпустилъ чабановъ.

IX.

Въ ту же ночь на зарѣ, въ тотъ самый моментъ, когда атаманъ, взявъ ружье, вышелъ изъ пещеры, чтобы послушать, что дѣлается на яйлѣ, гдѣ-то въ сторонѣ раздался короткій и сухой звукъ выстрѣла. Эхо повторило его и замерло въ глубинѣ горъ.

Старикъ насторожился и сталъ слушать. Но все опять затихло.

— Менали не спитъ. Волкъ, или человѣкъ?—спросилъ онъ вполголоса самого себя и вернулся въ пещеру.

Черезъ часъ, когда уже совсѣмъ разсвѣло, въ пещеру вошелъ чабанъ Менали-Сабыръ и остановился у входа въ ожиданіи, чтобы атаманъ позволилъ ему говорить.

— Сонъ? [1])—обратился къ нему Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

— Выйди, ага, наружу!—сказалъ тотъ загадочно.

— Далеко?

— Нѣтъ, къ выходу.

— Почему лучше не скажешь?

— Твой глазъ тебѣ лучше скажетъ, чѣмъ мой языкъ.

Атаманъ, не торопясь, отставилъ отъ огня большой котелъ, въ которомъ онъ варилъ овечій сыръ, всталъ и медленно направился къ выходу. Менали-Сабыръ слѣдовалъ за нимъ.

Около самаго входа на землѣ лежалъ убитый огромный волкъ съ очень толстой шеей и короткимъ хвостомъ. Увидя его, атаманъ не могъ при всей сдержанности скрыть своей радости.

— Онъ! онъ!—воскликнулъ старикъ, осматривая трупъ.— Онъ, проклятый! Куцый! И шея, какъ труба, и пятно на глазу, и хвостъ куцый! И весь на ту проклятую, что бѣднаго Хыргы заѣла, похожъ, какъ одинъ глазъ на другой. Вотъ и клыки материнскіе!—продолжалъ разсуждать онъ, отворачивая палочкой нижнюю губу волка, на которой запеклась кровь, и обнажая громадный клыкъ.

А Менали-Сабыръ молча стоялъ въ сторонѣ.

[1]) Сонъ?—„ну, потомъ?“ Своеобразная форма приглашенія начать рѣчь.

— Ты самъ убилъ?—спросилъ наконецъ его атаманъ.

— Самъ, ага.

— Когда?

— Сегодня на зарѣ. Я его всю ночь караулилъ. Одну матку онъ все жъ таки успѣлъ у меня зарѣзать.

— Я слыхалъ твой выстрѣлъ. Хорошо. Очень хорошо. Машалла, машалла! [1])—одобрительно качалъ головой атаманъ.—Это Аллахъ тебѣ и намъ всѣмъ счастье послалъ. За одного такого волка можно десять другихъ выпустить: хитрый былъ, проклятый. Ну, теперь конецъ: былъ прежде злой куцый волкъ, теперь уже нѣтъ злого куцаго волка. Двѣ матки съ ягнятами твои: я такъ сказалъ, такъ и будетъ. А волкъ—мой. Иди, гони стадо доить.

И Менали-Сабыръ ушелъ.

Старикъ сейчасъ же приступилъ къ работѣ. Онъ быстро и ловко снялъ съ волка шкуру съ хвостомъ и, обильно посоливъ ее крупною солью, развѣсилъ на деревѣ около входа. Потомъ атаманъ выбилъ большимъ камнемъ оба клыка, обмылъ ихъ, вытеръ травой и, завернувъ въ тряпицу, спряталъ въ углу пещеры за сталактитовымъ выступомъ. Затѣмъ онъ принесъ небольшой глиняный горшочекъ и, тщательно срѣзывая, сталъ наполнять этотъ горшочекъ волчьимъ жиромъ.

Куцый былъ хорошо упитанный волкъ, и жиру было на немъ достаточно. Скоро горшочекъ былъ уже полонъ доверху. Окончивъ это, атаманъ приказалъ чабаненку оттянуть тушу волка подальше и столкнуть ее въ пропасть.

— Карги и коршуны скоро докончатъ,—промолвилъ старикъ, толкая окровавленную груду ногою.

---

[1]) Машалла—молодецъ (въ смыслѣ одобрительнаго восклицанія).

Когда чабаненокъ потащилъ трупъ, Мусса-Фассафетдинъ-оглу бережно обвязалъ горшочекъ съ волчьимъ жиромъ кускомъ бараньей кожи и, выкопавъ въ пещерѣ, около самаго входа, у стѣны неглубокую ямку, спряталъ его тамъ, а потомъ снова засыпалъ ямку, а сверху еще притопталъ землю ногами.

Вѣсть о томъ, что Менали-Сабыру посчастливилось убить куцаго волка, была принята радостно не только чабанами своей отары, но и въ сосѣдней отарѣ Султанъ-Харрыса. Не довѣряя слухамъ, бывшій чабанъ Муссы-Фассафетдина-оглу пришелъ даже къ нему самъ, чтобы окончательно убѣдиться въ точности радостнаго извѣстія.

Гость долго разглядывалъ висѣвшую у входа въ пещеру шкуру куцаго и наконецъ произнесъ:

— Большой былъ воръ! Онъ одинъ за послѣдніе три года сдѣлалъ больше бѣды, чѣмъ двадцать другихъ. Крѣпко любилъ кровь!

— И мать его крѣпко любила кровь!—замѣтилъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу.—Ея проклятое отродье! Шайтанъ плакать будетъ. Онъ его любимый сынъ былъ.

— Клыки взялъ?—спросилъ гость.

— Оба взялъ,—отвѣтилъ хозяинъ.—Если ему оставить клыки, онъ и мертвый будетъ душить овецъ и собакъ.

— Что сдѣлаешь?

— Одинъ себѣ въ поясъ вошью, другой тому козлу, который всю отару водитъ, когда она въ сборѣ, на шею въ красной сафьяновой сумочкѣ повѣшу. Большой амулетъ будетъ. Когда такой клыкъ у козла-вожака на шеѣ болтается, ни одинъ волкъ его не перехитритъ: онъ его за семь верстъ почуетъ. Старый бабай мой—миръ его

праху и слава памяти его!—такъ училъ меня, а ты помнишь, что старикъ пустого не говорилъ.

— Помню,—согласился атаманъ-гость и, возвращаясь опять къ предмету разговора, продолжалъ:

— Счастливая рука у Менали-Сабыра: такого волка убить не всякому и старому чабану удается. Скажи ему, чтобы пришелъ ко мнѣ: награжу его маткой съ ягненкомъ, потому что не одного тебя избавилъ отъ этой бѣды, а и меня также.

— Ты, Султанъ-Харрысъ, кажется, ошибся: по слѣпотѣ свою шапку на чужую голову хочешь надѣть,—съ гордостью сказалъ ему на это Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

— Зачѣмъ говоришь про шапку?—не понялъ тотъ.

— Потому что каждый у себя въ саклѣ хозяинъ: двухъ не бываетъ. И въ каждомъ селѣ свой мулла съ мечети кричитъ. Ты заплетай гриву своему коню, а я пусть буду плесть своему. Ты—своимъ чабанамъ голова, я—своимъ: каждый своего и наградитъ. Менали я уже наградилъ, потому что это моя забота, а ты награди, когда будетъ нужно, кого захочешь изъ своихъ: Фетхуллу, или Абдулъ-Гаффара, или Хуснятдина-Илляча. Вѣдь они теперь твои!—не удержался, чтобы не упрекнуть гостя хозяинъ.

Султанъ-Харрысъ понялъ упрекъ, но снесъ его терпѣливо.

— Прости, ага. Ты старше меня, больше жилъ, больше видалъ, больше знаешь: значитъ, твое слово и для меня—законъ. Ты такъ сказалъ, поучилъ меня: теперь буду знать. Ты—самый старый атаманъ на этихъ горахъ, я—самый молодой: значитъ, ты говори, а я буду молча слушать.

Такой скромный и почтительный отвѣтъ бывшаго ча-

бана, не зазнавшагося въ атаманствѣ, сразу же смягчилъ добраго старика и онъ ласково закончилъ:

— Что сказалъ—сказалъ; больше не скажу. А ты—такой же атаманъ, какъ и я. Если бы ты не былъ достоинъ стать атаманомъ, не посовѣтовалъ бы я тебя въ атаманы твоему хозяину, когда онъ меня самого звалъ въ свою отару.

Атаманы еще побесѣдовали кой о чемъ и разошлись въ совершенной дружбѣ.

И только одинъ Фетхулла, который, казалось бы, какъ больше всѣхъ потерпѣвшій отъ убитаго куцаго волка, долженъ былъ особенно и обрадоваться вѣсти о трофеѣ Менали-Сабыра, почему-то принялъ ее не только равнодушно, но даже съ непонятнымъ и плохо скрытымъ неудовольствіемъ.

— Ну, что жъ такое? Убилъ и убилъ. Не онъ одинъ и убивалъ: нѣтъ недѣли, чтобы каждый изъ насъ не убивалъ!.. А что онъ убилъ волка съ куцымъ хвостомъ, такъ не все ли равно, съ какимъ? Вотъ если бы онъ убилъ волка съ двумя или тремя хвостами, или съ пятью ногами А это такой же волкъ, какъ и другіе. Всѣ они одинаково дѣти шайтана.

— Да вѣдь это тотъ самый куцый волкъ, который тебѣ бѣду сдѣлалъ: черезъ него же ты вмѣсто двухъ разъ по семи только одну овцу получилъ!—возражалъ ему передававшій эту новость чабанъ.

— Только одну и получилъ, это правда,—согласился Фетхулла.—Такъ что жъ? Вѣдь ты отъ этого бѣднѣе не сталъ? А тебѣ развѣ не все равно, око [1]) сыру пошло

[1]) Око=3 фунтамъ.

сегодня въ мой животъ, или столько, сколько можетъ унести во рту старая карга?

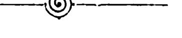
Собесѣдникъ былъ такъ удивленъ неожиданностью подобнаго возраженія, что не зналъ даже, что и отвѣтить Фетхуллѣ на такую рѣчь.

— Я самъ сегодня полтора ока сыру съѣлъ, а столько и три десятка карґъ старыхъ и молодыхъ не унесутъ во рту,—сказалъ онъ наконецъ.—А только теперь меньше бѣды будетъ: овцы не будутъ такъ пропадать. Вѣдь этотъ куцый волкъ хуже десяти другихъ для каждаго стада былъ.

— И безъ этого куцаго ихъ осталось столько, сколько волосъ на хвостѣ шайтана. Все равно будутъ овцы пропадать у всѣхъ, а у Менали-Сабыра—еще больше, чѣмъ у другихъ,—возразилъ Фетхулла.

— Отчего у Менали-Сабыра больше?

— Мало ли отчего?—замялся Фетхулла и потомъ скороговоркой добавилъ.—Оттого, что онъ—молодой чабанъ и горъ не знаетъ такъ, какъ другіе. Если мы, старые чабаны, не можемъ часто сберечь своихъ стадъ отъ волковъ и другой бѣды, такъ онъ и больше насъ не сбережетъ. Въ горахъ по ночамъ темно, а за каждымъ камнемъ волкъ сидитъ, а днемъ въ облакахъ беркутъ виситъ,—добавилъ Фетхулла для убѣжденія собесѣдника, и разговоръ на этомъ прекратился.

X.

Оказалось, что Фетхулла былъ правъ: со второго же дня послѣ своего удачнаго выстрѣла, положившаго на мѣстѣ куцаго волка, Менали-Сабыръ сталъ каждое утро обнаруживать недочетъ въ своемъ стадѣ.

Овцы пропадали какимъ-то страннымъ и непонятнымъ образомъ: ночь проходила спокойно; собаки цѣпью лежали вокругъ стада; тревоги вовсе не было; Менали-Сабыръ не меньше пяти разъ обходилъ все стадо кругомъ; собаки даже близко не чуяли волка, — а между тѣмъ на утро оказывалось, что одной овцы, а разъ даже двухъ сразу недостаетъ. Молодой чабанъ прямо отчаивался.

Какъ онъ скажетъ объ этихъ недочетахъ Муссѣ-Фассафетдину-оглу? Что подумаетъ атаманъ? Какъ послѣ такой щедрой награды, которою онъ, молодой чабанъ, былъ отличенъ передъ старыми чабанами, онъ можетъ сказать старику-атаману, что у него не проходитъ ночи безъ убыли? Вѣдь въ прошломъ пастбищѣ—онъ это слыхалъ отъ самого атамана—ни у кого изъ чабановъ кромѣ Фетхуллы не пропало за весь годъ больше шести матокъ, а у него вотъ только за время между двумя лунами пропало уже десять!

А что если атаманъ, узнавъ о такой убыли, скажетъ ему: «У тебя, чабанъ, вмѣсто глазъ сливы, а вмѣсто ушей большіе замки: такого чабана мнѣ не нужно. Уходи куда знаешь, а то, если останешься, все стадо переведешь!» Что тогда? Тогда ему придется съ позоромъ вернуться назадъ въ свою деревню, гдѣ всѣ сосѣди узнаютъ, что онъ оказался ненадежнымъ человѣкомъ и станутъ издѣваться надъ нимъ! Нѣтъ, этого не должно быть, этого не можетъ быть! Не даромъ атаманъ говорилъ имъ всѣмъ въ пещерѣ въ первую ночь, когда отара пришла на эту яйлу, что онъ первый помощникъ и защитникъ чабана, потому что онъ всегда подастъ ему мудрый совѣтъ и указаніе. Нужно сказать все атаману, а не скрывать отъ

него этой правды: пусть онъ посовѣтуетъ, что дѣлать и какъ быть съ этой бѣдой.

И Менали-Сабыръ порѣшилъ все разсказать атаману на другой же день. А обратиться за совѣтомъ къ опытному старику была пора, потому что и въ эту ночь не обошлось безъ потери: переглядывая утромъ свое стадо, Менали-Сабыръ обнаружилъ, что одинъ изъ лучшихъ его барановъ, тотъ самый съ двумя рыжими пятнами на шеѣ, который всегда шелъ около передового козла и который, когда былъ ягненкомъ, игралъ съ убитымъ имъ куцымъ волкомъ на глазахъ у злой волчихи и не пропалъ, потому что эта же волчиха сама поднесла его къ стаду,— вдругъ исчезъ. Ночь была тихая; волки даже близко не подходили къ стаду, а баранъ пропалъ безслѣдно. Правда, собаки передъ зарей, когда темень больше всего сгущается, разъ бросились сразу всѣ куда-то, но въ ту же минуту замолчали, такъ что Менали не счелъ даже нужнымъ пойти съ ружьемъ въ ту сторону. Куда же дѣлся этотъ, изо всей отары отмѣченный баранъ? Можетъ быть упалъ въ пропасть? Нѣтъ, этого не можетъ быть: ему бы собаки не дали отбиться въ сторону такъ далеко. Нѣтъ, что-то совсѣмъ не ладно: нужно скорѣе идти къ атаману за совѣтомъ. И Менали-Сабыръ, немедля больше ни минуты, отправился въ Сулу-Коба.

— Тогда принесъ тебѣ, ага, свою радость,—сказалъ чабанъ на вопросительный взглядъ атамана, который въ раздумьи курилъ свою трубку,—а теперь съ бѣдой пришелъ.

— Что за бѣда?

— Большая пропажа въ стадѣ.

— Вѣрно, волкъ подобрался тихо и много овецъ порвалъ?—спросилъ спокойно Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

— Нѣтъ, ага, волкъ не нападалъ, даже близко не былъ, а овцы стали пропадать каждую ночь по одной. Двухъ рукъ мало, чтобы сосчитать пропажу: сегодня уже съ ноги одинъ палецъ считать надо.

— Это худо, совсѣмъ худо,—замѣтилъ атаманъ.

— Конечно худо,—грустно согласился съ нимъ Мехали-Сабыръ,—а еще хуже то, что я не знаю, куда онѣ дѣваются: точно самъ шайтанъ ихъ уноситъ въ ночной темнотѣ. Это онъ, вѣрно, мстить мнѣ хочетъ за то, что я убилъ его любимаго сына, куцаго волка. Одно я могу сказать, что это не волкъ бѣду дѣлаетъ, потому что волка собаки почуяли бы. Сегодня уже пропалъ тотъ самый баранъ съ рыжими пятнами на шеѣ, который съ куцымъ пріятель былъ, а около него цѣлую ночь Чибинъ лежалъ: я его съ вечера тамъ видѣлъ, и когда разсвѣло, онъ на томъ же самомъ мѣстѣ лежалъ. Куда же дѣлся баранъ? Ты самъ знаешь, ага, что Чибинъ только мертвымъ не услышитъ волка: значитъ, не волкъ его взялъ.

— Твоя правда, не волкъ.

— Какой же звѣрь?

— Этотъ звѣрь много опаснѣе волка,—задумчиво сказалъ атаманъ.

— Его нужно убить!—запальчиво произнесъ чабанъ.

— Нѣтъ, этого звѣря убить трудно. Его если и поймать, убивать нельзя,—спокойно возразилъ атаманъ.

— Тогда отрубить ему всѣ четыре ноги.

— Тоже нельзя, потому что ихъ у него только двѣ.

Честный и простоватый чабанъ послѣ такихъ словъ своего атамана изобразилъ довольно глупую фигуру: онъ теперь уже не понималъ ничего.

— Тогда скажи мнѣ, ага, ради бороды Магомета, какого цвѣта шерсть на немъ.

— И шерсти на немъ нѣтъ вовсе.

— Что же онъ голый? На змѣю похожъ?

— Нѣтъ, не голый и на змѣю не похожъ.

— Такъ какой же это звѣрь?

— Этотъ звѣрь—не звѣрь!

Менали-Сабыръ окончательно растерялся: онъ только хлопалъ глазами, глядя пристально на атамана, а тотъ продолжалъ курить свою трубку въ ожиданіи новыхъ вопросовъ. Наконецъ, чабанъ опять заговорилъ:

— Я, ага, дурману не ѣлъ и головы своей въ темный колодецъ не свѣшивалъ такъ, чтобы она затекла и отуманилась, — а совсѣмъ не могу понять, что ты говоришь.

— Постарайся понять: я говорю ясно.

— Да какой же это звѣрь—не звѣрь?

— Это—человѣкъ,—спокойно сказалъ атаманъ.

— Какъ—человѣкъ?—вскричалъ чабанъ.

— Такъ—человѣкъ, потому что звѣрь—звѣрь, а человѣкъ—человѣкъ, а не звѣрь.

— Какой же человѣкъ?

— Фетхулла.

— Кто тебѣ сказалъ это, ага?

— Это мнѣ сказала моя бѣлая борода и моя голова, на которой уже волосъ меньше, чѣмъ на твоемъ колѣнѣ,—отвѣчалъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу съ достоинствомъ и продолжалъ:—Другому некому этого сдѣлать, потому что около тебя Фетхулла ходитъ, а со стороны никого не подпустили бы ни твои, ни его собаки. А онъ раньше у меня пасъ твое стадо, и его твои собаки всѣ лучше, чѣмъ

тебя самого, знаютъ. Значитъ, это онъ твоихъ овецъ и таскаетъ, потому что больше некому. И не для атамана своего таскаетъ, а для самого себя, потому что это онъ своихъ овецъ назадъ взять хочетъ. Сколько, ты сказалъ, уже пропало?

— Уже не хватаетъ одиннадцати: десять матокъ, а одиннадцатый—тотъ самый баранъ съ пятнами.

— Значитъ, еще пропадетъ только двѣ штуки. Когда арканъ давитъ чужую шею, своей не больно; потому онъ и хочетъ свою бѣду переложить на тебя. Еще двѣ штуки пропадутъ у тебя, а потомъ убыли больше не будетъ.

— Что же теперь сдѣлать, атаманъ?—спросилъ Менали-Сабыръ.

— Это уже моя забота, а не твоя: ты атаману сказалъ, теперь уже онъ подумаетъ, какъ помочь горю. Его бѣда, что онъ въ темнотѣ ошибся и вмѣсто матки такого примѣтнаго барана своимъ крючкомъ зацѣпилъ. Барана этого всѣ кругомъ—и свои, и чужіе—знаютъ. Не даромъ этотъ самый баранъ отъ той злой волчихи и отъ ея сына, куцаго волка, цѣлымъ ушолъ. Онъ и отъ Фетхуллы назадъ въ свое стадо придетъ, скоро придетъ,—закончилъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу и отпустилъ успокоеннаго чабана.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда атаманъ сосѣдней отары Султанъ-Харрысъ только что собрался отправиться на обычный обходъ своихъ стадъ, собаки его вдругъ рванулись по направленію къ той сторонѣ, гдѣ находилась пещера Сулу-Коба, и залились яростнымъ лаемъ. Хозяинъ поторопился выскочить изъ сакли и сейчасъ же повелительно отозвалъ собакъ къ себѣ. Тѣ съ глухимъ рычані-

емъ возвратились, а въ это время изъ-за сосѣднихъ съ саклей кустовъ показался Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

Султанъ-Харрысъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу: онъ былъ столько же удивленъ, сколько и обрадованъ такимъ необычнымъ посѣщеніемъ своего стараго принципала.

— Надъ землей солнце уже садится, а надъ моей саклей оно только что восходитъ,—сказалъ онъ почтительно пришедшему послѣ обычныхъ фразъ привѣтствія.—Войди же, ага, подъ мою кровлю: тамъ найдется десятокъ овчинъ, чтобы усѣсться спокойно такому почетному гостю, уголекъ—чтобы раскурить его трубку, а на языкѣ моемъ—слово привѣта, чтобы усладить его ухо и душу. Твой старый бабай говорилъ—да будетъ память о немъ между людьми такъ же вѣчна, какъ луна на небѣ, — что даже два только добрыхъ слова, сказанныхъ отъ сердца сосѣду, принесутъ ему больше услады и радости, чѣмъ цѣлый кувшинъ благовоннаго розоваго масла, вылитый ему въ молчаніи на голову.

Хотя Мусса-Фассафетдинъ-оглу и не припоминалъ въ эту минуту, дѣйствительно ли говорилъ когда-нибудь что-нибудь подобное его приснопамятный бабай, который вообще ничего пустого не говорилъ, но онъ охотно повѣрилъ эту цитату на слово своему пріятелю и былъ даже искренно польщенъ и обрадованъ ею.

— Такъ, такъ говорилъ мой бабай,—подтвердилъ онъ,—и, вѣрно, не глупое ухо слушало эти его слова, если они и теперь еще произносятся такъ точно, какъ были сказаны.

— Войди же въ добрый часъ, ага,—приглашалъ хозяинъ, послѣ того какъ вопросъ о розовомъ маслѣ и о точности цитаты былъ установленъ окончательно и, стало быть, исчерпанъ.

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога... — произнесъ съ достоинствомъ гость, входя въ саклю.

— ...И Магометъ—Его пророкъ,—докончилъ не менѣе торжественно хозяинъ, слѣдуя за нимъ; и оба, усѣвшись съ поджатыми подъ себя ногами въ почетномъ углу сакли на овчинахъ, закурили трубки и, скрытые цѣлыми облаками дыма, замолчали. Это молчаніе не было нарушено до тѣхъ поръ, пока трубки не были выкурены. Наконецъ, гость заговорилъ:

— Аллахъ посылаетъ намъ благопріятные дни: заря даетъ каждое утро обильную росу, которая смываетъ желтизну пастбищъ. Осеннія бури долго еще не загудятъ: отарамъ будетъ хорошо.

— И олень еще только одинъ разъ пѣлъ,—прибавилъ хозяинъ.

— Олень больше не запоетъ: уже поздно для оленя, потому что вчера глазъ мой во время передвечерней молитвы увидѣлъ уже первую осеннюю луну, а олени всегда поютъ только между послѣдней лѣтней и первой осенней луной, — замѣтилъ наставительно Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

— А въ тотъ годъ, когда много нашихъ татаръ въ Турцію ушло, олень еще пѣлъ послѣ второй осенней луны.

— Твоя правда,—согласился гость,—но тотъ годъ былъ черный годъ: сохрани Богъ, чтобы такой годъ повторился еще разъ. Не даромъ въ томъ году семь звѣздъ загорѣлось на небѣ и въ море упало, а дьяволъ хотѣлъ луну сожрать и уже протянулъ къ ней свою чугунную лапу. Ты помнишь, Султанъ-Харрысъ, какъ ярко тогда свѣтила луна, и вдругъ среди ночи она исчезла съ неба, а по

землѣ распространилась такая страшная темень, какой не бываетъ никогда и въ зимнія ночи. Это онъ ее своею чугунною лапой закрылъ. Всѣ тогда думали, и правовѣрные, и гяуры, что пришелъ уже конецъ нашей землѣ, но Магометъ упалъ ницъ передъ престоломъ милосерднаго Аллаха и со слезами вымолилъ спасеніе міру. Владыка всѣхъ семи небесъ и всѣхъ семи земель, и рая, и ада, и всѣхъ небесныхъ свѣтилъ умилостивился стонами и слезами святого заступника нашего и повелѣлъ всѣмъ тремстамъ тридцати тремъ драконамъ, стерегущимъ лежащую на престолѣ Его книгу судебъ, изрыгнуть пламя на лапу врага міра, которая дерзнула подняться на священную луну, и во мгновеніе ока лапа эта вспыхнула великимъ разноцвѣтнымъ огнемъ и съ самаго высокаго неба, разсыпая вокругъ себя искры и оставляя за собою широкій слѣдъ изъ голубого пламени, полетѣла въ пучину океана, а по всей землѣ пошелъ великій чадъ съ гарью. Луна снова засіяла надъ землей, и міръ былъ спасенъ по молитвѣ величайшаго изъ пророковъ. Но милосердный Господь потребовалъ отъ людей искупительной жертвы за это спасеніе, и, помнишь, сколько въ тотъ годъ умерло людей отъ какой-то лютой болѣзни и изъ правовѣрныхъ, и изъ гяуровъ! А когда уже черезчуръ много погибло людей, Магометъ опять простерся у подножія сдѣланнаго изъ голубой бирюзы престола Творца вселенной и умолилъ его прекратить этотъ страшный моръ людей. И всеблагой Источникъ всякаго добра, Творецъ міра, снова смилостивился и повелѣлъ одному изъ милліона стоящихъ за Его трономъ ангеловъ полетѣть на нашу землю и перевести эту лютую болѣзнь съ людей на животныхъ. Много тогда погибло и овецъ; въ одной нашей отарѣ

пало почти двѣ дюжины сотенъ. Да, тотъ годъ—черный изъ черныхъ годовъ. Оттого и олени кричали тогда не въ свое время: это они предвѣщали великія бѣдствія.

Затѣмъ, потолковавши еще нѣкоторое время съ Султанъ-Харрысомъ о совершенно постороннихъ предметахъ, не имѣвшихъ рѣшительно ничего общаго съ цѣлью посѣщенія, Мусса-Фассафетдинъ-оглу, наконецъ, сказалъ:

— Когда у человѣка сапогъ узкій, сосѣдъ, то какая ему польза въ томъ, что міръ такъ пространенъ?

— Пользы никакой,—согласился хозяинъ,—потому что отъ этого его сапогъ все же не станетъ шире и не перестанетъ мучить ноги.

— А если къ тому еще оба глаза его засыпаны табакомъ, то не все ли равно для него, есть ли на небѣ облака и закрываютъ ли они солнце, или же ихъ нѣтъ тамъ, и солнце сіяетъ полнымъ блескомъ?

— Пока не промоетъ глазъ чистою водой, до тѣхъ поръ о солнцѣ и облакахъ не станетъ и думать, потому что боль глазъ заставитъ его забыть обо всемъ на свѣтѣ,—отвѣчалъ спокойно хозяинъ.

— Это ты хорошо говоришь, сосѣдъ, — продолжалъ гость, — и я такъ думаю, что только послѣ того, какъ человѣкъ этотъ сниметъ узкій сапогъ и вымоетъ себѣ глаза, онъ подумаетъ, что второй разъ на свѣтъ народился.

— Пусть же онъ не медлитъ сдѣлать это: вѣдь чѣмъ дольше узкій сапогъ будетъ на ногѣ, а табакъ въ глазахъ, тѣмъ дольше человѣкъ будетъ терпѣть боль,—сказалъ Султанъ-Харрысъ, приглашая этимъ своего гостя высказаться болѣе понятно о цѣли своего визита.

— Сосѣдъ!—произнесъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу, при-

ступая, наконецъ, прямо къ дѣлу,—когда ты послѣ меня пришелъ на эту яйлу, съ тобой для меня пришла бѣда.

— Какая бѣда, ага? Гдѣ она? Когда пришла? Если бы я зналъ, что она идетъ по твоему пути, я бы выкололъ ей глаза.

— Ты тутъ не виноватъ, сосѣдъ. Не ты ее велъ, но она сама пришла съ тобою. Ты привелъ съ собой вора, который у меня таскаетъ овецъ.

— Ты говоришь тяжелое слово, Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

— Знаю, что тяжелое, но оно правдивое. Для этого я и пришелъ къ тебѣ, чтобы вдвоемъ обсудить дѣло и помочь горю. Года не даромъ оголили уже мой черепъ и обсыпали бороду снѣгомъ, чтобы я сталъ болтать пустяки. Повторяю тебѣ, сосѣдъ: ты привелъ вора!

— Кто же онъ? Скажи—и бѣдѣ будетъ конецъ.

— Фетхулла—воръ!

— Когда ты сказалъ «воръ», значитъ—воръ, — согласился хозяинъ,—и для меня больше ничего не нужно; но чтобы и другіе думали такъ же, скажи, почему ты считаешь Фетхуллу воромъ?

— Онъ изъ стада Менали-Сабыра одиннадцать головъ уже укралъ, и если бы на свое несчастіе не взялъ одного очень ужъ примѣтнаго барана, я бы не пришелъ даже къ тебѣ обвинить и уличить его.

— Какого барана?

— Ты помнишь, сосѣдъ, ягненка, который съ куцымъ волкомъ дружбу водилъ?

— Какъ не помнить?! Помню! Хорошо помню! На шеѣ у него съ двухъ сторонъ рыжія пятна, а самъ онъ весь бѣлый, какъ снѣгъ. Этого барана мы всѣ, твои чабаны,

знали. Онъ потомъ въ стадѣ всегда вмѣстѣ съ козломъ впереди ходилъ.

— Я тебѣ этого барана подарилъ?—спросилъ гость.

— Не дарилъ.

— Можетъ быть продалъ?

— И не продавалъ.

— А онъ теперь у тебя.

— Нѣтъ, сосѣдъ; его не было и нѣтъ у меня.

— Когда я говорю, сосѣдъ, то и самъ думаю и другіе, кажется, до сихъ поръ всегда думали, что это больше значитъ, чѣмъ то, когда реветъ оселъ у стараго водовоза въ нашей деревнѣ,—произнесъ съ достоинствомъ гость.

— И я всегда такъ думалъ и теперь не думаю другого,—поспѣшилъ успокоить его хозяинъ.

— Ну, такъ я же тебѣ говорю, что этотъ баранъ у тебя.

— Гдѣ же онъ?

— Посмотри стадо Фетхуллы: онъ тамъ. Не ищи его глазами въ серединѣ стада, потому что онъ по привычкѣ и у него долженъ впереди съ козломъ ходить.

— Хорошо, завтра же посмотрю. Если онъ тамъ, то ясно какъ день, что Фетхулла—воръ. Тогда собери старшихъ изъ насъ всѣхъ и разрѣжемъ эту веревку, потому что воръ на яйлѣ—то же, что тарантулъ на шеѣ у человѣка: пока не сбросишь, спокойнымъ не будешь.

— Хорошо,—сказалъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу,—только нужно сдѣлать такъ, чтобы всѣ убѣдились, что я не даромъ сказалъ на него это тяжелое слово.

— Дѣлай, какъ знаешь, ага, а только, если этотъ баранъ, такой примѣтный, дѣйствительно, у него,—улика ясная: человѣкъ съ бѣльмомъ на глазу не можетъ сказать, что у него взоръ свѣтлый, и никто не скажетъ.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу задумался. Помолчавъ немного, онъ всталъ и, прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему:

— Если ты самъ завтра найдешь эту примѣту, собери у всѣхъ своихъ чабановъ ихъ палки, но не говори для чего, и пришли ихъ ко мнѣ вечеромъ, а послѣ завтра утромъ приходи съ двумя старшими чабанами и съ Фетхуллой ко мнѣ въ пещеру. Когда будешь присылать палки, не забудь палку Фетхуллы положить въ кучу крючкомъ въ другую сторону, чѣмъ всѣ остальныя. Это мнѣ нужно такъ.

— Сдѣлаю такъ, какъ ты сказалъ, — отвѣтилъ хозяинъ, и атаманы разстались.

На другой день утромъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу спросилъ Менали-Сабыра:

— Считалъ сегодня свое стадо?

— Считалъ, ага: еще одной не хватаетъ, двѣнадцатой.

— Завтра пропадетъ еще одна, послѣдняя, а больше уже пропажи не будетъ, кромѣ того, что унесутъ волки.

А вечеромъ отъ Султанъ-Харрыса чабаненокъ принесъ связку чабанскихъ палокъ. Шесть изъ нихъ лежали крючками въ одну сторону, а седьмая—наоборотъ.

— Атаманъ прислалъ это тебѣ, ага: ты самъ знаешь для чего,—сказалъ посланный.

— Знаю. Положи здѣсь и скажи атаману, чтобы завтра пришелъ съ кѣмъ нужно,—отвѣтилъ старикъ.

— Скажу, ага, то, что ты приказываешь.

Чабаненокъ ушелъ, а Мусса-Фассафетдинъ-оглу, снявъ со стѣны бурдюкъ съ бараньимъ жиромъ, смазалъ имъ шесть принесенныхъ палокъ, лежавшихъ крючками въ одну сторону. Окончивъ эту смазку, онъ поставилъ палки въ уголъ и повѣсилъ бурдюкъ на мѣсто. Затѣмъ, отрывши

изъ земли горшочекъ съ жиромъ отъ куцаго волка, онъ смазалъ имъ палку Фетхуллы, которую положилъ послѣ этого на два выступа стѣны.

Такую же смазку онъ повторилъ еще разъ на зарѣ, до прихода Султанъ-Харрыса, и послѣ этого опять зарылъ горшочекъ съ волчьимъ жиромъ на своемъ мѣстѣ.

XI.

Когда чабаны пригнали съ разсвѣтомъ свои стада для доенія, Мусса-Фессафетдинъ-оглу приказалъ двумъ самымъ старымъ изъ нихъ остаться въ пещерѣ и сталъ дожидать съ ними прихода Султанъ-Харрыса и его чабановъ.

Чрезъ часъ на лужайкѣ передъ входомъ въ Сулу-Коба сидѣли уже полукругомъ по одну сторону Султанъ-Харрысъ съ двумя своими старыми чабанами и Фетхуллой, а по другую—Мусса-Фассафетдинъ-оглу, Куртсаибъ и еще одинъ старый чабанъ.

Всѣ молча курили, ожидая, чтобы Мусса-Фассафетдинъ-оглу началъ говорить. Фетхулла былъ совершенно спокоенъ: онъ, видимо, и не подозрѣвалъ даже истинной причины этого сборища. Вѣдь отары этихъ двухъ атамановъ сошлись на одной и той же яйлѣ,—стало быть, и это сборище само по себѣ ничего необыкновеннаго не представляло, потому что мало ли могло быть вопросовъ, которые надлежало разрѣшать сообща.

А въ сторонѣ отъ сидѣвшихъ лежали неподвижно три самыя старыя и надежныя овчарки: Чибинъ, Тургай и Айванъ. Собакъ этихъ атаманъ почему-то оставилъ послѣ утренняго доенія овецъ у себя.

Чабаны его были удивлены такимъ необычнымъ и непонятнымъ распоряженіемъ, но вѣдь—«о севледы оле»: стало быть, такъ нужно, а значитъ не о чемъ больше разсуждать.

Наконецъ, старикъ заговорилъ:

— У нашихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, товарищи, было положено всякое трудное дѣло рѣшать вмѣстѣ и я помню, какъ еще мой старый бабай,—да пошлетъ милосердный Аллахъ по молитвѣ святого пророка Магомета райскій миръ и прохладу его честнымъ костямъ и вѣчный почетъ его памяти,—всегда говорилъ при этомъ такъ: «Одна голова—око ума; три головы—торба разума; десять головъ—колодецъ мудрости!» Такъ говорилъ старикъ, такъ оно и есть, потому что изъ десяти матокъ всякій чабанъ надоитъ молока ровно въ десять разъ больше, чѣмъ изъ одной. Вѣрно ли я говорю, товарищи?

— Зачѣмъ спрашиваешь, ага?—отвѣчалъ въ свою очередь вопросомъ Султанъ-Харрысъ и продолжалъ:—Если бы на этихъ мѣстахъ, гдѣ сидимъ мы, лежали волы, и если бы Аллахъ на одну только минуту развязалъ ихъ шершавые языки, то и они даже проревѣли бы тебѣ на это: такъ, ага, такъ говоришь, хорошо говоришь, мудро говоришь,—такъ мудро, что мудрѣе и самъ мулла-эфенди не могъ бы сказать!—и опять замолчали бы, чтобы не прерывать больше твоей столь мудрой рѣчи.

— Тогда послушайте и разсудите вотъ какое дѣло:— «Одинъ богатый хаджи нанялъ пятерыхъ табунщиковъ и, поручая имъ пасти и стеречь свой большой табунъ лошадей, сказалъ имъ такъ: черезъ годъ въ это время пригоните ко мнѣ табунъ, и если вы будете хорошо беречь его отъ волковъ и всякой бѣды и ни одна изъ лошадей

не пропадетъ по вашей винѣ и недосмотру, можете взять себѣ въ награду за хорошую службу на выборъ каждый по двѣ лошади.

«Табунщики согласились и, подѣливъ этотъ большой табунъ на пять малыхъ, стали пасти его каждый по одному. Черезъ годъ оказалось, что въ четырехъ изъ табуновъ этихъ пропало по одному только коню, а въ пятомъ недостало трехъ лучшихъ коней. Хаджи ничего не сказалъ этому пятому табунщику, который такъ нехорошо досматривалъ порученныхъ ему лошадей, и хотѣлъ уже отпустить ихъ всѣхъ съ лошадьми въ степь, но этотъ самый табунщикъ, который оказался много хуже другихъ, сказалъ ему:

«— Не хочу, хаджи, пасти твой табунъ. Отпусти меня.

«— Развѣ я тебя обидѣлъ чѣмъ-нибудь?—спросилъ его хаджи.

«— Нѣтъ, не обижалъ; а все-таки отпусти меня,— отвѣчалъ тотъ.

«— Почему же ты уходишь?

«— Потому что твой сосѣдъ, другой хаджи, лучше платитъ за службу.

«— Сколько же онъ даетъ?

«— Онъ кромѣ двухъ лошадей за пастбище даетъ еще и по одному жеребенку, и я пойду къ нему табунщикомъ. А если и ты дашь мнѣ такъ, какъ онъ, я останусь у тебя.

«— Твое дѣло,—сказалъ хаджи.—Я своей цѣны не перемѣню; значитъ, тебѣ придется идти къ нему.

«Когда же дошло дѣло до расчета, то хозяинъ—не даромъ же онъ былъ хаджи—разсудилъ такъ:

«— Ты же мнѣ принесъ втрое больше другихъ убытка

и ты же самъ меня бросаешь ради одного лишняго жеребенка. А потому одного коня я тебѣ прощу, потому что и у всѣхъ другихъ пропало по одному, а что больше другихъ у тебя недостаетъ, то ты мнѣ вернешь изъ наслуженнаго тобой у меня.

«— Я только двѣ лошади и наслужилъ,—сказалъ тотъ.

«— Значитъ, ихъ ты и оставишь въ моемъ табунѣ.

«— Тогда я ни съ чѣмъ уйду отъ тебя?

«— Да, придется уйти ни съ чѣмъ, — подтвердилъ хаджи.

«— За что же я прослужилъ цѣлый годъ у тебя?

«— За свою вину, или за свою бѣду.

«— Но вѣдь бѣда твоя!—возразилъ табунщикъ.

«— Не моя, а твоя, потому что не я, а ты досматривалъ табунъ не такъ, какъ всѣ другіе: вѣдь нигдѣ больше одной головы не пропало.

«Послѣ этого табунщикъ ушелъ отъ него съ пустыми руками».

— Теперь скажите, товарищи, какъ по вашему: справедливо ли разсудилъ и сдѣлалъ этотъ хаджи?—обратился докладчикъ съ вопросомъ къ собранію.

— Я бы сказалъ точно такъ же, какъ и тотъ хаджи,—отвѣтилъ Султанъ-Харрысъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— А вы, товарищи?—обратился атаманъ къ остальнымъ.

— Хаджи разсудилъ мудро и поступилъ по совѣсти,—произнесли въ одинъ голосъ всѣ прочіе и только Фетхулла промолчалъ.

— И я такъ думаю и—случалось—такъ же судилъ,—прибавилъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу и продолжалъ: —

Хотя этотъ табунщикъ больше не спорилъ и ушелъ, такъ что хаджи даже подумалъ, что и онъ самъ обдумалъ его рѣшеніе и призналъ его справедливымъ, но оказалось совсѣмъ иначе. Хаджи даже порѣшилъ потомъ измѣнить свое слово и подѣлить эту бѣду пополамъ, т.-е. изъ лишнихъ двухъ пропавшихъ лошадей одну принять на себя и отдать этому табунщику еще одну лошадь, но, пока онъ это успѣлъ сдѣлать, случилось совсѣмъ другое. Въ первыя же двѣ слѣдующія ночи этотъ табунщикъ, который нанялся у сосѣдняго хаджи и пасъ его табунъ около пастбищъ бывшаго своего хозяина, укралъ два лучшихъ коня изъ бывшаго своего табуна и этимъ сдѣлалъ великую бѣду новому табунщику, который заступилъ его мѣсто. Скажите, товарищи, хорошо ли поступилъ этотъ табунщикъ, и долженъ ли первый хозяинъ, хаджи, исполнить свою добрую мысль и отдать ему все-таки одну лошадь, какъ онъ это хотѣлъ сдѣлать?

— Зачѣмъ это ты, ага, спрашиваешь насъ о томъ, что яснѣе самаго яснаго? И какъ можно назвать то, что сдѣлалъ этотъ табунщикъ, хорошимъ?!—съ горячностью отвѣчалъ Султанъ-Харрысъ. — Развѣ можно назвать грязь снѣгомъ, волка—козой, а топоръ—павлиньимъ перомъ?! Этотъ табунщикъ—настоящій хырсызъ, потому что онъ укралъ, и укралъ даже не для хозяина своего, чтобы увеличить его табунъ, а для самого себя. Пусть первый хаджи, вмѣсто того, чтобы награждать его, пойдетъ къ своему сосѣду, другому хаджи, и скажетъ ему, чтобы онъ, немедля ни минуты, прогналъ такого яланджи отъ себя палкой, чтобы ради него не началась между сосѣдями вражда и чтобы невинный другой табунщикъ, у котораго онъ укралъ лошадей, не страдалъ за этого вора

понапрасну. Такъ мнѣ говоритъ, ага, мое сердца, такъ же думаетъ и моя голова про это разсказанное намъ тобою дѣло.

— А ты что скажешь, Куртсанбъ?

— Сосѣдній атаманъ мудро говорилъ: и по-моему этотъ табунщикъ—хырсызъ.

— Скажи же и ты свое слово, Фетхулла,—обратился добродушно къ нему Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

А Фетхулла во все время рѣчи атамана сидѣлъ спокойно; ни одинъ мускулъ на лицѣ его не дрогнулъ. Но, когда докладчикъ обратился уже непосредственно къ нему, онъ замялся.

— Зачѣмъ же мнѣ говорить, когда другіе, помудрѣе и поважнѣе меня, уже сказали тебѣ свои мысли?—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Всякая птица, и большая и малая, подаетъ въ лѣсу свой голосъ на разсвѣтѣ, только одна раньше, а другая,—позже. Безъ этого ни одинъ день еще не начался. И всякая овца-матка въ стадѣ должна дать въ дойницу хоть одну каплю изъ своего молока. Они сказали, какъ думали, скажи и ты, какъ думаешь,—настаивалъ атаманъ.

— Ну, если ты, атаманъ, требуешь и моего слова, такъ и я скажу, что этотъ табунщикъ—хырсызъ,—сказалъ Фетхулла какъ-то нерѣшительно,—но только нужно, чтобы первый хаджи доказалъ другому хаджи, его новому хозяину и всему свѣту, что дѣйствительно укралъ лошадей этотъ табунщикъ, а не кто-нибудь другой. А что если ихъ волкъ зарѣзалъ? Или, можетъ быть, онѣ въ пропасть упали, разбились и околѣли, а орлы и коршуны ихъ съѣли?

При этомъ добавленіи оба атамана многозначительно переглянулись.

— Послѣ волковъ остаются кости и кровь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ бы ихъ рвалъ, а пропастей и обрывовъ въ степи нѣтъ вовсе: вѣдь табуны на степи паслись,— замѣтилъ на это Мусса-Фассафетдинъ-оглу.

Фетхулла промолчалъ.

— Ну, а вы всѣ что скажете?—спросилъ докладчикъ остальныхъ.

— Кого уже трое назвали воромъ, тотъ такъ воромъ останется и для всякаго,—отвѣчали остальные.

— Да, товарищи,—торжественно подалъ и свой голосъ послѣ всѣхъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу. — Этотъ табунщикъ—воръ и другого имени для него у честныхъ людей не можетъ быть. А теперь, товарищи, когда уже вы всѣ сказали свое справедливое слово и ни одинъ изъ васъ не назвалъ чернаго бѣлымъ, пора снять съ вашихъ глазъ повязки, которыя я нарочно надѣлъ на нихъ, чтобы вы судили такъ, какъ о чужомъ дѣлѣ, а не о своемъ собственномъ, потому что если бы вы знали, что судите свое дѣло, никто вашего суда не призналъ бы справедливымъ. И дѣды, и бабай мой говорили, что если бы люди судили сами,—каждый свое дѣло,—злодѣевъ тогда стало бы меньше, чѣмъ молока въ грудяхъ у блохи, и вора было бы труднѣе встрѣтить, чѣмъ верблюда на одной ногѣ, съ головой крысы, крыльями фазана и съ хвостомъ ящерицы! Знайте же, товарищи, что въ притчѣ, которую я вамъ сейчасъ разсказалъ, первый хаджи—я самъ, второй хаджи—ты, Султанъ-Харрысъ, второй табунщикъ, обиженный первымъ,—мой чабанъ, Менали-Сабыръ, а воръ—ты самъ, Фетхулла! И ты самого себя осудилъ вмѣстѣ съ нами!

И Мусса-Фассафетдинъ-оглу, поднявшись при этомъ со своего мѣста, грозно ткнулъ пальцемъ по направленію къ Фетхуллѣ.

А Фетхулла вздрогнулъ и, сильно поблѣднѣвшій, низко опустилъ голову. Наступило тяжелое молчаніе, которое длилось довольно долго. Наконецъ, старикъ, опустившись опять на свое мѣсто, набилъ себѣ трубку, выкресалъ огня и, раскуривши ее, заговорилъ, обращаясь къ Фетхуллѣ:

— Ну, теперь скажи намъ, если хочешь оправдываться, можетъ быть по твоему мы всѣ понапрасну обозвали тебя воромъ?

Обратившійся въ подсудимаго и уже осужденнаго недавній судья тяжело дышалъ и продолжалъ неподвижно сидѣть на своемъ мѣстѣ съ низко опущенною головой. Отъ волненія онъ машинально ковырялъ пальцемъ землю. Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Что же ты молчишь, Фетхулла?—повторилъ свой вопросъ старикъ.

— Вы раньше назвали меня воромъ, чѣмъ выслушали. Что же я буду теперь говорить?!—тихо отвѣтилъ онъ.

— Не мы одни называли: ты самъ себя назвалъ воромъ.

— Дѣло темное, атаманы. Что же я укралъ? У кого? Когда? Кто видѣлъ? Гдѣ доказательства? — проговорилъ вдругъ скороговоркой Фетхулла, подымаясь съ мѣста.

— Ты укралъ тринадцать овецъ изъ стада Менали-Сабыра; ты укралъ ровно столько, сколько тебѣ пришлось по моему рѣшенію,—а всѣ сказали, что это рѣшеніе было справедливое,—оставить изъ твоего заработка за то, что въ прошломъ году у тебя была гораздо большая

потеря, чѣмъ у другихъ,—сказалъ спокойно предсѣдатель суда.

— Кто же твой свидѣтель?—пробормоталъ Фетхулла.

— Я самъ, твой атаманъ! — произнесъ съ достоинствомъ Султанъ-Харрысъ.

— А гдѣ доказательства?—спросилъ уже скорѣе машинально совсѣмъ растерявшійся воръ.

— У тебя въ стадѣ!—загремѣлъ на него уже свой атаманъ.—Тотъ самый примѣтный баранъ съ рыжими пятнами на шеѣ, котораго знаютъ всѣ чабаны на нашихъ горахъ: вѣдь онъ еще ягненкомъ съ куцымъ волкомъ дружбу водилъ, такъ какъ же его и не знать?! Онъ теперь въ твоемъ стадѣ впереди всѣхъ съ козломъ ходитъ.

Фетхулла былъ подавленъ всѣмъ происшедшимъ. Онъ поднялся было со своего мѣста, чтобы уйти, но Мусса-Фассафетдинъ-оглу остановилъ его.

— Погоди еще,—сказалъ онъ спокойно.—Хотя мы всѣ и хорошо знаемъ, а ты самъ—сто разъ лучше насъ всѣхъ, что мы тебя правильно назвали воромъ, но чтобы доказать тебѣ еще, потому что ты, какъ я и ожидалъ, не сознаешься, я тебѣ вотъ что скажу: чабанъ-воръ—все равно что волкъ, даже хуже волка, потому что отъ волка всякій опытный чабанъ убережется, а отъ чабана-вора никто уберечься не можетъ. Вотъ почему и у волка, и у чабана-вора одинъ и тотъ же волчій духъ. Теперь садись и смотри, что будетъ. Скажи, Султанъ-Харрысъ, что ты мнѣ прислалъ съ чабаненкомъ?

— Чабанскія палки,—отвѣтилъ тотъ.

— Чьи?

— Всѣхъ моихъ чабановъ.

— Сколько ихъ всѣхъ?

— Семь.

— А Фетхуллы палка есть между ними?

— Конечно, есть.

— Хорошо. Уланъ, принеси всѣ эти палки,—обратился старикъ къ безмолвно стоявшему все время въ сторонѣ чабаненку. Тотъ побѣжалъ въ пещеру и сейчасъ же возвратился со связкой палокъ.

Мусса-Фассафетдинъ-оглу медленно всталъ, взялъ эти палки и сталъ ихъ раскладывать на землѣ въ разстояніи нѣсколькихъ саженей одна отъ другой.

Всѣ съ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалъ старикъ. Даже Фетхулла поднялъ голову и видимо искалъ глазами свою палку.

— Если ты не согласишься съ людскимъ судомъ, то, можетъ быть, повѣришь собачьему. Пусть же собаки найдутъ палку вора. Кепекъ-ларъ! Чибинъ, Айванъ, Тургай,—бурая! [1])— крикнулъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу спокойно лежавшимъ въ сторонѣ собакамъ.

Тѣ послушно поднялись со своихъ мѣстъ и подошли къ хозяину.

— Нередé хырсызнынъ таяхъ? Булнызъ! [2])— крикнулъ имъ атаманъ и, тыкая пальцемъ по очереди на каждую изъ лежавшихъ на землѣ палокъ, заставлялъ собакъ обнюхивать ихъ. Собаки въ точности исполняли его желаніе.

Всѣ напряженно ожидали, что будетъ дальше. Послушныя собаки по зову переходившаго съ ними отъ палки къ палкѣ атамана молча обнюхивали каждую. Вотъ онѣ уже дошли до шестой и эту обнюхали совершенно спо-

[1]) Собаки! Муха, Звѣрь, Воробей—сюда!

[2]) Гдѣ палка вора? Найдите!

койно. Но едва только онѣ стали приближаться къ последней, седьмой, какъ вдругъ шерсть на ихъ шеяхъ и спинахъ стала подниматься. Послышалось глухое ворчаніе... Вдругъ всѣ три пса бросились сами къ лежавшей на землѣ палкѣ, а свирѣпый хромоногій Чибинъ даже рванулъ ее зубами, и среди общей тишины раздался громкій тройной протяжный вой, такъ хорошо знакомый каждому чабанскому уху.

— Олуръ! Сусъ! [1]) — крикнулъ сейчасъ же на нихъ Мусса-Фассафетдинъ-оглу и, отогнавши все еще свирѣпо рычавшихъ псовъ, поднялъ палку и, войдя въ кругъ сидѣвшихъ, подалъ ее какъ-то съежившемуся совсѣмъ Фетхуллѣ и спросилъ его:

— А ну-ка, Фетхулла, скажи намъ, чья это палка?

Тотъ молчалъ.

— Говори, когда я тебѣ приказываю! — повелительно прикрикнулъ атаманъ.

— Палка моя,—чуть слышно пролепеталъ уличенный.

— Такъ знай же, Фетхулла, что съ той минуты какъ губы честныхъ людей сказали про тебя слово «воръ», а за людьми это же слово завыли даже собаки, тебѣ нѣтъ больше мѣста на нашихъ горахъ среди чабановъ! Наши дѣды и прадѣды гнали воровъ, гонимъ ихъ и мы... Уходи же, воръ, отъ насъ, куда самъ знаешь, потому что волку нѣтъ мѣста въ стадѣ овецъ: его раздерутъ собаки... Ты укралъ у меня дюжину матокъ и одного барана... Матокъ я прощаю тебѣ, но не тѣхъ, что ты укралъ, а тѣхъ, которыхъ ты въ прошломъ году недосмотрѣлъ. Бери ихъ себѣ, только барана этого отдай: баранъ этотъ мнѣ до-

[1]) Довольно! Молчать!

роже дюжины матокъ! А вамъ, товарищи, спасибо, что вы разрѣзали мнѣ эту веревку,—и старикъ, приложивъ накрестъ руки къ груди, поклонился собранію,—которая не мнѣ только одному душила шею... Вы своимъ справедливымъ словомъ прокололи мнѣ нарывъ и выдавили изъ него гной: теперь больше болѣть не будетъ.

Старикъ смолкъ, сѣлъ и сталъ задумчиво набивать свою трубку. Никто не произнесъ ни слова.

А Фетхулла, среди этого общаго молчанія, какъ-то пошатываясь, поднялся со своего мѣста, взялъ опозоренную даже собаками свою чабанскую палку и сталъ медленно удаляться. Всѣ молча смотрѣли ему вслѣдъ.

Но, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ повернулся и глухо, но ясно произнесъ:

— Мой грѣхъ, ваша правда!.. Ты, атаманъ-ага, разсудилъ справедливо... Я уйду... Прощайте... Былъ слѣпымъ, теперь буду зрячимъ... Больше ужъ,—Аллахъ видитъ мое сердце и знаетъ, что говорю правду,—до конца жизни воровать не буду!..

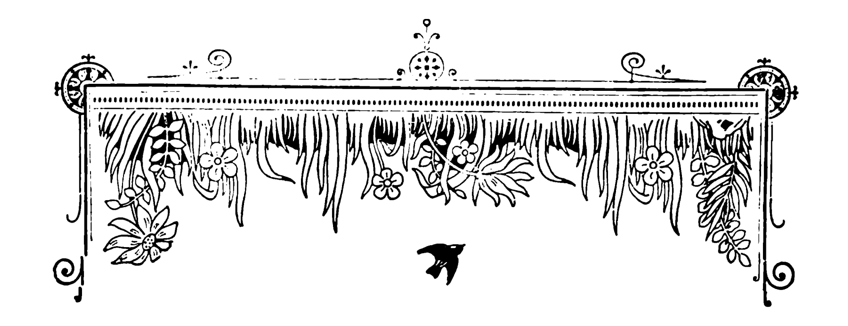
И съ этими словами Фетхулла исчезъ за кустами.

. . . .

А черезъ мѣсяцъ, предъ вечеромъ того самаго дня, когда обѣ отары съ двухъ разныхъ сторонъ вползали по горѣ уже на самую верхнюю яйлу Чатыръ-Дага, Фетхулла съ тою же самою крючковатою палкой въ рукахъ подходилъ къ какому-то глухому аулу Закавказья, пріютившемуся надъ горнымъ ущельемъ въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ персидской границы.

Стоявшее уже низко надъ горизонтомъ солнце свѣтило ему прямо въ лицо: онъ какъ-то осунулся, но шелъ спокойно и бодро...

Конецъ.

Свадебный подарокъ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Алимъ, сынъ Бекира изъ Каперликоя.

Похожденія знаменитаго разбойника Алима, который лѣтъ 50—60 тому назадъ дивилъ весь Крымъ своимъ не знавшимъ страха и предѣловъ удальствомъ, были такъ разнообразны и нерѣдко по идеѣ своей такъ неожиданны, что разлетавшаяся съ быстротой молніи по всему полуострову молва о нихъ столько же поражала всѣхъ ужасомъ, сколько и удивляла безстрашіемъ, находчивостью и, смѣшно сказать, справедливостью и юморомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ разбойника-виртуоза.

Алимъ-грабитель, гроза цѣлаго края, былъ въ то же самое время и Алимъ-герой, ставшій его кумиромъ: его проклинали и за него же молились; имя его наводило трепетъ и проникало къ нему невольнымъ уваженіемъ, а разсказъ о каждомъ новомъ его подвигѣ заставлялъ

блѣднѣть слушателей и они же при этомъ нерѣдко хохотали до слезъ, зная ту или другую жертву его продѣлокъ.

Алима судили и очень строго судили: за все имъ содѣянное онъ понесъ жестокую кару—полторы тысячи палокъ при прогонѣ сквозь строй и рудники на всю жизнь... Но тотъ же Алимъ, если и былъ разбойникомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, то никогда не былъ воромъ, а весьма часто былъ... самымъ добродушнымъ, хотя и неумолимо-строгимъ судьей для разныхъ рыцарей мутной водицы.

Разсказанный ниже эпизодъ изъ жизни этого самаго Алима—истинный фактъ, хорошо извѣстный многимъ и многимъ старикамъ-крымчакамъ, хотя несомнѣнно и расцвѣченный нѣсколько въ подробностяхъ временемъ и фантазіей разсказчиковъ. Но вѣдь для характеристики этого разбойника-героя важны не детали, а голый фактъ самъ по себѣ; детали же—только соль, перецъ и пряности, дѣлающія всякое блюдо болѣе пикантнымъ и вкуснымъ.

Для ясности разсказа необходимо не забывать, что Алимъ былъ прежде всего «джигитъ», удалецъ, герой, вышедшій изъ народа и объявившій отъ имени этого самаго народа непримиримую войну мурзакамъ, а за ними и всѣмъ тѣмъ вообще, отъ кого въ то время татарамъ приходилось не сладко.

И если мурзаки,—жалкое наслѣдіе (къ счастью, впрочемъ, вымирающее) отъ бывшихъ владыкъ крымской орды, доставшееся намъ какъ болѣзненный и совершенно ненужный придатокъ къ этому прекрасному уголку Россіи, омываемому голубыми всплесками очаровательнаго моря—по всей справедливости были всегда отребьемъ трудового.

честнаго и вообще симпатичнаго татарскаго народа (рѣчь идетъ только о Крымѣ), то греки, армяне, болгары и нѣкоторые русскіе элементы, которые наслоились въ Крыму съ первыхъ же дней водворившагося тамъ русскаго владычества, также недалеко ушли отъ мурзаковъ. Всѣ они другъ друга стоили, и татары, лучше кого бы то ни было другого, это чувствовали на себѣ. Отсюда—исконная затаенная ненависть и вражда татаръ по отношенію ко всѣмъ этимъ элементамъ. Отсюда—и выходецъ изъ народа Алимъ, этотъ національный мститель за всѣ безконечныя притѣсненія и неправды, которыми десятки годовъ донимали ихъ мурзаки, армяне и имъ подобные.

И народъ прекрасно сознавалъ такую чисто-національную роль и миссію своего героя: все татарское населеніе Крыма, даже не сговариваясь вовсе по этому поводу и не взирая на весьма энергическія мѣры начальства, доходившія до угрозы выселять поголовно въ Сибирь всякое село, въ которомъ хотя на одну ночь будетъ данъ пріютъ разбойнику, заботливо охраняло своего джигита и въ продолженіе четырехъ почти лѣтъ укрывало его отъ преслѣдованія властей.

Этимъ между прочимъ, не говоря уже о доходившихъ до безумія отвагѣ и удальствѣ самого Алима, и можно объяснить причину столь продолжительной безуспѣшности его преслѣдованій, несмотря на то, что власти, подогрѣваемыя еженедѣльными «строжайшими» приказами изъ Петербурга, постоянно гнались за нимъ по пятамъ по всѣмъ дебрямъ и закоулкамъ полуострова. Алимъ, почти уже пойманный, всегда умудрялся какимъ-то чудомъ исчезать безслѣдно для того, чтобы на другой же день подать о себѣ новую и еще болѣе страшную вѣсть совсѣмъ

съ другой стороны Крыма, верстахъ въ 150—200 отъ мѣста вчерашняго подвига.

Неудивительно поэтому, если крылатая народная фантазія въ скоромъ времени уже успѣла создать о немъ цѣлый маленькій эпосъ, и если имя Алима на всемъ пространствѣ Крыма, а въ особенности въ горной его части между Ѳеодосіей и Чатыръ-Дагомъ и посейчасъ еще повторяется съ любовью въ разсказахъ татаръ-стариковъ, какъ имя богатыря, много доставившаго добра и славы родному народу и за него же въ концѣ-концовъ героически пострадавшаго.

Въ заключеніе этой бѣглой характеристики удальца-Алима интересно будетъ привести слѣдующій эпизодъ, ярко обрисовывающій въ весьма симпатичномъ свѣтѣ личность этого, по суду оказавшагося только разбойникомъ и головорѣзомъ, джигита.

Помѣщикъ А. Л. К. (лицо близкое автору этого очерка), отставной кирасиръ, поселившійся по выходѣ изъ военной службы въ своемъ родовомъ имѣніи въ Крыму и всю жизнь затѣмъ носившій бѣлую кирасирскую фуражку, какъ дорогое воспоминаніе о любимомъ полкѣ, благодаря отчасти именно этой фуражкѣ, имѣлъ однажды интересную встрѣчу съ Алимомъ.

Хотя рѣчь идетъ и о лицѣ, близкомъ автору разсказа, но простая справедливость съ одной стороны, а съ другой—необходимость для ясности послѣдующаго заставляютъ прибавить, что въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца и дѣятеля помѣщикъ К. всегда пользовался большими симпатіями окрестнаго, почти исключительно татарскаго, населенія. Происходило это отъ того, что, родившись и выросши въ Крыму среди татаръ, онъ близко зналъ этотъ

народъ, привыкъ уважать его за основныя національныя черты—честность, трезвость, гостепріимство и удивительную домовитость, и потому всегда, гдѣ могъ и какъ могъ, старался приходить ему на помощь.

Такъ, между прочимъ (это было въ самый расцвѣтъ славы Алима), однажды онъ продалъ весь урожай фруктовъ своего громаднаго сада компаніи татаръ изъ своей и сосѣдней деревень за очень крупную сумму.

Продажа по обыкновенію состоялась въ началѣ мая, когда уже выяснились размѣры урожая, и самими покупателями, какъ спеціалистами дѣла, было положительно установлено, что по количеству плодовъ годъ опредѣлился, какъ рѣдкостный. Сдѣлка, конечно, какъ и всегда, была заключена на словахъ, безъ всякихъ письменныхъ условій и документовъ, такъ какъ татары слишкомъ честны по натурѣ, чтобы придавать какое бы то ни было значеніе бумагѣ, а тѣмъ болѣе основывать на ней силу и прочность принятаго на себя обязательства.

Любой изъ нихъ при этомъ разсуждаетъ такъ:

«Кто только думалъ, но молчалъ, тотъ ничего не сказалъ; кто ничего не сказалъ, тотъ ничего на свою душу и не принялъ. Но кто подумалъ, подумалъ и сказалъ, тотъ уже завязалъ: ничѣмъ не развяжешь и только исполнивъ сказанное слово, будешь свободенъ. Бумага—ничтожнѣйшій матеріалъ, дрянь, какъ бы много и какъ бы черно ты на ней ни написалъ: она тлѣетъ, трется, гніетъ; ее можно сжечь, разорвать, перепачкать, потерять... Какое же сравненіе она можетъ имѣть съ языкомъ человѣка, тѣмъ самымъ языкомъ, которому Самъ Господь назначилъ быть колоколомъ души и которымъ ты, обращаясь съ молитвой къ Всемогущему, все, что видитъ глазъ и что слы-

шитъ ухо, создавшему Творцу, называешь Его свѣтлое, великолѣпное, все собою начинающее и все собой кончающее, властное въ счастьи и несчастьи, въ свѣтѣ и тьмѣ, въ жизни и смерти Имя?!

Душа человѣка—открытыя передъ Самимъ Богомъ скрижали; когда языкъ говоритъ, каждое слово само собой начертывается неизгладимыми письменами на этихъ скрижаляхъ, и Владыка земли и всѣхъ надзвѣздныхъ міровъ Своимъ всепроникающимъ окомъ ежесекундно читаетъ все тамъ начертанное...

Горе тому, на скрижаляхъ котораго этотъ пресвѣтлый Судья прочтетъ, что его слово—какъ вѣтеръ пустыни, а совѣсть—какъ черная ночь!..

Такъ что же крѣпче и болѣе свято: слово или бумага? И для чего человѣку бумага, имѣющая столько же смысла и силы, какъ и летучая пыль, и капля грязной воды, и пометъ поганой чушки?!.»

Итакъ, сдѣлка была окончательно заключена, и татары обязались черезъ нѣсколько дней привезти первую треть условленной платы. Но вдругъ на другой же день, какъ исключительное явленіе, котораго никогда и никто не могъ предполагать, ночью ударилъ довольно сильный морозъ, и двѣ трети ожидаемаго урожая безвозвратно погибли.

Татары тѣмъ не менѣе въ назначенный день привезли третью часть платы сполна, но помѣщикъ К., принявъ эти деньги, тутъ же объявилъ имъ, что въ виду постигшаго ихъ несчастья, которое, если оставить прежнюю цѣну, неминуемо должно разорить ихъ въ конецъ, онъ считаетъ всѣ расчеты за садъ съ ними уже оконченными и условленную плату—внесенной сполна; если же теперь

онъ принимаетъ сразу всѣ деньги, то только потому, что и онъ въ свою очередь обязался уплатить довольно крупный долгъ въ Судакѣ въ концѣ этой недѣли, куда и долженъ отвезти эти деньги.

Ни одинъ мускулъ на лицѣ татаръ при этомъ не дрогнулъ: они—слишкомъ сдержанный и слишкомъ умѣющій владѣть собой народъ, чтобы проявлять такъ или иначе вовнѣ свое душевное волненіе.

Только самый старый изъ нихъ Мусса-эфенди сказалъ:

— Ты, чорбаджи,—не потому только «чорбаджи», что мы тебя такъ называемъ, а потому, что ты на самомъ дѣлѣ чорбаджи... Твоя душа—справедливая душа и потому всякій бѣднякъ тебѣ другъ. И когда—Алла сохласенъ! [1])—надъ тобой или надъ твоимъ домомъ грянетъ бѣда, не зови сосѣдей, не зови и слугъ, которые тебѣ служатъ за деньги; но зови насъ: не пожалѣешь!

Черезъ три дня послѣ этого К. дѣйствительно выѣхалъ въ Судакъ съ довольно крупной суммой денегъ въ небольшой покойной коляскѣ на своихъ лошадяхъ, и такъ какъ приходилось сдѣлать верстъ около семидесяти, то онъ, избѣгая жары, выѣхалъ подъ вечеръ.

Покормивъ на полпути лошадей у другого помѣщика-пріятеля и поужинавши у него, К. въ остальной путь, лежавшій на разстояніи верстъ сорока сплошь черезъ горы, покрытыя лѣсомъ, двинулся уже поздно ночью.

Пріятель долго уговаривалъ путешественника не рисковать этой ночной поѣздкой, при чемъ убѣдительно прибавлялъ:

— Кой чортъ тебѣ таскаться ночью, да еще съ день-

---

[1]) „Алла сохласенъ“—сохрани Богъ.

гами! Оставайся лучше у меня до утра, а тамъ себѣ съ Богомъ: скатертью дорога... На этой дорогѣ часто шляется и Алимка... Что тебѣ за охота вмѣсто кредитора ему отдать полностью твои деньги, да, можетъ быть, прибавить и еще что-нибудь болѣе цѣнное?.. Право, оставайся.

— Нѣтъ, кумъ, спасибо. Ночью ѣхать пріятнѣе, чѣмъ днемъ по жарѣ, да и моя тройка мнѣ интереснѣе твоего Алима, чтобы я изъ-за страха встрѣчи съ нимъ сталъ душить ее тридцатиградуснымъ пекломъ. Слуга покорный!.. А для этого милостиваго государя, на случай чего, у меня, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до бумажника, найдется нѣчто, можетъ быть, и повкуснѣе.

И при этомъ К. самодовольно потрясъ въ рукѣ французской двустволкой, заряженной картечью.

— Да вѣдь все равно ѣхать же не степью, а лѣсомъ и днемъ прохладно,—продолжалъ уговаривать радушный хозяинъ.

— Покорно тебя благодарю за майскую прохладу въ Крыму. Да, наконецъ, намъ, братъ, съ тобой, военнымъ, и зазорно какъ-то, выѣхавши за семьдесять верстъ изъ дому, ночевать на пути изъ-за какого-то проходимца.

— Зазорно-то оно, можетъ быть, и зазорно, да зато и много надежнѣе,—не отставалъ пріятель, изъ котораго, повидимому, весь военный духъ давно уже выдохся безъ остатка.

— Тогда вотъ что и я тебѣ предложу, кумъ,—сказалъ К., улыбаясь:—ужъ если ты мнѣ такъ настоятельно сулишь провести une mauvaise quart d'heure съ этимъ самымъ Алимомъ, такъ поѣдемъ вмѣстѣ: тамъ у брата Коли проведемъ завтрашній день, а послѣзавтра я тебя доста-

влю домой къ обѣду. Въ такомъ случаѣ ужъ Алиму и совсѣмъ неинтересно будетъ устраивать намъ двоимъ путевую овацію.

Но подобная ночная прогулка, очевидно, совсѣмъ не устраивала гостепріимнаго и осторожнаго пріятеля, у котораго сейчасъ же оказались на завтра и неотложныя дѣла по дому, и К. уѣхалъ одинъ.

Ночь была хотя и безлунная, но именно лѣтняя звѣздная крымская ночь, когда кажущаяся только въ открытое окошко мгла на самомъ дѣлѣ вся мерцаетъ и вся трепещетъ миріадами голубовато-фосфорическихъ ниточекъ свѣта, вливающагося въ эту мглу съ самыхъ отдаленныхъ высотъ сплошь усыпаннаго горящими брильянтами небеснаго свода.

Такая ночь, такая мгла—точно густая вуаль, скрывающая подъ своимъ легкимъ покровомъ нѣжное какъ персикъ, душистое какъ ананасъ и атласно-гладкое, какъ лепестокъ только-что сорванной розы, личико молодой красавицы: извнѣ въ эту мглу не видно ничего, но изъ нея, какъ и изъ-подъ вуали, все ясно, все мерцаетъ и брезжитъ, подернутое легкой прозрачной дымкой.

И вся эта чуть-чуть серебрящаяся, чуть-чуть дрожащая дымка точно потопомъ залита—ни съ чѣмъ несравнимымъ ароматомъ весенняго лѣса. Такая ночь томитъ всякое чуткое къ чистой природѣ сердце сладостной нѣгой; такою ночью можно, любя, умереть и любить, умирая; такою ночью, слившись душою съ природой, можно подслушать и даже понять ея многія сокровенныя тайны! И таинственный шелестъ листьевъ косматыхъ дубовъ, и назойливо дребезжащая свирѣль милліона сверчковъ, и едва различимый шорохъ крыльевъ надъ самой землей проле-

тающей ночной птицы, и издали доносящійся плачъ дробно всхлипывающаго перепела—всѣ эти, ночи одной присущіе и отъ нея самой неотдѣлимые, звуки способны сказать тогда уху и сердцу много больше и понятнѣе самыхъ звонкихъ и самыхъ трескучихъ фразъ человѣческихъ! Эти чудные звуки лѣтней крымской ночи и есть тотъ могучій шопотъ природы, передъ которымъ громомъ гремящія рѣчи людей—то же, что слабое журчаніе ручья передъ ревомъ бурныхъ стихій...

Лошади, пофыркивая, весело бѣжали по гладкой лѣсной дорогѣ. Колокольчикъ подъ дугой равномѣрно звенѣлъ, то разсыпаясь по лѣсу и слабо замирая гдѣ-то далеко, въ глубокихъ ущельяхъ, то гремя густыми сочными звуками, когда горы, суживаясь къ дорогѣ, обступали ее молчаливыми темными громадами настолько близко, что, казалось. хотѣли совсѣмъ загородить путь дальше, то вдругъ, брякнувъ особенно громко, умолкалъ затѣмъ на нѣсколько мгновеній, когда могучій коренникъ, встряхнувъ своей косматой головой, поднималъ ее на секунду вверхъ и язычокъ колокольчика дѣлалъ въ это время нѣсколько настолько слабыхъ колебаній, что не доставалъ до его краевъ.

Помѣщикъ К., откинувшись на опущенный верхъ коляски, сначала только дремалъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ спокойной качки экипажа, а можетъ быть и лишняго стакана хорошаго стараго портвейна, которымъ его угощалъ радушный пріятель, совершенно уснулъ.

Вдругъ надъ самымъ ухомъ его раздался какой-то странный шумъ, въ родѣ дробныхъ ударовъ по камнямъ чего-то желѣзнаго, и коляска, сразу рванувшись впередъ такъ, что К. всѣмъ корпусомъ подался назадъ, понес-

лась стремительно быстро. Открывъ глаза и еще не отдавая себѣ отчета, въ чемъ дѣло, К. только успѣлъ крикнуть кучеру:

— Что ты съ ума сошелъ, Евлампій? Сломишь голову!..

И въ то же время увидѣлъ съ правой стороны экипажа почти рядомъ съ собой силуэтъ скакавшаго всадника. Инстинктивно схватившись за свою двустволку, К. уже успѣлъ приподнять ее, направляя въ сторону верхового, когда тотъ крикнулъ ему по-татарски:

— Тохта, тохта, чорбаджи! Кэрэкъ-ме тюфекъ... Огуръ-Алла!.. Алъ сеннымъ холпахъ! [1])

И Алимъ (это былъ онъ) на всемъ скаку ловко набросилъ на голову изумленнаго и успѣвшаго при этихъ словахъ снова опустить ружье К. его бѣлую кирасирскую фуражку, отсутствія которой помѣщикъ и не замѣтилъ въ первую минуту такого неожиданнаго пробужденія.

А разбойникъ между тѣмъ, продолжая подвигаться вровень съ коляской, опять заговорилъ:

— Успокойся, чорбаджи, и не сердись, что я тебя разбудилъ: ты вѣрно хорошо спалъ, если даже не замѣтилъ, что уже верстъ пять ѣдешь безъ шапки.

— Ты кто такой?—спросилъ К.

— Я—Алимъ,—гордо отвѣчалъ разбойникъ, и при этомъ имени кучера Евлампія невольно передернуло какъ-то, а помѣщикъ снова положилъ руку на ружье.

— Что же тебѣ нужно?

— Ничего... Я только хотѣлъ отдать тебѣ твою шапку.

— Гдѣ же ты ее взялъ и какъ ты узналъ, чья эта шапка?

[1]) „Подожди, подожди, баринъ! Не нужно ружья... Богъ тебѣ путеводитель!.. Возьми свою шапку!"

— Нашелъ ее не я, а этотъ мой товарищъ,—и разбойникъ ударилъ ласково по шеѣ своего коня,—тамъ на спускѣ съ Татхоры. А что это твоя шапка, я не могъ не знать, потому что одинъ ты въ Крыму носишь и лѣто, и зиму такую бѣлую военную шапку, какъ одинъ ты имѣешь и бѣлую душу. И ты, чорбаджи, напрасно схватилъ ружье, потому что, во-первыхъ, я твоего ружья не боюсь, а, во-вторыхъ, на друзей ружья не поднимаютъ... Я тебѣ не врагъ, а слуга. Богъ далъ тебѣ бѣлую душу и ясное, какъ алмазъ, сердце: ты—благодѣтель нашихъ татаръ и отеръ уже не одну слезу бѣдняка. Тебя Богъ благословитъ за это. Я никого еще въ моей жизни не убилъ, но скажи мнѣ одно только слово, назови по имени тѣхъ, кто тебѣ сдѣлалъ зло, и черезъ недѣлю всѣ они будутъ лежать порѣзанные, какъ бараны.

Помѣщикъ съ удивленіемъ слушалъ эту хвалебную рѣчь разбойника и не зналъ, вѣрить ли ея искренности: можетъ быть это была простая уловка, чтобы, успокоивъ бдительность путника, удобнѣе затѣмъ ограбить его?

— Слушай, Алимъ,—сказалъ на это К.,—ты напрасно заговариваешь мнѣ зубы. Лучше уѣзжай поскорѣе по здорову, пока я не пустилъ въ тебя пару хорошихъ картечей.

— Грѣхъ тебѣ, чорбаджи, оскорблять за добро человѣка, который и въ помыслахъ не имѣлъ противъ тебя ничего худого! Развѣ ты, старый крымскій помѣщикъ, не знаешь, что Алимъ, сынъ Бекира изъ Каперликоя, вовсе не воръ, хотя его всѣ и называютъ разбойникомъ?! Нѣтъ, Алимъ—честный человѣкъ, хоть онъ и грабитъ армянъ, грековъ, болгаръ, мурзаковъ и тѣхъ изъ русскихъ, которые похожи на тебя такъ же, какъ чушка на луну! Вотъ

вы мою голову оцѣнили въ сотни рублей: я самъ, стоя въ Старомъ Крыму на базарѣ, слушалъ, какъ читали приказъ губернатора о томъ, что всякое село, которое меня пріютитъ на одну ночь, онъ погонитъ съ дѣтьми, женщинами и стариками въ Сибирь, а того, кто поймаетъ меня, наградитъ золотомъ. Ну, что жъ?! Пусть будетъ и такъ, да только не поймать орла комарамъ, хотя бы ихъ собрались и цѣлыя тучи! Нѣтъ, нѣтъ, чорбаджи, Богъ знаетъ, ты знаешь и всѣ знаютъ, что не воръ я и не разбойникъ... Я только джигитъ, которому самъ Богъ велѣлъ сѣсть на коня и уйти въ горы, чтобы стать на защиту сироты, бѣдняка и вдовы!

Искренность тона Алима тронула помѣщика. Онъ совершенно успокоился относительно чистоты намѣреній разбойника и теперь хотѣлъ только продлить эту странную ночную встрѣчу, чтобы поближе познакомиться съ личностью такого рѣдкаго собесѣдника, о которомъ тысячеустая молва гремѣла по всему Крыму самыя невѣроятныя вещи.

— Ты, Алимъ, напоминаешь мнѣ волка, — сказалъ онъ, — который захотѣлъ мурлыкать котомъ, чтобы убѣдить всѣхъ, что онъ—самое ласковое и безобидное животное.

— Зачѣмъ волка?—спросилъ удивленно Алимъ.

— А вотъ почему: развѣ для того, чтобы стать на защиту сироты и вдовы, какъ ты самъ говоришь, нужно заткнуть за поясъ кинжалъ да пару пистолетовъ и выѣзжать на большую дорогу грабить? Всѣ хорошіе люди скажутъ тебѣ, что это значитъ не защитникомъ быть, а грабителемъ.

— Твоя правда, чорбаджи,—иронически усмѣхнулся разбойникъ и затѣмъ съ чисто восточной гордостью про-

должалъ:—только когда хорошій хозяинъ кормитъ своихъ собакъ, онъ стоитъ и смотритъ, чтобы большія и сильныя не обижали маленькихъ и слабыхъ и, если большія отнимаютъ у малыхъ, онъ ихъ отгоняетъ плетью отъ пищи; самъ отбираетъ часть ея и отдаетъ въ сторонѣ малымъ... Развѣ я для себя граблю?—закончилъ онъ вопросомъ.

— А для кого же?

— Для бѣдняковъ. Я граблю для ограбленныхъ; я ночью на дорогахъ отбираю у мурзаковъ, армянъ и грековъ, у этихъ большихъ и злыхъ псовъ, малое изъ того многаго, что эти безжалостныя животныя грабятъ днемъ въ городахъ и деревняхъ всегда у беззащитныхъ щенковъ-бѣдняковъ. Я ничего себѣ не беру и, ограбивъ ужъ многихъ богачей, я сейчасъ—самый бѣдный изъ бѣдняковъ, которому завтра не на что было бы купить себѣ корку хлѣба, если бы мнѣ ее нужно было покупать и если бы меня не кормили такіе же бѣдняки, какъ и я. Повѣрь, чорбаджи, Алиму: онъ не лгунъ и не воръ, а только честный и бѣдный джигитъ. Мѣсяцъ тому назадъ въ Аккъ-Мечети (г. Симферополь) я ограбилъ одного ростовщика-кровопійцу,—ты, вѣроятно, про это слышалъ, потому что послѣ этого «дѣла» губернаторъ послалъ всюду указы о Сибири и о денежной наградѣ за поимку меня. Грабилъ я,—это правда, а онъ, ростовщикъ, былъ ограбленная жертва. Ну, а скажи, чорбаджи, что тебѣ твоя бѣлая душа говоритъ,—кто изъ насъ двухъ у Бога въ книгѣ судьбы записанъ разбойникомъ? Онъ, а не я!—съ гордостью крикнулъ Алимъ, протянувъ руку въ сторону Симферополя.—Онъ живетъ между вами, честными людьми, къ нему на другой день пріѣзжалъ самъ губер-

наторъ, жалѣлъ его, подавалъ ему свою начальническую руку, а меня называлъ негодяемъ; а между тѣмъ онъ такой хищникъ и плутъ, недостойный даже названія разбойника, который у меня, скитающагося, какъ сова, въ темнотѣ, а днемъ скрывающагося въ пещерахъ и ущельяхъ горъ, не достоинъ поцѣловать подошву сапога!.. Я ограбилъ у него мѣшки съ золотомъ... Этого золота было столько, что я едва могъ унести его: тамъ было больше 20.000 рублей, да вдвое столько было въ цѣлой книгѣ векселей и разныхъ расписокъ, которыя я отнялъ у него вмѣстѣ съ золотомъ [1]... А знаешь ли, добрый и честный чорбаджи, что уже черезъ часъ послѣ грабежа я былъ такимъ бѣднякомъ, что, придя въ шашлышню на татарской слободкѣ Аккъ-Мечети и не ѣвши цѣлый день, я не имѣлъ трехъ копеекъ, чтобы заплатить старику-татарину, содержателю шашлышни, за булку, которую взялъ у него и за которую онъ, не узнавши меня сразу, спросилъ съ меня деньги!..

II.

Верблюдъ—за одну только копейку!

— Вѣрь, чорбаджи,—продолжалъ Алимъ,—что и тогда, и всегда послѣ всѣхъ грабежей, и теперь Алимъ—такой же бѣднякъ, какъ тотъ эфенди, который, идя пѣшкомъ въ Мекку на поклоненіе святому праху пророка и встрѣтившись съ другимъ мусульманиномъ, который ѣхалъ верхомъ на верблюдѣ, а другого велъ за собою на поводѣ, не захотѣлъ купить у него второго верблюда, несмо-

---

[1]) Случай этотъ—документально установленный въ дѣлѣ объ Алимѣ фактъ.

тря на то, что встрѣтившійся мусульманинъ назначилъ за него цѣну только одну копейку. Про этого эфенди мнѣ разсказывалъ нашъ каперликойскій мулла, и этотъ разсказъ стоитъ того, чтобы и ты, чорбаджи, его прослушалъ. Вотъ какъ это было:

«Мусульманинъ, догнавши эфенди, поѣхалъ съ нимъ рядомъ и сталъ доказывать ему, что ѣхать такой длинный и утомительный путь гораздо пріятнѣе, удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ идти пѣшкомъ. Онъ долго, много и убѣдительно говорилъ по этому поводу, а эфенди все молчалъ. Наконецъ, онъ окончилъ и замолчалъ, а эфенди опять продолжалъ молчать.

— Что же ты молчишь?—спросилъ его мусульманинъ.

— Потому что не хочу, какъ ты, говорить пустыхъ словъ,—сказалъ эфенди.

— Развѣ тѣ слова, которыя я тебѣ говорилъ, пустыя слова?—удивился тотъ.

— Совсѣмъ пустыя.

— Да вѣдь я тебѣ говорилъ только одну правду?

— Это правда, что правду.

— Такъ зачѣмъ же ты называешь ее пустыми словами?

— Потому что пустое всегда называется пустымъ, а дѣло—дѣломъ.

— Я ничего не понимаю,—развелъ руками мусульманинъ.

— Ну, такъ я тебѣ объясню. Подожди на минутку, слѣзь съ верблюда.

И когда мусульманинъ, поставивъ своего верблюда на колѣни, слѣзъ съ него и сѣлъ на песокъ противъ эфенди, этотъ ему сказалъ такъ:

— Ты мнѣ наговорилъ про то, что ѣзда лучше ходьбы, столько, что если бы пророкъ захотѣлъ каждое твое слово обратить въ листъ лопуха, ты могъ бы устлать этими листьями весь путь до Мекки, хотя его еще остается больше чѣмъ на двѣ недѣли, и твой верблюдъ ни разу не обжегъ бы своихъ мозолей о раскаленный песокъ, потому что могъ бы пройти весь путь по этимъ свѣжимъ и прохладнымъ листьямъ. Ты говорилъ много, очень много, такъ много, что я даже забылъ, съ чего ты началъ; ты заговорилъ самого себя такъ, что даже и ты забылъ, что ты всѣ эти долгія рѣчи о неудобствахъ пѣшей ходьбы говоришь человѣку, который, идя пѣшкомъ, прошелъ уже многія сотни верстъ. Ты для меня уподобился въ это время тому неразумному баштанджи, который во время проливного дождя сталъ кружкой воды поливать свой баштанъ арбузовъ и дынь! Подумай же теперь самъ, не пустыя ли рѣчи ты говорилъ человѣку, у котораго такія ноги, какъ у меня?

И эфенди, сбросивъ свои терлики, показалъ обѣ ноги удивленному мусульманину: онѣ у путника были истерты отъ продолжительной ходьбы такъ, что изъ ранъ во многихъ мѣстахъ сочилась кровь.

— Скажи же самъ, не убѣдительнѣе ли всѣхъ твоихъ долгихъ и длинныхъ рѣчей эти мои ноги?—спросилъ эфенди.

— Твоя правда, эфенди! — воскликнулъ мусульманинъ.—Я напрасно тратилъ свои слова, потому что ты больше страдаешь отъ ходьбы, чѣмъ я самъ это думалъ. Поэтому ты долженъ купить у меня моего другого верблюда.

— Нѣтъ, я не куплю твоего второго верблюда,—отвѣчалъ эфенди.

— Я тебѣ его недорого продамъ.

— Все равно не куплю.

— Я тебѣ его отдамъ за двадцать рублей.

— Не куплю.

— А за десять купишь?

— Нѣтъ.

— За пять?

— Не надо.

— За три? За два? За одинъ только рубль?!

— Напрасно уступаешь, не возьму,—стоялъ на своемъ эфенди.

— Слушай!—воскликнулъ мусульманинъ.—Послѣ того, какъ я видѣлъ твои ноги, я не уѣду, пока не продамъ тебѣ верблюда, чтобы и ты могъ не идти дальше, а ѣхать. Аллахъ меня вознаградитъ: возьми его за двадцать копеекъ.

— Не получишь и двадцати копеекъ съ меня за него.

— Заплати же хоть десять копеекъ!

— Не заплачу.

— Пять! Три!

Эфенди только покачалъ головой въ знакъ нежеланія.

— Ну такъ одну хоть копейку!—вскричалъ мусульманинъ, пораженный такою несговорчивостью эфенди.— Слышишь: одну только, единственную одну копейку заплати и садись на своего верблюда: поѣдемъ дальше вмѣстѣ.

— Тебѣ не придется положить въ твой кисетъ съ деньгами отъ меня и этой копейки,—сказалъ на это спокойно эфенди,—потому что верблюда твоего я не куплю и за одну копейку.

Мусульманинъ отъ удивленія даже всталъ съ песка,

на которомъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, и долго не могъ сказать ни слова.

— Ты просто упрямый человѣкъ эфенди, — произнесъ онъ, наконецъ, садясь опять на своего верблюда и беря за поводъ другого,—и мнѣ тебя нисколько не жаль, потому что ты упрямѣе всѣхъ ословъ, которые только были и есть на землѣ подъ луною. Иди себѣ пѣшкомъ со своимъ упрямствомъ, а я поѣду со своими верблюдами... Прощай!

— Подожди,—остановилъ его эфенди. — Ты мнѣ все правду говорилъ?

— Правду.

— Такъ выслушай же и отъ меня правду: а ты просто глупый человѣкъ, и мнѣ тебя очень жаль, потому что ты глупѣе всѣхъ тѣхъ ословъ, которые когда-либо рождались подъ луною съ самаго перваго дня міра и до этой минуты. Поѣзжай же себѣ съ Богомъ на своихъ верблюдахъ, да не клади только, пожалуйста, на нихъ своей глупости, потому что у тебя для этого оказалось бы мало вьючнаго скота, если бы ты даже согналъ сюда всѣхъ ословъ и верблюдовъ, какіе только живы на свѣтѣ въ эту минуту.

Мусульманинъ остановился и, подумавъ немного, сказалъ:

— Ты, кажется, эфенди, думаешь обо мнѣ не совсѣмъ хорошо?

— Я сказалъ тебѣ, что я думаю.

— Не хорошо сказалъ, не хорошо думалъ.

— Я говорилъ правду, а правда—хорошая или нехорошая—одна, какъ и солнце одно и луна одна.

— По какой же причинѣ ты меня считаешь глупѣе всѣхъ ословъ?

— По той самой, по какой и ты считаешь меня упрямѣе всѣхъ ословъ.

— Да вѣдь тотъ, кто глупѣе всѣхъ ословъ, не имѣетъ, значитъ, совсѣмъ ума!—закричалъ уже раздраженно мусульманинъ.

— А тотъ, кто упрямѣе всѣхъ ословъ, развѣ не можетъ совсѣмъ не имѣть денегъ?!.—еще громче, но безъ всякой злобы закричалъ эфенди.

При этихъ словахъ мусульманинъ ударилъ себя по лбу, а эфенди продолжалъ:

— Ты все время *продавалъ* мнѣ верблюда, но не *дарилъ:* значитъ, я *купить* его не могъ, потому что у меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Что же мнѣ было изъ того, что ты отдавалъ его мнѣ за одну даже копейку, когда у меня нѣтъ и этой одной копейки?!. Я — круглый бѣднякъ, и, стало быть, одна копейка — для меня уже цѣлое состояніе.

Тогда мусульманинъ, понявъ свою глупость, слѣзъ опять съ верблюда и поклонился эфенди въ ноги со словами:

— Ты, эфенди,—мудрый эфенди, а я—много глупѣе тебя, хотя, положимъ, и не глупѣе всѣхъ ословъ на свѣтѣ. Возьми моего верблюда такъ, безъ денегъ, и поѣдемъ вмѣстѣ дальше. Я тебѣ его не подарилъ раньше потому, что думалъ, что ты не берешь его за ничтожную сумму изъ-за упрямства, а еще потому не догадался сдѣлать тебѣ этотъ подарокъ, что ты ни разу не похвалилъ этого верблюда: значитъ, ты не хотѣлъ подарка, потому что кто хочетъ, чтобы ему сосѣдъ подарилъ какую-нибудь вещь, тотъ непремѣнно эту самую вещь при сосѣдѣ похвалитъ. Теперь верблюдъ уже твой. Поѣдемъ.

И они поѣхали дальше вдвоемъ».

Помѣщикъ съ удовольствіемъ прослушалъ этотъ странный разсказъ, переданный ему при такой необыкновенной обстановкѣ.

А Алимъ между тѣмъ прибавилъ:

— Теперь ты, чорбаджи, знаешь, съ какимъ эфенди я сравниваю себя, и вѣрь пожалуйста, что я такой же бѣднякъ, какъ и онъ. Поэтому я грабитель только для грабителей и разбойникъ для разбойниковъ; для добрыхъ же и милосердныхъ людей и для бѣдняковъ я слуга и другъ, на котораго можно положиться. Правды мало теперь, чорбаджи, на свѣтѣ, и великій пророкъ Магометъ, да будетъ прославлено его правдивое имя, повелѣлъ мнѣ быть на землѣ ничтожной крупицей этой правды, чтобы и сирота и бѣднякъ когда-нибудь узнали это Божье благо. Ты не удивляйся, добрый чорбаджи, что тебѣ о Богѣ и о правдѣ говоритъ тотъ самый Алимъ, сынъ Бекира изъ Каперликоя, о которомъ весь Крымъ кричитъ какъ о головорѣзѣ и ворѣ и голова котораго цѣнится дороже десятка самыхъ дорогихъ коней, и вѣрь мнѣ, потому что я еще никогда не зачернилъ своей души лживымъ словомъ. Подумай: вѣдь для тѣхъ, у кого гноятся глаза отъ болѣзни, свѣтъ, для полузамерзшихъ—тепло, а для того, кого засыпалъ горный обвалъ и онъ просидѣлъ безъ пищи полтора десятка дней, а потомъ былъ спасенъ, — много пищи сразу—самое великое зло, а между тѣмъ и свѣтъ, и тепло, и пища—величайшія блага, которыми милосердый Богъ по молитвѣ премудраго пророка даритъ людей. Такъ и я: для однихъ—правда, для другихъ — зло, для однихъ—гнусный воръ и врагъ, для другихъ — справедливый защитникъ и другъ. Вотъ и сегодня ты меня от-

влекъ отъ двухъ нужныхъ «дѣлъ»: сегодня въ началѣ ночи я долженъ былъ подъ Ѳеодосіей ограбить одного нашего мошенника-мурзака, съ которымъ у меня есть кое-какіе старые счеты, а на зарѣ я долженъ былъ проучить подъ Карасубазаромъ другого еще лучшаго мерзавца-армянина за то, что онъ съ одного моего земляка, каперликойскаго бѣдняка-татарина, дважды взыскалъ одинъ и тотъ же долгъ. Я уже собирался ѣхать на первое дѣло, когда получилъ извѣстіе о томъ, что ты, чорбаджи, съ большими деньгами ѣдешь въ Судакъ ночью. Только ты не подумай, что это мнѣ сообщили для того, чтобы я тебя ограбилъ; совсѣмъ нѣтъ: меня предупредили, чтобы я въ темнотѣ не ошибся и не сдѣлалъ тебѣ бѣды. Я поблагодарилъ вѣстника и рѣшилъ, что не могу тебя пустить одного ночью черезъ горы, да еще на твоей прекрасной тройкѣ и съ такими деньгами, и потому поѣхалъ тебя провожать, оставивъ на другой разъ оба эти дѣла, которыя отъ меня все равно не уйдутъ. А знаешь почему мнѣ нужно было тебя проводить? Потому что теперь развелось нѣсколько негодяевъ, которые шляются здѣсь и грабятъ безъ разбора того, кто попадется, прикрываясь моимъ именемъ. Одного уже тутъ, на этой самой дорогѣ, я недавно помѣтилъ,—отсѣкъ ему правое ухо,—и его уже даже нѣтъ вовсе въ Крыму—онъ уплылъ въ Турцію, но другіе еще шляются, пока и ихъ я не перемѣчу точно такъ, какъ мѣтятъ барановъ, вырѣзывая на ушахъ разные знаки. Поэтому я и поѣхалъ проводить тебя, чтобы поберечь отъ этихъ негодяевъ. Оберегая тебя, я и себя берегъ отъ убійства, потому что, если бы—Боже сохрани—кто-нибудь сдѣлалъ тебѣ какое-нибудь зло, я долженъ былъ бы его, какъ барана, зарѣзать, и зарѣзалъ бы за тебя,—а я

убійства боюсь и молю Бога, чтобы Онъ не довелъ меня до такого гнуснаго дѣла. Я поджидалъ тебя въ самомъ началѣ горъ, въ лѣсу и, пропустивъ тебя на версту впередъ, поѣхалъ за тобой слѣдомъ. Въ началѣ Татхоры конь мой, этотъ безцѣнный скакунъ и вѣрный мой товарищъ, вдругъ прыгнулъ въ сторону, и я, осмотрѣвшись, увидѣлъ твою бѣлую шапку на самой дорогѣ. Тогда я понялъ, что ты вѣрно заснулъ и потерялъ ее, и поднявъ, догналъ тебя, чтобы отдать, потому что завтра всѣ осмѣяли бы тебя въ Судакѣ за эту потерю. Знай же все это и не сердись на меня. Будь здоровъ.

— Послушай, Алимъ,—сказалъ К.,—я всему тому, что ты мнѣ говорилъ, вѣрю, но скажи мнѣ, пожалуйста, еще, за что же ты, которому я никогда ничего добраго не сдѣлалъ, служишь мнѣ? И почемъ ты знаешь, какой я человѣкъ? Можетъ быть, и я такой же разбойникъ, какъ ты называешь другихъ?

— Ты?!—усмѣхнулся Алимъ.—Да развѣ я слѣпой, котораго нужно водить, или глухой, которому въ уши еще налили смолы? Развѣ и я и всѣ другіе не видимъ и не слышимъ, что дѣлается около насъ? Когда въ солнечный день облако проходитъ по небу,—и малое дитя и старый старикъ видятъ одинаково тѣнь; когда на верхушкѣ тополя стрекочетъ сорока,—не нужно быть умнымъ, чтобы знать, что это не старый даульщикъ Муртаза гремитъ на своемъ знаменитомъ даулѣ? Нѣтъ, чорбаджи, мы всѣ и тебя и другихъ хорошо знаемъ. Тебѣ Богъ далъ бѣлую душу и свѣтлое сердце, и мы всѣ видимъ, какъ оно всегда ярко блеститъ. Ты три дня тому назадъ не моргнулъ глазомъ, когда подарилъ шесть тысячъ рублей десяти бѣднякамъ; а если бы захотѣлъ, эти деньги были бы у тебя

въ карманѣ, потому что Аллаху угодно было, чтобы ударилъ морозъ и погубилъ двѣ трети урожая не тогда, пока еще садъ былъ твой, а въ то время, когда уже глаза татаръ смотрѣли на то, что было на деревьяхъ, какъ на свое добро. Эта бѣда была не твоя бѣда, а ихъ, и ты имѣлъ полное право получить все, что Аллахъ послалъ тебѣ на твое счастье, а они должны были переживать свою бѣду и подчиниться ей. И они не задержали бы ни одного твоего гроша, потому что слово уже было ими сказано, и Самъ Богъ черезъ меня помогъ бы имъ освободить книгу своей судьбы отъ записаннаго въ ней вѣрнѣе, чѣмъ на людскихъ бумагахъ и книжкахъ, долга: въ назначенный срокъ всѣ эти шесть тысячъ рублей привезъ бы имъ я... Но ты былъ милосерденъ и справедливъ, и всѣ татары за это благословляютъ твое имя.

Вотъ почему служу тебѣ я и вотъ почему сегодня и мурзакъ и армянинъ проѣхали благополучно каждый по своей дорогѣ, если только самъ родственникъ ихъ шайтанъ шутки ради не свернулъ имъ обоимъ шеи гдѣ-нибудь въ оврагѣ, чему бы я былъ очень радъ, отъѣла бы поганая чушка имъ обоимъ носы и уши для того, чтобы сейчасъ и самой издохнуть отъ такой погани! Теперь прощай, чорбаджи; довольно уже я надоѣлъ тебѣ своими рѣчами. Тебѣ еще остается до Судака ѣхать не меньше часа, а потому спи себѣ спокойно: я тебя буду беречь до самаго мѣста и только тогда оставлю тебя, когда уже ты войдешь подъ крышу твоего брата. Припомни, чорбаджи, еще одно мое слово: когда я тебѣ понадоблюсь для чего-нибудь, скажи объ этомъ вслухъ такъ, чтобы это слово услышалъ хотя одинъ какой-нибудь татаринъ, у котораго надъ верхнею губой уже столько волосъ, что даже въ сумерки можно

о немъ съ увѣренностью сказать, что это не переодѣтая женщина. Въ такомъ случаѣ, повѣрь, слово твое, сказанное рядомъ съ моимъ именемъ, скоро долетитъ до меня, и гдѣ бы ты ни былъ, я явлюсь самъ къ тебѣ, чтобы, какъ вѣрная собака, беречь тебя отъ враговъ, или, какъ вѣрный рабъ, исполнить твое приказаніе. Прощай, Богъ тебѣ путеводитель!

Когда въ отвѣтъ на эти слова помѣщикъ К. крикнулъ ему:«спасибо тебѣ!»—Алимъ уже, какъ призракъ, скрылся въ темнотѣ.

Переданный выше фактъ *) настолько ярко и подробно характеризуетъ знаменитаго татарина, что распространяться о немъ еще было бы излишнимъ трудомъ, который бы только утомилъ читателя, нисколько не расширивъ его представленія о ставшей уже теперь, полвѣка спустя, почти сказочной личности Алима.

Но прежде, чѣмъ продолжать, необходимо оговориться, что всѣ дѣйствующія лица послѣдующаго разсказа, какъ и помѣщикъ К., давно уже покончили свои расчеты съ жизнью и, стало быть, тревожить ихъ вѣчный сонъ, называя ихъ дѣйствительными именами, было бы вдвойнѣ несправедливо: они, какъ мертвые уже, «сраму не имутъ», а живые потомки ихъ и тѣмъ больше въ правѣ желать,

---

*) Эпизодъ съ помѣщикомъ К. фактиченъ детально: и самое событіе, и обстановка его и, наконецъ, даже содержаніе бесѣды разбойника съ К. переданы автору въ подробностяхъ самимъ этимъ помѣщикомъ, теперь уже давно покойнымъ, а потому фактъ этотъ и особенно цѣненъ для правдивой и вѣрной характеристики Алима, положительно составлявшаго собою весьма любопытное явленіе въ національной жизни крымскихъ татаръ сравнительно недалекаго прошлаго. Объективность же и безусловная правдивость самого К. для всѣхъ, знавшихъ этого почтеннаго человѣка, всегда были и остаются внѣ всякаго даже малѣйшаго сомнѣнія. *Примѣч. автора.*

чтобы о предкахъ ихъ говорили «aut bene, aut nihil» (хорошо или ничего). А потому да будетъ извѣстно читателю, что при совершенной правдивости факта имена участвующихъ въ немъ лицъ вымышлены.

III.

Зейнадинъ-эфенди даетъ урокъ.

На одномъ изъ невысокихъ холмовъ, которыми крымскій хребетъ, въ этой части своей, постепенно спускается въ глубь полуострова къ степи, раскинулась небольшая татарская деревушка, Каперликой, сама по себѣ не замѣчательная рѣшительно ничѣмъ, кромѣ развѣ того, что это была родина прогремѣвшаго теперь по всему Крыму джигита Алима.

Отецъ его, Бекиръ, лѣтъ 15 тому назадъ, когда еще этотъ единственный сынъ его прочелъ не болѣе ста стиховъ изъ священной книги-книгъ (Коранъ), выѣхалъ со всею семьей изъ Каперликоя на землю одного богатаго мурзака, въ имѣніи котораго онъ нанялся объѣздчикомъ.

Учитель Алима, мѣстный мулла, Зейнадинъ - эфенди, тогда же пророчески предсказалъ блестящій удѣлъ будущаго героя. Когда старый Бекиръ пришелъ вмѣстѣ съ Алимомъ къ нему въ послѣдній разъ, чтобы проститься и поблагодарить за науку сына, — эфенди, сидѣвшій въ это время, поджавши подъ себя ноги, на плоской крышѣ своего дома и размышлявшій, судя по выраженію его лица, о чемъ-то серьезномъ и важномъ, внушительно сказалъ ему при этомъ случаѣ между прочимъ слѣдующее:

— Твой сынъ, Бекиръ, — завидный сынъ. Пусть онъ

растетъ тебѣ на радость, татарамъ на пользу и славу. Его сердце—широкое; его глазъ—свѣтлый; его голосъ гудитъ, какъ труба, а умъ совсѣмъ не такой, какъ у гуся, хотя бы этотъ гусь былъ даже такъ старъ, какъ и я. Но, хотя я уже и полвѣка смотрю на свѣтъ Божій, однако еще никогда не видѣлъ и не слыхалъ, чтобы подъ одной феской могло помѣщаться столько упрямства и лѣни, сколько ихъ есть у него. Если бы понадобилось раздѣлить его упрямство и лѣнь между скотами, то и при самой щедрой дѣлежкѣ запаса его хватило бы на цѣлое стадо ословъ и у него самого еще осталось бы довольно. Тебѣ говорю, Бекиръ, а вѣдь ты знаешь, что я не охотникъ говорить попустому: великій прокъ выйдетъ изъ твоего Алима, если ты не забудешь почаще мѣнять одну камышевую трость, когда она обобьется, на другую,—потверже. Его голова — тучная нива, а камышевыя трости (не нами это сказано)—тѣ же благотворныя капли дождя, которыя падаютъ скоро послѣ посѣва на эту самую ниву: чѣмъ больше упадетъ весной этихъ капель, тѣмъ больше насыплется осенью зеренъ въ мѣшки хозяина нивы. Помни все это, Бекиръ, хорошо и потому, не покладая рукъ, лупи его самъ, пусть лупитъ твоя жена и поклонись до земли тамошнему муллѣ, чтобы и тотъ, уча его премудрости Корана, не жалѣлъ, какъ и я, камыша: вѣдь камышъ по волѣ Аллаха растетъ вездѣ и самимъ пророкомъ предназначенъ для умноженія разума въ головахъ татарчатъ!

Такъ напутствовалъ Зейнадинъ-эфенди Алима, и потому ли, что ученику его въ самомъ дѣлѣ были подарены судьбой не ординарныя духовныя силы, или потому, что и въ новомъ мѣстѣ жительства его камышъ росъ въ такомъ же

изобиліи, какъ и по берегу горнаго ручейка, сбѣгавшаго съ высотъ около самаго Каперликоя и убѣгавшаго дальше въ глубь степи серебристой змѣйкой, но послѣдствія показали, что этотъ самый «завидный сынъ» Бекира сталъ дѣйствительно красой и славой всего татарскаго населенія Крыма.

Съ тѣхъ поръ прошло больше 15 лѣтъ.

Зейнадинъ-эфенди успѣлъ уже изъ пепельно-сѣраго, какимъ онъ былъ при прощаніи съ Бекиромъ, стать совершенно бѣлымъ, хотя и достаточно крѣпкимъ еще старикомъ; но прорицаніе свое онъ помнилъ превосходно, гордился имъ безконечно и послѣ всего случившагося настолько увѣровалъ въ чудодѣйственную силу камыша, что давно уже сдѣлалъ для себя правиломъ начинать и оканчивать всякое объясненіе съ любымъ изъ учениковъ не иначе, какъ вытянувши его по спинѣ и еще лучше по головѣ (если, конечно, на ученической головѣ въ это время была феска, а не баранья шапка) тростью.

Мулла при этомъ нерѣдко прибавлялъ наставительнымъ тономъ:

— Когда дорогой гость приходитъ къ сосѣду, онъ долженъ прежде всего постучать въ дверь, чтобы сосѣдъ узналъ о его прибытіи и поспѣшилъ выбѣжать къ нему навстрѣчу и отворить дверь, чтобы впустить въ свой домъ. Когда дорогой гость уже вошелъ, хозяинъ долженъ опять стукнуть дверью, затворяя ее за нимъ на всѣ запоры, чтобы гость могъ быть увѣреннымъ, что хозяинъ дѣйствительно радъ ему и не оставляетъ за нимъ дверь открытой, какъ бы указывая ему, что эта дверь ждетъ его ухода, и чтобы онъ зналъ также, что никто посторонній не войдетъ незамѣтно въ этотъ домъ и не помѣшаетъ его

дружеской бесѣдѣ съ хозяиномъ. Такъ точно и камышъ: при началѣ объясненія первый ударъ по головѣ возвѣщаетъ ей о прибытіи дорогого гостя — мудрой рѣчи наставника,—просвѣтляетъ ее и приготовляетъ къ принятію премудрости; когда же уста наставника смолкнутъ, трость крѣпко прибиваетъ все слышанное ученикомъ къ головѣ его и наполняетъ радостью сердца и битаго и бьющаго: первый послѣ этого знаетъ, что къ уму его прибавилось нѣчто полезное — новое, а второй убѣждается, что онъ возвѣщалъ свои истины не въ пустынѣ. Чѣмъ дороже вещь, тѣмъ труднѣе она достается: умъ—самое драгоцѣнное изъ того, что можетъ имѣть человѣкъ, и потому, если ты хочешь имѣть его, ты долженъ заслужить его цѣною многихъ и многихъ палокъ. Кто получилъ за время ученія какую-нибудь сотню ударовъ, тотъ пусть и не думаетъ когда-нибудь услышать обращенное къ себѣ названіе «мулла-эфенди»; зато тотъ, на чью долю ихъ досталась тысяча, вѣрно будетъ чаще слышать свой голосъ, чѣмъ голоса другихъ, потому что ему придется всегда говорить, а другимъ—только слушать.

Стояли послѣдніе дни августа. Вечерѣло. Въ Каперликоѣ, невзирая даже на наступавшую прохладу, было тихо и безлюдно: время сбора фруктовъ и плодовъ разогнало по садамъ и бахчамъ все взрослое населеніе деревушки. Только старики да кое-кто изъ успѣвшихъ уже закончить трудовыя заботы дня начинали подниматься на плоскія крыши домиковъ для того, чтобы, усѣвшись тамъ на корточкахъ или особымъ восточнымъ способомъ (съ поджатыми подъ себя ногами) и устремивъ неподвижные взоры въ безпредѣльную даль степи, погрузиться въ созерцательное молчаніе, роняя лишь изрѣдка по одному, много

по два слова въ отвѣтъ на то или другое замѣчаніе сосѣда, который въ точно такой же позѣ долго и безмолвно сидѣлъ неподалеку на своей крышѣ и, наконецъ, скорѣе случайно, чѣмъ намѣренно, бросилъ вслухъ коротенькую фразу.

Только на домикѣ муллы, стоявшемъ напротивъ старой мечети съ очень высокимъ минаретомъ оригинальной архитектуры, было и людно и сравнительно болѣе оживленно.

Зейнадинъ-эфенди лѣтомъ и вообще, когда только позволяла погода, любилъ поучать своихъ учениковъ на вольномъ воздухѣ, располагаясь для этого или на плоской крышѣ своего дома, или на широкой зеленой площадкѣ, среди которой на пригоркѣ стояла мечеть.

Мулла и теперь сидѣлъ на корточкахъ на разостланной у самаго края крыши цыновкѣ и монотонно читалъ лежавшую на высокомъ табуретѣ книгу Корана.

Передъ нимъ лицомъ къ учителю сидѣло около дюжины татарчатъ разнаго возраста и въ глубокомъ молчаніи внимало чтенію эфенди. Съ правой стороны около муллы, и настолько близко, чтобы рука учителя свободно могла достать, лежалъ цѣлый пукъ камышеваго тростника, этого благороднаго и душеспасительнаго растенія, которое, по увѣренію муллы, самимъ пророкомъ предназначено для умноженія разума въ головахъ татарчатъ.

Зейнадинъ-эфенди читалъ протяжно, громко и безъ всякой интонаціи, точно такъ же, какъ онъ привыкъ уже лѣтъ сорокъ по нѣсколько разъ въ день выкрикивать въ положенные часы обычную молитву, трижды обходя при этомъ круглый балкончикъ на вышкѣ минарета мечети. Отъ времени до времени, впрочемъ, старикъ поднималъ

глаза отъ книги и, устремляя ихъ на востокъ, съ вдохновеннымъ видомъ произносилъ наизусть «Фатихе», эту вступительную суру Корана [1]), которая для мусульманъ имѣетъ значеніе нашей молитвы Господней и возможно частое повтореніе которой (по возможности подъ рядъ) считается для всѣхъ правовѣрныхъ однимъ изъ самыхъ душеспасительныхъ и угодныхъ Богу и Его пророку подвиговъ.

Зейнадинъ-эфенди произносилъ «Фатихе» послѣ каждой прочитанной строчки, и ученики, слушавшіе вообще чтеніе безмолвно, обязаны были, приложивъ руки къ лицу, всѣ въ одинъ голосъ повторять священныя слова этой молитвы.

Прочитавъ между прочимъ одинъ айетъ слѣдующаго содержанія:

„И топливомъ служатъ люди и камни...“

[1]) Коранъ—священная книга магометанъ, составляющая для нихъ то же, что для христіанъ Библія и св. Евангеліе. Это—сборникъ разсказовъ, поученій, правилъ, законовъ и т. п., сообщенныхъ, по преданію, Магомету Аллахомъ черезъ архангела Гавріила. Коранъ былъ впервые облеченъ въ письменную форму Зеидомъ, бывшимъ секретаремъ Магомета, по порученію халифа Абу-Бекра (632 — 634). Зеидъ раздѣлилъ Коранъ на „суры“, или главы, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльное связное откровеніе, произнесенное Магометомъ передъ своими послѣдователями. Такъ какъ откровенія эти, или „суры“, въ большинствѣ случаевъ, записывались по памяти слушателей уже послѣ смерти самого пророка (только нѣкоторыя откровенія были по приказанію Магомета записываемы слушателями тотчасъ же по произнесеніи ихъ), то для Зеида не было никакой возможности записать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и потому онъ внесъ въ Коранъ сначала самыя длинныя, а онѣ именно и были позднѣйшими, а въ концѣ—короткія, болѣе страстныя по тону и раннія по времени. Всѣхъ „суръ“ въ Коранѣ 114. Вступительная сура называется „Фатихе“ и имѣетъ для мусульманъ такое же значеніе, какое для насъ—молитва Господня. Суры раздѣляются на стихи и каждый стихъ называется „айетъ“, т.-е. чудо.

Примѣч. автора.

мулла остановился и, устремивъ неподвижно глаза куда-то вдаль къ горизонту, задумался. Что въ это время происходило въ душѣ стараго учителя, опредѣлить было невозможно, такъ какъ на застывшемъ, какъ будто изъ бронзы вычеканенномъ, лицѣ его не отражалось никакого душевнаго движенія. Строгое до суровости лицо это съ особенною рельефностью выдѣлялось изъ-подъ бѣлоснѣжныхъ складокъ чалмы и по неподвижности и мертвенности своего выраженія напоминало застывшую голову статуи, которую чудотворный рѣзецъ скульптора не успѣлъ еще оживить и вдохновить двумя-тремя, совершенно незамѣтными для не посвященнаго глаза и составляющими тайну искусства, штрихами.

Нечего и говорить, что въ такіе моменты никто изъ учениковъ никогда не рѣшился бы даже малѣйшимъ движеніемъ или звукомъ нарушить созерцательное безмолвіе стараго учителя: душеспасительность цѣлаго пучка камышевыхъ тростей давно уже и хорошо была вѣдома каждому.

Просидѣвъ въ такой позѣ нѣсколько минутъ, Зейнадинъ-эфенди сталъ произносить сопровождающую, по обыкновенію, каждый айетъ «Фатихе»; ученики въ одинъ голосъ повторяли за нимъ:

«Во имя Господа милосердаго, милостиваго! Хвала Богу, Господу міровъ, милосердому, милостивому, Владыкѣ дня суда! Воистину Тебѣ мы поклоняемся и у Тебя просимъ защиты. Наставь насъ на путь правый, на путь тѣхъ, къ кому Ты былъ милостивъ, на кого нѣтъ гнѣва и кто не заблуждается!» [1])

---

[1]) Текстъ „фатихе“ въ подлинномъ переводѣ.

Авторъ.

Окончивъ молитву, мулла провелъ обѣими руками по лицу и уже опустилъ глаза къ книгѣ, чтобы продолжать чтеніе, какъ вдругъ совершенно неожиданно раздался голосъ одного изъ учениковъ:

— Мулла-эфенди! Зачѣмъ же топить людьми, когда на горахъ растетъ много лѣсу, котораго можно натаскать насколько угодно печей?

Строгій взглядъ учителя пронизалъ дерзновеннаго.

Перебить муллу во время чтенія Корана было неслыханною смѣлостью, а потому вмѣсто отвѣта на вопросъ мальчика Зейнадинъ - эфенди, выбравши изъ душеспасительнаго пучка самую толстую трость, вытянулъ ею смѣльчака дважды, замѣтивъ такъ:

— Пока солнце свѣтитъ, темнота ночи не смѣетъ помѣшать его лучамъ ни на одну минуту; когда дождь идетъ, онъ будетъ идти, пока самъ не перестанетъ; когда мулла читаетъ Коранъ, только одинъ оселъ можетъ перебить его, заревѣвши не впору. Тогда всякій, кто ближе къ ослу, долженъ взять хорошую дубину и, обломавши ее на ослиной спинѣ, благоговѣйно вернуться съ обломкомъ въ рукахъ, дабы мулла увидѣлъ своими глазами, что тотъ, кто перебилъ слова книги-книгъ, не остался безъ наказанія. И взявшій дубину пусть знаетъ, что онъ сдѣлалъ угодное Аллаху, потрудившись на славу Корана.

И съ этимъ мулла при полномъ безмолвіи учениковъ продолжалъ чтеніе, пока не докончилъ всей суры.

Только послѣ этого онъ опять обратился съ вопросомъ къ мальчику.

— Ты что хотѣлъ знать, Абейбула?

— Я удивился, когда ты, эфенди, прочиталъ,—почему это гдѣ-то топятъ людьми и каменьями? Мой бабай (отецъ)

Селяметъ всегда топитъ дровами, которыя я каждый день приношу зимой изъ лѣсу.

— Твой бабай хорошо бы сдѣлалъ, если бы совсѣмъ сжегъ свой домъ: тогда, по крайней мѣрѣ, можетъ быть вмѣстѣ съ домомъ сгорѣлъ бы и ты и, значитъ, однимъ дуракомъ на свѣтѣ было бы меньше.

— Ты такъ сказалъ, мулла-эфенди,—почтительно отвѣтилъ ученикъ.

— Дровами этихъ печей не натопишь,—пояснилъ мулла.

— Вѣрно, это очень большія печи?

— Вотъ это ты вѣрно сказалъ, и я вижу поэтому, что моя туфля не можетъ гордиться своимъ умомъ передъ тобой. Да, это большія печи, это такія большія печи, что вся наша мечеть, если бы ее бросить въ эту печь, заняла бы тамъ мѣста не больше, чѣмъ одна соломинка въ цѣлой этой степи.

И мулла указалъ рукой на разстилавшуюся подъ горой безпредѣльную степь.

Ученики въ безмолвномъ удивленіи помолчали.

— А гдѣ есть такая печь? У насъ въ Каперликоѣ, кажется, нѣтъ ни одной такой? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

— У насъ въ Каперликоѣ многаго нѣтъ, — замѣтилъ мулла.

— А гдѣ же есть?—спросилъ опять Абейбула.

— Въ аду, куда и ты непремѣнно попадешь, если будешь перебивать муллу, когда онъ читаетъ слова мудрѣйшаго и свѣтлѣйшаго изъ пророковъ, когда-либо ходившихъ по волѣ Аллаха по нашей землѣ.

— А гдѣ адъ, мулла-эфенди?

Этотъ вопросъ заставилъ Зейнадина-эфенди задуматься.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, мулла однако порѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и познакомить своихъ учениковъ съ тайною мірозданія. Поэтому онъ закрылъ Коранъ, приказалъ одному изъ учениковъ спуститься внизъ и положить его въ домѣ на свое мѣсто, а самъ, усѣвшись на цыновкѣ съ поджатыми подъ себя ногами и проведя нѣсколько разъ лѣвой рукой по своей бородѣ въ знакъ того, что онъ собирается съ мыслями, началъ, наконецъ, по обыкновенію, протяжно и монотонно свое объясненіе:

— Гдѣ адъ, никому не извѣстно, и даже пророку Магомету, пока онъ жилъ на землѣ, это не было Аллахомъ открыто. Старые муллы говорятъ разно: одни, что адъ— ниже нашей земли, другіе,—что онъ выше самаго высокаго неба. Но въ Коранѣ, гдѣ все есть, что только есть на свѣтѣ, про это не указано. Тамъ сказано только, что всѣхъ небесъ семь, т.-е. ровно столько же, сколько и всѣхъ земель, и всѣ эти семь небесъ простираются надъ всѣми семью землями. Каждое небо выше другого и каждая земля ниже другой. Ноги наши ходятъ по самой верхней изъ земель, а глаза наши смотрятъ на самое низшее изъ небесъ. Каждая земля, какъ полъ въ домѣ, плоская, и каждое небо, какъ и крыша, плоское. Какой величины земля, никому не извѣстно, но я вѣрно знаю, что самый быстрый человѣкъ, который бы захотѣлъ перейти всю землю, отъ одного края и до другого, долженъ былъ бы идти не меньше пятисотъ лѣтъ. На нашей землѣ живемъ не мы одни, а съ нами живутъ еще шайтаны и безсловесныя твари, скоты. На слѣдующей подъ нами, т.-е. второй землѣ, ничего нѣтъ кромѣ одного вѣтра, но этотъ вѣтеръ такой сильный, что могъ бы продуть насквозь, какъ рѣшето, даже скалистый Кара-

Бурунъ[1]) и такой удушливый, что смрадный чадъ баранья-го жира, пролившагося на уголья, по сравненію съ нимъ похожъ на самый чистый и легкій воздухъ, какой бываетъ только на покрытой облаками вершинѣ Чатыръ-Дага[2]). Ни людей, ни звѣрей на этой второй землѣ вовсе нѣтъ. То, что я читалъ, говорится о третьей землѣ: тамъ ничего кромѣ камней, которыми отапливается адъ, нѣтъ. На четвертой землѣ есть одна только сѣра; она мѣстами кипитъ тамъ и клокочетъ, какъ наше море, когда оно бушуетъ, а мѣстами стоитъ твердая такими высокими горами, передъ которыми самая большая наша гора то же, что муравей передъ верблюдомъ. На пятой землѣ шипятъ и извиваются змѣи, которыя сплошь покрываютъ эту землю пластомъ такой толщины, что отъ поверхности его до дна, т.-е. до земли, можно было бы достать, только поставивъ одинъ на другой всѣ тополи, сколько ихъ есть на нашей землѣ. А на шестой землѣ лежитъ такой же самый пластъ скорпіоновъ, и оба эти пласта безпрестанно шевелятся, потому что и змѣи и скорпіоны — живые. Еще ниже скорпіоновъ, на послѣдней изъ всѣхъ земель, седьмой, живутъ одни только дьяволы со своими несмѣтными войсками. Что тамъ дѣлается, невозможно ни знать, ни описать, потому что на землѣ еще не было даже изъ гяуровъ такого грѣшника, который могъ бы понять и затрепетать отъ происходящихъ въ этомъ мірѣ шайтановъ ужасовъ. Такъ сказано въ Коранѣ о земляхъ, а о небесахъ Аллахъ ничего не открылъ Магомету, кромѣ того, что они всѣ разнаго цвѣта, и, что на первыхъ шести изъ нихъ дѣлается, никому, кромѣ всевѣдущаго Бога, невѣдомо.

---

[1]) Кара-Бурунъ — одна изъ горъ крымскаго хребта.

[2]) Чатыръ-Дагъ — главная вершина хребта.

Извѣстно только, что на седьмомъ небѣ, лежащемъ выше всѣхъ самыхъ высокихъ звѣздъ, раскинулся тѣнистый садъ рая, куда Аллахъ призываетъ всѣхъ добродѣтельныхъ правовѣрныхъ съ земли; тамъ же живутъ и всѣ муллы за то, что они на землѣ служили для славы Аллаха и Его великаго пророка. Въ раю этомъ такъ хорошо, что самый богатый и самый счастливый изъ всѣхъ царей на землѣ никогда даже и во снѣ не видѣлъ самой ничтожной крупицы такого блаженства, ибо онъ могъ бы увидѣть только то, что можетъ быть или случиться на землѣ, а на землѣ кромѣ зла, горя и слезъ нѣтъ ничего, и то, что люди привыкли называть пріятнымъ и радостью, тамъ, въ тѣнистыхъ аллеяхъ надзвѣздныхъ садовъ, среди благоуханія розъ и всякихъ другихъ райскихъ цвѣтовъ, при пѣніи красивѣйшихъ птицъ, изъ которыхъ каждая сіяетъ ярче радуги,—тамъ, повторяю, эти наши радости и блага для счастливыхъ обитателей этого сада были бы то же самое, что и уховертка, которая—какъ помнишь, Абейбула,—въ прошломъ году твоему отцу, Селямету, залѣзла ночью въ ухо, когда онъ заснулъ въ степи на голой землѣ!..

Мулла на минуту замолчалъ. Ученики, слушавшіе его рѣчь съ полуоткрытыми отъ изумленія ртами, не спускали съ него глазъ, и въ глазахъ этихъ, кромѣ величайшаго интереса къ слышанному, ясно нарисовано было еще благоговѣйное удивленіе къ знаніямъ своего учителя.

— Какая великая мудрость открыта тебѣ, мулла-эфенди!—произнесъ почтительно одинъ изъ учениковъ, Османъ, приложивъ обѣ руки къ груди.

— Это оттого,—замѣтилъ ему глубокомысленно учитель,—что я въ свое время получилъ много больше ударовъ, чѣмъ сколько пятенъ поставило солнце на твоемъ лицѣ.

Нужно замѣтить, что лицо этого ученика было сплошь усыпано веснушками и напоминало собой громадныхъ размѣровъ сорочье яйцо.

— А чѣмъ же питаются змѣи и скорпіоны, населяющіе пятую и шестую землю? — поинтересовался Абейбула.

— Они поѣдаютъ гяуровъ, которые для этого и созданы Богомъ,—пояснилъ мулла.—А когда гяуровъ не хватаетъ, то пожираютъ другъ друга.

— Какъ же маленькій скорпіонъ можетъ съѣсть большого гяура?

— А развѣ я тебѣ говорилъ, что скорпіоны эти малы? Это у насъ на землѣ змѣи и скорпіоны невелики, хотя и смертоносны, а тамъ, подъ нашею землей, самая малая изъ змѣй, если бы стала на хвостъ рядомъ съ нашею мечетью, то казалась бы человѣкомъ, стоящимъ въ степи около одинокаго стебля пшеницы. Въ такомъ же родѣ тамъ и скорпіоны: передъ самымъ малымъ изъ нихъ хорошій старый буйволъ показался бы только теленкомъ.

Ученики, видимо, были поражены всѣмъ сообщеннымъ имъ мудрымъ учителемъ и въ нѣмомъ удивленіи только покачивали головами. Но самый любознательный и пытливый изъ нихъ, Абейбула, все еще не унимался. Зейнадинъ-эфенди былъ въ особенно благосклонномъ настроеніи духа сегодня, и потому Абейбула, получившій уже свою порцію палокъ, порѣшилъ выяснить себѣ окончательно тайну мірозданія, и когда мулла окончилъ свои объясненія о змѣяхъ и скорпіонахъ, спросилъ:

— Не разгнѣвайся, мудрый мулла-эфенди, что я еще тебя спрошу объ одномъ. А на чемъ же всѣ эти земли и небеса держатся и не падаютъ: на столбахъ, или на веревкахъ, свитыхъ изъ конскаго волоса?

Мулла обратилъ строгій взоръ на смѣльчака, и правая рука его уже машинально потянулась было къ душеспасительному камышевому пучку, но, вспомнивъ, вѣроятно, что онъ самъ же своимъ разсказомъ навелъ ученика на этотъ вопросъ, старикъ возвратилъ руку назадъ и, погладивъ ею торчавшій въ нижней части лица жиденькій клинышекъ совершенно бѣлыхъ волосъ, сказалъ:

— Самъ я этого нигдѣ не читалъ, но мой старый бабай (отецъ), который также былъ муллой и который за свою праведную жизнь и мудрость удостоился закрыть свои глаза въ Меккѣ, куда онъ, имѣя уже почти сто лѣтъ отъ роду, пошелъ въ девятый разъ передъ кончиной, чтобы дать своимъ праведнымъ костямъ счастіе покоиться въ той самой землѣ, къ которой прикасались священныя стопы величайшаго изъ пророковъ, разсказывалъ мнѣ незадолго до своей смерти объ этомъ вотъ какъ. Въ одной очень старой арабской книжкѣ онъ читалъ, что когда Господь создалъ всѣ небеса и всѣ земли и увидѣлъ, что имъ не на чемъ держаться, то Онъ сотворилъ ангела, который имѣлъ необъятные размѣры. Ангелу этому Онъ повелѣлъ взять къ себѣ на плечи нижнюю землю, а руками поддерживать всѣ верхнія земли и небеса. А для того, чтобы ангелу этому было гдѣ стоять, Богъ создалъ неимовѣрно громадную рубиновую скалу съ семью тысячами морей, такихъ большихъ, что только одинъ Господь и знаетъ ихъ величину. На самомъ высокомъ уступѣ этой скалы держащій весь міръ ангелъ и поставилъ свои ноги. Скалу эту со всѣми морями Творецъ взгромоздилъ на спину громаднѣйшаго быка съ восемью тысячами ногъ, четырьмя тысячами ушей и глазъ и двумя тысячами мордъ, языковъ и носовъ. Быку этому Богъ далъ имя Куіоты, и

для того, чтобы и ему было гдѣ стоять, Онъ подъ ноги Куіоты приказалъ лечь чудовищной рыбѣ, по имени Бегемуту. Величины этой рыбы невозможно даже и понять, потому что въ одной ноздрѣ ея могли бы помѣститься всѣ океаны и моря, сколько ихъ есть на всемъ свѣтѣ, и она не замѣтила бы даже, что тамъ у нея что-то есть, какъ не замѣчаемъ и мы одной ничтожной пылинки на своемъ тѣлѣ. Подъ рыбу эту Господь напустилъ сколько было нужно воды, которая неподвижно лежитъ на густыхъ непроницаемыхъ тучахъ безконечной тьмы... Такъ читалъ мой блаженный бабай обо всемъ этомъ въ старой книжкѣ, и все это, конечно, такъ и должно быть, потому что иначе это не было бы тамъ написано: въ такихъ книжкахъ пишутъ только мудрецы, которымъ открыты всякія тайны и которые не стали бы писать пустяковъ.

Расширенные отъ удивленія зрачки и ускоренное короткое дыханіе всѣхъ учениковъ муллы при этомъ разсказѣ, какъ нельзя лучше, свидѣтельствовали о полномъ вниманіи ихъ ко всему слышанному, и Зейнадинъ-эфенди, видимо довольный результатами своего сегодняшняго урока, закончилъ его, по обыкновенію, троекратнымъ произнесеніемъ подъ рядъ «Фатихе».

IV.

Надъ Каперликоемъ гремитъ громъ.

Широко и задумчиво лежатъ по сю сторону горъ въ безконечномъ зеленомъ просторѣ привольныя крымскія степи. Какъ-то укутались онѣ въ легкія синія пелены глубокаго южнаго неба, затонули краями въ этомъ безбреж-

но-широкомъ океанѣ эоира, пододвинулись на затянутомъ золотистою дымкой горизонтѣ поближе къ солнышку и тихо дремлють, пригрѣтыя его ласкающимъ мягкимъ тепломъ.

Хорошо имъ, спокойно. Не тревожитъ ихъ даже порывистый вѣтеръ, что проносится вдругъ временами откуда-то далеко изъ-за моря и такъ грозно колышетъ его свирѣпыя громады почернѣвшей воды. Закипитъ, забурлитъ она сплошь, точно адскій котелъ, засверкаетъ, вспыхнетъ до самаго края небесъ фосфорическою пѣной на гребняхъ валовъ, съ страшною силой ударитъ грудь въ грудь тяжелыми волнами мутной воды и песка въ прибрежныя скалы и застонетъ, завоетъ надолго, оглушая далеко кругомъ все живое и грозя неминуемой смертью тому, кто бы рѣшился теперь подойти близко къ пучинѣ. Точно тысячи демоновъ наполнили эту вскипѣвшую бездну и, злобно вздымая въ громадахъ воды съ самаго дна котловины цѣлыя горы песку, безсильно плачутъ и воютъ о томъ, что не могутъ разбить, сокрушить могучей твердыни стоящихъ незыблемо скалъ и ринуться вмѣстѣ съ волнами туда, черезъ степи, на лоно земли, чтобы залить, потопить все, что встрѣтится имъ на пути, и чтобъ, дрогнувъ, погибъ весь міръ въ этой адской рѣкѣ!

Но не страшно степямъ: вѣдь знаютъ онѣ, что по самому берегу этого грознаго моря, отъ одного края небесъ до другого, растянулся могучій скалистый хребетъ и загородилъ путь и волнамъ, и злому недругу—вѣтру. Онъ подставитъ за нихъ свою косматую грудь, покрытую щетинистою кольчугой лѣсовъ... Зашумитъ, засвиститъ, заохаетъ ураганъ въ темныхъ впадинахъ горъ, сброситъ двѣ-три скалы съ ихъ вершинъ въ разъяренное море, за-

летитъ, проберется до самыхъ далекихъ уголковъ всѣхъ ущелій хребта и отпрянетъ назадъ, крутя и бурля набѣжавшіе валы, унося ихъ туда, гдѣ страшнѣе пучина, гдѣ побольше простора...

А зеленыя степи стоятъ, какъ стояли, и дѣла-то нѣтъ имъ до свиста и воплей, что слышатся тамъ, за горами...

Эта именно картина безконечнаго простора степей развернулась передъ глазами Зейнадина-эфенди, когда онъ, отпустивъ учениковъ по домамъ и совершивъ обычное омовеніе, поднялся на минаретъ мечети, чтобы пропѣть оттуда правовѣрнымъ вечернее славословіе Аллаху и его великому пророку.

Весь сегодняшній, тихо и безмятежно прошедшій, день и поэтическая тайна мірозданія, о которой онъ такъ подробно разсказывалъ только что ученикамъ, и, наконецъ, слегка пощекотавшее самолюбіе его благоговѣйное удивленіе мальчиковъ къ знаніямъ и мудрости своего учителя,—все это вмѣстѣ сообщило доброму муллѣ спокойное, созерцательно-благодушное настроеніе, и онъ, облокотившись по окончаніи молитвы о каменный балкончикъ минарета, долго еще стоялъ тамъ, унесясь взоромъ и мыслью въ догоравшую золотомъ послѣднихъ лучей солнца даль горизонта.

Раскаленный, пылающій багряно-краснымъ огнемъ шаръ солнца только что докатился до самаго края земли и, казалось теперь, вотъ-вотъ свалится оттуда въ бездонную невѣдомую пропасть. Но онъ не упалъ, а медленно и плавно сталъ исчезать за линіей соединенія неба съ землей, пока, наконецъ, не скрылся совершенно изъ вида, оставивъ лишь на мѣстѣ своего исчезновенія цѣлый снопъ

свѣта, который по мѣрѣ удаленія солнца поднимался все выше и выше.

Мулла въ послѣдній разъ произнесъ трижды подъ рядъ «Фатихе» и хотѣлъ уже спуститься внизъ, потому что, онъ видѣлъ, жена его нѣсколько разъ выглядывала изъ дверей своего дома, удивленная столь необычнымъ промедленіемъ мужа на минаретѣ мечети: только что изжаренная ею на ужинъ вкусная катлама [1]) могла остыть и потерять весь свой вкусъ, а Зейнадинъ-эфенди понималъ въ ней толкъ, но въ это самое время что-то снова привлекло его вниманіе къ горизонту и заставило забыть и о женѣ, и объ особенномъ вкусѣ только что снятой съ огня катламы.

На горизонтѣ показалось какое-то небольшое облачко пыли, которое—въ этомъ уже не оставалось сомнѣнія—довольно быстро подвигалось по направленію къ Каперликою. Это само по себѣ ничтожное обстоятельство нѣсколько удивило стараго муллу, такъ какъ, во-первыхъ, онъ зналъ, что сегодня съ этой стороны не ожидается никто изъ духовныхъ сыновъ его паствы, а во-вторыхъ, судя по быстротѣ движенія облачка, величинѣ и высотѣ его, было совершенно ясно, что кто-то ѣдетъ очень быстро и что онъ ѣдетъ не на одной лошади и даже, вѣроятно, не на двухъ. А разъ это такъ, то пріѣздъ этого неизвѣстнаго рѣшительно ничего хорошаго обѣщать не могъ: всякому частному человѣку въ Каперликоѣ дѣлать было нечего, а мимо проѣзжать некуда, потому что деревушка эта стояла у подножья горъ совершенно въ сторонѣ отъ какой-нибудь большой дороги, и, чтобы проѣхать черезъ

---

[1]) Зажаренныя въ жиру мучныя лепешки.

нее, нужно было умышленно сдѣлать чуть не десятокъ верстъ въ сторону.

Изъ всего становилось очевиднымъ, что спеціально въ Каперликой мчится какое-то начальство, т. е. по меньшей мѣрѣ приставъ, а можетъ быть даже и... самъ исправникъ!

— Алла сохласенъ! [1])—невольно произнесъ вслухъ Зейнадинъ-эфенди, какъ только мысль объ исправникѣ мелькнула въ его головѣ.

«Чѣмъ больше волкъ, тѣмъ онъ злѣе и тѣмъ больше бѣды сдѣлаетъ въ отарѣ овецъ, на которую нападаетъ,— думалъ мулла, приглядываясь къ облачку. — Маленькій волчёнокъ унесетъ одного ягненка изъ отары, и бѣдѣ конецъ, а большой—перерѣжетъ два десятка овецъ, прежде чѣмъ выберетъ себѣ самаго жирнаго барана».

Но облачко было еще слишкомъ далеко, чтобы дожидаться здѣсь разрѣшенія этой загадки, а жена муллы вотъ уже чуть не десятый разъ выглянула изъ дверей, и потому Зейнадинъ-эфенди сталъ спускаться по крутой и узкой лѣсенкѣ мечети внизъ.

У самыхъ воротъ онъ встрѣтилъ Селямета, отца любопытнаго Абейбулы, и такъ какъ Селяметъ въ этомъ году служилъ выборнымъ отъ татаръ полицейскимъ въ селѣ, то онъ остановилъ его.

— Селяметъ, бѣда!

— Когда я слышу твой голосъ, мулла-эфенди, и вижу тебя на ногахъ, бѣды еще нѣтъ никакой: ты здоровъ,— отвѣчалъ съ мусульманскою вѣжливостью Селяметъ, почтительно приложивъ накрестъ обѣ руки къ груди.

---

[1]) Избави Богъ!

Муллѣ этотъ отвѣтъ понравился.

— Я знаю, что ты умный человѣкъ, Селяметъ-Муслядинъ-оглу, и поэтому-то мы и выбрали тебя своимъ начальникомъ въ селѣ, а все же таки бѣда идетъ.

— Я не вижу ея. А если и правда, что она идетъ, то твоя молитва, эфенди, сдѣлаетъ то, что она сломитъ себѣ правую ногу, прежде чѣмъ дойдетъ до насъ.

— Не дай Богъ!—воскликнулъ мулла.—Если бы эта бѣда около насъ сломала себѣ хоть одинъ ноготь на пальцѣ, она бы намъ обломала и спины, и шеи, прежде чѣмъ мы успѣли бы откупиться отъ такого несчастія... Пусть лучше ноги ея будутъ цѣлы, чтобы ей было на чемъ уйти отъ насъ поскорѣе.

— Гдѣ же ты видѣлъ эту бѣду, мулла-эфенди?

— По дорогѣ къ намъ.

— Вѣдь вихря теперь нѣтъ и шайтанъ не носится въ столбахъ пыли по дорогѣ,—возразилъ Селяметъ, который, невзирая на свое полицейское званіе, очень побаивался чорта.

— Что шайтанъ?! Шайтанъ—пустякъ; шайтана легко отогнать: нужно только начать громко бить въ даулъ, а эта бѣда отъ даула не спрячется.

— Что же это такое?—поставилъ, наконецъ, прямо вопросъ Селяметъ.

— Это, Селяметъ, хуже цѣлой дюжины шайтановъ, потому что это ѣдетъ къ намъ самъ... исправникъ.

Какъ ни былъ подготовленъ полицейскій къ сообщенію о бѣдѣ, но видно было, что такой бѣды и онъ не ожидалъ, потому что отъ изумленія и испуга у него на лбу выступилъ даже крупными каплями потъ, и онъ вслѣдъ затѣмъ громко и очень нехорошо выругался.

— Ой бѣда, ой бѣда!—засуетился онъ.—Твоя правда, мулла-эфенди: большая бѣда, очень большая бѣда! Я лучше пойду, спрячусь,—сказалъ онъ вдругъ, обрадовавшись такой счастливой мысли, и уже хотѣлъ бѣжать, но мулла остановилъ его:

— Ты, Селяметъ, рано потерялъ голову: можетъ быть, это еще ѣдетъ только приставъ. А потомъ какъ же можно спрятаться тебѣ, когда ты полицейскій чинъ? Тебя онъ и подъ землей найдетъ. Нѣтъ, лучше бѣги домой и приготовься къ встрѣчѣ, да надѣнь амулетъ отъ укушенія змѣи и всякаго ядовитаго насѣкомаго: онъ и отъ исправника помогаетъ. Авось, бѣда проѣдетъ мимо благополучно.

И мулла съ выборнымъ разошлись по домамъ въ ожиданіи наступленія грозы.

Предчувствіе не обмануло стараго муллу: въ Каперликой мчался не кто иной какъ самъ исправникъ, ненасытный и грозный Апостолъ Ставровичъ Тріандафилиди! И души Зейнадина-эфенди и Селямета-Муслядина-оглу не даромъ чуяли, что надвигается гроза: скоро грянетъ и громъ!

Теперь, конечно, уже миновали, и миновали безвозвратно, тѣ памятныя, впрочемъ, еще для многихъ людей эпохи сороковыхъ годовъ времена блаженной памяти всемогущаго и грознаго капитанъ-исправника изъ оскудѣвшихъ дворянъ и пройдохъ, когда этотъ страшный метеоръ, какъ нѣкій бичъ Божій, носился бурей по уѣзду, вселяя громомъ своихъ звонковъ непреодолимый страхъ и трепетъ въ сердцахъ его населенія. И если теперь гдѣ-нибудь въ нѣдрахъ далекихъ отъ центровъ окраинъ попадаются еще изрѣдка отдѣльные экземпляры съ чертами, родственными—примѣнительно къ эпохѣ, конечно, своему прогре-

мѣвшему черезъ всю Русь прототипу, то это не больше какъ неясные и слабые отзвуки прошлаго, того для насъ уже миѳическаго и безвозвратнаго прошлаго, когда исправничья рѣчь, раскудрявленная цвѣтами спеціальнаго военно-казарменнаго краснорѣчія въ родѣ: «ррракаліи», «архипіельмы», «протоканаліи», «распротобестіи» и т. п., гремѣла, начинаясь съ громоподобныхъ словъ: «запорю», «въ кандалы», «сгніешь въ подземельи», и нѣжно журчала, оканчиваясь тихою и сладкою бесѣдой о полусотнѣ рублей ассигнаціями.

Теперь, конечно, не къ тому все идетъ въ нашей университетской Руси и нѣтъ уже больше въ ней мѣста для такихъ мастодонтовъ.

Четверть часа спустя за околицей загремѣлъ цѣлый оркестръ звонковъ и бубенчиковъ, и въ Каперликой влетѣлъ на четверкѣ взмыленныхъ лошадей, запряженныхъ въ небольшую рессорную бричку, самъ всесильный начальникъ уѣзда, Апостолъ Ставровичъ Тріандафилиди.

Со всѣхъ концовъ за его бричкой мчалось десятка два огромнѣйшихъ деревенскихъ псовъ, для которыхъ появленіе съ такимъ громомъ и звономъ экипажа съ четверкой лошадей было настолько необычайнымъ, что собаки метались съ неслыханнымъ остервенѣніемъ.

Для многихъ изъ этихъ разношерстныхъ защитниковъ деревенскаго покоя, впрочемъ, такая совмѣстная скачка оказалась очень удобнымъ случаемъ для сведенія другъ съ другомъ кое-какихъ старыхъ личныхъ счетовъ и потому тамъ и сямъ на улицѣ нѣкоторые изъ псовъ, отставъ отъ экипажа и забывъ уже совершенно о немъ, произвели нѣсколько отдѣльныхъ генеральныхъ схватокъ, при чемъ летѣвшіе во всѣ стороны клочья шерсти, какъ нельзя луч-

ше, доказывали, что здѣсь не время разбирать праваго отъ виноватаго, и что всѣ участники баталіи руководятся только однимъ общепризнаваемымъ положеніемъ: «въ дракѣ волосъ не жалѣютъ».

А бричка тѣмъ временемъ, повернувъ изъ боковой улицы въ главную, ведущую къ пригорку, на которомъ стояла мечеть, продолжала быстро нестись, направляясь, очевидно, къ этому центральному пункту деревни.

Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное.

Подъ самымъ плетнемъ двора почтеннаго Зейнадина-эфенди безмятежно спалъ огромнѣйшихъ размѣровъ кудлатый песъ, облѣпленный такимъ неимовѣрнымъ количествомъ репейниковъ и колючекъ, что на первый взглядъ трудно было даже сказать, что это за животное. Ясно было только одно, что это нѣчто большое, живое, но что именно, вѣроятно, не сказалъ бы сразу, глядя на нѣкоторомъ разстояніи, ни одинъ зоологъ въ мірѣ, такъ какъ существо это съ одинаковымъ удобствомъ могло сойти и за дикобраза, и за медвѣдя, и за кабана, и, наконецъ, за верблюженка съ подрубленными ногами. Вблизи же это былъ просто какой-то огромный безформенный комъ всевозможныхъ колючекъ и репейниковъ, съ торчащими кое-гдѣ клочьями пепельно-бурой шерсти, и—когда этотъ комъ оскаливалъ то мѣсто, гдѣ у него оказывалась голова,—съ двумя парами такихъ, рѣшительно ничего добраго не обѣщавшихъ клыковъ, что одинъ видъ ихъ уже способенъ былъ привести въ трепетъ любого прохожаго, какъ бы безстрашенъ онъ ни былъ и какъ бы толста и внушительна ни была палка въ его рукахъ.

Услышавъ громъ звонковъ и ожесточенный лай своихъ деревенскихъ друзей и враговъ, комъ этотъ вскочилъ и,

уставившись въ сторону брички, на нѣсколько мгновеній замеръ. Но затѣмъ, подпустивъ на нѣкоторое разстояніе бричку, вѣрный стражъ муллы, зарычавъ свирѣпо, шарахнулся прямо на перерѣзъ лошадямъ съ такою стремительностью, что, не успѣвъ во время увернуться, попалъ имъ подъ ноги и сдѣлался причиною цѣлаго приключенія.

Пристяжная, испугавшись уже одного неестественно-страшнаго вида этого пса и почувствовавши вслѣдъ затѣмъ у себя подъ ногами огромное колючее тѣло, взвилась на дыбы, бросилась на другихъ лошадей, сбила ихъ съ дороги, и вся четверня, безъ того уже разгоряченная быстрою ѣздой, бѣшено понесла, закусивъ удила и не слушаясь болѣе вожжей своего кучера.

Пока дорога поднималась на пригорокъ, это не представляло особой опасности, но когда недалеко отъ мечети кучеръ увидѣлъ передъ собой довольно крутой спускъ по косогору, на которомъ экипажъ неминуемо долженъ былъ опрокинуться, онъ употребилъ неимовѣрныя усилія, чтобы избѣжать этого рокового спуска, и четверка, повернувъ съ дороги налѣво, понеслась прямо черезъ площадку на зданіе мечети. Черезъ полминуты экипажъ съ разбѣга ударился дышломъ въ стѣну, а сидѣвшій въ немъ исправникъ по инерціи стукнулся лбомъ о голову почти лежавшаго на вожжахъ кучера.

Трескъ сломавшагося дышла и громкій крикъ отъ боли двухъ противъ воли пришедшихъ въ такое чувствительное соприкосновеніе головъ,—все это смѣшалось съ ожесточеннымъ лаемъ собакъ и возгласами бѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ на помощь людей.

На лбу грознаго начальника уѣзда воздвигалась внушительныхъ размѣровъ шишка, и это обстоятельство, въ

связи со всѣмъ происшедшимъ, разумѣется, не обѣщало ровно ничего хорошаго для помертвѣвшихъ отъ страха каперликойцевъ, окружившихъ теперь толпой во главѣ съ муллой и выборнымъ экипажъ и старавшихся наперерывъ другъ передъ другомъ оказать пріѣхавшему какую-нибудь помощь.

Нѣсколько человѣкъ начали разгонять все еще не унимавшихся собакъ и кое-какъ, наконецъ, разношерстные защитники, осыпаемые цѣлымъ градомъ каменьевъ и негодующіе по поводу такой вопіющей неблагодарности защищаемыхъ, были обращены въ бѣгство, кромѣ виновника всего приключенія, репейнаго пса, который былъ настолько помятъ лошадьми, что счелъ за лучшее для себя съ воемъ и прихрамывая обратиться вспять немедленно же, какъ только выбрался изъ-подъ экипажа.

Ямщикъ съ помощью нѣсколькихъ человѣкъ изъ толпы отпрягалъ запутавшихся въ упряжи лошадей; исправникъ стоялъ во весь ростъ въ бричкѣ, ощупывая пальцами лобъ и измѣряя высоту пока еще розово-красной гули, которой, впрочемъ, предстояло перемѣнить цѣлый рядъ цвѣтовъ до сизо-шафранно-багроваго включительно.

Наступила минута томительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ грознаго безмолвія. Наконецъ буря началась.

— Разстрѣлять всѣхъ собакъ!—крикнулъ исправникъ съ бѣшенствомъ, убѣдившись окончательно ощупываньемъ, что благопріобрѣтенная имъ шишка на лбу въ настоящее время равняется приблизительно хорошей грушѣ средней величины.

— Архибестіи этакіе! Распромерзавцы! Въ кандалы всѣхъ негодяевъ! Выпустили на исправника цѣлый эскадронъ псовъ... Сгною васъ, бунтовщиковъ, въ подземель-

яхъ! Сотру васъ, ррракалій въ порошокъ!.. Протобестіи! Архишельмы! Я вамъ, мерзавцамъ, отолью эту шишку! Выборный! Гдѣ мошенникъ выборный? Подать сюда этого извѣстнаго негодяя!—грозно кричалъ начальникъ уѣзда, вытянувшись во весь ростъ въ бричкѣ и яростно ворочая бѣлками налившихся кровью глазъ.

— Я здѣсь, чорбаджи,—пролепеталъ упавшимъ голосомъ Селяметъ, выдвигаясь изъ толпы, но держась въ то же время на почтительномъ отдаленіи, такъ какъ изъ предшествовавшихъ встрѣчъ съ исправникомъ онъ окончательно убѣдился въ разумности такой тактики: голенище праваго ботфорта начальника довольно замѣтно оттопыривалось, свидѣтельствуя о томъ, что за нимъ по обыкновенію скрывается коротенькая нагайка изъ буйволоваго ремня, выхватить которую и перетянуть подчиненнаго для исправника не потребовалось бы времени больше одной секунды.

— Это какіе же у тебя порядки, свиная рожа? А?.. Это ты такъ исполняешь службу?! А въ каторгу хочешь, шельмецъ? А сквозь строй, чортово ухо, прогуляться желаешь?! Запорю тебя, бестію, за такую твою службу!

Селяметъ-Муслядинъ-оглу стоялъ ни живъ ни мертвъ, слушая всѣ эти пріятныя обѣщанія разсвирѣпѣвшаго Апостола Ставровича Тріандафилиди. Только по временамъ онъ, прикладывая обѣ руки къ груди, какъ бы въ знакъ почтенія, тихонько прикасался къ висѣвшему у него на шеѣ амулету отъ укушенія змѣй и тарантула, но амулетъ, непреоборимый для этихъ ядовитыхъ и смертоносныхъ существъ, оказывался, повидимому, безсильнымъ и ничтожнымъ противъ исправника.

— Чтобы завтра же, мошенникъ, у тебя въ селѣ не

осталось въ живыхъ ни одной четвероногой собаки! Повѣсить всѣхъ до одной здѣсь же недалеко въ лѣсу и не смѣть снимать труповъ, пока приставъ не пересчитаетъ, сколько всѣхъ повѣшено, и не донесетъ мнѣ подробно!.. Слышалъ, анаѳема?

— Слышу, чорбаджи,—отвѣчалъ смиренно Селяметъ, заранѣе оплакивая въ душѣ трагическую участь своего чернопѣгаго двороваго пса Алабаша, спасшаго его однажды отъ волка.

— Чтобъ духу собачьяго не осталось!.. Слышишь? И знай, что если хоть одна останется, такъ я ее повѣшу самъ рядомъ съ тобой, ослиный хвостъ!

— Всѣхъ до одной повѣшу, чорбаджи, кромѣ хромыхъ, какъ ты изволилъ приказать,—поспѣшилъ увѣрить исправника Селяметъ, уже успѣвшій представить себѣ картину собственнаго тѣла, раскачивающагося на суку рядомъ съ тѣломъ собаки.

— Что ты сказалъ, мерзавецъ?—закричалъ исправникъ свирѣпо.—Кромѣ хромыхъ?

— Ты же, чорбаджи, самъ приказалъ такъ... Ты велѣлъ вѣшать только четвероногихъ собакъ,—сказалъ смиренно Селяметъ.—Значитъ тѣ, которыя хромаютъ и скачутъ на трехъ ногахъ, могутъ остаться живыми...

При этихъ словахъ Селямета грозные глаза исправника, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ отъ злости, но самое заявленіе это, сказанное чистосердечнымъ тономъ, и простодушная физіономія выборнаго были таковы, что Тріандафилиди вмѣсто гнѣвной бури невольно расхохотался.

Толпа при этомъ облегченно вздохнула.

— Что ты врешь, дуракъ?! Вовсе я не говорилъ этого.

Я сказалъ «четвероногихъ» потому, что кромѣ четвероногихъ останутся еще двуногія собаки, т. е. вы всѣ вмѣстѣ съ тобой, старый кобель.

— Пусть будетъ такъ, чорбаджи.

— Смотри же, помни. Да гдѣ у васъ мулла? Почему онъ не является? Вѣрно уже бѣжалъ въ Турцію?

— Я здѣсь, чорбаджи,—сказалъ спокойно Зейнадинъ-эфенди и сквозь разступившуюся передъ нимъ толпу подошелъ къ бричкѣ.

— Ты почему же не являешься, когда начальство пріѣзжаетъ?—закричалъ на него исправникъ и, не давая ему сказать что-нибудь, продолжалъ: — Бунтовать вздумалъ? Въ Турцію переселяться?! Властей не признаешь? Ты думаешь, что повязалъ свою дурацкую башку бѣлою простыней, такъ на тебя и справы нѣтъ?! А?.. Я до тебя доберусь, хромой чортъ! Ты у меня сгніешь въ острогѣ, плутъ! Что жъ ты молчишь, измѣнникъ?—крикнулъ, наконецъ, исправникъ, не найдя уже больше что сказать и въ чемъ обвинять стараго муллу.

— Я молчу, ласковый чорбаджи, потому, что ты ни о чемъ меня не спрашиваешь; вотъ я и жду, пока пройдетъ пѣна.

— Какая пѣна? Что ты тамъ городишь?

— Пѣна твоихъ словъ. Когда буза долго стоитъ въ бутылкѣ на жарѣ, пробку вырываетъ, и прежде чѣмъ польется жидкость, которую можно пить, идетъ одна пѣна!.. Такъ и ты, чорбаджи: ты разгнѣвался сильно и говоришь теперь такое, на что мнѣ нечего отвѣчать, и я жду, пока въ твоихъ словахъ польется чистый напитокъ.

— Поговори, поговори, старый сычъ! — крикнулъ на него исправникъ.—Я и безъ того давно знаю, что ты

хитрый плутъ и что ты—главный бунтарь... Я тебѣ дамъ цѣну, старая лисица! Это кто же сюда эту мечеть поставилъ? А? По чьему позволенію? Поставили нарочно сюда для того, чтобы я себѣ о нее голову разбилъ?

— Кто поставилъ, я не знаю, — сказалъ мулла, — но знаю навѣрно, что сюда ее поставили не для тебя, чорбаджи, потому что кости тѣхъ, кто ставилъ, уже давно смѣшались съ землей; тебя же знать и имѣть въ виду они не могли, такъ какъ въ то время едва ли былъ уже на свѣтѣ и твой прапрадѣдъ. Я сорокъ лѣтъ тому назадъ вырѣзалъ свое имя одиннадцатымъ на дощечкѣ въ мечети, гдѣ записаны всѣ муллы, славословившіе въ ней владыку Аллаха и его великаго пророка, и, значитъ, мечети этой уже много болѣе двухсотъ лѣтъ.

— Ну, такъ вотъ что: сейчасъ же перенести эту мечеть на полверсты выше въ лѣсъ и если къ слѣдующему моему пріѣзду она опять будетъ торчать здѣсь, то я прикажу ее развалить при себѣ и камнями этими засыпать тебя, кривую ворону, которая тутъ каркала всегда... Слышишь? Мѣсяцъ сроку, знай! А теперь пошелъ вонъ и собери сейчасъ же всѣхъ каперликойцевъ сюда, потому что я имѣю объявить всѣмъ строжайшее предписаніе высшаго начальства.

Черезъ четверть часа всѣ жители Каперликоя стояли уже на площадкѣ передъ мечетью, и исправникъ говорилъ имъ по-татарски слѣдующее:

— Слушайте, каперликойцы! До губернатора дошло, что вы неоднократно скрывали у себя своего земляка, родившагося въ вашей деревнѣ, душегуба и живодера Алима, голова котораго давно уже оцѣнена очень дорого: тотъ, кто передалъ бы эту безумную разбойничью голову

въ руки властямъ, получилъ бы столько золота, сколько она сама вѣситъ. Такъ знайте же волю губернатора: если черезъ вашу деревню эта бѣшеная собака проѣдетъ только днемъ и вы сейчасъ же не увѣдомите объ этомъ меня, или вообще кого-нибудь изъ властей, то десятый изъ васъ будетъ прогнанъ сквозь строй и получитъ по полутысячѣ палокъ. А если, чего добраго, вы пріютите его хотя бы на одну только ночь, то всѣ, сколько васъ тутъ есть, поголовно уйдете въ Сибирь, а имущество ваше будетъ отобрано въ казну. Воля эта будетъ объявлена и въ другихъ деревняхъ черезъ выборныхъ и муллъ, а къ вамъ губернаторъ приказалъ мнѣ пріѣхать объявить самому, потому что вы больше другихъ станете его покрывать: Алимъ вамъ ближе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, потому что онъ здѣсь среди васъ родился и здѣсь же покоятся кости его предковъ. Вамъ онъ землякъ, а многимъ изъ васъ даже и родичъ. А чтобъ вы не думали, что это только такъ, «бошлахарды» [1]), вотъ вамъ приказъ губернатора, написанный на русскомъ, татарскомъ, болгарскомъ, армянскомъ и греческомъ языкахъ и собственноручно имъ подписанный, изъ котораго вы увидите, что онъ сдѣлаетъ такъ, какъ обѣщаетъ. И горе вамъ будетъ, поганые бунтари, если я прослышу, что кто-нибудь осмѣлится нарушить этотъ приказъ: куда бы онъ послѣ этого ни вздумалъ бѣжать, чтобы скрыться, хоть въ Турцію, хоть бы и подъ землю, я вездѣ разыщу его и заставлю бить палками до тѣхъ поръ, пока тѣло его не отвалится отъ костей, чтобы быть съѣденнымъ свиньями. А вся деревня кромѣ того отвѣтитъ за этого негодяя, и отъ Каперликоя не останется ничего,

[1]) „Бошла-харды“—трудно переводимое выраженіе, ближе всего соотвѣтствующее понятію: „пустая болтовня“.

кромѣ кучи камней и пепла. Помните это всѣ, старый и малый, передайте всѣмъ, кого теперь не было здѣсь, и не забывайте, что своя голова на плечахъ только одна и что она дороже сотни тысячъ чужихъ головъ. Вотъ тебѣ, мулла, эти приказы: прибей ихъ на дверяхъ мечети, чтобы всякій входящій туда могъ читать ихъ самъ, и ты каждый разъ, когда народъ будетъ тамъ собираться, обязуешься непремѣнно читать этотъ приказъ во всеуслышаніе. Строжайше это приказываю тебѣ, и помни, хитрая крыса, что если ты осмѣлишься хоть разъ не прочитать въ мечети этой бумаги, я тебя, старое долото, опять обращу въ молодого, такъ какъ собственноручно выщиплю тебѣ по одному волоску всю твою козлиную бороду. Да чтобъ и духу этой мечети не было здѣсь на пригоркѣ черезъ мѣсяцъ: перенести ее вонъ туда въ лѣсъ, за полверсты отъ этого мѣста, а иначе будетъ плохо. Я, братъ, шутить не люблю и если приказываю что-нибудь, такъ вовсе не для того, чтобы ты только хлопалъ своими ослиными ушами, а для того, чтобы это было въ точности исполнено. Теперь можете уходить всѣ, кто куда хочетъ, хоть къ самому чорту въ зубы, а вы два, выборный и мулла, оставайтесь здѣсь, потому что я имѣю еще кое-что приказать каждому изъ васъ особо.

Толпа не заставила себя приглашать вторично и черезъ нѣсколько минутъ на площади около мечети не осталось никого, кромѣ Зейнадина-эфенди и Селямета, да въ сторонѣ еще возился около брички деревенскій кузнецъ съ ямщикомъ, скрѣпляя гвоздями и веревками сломанное дышло.

Исправникъ ходилъ въ раздумьѣ большими шагами по площадкѣ и нѣкоторое время молчалъ.

Мулла и выборный стояли въ ожиданіи какихъ-то особыхъ приказаній начальника.

Наконецъ, Апостолъ Ставровичъ обратился къ Селямету и отрывисто произнесъ:

— Пошелъ вонъ!

Селяметъ приложилъ руки къ груди и сейчасъ же повернулся, чтобы удалиться, но въ это время исправникъ крикнулъ ему вдогонку:

— Завтра, прежде чѣмъ начнешь вѣшать собакъ, приди къ муллѣ, онъ тебѣ передастъ приказъ отъ меня, какъ и гдѣ вѣшать. Да смотри ты у меня! Убирайся!..

Затѣмъ Тріандафилиди подождалъ нѣкоторое время, пока Селяметъ удалился настолько, что уже не могъ разслышать дальнѣйшаго разговора и, наконецъ, понизивъ еще голосъ, сказалъ:

— Сколько твое общество дастъ отступного за мечеть?

— Корова не можетъ дать молока больше того, сколько у нея есть, да и то она еще постарается сохранить хоть часть для своего малаго теленка, который иначе издохнетъ отъ голода,—отвѣчалъ мулла аллегорически.

— Послушай, коршунъ,—перебилъ его исправникъ:— ты, братъ, не виляй со мной... Все равно зубовъ, братъ, мнѣ не заговоришь, а потому отвѣчай прямо, сколько дадите, чтобы мечеть осталась тамъ же, гдѣ она и теперь стоитъ?

— Дадимъ, сколько будетъ по силамъ, но вѣдь мы всѣ— круглые бѣдняки и этотъ откупъ зарѣжетъ насъ.

— Чортъ васъ не возьметъ, а возьметъ, такъ туда вамъ всѣмъ и дорога,—разсердился исправникъ.—Чѣмъ меньше ящерицъ, змѣй и всякихъ гадовъ останется на свѣтѣ, тѣмъ лучше.

— А чѣмъ же будутъ сыты тогда карги и другія хищныя птицы?—спросилъ простодушно Зейнадинъ-эфенди.

— Молчать, бунтовщикъ!—крикнулъ грозно начальникъ, побагровѣвъ отъ злости.—Если ты еще будешь болтать всякій вздоръ, старая обезьяна, я тебя закую въ кандалы и буду держать въ подземельи до тѣхъ поръ, пока ты не сгніешь тамъ. Туда же, лысый оселъ, вздумалъ сравненія дѣлать!

— Прости меня, старика, чорбаджи: я сказалъ по своему простому уму... Не гнѣвайся.

— То-то, болванъ,—смягчился исправникъ и затѣмъ категорически и быстро отрѣзалъ.—Слушай, мулла, ровно черезъ двѣ недѣли я выдаю замужъ старшую свою дочь за одного важнаго военнаго агу... Ты понимаешь?

— Понимаю, чорбаджи.

— Ты отъ имени общества пріѣдешь меня поздравить съ такою радостью.

— Пріѣду, чорбаджи.

— Ты привезешь свадебный подарокъ.

Мулла промолчалъ.

— Ты слышишь, что я говорю?—прикрикнулъ исправникъ.

— Слышу, чорбаджи.

— Ты привезешь богатый атласный кисетъ.

— Привезу, чорбаджи... Но, прости мою глупость:—вѣдь ты, чорбаджи, сказалъ, что этотъ подарокъ будетъ свадебный, значитъ ей, а не тебѣ... Развѣ она куритъ тютюнъ?

— Дуракъ, не перебивай. Въ кисетѣ вмѣсто табаку должно быть... сто полуимперіаловъ!

— Ой, бѣда!—не удержался отъ восклицанія мулла и,

поклонившись исправнику до земли, жалобнымъ тономъ заговорилъ:

— Пощади, чорбаджи, ради Аллаха! Сто полуимперіаловъ! Гдѣ возьмемъ мы, нищіе, такую огромную сумму денегъ? Если оборвать всѣ монеты съ головныхъ украшеній нашихъ женъ и дочерей, едва ли наберется и десятая часть этой суммы!.. Пощади, чорбаджи, потому что такой суммы не собрать и въ три года со всего Каперликоя...

— Ты что же это, плутъ, думаешь, кажется, что я здѣсь съ тобой торговаться буду?—закричалъ на него исправникъ.—Сто полуимперіаловъ и ни одного гроша меньше! Да чтобы монеты были новенькія, не потертыя, а иначе изъ того самаго камня, который будетъ разобранъ со зданія мечети, я прикажу выстроить свиной хлѣвъ!.. Слышалъ?

— Горе мое не оглохло къ несчастью и слышитъ ясно твои грозныя слова, чорбаджи,—простоналъ Зейнадинъ-эфенди.

— Такъ помни же: черезъ двѣ недѣли ты привезешь на свадьбу моей дочери кисетъ съ сотней полуимперіаловъ и тогда мечеть можетъ остаться на своемъ мѣстѣ.

И затѣмъ подойдя ближе къ муллѣ и грозно глядя на него, исправникъ почти шопотомъ прибавилъ:

— А если ты, распротобестія, не привезешь этого кисета съ золотомъ, то кромѣ того, что тамъ, гдѣ ты, сиплая ворона, каркала ежедневно сверху, будутъ хрюкать свиньи, я еще устрою такъ, что... *у васъ въ Каперликоѣ перестанутъ Алимъ!..* Ты слышалъ приказъ губернатора, такъ пойми же, что послѣ этого будетъ?!

Зейнадинъ-эфенди стоялъ ни живъ ни мертвъ: онъ дав-

но уже зналъ исправника Тріандафилиди и понималъ поэтому, что каждое его слово подобнаго рода—законъ.

— А потомъ вотъ еще что,—продолжалъ между тѣмъ начальникъ, считая предшествовавшій вопросъ уже окончательно исчерпаннымъ,—скажи завтра этому дураку, выборному, чтобы онъ перевѣшалъ всѣхъ собакъ кромѣ тѣхъ, за которыхъ хозяева уплатятъ по серебряному четвертаку за каждую... Да чтобъ смотрѣлъ, бестія, бралъ монеты только новенькія также... Это будетъ плата за сломанное черезъ вашихъ собакъ дышло въ моей бричкѣ, и за этими деньгами дней черезъ пять-шесть пріѣдетъ приставъ. Скажи ему, что приставъ самъ пересчитаетъ всѣхъ собакъ на селѣ, и сколько ихъ будетъ въ живыхъ, столько четвертаковъ долженъ будетъ подать ему выборный. И если четвертаковъ окажется больше чѣмъ собакъ—ничего: я не взыщу; но если собакъ хоть одной будетъ больше, чѣмъ монетъ, то за каждую лишнюю я ему самъ буду платить по двадцать пять... нагаекъ въ своей канцеляріи! Пусть эту плату, которая ему будетъ слѣдовать съ меня, онъ повѣритъ на слово, безъ векселя: я свои долги плачу честно и при расчетѣ съ нимъ не обсчитаю. Теперь я больше съ тобой разговаривать не желаю... Иди и, смотри же, постарайся не забыть дня свадьбы моей старшей дочери!

Исправникъ сошелъ съ площади и направился къ своей бричкѣ, которую тѣмъ временемъ уже окончательно наладили, а Зейнадинъ-эфенди, понуривъ голову, тихо побрелъ къ своему дому.

Черезъ нѣсколько минутъ звонки загремѣли опять, и бричка съ исправникомъ промчалась обратно по совершенно безлюдной главной улицѣ Каперликоя.

Ни одна собака при этомъ даже не тявкнула, потому что каперликойцы догадались теперь ихъ во-время заманить во дворы и припрятать подальше.

Скоро звонки замерли въ степи, а еще черезъ полчаса замерло все и въ Каперликоѣ: даже собаки не лаяли вовсе, и только со двора муллы по временамъ слышался отрывистый вой репейнаго пса, вѣроятно не на шутку помятаго исправничьей четверкой...

V.

Изъ малаго кошелька сыплются червонцы.

Грустно начался слѣдующій день для жителей Каперликоя, когда при первомъ же пробужденіи каждый изъ нихъ въ подробностяхъ узналъ содержаніе вчерашней бесѣды исправника съ муллой.

Утро было пасмурное, прохладное, но на сердцѣ у татаръ было еще мрачнѣе. Проѣздъ исправника всегда сопровождался бѣдой, но никогда еще бѣда эта не бывала такъ непосильна и неожиданна, какъ на этотъ разъ. Когда полгода тому назадъ исправникъ установилъ налогъ за право носить для мужчинъ феску, или баранью шапку, а для женщинъ—чадру по четвертаку отъ каждой головы, каперликойцы заохали, въ особенности многосемейные, потому что дѣтскія головы шли въ одинъ счетъ съ головами стариковъ; но все же таки кое-какъ собрали требуемую сумму для изобрѣтательнаго во всевозможныхъ финансовыхъ комбинаціяхъ начальника. Когда опять еще раньше тотъ же Тріандафилиди потребовалъ внесенія пошлины въ размѣрѣ двухъ серебряныхъ пятачковъ за

каждый глиняный кувшинчикъ, который обязательно долженъ быть у взрослаго мусульманина для совершенія омовеній нѣсколько разъ въ день передъ молитвой и послѣ ѣды, татары покряхтѣли, но уплатили причитавшуюся сумму полностью, не обсчитавъ при этомъ по присущей имъ честности исправника ни на одинъ гривенникъ. Когда точно такъ же начальникъ уѣзда приказалъ уплатить себѣ за каждое оказавшееся въ деревнѣ колесо контрибуцію, считая по одной копейкѣ за каждую спицу въ колесѣ, всякій, имѣвшій обыкновенную четырехколесную мажару, поспѣшилъ передѣлать ее въ двухколесную арбу, но затѣмъ налогъ уплатилъ, считая за два колеса.

И только одинъ разъ каперликойцы, какъ упрекалъ ихъ потомъ исправникъ, «надули, бестіи», этого геніальнаго финансиста по поводу «хвостоваго» налога. Исправникъ потребовалъ уплаты себѣ за каждый лошадиный, воловій, коровій и буйволовый хвостъ, который окажется длиннѣе двухъ четвертей, по три четвертака, но когда затѣмъ его правая рука, приставъ Аспиропуло, прибылъ для полученія налога, то обнаружилось, что исправнику не причитается ни одной копейки, такъ какъ у всѣхъ животныхъ хвосты оказались на полвершка короче двухъ четвертей. Исправникъ заскрежеталъ зубами, когда узналъ о такой «продерзкой подлости этихъ распромерзавцевъ, которые его надули, бестіи», и въ слѣдующій же разъ отмѣнилъ хвостовый налогъ, переложивъ его особо на переднія ноги и распространивъ еще дополнительнымъ «ушнымъ» сборомъ.

Всякій разъ для бѣдняковъ-каперликойцевъ поборы эти, взимаемые сребролюбивымъ исправникомъ подъ разными наименованіями и предлогами, являлись тяжелымъ

бременемъ, но никогда еще размѣры этихъ финансовыхъ операцій не доходили до такой неимовѣрно большой суммы, какъ въ настоящее время: сто полуимперіаловъ, не считая пошлины съ собакъ! Каперликойцы повѣсили головы. Деревня ихъ состояла изъ шестидесяти дворовъ слишкомъ, но половина ихъ были жалкія лачужки, принадлежавшія такимъ молоимущимъ бѣднякамъ, для которыхъ уплата даже нѣсколькихъ копеекъ явилась бы большимъ и трудно разрѣшимымъ вопросомъ. А тутъ при обыкновенной раскладкѣ на каждаго такого бѣдняка приходилось почти по два полуимперіала.

Что дѣлать? Какъ выйти изъ такого бѣдственно-критическаго положенія? Вѣдь деньги эти было необходимо внести, потому что, кромѣ разрушенія древней мечети, этой всѣми чтимой святыни, невзносъ ихъ повлекъ бы за собой *ночевку Аллима, т.-е. поголовную ссылку въ Сибирь!* Татары, зная давно и хорошо своего исправника, ни на секунду не сомнѣвались, что онъ непремѣнно исполнитъ все обѣщанное, и потому-то теперь они такъ серьезно охали и горевали...

Когда послѣ обѣда къ Зейнадину-эфенди стали по обыкновенію собираться его ученики, они застали его сидящимъ въ глубокомъ раздумьи на крышѣ дома и, что удивительнѣе всего, около него вовсе не было магическаго пучка душеспасительныхъ камышевыхъ тростей. Каждый изъ учениковъ, поднявшись на крышу и замѣтивъ тотчасъ же отсутствіе столь необходимаго для классныхъ занятій предмета, открывалъ отъ удивленія ротъ и недоумѣвающе поглядывалъ то на стараго учителя, то на остальныхъ раньше его пришедшихъ товарищей.

Вскорѣ, впрочемъ, все объяснилось. Когда собрались

уже всѣ ученики, мулла прочиталъ съ ними въ обычномъ порядкѣ три раза подъ рядъ «Фатихе», но вслѣдъ затѣмъ сказалъ:

— Уходите, мальчики, теперь всѣ по домамъ, потому что ученія сегодня не будетъ, и скажите вашимъ отцамъ, чтобы они сейчасъ же пришли сюда и чтобы каждый не забылъ захватить съ собой трубку, потому что дѣло, о которомъ мы будемъ здѣсь говорить, длинное дѣло.

Ученики гурьбой отправились, а мулла въ ожиданіи прихода приглашенныхъ открылъ Коранъ и углубился въ чтеніе.

Скоро къ дому его со всѣхъ концовъ деревни потянулись татары и стали подниматься къ старику на крышу.

Съ каждымъ вновь пришедшимъ мулла обмѣнивался короткими фразами привѣтствія и, подавая гостю лежавшій около него большой кисетъ съ табакомъ домашней посадки и крошки, произносилъ: «Оттуръ! Алъ быръ хальянъ!» [1])

И затѣмъ, не обращая уже больше никакого вниманія на присутствующихъ, старикъ продолжалъ чтеніе священной книги.

Гость садился въ рядъ съ другими, методически набивалъ свою трубку, вынималъ кресало, кремень и трутъ, выкресалъ огня, клалъ тлѣющій трутъ въ чашечку трубки, надавливалъ его слегка большимъ пальцемъ лѣвой руки и, раскуривши, погружался, какъ и другіе, въ совершенное безмолвіе, глядя неопредѣленно въ пространство.

А хозяинъ-мулла, не отрывая глазъ отъ Корана, продолжалъ читать, какъ будто созванныхъ имъ гостей здѣсь вовсе и не было.

---

[1]) „Садись! Бери трубку!“

Наконецъ, собрались всѣ приглашенные, и когда мулла увидѣлъ, что изо рта пришедшаго послѣднимъ Селямета-Муслядина-оглу повалилъ уже табачный дымъ, какъ изъ трубы, онъ отложилъ въ сторону Коранъ, и, считая совершенно основательно поводъ созыва и предметъ предстоящаго совѣщанія хорошо понятнымъ и извѣстнымъ для всѣхъ, открылъ совѣтъ слѣдующей фразой, обращенной ко всѣмъ присутствующимъ вмѣстѣ и ни къ кому въ частности.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать въ этой бѣдѣ, сосѣди?

Вмѣсто отвѣта изо всѣхъ ртовъ вылетѣло по нѣскольку клубовъ дыма.

— Теперешняя бѣда наша—очень большая бѣда. Такой бѣды еще никогда не бывало на моей памяти за всѣ сорокъ лѣтъ и зимъ съ того дня, когда я въ первый разъ пѣлъ вамъ молитву съ мечети. Нужно подумать крѣпко, какъ пособить нашему великому горю...—продолжалъ разсуждать Зейнадинъ-эфенди.

Слушатели не переставали усиленно курить; каждый изъ нихъ только кивнулъ слегка головой, но никто опять не сказалъ ни слова.

А мулла видимо и не ожидалъ вовсе отвѣта, потому что вслѣдъ затѣмъ продолжалъ:

— Какъ собака жадна до мяса, такъ этотъ вчерашній волкъ жаденъ до денегъ.

Особенно большой столбъ дыма, взлетѣвшій надъ крышей послѣ этихъ словъ, съ убѣдительностью свидѣтельствовалъ о томъ, что всѣ слушатели вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе своего духовнаго главы.

— Сабака по крайней мѣрѣ, когда слишкомъ много

съѣсть падали, или околѣетъ, или долго потомъ не тронетъ ѣды, а этотъ чѣмъ больше сожретъ, тѣмъ больше жрать хочетъ.

Молчаніе оставалось все тѣмъ же глубокимъ.

— И со всѣхъ сторонъ худо: отдать этотъ мечетный выкупъ нечѣмъ,—нужно въ конецъ разориться, да и аппетитъ волка очень растравить опасно, потому что сегодня онъ возьметъ сто полуимперіаловъ за мечеть, а завтра, видя, что мы все даемъ да даемъ, потребуетъ другихъ сто, если не больше, за нашихъ женъ и дѣтей... А если не отдать—бросить святыню на поруганіе и самихъ себя сослать въ Сибирь... И съ этой стороны огонь, и съ той; и такъ погибель, и такъ нѣтъ спасенія; и здѣсь бѣда, и тамъ бѣда!

Трубки слушателей захрипѣли отъ усиленной затяжки, которую всѣ сдѣлали при этихъ словахъ, но никто опять не проронилъ слова въ отвѣтъ.

— Я цѣлую ночь не закрылъ глазъ ни на одну минуту и все думалъ и думалъ, какъ намъ быть въ этой бѣдѣ. Голова моя приняла болѣе тысячи разныхъ мыслей и только стала тяжелой, какъ будто ее кто-нибудь наполнилъ свинцомъ, но ни до чего дѣльнаго и полезнаго не додумалась.

Когда среди всеобщаго упорнаго молчанія дымъ отъ новой затяжки разсѣялся, глаза всѣхъ засѣдавшихъ на совѣтѣ оказались устремленными на эту чалмоносную оконечность тѣла муллы, а на лицахъ выражалось ясно недоумѣніе по поводу того, какъ это и въ самомъ дѣлѣ голова этого мудраго человѣка до сихъ поръ еще торчитъ невредимо на своемъ обычномъ мѣстѣ и не отвалилась давно подъ столь непомѣрною тяжестью думъ.

— Худо, совсѣмъ худо, потому что выходитъ такъ, что для того, чтобы правую руку сберечь, нужно лѣвую отсѣчь; а если захочешь сберечь лѣвую, нужно отрубить правую!

И мулла, безнадежно мотнувъ своимъ отяжелѣвшимъ вмѣстилищемъ тысячи мыслей и свинца, на нѣкоторое время смолкъ совершенно.

Трубки прохрипѣли въ знакъ согласія и также на время затихли. Водворилось опять глубокое общее безмолвіе.

Зейнадинъ-эфенди набилъ себѣ трубку и, не говоря ни слова, протянулъ ее къ сидѣвшему около Селямету. Тотъ вынулъ изъ своего кисета кусочекъ трута, притронулся имъ къ своей трубкѣ, предварительно докапавшись пальцемъ до огня, и, когда трутъ затлѣлся, положилъ его въ трубку священника и слегка надавилъ сверху.

Только затянувшись нѣсколько разъ подъ рядъ, мулла снова нарушилъ общее молчаніе и, обратившись уже непосредственно къ выборному, спросилъ:

— Ты что скажешь, Селяметъ-Муслядинъ-оглу?

— Что же я могу сказать тамъ, гдѣ ты, мулла-эфенди, еще ничего не сказалъ?—отвѣтилъ тотъ вопросомъ.

— А ты, Осанъ-Меметъ-Керимъ-оглу?—обратился онъ къ другому.

— Когда такіе люди, какъ мулла и выборный, ничего не сказали, я ужъ вѣрно ничего не скажу.

— Тогда будемъ слушать тебя, Меметъ-Бабаджанъ.

— Ваши уши, сосѣди, и мои зубы не заболятъ отъ моего языка.

— А ты что придумалъ, Кая-Куртдедэ-Абдраимъ-оглу?

Вопрошаемый отличался тою особенностью, что при высокомъ ростѣ имѣлъ неестественно маленькую голову,

походившую на недозрѣвшую и уже сморщившуюся отъ засухи свеклу.

— Съ малаго куста всегда много меньше снимешь винограда, чѣмъ съ большого. Зачѣмъ же ты, мулла-эфенди, ищешь въ моей малой головѣ того, чего не оказалось въ другихъ, большихъ, и даже въ такой большой и мудрой, какъ твоя?—отвѣчалъ онъ.

— Это ты нехорошо сказалъ, сосѣдъ,—отвѣтилъ ему Зейнадинъ-эфенди. Иногда на кустѣ, состоящемъ изъ одного только чубука, виситъ большая спѣлая кисть съ крупными ягодами, а на огромномъ, какъ цѣлое дерево, кустѣ рядомъ можно увидѣть сотню кистей, но зеленыхъ, съ мелкими горько-кислыми ягодинками. Ты говоришь, что твоя голова малая: а развѣ въ маломъ кошелькѣ часто не лежитъ десять червонцевъ въ то самое время, какъ въ другой торбѣ для денегъ, похожей скорѣе на овсяную торбу, чѣмъ на кошелекъ, валяются только два старыхъ позеленѣвшихъ гроша? А вы, сосѣди, не посовѣтуете ли чего-нибудь?—спросилъ мулла затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ остальнымъ.

— И мы вѣрно не скажемъ больше того, что говорили другіе,—отвѣтило два-три голоса.

— Какъ же намъ быть? Кто намъ дастъ разумный совѣтъ?—спросилъ Зейнадинъ-эфенди.

— Кромѣ великаго пророка Магомета, никто,—сказалъ въ раздумьи владѣлецъ малой головы, Кая-Куртдедэ-Абдраимъ-оглу.

— Вотъ это ты мудрое слово сказалъ, сосѣдъ,—обрадовался мулла.—Ты начинаешь вынимать червонцы изъ малаго кошелька, а мы трясемъ свои торбы и ничего, кромѣ двухъ мѣдныхъ грошей, тамъ не находимъ.

— Ты самъ насъ съ малыхъ лѣтъ училъ, мулла-эфенди, что въ Коранѣ все есть. Я отдаю тебѣ твои же червонцы,—скромно замѣтилъ микрокефалъ.

— Ты—мудрый человѣкъ, Кая, и я готовъ плакать, что на твоей головѣ было мало мѣста для камыша: если бы было побольше, изъ тебя вышелъ бы большой эфенди.

— Всякое дерево выростаетъ такимъ, какимъ быть суждено ему самимъ Аллахомъ. Открой Коранъ, мулла эфенди, и прочитай первый попавшійся тебѣ на глаза айетъ изъ какой-нибудь суры: великій пророкъ — да будетъ свято вовѣки вѣковъ его драгоцѣнное имя!—навѣрно дастъ тебѣ указаніе, а твоя мудрость, мудрый и славный мулла, много лучше насъ, глупыхъ и темныхъ людей, сумѣетъ понять и разъяснить намъ смыслъ этого божественнаго слова. Вотъ мой совѣтъ,—заключилъ свои слова малоголовый и почтительно приложилъ накрестъ обѣ руки къ груди.

— Что же, сосѣди, развѣ не правильно я упрекнулъ его, когда онъ повелъ пустую и глупую рѣчь насчетъ малой величины своей головы?—обратился въ восхищеніи старикъ къ остальнымъ.—Вотъ посыпались червонцы изъ его малаго кошелька, а намъ остается только собирать ихъ и прятать въ свои пустыя торбы! Честь и хвала тебѣ, мудрый сосѣдъ Кая-Куртдедэ-Абдраимъ-оглу; ты умнѣе насъ всѣхъ, и я обѣщаю тебѣ съ завтрашняго же дня давать твоему сыну Осману по десяти палокъ больше другихъ, чтобы и онъ впослѣдствіи оказался достойнымъ своего разумнаго отца: чѣмъ больше дождевыхъ капель упадетъ на его поле, тѣмъ лучшій урожай онъ потомъ соберетъ.

Счастливый отецъ почтительно поклонился при этомъ муллѣ.

— Не оставь, справедливый мулла-эфенди, безъ воды полей и нашихъ сыновей,—раздался чей-то просительный голосъ.

— Не бойтесь, сосѣди, и ваши посѣвы я буду, пока живъ, поливать усердно, — успокоилъ ихъ Зейнадинъ-эфенди.

— Итакъ, послѣдуемъ же въ добрый часъ мудрому совѣту Каи!—провозгласилъ онъ затѣмъ и придвинулъ къ себѣ священную книгу.

Но, прежде чѣмъ открыть Коранъ, мулла закрылъ обѣими руками лицо и три раза подъ рядъ громко произнесъ «Фатихе». Всѣ присутствующіе благоговѣйно повторили за нимъ слова этой молитвы.

Затѣмъ мулла положилъ руки на книгу и со словами:

— Великій пророкъ! Наставь насъ своимъ божественнымъ словомъ и защити насъ, ничтожныхъ, какъ язвенный гной, въ нашей великой бѣдѣ!—открылъ ее и громко прочиталъ тотъ стихъ, на который сами собой упали его глаза.

Прочитанный айетъ гласилъ:

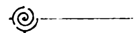
«И всякое зло уврачуешь имъ же самимъ»!

Всѣ въ благоговѣйномъ удивленіи переглянулись, а Зейнадинъ-эфенди съ восторженнымъ выраженіемъ лица всталъ и произнесъ:

— Вотъ великій пророкъ явилъ уже намъ свою милость и помощь, подавши спасительный совѣтъ.. Уходите, сосѣди, теперь по домамъ, а завтра послѣ утренней молитвы приходите опять сюда: я вамъ тогда скажу, что сдѣлать и какъ поступить повелѣваетъ намъ милосердный защитникъ всѣхъ правовѣрныхъ передъ престоломъ Всевышняго. Мнѣ же теперь необходимо пойти углубиться

въ молитву и пасть ницъ передъ пророкомъ, дабы онъ просвѣтлилъ мой умъ и сдѣлалъ его способнымъ понять его таинственное слово. Прощайте!

Старикъ вслѣдъ затѣмъ спустился внизъ, совершилъ омовеніе и, взявши Коранъ, направился къ мечети, а всѣ прочіе въ глубокомъ и благоговѣйномъ молчаніи разбрелись по домамъ.

VI.

Пять буквъ на черепкахъ.

Первые сверкнувшіе изъ-за горъ лучи солнца на другой день освѣтили на крышѣ Зейнадина-эфенди всѣхъ участниковъ совѣщанія сидѣвшими на прежнихъ мѣстахъ въ глубокомъ безмолвіи. Отсутствовалъ только мулла, который почему-то замѣшкался въ мечети. Наконецъ, пришелъ и онъ и, поздоровавшись со всѣми, не сѣлъ, какъ вчера, на свое мѣсто, а, стоя передъ собравшимися, сказалъ имъ торжественно:

— Правовѣрные! Вчера я вмѣстѣ съ вами сошелъ съ этой крыши и, совершивъ омовеніе, отправился въ мечеть, откуда возвращаюсь только теперь. Я обѣщалъ вамъ изъяснить сегодня таинственный смыслъ преподаннаго намъ великимъ пророкомъ откровенія, какъ избавить себя отъ бѣды, и вотъ сейчасъ исполню свое слово. Когда я входилъ вчера въ мечеть, передъ глазами моего разума, какъ черная ночь, стояла темная пучина невѣдѣнія, теперь же пучина эта освѣтилась яркимъ, какъ солнце, свѣтомъ, и око моего разума по милости Аллаха проникаетъ уже ее до самыхъ отдаленныхъ глубинъ. Вчера я былъ безпомощнымъ слѣпцомъ, который не могъ сдѣлать

и одного шага, сегодня я самъ могу повести сотни слѣпыхъ и пусть они не боятся сбиться съ дороги, такъ какъ меня самого ведетъ свѣтъ божественнаго откровенія. Не даромъ Коранъ начинается славословіемъ безграничному въ пространствѣ, безконечному во времени, весь міръ собой наполняющему и всѣ видимые и невидимые міры въ себѣ заключающему Творцу и Владыкѣ земли, неба и звѣздъ, вездѣсущему и всевѣдущему Аллаху! Его мудрости нѣтъ предѣловъ, Его благости нѣтъ мѣры! Я палъ вчера ницъ передъ милосерднымъ пророкомъ и триста тридцать три раза проговорилъ вслухъ безъ перерыва начальное славословіе Корана (Фатихе). Потомъ я сталъ бить себя въ грудь и, мысленно лобызая край подошвы его, столько же разъ повторилъ такія слова:

«Мудрѣйшій изъ пророковъ! Яви свою благость, открой мнѣ очи, просвѣтли мнѣ умъ, умудри мое сердце, дабы могъ я во славу тебѣ постигнуть сокровенное въ словѣ твоемъ».

И носитель славы Аллаха внялъ моей молитвѣ и, простершись передъ его лучезарнымъ престоломъ, вымолилъ у всемилосерднаго для меня одну только, какъ пылинка, малую крупицу разума и вложилъ ее въ мою глупую голову.

И сразу упали горы свинца, лежавшія на глазахъ моихъ, и надъ бездной тьмы взошло яркое солнце: я уразумѣлъ сокровенное!

Эта одна капля, зачерпнутая нами изъ бездоннаго колодезя мудрости, изъ котораго тьмы темъ народовъ не въ силахъ будутъ вовѣки вѣковъ вычерпать и одной ничтожнѣйшей части, пролилась цѣлой рѣкой, которая зальетъ и

затушитъ огонь, сжигающій сердца наши печалью. Сокровенное слово, сказанное всемогущимъ Аллахомъ устами своего пророка и запечатлѣнное навѣки въ мудрѣйшей изъ книгъ, было таково:

«*И всякое зло уврачуешь имъ же самимъ!*»

Это означаетъ: сдѣлай такъ, чтобы то, что тебѣ сдѣлало зло, само же стало для тебя источникомъ блага.

А кто намъ сдѣлалъ зло вчера? Не думайте, что тотъ сребролюбивый человѣкъ, который велѣлъ намъ отдать ему почти все наше достояніе, грозя въ противномъ случаѣ разрушить чтимую нами древнюю святыню, изъ камней этихъ, сложенныхъ въ нее благочестивыми руками нашихъ предковъ, построить сарай для богомерзкихъ животныхъ, проклятыхъ издревле устами пророка, и насъ самихъ отправить въ отдаленныя дебри Сибири. Зло это сдѣлалъ намъ не исправникъ, хотя онъ и жадный волкъ, достойный того, чтобы его вчера разодрали наши собаки. Зло это намъ сдѣлалъ совсѣмъ другой человѣкъ, такой человѣкъ, который, если бы самъ узналъ объ этомъ злѣ, разбилъ бы себѣ голову о камень отъ горя. Исправникъ— то же самое, что и ненасытный волкъ, который рветъ ту овцу, которую на бѣду ей встрѣтилъ, и тамъ, гдѣ ее встрѣтилъ. Такъ и теперь: онъ наложилъ мечетный налогъ на насъ, а не на другихъ въ другой деревнѣ, потому, что пріѣзжалъ къ намъ въ нашу деревню, а не къ другимъ, въ другую. Пріѣзжалъ же онъ вчера къ намъ самъ потому, что ему приказало такъ высшее начальство. Приказа этого не было бы вовсе, если бы не было въ Крыму того, о комъ онъ изданъ, кто впервые увидѣлъ свѣтъ солнца и услышалъ голосъ матери своей въ Каперликоѣ и надъ кѣмъ я самъ совершилъ священный

обрядъ обрѣзанія, когда онъ достигъ возраста. Правовѣрные! Истиннымъ зломъ для насъ вчера былъ одинъ только заступникъ всего татарскаго народа Алимъ, сынъ Бекира, тотъ самый Алимъ, котораго славу предсказалъ я его отцу еще съ дѣтства, тотъ самый Алимъ,—да будетъ онъ невредимъ на всѣхъ путяхъ его!—который всю жизнь свою посвятилъ бѣднякамъ и несчастнымъ и который для добрыхъ самъ добръ, какъ ягненокъ, и только для злыхъ и грабителей есть самимъ пророкомъ поставленный мститель и строгій судья! Алимъ, не вѣдая вовсе объ этомъ, сталъ для насъ зломъ, и онъ же по волѣ Аллаха будетъ и благомъ, потому что пророкъ намъ сказалъ, что всякое зло—а значитъ, и наше—уврачуется имъ же самимъ! Алимъ—начало, Алимъ—и конецъ!

Вотъ, правовѣрные, истинный смыслъ вчерашняго слова пророка и вотъ его воля: надо свято исполнить ее, дабы прославилось его великолѣпное, все своимъ лучезарнымъ блескомъ ослѣпляющее и только передъ однимъ именемъ Аллаха, какъ звѣзда передъ солнцемъ, меркнущее имя, потому что такъ угодно Аллаху и Его великому пророку Магомету! Нѣтъ бога, кромѣ Бога, и Магометъ Его пророкъ!

И старикъ съ глазами, горящими нервнымъ огнемъ, доведенный глубокою вѣрой и непрерывною молитвой въ теченіе цѣлой ночи до состоянія экзальтаціи, опустился послѣ этой рѣчи на разостланную на крышѣ цыновку и смолкъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Наконецъ, одинъ изъ притутствовавшихъ замѣтилъ:

— Поистинѣ только такой святой человѣкъ, какъ ты, мудрый мулла, могъ постигнуть волю пророка!

— Нашъ мулла-эфенди—надъ муллами мулла!—произнесъ восторженно его завѣдомый почитатель Селяметъ-Муслядинъ-оглу.

— Что бы мы, бѣдные, дѣлали, если бы у насъ не было тебя, мулла-эффенди?—произнесъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ Осанъ-Меметъ-Керимъ-оглу.

— Былъ бы другой, который сказалъ бы вамъ то же самое,—скромно отвѣтилъ старикъ.

— Нѣтъ, мулла-эфенди, это ты сказалъ невѣрное слово: одинъ сильный конь легко повезетъ въ гору полсотни пудовъ на арбѣ; другой, слабый, едва сдвинетъ съ мѣста и пустую ее.

— Значитъ, такъ угодно Богу, — объяснилъ прославляемый.

— Послушай, мудрый наставникъ нашъ и нашихъ дѣтей,—замѣтилъ съ нѣкоторой нерѣшительностью въ голосѣ владѣтель малаго кошелька съ десяткомъ червонцевъ, Кая-Куртдедэ-Абдраимъ-оглу:—не взыщи за мое глупое слово. Ты самъ училъ насъ, что море божественной мудрости Корана не въ силахъ проникнуть человѣкъ своимъ умомъ... Ты сейчасъ говорилъ намъ такъ, какъ будто твоимъ языкомъ говорилъ самъ великій пророкъ и вѣрно иначе и быть не можетъ, какъ только такъ, какъ ты сказалъ... Но увѣренъ ли ты, что это именно—воля пророка? Не заблуждаешься ли ты своимъ человѣческимъ умомъ въ таинственномъ смыслѣ священныхъ словъ? Какъ Алимъ, который, кромѣ добра, никогда еще ничего другого не сдѣлалъ татарамъ, могъ стать для насъ такимъ великимъ зломъ?

Зейнадинъ-эфенди быстро поднялся опять съ мѣста.

— Твои слова, Кая, не пустыя слова, — сказалъ онъ

торжественно,—и я уже тебѣ вчера сказалъ, что ты напрасно жалуешься на свою малую голову. То самое, что ты теперь говоришь, сказалъ и я самъ себѣ послѣ того, какъ только умъ мой постигъ тайну айета. Я усомнился такъ же, какъ и ты теперь. Но великій пророкъ далъ мнѣ знаменіе въ томъ, что тайну эту постигъ я согласно волѣ Аллаха. Среди глубокой ночи зажегъ я фитиль въ черепкѣ съ бараньимъ жиромъ и поднялся на верхъ мечети. Тамъ я снялъ съ крыши три черепицы и, спустившись сверху, разбилъ каждую изъ нихъ на десять кусковъ. Потомъ я взялъ щепку и, обжигая ее на огнѣ, тушилъ и углемъ написалъ на гладкой сторонѣ этихъ кусковъ тотъ самый айетъ, который вчера по твоему же совѣту я прочиталъ изъ Корана. Я помѣщалъ на каждомъ кускѣ только по одной буквѣ каждаго слова айета по порядку. Затѣмъ я положилъ всѣ эти тридцать кусковъ за пазуху и, потушивъ фитиль, вошелъ снова въ мечеть. Тамъ, въ темнотѣ я вынулъ куски изъ-за пазухи и, смѣшавъ ихъ, положилъ на полу, а самъ сталъ молиться, прося Бога, чтобы Онъ послалъ мнѣ знаменіе того, что я вѣрно понялъ Его волю. Я тридцать разъ по числу буквъ въ айетѣ и кусковъ черепицы прочиталъ Фатихе и затѣмъ одной рукою взялъ съ пола столько кусковъ, сколько ихъ захватила эта рука въ темнотѣ. Я отнесъ эти куски въ другую сторону и, не зажигая свѣта, я разложилъ ихъ гладкой стороной вверхъ рядомъ одинъ около другого такъ, какъ пишется всякое слово, отъ правой руки къ лѣвой. Окончивъ это, я сталъ дожидаться свѣта такого, который горитъ не отъ руки человѣческой, а самъ въ это время непрерывно молился. И вотъ при восходѣ солнца первый лучъ его чрезъ окно упалъ именно на то мѣсто, гдѣ

лежали сложенные ночью куски, и я, подойдя, прочиталъ то, что оказалось на нихъ написаннымъ. Вслѣдъ затѣмъ я упалъ ницъ передъ Богомъ и больше уже сомнѣніе не входило въ мою душу, потому что Аллахъ далъ мнѣ ясное знаменіе того, что Его воля мною понята вѣрно.

— А что же было написано?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Оно тамъ и осталось,—отвѣтилъ мулла.

— Почему же ты не хочешь сказать этого и намъ?

— Потому что хочу, чтобы вы своими глазами прочитали это начертанное самимъ пророкомъ черезъ мою слабую руку слово.

— Когда же мы должны это сдѣлать?

— Сейчасъ, но, прежде чѣмъ войти въ мечеть и сподобиться увидѣть тамъ начертанную волю Аллаха, совершите каждый омовеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ, сидѣвшіе на крышѣ, исполнивъ приказаніе муллы и совершивъ омовеніе, переходили въ глубокомъ безмолвіи площадку, направляясь къ мечети. Мулла шелъ впереди.

Тамъ въ самой молельнѣ, въ переднемъ правомъ углу, лежала на полу въ безпорядкѣ кучка черепичныхъ обломковъ, а въ лѣвомъ—только пять сложенныхъ въ рядъ черепковъ.

Когда пришедшіе вмѣстѣ съ муллой подошли ближе, глазамъ изъ представилось слово, написанное углемъ.

Слово это было: «Алимъ».

Съ этой минуты уже сомнѣвающихся болѣе не было. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, упали ницъ и, прославивъ Бога троекратно повтореннымъ славословіемъ Корана,

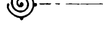
молча поднялись и вышли изъ мечети. Мулла снова на нѣсколько минутъ остался въ молельнѣ, а когда онъ вышелъ на площадку передъ дверями, всѣ стоявшіе ниже, на землѣ, въ ожиданіи его общимъ движеніемъ поклонились ему въ ноги со словами:

— Слава тебѣ, слава, слава, нашъ мудрый мулла-эфенди: ты—святой человѣкъ!

А мулла протянулъ руку къ востоку и произнесъ торжественно:

— Правовѣрные! Я сейчасъ далъ обѣтъ пророку немедленно по окончаніи нашей бѣды пойти въ четвертый разъ въ моей жизни пѣшкомъ въ Медину и Мекку, чтобы поклониться святому Каабу и облобызать землю, освященную прикосновеніемъ къ ней ноги пророка. Да поможетъ же мнѣ всемогущій Аллахъ исполнить этотъ свой обѣтъ!

— Огуръ-Алла! [1])—отвѣчали въ одинъ голосъ ему всѣ стоявшіе передъ мечетью.

VII.

Алимъ иначе толкуетъ айетъ.

Было рѣшено немедленно же послать гонца къ Алиму, чтобы извѣстить его обо всемъ происшедшемъ и просить выручить земляковъ изъ неминуемой бѣды.

А чтобы на нѣкоторое время отвлечь отъ себя вниманіе полиціи, каперликойцы признали за лучшее внести черезъ пять дней приставу Аспиропуло собачій налогъ

[1]) Богъ тебѣ путеводитель.

полностью, потому что въ противномъ случаѣ Тріандафилиди, имѣвшій на нихъ зубъ за «хвостовую» пошлину, могъ разсвирѣпѣть и выдумать что-нибудь еще худшее.

Селяметъ отправился собирать деньги, и хотя исправникъ назначилъ только по четвертаку за штуку, но выборный и безъ особаго приказа собиралъ сразу по тридцати копеекъ, потому что необходимо было ублаготворить и пристава, чтобы и онъ не вязался особенно при счетѣ собакъ.

Къ этой «приставской» части каперликойцы были также пріучены уже давно, потому что, когда еще Аспиропуло собиралъ «кувшинную» (за право омовеній) и «колесную» пошлины, онъ былъ очень удивленъ, увидя, что выборный вноситъ прочитавшіяся суммы только въ томъ размѣрѣ, какой былъ назначенъ исправникомъ.

Принявъ деньги и пересчитавъ ихъ, достойный своего начальника подчиненный удивленно обратился къ выборному:

— Ну, а еще же гдѣ деньги?

— Здѣсь всѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ всѣ?! Совсѣмъ не всѣ.

— Нѣтъ, всѣ; здѣсь столько, сколько приказалъ собрать исправникъ.

— Ну, хорошо, это—исправничьи деньги, а гдѣ же мои. приставскія?

— Какія твои?

— Да такія же самыя, какія и эти, исправничьи.

— Ты же вѣдь не приказывалъ собирать и для тебя,—резонился сборщикъ.

— Экая ты ослиная башка! — разсердился Аспиропуло.—Да я развѣ не человѣкъ также? Что же, по-твоему мнѣ ѣсть не нужно? А?

— Ты, чорбаджи, не сердись,—осмѣлился замѣтить ему на это малоголовый, который тогда былъ выборнымъ;— вѣдь и намъ же ѣсть нужно: не помирать же и намъ съ голода!

— Ахъ, ты, бунтовщикъ!—закричалъ уже окончательно разсерженный приставъ. — Вишь ты, какія рѣчи ведетъ, свиное ухо! Помирать съ голода! Да издохните всѣ вы, сколько васъ есть, такъ кто же отъ этого что потеряетъ, чортъ васъ возьми?! Если вы всѣ передохнете—и слава Богу! Мнѣ же, начальнику вашему, легче будетъ. Что, ты думаешь, мнѣ весело, что ли, возиться тутъ съ вами, собаками? А?.. А если бы я, Боже упаси, померъ, — это, болванъ, совсѣмъ другое дѣло: вы же тогда потеряете начальника... Понимаешь ты это, свиная кишка?

Но Кая-Куртдедэ-Абдраимъ-оглу, видимо, или не понималъ, или же былъ совершенно другого мнѣнія, потому что стоялъ молча и, покачивая головой въ раздумьи, все время только скребъ себѣ затылокъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто окончательно порѣшилъ собственноручно содрать съ него кожу.

— Да куда тебѣ, дураку, понять?!—продолжалъ Аспиропуло, видя его замѣшательство. — У тебя вонъ голова не больше, чѣмъ у гуся, такъ въ ней и мозговъ столько же, сколько и у гуся. Но я тебѣ объясню, ослу: авось поймешь.

— Объясни, чорбаджи, — сказалъ добродушно малоголовый.

— Кромѣ Аллаха, кому вы еще молитесь?—началъ глубокомысленно свое объясненіе приставъ, видимо придерживавшійся въ своихъ педагогическихъ пріемахъ Сократовскаго метода вопросовъ и отвѣтовъ.

- Великому пророку Магомету,—отвѣчалъ ученикъ.

— А кромѣ бабая, кто у тебя еще есть?

— Анаимъ (мать),—отвѣчалъ выборный.

— А за днемъ что идетъ?

— За днемъ идетъ ночь.

— А послѣ солнца что свѣтитъ на небѣ?

— Луна свѣтитъ.

— Ну, такъ, вѣрно... А теперь скажи же: за исправникомъ кто идетъ?

— За исправникомъ?.. — переспросилъ малоголовый и потомъ, догадавшись видимо, бойко сказалъ:—За исправникомъ ходимъ всегда по деревнѣ мы съ муллой; такъ приказалъ чорбаджи исправникъ.

— Экій баранъ!—крикнулъ Аспиропуло и, не надѣясь болѣе на такой способъ наведенія, разъяснилъ уже прямо.—За исправникомъ, оселъ, идетъ приставъ, потому что послѣ исправника нѣтъ никого главнѣе пристава. Значитъ, если ты исправнику далъ, такъ и приставу дай! Исправникъ хочетъ и приставъ хочетъ! Смазалъ правое колесо, чтобы легко ѣхало, смажь и лѣвое!.. Понялъ?

— Понялъ, чорбаджи.

— Такъ пошелъ вонъ, неси мнѣ мою часть!

И дополнительный налогъ немедленно же былъ собранъ.

Наука, преподанная однажды по діалогическому методу и такъ вразумительно, въ лѣсъ не пошла, и съ тѣхъ поръ всякій разъ при сборахъ для исправника выборный уже обязательно взималъ съ плательщиковъ и на долю пристава.

Вѣроятно этотъ добровольно собранный лишній пятакъ и былъ причиной того, что, когда приставъ пріѣхалъ получить собачью пошлину, онъ больше только для вида пе-

ресчиталъ собакъ на одной главной улицѣ, а въ стороны не пошелъ.

— Чортъ съ ними,—сказалъ онъ Селямету,—что тутъ возиться? Вы—народъ честный, надувать не станете. Сколько всѣхъ? Говори прямо.

— Всѣхъ—ровно семьдесятъ штукъ и вотъ семьдесятъ монетъ для исправника, а это семьдесятъ пятаковъ для тебя, чорбаджи, — отрапортовалъ Селяметъ, подавая два небольшихъ узелка съ монетами.

Аспиропуло принялъ деньги и внимательно пересчиталъ сначала исправничью часть, а потомъ и свою. При этомъ онъ не удержался, чтобы не сказать сборщику:

— А отчего же мнѣ только по пятаку? А? Хоть бы по гривеннику, каналья, собралъ!

— Ты самъ, чорбаджи, говорилъ,—отвѣтилъ съ поклономъ Селяметъ,—что онъ—солнце, а ты—только луна.

— Ну, такъ что жъ, болванъ, что луна? Луна еще нужнѣе бываетъ, чѣмъ солнце, потому что если луны ночью нѣтъ на небѣ, такъ совсѣмъ темно, а если солнца нѣтъ днемъ, такъ все же таки видно... Понимаешь, скотина? А? Смотри ты у меня! Я, братъ, давно замѣчаю, что ты бунтовать хочешь! А? Слышишь? Да только, братъ, на Турцію очень-то не надѣйся: я, чортова бородавка, и въ Турціи тебя разыщу... Я, братъ, тебя вмѣстѣ съ твоимъ султаномъ рядышкомъ обоихъ на колы посажу: бесѣдуйте, молъ, голубчики, чтобъ не скучно было, чортъ васъ обоихъ побери!.. Смотри!..

И приставъ, собравши дань, благополучно отбылъ, предоставивъ Селямету обсудить на досугѣ всю прелесть бесѣды съ султаномъ въ совмѣстномъ засѣданіи съ нимъ на колахъ

Когда обсуждался вопросъ, кого послать къ Алиму, мулла сказалъ:

— Это дѣло—большое дѣло; его нельзя сдѣлать какъ-нибудь, а потому поѣду я самъ къ Алиму: такъ нужно.

Никто, конечно, не возражалъ, и старикъ отправился. Татары слишкомъ любили и берегли Алима, чтобы не знать во всякое время, въ какой сторонѣ и гдѣ его искать. Теперь Алимъ долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь около Таракъ-Таша, и потому Зейнадинъ-эфенди, наказавъ Селямету на случай неожиданнаго пріѣзда исправника или пристава и разспросовъ о немъ сказать, что онъ уѣхалъ въ Отузы достать не хватающую часть денегъ для свадебнаго подарка исправнику, направился прямо въ Таракъ-Ташъ.

Совершенно особенное, оригинальное зрѣлище представляетъ изъ себя вся мѣстность, примыкающая къ этому едва ли не одному изъ самыхъ большихъ чисто татарскихъ поселеній въ Крыму. Неподалеку отъ Таракъ-Таша крымскій хребетъ раздвигается въ самой толщѣ своей, образуя съ боку длинную, но не широкую долину, постепенно спускающуюся террасами на разстояніи болѣе пятнадцати верстъ къ морю, какъ будто для того, чтобы дозволить Татхорѣ и другимъ центральнымъ вершинамъ хребта полюбоваться на сверкающую вдали изумрудную гладь. И чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ все причудливѣе, выше и грознѣе обступающія съ обѣихъ сторонъ эту долину громады. Сначала, при отдѣленіи отъ главнаго кряжа, онѣ сплошь покрыты, точно щетинистой кольчугой, лѣсами, съ кое-гдѣ только торчащими въ видѣ пиковъ скалистыми вершинами; но затѣмъ, начинаясь неподалеку отъ Таракъ-Таша и до самаго берега, по обѣ стороны

долины идутъ двѣ сплошныя гряды скалъ, и только подошвы высотъ и лощина привѣтливо темнѣютъ густою зеленью самыхъ разнообразныхъ южныхъ деревьевъ.

Контрастъ отраженія солнечныхъ лучей отъ гладкихъ, точно полированныхъ глыбъ камня сверху объ руку съ мягкими переливами свѣта на зеленомъ со всѣми нѣжнѣйшими оттѣнками, точно бархатномъ, покровѣ внизу такъ разителенъ и эффектенъ, что кажется, будто два совершенно различныхъ міра сошлись въ этомъ дикомъ уголкѣ земли и, перепутавшись одинъ съ другимъ, такъ и застыли навѣки, знаменуя своимъ братскимъ единеніемъ, что жизнь и смерть, зло и добро, смѣхъ и слеза, да и нѣтъ могутъ идти объ руку въ мірѣ!

По лѣвую сторону надъ этимъ селеніемъ воздвиглась чудовищная скалистая цитадель, заброшенная сплошь по склону до самой ползущей на днѣ лощины рѣченки огромными глыбами камня. Уходящіе подъ облака края этой цитадели издали напоминаютъ гигантской величины гребень, стоящій на ребрѣ съ неровными, тамъ и сямъ изломанными зубцами [1]).

А нѣсколько наискось справа, отдѣлившись отъ другихъ смежныхъ громадъ, застылъ одинокій великанъ, къ сѣроватой вышкѣ котораго, напоминающей конусъ съ вдавленнымъ бокомъ, точно приклеенъ постороннею рукой огромный обломокъ скалы ярко бѣлаго цвѣта. По формѣ кажется, точно лягушка карабкается вверхъ по отвѣсной стѣнѣ конуса [2]), но старики-татары говорятъ совсѣмъ другое.

Это—молодая татарка, покрытая чадрой, ходила тайно

[1]) Таракъ-Ташъ—гребешокъ-камень.

[2]) Гора эта называется „Бака-Ташъ“, т.-е. Лягушка-скала.

отъ матери туда на скалу, гдѣ жилъ въ пещерѣ красавецъ разбойникъ-гяуръ. Онъ уговаривалъ дѣвушку бѣжать съ нимъ и, перемѣнивши вѣру, стать его женой, но дѣвушка все не рѣшалась. Наконецъ, послѣ многихъ свиданій, ему удалось склонить на побѣгъ свою подругу, и вотъ она уже въ послѣдній разъ пробиралась къ нему на разсвѣтѣ, чтобы не вернуться больше обратно. Но мать, почуявъ сердцемъ бѣду, поднялась рано и стала искать пропавшую дочь. Съ крикомъ отчаянія выбѣжала она изъ дома, чтобы созвать сосѣдей на помощь, и въ это время взоръ ея упалъ на скалу, по которой карабкалась вверхъ бѣглянка. Тьма уже поднялась отъ земли, и лучъ солнца заигралъ на бѣлоснѣжной чадрѣ... Глазъ матери сразу узналъ, кто идетъ, и вотъ, протянувъ руку къ этой скалѣ, она, обезумѣвшая отъ горя, прокляла дочь, которая въ тотъ же моментъ застыла на мѣстѣ...

А когда потомъ прибѣжали сосѣди, чтобы взять и свести дѣвушку къ родителямъ въ домъ, они увидѣли, что человѣка здѣсь уже нѣтъ, а стоитъ одинъ только нѣмой и холодный камень, искрясь и сверкая, точно снѣгъ, на солнцѣ своею бѣлизной.

И долго, долго потомъ неутѣшная мать и разбойникъ-гяуръ, больше жизни любившій свою бѣдную подругу, обливали слезами — она днемъ, а онъ по ночамъ — безжизненный камень. Обмытая ими вершина камня стала гладкой, какъ сталь, но и слезы эти, какъ ни жгучи были онѣ, не вернули къ жизни несчастной, и камень такъ и остался навѣки тамъ, гдѣ и до сихъ поръ стоитъ, свидѣтельствуя людямъ о томъ, какъ безмѣрно, грозно и страшно родительское проклятіе...

Зейнадинъ-эфенди отъ своего пріятеля, таракъ-ташскаго

муллы, получилъ самыя вѣрныя свѣдѣнія, гдѣ искать и найти Алима, который теперь, послѣ извѣстнаго приказа губернатора объ отвѣтственности всякаго села за появленіе въ немъ разбойника, щадя своихъ, сталъ избѣгать населенныхъ мѣстъ, боясь доносовъ со стороны армянъ и грековъ, и укрывался въ горахъ. Туда надежные люди приносили ему по ночамъ пищу и сообщали всѣ нужныя свѣдѣнія.

Уже стемнѣло совсѣмъ, когда Зейнадинъ-эфенди съ таракъ-ташскимъ муллой вышли изъ дома послѣдняго и, спустившись въ ложбину къ рѣкѣ, пошли сначала по берегу, пробираясь между обломками камней, а потомъ въ полуверстѣ ниже села повернули налѣво и по едва замѣтной тропинкѣ стали безмолвно взбираться наверхъ къ скаламъ цитадели.

Таракъ-ташскій мулла несъ съ собой завязанный въ платокъ «капаклы» [1]) съ запасомъ хлѣба и пищи для Алима.

Черезъ часъ ходьбы муллы добрались, наконецъ, до самыхъ верхнихъ скалъ «Гребешка». Пройдя еще нѣкоторое разстояніе, они достигли условленнаго мѣста свиданій съ разбойникомъ и, усѣвшись между двумя остроконечными глыбами камней, стали безмолвно и почти неподвижно дожидаться прибытія Алима.

Около полуночи далекій край горизонта началъ постепенно свѣтлѣть, и скоро надъ моремъ показался багрово-красный серпъ луны, который, поднимаясь все выше и выше, блѣднѣлъ и наконецъ, мягкій, снѣжно-серебряный,

[1]) „Капаклы“ — довольно большая (до $1/2$ аршина въ діаметрѣ) деревянная двустороняя чашка, наглухо закрывающаяся, въ которой татары обыкновенно берутъ пищу въ дорогу.

поплылъ среди легкихъ волнистыхъ облачковъ, обливая своими тихими, фосфорически-бѣлесоватыми лучами точно ртутью залитую поверхность заснувшаго моря. Вокругъ муллъ, какъ безмолвныя статуи, сидѣвшихъ среди скалъ, стояла глубокая тишина, и только издалека снизу, оттуда, гдѣ къ подножью хребта прикасалась вода, доносились тихо гремящіе равномѣрные всплески прибоя.

Море точно дышало... Казалось, будто какой-то гигантъ выплылъ въ ночной тишинѣ изъ нѣдръ подводной пучины, чтобы полюбоваться при лунномъ свѣтѣ на міръ и подышать ароматною прохладой лѣса и горъ... Онъ долго лежалъ на берегу безмолвно, очарованный прелестью міра, долго глядѣлъ въ чуть мерцавшую свѣтомъ луны и звѣздъ таинственную высь неба, пока, наконецъ, убаюканный моремъ, обливаемый сверху нѣжнымъ ласкающимъ свѣтомъ, не заснулъ спокойно на мягкомъ прохладномъ бархатѣ берега... Это онъ спитъ тамъ теперь; это его спокойные ровные вздохи доносятся снизу...

Старика Зейнадина-эфенди уже начинало клонить ко сну. Онъ прислонился къ скалѣ и слегка задремалъ, какъ вдругъ до него донеслись какіе-то неясные звуки. Прислушавшись, мулла убѣдился, что въ ихъ сторону кто-то идетъ, напѣвая тихую пѣсню.

— Ты слышишь?—обратился онъ къ товарищу.

— Слышу,—отвѣчалъ тотъ.

— Это—онъ?

— Другому некому быть.

Еще черезъ нѣсколько минутъ вдали на скалѣ при лунномъ свѣтѣ ясно обрисовался силуэтъ человѣка. Онъ стоялъ неподвижно, видимо наблюдая окрестность. Наконецъ, еще черезъ минуту по горамъ пронесся стонъ филина и

вслѣдъ затѣмъ дважды повторенный негромкій свистъ. Зейнадинъ-эфенди невольно вздрогнулъ, но товарищъ его сейчасъ же три раза хлопнулъ въ ладоши. Человѣкъ соскочилъ со скалы, и не прошло десяти минутъ, какъ гдѣ-то сверху у того мѣста, гдѣ сидѣли муллы, послышался шорохъ и надъ самымъ ухомъ раздалось привѣтствіе:

— Здравствуйте, земляки! Аллахъ хранитъ правовѣрныхъ!

Зейнадинъ-эфенди удивленно оглянулся по сторонамъ и въ первый моментъ не увидѣлъ никого, но затѣмъ, когда онъ поднялъ глаза кверху, то оказалось, что на той самой глыбѣ, около которой онъ сидѣлъ, стоитъ, скрестивши руки на груди, такъ давно жданый Алимъ.

Муллы отвѣчали на это привѣтствіе обычными въ такомъ случаѣ фразами и замолчали. Алимъ понялъ, что они не хотятъ вести бесѣды снизу вверхъ, и потому сталъ ловко и въ то же время осторожно спускаться къ нимъ съ глыбы. Онъ точно серна перепрыгивалъ съ уступа на уступъ и, прежде чѣмъ спуститься совершенно, долженъ былъ дважды обогнуть глыбу вокругъ, выискивая едва замѣтные для глаза выступы камня, на которыхъ могла помѣститься его нога.

Наконецъ, онъ усѣлся между стариками.

Увидѣвъ своего стараго учителя, Алимъ искренно обрадовался.

— Ты, мой мудрый учитель, вѣроятно захотѣлъ сдѣлать мнѣ великій и драгоцѣнный подарокъ,—сказалъ ему между прочимъ Алимъ послѣ первыхъ же словъ привѣтствія.

— Ты знаешь, Алимъ-ага, что я бѣденъ какъ та тощая собака, которая за воротами Стамбула питается остат-

ками падали. Такъ какой же пріятный для тебя подарокъ могъ бы сдѣлать такой богачъ, какъ я?—отвѣтилъ ему на это старикъ.

— Ты меня не понялъ, добрый мулла-эфенди; я не о такомъ подаркѣ сказалъ: ты сдѣлалъ дорогой подарокъ моей душѣ и глазамъ, которые давно уже хотѣли видѣть тебя... Ты подарилъ мнѣ радость видѣть твою мудрую голову и слышать твою мудрую рѣчь,—почтительно говорилъ Алимъ.

— Такой подарокъ стóитъ не больше того, сколько стоитъ и жменя воды,—возразилъ добродушно Зейнадинъ-эфенди, видимо, впрочемъ, польщенный словами своего ученика.

— Не смѣю съ тобой спорить, учитель, хотя около тебя въ эту минуту и нѣтъ камышевыхъ палокъ. Пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь, но развѣ за ту же жменю холодной воды не отдалъ бы полжизни измучившійся отъ зноя и жажды путникъ, который, обезсилѣвъ, упалъ на горячій песокъ, издавая пересохшимъ горломъ только хриплые стоны?

— Ты правъ, Алимъ-ага,—сказалъ гордый своимъ ученикомъ Зейнадинъ-эфенди, — и я вижу, что твоя феска не даромъ торчитъ на твоей головѣ: ей есть что покрывать и хранить подъ собой!

Между тѣмъ, пока встрѣтившіеся обмѣнивались такого рода любезностями, другой мулла передалъ Алиму капаклы съ пищей, а Зейнадинъ-эфенди сообщилъ ему, что онъ имѣетъ къ нему важное и не терпящее отлагательства дѣло.

— Тогда вотъ что я вамъ скажу, старики,—замѣтилъ Алимъ: — здѣсь подъ открытымъ небомъ нельзя говорить

о важныхъ дѣлахъ. Здѣсь можетъ сидѣть, притаившись за камнями, заяцъ, а вѣдь всякій армянинъ даже отъ зайца сумѣетъ выпытать секретъ, чтобы сдѣлать доносъ. Вы оба знаете, какіе армяне мастера на всякую подлость, а въ особенности если при этомъ можно заработать что-нибудь, да еще къ тому же и меня погубить; всякая, даже самая малая, монета для каждаго армянина вѣситъ ровно столько же, сколько вѣсятъ и отецъ съ матерью! Пойдемте лучше въ мою кунацкую [1]), только идите ближе ко мнѣ и хорошенько смотрите подъ ноги. Вамъ придется сдѣлать не много шаговъ.

Муллы безмолвно послѣдовали за разбойникомъ.

Пройдя сотни двѣ-три шаговъ по вершинѣ горы, вожатый повернулъ въ сторону противоположную селу и началъ круто спускаться по склону. Дорога, видимо, была ему слишкомъ знакома, но онъ шелъ, не торопясь и поминутно оглядываясь, чтобы убѣдиться, что муллы слѣдуютъ за нимъ благополучно. Наконецъ, онъ остановился около громаднаго обломка скалы, который какъ будто катился съ горы, но былъ чѣмъ-то задержанъ и такъ и остался на мѣстѣ, врывшись одною стороной въ ея тѣло. У самаго мѣста сращенія глыбы съ горой росло одинокое полувысохшее дерево съ расходящимися почти отъ земли довольно толстыми сучьями.

Подойдя къ дереву, Алимъ сказалъ своимъ спутникамъ:

— Поднимитесь за мной по этому дереву и осторожно спуститесь наверху на камень. Тамъ около капорцеваго куста нащупаете небольшое отверстіе, достаточное для того, чтобы по одному пролѣзть черезъ него и спу-

---

[1]) Кунацкая—въ татарскихъ домахъ комната для пріема гостей.

ститься внизъ, и вы очутитесь въ моей кунацкой. Не бойтесь спускаться въ дыру, потому что она неглубока, и ноги ваши почувствуютъ подъ собой камень прежде, чѣмъ рукамъ станетъ не подъ силу удерживать на вѣсу тѣло.

Вслѣдъ затѣмъ Алимъ, какъ кошка, вскарабкался по дереву и, спрыгнувши на глыбу, въ тотъ же моментъ исчезъ куда-то внутрь камня. Старики осторожно послѣдовали за нимъ.

Когда съ вершины дерева они спустились на поверхность скалы, они увидѣли около самаго мѣста сращенія скалы съ горой темный кустъ, изъ котораго въ тотъ самый моментъ, когда они къ нему приблизились, вдругъ сверкнула тонкая полоска свѣта. Теперь старики совсѣмъ уже безопасно спустились вслѣдъ за Алимомъ и очутились въ довольно обширной каменной пещеркѣ, ярко освѣщенной фитилемъ, горѣвшимъ въ наполненномъ бараньимъ жиромъ черепкѣ. Алимъ держалъ этотъ черепокъ въ рукахъ, пока старики влѣзали, а затѣмъ поставилъ его на выступѣ стѣны пещеры и, задвинувъ верхнее отверстіе плоскимъ камнемъ такъ, чтобы свѣтъ не проникалъ наружу, привѣтствовалъ ихъ словами:

— Теперь вы мои почетные гости, мудрые муллы. Вотъ и моя кунацкая.

Когда муллы осмотрѣлись кругомъ, они замѣтили, что пещерка, кромѣ верхней дыры, имѣла еще два-три узкихъ отверстія, выходившихъ съ боковъ прямо въ гору, такъ что доступъ воздуха былъ совершенно свободнымъ, но свѣтъ ударялъ прямо въ толщу горы противъ скалы и не могъ быть замѣтнымъ вовсе снаружи.

Пещерка имѣла обитаемый видъ. Въ одномъ углу ея

было насыпано нѣчто въ родѣ постели изъ сухихъ листьевъ, покрытыхъ войлокомъ, съ сѣдельной подушкой въ головахъ; около нея на неширокомъ выступѣ скалы, образовавшемъ природную полочку, лежала пара большихъ пистолетовъ, кувшинчикъ для омовеній и цѣлая пачка сѣрныхъ спичекъ. Въ расщелины камня было вбито нѣсколько гвоздей и по стѣнамъ висѣло разное платье, между прочимъ и женское. Въ углу стояло нѣсколько пустыхъ, кубышкообразныхъ тыквъ съ водой, а около висѣлъ вѣроятно громадной длины, судя по количеству колецъ, тонкій канатъ, свитый изъ конскаго волоса, заканчивавшійся съ обѣихъ сторонъ небольшими мѣдными кольцами. Тутъ же въ углу была сложена куча какой-то мягкой рухляди. Пещерка была просторна и почти вездѣ настолько высока, что по ней свободно можно было ходить и стоять не сгибаясь.

Прикрывъ входное отверстіе камнемъ, Алимъ вынулъ изъ кучи съ мягкою рухлядью красивый расписной коверъ, разостлалъ его на полу посреди пещерки, поставилъ на него капаклы съ пищей и, совершивъ омовеніе, усѣлся, поджавъ подъ себя ноги, пригласивъ и почетныхъ гостей своихъ сдѣлать то же самое.

Плошка, пылавшая на полочкѣ около пистолетовъ, освѣщала эту сидящую компанію сверху очень ярко. Алимъ сталъ утолять голодъ, а муллы, закуривъ свои трубки, безмолвствовали.

Насытившись и выпивши больше половины тыквы воды, Алимъ также закурилъ трубку и, отодвинувъ капаклы въ сторону, наконецъ, обратился къ Зейнадину-эфенди:

— Сопъ?

— Ярамазъ пекъ ярамазъ, Алимъ-ага [1]), — отвѣчалъ мулла, глядя въ сторону.

— Посмотримъ, что плохого,—говорилъ успокоительнымъ и веселымъ тономъ Алимъ.—Всякое плохое можетъ по милости Аллаха обернуться на хорошее, и тогда оно покажется еще лучше, потому что раньше было плохо. Когда зубъ болѣлъ и прошелъ, онъ дороже и милѣе всѣхъ тѣхъ, которые оставались здоровыми. Не даромъ старики говорятъ, что и мать оттого больше, чѣмъ отецъ, любитъ дитя, что оно ей больнѣе досталось.

— Ты говоришь, какъ старикъ, — согласился съ нимъ Зейнадинъ-эфенди,—но тогда и сдѣлай такъ, чтобы многихъ стариковъ и молодыхъ выручить изъ бѣды. Я для этого и пріѣхалъ теперь къ тебѣ.

— Говори, мулла-эфенди: все, что угодно будетъ Аллаху, чтобы я сдѣлалъ, сдѣлаю, а чего не сдѣлаю, того, значитъ, не слѣдуетъ дѣлать.

— Зейнадинъ-эфенди по привычкѣ нѣсколько разъ погладилъ свою сѣдую и рѣдкую бородку прежде чѣмъ начать говорить и, наконецъ, сталъ обстоятельно излагать свою бѣду со всѣми ея подробностями.

Старикъ говорилъ долго, а Алимъ и таракъ-ташскій мулла все время слушали его съ глубокимъ вниманіемъ.

Разсказавъ о полученномъ имъ ночью въ мечети посредствомъ черепковъ указаніи свыше, Зейнадинъ-эфенди вынулъ, не торопясь, изъ-за пазухи завернутую въ платокъ небольшую дощечку, на которой были укрѣплены пять черепковъ съ написаннымъ на нихъ именемъ Алима, и, передавая эту дощечку разбойнику, сказалъ:

---

1) — Ну?
— Плохія дѣла, очень плохія, господинъ Алимъ.

— Смотри же, храбрый джигитъ, что оказалось написаннымъ здѣсь: самъ великій защитникъ всѣхъ правовѣрныхъ, пророкъ Магометъ, такъ направилъ дважды мою грѣшную руку въ темнотѣ, что она безъ воли моей сама взяла только пять черепковъ съ буквами твоего имени и потомъ сложила ихъ въ темнотѣ такъ, что получилось то самое слово, которое Господь захотѣлъ внушить мнѣ... Я молился, чтобы всевѣдущій Аллахъ, для котораго не существуетъ ничего тайнаго, открылъ мнѣ тайну Корана, которая заключается въ айетѣ: «И всякое зло уврачуешь имъ же самимъ», и Богъ открылъ намъ глаза этою надписью. Ты, Алимъ-ага, ты, храбрый джигитъ, котораго мы всѣ считаемъ красою и гордостью татарскаго народа, ты противъ своей воли сталъ для бѣдныхъ земляковъ твоихъ, каперликойцевъ, зломъ, и священный Коранъ повелѣваетъ тебѣ спасти насъ; сдѣлай же это, какъ ты самъ знаешь!

Старикъ замолчалъ и поникъ головой.

Выслушавъ этотъ разсказъ, Алимъ оживился. Онъ взялъ переданную ему муллой дощечку, положилъ ее на стѣнѣ около пистолетовъ и, повернувшись къ продолжавшимъ сидѣть мулламъ, блѣдный отъ волненія, съ возбужденно-горѣвшими глазами сказалъ:

— Слушайте, старики, что скажетъ Алимъ: бѣды еще не было, бѣды теперь пока нѣтъ, бѣды и не будетъ вовсе! Я хорошо знаю эту трусливую собаку, исправника: въ Каперликоѣ онъ былъ, какъ жадный волкъ передъ стадомъ овецъ, а отъ меня одного мѣсяцъ тому назадъ бѣжалъ, какъ заяцъ отъ собакъ, несмотря на то, что съ нимъ было съ полдюжины такой же трусливой, какъ и онъ самъ, сволочи. И если бы я не боялся убійства, я давно бы

уже долженъ былъ выпустить ему кишки, какъ бѣшеному псу. Но я этого не сдѣлаю: пусть его убьетъ Самъ Богъ своимъ судомъ. Ему нужно дать то, что онъ назначилъ, иначе онъ можетъ погубить многихъ невинныхъ людей, и вы, каперликойцы, въ назначенный имъ день свезете ему полностью сто полуимперіаловъ. Это говоритъ Алимъ, твой ученикъ, Зейнадинъ-эфенди, а Алимъ не солгалъ еще ни разу въ своей жизни. Но ты, мудрый мулла, не понялъ, что хотѣлъ внушить тебѣ Аллахъ. Ты сказалъ, будто Алимъ былъ для васъ зломъ, но откровеніе Божіе вовсе означало не это. Если бы этимъ зломъ былъ Алимъ, онъ не выручилъ бы васъ изъ бѣды, какъ онъ это сдѣлаетъ. Вѣдь не слыхано еще съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ здѣсь эта скала, чтобы змѣиный ядъ могъ залѣчить рану, или чтобы оспа сдѣлала лицо молодой дѣвушки красивымъ. Нѣтъ! Не Алимъ зло, а самъ исправникъ зло... Ты молился, чтобы Аллахъ открылъ тебѣ тайну, заключающуюся въ словахъ айета, и Богъ указалъ тебѣ не на зло, а только на того, кто на дѣлѣ истолкуетъ тебѣ и всѣмъ вамъ эту тайну. Такъ знай же, старикъ, что Алимъ—не зло, а только человѣкъ, котораго выбралъ Магометъ, чтобы доказать тебѣ и всѣмъ людямъ, что въ Коранѣ нѣтъ и не можетъ быть ни одного слова неправды! Ты въ тысячу разъ мудрѣе меня, мой старый учитель, но бываетъ, что молодой глазъ видитъ лучше стараго. Я не виноватъ въ вашемъ злѣ ничѣмъ, потому что оно было опредѣлено для васъ Аллахомъ и начертано въ книгѣ судебъ еще тогда, когда ни одной изъ семи земель и ни одного изъ семи небесъ еще не существовало. Оно должно было совершиться и совершилось, но оно же само собой и уврачуется. Когда этотъ волкъ велѣлъ привезти ему золото?

— Черезъ четырнадцать дней.

— Куда?

— Къ нему въ городъ.

— А собачій откупъ отдѣльно?

— Собачій отдѣльно.

— Также привезти къ нему?

— Нѣтъ, за собачьими деньгами пріѣдетъ приставъ.

— А скоро пріѣдетъ?

— На-дняхъ. Да это насъ и не безпокоитъ, потому что за собакъ деньги уже собраны полностью.

— Ну, собакамъ собачье и слѣдуетъ,—пошутилъ разбойникъ и затѣмъ продолжалъ серьезно:—Такъ вотъ что, мулла эфенди: ты пріѣзжай за деньгами на свадебный подарокъ самъ, или пришли вѣрнаго человѣка черезъ десять дней на Яйлу: я буду тогда на Чатыръ-Дагѣ.

Мулла замялся при этихъ словахъ.

— Куда ты сказалъ?—переспросилъ онъ.

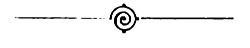
— Къ Чатыръ-Дагу... Что? Далеко?

— Далеко, Алимъ-ага,—отвѣчалъ Зейнадинъ-эфенди.— Вѣдь это больше полутораста верстъ.

— Ну, хорошо,—тогда не безпокойтесь ѣхать вовсе за деньгами: деньги сами къ вамъ придутъ. Будьте спокойны, исправникъ получитъ щедрый подарокъ на свадьбу своей старшей дочери и не обидитъ васъ ни мечетью, ни мною... Алимъ вамъ ручается за это своею головой. А теперь прощайте, старики,—мнѣ къ разсвѣту нужно быть въ Карасубазарѣ: тамъ меня ожидаетъ одно неотложное дѣло. Мнѣ теперь нужно спѣшить туда.

Когда черезъ три часа послѣ этой бесѣды на востокѣ заалѣла блѣдно-розовая полоска свѣта, изъ воротъ дома таракъ-ташскаго муллы уже выѣзжалъ на своей сѣрой лошадкѣ Зейнадинъ-эфенди.

Старикъ спѣшилъ въ родную деревню обрадовать своихъ духовныхъ дѣтей результатомъ счастливо исполненной миссіи.

VIII.

Старуха-нищая, обижаемая правнукомъ.

До свадьбы старшей дочери исправника оставалась ровно недѣля. Весь домъ спѣшно былъ занятъ послѣдними приготовленіями къ торжеству, и только одинъ Апостолъ Ставровичъ относился ко всему происходившему вокругъ какъ-то безучастно. Напротивъ даже: чѣмъ ближе подходилъ день свадьбы, тѣмъ все мрачнѣе и озабоченнѣе становился этотъ чадолюбивый папаша, приготовившій для своей дочери такой щедрый подарокъ на свадьбу.

Причина безпокойства его именно и заключалась въ этомъ подаркѣ.

«А что, — думалъ онъ, — если подлецы каперликойцы опять надуютъ? Вѣдь схитрили же эти рракаліи разъ на хвостахъ!.. Чего добраго, еще и теперь опять сплутуютъ... Положимъ, плутовство это выйдетъ имъ изъ носа, но вѣдь мнѣ-то, мнѣ отъ этого будетъ не легче!.. Этакія бестіи! Перевѣшать бы всѣхъ, архиплутовъ!..»

И исправникъ въ безпокойствѣ шагалъ по своей комнатѣ, служившей ему одновременно и спальней, и кабинетомъ, и канцеляріей для его личныхъ занятій. Здѣсь въ ночной тишинѣ, когда вся семья отправлялась наверхъ спать, онъ писалъ свои пространныя донесенія по начальству, здѣсь же стоялъ его старинный дѣдовскій столъ съ безчисленнымъ количествомъ ящиковъ, въ среднемъ изъ которыхъ, обитомъ внутри толстымъ желѣзомъ на

случай воровъ и пожара, хранились всѣ его сбереженія.

Комната эта, угловая внизу, выходила въ садъ, и окна ея были защищены толстой желѣзной рѣшеткой, такъ что проникнуть въ нее можно было только черезъ другія комнаты изнутри, но тамъ, во второй отъ кабинета передней комнатѣ, денно и нощно дежурилъ надежный стражъ изъ полицейскихъ служителей, и такимъ образомъ Апостолъ Ставровичъ Тріандафилиди, не отличавшійся вообще храбростью, здѣсь, въ своемъ кабинетѣ, чувствовалъ себя настолько безопаснымъ, что даже Алимъ, этотъ грозный призракъ, передъ мыслью о которомъ трепетали всѣ горожане отъ сумерекъ и до восхода солнца, нисколько не смущалъ его сна и покоя.

На всякій случай, впрочемъ, надъ кроватью его постоянно висѣло длинное, заряженное картечью ружье, а на письменномъ столѣ, съ правой стороны, т.-е. всегда подъ рукой, покоился большой двухствольный пистолетъ, отобранный исправникомъ въ свою личную пользу отъ кого-то изъ судившихся въ уѣздномъ судѣ.

Когда въ присутствіи Апостола Ставровича разсказывалось что-либо удивительное изъ подвиговъ Алима, онъ часто, самодовольно и въ то же время презрительно улыбаясь, говорилъ:

— Вашъ Алимъ, я вамъ доложу, не что иное, какъ просто-напросто плутъ-съ,—вотъ что! Эко диво, что тамъ, въ горахъ, гдѣ у него за каждымъ кустомъ или скалой могутъ быть товарищи, онъ наводитъ страхъ на трусишекъ?!. Тамъ-съ эти трусы боятся не его, а неизвѣстности... А вотъ-съ, не угодно ли ему пожаловать, напримѣръ, ко мнѣ въ квартиру, сюда, въ мой кабинетъ, на пару теплыхъ пріятельскихъ словъ-съ! Тутъ бы мы съ нимъ

побесѣдовали по душѣ... Для добраго знакомства я бы его угостилъ вотъ этой закусочкой,—при этомъ Апостолъ Ставровичъ съ лукаво-самодовольнымъ видомъ клалъ руку на пистолетъ,—а потомъ можно было бы дать попробовать ему и вотъ того курбетика, который виситъ у меня надъ кроватью: въ немъ парочка орѣшковъ, такъ пусть, пожалуй, этотъ воришка попробуетъ ихъ погрызть, какъ они ему, по зубкамъ ли придутся... Да-съ! Вообще, могу вамъ доложить, пріемъ былъ бы оказанъ ему самый почтительный и бесѣда велась бы съ нимъ тутъ по душѣ, лишь бы пожаловалъ только голубчикъ. Да нѣтъ, не пожалуетъ, подлецъ, въ томъ-то и бѣда... Рракалія-съ и архишельмецъ этотъ вашъ Алимъ и больше ничего! Чучело-съ онъ гороховое, вотъ что, тысяча холеръ ему въ правую-съ ноздрю-съ, да полтораста тещъ въ лѣвую-съ, и я собственноносно начихалъ бы ему подъ усы, если бы эта протобестія-съ пожаловала ко мнѣ въ гости на пару минутъ.

Собесѣдникъ, наслышавшійся чудесъ о храбрости и молодечествѣ Алима, проникался невольнымъ уваженіемъ къ беззавѣтному мужеству браваго исправника и въ душѣ завидовалъ этой не вѣдающей страха душѣ.

Итакъ, исправникъ озабоченно поджидалъ явки каперликойцевъ со свадебнымъ подаркомъ и сильно раскаивался, что назначилъ имъ такой долгій и неопредѣленный срокъ. Скорѣйшая явка эта становилась тѣмъ больше необходимой, что, обрадованный возможностью сплавить съ рукъ хотя одну, и притомъ болѣе другихъ перезрѣвшую, изъ своихъ многочисленныхъ дочерей, Тріандафилиди поторопился пообѣщать счастливому жениху подарить въ день свадьбы купчую на небольшой, но доходный виноградный садъ съ домикомъ, который въ значительной

степени обезпечилъ бы существованіе будущей четы. Садъ этотъ долженъ былъ продаваться съ публичныхъ торговъ въ уѣздномъ судѣ по рѣшенію самого же Апостола Ставровича за долгъ въ сотню полуимперіаловъ, изъ которыхъ третья часть, по условію исправника съ взыскателемъ, должна была поступить ему же, и такимъ образомъ пріобрѣтеніе этого сада исправникомъ было уже неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что женихъ безъ купчей въ рукахъ едва ли пожелалъ бы ѣхать и въ церковь къ аналою. Платить же изъ собственныхъ сбереженій и потрошить для этой цѣли средній обитый желѣзомъ ящикъ своего дѣдовскаго стола совсѣмъ не входило въ расчеты достойнаго начальника уѣзда.

Прошло еще два дня, т.-е. до свадьбы оставалось всего пять дней, а каперликойцевъ все еще не было. Торгъ на садъ назначенъ былъ на завтра, и Тріандафилиди порѣшилъ внести, сколько понадобится, пока изъ сбереженій.

Передъ вечеромъ наканунѣ торга дежурившій у него полицейскій изъ татаръ, рослый и добродушный Азаматъ, доложилъ начальнику по привычкѣ ломанымъ русскимъ языкомъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ полиціи:

— Чорбаджи! Хто-нибудь просьбой пришла! Сказалъ, ошенъ нужна испревныкъ... Толкать ему?

Не сомнѣваясь, что это посланный изъ Каперликоя, и не желая имѣть постороннихъ свидѣтелей разговора съ нимъ, исправникъ приказалъ Азамату ввести этого просителя къ себѣ въ кабинетъ. Такое приказаніе было столь необычайнымъ, такъ какъ никогда еще нога просителя не переступала черезъ порогъ этой комнаты, что Азаматъ, отложивъ въ сторону офиціальный русскій языкъ, даже переспросилъ по-татарски:

— Куда, чорбаджи?

— Сюда, болванъ! Что ты оглохъ, что ли?

— У меня вода зашла въ это ухо, когда я купался,— солгалъ стражъ въ свое оправданіе,— теперь шумитъ въ ухѣ...

— То-то шумитъ... А вотъ я тебя полѣчу по-своему: хвачу кулакомъ по другому уху, такъ вода живо выйдетъ изъ этого... Пошелъ вонъ, дуракъ, веди того сюда.

Но каково же было изумленіе достойнаго исправника, когда, предшествуемая Азаматомъ, въ кабинетъ была введена какая-то дряхлая горбатая татарка, еле ковылявшая сзади за проводникомъ.

— Что ты, мошенникъ, тащишь сюда эту ворону?— крикнулъ исправникъ.

— Ты же самъ приказалъ мнѣ, добрый чорбаджи,— оправдался Азаматъ.

Стражъ былъ правъ, и исправникъ поэтому обратилъ весь свой гнѣвъ на пришедшую.

— Какого тебѣ чорта нужно, старая подошва?

— Тебя, чорбаджи,--прошамкала та.

— Ну?..

— Разсуди меня, чорбаджи, съ моимъ правнукомъ... Я нищая, а онъ...

Но исправникъ уже больше не слушалъ: словомъ «я нищая» было сказано все, что еще могло интересовать исправника, измѣрявшаго человѣческое достоинство всякаго просителя единственно лишь степенью его матеріальнаго достатка, а потому онъ обратился къ торчавшему у дверей Азамату и крикнулъ.

— Дай хорошенько по горбу этой кривой кочергѣ! Вытолкай ее въ шею, чтобъ не смѣла другой разъ без-

покоить начальство разными своими глупостями! Ахъ, ты, слѣпая сова! Туда же, къ исправнику въ кабинетъ, архирракалія!

— Ты—нашъ милостивый судья...—начала было старуха.

Но въ эту самую минуту Азаматъ, хорошо уже выдрессированный для подобныхъ случаевъ, повернулъ ее сзади и, воздѣйствуя одновременно обѣими руками на затылокъ и гробъ старухи, а колѣномъ правой ноги подъ самое сидѣнье, вышибъ ее изъ кабинета такъ ловко, что старуха пролетѣла стремительно черезъ всю сосѣднюю комнату и черезъ дверь въ самую переднюю. А Азаматъ, захлопнувъ за собой дверь начальническаго кабинета, слѣдовалъ сзади и уже собирался повторить ту же самую манипуляцію для ускоренія и облегченія дальнѣйшаго поступательнаго движенія старухи на улицу, какъ вдругъ старуха обернулась къ нему лицомъ и, распахнувши на секунду чадру, гордо выпрямилась передъ нимъ во весь ростъ... Въ передней никого кромѣ нихъ не было.

— Теперь узналъ меня?—раздался насмѣшливый шопотъ.—Ну-ка, толкни такъ еще разъ!

Азаматъ обомлѣлъ. Подъ чадрой и старымъ бешметомъ оказался расшитый золотомъ синій кафтанъ, туго перетянутый богатымъ серебрянымъ поясомъ, за которымъ были заткнуты небольшой кинжалъ и пара пистолетовъ.

А сквозь щелку чадры на лицѣ казавшіеся подслѣповатыми глаза старухи (они были сверху чѣмъ-то намазаны) вдругъ заблистали такимъ свирѣпымъ огнемъ, что у добродушнаго Азамата захолонуло сердце.

Сгорбленная, дряхлая на видъ старуха на секунду преобразилась въ грознаго разбойника Алима.

Когда Азаматъ очнулся отъ изумленія и испуга, чадра уже опять запахнулась, и немощная старуха заковыляла къ выходу. Около самой двери она прошептала Азамату:

— Кто сегодня будетъ дежурить здѣсь?

— Я.

— Смотри же, чтобъ въ полночь калитка съ улицы была отворена, да привяжи цѣпного пса: я приду послѣ полуночи. Приготовь веревку, чтобъ я могъ тебя для вида связать, да полотенце—заткнуть ротъ. Мнѣ нечего просить тебя не выдавать меня: вѣдь ты татаринъ, а я—Алимъ!

— Хорошо, Алимъ-ага: все будетъ сдѣлано по-твоему приказанію,—поспѣшилъ шопотомъ же отвѣтить Азаматъ.

Черезъ нѣсколько минутъ старуха, едва двигая ногами и немощно опираясь на палку, повернула за уголъ перваго переулка и скрылась.

IX.

„И всякое зло уврачуешь имъ же самимъ“.

Старинные стѣнные часы въ кабинетѣ исправника, бою которыхъ всегда предшествовало продолжительное шипѣніе, хрипѣніе и еще какіе-то звуки, весьма похожіе на отрывистую болѣзненную икоту, только что гулко и протяжно пробили часъ ночи. Вся семья Апостола Ставровича, не исключая и счастливой невѣсты, давнымъ-давно уже спала крѣпкимъ сномъ наверху, и только одинъ исправникъ все еще работалъ въ своемъ кабинетѣ.

Апостолъ Ставровичъ заботливо берегъ свое начинавшее уже слабѣть зрѣніе и потому по вечерамъ обыкно-

венно занимался съ длиннымъ зеленымъ козырькомъ на глазахъ.

Исправникъ дописывалъ пространное донесеніе по начальству и, углубившись въ работу, не замѣтилъ, что сальная свѣча на столѣ передъ нимъ сильно нагорѣла уже и едва освѣщала и безъ того мрачную комнату, которую низкій сводчатый потолокъ, толстыя стѣны и массивныя желѣзныя рѣшетки въ окнахъ дѣлали похожей скорѣе на острожную камеру, чѣмъ на жилище свободнаго человѣка.

Дверь въ сосѣднюю комнату была притворена, но еще не замкнута: обыкновенно, только укладываясь въ постель, исправникъ запиралъ ее на ключъ и для совершенной безопасности еще на толстый дверной крюкъ. Кругомъ стояла глубокая тишина и въ комнатѣ отъ времени до времени раздавалось лишь бормотаніе самого же Тріандафилиди, который, составляя дѣловую бумагу, самъ себѣ ее диктовалъ вслухъ для того, чтобы легче замѣтить и исправить нѣкоторыя шероховатости выраженій.

Исправникъ доносилъ губернатору объ исполненномъ предписаніи его по поводу объявленія народонаселенію послѣдняго приказа объ Алимѣ и при этомъ со своей стороны увѣрялъ его превосходительство, что этотъ негодяй въ послѣднее время уже нигдѣ въ его уѣздѣ не показывается, благодаря принятымъ имъ энергическимъ мѣрамъ и, что поимка его — дѣло весьма недалекаго будущаго, тѣмъ болѣе, что въ сущности Алимъ — только воришка и ничего особенно грознаго изъ себя не представляетъ; всѣ же розсказни и слухи объ отчаянной храбрости и подвигахъ—въ большинствѣ случаевъ не что иное, какъ раздутая самимъ же имъ и его сообщниками-татарами сплетня...

Когда Апостолъ Ставровичъ дописывалъ именно это послѣднее слово, дверь въ его кабинетъ распахнулась и кто-то вошелъ въ комнату.

Удивленный такою неслыханною смѣлостью этого мерзавца Азамата (кому же быть другому въ такой часъ ночи?), исправникъ, который сидѣлъ спиной къ двери, дописалъ только послѣднія три буквы слова «сплетня» и, сдѣлавъ грозное лицо, быстро повернулся назадъ, чтобы огорошить дерзновеннаго, но... ротъ его, открывшійся уже для произнесенія соотвѣтствующей случаю брани, такъ и остался открытымъ, а искаженное отъ ужаса лицо съ выпученными глазами до того перекосилось, что зеленый козырекъ самъ собою поднялся со лба вверхъ до середины лысины...

За стуломъ съ поднятымъ въ одной рукѣ и почти приставленнымъ къ самому виску его пистолетомъ стоялъ Алимъ!

Апостолъ Ставровичъ въ первую секунду только икнулъ и больше уже не издалъ ни малѣйшаго звука.

— Что подѣлываешь, собака? — спросилъ насмѣшливо разбойникъ.

Но Тріандафилиди не пошевелился, и его выпученные глаза, съ застывшимъ въ нихъ стекляннымъ выраженіемъ ужаса, даже не моргнули.

— Что же ты молчишь, поганый ястребъ, не отвѣчаешь гостю? А? Кажется ты не совсѣмъ хорошо себя чувствуешь? Что, братъ, у тебя, кажется, животъ заболѣлъ?

Козырекъ на лысинѣ Тріандафилиди передвинулся еще выше, но онъ самъ не шевелился попрежнему.

— Гдѣ же твоя пріятельская бесѣда и закуска?—спросилъ его опять разбойникъ.—Нехорошо, пріятель, обѣ-

щать и не исполнять! Ты часто, слышалъ я, хвалился, что начихаешь на меня, когда я приду къ тебѣ въ гости... Такъ, вотъ теперь чихай, если тебѣ пріятно! Что жъ ты? Чихай же!.. Давай вмѣстѣ чихать будемъ, кто громче?— продолжалъ глумиться Алимъ, а исправникъ все время сидѣлъ, какъ статуя.

— Ну же, храбрый пиндосъ [1]), чихай же скорѣе, чтобъ тебѣ всѣ черти, сколько ихъ есть въ аду, чихали въ самую твою волчью пасть!

Но куда тамъ чихать?! Тріандафилиди еле могъ дышать отъ испуга.

Наконецъ, Алиму падоѣла вся эта сцена.

— Ну, падаль, слушай,—сказалъ онъ грозно:—не смѣй и пикнуть, потому что если пикнешь, то это уже будетъ послѣдній звукъ, который когда-либо выходилъ изъ твоей проклятой вороньей глотки! Я пришелъ къ тебѣ не для того, чтобы тебя рѣзать... Самъ шайтанъ давно уже точитъ на тебя свои зубы: въ аду онъ тебя обработаетъ, какъ барана, лучше меня, а теперь пока ты мнѣ сдѣлай маленькій пріятельскій подарокъ. Мнѣ нужно выручить изъ бѣды кое-кого изъ несчастныхъ бѣдняковъ, которыхъ обижаетъ разная сволочь, такъ вотъ сама наша святая книга Коранъ направила меня къ тебѣ, какъ къ доброму человѣку за этою помощью... Отвори-ка поскорѣй свой столъ, гдѣ у тебя, конечно, припрятано уже не мало,— вѣдь ты разбойничаешь много дольше меня,—да отсчитай-ка мнѣ для добраго дѣла двѣсти полуимперіаловъ... Ну же, ворочайся, вонючій клопъ, живо!

И Алимъ другой рукой далъ хорошій подзатыльникъ

---

[1]) Пиндосъ—насмѣшливая и весьма обидная для грековъ кличка въ Крыму.

начинавшему тѣмъ временемъ чуть-чуть приходить въ себя исправнику. Зеленый козырекъ отъ этого подзатыльника окончательно слетѣлъ съ головы несчастнаго Апостола Ставровича.

— Гдѣ твои ключи отъ стола, чушка?

— Ключи?..—переспросилъ безсмысленно Тріандафилиди.

— Ключи, трусъ, ключи! Что ты дуракомъ прикидываешься? Умѣлъ копить награбленное, умѣй и тратить. Отворяй столъ!—командовалъ разбойникъ.

Исправникъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ ключи. А Алимъ тѣмъ временемъ, увидѣвъ на столѣ пистолетъ, обошелъ кругомъ и, взявши это оружіе, заткнулъ его себѣ за поясъ со словами:

— Эту вещичку ты мнѣ даришь на память. Она вѣдь такому дураку, какъ ты, все равно ни къ чему, а у меня можетъ пригодиться тебѣ же самому когда-нибудь прострѣлить глупую голову. Ну же, ворона, отворяй скорѣй столъ, а то ужъ мнѣ некогда!

Но исправникъ отъ страха никакъ не могъ попасть ключомъ въ отверстіе замка, такъ что Алиму пришлось отворить ящикъ самому.

Въ ящикѣ этомъ оказалось золота и серебра на нѣсколько тысячъ. Тутъ же лежала связка какихъ-то векселей.

— А это что такое?—спросилъ Алимъ, указывая на связку.—Я, братъ, читать по-русски не умѣю, такъ ты смотри не соври, а то узнаю потомъ, что совралъ, такъ будетъ худо.

— Это документы,—прошепталъ Апостолъ Ставровичъ.

— Какіе документы?

— Долговые... Векселя...

— Чьи же они? Укралъ гдѣ-нибудь?

— Это мои: по нимъ мнѣ кое-кто долженъ деньги.

— Э-э-э! Такъ ты, братъ, кромѣ разбойничества еще и ростовщичествомъ занимаешься? Что жъ, хорошее дѣло, какъ разъ по тебѣ... А много тутъ денегъ по этимъ векселямъ?—спросилъ разбойникъ.

— Тысячи двѣ будетъ,—пролепеталъ Апостолъ Ставровичъ и при этомъ солгалъ, такъ какъ векселей было тысячъ на десять слишкомъ.

— Ну, это, братъ, глупости... Не пристало тебѣ, начальнику и милостивому судьѣ, такими пустяками заниматься... Давай-ка эти векселя сюда: тебѣ и безъ нихъ отдадутъ деньги. Ты сумѣешь и отъ самого чорта изъ зубовъ вырвать даже то, что тебѣ вовсе не слѣдуетъ, а не то что деньги, которыя ты далъ взаймы! Да и сумма плевая, такъ что не стоитъ на нее еще векселя беречь...—говорилъ Алимъ, поднося документы къ свѣчкѣ и зажигая ихъ.

Когда связка вспыхнула, онъ бросилъ ее на желѣзный листъ около печки и, когда бумага сгорѣла, растеръ еще пепелъ ногой.

— Ты и безъ векселей хорошій человѣкъ,—сказалъ при этомъ съ усмѣшкой Алимъ,—а должникамъ твоимъ все же таки будетъ немножко поспокойнѣе такъ.

Затѣмъ, вынувъ изъ стола нѣсколько стопочекъ полуимперіаловъ, разбойникъ отсчиталъ себѣ изъ нихъ ровно двѣсти штукъ и, положивъ ихъ въ карманъ, остальное сдвинулъ въ ящикъ и заперъ его.

— Смотри же, мошенникъ, учись даже разбойничать такъ, какъ я, честно: я взялъ только двѣсти штукъ, какъ

сказалъ, ни одного больше. Ты, когда грабишь, такъ оставляешь одну душу въ тѣлѣ, да и то для того только, чтобы со временемъ было опять кого ограбить, а я по совѣсти дѣлюсь только: сказалъ двѣсти и взялъ двѣсти. Вонъ у тебя сколько еще осталось! А знаешь, на что эти деньги? Слушай: тутъ у однихъ бѣдняковъ завелась бѣшеная собака и обижаетъ ихъ, а они не хотятъ убивать ее и кормятъ. Такъ вотъ сто полуимперіаловъ пойдутъ для нихъ на прокормъ этой бѣшеной собаки. Ну, а если эта бѣшеная собака, которую они такъ щедро кормятъ, вмѣсто того, чтобы застрѣлить ее, и послѣ этого укуситъ хоть кого-нибудь изъ нихъ, такъ пусть же она знаетъ, что самъ Алимъ клянется святой бородой пророка, что послѣ этого онъ среди бѣлаго дня выпуститъ изъ этой бѣшеной собаки кишки вотъ этой штучкой.

Алимъ при этомъ выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и поднесъ его сверкающее лезвее къ самому носу побѣлѣвшаго, какъ полотно, Тріандафилиди.

— А другіе сто червонцевъ,—продолжалъ затѣмъ разбойникъ, вкладывая кинжалъ въ ножны,—пойдутъ тутъ одной бѣдной старушкѣ, которую обижаетъ ея правнукъ и которую ты такъ обласкалъ сегодня, когда она приходила къ тебѣ. Ты не безпокойся, чорбаджи, она также этихъ денегъ не оставитъ себѣ, а навѣрно раздастъ ихъ при случаѣ бѣднякамъ... Да, слушай, пріятель, какъ ты думаешь, ужъ не лучше ли мнѣ тебя теперь же прикончить? А?—вдругъ спросилъ разбойникъ, кладя опять руку на кинжалъ.

При этомъ оправившійся было нѣсколько отъ страха за свою жизнь исправникъ опять позеленѣлъ и повалился въ ноги Алиму.

— Пощади ради самого Аллаха,—молилъ онъ, ловя руку разбойника, чтобы поцѣловать ее.

Но Алимъ оттолкнулъ его отъ себя ногой съ омерзѣніемъ и сказалъ:

— Встань, подлый трусъ, Алимъ не рѣжетъ свиней... А вотъ, если бѣшеная собака не угомонится и еще хоть одинъ разъ укуситъ бѣдняковъ, тогда—я далъ клятву, а ты вѣрно знаешь, что и безъ клятвы я всегда исполняю слово,—уже ничто не спасетъ ее отъ пули или кинжала! Помни это, падаль, потому что потомъ ужъ будетъ поздно.

Осмотрѣвшись затѣмъ въ комнатѣ и снявъ со стѣны полотенце, Алимъ сказалъ:

— Я ухожу сейчасъ, но для того, чтобы ты не вздумалъ кричать и этимъ не заставилъ меня вернуться и зарѣзать тебя, я заткну тебѣ ротъ полотенцемъ, а ноги и руки свяжу, какъ сдѣлалъ это и съ твоимъ десятскимъ въ передней, такимъ же трусомъ, какъ и ты, который даже крикнуть отъ страха не догадался, увидѣвши меня. Ну, ложись на постель!

Тріандафилиди не заставилъ повторить себѣ это приказаніе и черезъ нѣсколько минутъ уже лежалъ на кровати съ полотенцемъ во рту и туго скрученными руками и ногами.

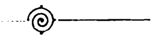
— Завтра можешь себѣ кричать сколько угодно на весь уѣздъ, потому что я буду уже далеко, верстъ за сто, а чтобы повѣрили тебѣ, что я дѣйствительно самъ былъ здѣсь, я распишусь у тебя на той бумагѣ, которую ты писалъ... Вѣрно кляуза какая-нибудь?

И Алимъ на донесеніи исправника написалъ по-татарски свое имя.

Затѣмъ, потушивъ свѣчу, Алимъ обратился къ исправнику съ послѣднимъ словомъ:

— Смотри же, волкъ, не заставь меня еще разъ побывать у тебя въ гостяхъ: въ другой разъ убью.

И съ этимъ онъ неслышно вышелъ изъ комнаты. Наступила опять мертвая тишина: весь домъ спалъ глубокимъ сномъ.

X.

Крупица отъ каперликойцевъ.

Когда при восходѣ солнца послѣ этой же самой ночи Зейнадинъ-эфенди поднимался на вышку мечети для обычной утренней молитвы, онъ весьма былъ удивленъ, найдя на маленькой дверкѣ наверху на балкончикѣ минарета висящимъ небольшой свертокъ, въ которомъ оказалось двѣсти полуимперіаловъ.

Тутъ же была и записка слѣдующаго содержанія:

«Алимъ посылаетъ своимъ землякамъ-каперликойцамъ двѣсти полуимперіаловъ. Сто изъ нихъ пусть каперликойцы бросятъ бѣшеному псу, чтобы онъ не кусался, другіе сто пусть мудрый мулла Зейнадинъ-эфенди раздѣлитъ между бѣднѣйшими изъ бѣдняковъ. И будетъ смѣхъ послѣ слезъ и радость послѣ бѣды! Въ святой книгѣ написано: «И всякое зло уврачуешь имъ же самимъ». Алимъ говоритъ: исправникъ сдѣлалъ зло, исправникомъ же это зло и уврачевалось. Больше уже, пока у Алима голова на плечахъ, а кинжалъ за поясомъ, волкъ зла дѣлать не будетъ. Такова была воля Аллаха! Нѣтъ бога, кромѣ Бога, и Магометъ Его пророкъ!»

Сообщивъ радостную вѣсть своей паствѣ, старикъ мулла не удержался, чтобъ не прибавить:

— Мой глазъ пятнадцать зимъ тому назадъ, когда еще надъ верхней губой сына Бекира было такъ же гладко, какъ теперь на моей лысинѣ, не ошибся: я тогда уже предсказалъ, что Алимъ станетъ гордостью и славой нашего народа, и вы, сосѣди, видите теперь, ошибся ли я?

Всѣ ликовали. Гроза пронеслась, и надъ Каперликоемъ взошло солнышко.

Въ самый день свадьбы въ залу исправничьяго дома. гдѣ собрались гости, чтобы ѣхать сейчасъ въ церковь, вошелъ каперликойскій мулла Зейнадинъ-эфенди въ нарядномъ халатѣ.

Онъ по восточному обычаю привѣтствовалъ всѣхъ, приложивъ обѣ руки накрестъ къ груди, и, обратившись къ отцу невѣсты, сказалъ:

— Миръ и счастье дому твоему, добрый начальникъ! Не прогнѣвайся на меня, бѣдняка, за то, что я скажу тебѣ сейчасъ. Прослышали мы, что ты сегодня отдаешь зѣницу ока твоего изъ родительскаго дома. Твоя радость наша радость; твое горе—наше горе! Ты—отецъ; мы—дѣти: отцу хорошо—дѣти смѣются; отцу бѣда—дѣти плачутъ! Живи долго и пусть живутъ твои дѣти и дѣти дѣтей твоихъ! Вотъ наша деревня, чтобы сдѣлать этотъ день для васъ еще больше радостнымъ, посылаетъ тебѣ, добрый чорбаджи, ничтожный подарокъ,—сто полуимперіаловъ. Ты всегда осыпалъ нашу деревню своими милостями, и мы, имѣя такого благодѣтеля начальникомъ, никогда не знали бѣды: каждый изъ насъ, старикъ и дитя, засыпалъ всегда подъ твоимъ начальствомъ съ улыбкой,

чтобы такъ же радостно и проснуться! Счастливы мы наши дѣти и внуки и горе правнукамъ нашимъ, которые будутъ жить безъ такого начальника, какъ ты!.. Богъ тебя вознаградитъ за это сторицей, а намъ, осчастливленнымъ тобою позволь, поднести тебѣ эту крупицу и пусть каждый изъ васъ всѣхъ живетъ столько же лѣтъ, сколько въ этомъ кисетѣ червонцевъ! Пусть ваше здоровье будетъ такъ же твердо и прочно, какъ этотъ металлъ! Пусть всѣ люди принимаютъ каждаго изъ васъ всегда такъ же охотно, какъ готовы всегда всѣ принять это золото! Въ добрый часъ! Да будетъ благословеніе Аллаха надъ твоимъ домомъ!..

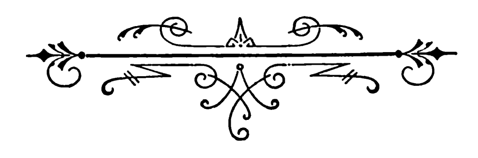
И съ этимъ почтенный мулла подалъ Апостолу Ставровичу тяжелый атласный кисетъ съ полуимперіалами.

— Спасибо, спасибо, мулла!—произнесъ на эту рѣчь скороговоркой исправникъ.

Онъ почти выхватилъ подарокъ изъ рукъ Зейнадина-эфенди и, отвернувшись отъ муллы, заскрежеталъ зубами.

А черезъ два дня Зейнадинъ-эфенди отправился по обѣту пѣшкомъ въ Мекку и Медину, чтобы поклониться праху пророка и облобызать священную землю.

Конецъ.

Подруга звѣздъ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.

I.

Двѣ кровавыя странички прошлаго.

Почти на семь верстъ растянулся въ ущельѣ, по теченію небольшой рѣчонки Чурукъ-Су [1]), весь потонувшій въ зелени кипарисовъ, волошскаго орѣха, виноградныхъ кустовъ, величественныхъ пирамидальныхъ тополей и осокорей и раздѣленный по всей своей длинѣ на двѣ равныя части блестящею лентой рѣки Бахчисарай. При взглядѣ теперь на эту въ общемъ желтовато-сѣрую и вездѣ густо пестрѣющую красками восточнаго колорита груду точно изъ старыхъ картъ настроенныхъ домишекъ, мазанокъ, клѣтушекъ, галлереекъ, съ игрушечными перильцами и поддерживаемыхъ не менѣе игрушечными столбиками, никто не сказалъ бы, что въ этомъ именно ущельѣ и среди этого хаоса покосившихся отъ ветхости

---

[1]) Чурукъ-Су—притокъ рѣки Качи.

и тѣсноты избушекъ и саклей, со второй половины XV столѣтія и до самаго того дня, въ который надъ Крымомъ воздвигся и засіялъ кроткимъ сіяніемъ любви и братства русскій православный крестъ, т.-е. въ теченіе болѣе трехсотъ лѣтъ, гнѣздились такъ обильно и такъ безсмысленно залившіе страницы міровой исторіи христіанскою и языческою кровью безпощадные хищники, крымскіе ханы. Отсюда они желѣзною рукой управляли всѣми безчисленными полчищами своей дикой орды, цѣлыя тучи которой по мановенію этой самой руки стремительно переносились черезъ густо заросшія высокой травой первобытныя степи и пустыри Новороссіи для того, чтобы, появившись внезапно подъ стѣнами Москвы и Смоленска, смѣшать въ одномъ общемъ потокѣ цѣлые ручьи своей крови съ кровью христіанъ и, награбивъ золота, всякаго добра и плѣнницъ, такъ же быстро умчаться назадъ, и тамъ, за перешейкомъ, среди родныхъ степей, горъ и ущелій, предаться лѣнивому, сладострастному кейфу до новаго мановенія длани хана-владыки и новаго набѣга.

Если бы могли вдругъ заговорить стоящіе и теперь тамъ и сямъ по ущелью вѣковые великаны-деревья, посаженные еще руками гаремныхъ невольницъ хана Девлетъ-Гирея (1551—1577), привезенныхъ имъ изъ сожженной 24 мая 1571 года Москвы, они разсказали бы о многомъ кровавомъ быломъ тѣхъ временъ, которыхъ нѣмыми свидѣтелями были эти старики-великаны. Они разсказали бы какъ сынъ Девлетъ-Гирея, ханъ Буре-Гази-Гирей (1588—1607), этотъ сладкострунный и кровожадный поэтъ-звѣрь, притаивъ дыханіе, проводилъ цѣлыя ночи подъ однимъ изъ нихъ, слушая мелодическія трели соловьиной пѣсни, а на утро затѣмъ услаждался воплями и стономъ цѣлой

толпы плѣнныхъ, приведенныхъ имъ изъ неудачнаго похода на Москву, гдѣ его полчища были разсѣяны и отбиты съ позоромъ (1591 г.), когда этихъ плѣнныхъ на его глазахъ десятками и сотнями рѣзали и потрошили кривыми ножами опьянѣвшіе отъ крови палачи.

Они разсказали бы, какъ этотъ владыка-сфинксъ переходившій отъ сладостно-грустныхъ мечтаній и вздоховъ поэта къ демонической радости при зрѣлищѣ смерти и цѣлыхъ потоковъ крови,—сфинксъ, совмѣщавшій въ своей необузданно-дикой душѣ небо и адъ, слезы любви и рычаніе тигра, лежа въ прохладѣ среди кипарисовъ и упиваясь душисто-смолистымъ ароматомъ этихъ поэтическихъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ, красивая темная листва которыхъ издревле служила на востокѣ эмблемой траура, грусти и тихаго безмолвія могильной нирваны, набрасывалъ звучныя строфы своей поэмы «Гюль-ве-Бюльбюль» [1]), вдохновляясь зрѣлищемъ, которое едва ли могло имѣть что-нибудь общаго и съ несравненнымъ пѣвцомъ разсвѣта—соловьемъ, и съ ароматомъ пышной царицы весны—розы, и съ вдохновеннымъ бряцаніемъ въ ихъ честь поэтической лиры. На противоположныхъ высотахъ ущелья, хорошо видныхъ возлежавшему подъ кипарисами хану-поэту, сверкалъ на солнцѣ своею бѣлизной длинный рядъ свѣже-отесанныхъ коловъ, на которые послушные слову своего вдохновеннаго повелителя палачи аккуратно разсаживали цѣлую толпу пригнанныхъ изъ-подъ Москвы плѣнниковъ.

И въ это самое время, пока цѣлая живая изгородь многихъ и многихъ десятковъ мучениковъ корчилась въ

---

[1]) „Гюль-ве-Бюльбюль"—роза и соловей.

нечеловѣческихъ предсмертныхъ мукахъ, а у толпы здѣсь же стоявшихъ въ ожиданіи и своей очереди другихъ стыла кровь въ жилахъ отъ этого адскаго зрѣлища, взиравшій на все это издали поэтъ-звѣрь все бряцалъ и бряцалъ въ ароматной прохладѣ кипарисовъ на своей вдохновенной лирѣ, воспѣвая пышную красоту только что распустившейся розы и сладостные вздохи и трели очаровательной пѣсни влюбленнаго въ нее соловья.

Одна строфа какъ-то особенно не дается поэту; уже муэдзины пропѣли на минаретахъ мечетей полуденный призывъ правовѣрныхъ къ молитвѣ; уже живая изгородь посаженныхъ на колы плѣнниковъ подвинулась на много саженей въ обѣ стороны; уже становившіяся прежде все короче и короче, а потомъ нѣсколько времени бывшія неподвижными тѣни кипарисовъ медленно поползли назадъ, отклоняясь все больше и больше къ востоку, а ханъ все не могъ никакъ справиться съ упрямою строфой.

Отъ сильнаго напряженія мысли крупныя капли пота направляясь по болѣе глубокимъ бороздкамъ морщинъ на лицѣ, сбѣгали со лба и висковъ повелителя ордъ къ его бородѣ и усамъ и, дрожа на кончикахъ черныхъ съ чуть замѣтнымъ рыжевато-огненнымъ оттѣнкомъ щетинистыхъ волосковъ небольшими серебристыми шариками, падали на пергаментъ и расплывались небольшими сырыми пятнышками по его лощеной поверхности.

Солнце, пронизывая своими огненными стрѣлами темную листву кипарисовъ, нестерпимо накаляло воздухъ и усиливало духоту и тяжесть смолистаго аромата вокругъ трудившагося въ потѣ лица хана. Ему уже невмоготу душно. Вотъ онъ нетерпѣливо рванулъ свой сшитый изъ дорогого покрова святой Плащаницы, взятаго въ какой-

то разграбленной подъ Москвою церкви, парчевой кафтанъ такъ, что двѣ-три золотыя застежки полетѣли въ траву, разстегнулъ еще два нижнихъ халата изъ разноцвѣтнаго шелка и обнажилъ свою темно-бронзовую грудь. Чуть замѣтный вѣтерокъ пахнулъ на его разгоряченное тѣло и пріятное чувство минутной прохлады оживило на секунду его суровыя черты. Мысль его стала свѣжѣе и бодрѣе, и вотъ, наконецъ, нѣсколько трудныхъ образовъ и словъ придуманы, и желанная строфа окончена.

Ханъ громко продекламировалъ эту такъ трудно дававшуюся ему строфу, замѣнилъ еще одно слово другимъ, снова прочиталъ все, и, довольный результатами своей творческой работы, въ сладостной истомѣ откинулся на груду сафьяновыхъ подушекъ и дважды громко хлопнулъ въ ладоши.

Черезъ минуту въ дверяхъ гарема, выходящихъ въ этотъ же садъ, показалась юная невольница съ большимъ золотымъ подносомъ. Голубой шелковый бешметъ, богато отдѣланный серебромъ, и такія же шальвары гармонировали съ лазурью большихъ голубыхъ глазъ этого полуребенка-дѣвушки, дочери именитаго московскаго боярина, который въ числѣ другихъ плѣнныхъ сидѣлъ уже въ эту самую минуту на одномъ изъ коловъ виднѣвшейся отсюда и еще сплошь живой изгороди мучениковъ.

Дитя робко подступило къ царственному поэту и, опустившись на одно колѣно, поставило передъ нимъ на обложенный перламутромъ низенькій табуретъ этотъ подносъ. На подносѣ стояло нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ кубковъ съ шербетами, сѣроватой просяной бузой и язмой, и среди нихъ въ осыпанной драгоцѣнными кам-

нями древней святой Чашѣ-Дарохранительницѣ шипѣлъ и пѣнился крѣпкій кобылій кумысъ.

И еще о многомъ и многомъ могли бы повѣдать намъ эти единственные оставшіеся въ живыхъ и такъ таинственно шумящіе своими вѣковыми вершинами свидѣтели былого—исполины-деревья, пережившіе весь слишкомъ трехсотлѣтній періодъ самобытнаго владычества на полуостровѣ Крымскомъ полумѣсяца и ислама.

Каково было это владычество и во что цѣнилась владыками жизнь человѣка, лучше всего видно изъ характерной сценки, происшедшей подъ однимъ старымъ могучимъ дубомъ, который и понынѣ еще стоитъ, склонившись надъ изгибомъ Чурукъ-Су, среди Бахчисарая.

Сынъ Селяметъ-Гирея, Багадыръ-Гирей, ознаменовалъ свое недолгое правленіе (1637—1641 г.) почти полнымъ истребленіемъ ногайцевъ, издавна тревожившихъ частыми набѣгами сѣверныя окраины полуострова.

Ближайшія къ Крыму Буджакская, Джамбуйлукская и Едичкульская орды этого народа, кочевавшія по всему побережью Чернаго моря между Днѣпровскимъ лиманомъ и устьемъ Дуная и въ сѣверныхъ уѣздахъ нынѣшней Таврической губерніи, вывели, наконецъ, Багадыръ-Гирея изъ терпѣнія, и онъ, отложивъ на нѣкоторое время всѣ другія заботы, порѣшилъ основательно проучить безпокойныхъ сосѣдей и надолго отдѣлаться отъ ихъ разбойничьихъ набѣговъ и грабежей.

Въ результатѣ получилось почти поголовное истребленіе ногайскаго поколѣнія Менсури и изгнаніе остальныхъ далеко на сѣверъ и западъ равнины.

Багадыръ-Гирей сидѣлъ подъ дубомъ на грудѣ сафьяновыхъ тюфячковъ и подушекъ и, упиваясь ароматнымъ

дымомъ кальяна, мечталъ, устремивъ блуждающцій взоръ куда-то неопредѣленно въ пространство, когда къ нему явился съ докладомъ объ этомъ походѣ Азыя-мурза, одинъ изъ его любимыхъ военачальниковъ, посланный имъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ съ частью орды для истребленія ногайцевъ.

Приблизившись къ хану, Азыя опустился на колѣни и, склонивъ голову, стоялъ молча въ ожиданіи, чтобы ханъ приказалъ ему говорить. Оживившіеся на секунду глаза владыки скользнули въ сторону пришедшаго, но вслѣдъ затѣмъ взоръ его снова потухъ и снова мечтательно потонулъ въ неопредѣленной дали горизонта.

Ханъ продолжалъ безмолвно мечтать, а застывшій неподвижно Азыя не шелохнулся.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ.

Наконецъ, надъ склонившейся почти до земли головой пришедшаго раздался голосъ владыки:

— Говори, Азыя!

— Могущественный повелитель народовъ и всего міра,—сказалъ военачальникъ, не поднимая головы.—Самый ничтожный, но и самый вѣрный изъ милліоновъ рабовъ твоихъ падаетъ ницъ передъ тобою. Вотъ онъ лежитъ еще живой у твоихъ ногъ. Прикажи же, ханъ хановъ и князей, другимъ рабамъ убить его, а тѣло выбросить псамъ и хищнымъ птицамъ.

Кальянъ хана захрипѣлъ и забульбулькалъ при этихъ словахъ Азыи особенно громко, и клубы ароматнаго дыма цѣлымъ облакомъ поднялись въ тихомъ утреннемъ воздухѣ надъ грудою тюфячковъ и подушекъ: униженно-рабская рѣчь докладчика была пріятна гордой душѣ властелина.

Онъ помолчалъ съ минуту и сказалъ самодовольно:

— Темнота падаетъ на землю, когда само великое солнце захочетъ этого и спрячется, а подлые псы не околѣваютъ отъ голода, пока хозяинъ бросаетъ имъ остатки своей ѣды. Не хочу твоей смерти: живи, если ты сумѣлъ исполнить мою волю и самъ вернулся живымъ.

— Рѣки твоихъ милостей, могущественный ханъ, заливаютъ весь міръ, который не перестаетъ прославлять твое могущество и щедроты. Зато горе тѣмъ, кто навлечетъ на себя твой справедливый гнѣвъ: громы небесные для нихъ по сравненію съ твоимъ гнѣвомъ не больше, какъ улыбка сосуна-ребенка! Медленную смерть на колу или на угольяхъ всякій предпочтетъ для себя, какъ счастье скорѣе, чѣмъ разгнѣвать тебя, величайшій изъ самыхъ великихъ и сильнѣйшій изъ самыхъ сильныхъ владыкъ на землѣ!

— Однако тѣ собаки, которыхъ наказать я посылалъ тебя, не думаютъ такъ, какъ ты сейчасъ сказалъ и какъ думаетъ весь свѣтъ,—замѣтилъ ему съ горькой усмѣшкой ханъ.

— Это правда, властелинъ: не думаютъ,—подтвердилъ Азыя.

Брови хана при такомъ неожиданномъ заявленіи докладчика грозно сдвинулись, и онъ, отбросивъ въ сторону янтарный наконечникъ кальяна, глухимъ голосомъ спросилъ:

— Почему же не думаютъ? А ты, песъ, отчего же не заставилъ и ихъ думать такъ же, какъ и всѣ?

— Тѣ собаки не думаютъ такъ потому, что некому уже думать: вѣдь изъ отродія пса Менсури не осталось

теперь по твоей волѣ, которую я, твой рабъ, исполнилъ свято, ни одной собаки въ живыхъ, а нѣсколько десятковъ другихъ, которымъ случайно посчастливилось избѣжать пока твоего гнѣва, ушли такъ далеко, что даже мысль ихъ не можетъ достигнуть сюда, гдѣ ты сіяешь золотомъ, какъ солнце, и серебромъ, какъ священная луна.

При этихъ словахъ брови владыки снова вернулись на свое мѣсто; въ глазахъ его на секунду мелькнулъ и сейчасъ же потухъ опять звѣрски-радостный огонекъ, а точно изъ темной мѣди вылитое лицо осталось попрежнему неподвижно-спокойнымъ. Ханъ продолжалъ слушать.

— Ты, повелитель, приказалъ или мнѣ самому остаться тамъ мертвымъ, или вернуться только послѣ того, какъ тамъ уже никого не останется въ живыхъ.

— Моя воля была такая,—подтвердилъ ханъ,—и ты, рабъ, ее хорошо запомнилъ.

— Я, ханъ хановъ, не только запомнилъ ее, но и свято исполнилъ,—прибавилъ смиренно Азыя.

— А моихъ рабовъ много тамъ осталось?

— Всякій пожаръ можно только водой заливать, и чѣмъ больше огонь, тѣмъ больше нужно воды. Тамъ былъ великій огонь, и, чтобы залить его, понадобилась не одна сотня ведеръ воды,—отвѣчалъ аллегорически-уклончиво Азыя и прибавилъ:—Но изъ крови ногайцевъ, если бы ее собрать всю, вышло бы большое озеро, передъ которымъ кровь нашихъ ордынцевъ показалась бы едва замѣтной лужей; хищныя птицы и волки будутъ пожирать ихъ тѣла цѣлый годъ, а тѣлами нашихъ не будутъ сыты и одной недѣли.

Ханъ былъ доволенъ полученными свѣдѣніями, но всетаки сказалъ:

— Отчего же ты, Азыя, не истребилъ всѣхъ собакъ до послѣдней? Или ты не знаешь, что даже отъ одного самаго тонкаго волоска, вырваннаго изъ верблюжьяго уха, на солнцѣ бываетъ тѣнь? Если бы ты подумалъ объ этомъ и о томъ еще, что только двѣ-три пары клоповъ, забравшихся въ самый далекій и скрытый уголъ сакли, если ихъ оставить тамъ въ покоѣ, скоро разведутъ поганыхъ насѣкомыхъ много больше, чѣмъ сколько несетъ на себѣ перьевъ самый большой и старый драхвичъ, «докузъ - табанъ» [1]), ты бы не вернулся назадъ, пока хоть одинъ ногай дышитъ! Они, какъ змѣи: змѣю на три куска разруби, куски будутъ живы и все будутъ извиваться.

— Не разгнѣвайся на меня, свѣтлый ханъ, слава котораго гремитъ выше звѣздъ небесныхъ и одно имя котораго наводитъ трепетъ на всѣ народы, живущіе дальше самаго далекаго края моря! Только необъятная милость и терпѣніе твои разрѣшаютъ мнѣ, презрѣнному псу псовъ твоихъ, извиваться передъ тобою подобно жалкому червяку, котораго могла бы растереть въ прахъ подошва туфли твоей! Ты сіяешь какъ солнце, но и солнце своимъ свѣтлымъ лучомъ проникаетъ и въ твой сераль, и въ мечеть, и на дно стараго, засореннаго колодца, гдѣ въ грязи копошатся змѣи, жабы и разные гады. И лучъ солнца отъ этого не померкнетъ. Снизойди же и ты, всемогущій и грозный для враговъ твоихъ, но справедливый и милостивый къ намъ, подлымъ рабамъ твоимъ, до того,

---

[1]) „Докузъ-табанъ“ въ переводѣ—„девять ступней“. У татаръ самой большой драхвой считается имѣющая девять ступней по длинѣ растянутыхъ крыльевъ. Такіе экземпляры драхвъ въ Крыму, дѣйствительно, нерѣдки.

чтобы выслушать, что скажетъ тебѣ на это твой презрѣнный рабъ, который почелъ бы за счастье быть съѣденнымъ твоей любимой собакой, если бы только это тебѣ и ей было пріятно!

— Говори, Азыя, я буду слушать,—милостиво дозволилъ Багадыръ-Гирей.

Азыя еще ниже склонилъ свою голову къ землѣ и продолжалъ:

— Я и самъ понимаю, что нужно было всѣхъ до одного истребить ногайцевъ, дерзнувшихъ нападать на татаръ подвластной тебѣ орды, но вѣдь и самый быстрый скакунъ не могъ бы догнать хищную ночную птицу, когда она летитъ въ темнотѣ то надъ самой землей, то надъ верхушками самыхъ высокихъ деревьевъ. Ты, повелитель всѣхъ хановъ на свѣтѣ, ты, грозный ханъ, наводишь трепетъ на всѣхъ однимъ своимъ словомъ, но какъ самая острая сабля не можетъ пересѣчь едва замѣтной для глаза ничтожной паутины, когда она летитъ въ воздухѣ много выше головы человѣка, какъ ханъ всѣхъ звѣрей подъ луной, сильный и грозный левъ, безсиленъ противъ блохи, которая, скрываясь въ густотѣ гривы, бѣгаетъ у него по шеѣ, кусаетъ и щекочетъ его и приводитъ въ ярость, отъ которой дрожатъ на много верстъ кругомъ всѣ большіе и малые звѣри, такъ точно даже и ты самъ не могъ бы перебить тѣхъ изъ ногайцевъ, которые постыдно бѣжали прежде, чѣмъ твой зоркій глазъ успѣлъ бы замѣтить ихъ среди поля! Не гнѣвайся же, могущественный повелитель, если я, истребивъ, по слову твоему, многія и многія сотни ногайцевъ, долженъ былъ оставить въ живыхъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ не могли догнать наши какъ вѣтеръ быстрые кони и до которыхъ не могли до-

летѣть наши мѣткія стрѣлы и не могли достать наши какъ жала комаровъ острыя сабли. Но ты и не заботься о нихъ: смертоносный земляной паукъ бѣжитъ отъ того мѣста, гдѣ онъ услышитъ духъ барана, который его ѣстъ вмѣстѣ съ травой; точно такъ же и тѣ немногіе ногайцы, которые ушли отъ моей руки, послѣ того, что теперь было сдѣлано мною по твоему слову, при одномъ имени твоемъ будутъ исчезать точно такъ же, какъ исчезаетъ мракъ отъ солнца, и какъ разсѣивается струйка дыма во время бурнаго вихря. Они есть гдѣ-то, но ихъ все равно что и нѣтъ вовсе: когда въ Персіи загремитъ гроза съ громомъ и молніей и польетъ даже самый сильный дождь, тебѣ, мудрый ханъ, не нужно опасаться, чтобы гроза не залила крыши твоего сераля, и вовсе не нужно уходить изъ сада, чтобы не промокъ и не испортился твой дорогой парчевой халатъ. Значитъ, и молнія и дождь есть, но ихъ все равно что и нѣтъ. Такъ и ногайцы: что тебѣ, повелитель, въ томъ, что гдѣ-то въ степи, свернувшись кольцомъ, лежитъ подъ камнемъ ядовитая змѣя, или что на верхушкѣ далекой горы сидитъ въ своей норкѣ въ землѣ смертоносный паукъ? Твой свѣтлый глазъ и чуткое какъ у оленя ухо не увидятъ и не услышатъ этихъ самимъ Аллахомъ и его великимъ пророкомъ проклятыхъ гадовъ. Не гнѣвайся же, самый сильный изъ всѣхъ самыхъ сильныхъ владыкъ, на твоего презрѣннаго раба и разрѣши ему сказать тебѣ такъ: «О, самый мудрый среди мудрѣйшихъ и самый грозный среди грознѣйшихъ повелитель и ханъ цѣлаго свѣта! Были жалкіе черви ногаи, пока милосердіе твое терпѣло ихъ на землѣ; но ихъ не осталось уже больше подъ луною, какъ только ты пожелалъ, чтобы ихъ не было вовсе!»

И Азыя, окончивъ докладъ, склонилъ свою голову до самой земли и точно окаменѣвшій лежалъ неподвижно.

Наступило совершенное безмолвіе; только и было слышно, какъ хрипѣлъ и бульбулькалъ ханскій кальянъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на бронзовомъ лицѣ калифа во все время доклада военачальника. Кружки дыма продолжали спокойно вылетать изъ-подъ рѣдкихъ, нависшихъ прямой щетиной усовъ его и поднимались кольцами вверхъ въ совершенно неподвижномъ утреннемъ воздухѣ.

Ханъ безучастно смотрѣлъ куда-то вдаль и, казалось, мало обращалъ вниманія на слова пресмыкавшагося предъ нимъ Азыи.

Но это было только привычное спокойствіе восточнаго властелина, выражающее царственное презрѣніе ко всему остальному въ мірѣ. На самомъ дѣлѣ онъ чутко прислушивался къ каждому слову говорившаго, жалкая лесть котораго бальзамомъ разливалась по его деспотической суровой душѣ.

А ловкій любимецъ, пресмыкавшійся у ногъ своего повелителя, прекрасно зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и потому спокойно ожидалъ результатовъ своего доклада.

Наконецъ, Багадыръ-Гирей заговорилъ:

— Вижу, что ты, Азыя, вѣрный и надежный рабъ, который умѣетъ и знаетъ, какъ слѣдуетъ исполнять слово своего хана. Если бы ты не исполнилъ моей воли такъ, какъ ты это сдѣлалъ, то и тогда ты все равно не остался бы безъ щедрой награды: не изъ простой вербы и не изъ твердаго дуба былъ бы вытесанъ колъ, на который я приказалъ бы на своихъ глазахъ посадить тебя, а я не пожалѣлъ бы для этого вырубить въ своемъ гаремномъ

саду молодой стволъ душистаго кипариса, чтобы и ты самъ и другіе рабы знали и видѣли, что щедрость моя не имѣетъ границъ. Но теперь ты получишь другую награду: выбери самъ изъ моихъ табуновъ столько лучшихъ скакуновъ, сколько сотенъ ногайцевъ ты уничтожилъ.

— О, повелитель!—воскликнулъ съ паоосомъ Азыя.— Гдѣ же видано или слыхано, чтобы жалкій песъ осмѣлился выбирать кусокъ, когда щедрый господинъ пожелалъ бы покормить его со своего стола? Песъ будетъ счастливъ, если господинъ броситъ ему на землю свою обглоданную баранью кость!

Это патетическое восклицаніе очень понравилось хану.

— Ты, Азыя,—сказалъ онъ спокойно,—не только преданный и вѣрный, но и сообразительный рабъ. Твой языкъ такъ же легокъ въ умномъ словѣ, какъ тяжела рука въ кровавой битвѣ. Ты похожъ на ту хорошую саблю, клинокъ которой, если она въ рукѣ не беззубой старухи, а порядочнаго воина, можетъ легко отдѣлить въ схваткѣ голову вмѣстѣ съ руками отъ туловища самаго грузнаго врага, а усыпанные дорогой бирюзой и другими самоцвѣтами ефесъ и ножны которой украшаютъ нарядъ этого воина такъ же богато, какъ пышные ярко-бѣлые цвѣты каштана украшаютъ серебромъ это красивое дерево каждой весной. Счастливъ ты, рабъ, сумѣвшій заслужить мою милость, потому что глазамъ твоимъ не придется увидѣть, какъ гнѣвъ сдвигаетъ брови одну къ другой на лицѣ твоего повелителя! Счастливъ ты, говорю, потому, что наградой тебѣ за твою службу будетъ не колъ душистаго кипариса и не похожій на длинную блестящую змѣйку тонкій шелковый шнурокъ, который смертельной петлей долженъ бы былъ обвить твою рабскую шею, а цѣлый та-

бунъ дорогихъ скакуновъ и осыпанная самоцвѣтными камнями сабля, которая по качеству стали на клинкѣ и по стоимости ефеса и ноженъ походитъ на тебя самого. Какъ ты неукротимъ въ битвѣ и сладокъ на языкъ, такъ и сабля эта—незамѣнимая защита и дорогое украшеніе. Этой самой саблей отецъ отца моего, Селяметъ-Гирея, наградилъ своего сына за твердость руки послѣ того, какъ отецъ мой на его глазахъ разрубилъ въ схваткѣ около десятка всадниковъ-гяуровъ, каждаго пополамъ, до самаго почти сѣдла. Пока эта сабля будетъ у тебя, Азыя, не будетъ никого старше тебя въ моей ордѣ.

Послѣ этихъ словъ ханъ трижды хлопнулъ въ ладоши, и немедленно же появившемуся на этотъ зовъ одному изъ евнуховъ приказалъ принести изъ дворца обѣщанную Азыѣ въ награду саблю. Тотъ исчезъ и черезъ нѣсколько минутъ подалъ ему это дорогое оружіе на тяжеломъ серебряномъ блюдѣ.

Исполнивъ приказаніе хана, евнухъ хотѣлъ удалиться, но Багадыръ-Гирей жестомъ лѣвой руки приказалъ ему остаться.

Тотъ застылъ на мѣстѣ въ ожиданіи новыхъ приказаній.

Взявъ саблю отъ евнуха, ханъ поднялся съ сафьяновыхъ подушекъ, на которыхъ онъ полулежалъ, бесѣдуя съ Азыей и, ставъ спиной къ солнцу, началъ любоваться игрой осыпавшихъ ножны дорогихъ камней. Оружіе искрилось и переливало въ его рукахъ всѣми цвѣтами радуги. Особенно красивъ былъ ефесъ: крупные самоцвѣты, красные и зеленые, унизывавшіе сплошь рукоятку оружія, испускали противъ свѣта цѣлый пукъ разноцвѣтныхъ лучей и слѣпили глаза. А среди этого снопа огненныхъ брызгъ тамъ и сямъ пріятно ласкала взоръ сво-

имъ мягкимъ отблескомъ нѣжная голубая лазурь скромной бирюзы.

Ханъ долго вертѣлъ въ рукахъ эту опасную игрушку, любуясь ея украшеніями. Въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ, точно неподвижная статуя, евнухъ, съ подносомъ въ рукахъ, а нѣсколько въ сторонѣ продолжалъ стоять на колѣняхъ счастливый исходомъ доклада Азыя.

— Азыя, встань и подойди сюда ближе,—сказалъ, наконецъ, ханъ, налюбовавшись вдосталь. — Пусть и твои рабскіе глаза наглядятся.

— Я все равно ничего не увижу, повелитель,—скромно произнесъ тотъ, исполняя приказаніе и приближаясь къ нему.—Кто долго смотрѣлъ на солнце, тотъ, опустивъ вслѣдъ за этимъ глаза на землю, ничего не увидитъ около себя.

— Ты стань такъ, какъ я стою, — спиной къ солнцу.

— Все равно солнце будетъ передо мной: вѣдь я смотрю на тебя, свѣтлый ханъ, и сіяніе твоего могущества и твоей славы, сильнѣйшій надъ самыми сильными повелитель, слѣпитъ глаза моего разума и наполняетъ трепетомъ мою душу. Не взыщи, повелитель, со своего раба за его глупое слово и безтолковую рѣчь, но передъ этимъ сіяніемъ жалкій блескъ даже цѣлой груды самыхъ драгоцѣнныхъ камней то же, что ночь передъ свѣтлымъ солнечнымъ днемъ.

Какъ ни старался Багадыръ-Гирей сохранить презрительно-спокойный видъ, выслушивая такую явную лесть хитраго царедворца, но одуряющій чадъ этой лести окончательно отуманилъ безмѣрное самомнѣніе восточнаго калифа.

Упоенный сладостью хвалебныхъ рѣчей своего военачальника, онъ размякъ до того, что въ голосѣ его, до

сихъ поръ спокойномъ и безстрастномъ, явно зазвучали привѣтливо-ласковыя нотки.

— Не ножны и не ефесъ дороги въ этой саблѣ, Азыя,— сказалъ онъ наставительно-ласково своему рабу,—хотя на нихъ и нанизано много дорогихъ самоцвѣтовъ, а клинокъ... Такого клинка не найти и у самого падишаха Турціи. Самоцвѣтами можно убрать и старый желѣзный вертелъ, на которомъ жарятъ цѣлаго барана, и онъ не станетъ отъ этого порядочнымъ оружіемъ; зато къ такому клинку, какъ этотъ,—продолжалъ ханъ, обнажая саблю совсѣмъ,— вмѣсто такого ефеса придѣлай хоть лошадиную кость, онъ не станетъ ни на волосъ хуже. Этотъ клинокъ, какъ огненная полоса, одинаково легко проходитъ, если онъ въ хорошей рукѣ, и сквозь тонкую нитку и поперекъ всего лошадинаго тѣла. Посмотри, Азыя, развѣ другимъ клинкомъ можно сдѣлать то, что я вотъ сейчасъ сдѣлаю этимъ?

При этихъ словахъ оружіе моментально взвилось надъ головой принесшаго его и какъ молнія опустилось. Вслѣдъ за этимъ совершенно неожиданнымъ движеніемъ сабли голова несчастнаго евнуха съ правой рукой и еще державшимся въ этой рукѣ продолговато-длиннымъ серебрянымъ подносомъ медленно сползла съ отдѣленнаго отъ нея наискось туловища и упала на землю, а самое туловище, однорукое, съ цѣлымъ столбомъ хлынувшей изъ его крови, продолжало стоять еще почти секунду и, наконецъ, дрогнуло и, откачнувшись въ другую сторону, грохнулось къ ногамъ, видимо, повеселѣвшаго отъ своей молодецкой выходки Багадыръ-Гирея.

— Ты видѣлъ такой клинокъ, Азыя?—спросилъ ханъ, даже не посмотрѣвъ на убитаго.

— Не видалъ никогда, повелитель, — отвѣчалъ тотъ восторженнымъ тономъ;—но едва ли кто въ свѣтѣ видалъ когда-нибудь и такую руку: такъ можетъ ударить только одна молнія полосой огня, а рука человѣческая, кромѣ твоей могучей руки, грозный ханъ цѣлаго свѣта, такъ бить не въ силахъ. Горе и горе тому, на кого ты, сильнѣйшій изъ владыкъ, поднимешь свою молніеносную руку: сто разъ лучше было бы тому несчастному человѣку, чтобы не только онъ самъ, но и всѣ его предки вовсе не родились на свѣтъ! Слава тебѣ, безконечная слава, лучезарный, какъ солнце, храбрый, какъ цѣлая сотня львовъ, могучій, какъ дубъ, неукротимый, какъ буря, но и кроткій и милостивый владыка-ханъ для своихъ жалкихъ рабовъ, какъ тихій свѣтъ луны въ лѣтнюю ночь, какъ глазъ матери, когда она смотритъ на лежащее у нея подъ грудью малое дитя!

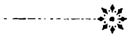
Такъ доказалъ бахчисарайскій властелинъ своему царедворцу качество данной ему въ награду за удачный походъ на ногайцевъ сабли и силу своей руки, и при этомъ ему даже и на мысль не пришло вспомнить объ убитомъ рабѣ, теплый трупъ котораго былъ немедленно же и спокойно убранъ десятью другими такими же рабами.

Онъ не взглянулъ даже на него ни разу: псомъ больше, псомъ меньше—не все ли это равно для храбраго, какъ сотня львовъ, и кроткаго, какъ сіяніе лѣтней луны, владыки владыкъ Багадыръ-Гирея?..

. . . .

Но окончились уже давно эти забрызганныя кровью тысячъ и тысячъ мучениковъ страницы мусульманской исторіи Крыма, и одни только великаны-дубы, да окаймляющіе ложбину рѣки Чурукъ-Су угрюмые утесы, эти

нѣмые свидѣтели-очевидцы всѣхъ ужасовъ прошлаго, стоятъ и теперь, какъ стояли и въ тѣ кровавыя времена ханства, и молча думаютъ свои тайныя думы о далекомъ и грозномъ быломъ...

II.

Кадій Даутъ и его дочь Абибе.

Вечерѣло. Раскаленный солнечный дискъ только что погрузился въ невѣдомую бездну за край горизонта, и легкія, перистыя, незадолго передъ этимъ молочно-бѣлыя облачка, собравшіяся толпой въ этой сторонѣ неба, чтобы проводить родное свѣтило, сразу всѣ вспыхнули и зардѣлись алымъ пурпуромъ съ яркими, огневыми золотисто-багряными каймами по краямъ.

И чѣмъ дальше отъ земли уходило солнце и темнѣла высокая глубь неба, тѣмъ гуще и кровавѣе становился этотъ пурпуръ облаковъ: изъ алаго онъ постепенно перешелъ въ вишневый, потомъ въ темно-малиновый съ чуть замѣтнымъ фіолетовымъ оттѣнкомъ, черезъ нѣсколько минутъ затѣмъ въ пепельно-багровый и, наконецъ, вспыхнувъ на мгновеніе прощальнымъ кровавымъ отблескомъ, вдругъ погасъ совершенно на всемъ небосклонѣ, кромѣ одной чуть замѣтной полоски желтовато-краснаго цвѣта, которой, точно золотой ниткой, вся эта сторона горизонта, гдѣ скрылось солнце за край земли, отдѣлялась отъ всего остального таинственно потемнѣвшаго неба.

На уставшую отъ шумливой дневной сутолоки землю медленно надвигалась мягкая ночная тѣнь съ ея ароматной прохладой, съ привѣтливыми огоньками такъ ласково

мигающихъ гдѣ-то въ недосягаемой глубинѣ безграничнаго небеснаго свода звѣздочекъ, съ тоскливымъ всхлипываніемъ перепеловъ, съ пугливымъ отчаяннымъ тиликаньемъ стрѣлой проносящагося въ темнотѣ по воздуху запоздалаго кулика, съ цѣлой вереницей одной только ночи присущихъ, непонятныхъ и невѣдомо откуда несущихся коротвихъ отрывистыхъ звуковъ, съ рѣдкими, на мгновеніе вспыхивающими синеватымъ фосфорическимъ отблескомъ стрѣлками падающихъ звѣздъ, съ таинственнымъ шопотомъ листьевъ на верхушкахъ деревьевъ и, наконецъ, съ этой чуть серебрящейся во мглѣ дымкой, которая, окутавъ всю землю, тихо и непрерывно дрожитъ и мерцаетъ надъ нею, убаюкивая все живое и растворяя незамѣтно въ себѣ смѣхъ и слезы, молитвы и проклятія, веселье и стоны, страсти, тоску и заботы, и все то, чѣмъ кипитъ и бурлитъ полная черезъ край повседневная юдоль человѣческой жизни.

И чѣмъ гуще становится эта мгла, чѣмъ дальше она проникаетъ во всѣ уголки, тѣмъ тише, тѣмъ спокойнѣе становится охваченная предсонной нѣгой земля.

Шума и гама этой дневной жизни уже давно нѣтъ: на смѣну имъ повсюду наступаетъ тишина и дремота съ золотыми мечтами и грезами, съ роемъ надеждъ и желаній. Міръ начинаетъ мечтать и дремать.

И вотъ, наконецъ, все, что еще копошилось, сопротивляясь дремотѣ и сну, вдругъ мертвенно смолкло. Изъ самыхъ высокихъ надзвѣздныхъ нѣдръ небеснаго океана въ порфирѣ, осыпанной миріадами блестокъ, стала тихо опускаться къ землѣ величественная царица безмолвія и сна—Ночь. Неслышной стопой прошла она по воздуху отъ края до края надъ міромъ, отрясая надъ нимъ свою

брильянтовую порфиру. Изъ складокъ этого чудеснаго одѣянія богини просыпались цѣлымъ дождемъ и упали на землю снотворныя росинки мака, а она сама, тихая, ласковая, стала опять подниматься, и тамъ, въ самыхъ верхнихъ слояхъ эфира, вдругъ широко распахнула надъ міромъ свою царственную ризу со всѣми миріадами горящихъ въ ней звѣздъ, и такъ и застыла, храня подъ этимъ волшебнымъ покровомъ тишину и покой глубоко заснувшей земли.

Но вдругъ, среди полнаго безмолвія ночи, откуда-то снизу, изъ этой таинственной тьмы хлынулъ цѣлый потокъ восхитительныхъ звуковъ: то залился и зарыдалъ своей чудной пѣснью любви неугомонный пѣвецъ — соловей.

Это въ саду у Кадія Даута-Хайруллы-Шарафетдина-оглу такъ громко поетъ соловей. Онъ каждую ночь прилетаетъ туда, чтобы пропѣть до зари свои сладкозвучныя пѣсни, потому что у Даута-Хайруллы цвѣтутъ самыя пышныя розы. Старикъ бережетъ и лелѣетъ ихъ, какъ свой глазъ: онъ ходитъ за ними, какъ за любимыми дѣтьми, и даже пчеламъ не позволяетъ садиться ни на одну изъ нихъ. А когда которая-нибудь изъ нихъ отцвѣтетъ и, поблекнувъ, станетъ осыпаться, старикъ бережно собираетъ всѣ до одного лепестки и сушитъ ихъ на плоской крышѣ своего дома на чистомъ бѣломъ холстѣ, чтобы потомъ, когда этихъ лепестковъ у него накопится нѣсколько мѣшковъ, отвезти ихъ въ Акъ-Мечеть (Симферополь) и продать. Тамъ ему за этотъ нѣжный, душистый товаръ даютъ хорошія деньги.

Старикъ-Кадій и самъ безбѣдно живетъ и многихъ, многихъ бѣдняковъ нерѣдко выручаетъ изъ тяжелой бѣды.

Упадетъ ли у бѣдной вдовы единственная корова, которая поила кормила ея малыхъ дѣтей; сгоритъ ли гдѣ-нибудь на самомъ краю Бахчисарая у какого-нибудь бѣдняка-сафьянщика его лачужка со всѣмъ запасомъ кожи, изъ которой онъ дѣлалъ желтый, зеленый и красный сафьянъ и этимъ кормилъ свою большую семью; покалѣчить ли дровосѣкъ себѣ въ лѣсу руку или ногу такъ, что на долгое время долженъ оставить работу, которой только и жилъ онъ самъ, его старая мать и больная сестра,—Даутъ - Хайрулла - Шарафетдинъ - оглу первый узнаетъ про это и первый спѣшитъ, сколько можетъ, облегчить злую бѣду и отогнать голодъ и холодъ отъ всякаго такого бѣдняка.

И никогда еще за всю его долгую жизнь ни одинъ изъ самыхъ близкихъ его сосѣдей и самыхъ близкихъ друзей не слыхалъ отъ него, кому, когда и сколько онъ далъ и помогъ. Недаромъ, когда онъ судитъ, а онъ часто судитъ, потому что онъ общій кадій, онъ всѣмъ и каждому наставительно повторяетъ:

— Когда тебѣ сдѣлаютъ даже самое ничтожное добро другіе, не говори, а греми объ этомъ добрѣ и о сдѣлавшемъ его всѣмъ и каждому, греми, подобно трубѣ громогласной, такъ, чтобы не только сидящій около тебя, но и всѣ сосѣди твои и сосѣди сосѣдей слышали и разсказали другимъ. Если же тебѣ самому придется сдѣлать кому-нибудь добро, то, хотя бы это добро было даже такъ велико, какъ та каменная гора около Мекки,—безмолвствуй о немъ, подобно могилѣ, которая одинаково безмолвна: тлѣютъ ли въ ней кости бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ, или покоится прахъ самаго могущественнаго изъ калифовъ. Вѣдь давно уже, раньше нашихъ дѣдовъ и пра-

дѣдовъ, было сказано, что корова, дающая мало молока, много мычитъ. Точно такъ же и голосистое горе не горе, потому что настоящее горе безъ голоса. И громкое добро не добро: развѣ же слышалъ кто-нибудь, какъ точитъ червь сердцевину красиваго яблока, или какъ проникаетъ солнечный лучъ, а съ нимъ свѣтъ и тепло, въ мрачную сырую темницу, гдѣ долго томится узникъ! Самъ Богъ всякаго добра святымъ языкомъ преславнаго Своего пророка Магомета сказалъ о бѣднякахъ, и эти божественныя слова такъ и начертаны въ книгѣ книгъ (Коранѣ) [1]: «Незнающій почтетъ ихъ по скромности ихъ богатыми. Ты узнаешь ихъ по ихъ признакамъ: они не просятъ докучливо. Что жертвуете изъ добра вашего, Богъ то знаетъ». Вѣдь всякое счастье и всякое бѣдствіе идутъ отъ Бога, Который Самъ открылъ это людямъ черезъ того же пророка. Въ неисчерпаемомъ колодцѣ всякой мудрости, Коранѣ, и про это говорится ясно. Тамъ сказано: «Скажи: все отъ Бога!» [2]).

И кадій первый строго выполнялъ то, въ чемъ наставлялъ судившихся у него. Онъ даже рѣдко самъ приносилъ помощь нуждавшимся, а поручалъ это обыкновенно своей любимой единственной дочери Абибе.

Удивительная дѣвушка эта Абибе: чуть только прогремятъ съ горъ свою лебединую пѣсню послѣдніе снѣговые ручьи, а деревья и степь начнутъ облекаться свѣтло-зеленымъ покровомъ весны, на плоской крышѣ дома кадія Даута-Хайруллы-Шарафетдина-оглу, окаймленной со всѣхъ сторонъ красивыми легкими перильцами, проходящіе по вечерамъ и ночью мимо видятъ всегда стройную фигуру

---

1) Коранъ, Сура 2 (корова), айетъ 274.

2) Коранъ, Сура 4 (жены), айетъ 8,

дѣвушки. Облокотившись на край перилъ, она неподвижно стоитъ тамъ часами, устремивъ задумчивый взоръ въ таинственную высь точно брильянтами убраннаго небеснаго свода.

Что дѣлаетъ она? Считаетъ ли эти привѣтливо мигающіе небесные фонарики, или шепчется съ ними, никто не знаетъ. Она выходитъ къ нимъ, какъ только они начнутъ сначала одинъ за другимъ, потомъ рой за роемъ вспыхивать и разгораться по всей необъятной глубинѣ этого чудесно голубого купола, и не разстается съ ними до тѣхъ поръ, пока свѣтило-царь не загаситъ всѣхъ ихъ своимъ ярко-розовымъ дыханіемъ утра.

А когда какая-нибудь изъ звѣздочекъ, не удержавшись въ высотѣ, вдругъ вспыхнѣтъ голубовато-краснымъ пламенемъ и покатится огненной лентой по небу, низвергаясь въ невѣдомую бездну, Абибе всякій разъ слегка вскрикиваетъ и, закрывъ лицо руками, начинаетъ что-то торопливо шептать.

За это, вѣроятно, всѣ сосѣди, и близкіе и дальніе, прозвали ее «подругой звѣздъ», а когда заходитъ рѣчь о старомъ кадіѣ, то и его очень часто въ бесѣдахъ не называютъ по имени, а говорятъ: «Отецъ подруги звѣздъ».

Пышно цвѣтутъ розы, которыми наполненъ садъ стараго кадія, но ни одна изъ нихъ по красотѣ и свѣжести не сравнится съ лучшей изъ всѣхъ этихъ розъ—Абибе; она бѣла, какъ самый бѣлый снѣгъ на горѣ, граціозна, какъ чуткая лѣсная лань, остановившаяся на уступѣ скалы, а когда идетъ черезъ садъ, точно лучъ серебристой луны не слышно скользитъ между листьевъ деревьевъ. А по добротѣ и скромности нѣтъ ей равной между всѣми дѣвушками Бахчисарая. Недаромъ же самъ главный мулла

самой большой мечети Бахчисарая—Джума-Джами,—родной братъ стараго кадія Даута, Файзулла-Пубинъ-Шарафетдинъ-эффенди, который никогда не говоритъ о женщинахъ, недавно такъ сказалъ въ кофейнѣ Мухаметжана-Чилиби:

— Мой братъ, кадій Даутъ, не тѣмъ богатъ, что у него полтора десятка сотенъ овецъ и что тотъ, кто обойдетъ кругомъ его виноградникъ въ жаркій день, навѣрно, захочетъ пить, потому что ему придется сдѣлать вдвое больше сотенъ шаговъ, а потому, что Богъ ему далъ великое богатство въ дочери. Такая дочь — завидная дочь. Не даромъ люди рѣдко слышатъ ея имя Абибе, а вмѣсто него часто прозваніе «подруга звѣздъ»: какъ звѣзда тихо сіяетъ среди ночи на небѣ, такъ и Абибе сіяетъ среди другихъ нашихъ дочерей своей красотой и кротостью. Не часто родителямъ бываетъ такое счастье на землѣ, и даже въ святой книгѣ, въ каждомъ словѣ которой мудрости больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ и песку на морскомъ берегу, сказано, что дѣти, какъ и другое имущество, только искушеніе [1]), что дѣтей слѣдуетъ остерегаться, потому что изъ нихъ враги наши [2]); что они наказаніе въ здѣшней земной жизни [3]) и что они только ея прикраса [4]). Поистинѣ великъ Богъ правовѣрныхъ, создавшій солнечный лучъ и тьму ночи, Царь всего, что было, что есть, что будетъ и чего не будетъ,—Богъ, обнимающій своимъ знаніемъ существо сердецъ и вѣсъ пылинки и располагающій сердца къ покорности,—Богъ, творящій и разрушаю-

---

[1]) Коранъ, Сура 8 (добыча), айетъ 28.

[2]) Ibidem, Сура 64 (взаимный обманъ), айетъ 24.

[3]) Ibidem, Сура 9 (покаяніе), айетъ 55—86.

[4]) Ibidem. Сура 28 (пещера), айетъ 44.

щій,—Богъ, повелитель ангельскихъ сонмовъ и грозный для тьмы темъ дьяволовъ! Онъ не далъ Дауту сына и другихъ дѣтей, но Онъ далъ Дауту сторицею больше другихъ. У кого есть такая дочь, какъ Абибе, тому не страшно никакое горе въ жизни, какъ не страшенъ даже самый сильный морозъ человѣку, сидящему около ярко пылающаго костра. Пусть живетъ Абибе, его радость и гордость, и пусть утѣшается старый кадій Даутъ, вскормленный въ дѣтствѣ тою же самою материнской грудью, какую сосалъ и я, его братъ, а вашъ мулла и сосѣдъ.

Старый кадій души не чаялъ въ своей дочери, но, конечно же, ничѣмъ этого не проявлялъ вовнѣ: онъ былъ слишкомъ мусульманинъ и слишкомъ серьезенъ, чтобы словомъ или жестомъ обнаруживать то или другое движеніе души.

— Только курица кричитъ на весь міръ о своихъ дѣлахъ,—говорилъ обыкновенно Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу:—чуть захочетъ снестись, весь дворъ знаетъ, а какъ только снеслась, на версту ни курамъ, ни людямъ покоя нѣтъ отъ этой ея радости. Курица—глупая птица!

Въ одномъ только проявлялась безмѣрная любовь отца къ дочери: она одна только обладала секретомъ заставить отца согласиться съ собой, и только ради нея одной старикъ отказывался отъ своего мнѣнія; другой силы и другого вліянія для Даута не существовало. Старый кадій славился столько же своей добротой, сколько и упрямствомъ, и заставить его отказаться отъ высказаннаго мнѣнія и согласиться съ противникомъ было окончательно невозможно: никакія доказательства и доводы въ подобныхъ случаяхъ не приводили рѣшительно ни къ чему.

— Ты слыхалъ, сосѣдъ, что я сказалъ, — отвѣчалъ

обыкновенно упрямецъ собесѣднику, надрывавшемуся въ стараніяхъ переубѣдить кадія, — значитъ, другого слова уже не услышишь: вѣдь языкъ мой не глупая кисточка на фесѣ; это она одна только болтается во всѣ стороны! Посмотри на море: волна въ немъ тоже всегда плыветъ къ берегу, и никто еще не видалъ, чтобы она повернула назадъ прежде, чѣмъ разобьется о камень, или ударится грудью о песокъ.

Всѣмъ давно была извѣстна эта черта стараго Даута, и всѣ давно уже привыкли даже не пытаться переубѣждать его въ чемъ-либо: старый дубъ не такъ крѣпко сидитъ въ землѣ на своихъ корняхъ, какъ старый Даутъ стоитъ на своемъ словѣ: того хоть буря свалить можетъ, а этого ничто не возьметъ. И только Абибе была всесильна: отъ одного взгляда ея большихъ, какъ двѣ лѣсныя фіалки, синихъ, и какъ онѣ же нѣжныхъ по выраженію глазъ разглаживались морщины на лицѣ кадія, и его настойчивость и упрямство испарялись подъ чарующей лаской этого взгляда такъ же незамѣтно и быстро, какъ испаряются серебристыя росинки съ цвѣточныхъ лепестковъ подъ лучами жаркаго солнца.

III.

Спугнутый соловей.

Долго и сладко пѣлъ соловей среди благоухавшей ароматомъ розъ ночной тишины въ саду кадія, а Абибе все продолжала стоять неподвижно, облокотившись о перила, на своей крышѣ.

Уже два раза горластые пѣтухи перебивали эту очаро-

вательно звонкую пѣсню любви; уже муллы на всѣхъ мечетяхъ города давно пропѣли послѣполунощное славословіе Творцу вселенной, и наступила глубокая предразсвѣтная тишина, при которой соловьиныя трели стали гремѣть еще полнѣе и звонче, а дѣвушка, очарованная этимъ волшебнымъ каскадомъ звуковъ, точно застыла на своемъ мѣстѣ, потонувъ задумчивымъ взоромъ въ бездонной глубинѣ звѣзднаго неба. Она забыла себя, раздвоилась: ея красивая стройная фигура съ откинутой съ лица на плечи чадрой осталась здѣсь, на землѣ, среди благоухающихъ розъ и этого моря звуковъ; ея мысль отдѣлилась отъ этого красиваго тѣла и витала высоко-высоко надъ землей въ безбрежномъ просторѣ, повсюду дрожавшемъ тихимъ мерцаніемъ звѣздъ и безъ конца необъятномъ.

Она перебѣгала взоромъ отъ звѣзды къ звѣздѣ, она ласкала и голубила каждую изъ нихъ, она говорила мыслью съ каждой изъ нихъ, и съ каждой все о другомъ и о другомъ, потому что знала каждую отдѣльно, съ каждой отдѣльно дружила и для многихъ изъ нихъ даже имѣла особыя имена.

Многіе и многіе рои этихъ ея горѣвшихъ тихимъ свѣтомъ золотыхъ подругъ пришли невѣдомо откуда, прошли по всему необъятно глубокому воздушному океану и такъ же, невѣдомо куда, ушли. И всѣхъ ихъ радостно привѣтствовала одинокая подруга земли и всѣхъ проводила до самаго края горизонта, за которымъ скрылись эти для всѣхъ безмолвные и невѣдомые, но для Абибе родные и много и хорошо говорящіе глазочки неба.

А ея земной другъ—соловей, ни на секунду не смолкая, все продолжалъ безъ конца чудно рыдать, точно скорбѣлъ, что дѣвушка не слышитъ его.

Но она его вдругъ услыхала, но услыхала не въ то время, пока лилась его громкая пѣсня, а въ тотъ моментъ, когда эта пѣсня вдругъ неожиданно смолкла и вслѣдъ затѣмъ тихій, отрывистый шелестъ листьевъ на самомъ высокомъ и самомъ близкомъ къ дому деревѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, показалъ, что пѣвецъ сейчасъ улетѣлъ.

Стремительно оборвался этотъ долго не смолкавшій каскадъ звуковъ, и такъ же стремительно спустились мысль и чувства дѣвушки съ высокаго звѣзднаго далека на землю.

Она очнулась.

И въ тотъ же моментъ она замѣтила, что на востокѣ уже шевельнулась и чуть-чуть задымилась серебряными струйками недлинная, бѣлесоватая полоска — первая вѣстница хотя еще далекаго, но уже наступающаго разсвѣта.

А вслѣдъ затѣмъ съ того же самаго дерева, откуда только что неслась очаровательная трель соловья, до Абибе донесся чей-то какъ дыханіе тихій, но отчетливо внятный шопотъ:

— Звѣзда моей души, Абибе, ты все еще не спишь?

Дѣвушка чуть замѣтно вздрогнула, но осталась неподвижно безмолвной. А шопотъ раздался опять:

— «Цвѣты растутъ въ твоемъ саду; между ними порхаетъ соловей»[1]), но нѣтъ ни здѣсь и нигдѣ подъ луной другого цвѣтка, пышнѣе и ароматнѣе тебя, цвѣтокъ цвѣтковъ, какъ не было еще и нѣтъ на землѣ птички, красивѣе и сладкозвучнѣе, чѣмъ ты, порхающая у самаго престола Творца, райская птичка!.. Ахъ, если бы каждый

[1]) Такъ именно начинается одна простонародная татарская пѣсня.

вздохъ моей души, который я днемъ и ночью посылаю къ тебѣ, лучшая мечта моихъ думъ, могъ обратиться въ маленькое серебристое облачко, ты была бы окутана цѣлымъ роемъ облаковъ, какъ лучезарное солнце на утреннемъ небѣ, и унесли бы они тебя, не для земли созданную, туда, въ надзвѣздныя высоты нѣжно-голубыхъ обителей рая, гдѣ, кромѣ красоты и любви, нѣтъ ничего, гдѣ вѣчное солнце, гдѣ вѣчное счастье!.. Отчего же ты молчишь, подруга тѣхъ самыхъ звѣздъ, которыя до тѣхъ поръ только красивы, пока тебя нѣтъ, и кроткій блескъ которыхъ не больше, какъ тусклая ржавчина на старомъ желѣзѣ по сравненію съ блескомъ двухъ драгоцѣнныхъ алмазовъ, что горятъ и сверкаютъ на твоемъ какъ у ангела кроткомъ челѣ подъ тѣнью какъ ночь темныхъ бровей! Скажи же слово, хотя одно только слово, звѣзда! Вѣдь пока ты молчишь, то хотя бы громы гремѣли и вихри оглушали вселенную своимъ неистовымъ свистомъ, міръ для меня одинаково безмолвно пустыненъ!..

— Я слушаю, Темиръ-Булатъ, какъ на кончикѣ твоего языка поетъ соловей,—прошептала дѣвушка.—Я не хочу мѣшать ему, потому что онъ поетъ сладко. Онъ поетъ нѣжнѣе и слаще, чѣмъ тотъ соловей, что сейчасъ улетѣлъ отсюда, спугнутый тобою, потому что звуки пѣсни того соловья дрожали въ моихъ ушахъ, а отъ сладостныхъ трелей этого дрожитъ и трепещетъ, какъ тонкая серебристая нить паутины при дуновеніи вѣтерка, мое счастливое сердце...

— Твою ли я слышу рѣчь, подруга звѣздъ?! Ты ли это говоришь, или, быть можетъ, злая гулеха приняла твой видъ и потопила въ блаженствѣ мое сердце такими словами для того только, чтобы заставить меня потомъ

утопиться отъ горя, когда я узнаю, что отравленную ядомъ рѣчь вѣдьмы принялъ за твое слово, самое лучшее изъ того, что сотворено милосерднымъ Аллахомъ на всѣхъ семи земляхъ?..

— Это я такъ сказала, Темиръ-Булатъ,—подтвердила дѣвушка,—потому что я такъ и думала, какъ говорила. Хорошее ли я слово сказала, не знаю, но это слово скатилось съ моего языка такимъ же, какимъ оно лежало у меня на сердцѣ: изъ отверстія фонтана течетъ свѣтлая струя, и она та самая, которая покоилась въ темной глубинѣ подземнаго родника.

— Абибе! Свѣтлая мечта! Сіяющій изумрудъ! Если бы знала ты, сколько блаженства приноситъ мнѣ каждое твое такое слово! Точно чудесный ароматный бальзамъ проливается на зіяющую рану моего сердца! Какъ я не упалъ отъ счастья съ дерева, на которомъ сижу?! Если бы я сейчасъ умеръ, чтобы войти въ рай, я тамъ, въ самомъ раю, скрежеталъ бы зубами отъ горя, что я уже пережилъ этотъ счастливый мигъ, пока я слушалъ тебя. Вѣдь это первый разъ, когда мое ухо услышало неземную музыку твоего голоса. Не разъ съ тѣхъ поръ, какъ я прихожу сюда на это дерево, чтобы вылить тебѣ всю свою огнемъ пламенѣющую душу, пока ты молча смотришь на своихъ небесныхъ сестеръ, я, какъ голодный курбетъ о кускѣ хлѣба, молилъ тебя сказать мнѣ въ отвѣтъ хоть одно, только одно какое-нибудь слово, но ты всегда была безмолвна, какъ та старая развалившаяся мечеть ночью, что стоитъ за вашимъ садомъ. И я снова уносилъ адъ въ своемъ сердцѣ и онъ снова жегъ меня жестокимъ огнемъ тоски. Сейчасъ же твое привѣтливое слово влилось въ мою тоскующую душу такъ же благо-

творно, какъ вливается холодная хрустальная вода фонтана въ пересохшія и пылающія уста измученнаго зноемъ и жаждой путника! Теперь я уже могу умереть, потому что я пережилъ на этой землѣ самое большое счастье, какое только благостью милосерднаго Аллаха и его благословеннаго пророка Магомета можетъ быть дано здѣсь въ удѣлъ человѣку: я услышалъ твой голосъ, говорившій мнѣ слова ласки и привѣта!..

— Когда солнце сразу сверкнетъ въ глаза человѣку, который передъ этимъ долго сидѣлъ въ темнотѣ, онъ слѣпнетъ, прошептала едва слышно дѣвушка, наклоняясь все ниже и ниже надъ перилами крыши, у которыхъ стояла облокотившись.- -И я, которая до сихъ поръ никогда еще въ жизни не говорила съ мужчиной, кромѣ своего стараго отца и дяди-муллы да нѣсколькихъ убитыхъ горемъ бѣдняковъ, къ которымъ меня иногда посылалъ отецъ, я была оглушена твоими сладкими рѣчами, джигитъ! Я не могла тебѣ ничего отвѣчать, потому что языкъ мой былъ нѣмъ и недвижимъ, какъ отдавленная колесомъ арбы лапа у гуся. Вотъ почему я такъ долго молчала и только слушала твои сладкія, какъ сокъ цвѣточковъ на тѣхъ колючихъ кустахъ, рѣчи. Теперь я уже привыкла къ нимъ и могу отвѣчать тебѣ такъ, какъ подсказываетъ мнѣ мое сердце.

— Такъ скажи же мнѣ, моя джанечка, — продолжалъ Темиръ-Булатъ задыхающимся отъ волненія шопотомъ,— поскорѣе, пока еще только серебрящаяся заря не разогнала мрака ночи (заря моего счастья, вспыхнувшая при первомъ звукѣ твоего голоса, уже успѣла засіять какъ свѣтлое солнце!..) и я еще нѣсколько минутъ могу оставаться здѣсь, позволишь ли ты мнѣ послать свою старую

мать къ отцу подруги звѣздъ, кадію, съ поклономъ, чтобы онъ разсудилъ судьбу всей моей остальной жизни, сколько ея еще осталось до тѣхъ поръ, пока вѣдающій правду Аллахъ повелитъ мнѣ войти по ту или по сю сторону завѣсы, отдѣляющей обитателей рая отъ жителей ада! [1]).

— Зачѣмъ ты спрашиваешь меня про это, джигитъ?

— Потому что хочу знать правду твоего сердца.

— Ты моего отвѣта на это слово не услышишь.

— Отчего не услышу?

— Потому что нитка не спрашиваетъ иголку, куда ей идти, а покорно идетъ туда, куда направляетъ иголку рука шьющей ею женщины.

— Нѣтъ, Абибе, и нитка не всегда слѣдуетъ за иголкой: и она вѣдь часто обрывается.

— Не оборвется, если на ней не случится узелка,— полушутливо, полусерьезно возразила Абибе.

— Такъ я тебя про это и спрашиваю! — воскликнулъ сколько могъ громко, продолжая говорить шопотомъ, Темиръ-Булатъ и продолжалъ:—Умоляю тебя, райская дѣвушка, чтобы ты однимъ словомъ своимъ не обратила благоухающаго теперь розами счастья цвѣтника моей души въ сожженную пекломъ не слыханныхъ страданій пустыню, чтобы ты, забытый на землѣ солнцемъ свѣтлый радостный лучъ, этимъ однимъ словомъ не завязала навсегда узла въ самомъ началѣ нити моего земного блаженства и не заставила и самую жизнь мою оборваться вмѣстѣ съ этою, какъ паутина тонкою и какъ первый лепестокъ розы нѣжною, нитью. Скажи же, еще разъ спрашиваю тебя, желаешь ли ты свиданія нашихъ старыхъ

---

[1]) Коранъ. Сура 7 (преграды) айетъ 44.

родителей и бесѣды ихъ о томъ, о чемъ по закону Магомета родители наши могутъ говорить, а мы только мечтать?

— Одна половина моего сердца радостно бьется при мысли объ этой бесѣдѣ, другая сжимается и горюетъ,— прошептала задумчиво Абибе.

— Что же страшитъ и заставляетъ горевать вторую половину твоего сердца?

— Разлука съ моимъ отцомъ.

— Но ты вѣдь не уйдешь далеко. Ты останешься здѣсь же, въ Бахчисараѣ, только будешь жить не подъ этой крышей, а тамъ, за рѣкой; но изъ того дома крыша дома твоего отца видна.

— А подъ его крышей все же меня не будетъ уже,— шептала печально дѣвушка.—Что въ томъ человѣку, что близко отъ него, всего за стѣной дома, во дворѣ, сіяетъ яркое солнце, если въ домѣ его вмѣсто рѣшетокъ въ окнахъ вставлены каменныя доски, а внутри царитъ вѣчный мракъ? А безъ меня въ домѣ моего отца для него будетъ всегда темнота.

— Ты его долго не оставишь, Абибе. По нашему закону дѣвушка и выйдя замужъ остается нѣкоторое время въ домѣ своихъ родителей. Ты останешься столько, сколько сама захочешь.

Абибе задумалась.

— Молодая остается въ домѣ родителей только одну зиму и одно лѣто,—сказала она черезъ минуту.—Вѣдь и дочь дяди моего, муллы-эфенди, столько же прожила у своихъ родителей послѣ свадьбы.

— Ты останешься, если захочешь, три зимы и три лѣта.

Абибе опять смолкла, устремивъ взоръ на небо, которое постепенно уже начинало блѣднѣть.

Темиръ-Булатъ долго ожидалъ, чтобы она опять заговорила.

— Это правда, — прошептала она, наконецъ, скорѣе обращаясь къ себѣ самой, чѣмъ къ собесѣднику.—И вы всѣ уходите куда-то... Вѣдь ни одна изъ васъ не остается цѣлую ночь на небѣ... Которая раньше пришла, та раньше другихъ и уйдетъ... А когда уходите, не тоскуете, потому что на краю неба горите еще яснѣе и ярче, чѣмъ тамъ, наверху...

— Про кого это ты говоришь, дѣвушка? Ухо мое слышитъ каждое слово, которое шепчутъ твои губы, но смыслъ этихъ словъ для меня такъ же мало понятенъ, какъ открытая книга для грудного ребенка или для слѣпца.

— Я спрашивала совѣта, какъ мнѣ отвѣтить тебѣ, у звѣздъ и про нихъ говорю.

— Что же тебѣ звѣзды сказали? Онѣ вѣдь твои подруги, и ты умѣешь говорить съ ними.

— Онѣ въ отвѣтъ мнѣ не потемнѣли. Напротивъ, онѣ блеснули мнѣ голубыми и красными лучами, а потомъ зазолотились еще яснѣе. Это онѣ улыбнулись мнѣ.

Темиръ-Булатъ изумленно слушалъ дѣвушку.

— А крайняя изъ семи высокихъ сестеръ, которая пониже всѣхъ другихъ (ее зовутъ «голубымъ глазкомъ», потому что она чаще другихъ бываетъ похожа на бирюзу, но только прозрачную, горящую), слегка зарумянилась, а потомъ сейчасъ и она привѣтливо мигнула мнѣ своимъ золотымъ глазочкомъ.

— Разскажи же мнѣ понятно эти звѣздныя рѣчи, ко-

торыя ты слушаешь глазами. Я такъ слушать не умѣю, да если бы и умѣлъ, такъ теперь ничего не слыхалъ бы, потому что я, какъ слѣпой: меня ослѣпила своимъ блескомъ ты, моя свѣтлая, какъ солнце, земная звѣзда, которая горитъ много-много ярче, чѣмъ всѣ звѣзды, сколько ихъ только есть на всѣхъ семи небесахъ.

— Онѣ говорятъ: «Вѣдь и мы уходимъ отсюда туда». Куда онѣ уходятъ,—я не знаю. «И мы,—говорятъ онѣ,— разстаемся со своимъ роднымъ сводомъ. Ни одна изъ насъ не живетъ на немъ цѣлую ночь». Онѣ говорятъ: «Пусть Темиръ-Булатъ сдѣлаетъ такъ, какъ говоритъ ему его сердце, потому что въ сердцѣ его живетъ правда».

— Поистинѣ великъ Аллахъ, создавшій и звѣзды! — воскликнулъ пораженный словами Абибе Темиръ-Булатъ.— Онъ одинъ только всевѣдущъ! Для него глубина сердца такъ же ясна, какъ пшеничное зерно для глазъ человѣка, держащаго его на ладони! Это самъ сердцевѣдецъ-Аллахъ лучами своихъ звѣздъ говорилъ съ тобой, дѣвушка, и подсказалъ, что мнѣ отвѣтить. Да будетъ же прославлено его лучезарное имя! Теперь прощай, душа моей жизни и свѣтъ моихъ очей! Скоро уже твой дядя, большой мулла, запоетъ утреннюю славу пророку на минаретѣ древней «Джума-Джами» [1]), и ему, какъ пѣтухи на крикъ самаго ранняго, откликнутся муллы съ остальныхъ тридцати четырехъ минаретовъ. Тогда уже мнѣ не выйти не замѣченнымъ изъ этого сада, который для меня лучше рая, потому что въ немъ живешь ты, самое драгоцѣнное сокровище подъ луной, а въ раю вѣдь тебя еще нѣтъ.

---

[1]) „Джума-Джами"—самая значительная и богатая изъ всѣхъ 35 мечетей Бахчисарая. Она построена въ 1737—43 гг. ханомъ Селяметъ-Гиремъ.

На этихъ дняхъ моя старая мать придетъ къ твоему отцу и станетъ говорить съ нимъ не о болѣзни своей коровы и не о томъ, какъ и чѣмъ лучше красить сафьянъ, чтобы онъ никогда не мѣнялъ цвѣта, а совсѣмъ о другомъ, и пусть самъ царь жизни и смерти и владыка всякаго счастья—Аллахъ, по молитвѣ заступника всѣхъ правовѣрныхъ пророка Магомета, умудритъ еще болѣе ихъ сѣдыя головы и сольетъ ихъ рѣчи воедино такъ, какъ два горныхъ ручья сливаются подъ горой въ одну свѣтлую и глубокую рѣку! Смотри, какъ мало уже остается на небѣ твоихъ свѣтлыхъ подругъ, которыхъ всѣхъ ты краше во сто разъ: для всѣхъ остальныхъ людей уже близокъ день, а для меня — непроглядная ночь, потому что днемъ я не увижу тебя и не услышу твоего голоса. Прощай же, лучшій цвѣтокъ всего міра! Благоухающій образъ твой я уношу въ сердцѣ своемъ! Золотыя звѣзды рѣшили мою судьбу! Это онѣ отдаютъ мнѣ лучшую изъ нихъ, тебя, свѣтлая звѣзда моей жизни! Пусть же Аллахъ, давшій мнѣ счастье слушать твой голосъ, сохранитъ тебя отъ всякой бѣды! Тѣло и тоску я унесу съ собой, а мое сердце и мои лучшія мечты останутся здѣсь, около тебя, самое счастливое блаженство всѣхъ моихъ мечтаній! Прощай!..

— Иди, джигитъ, въ добрый часъ, и пусть самъ Аллахъ направитъ тебя на тотъ путь, который будетъ самымъ счастливымъ,—прошептала въ отвѣтъ ему Абибе въ тотъ моментъ, когда уже шорохъ подъ деревомъ и шелестъ розовыхъ кустовъ показали, что Темиръ-Булатъ уходитъ.

Абибе еще нѣкоторое время постояла на крышѣ, провожая глазами послѣднія угасавшія на небѣ звѣздочки, и затѣмъ задумчиво спустилась внутрь дома.

Позже старый кадій Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу нѣсколько разъ заходилъ на ея половину и заботливо посматривалъ на свою дочь, которая крѣпко спала сегодня гораздо дольше обыкновеннаго.

— Спи, дитя, спи,—нѣжно шепталъ онъ.—Кто спитъ, тотъ свободенъ отъ заботъ и горя. Сонъ—счастье. Спи дитя, спи...

IV

На террасѣ кофейни Мухаметжана-Чилиби.

Въ кофейнѣ Мухаметжана-Чилиби, стоявшей рядомъ съ большою мечетью Джума-Джами, было особенно людно. Не только вся обширная наружная терраса на улицу, но и весьма просторная внутренняя комната этого общественнаго учрежденія Бахчисарая были сплошь заняты посѣтителями, такъ что когда туда же вошелъ мулла Файзулла-Нубинъ-эфенди, то ему пришлось въ нерѣшительности остановиться у самаго порога, ища глазами свободнаго и достаточно почетнаго для себя мѣстечка.

Ему, впрочемъ, помогъ надлежащимъ образомъ помѣстить себя самъ хозяинъ кофейни, толстый и важный Мухаметжанъ-Чилиби, который вообще считалъ и себя въ кофейнѣ гостемъ, не только не обязаннымъ ухаживать за посѣтителями, а, напротивъ, требовавшимъ отъ слугъ кофейни и отъ другихъ гостей, кто попроще, знаковъ особенной внимательности и предупредительныхъ заботъ о своей персонѣ. Но почтенная духовная особа главнаго муллы кафедральной мечети была такова, что не сдѣлать исключенія даже для нея не значило бы—сохранить, а

прямо унизить свое достоинство, показавъ тѣмъ самымъ совершенное невѣжество въ тонкостяхъ весьма строгаго въ такихъ случаяхъ восточнаго этикета.

Хозяинъ поэтому поспѣшилъ удобно усадить почтеннаго гостя на терассѣ у самыхъ перилъ, на спеціально для него поданномъ болѣе мягкомъ чѣмъ у другихъ тюфячкѣ изъ дорогой ковровой матеріи и самъ придвинулъ къ нему маленькій восьмиугольный табуретъ-столикъ, богато обложенный перламутровыми украшеніями и, почтительно поклонившись ему съ приложенными накрестъ къ груди обѣими руками, произнесъ:

— Весь свѣтъ хорошо знаетъ, почтенный мулла-эфенди, что ты — самый достойный изъ муллъ; но и всякій человѣкъ смѣло можетъ упрекнуть тебя въ расточительности, потому что,— и это сущая правда, — ты — расточитель.

— Ты, ага, вѣрно, забылъ, что говоритъ Книга книгъ о расточителяхъ, потому что, если бы вспомнилъ, ты не сказалъ бы мнѣ этого,—произнесъ важно, но безъ малѣйшей обиды въ голосѣ, мулла: онъ хорошо зналъ, что рѣчь свою понимающій толкъ въ правилахъ приличія Мухаметжанъ-Чилиби ведетъ не къ обидѣ, а къ восхваленію его.—Я хорошо помню, — продолжалъ онъ, — что если «скупыхъ не любитъ Богъ [1])»,—таково святое слово Корана,—то и къ расточителямъ создавшій эту святую книгу угодникъ Божій пророкъ Магометъ не былъ милостивъ, потому что о нихъ онъ сказалъ такъ: «Истинно, расточительные—братья сатанѣ: сатана былъ неблагодаренъ къ Господу своему [2])».

---

1) Коранъ, Сура 4 (жены), айетъ 40—41.
2) Ibidem, С 17 (сыны Израилевы), айетъ 29.

— Тогда прости меня, достойный эфенди, за это мое необдуманное слово, но ты,—я долженъ повторить его,—дважды расточитель,—снова произнесъ со смиренной настойчивостью хозяинъ.

— Что же я расточилъ, ага, и не однажды, а дважды?—заинтересовался гость.

— Ты расточилъ главныя свои богатства: ласку и мудрость,—продолжалъ обвинитель.

— Слышу твою рѣчь, ага, и, кажется, хорошо слышу, а все равно, что не слышу, потому что не понимаю твоихъ словъ: точно мы говоримъ не по-татарски. Вѣрно, уже я совсѣмъ сталъ старъ, и голова моя стала походить на пустыя капаклы [1]),—произнесъ тоскливо хитрый политикъ, прикинувшійся несообразительнымъ, очевидно, для того только, чтобы вызвать говорившаго на дальнѣйшія объясненія.

— Первое, что ты расточаешь,—свою ласку, удостоивъ мою жалкую кофейню и насъ всѣхъ, сидящихъ здѣсь, своимъ посѣщеніемъ... Правильно ли я говорилъ, сосѣди?—обратился онъ къ присутствующимъ.

Все общество, передъ этимъ сидѣвшее почти безмолвно, а теперь внимательно слѣдившее за ходомъ этого состязательнаго ритуала миндальностей между муллой и хозяиномъ, поспѣшило, каждый по своему, выразить свою полную солидарность съ льстецомъ Мухаметжаномъ-Чилиби: нѣсколько человѣкъ мотнуло головами; кое-кто сдѣлалъ движеніе всѣмъ корпусомъ въ сторону говорившаго; другіе выразили свое одобреніе тѣмъ, что очень сильно затянулись изъ своихъ трубокъ; а нѣкоторые, пившіе

[1]) Капаклы—большая деревянная двухстворчатая чашка, плотно закрывающаяся, въ которую татары берутъ пищу въ дорогу.

кофе и только что передъ этимъ сдѣлавшіе по глотку этого любимаго напитка, проявили свое несомнѣнное удовольствіе по поводу послѣднихъ словъ Мухаметжана-Чилиби особенно выразительно: они громко и одобрительно рыгнули [1]).

— Аффетъ-олсунъ!—съ благодарностью произнесъ хозяинъ, поклонившись въ сторону такъ утонченно ясно выразившихъ одобреніе его словамъ гостей и продолжалъ:

— А второе ты расточилъ — мудрость, тѣмъ, что напоилъ меня и всѣхъ, здѣсь сидящихъ, напиткомъ свѣта и разума, почерпнувши его изъ колодца мудрости—святого Алкорана, драгоцѣнные листы котораго хранятся на доскѣ въ священномъ Михрабѣ въ Джума-Джами [2]), а начертанное въ немъ покоится все цѣликомъ въ неизмѣримыхъ глубинахъ твоего ума, эфенди... И какъ хватило у тебя, почитаемый всѣмъ свѣтомъ мулла, духу назвать таинственное вмѣстилище этого глубокаго ума, твою мудрую голову, капаклами?! Вѣдь никакія капаклы, если бы даже онѣ были сдѣланы изъ слоновой кости или выточены изъ цѣльнаго изумруда, не достойны были бы вмѣстить въ себѣ одну щепотку перхоти съ той самой твоей головы, въ которой незримо насыпаны алмазныя горы премудрости Алкорана! А у тебя ли нѣтъ перхоти, ко-

[1]) Отрыжка и притомъ выразительно громкая—своеобразная форма выраженія довольства у татаръ: гость по правиламъ татарскаго этикета, послѣ угощенія, желая показать хозяину, что онъ дѣйствительно сытъ и доволенъ,—долженъ обязательно громко рыгнуть, на что благодарный за эту деликатность хозяинъ почтительно произноситъ: „Ашъ-олсунъ!“—если это случилось послѣ ѣды и „Аффетъ-олсунъ!“ — если душа гостя проявила себя въ этомъ звукѣ послѣ питья.

[2]) Михрабъ—главная ниша въ мечети, обращенная въ Меккѣ, гдѣ постоянно лежитъ на доскѣ Коранъ.

торая, какъ вѣдомо всѣмъ, есть пепелъ ума? Ты самъ теперь понимаешь, что, будучи святымъ человѣкомъ, ты совершилъ сейчасъ несправедливость насчетъ своей головы, а несправедливость — кажется, и объ этомъ говорится въ Коранѣ (тебѣ лучше знать!), — есть не малый грѣхъ, и за этотъ грѣхъ за все воздающій людямъ по дѣламъ ихъ Аллахъ накажетъ тебя тѣмъ, что на одинъ день позже призоветъ тебя съ грѣшной земли въ рай, обитель праведныхъ, гдѣ уже въ самый моментъ рожденія твоего для тебя было уготовано архангеломъ Гавріиломъ по велѣнію святого пророка Магомета почетное ложе.—Прости же меня, добрый расточитель и святой грѣшникъ, за мое дерзкое слово и прикажи, чтобы я самъ удостоился принести и поставить передъ тобой самую лучшую чашку самаго густого и самаго душистаго кофе, — закончилъ свою рѣчь умный дипломатъ Мухаметжанъ-Чилиби.

Хрипѣніе чубуковъ, клубы табачнаго дыма, раскачиваніе головъ и цѣлый хоръ отрыжекъ, сопровождавшіе окончаніе рѣчи хозяина, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Мухаметжанъ-Чилиби знаетъ толкъ въ обращеніи съ людьми почтенными и въ томъ, какъ надо разговаривать съ ними.

Рѣчь его такъ понравилась всему обществу, что нѣкоторые изъ сидѣвшихъ въ кофейнѣ не ограничились даже одними только символическими выраженіями своего одобренія, а присовокупили еще и нѣсколько замѣчаній.

— Кто такъ умѣетъ говорить, у того языкъ не заржавѣетъ, какъ желѣзный шкворень на старой арбѣ, — глубокомысленно замѣтилъ одинъ.

— У Мухаметжана-Чилиби—не только животъ боль-

шой: у него и въ головѣ кое-что есть! — говорилось въ то же время на другомъ концѣ террасы.

— Ты не знаешь, сосѣдъ,—спрашивалъ кто-то игравшій въ шапки своего партнера,—на какомъ точилѣ Чилиби точилъ свой языкъ?.. Хорошо брѣетъ!

— Эшекъ такъ не скажетъ... Нѣтъ!.. Даже и сотня ословъ, если бы умѣла говорить, не придумала бы и четверти того, что наговорилъ Чилиби,—догадался замѣтить своему собесѣднику старый сукаджи [1]) Салыкъ-Зальбухаръ, развозившій по утрамъ воду на такомъ же старомъ, какъ и онъ самъ, ослѣ.

— А я думаю, что и пять сотенъ ословъ, если даже къ нимъ прибавить и насъ съ тобой, сосѣдъ, пожалуй не придумали бы сказать и десятой части того, что онъ сказалъ,—поправилъ его собесѣдникъ.

— Твоя правда, сосѣдъ; пожалуй, что и не придумали бы,—согласился тотъ.

— Машалла, Мухаметжанъ-Чилиби, машалла [2]),—одобрительно произнесъ сидѣвшій около муллы сборщикъ податей.

Теперь пришелъ чередъ и для Файзуллы-Нубина-Шарафетдина-эфенди не ударить лицомъ въ грязь, и онъ, какъ оказалось, съ честью вышелъ изъ этого состязанія.

— Я тебѣ на это скажу, почтенный ага, что самый лучшій медъ добрый хозяинъ вливаетъ въ самую крѣпкую и надежную бутыль, а самый душистый шербетъ — въ самую толстую и большую тыкву, потому что у большой пузатой тыквы и стѣнки и горлышко прочнѣе, чѣмъ у малой и плоской... Поистинѣ Аллахъ премудръ: не нужно

[1]) Сукаджи—водовозъ.
[2]) Молодецъ, Мухаметжанъ-Чилиби, молодецъ.

слушать твоихъ рѣчей, — довольно не быть слѣпымъ на оба глаза, чтобы безошибочно узнать, что въ головѣ твоей налиты не помои, а въ сердцѣ не змѣиный и не тарантулій ядъ... Посмотри: здѣсь много сидитъ умныхъ людей, а ни одного нѣтъ такого большого ростомъ и такого толстаго тѣломъ, такъ ты! Если всѣ сидящіе здѣсь — тыквы, то ты—самая большая тыква, и если рѣчь—шербетъ, то твоя рѣчь—самый сладкій и самый душистый шербетъ! Лучше тому, кто пьетъ изъ большой тыквы, и хуже тому, кто пьетъ изъ малой. Ты напоилъ меня своимъ драгоцѣннымъ напиткомъ, и мнѣ теперь хорошо, очень хорошо. Я ощущалъ великую сладость, и всѣмъ другимъ, хотя они и не пили этого напитка, потому что ты ко мнѣ велъ свою умную рѣчь, а не къ нимъ, — все же таки было очень пріятно: благородный ароматъ шербета, который вкушалъ я, доносился и до нихъ и пріятно щекоталъ и ихъ носы... Ты, Мухаметжанъ-Чилиби, гостепріимный человѣкъ, умный человѣкъ и почтенный человѣкъ, и я радъ, что твоя кофейня и твой домъ стоятъ около моей мечети, и ты самъ—моего прихода, потому что почетно быть пастыремъ и духовнымъ главой почетнаго! Радуйся, ага, и жирѣй во славу Аллаха! жиръ лучше и дороже мяса и костей, потому что жиръ ѣдятъ богачи, сухое мясо—бѣдняки, а кости—собаки.

Красное лоснящееся лицо толстяка хозяина сіяло отъ счастья. Онъ то и дѣло кланялся восхвалявшему его муллѣ, а украдкой съ самодовольной гордостью поглядывалъ на сидѣвшаго тутъ же рядомъ съ муллой сборщика податей, весьма поджараго и низкорослаго Абдуллъ-Жаббара-оглу, съ которымъ онъ велъ постоянные мѣстническіе споры и по отношенію къ которому онъ теперь, благо-

даря своей тучности и словамъ такого авторитетнаго человѣка, какъ самъ главный мулла,—получалъ несомнѣнное старшинство и преимущество.

— Ты снова, мулла-эфенди, расточаешь свою ласку, и я боюсь, чтобы ты, при всемъ твоемъ богатствѣ этимъ добромъ, не сталъ бѣднякомъ, — говорилъ онъ почтительно.

— Я не боюсь бѣдности, — успокоилъ его мулла. — Вѣдь и всѣ святые были круглые бѣдняки; да притомъ, имѣя такого богача-сосѣда, какъ ты, Мухаметжанъ-ага, я всегда буду имѣть, у кого взять взаймы.

— Прикажи же мнѣ, ласковый мулла-эфенди, подать тебѣ кофе. Едва прихлебнувъ изъ чашки, ты уже не пожалѣешь объ этомъ приказаніи: такой кофе и самъ великій визирь въ Стамбулѣ пьетъ не каждый день, а если случается выпить такого, то развѣ только во время Байрама.

— Прикажи, сдѣлай милость, подать мнѣ и этого кофе, если уже и въ самомъ дѣлѣ мнѣ суждено пережить сегодня столько пріятностей. Но я впередъ говорю тебѣ, ага: какъ бы крѣпокъ, душистъ и густъ ни былъ этотъ кофе, онъ, навѣрно, будетъ не лучше твоихъ словъ, которыми, какъ драгоцѣннымъ напиткомъ, ты уже напоилъ меня.

— Я говорилъ одну правду, — скромно замѣтилъ хозяинъ.

— А развѣ же правда не самый лучшій напитокъ? Правда лучше самаго густого кофе, самаго душистаго шербета и самой старой и крѣпкой бузы! — патетически воскликнулъ служитель Джума-Джами и продолжалъ: — Ты даже наказаніе придумалъ для меня такое, которое

не хуже милости и награды.—Ты сказалъ, что меня Аллахъ накажетъ тѣмъ, что однимъ днемъ позже позволитъ переселиться съ этой земли въ обитель седьмого неба... Ну, что жъ?! Пусть свершится по твоимъ словамъ такая Его праведная воля: рай не уйдетъ, потому что онъ предназначенъ для всѣхъ муллъ, а лишній день здѣсь, на этой землѣ, гдѣ также есть кое-что пріятное, начиная отъ твоего превосходнаго кофе и той трубки, которую ты, навѣрно, будешь ласковъ приказать улану набить и подать мнѣ, пожалуй, и не горе вовсе, а скорѣе радость. Никто не станетъ горевать, если надъ нимъ мулла прочтетъ разрѣшительный Мулькъ [1]) на одинъ день позже. А что это вѣрно, не нужно быть большимъ мудрецомъ, чтобы понять, потому что то же самое сказала бы и самая глупая корова, если бы только Аллахъ, послѣ того какъ увидѣлъ, что дѣлаютъ со своими языками женщины, не пожалѣлъ бѣдныхъ людей и по великой своей милости къ нимъ не лишилъ ея рѣчи.

Хозяинъ подозвалъ къ себѣ одного изъ прислуживавшихъ въ кофейнѣ и, отдавъ ему вполголоса соотвѣтствующее приказаніе, обратился опять къ муллѣ:

— Трубку тебѣ подадутъ сейчасъ, мулла-эфенди, а кофе,—будь милостивъ, потерпи немного, пока приготовятъ. Не сердись, ради Аллаха: тебѣ придется подождать не дольше того времени, сколько нужно для того, чтобы напоить пару воловъ.

Скоро то и другое было подано, и мулла, прихлебывая изъ чашки, въ которой было гораздо больше для ѣды, чѣмъ для питья, потому что кофе этотъ былъ одна

[1]) Мулькъ—это 67 сура Корана (царство), читаемая муллой надъ покойникомъ и имѣющая значеніе нашей отходной.

сплошная гуща,—погрузился въ созерцательное молчаніе, потонувъ въ облакахъ дыма.

Мухаметжанъ-Чилиби, воздавъ должное муллѣ Файзуллѣ-Нубину-Шарафетдину-эфенди, успокоился, предоставивъ этому почтенному человѣку наслаждаться въ тишинѣ двумя пріятностями жизни, кофе и трубкой. Онъ и самъ усѣлся неподалеку отъ него и сталъ утѣшать и себя тою же самой кашеподобной гущей, которою, по его увѣренію, великій визирь лакомился не каждый день, а только въ праздникъ Байрама.

Однако, ему пришлось кейфовать недолго.

V.

Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу предчувствуетъ бѣду.

Мулла-эффенди не успѣлъ еще окончить и второй чашки, когда на лѣстничкѣ террасы появился родной братъ его,—кадій Даутъ-Хайрулла, и сталъ пробираться къ тому концу, гдѣ засѣдали мулла, сборщикъ податей и другіе болѣе почетные люди.

И снова Мухаметжанъ - Чилиби вынужденъ былъ оторваться отъ своей чашки и заняться устройствомъ и этого почтеннаго гостя, который, однако, едва отвѣтивъ на его привѣтствіе, усѣлся на отведенномъ ему тюфячкѣ съ весьма мрачнымъ видомъ и упорно замолчалъ.

Кое-кто изъ сидѣвшихъ ближе къ нему, и между прочими сборщикъ податей Абдулла-Жаббаръ, попытались было освѣдомиться о причинѣ его мрачнаго настроенія, но кадій такъ настойчиво - краснорѣчиво отмалчивался,

что, наконецъ, братъ его мулла-эффенди не выдержалъ и замѣтилъ:

— Оставь, Абдулла-Жаббаръ-оглу, не старайся руками выдернуть дерево изъ земли: скорѣе у тебя руки оторвутся отъ тѣла, чѣмъ дерево хоть на толщину волоска подастся вверхъ.

Сборщикъ податей съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на упрямца и сказалъ:

— Твоя правда, мулла-эффенди:—большое дерево крѣпко сидитъ.

Помолчали. Черезъ нѣсколько времени сидѣвшій съ другой стороны кадія водовозъ Салыкъ Зальбухаръ, преклонный возрастъ котораго и свойство съ самимъ старшимъ муллой, женатымъ на дочери его брата, давали ему право говорить въ средѣ самыхъ почетныхъ лицъ, посмотрѣлъ на кадія и скорѣе подумалъ вслухъ, чѣмъ обратился къ кому-нибудь въ частности:

— Чѣмъ дольше вода будетъ стоять въ бочкѣ, тѣмъ больше будетъ портиться, пока, наконецъ, не протухнетъ вся и не покроется плѣсенью. Если хочешь, чтобы и бочка не протухла, скорѣе вылей воду и просуши бочку.

При этомъ онъ сдѣлалъ, наконецъ, ходъ (онъ игралъ въ шашки), дожидаясь котораго партнеръ успѣлъ выкурить цѣлую трубку.

Брошенная вслухъ мысль осталась безъ отвѣта и возраженія: истина споровъ не вызываетъ среди умныхъ людей.

Прошло еще съ четверть часа. Кадій продолжалъ угрюмо молчать, но выраженіе лица его, невзирая на третью чашку кофе, стало еще мрачнѣе.

Принявъ отвѣтный ходъ партнера, водовозъ счелъ полезнымъ продолжить свою первую мысль.

— Чѣмъ больше какая-нибудь забота давитъ сердце, тѣмъ скорѣе ее нужно сбросить. А разсказавъ свою бѣду сосѣдямъ, облегчишь сердце. Вѣдь полную бочку съ водой никакой оселъ не вытянетъ въ гору; вылей воду—побѣжитъ рысью.

И это опять было настолько очевидной и безспорной истиной, что даже партнеръ его счелъ нужнымъ замѣтить:

— Вѣрное слово говоришь, сосѣдъ. Да и не удивительно: вѣдь за эти полсотни лѣтъ, что ты возишь мнѣ воду, у тебя перебывало уже съ десятокъ ословъ.

— Теперешній мой оселъ уже четвертый изъ третьяго десятка.

— Ну, вотъ видишь! Какъ же тебѣ не знать ослинаго права!

— Хорошо знаю. Такъ знаю, какъ самъ себя,—подтвердилъ сукаджи.

Партнеръ противъ сравненія не спорилъ.

А мрачный какъ ночь кадій все безмолвствовалъ.

Наконецъ, не выдержалъ и самъ мулла-эффенди и безъ околичностей обратился къ брату:

— Что случилось, Даутъ? Скажи! Зачѣмъ молчишь? Если разскажешь намъ, будетъ не хуже, а лучше.

Стараго кадія всѣ любили, и потому вопросъ окончательно заинтересовалъ всѣхъ присутствующихъ. Это было ясно уже изъ того, что всѣ повернулись въ его сторону и всѣ на него посмотрѣли.

Но и на вопросъ муллы-эффенди никакого отвѣта не послѣдовало.

Тогда счелъ умѣстнымъ вставить и свое слово тонкій политикъ Мухаметжанъ-Чилиби.

— Ни холодная, ни горячая вода никогда не выльется

изъ казана, хотя бы она была налита и до самыхъ краевъ, пока не закипитъ ключомъ. Зато, когда закипитъ, сама хлынетъ наружу такъ, что и половины ея не останется въ казанѣ. И чѣмъ больше ея было, тѣмъ больше выльется, а когда побѣжитъ черезъ край, сама зальетъ и тотъ огонь, который подогрѣвалъ казанъ. Оставь кадія, почтенный мулла-эффенди, если онъ не хочетъ говорить самъ. Развѣ ты не знаешь, что когда кадій чего не захочетъ, то хотя бы всѣ семь земель и столько же небесъ захотѣли, ничего изъ этого не выйдетъ: не льется его рѣчь, значитъ, казанъ его души не кипитъ еще. Пусть закипитъ: все выльется наружу.

Этотъ совѣтъ толковаго хозяина былъ принятъ, и кадія оставили въ покоѣ.

А онъ такъ яростно продолжалъ затягиваться своей трубкой, что она у него хрипѣла на всѣ лады.

Наконецъ, казанъ закипѣлъ, и вода сама собой хлынула наружу: кадій Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу заговорилъ:

— Опять будетъ великая бѣда,—произнесъ онъ отрывисто.

— Отчего будетъ?—спросилъ мулла.

— Отъ того, что будетъ,—лаконически отрѣзалъ кадій.

Помолчали.

— Ну, хорошо, пускай будетъ, если ты говоришь, что будетъ, хотя лучше было бы, чтобы ничего не было, чѣмъ, чтобы была бѣда,—уступилъ мулла и продолжалъ тѣмъ не менѣе допросъ:—Какая бѣда? Отчего бѣда?..

— Отъ воды бѣда.

— Пусть будетъ, что будетъ, потому что будетъ то, чему и быть надлежало,—философски - успокоительно за-

мѣтилъ мулла-эффенди и продолжалъ: — Если за бѣдой очередь, значитъ, будетъ бѣда. Въ святомъ Коранѣ, гдѣ все есть, что только можетъ быть, и про это говорится такъ: „Никакое бѣдствіе не совершается ни на землѣ, ни въ васъ, если оно не было предопредѣлено въ книгѣ прежде того, какъ мы творимъ его. Это для того, чтобы вы не огорчались тѣмъ, что теряете вы, и не радовались тому, что достается вамъ" [1]).

Всѣ присутствовавшіе почтительно прослушали эту цитату изъ святой книги.

А мулла продолжалъ:

— Ты говоришь, братъ, отъ воды случится бѣда?

— Отъ воды.

— Значитъ, будетъ великая засуха? Скотъ подохнетъ отъ жажды? Земля потрескается? Сады и посѣвы посохнутъ?

— Нѣтъ, ничего такого, что̀ ты говоришь, не будетъ,—отрѣзалъ кадій.

Снова помолчали. Мулла не рискнулъ задавать вопросы дальше, но теперь въ дѣло вмѣшался старый водовозъ, потому что, разъ вопросъ шелъ о водѣ, онъ естественно считалъ себя ближе всѣхъ заинтересованнымъ.

— А что же худого можетъ сдѣлать намъ вода? Она—Божій даръ!

— Сдѣлаетъ великое бѣдствіе,—вѣщалъ кадій.

— Какое бѣдствіе?

— Такое самое, какъ три лѣта тому назадъ.

Теперь дѣло стало яснымъ.

— Три лѣта тому назадъ было великое наводненіе отъ

---

[1]) Коранъ, Сура 57 (желѣзо), айетъ 22 и 23.

дождей,—сказалъ водовозъ.—Не дай Богъ, чтобы теперь было опять то же самое. Тогда много скота погибло, и всѣ сады по ту сторону Чурукъ-Су сравнялись съ землей. Ты, Даутъ-Хайрулла, каркаешь ворономъ надъ нами; не дай Богъ, чтобы случилось опять то, что было тогда!—закончилъ водовозъ.

— А ты, сукаджи,—возразилъ обидѣвшійся кадій, —имѣешь одинаковый голосъ со своимъ осломъ: когда ты говоришь, или онъ реветъ, не разобрать, кто изъ васъ подаетъ голосъ.

— Все по волѣ Аллаха! Онъ одинъ только всевѣдущъ!—уклончиво замѣтилъ водовозъ и счелъ за благо для себя прекратить на этомъ дальнѣйшую бесѣду.

Но теперь уже продолжалъ самъ кадій.

— Въ горахъ идутъ великіе дожди... Разливъ водъ будетъ великій... Наводненіе уже началось, и наша рѣка сейчасъ уже стала вздуваться какъ молоко на огнѣ... Я часъ тому назадъ поѣхалъ свой садъ посмотрѣть и вернулся: черезъ Чурукъ-Су уже нѣтъ переправы, и вода въ ней кипитъ какъ въ котлѣ... По водѣ плыветъ много бараньихъ труповъ... Бѣда уже началась...—говорилъ отрывисто кадій.

Слушатели омрачились и молчали: у многихъ были сады по ту сторону рѣки, и у всѣхъ тамъ ходили овцы и скотъ.

А мулла-эффенди опять вмѣшался и монотонно произнесъ:

— Чтò будетъ, будетъ по волѣ Аллаха, потому что въ книгѣ книгъ про это сказано такъ: „Никакое бѣдствіе не сдѣлаетъ бѣды безъ позволенія Божія“ [1]).

[1]) Коранъ, Сура 64 (взаимный обманъ), аиетъ 11.

Это, конечно, было утѣшеніемъ, но утѣшеніемъ только духовнымъ. А кадій продолжалъ:

— Уже больше недѣли на томъ краю неба, надъ горами, стоитъ черная ночь... Сегодня тучи тамъ еще чернѣе... Отъ дождя вся бѣда...

— Отъ дождя бываетъ больше добра, чѣмъ бѣды,— внушительно замѣтилъ мулла. — Самъ пророкъ сказалъ: „Проливаемъ изъ облаковъ дождь, обильно льющійся, чтобы имъ возращать хлѣбъ и всѣ произрастанія, сады съ деревами вѣтвистыми“ ¹).

Авторитетъ Корана не позволялъ спорить, но въ душѣ не всѣ были согласны съ муллой-эффенди, хотя и смолчали. Возразилъ одинъ только кадій.

— Не всякій дождь, Файзулла, отъ добра начинается и добромъ кончается.

— Нѣтъ, Даутъ, всякій дождь начинается одинаково, потому что иначе въ Коранѣ не было бы сказано такъ: „Богъ посылаетъ вѣтры и они гонятъ тучу, а Онъ расширяетъ ее по небу, сколько Самъ захочетъ; вьетъ ее въ клубы, и ты видишь, какъ льется дождь изъ лона ея“ ²).

Но невзирая и на это духовно-астрономическое утѣшеніе, угрюмый кадій не унимался.

— Огонь тоже добро, пока онъ горитъ въ печкѣ или въ кострѣ и грѣетъ замерзающаго человѣка. А когда онъ начнетъ пожирать дома и имущество, не нужно быть муллой, чтобы сказать, что огонь великое зло.

Послѣ этого замѣчанія мулла-эффенди окончательно потерялъ всякое желаніе продолжать состязаніе съ братомъ, который начиналъ уже публично богохульствовать. Онъ

¹) Коранъ, Сура 78 (вѣсть), айетъ 14, 15, 16.
²) Коранъ, Сура 30 (римляне), айетъ 47.

съ достоинствомъ всталъ со своего тюфячка и важно сталъ удаляться.

Но чтобы оставить послѣднее слово все же таки за собою, онъ уже на лѣстничкѣ террасы повернулся къ прочимъ и наставительно произнесъ:

— Каждому свое, и все въ свое время. Оттого въ одной мудрой арабской книгѣ написано такъ: „Если ты молотъ—ударяй; если наковальня—терпи".

И вслѣдъ за этой тирадой мулла-эффенди благополучно отбылъ во-свояси.

— А если кто дуракъ, тотъ лучше молчи, чѣмъ говорить пустяки,—пробормоталъ ему вслѣдъ братъ въ то время, когда зеленая чалма муллы уже равномѣрно качалась по направленію къ главной мечети Джума-Джами.

Вѣсть о начинающемся наводненіи заставила подняться со своихъ мѣстъ вслѣдъ за муллой и многихъ другихъ. Всѣ расходились молча и скоро на террасѣ раздавался уже одинокій храпъ жирнаго хозяина ея, Мухаметжана-Чилиби, у котораго по ту сторону Чурукъ-Су не было ни овецъ, ни садовъ и никакихъ угодій.

VI.

Предсказаніе кадія Даута сбылось.

Старый кадій сказалъ правду и не даромъ сидѣлъ мрачнѣе ночи въ кофейнѣ въ предчувствіи большого бѣдствія: оно разразилось гораздо раньше даже, чѣмъ того можно было ожидать. Уже нѣсколько дней далекій горизонтъ неба надъ горами былъ сизо-чернымъ и весь точно

клубился громадами свинцовыхъ тучъ, по временамъ принимавшихъ по краямъ то тамъ, то сямъ, въ самой толщѣ своей какой-то зловѣщій кроваво-багряный оттѣнокъ. Всѣ эти дни оттуда совершенно явственно доносилось глухое, раскатистое громыханье грозы; а по вечерамъ вершины и гребни горъ то и дѣло вспыхивали красновато-желтымъ отблескомъ далекихъ молній. Въ такіе моменты казалось, точно вся эта уходящая въ безконечную даль и тамъ совершенно перепутавшаяся толпа почти сплошь косматыхъ и только кое-гдѣ на самыхъ верхушкахъ оголенныхъ громадъ охвачена гдѣ-то внизу, въ дебряхъ невидимыхъ издали междугорныхъ глубинъ и ущелій, сплошнымъ чудовищнымъ пожарищемъ, отблески котораго, прорываясь по временамъ сквозь гущу лѣсовъ кверху до самаго зіяющаго чернотой неба, колоссальными языками и стрѣлами свѣта точно лизали по пути эти оголенные скалистые выступы и гребни громадъ. Жутко становилось тогда смотрѣть въ эту то вспыхивающую, то потухающую свинцовую даль. А она медленно и грузно наползала все ближе и ближе. Весь этотъ съ небесъ опустившійся почти до самой земли адъ съ раскатами громовъ и ежесекундными вспышками и трескомъ молній надвигался изъ-за горъ сюда къ степямъ и равнинамъ.

Къ вечеру того дня, когда кадій Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу въ кофейнѣ Мухаметжана-Чилиби предупреждалъ всѣхъ о возможномъ бѣдствіи, буря уже достигла до Бахчисарая. Она разразилась съ стремительною неожиданностью и часа два бушевала сначала сухая, безъ дождя, оглушая грохотомъ громовыхъ раскатовъ, ослѣпляя ежеминутными вспышками молній, бороздившихъ пепельно-черное небо страшными огненными зигзагами по

всѣмъ направленіямъ и срывая и коверкая все, маломальски некрѣпко прибитое или расшатавшееся, яростно налетавшими вихрями страшнаго урагана.

Ничтожная рѣчонка Чурукъ-Су, обыкновенно тихой серебристой змѣйкой вившаяся съ едва слышнымъ журчаніемъ черезъ весь городъ по сплошь засыпанному мелкими камешками руслу, теперь точно переродилась: она почернѣла, вздулась и съ ревомъ и клокотаньемъ стремительно неслась къ морю громаднымъ кипѣвшимъ потокомъ, срывая и уничтожая все на своемъ страшномъ пути. Съ лѣвой, горной стороны въ нее на каждомъ шагу стремительно свергались неизвѣстно откуда появившіеся шипѣвшіе грязно-желтой пѣной каскады водъ для того, чтобы однимъ все больше и больше расширявшимся и грозно клокочущимъ потокомъ понестись съ неимовѣрною быстротой дальше, крутя, повергая и уничтожая передъ собой всякую препону. Ни на минуту не смолкавшій трескъ молній, громовые удары, ревъ все прибывающей съ горъ воды, свистъ и взвизгиванье урагана составляли всѣ вмѣстѣ какой-то адскій концертъ: точно тысячи невидимыхъ демоновъ слетѣлись сразу сюда, въ этотъ всегда тихій уголокъ земли, и при грохотѣ грома и заревѣ молній съ воплемъ, гикомъ, стономъ и хохотомъ закружились, заплясали, завертѣлись вихрями въ дикомъ адскомъ гульбищѣ.

А когда, наконецъ, буря достигла высшаго своего напряженія, при которомъ громовые раскаты, слѣдуя безъ всякаго промежутка одинъ за другимъ, обратились въ одинъ сплошной, чудовищно-грохочущій вой, а непрерывно сверкавшія молніи обратили наступившую уже черную ночь въ огненно-яркій день, но день страшный,

полный не ровнаго, мягкаго свѣта, а, какъ въ жерлѣ гигантской печи, свѣта отъ непрестанно дрожащаго пламени,—раздалось какое-то сплошное трескучее грохотанье, и то тамъ, то сямъ стали падать съ неба одинокіе ледяные кусочки. Сила паденія ихъ была, вѣроятно, слишкомъ велика, потому что эти, пока еще рѣдкія, но очень крупныя градинки, ударившись съ разлета о землю, крыши, деревья, подскакивали на большую высоту и мелкими прыжками откатывались на далекое разстояніе отъ того мѣста, въ которое онѣ сначала ударили.

Вотъ онѣ стали падать все чаще и чаще и вдругъ посыпались въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что сплошной массой своей скрыли зарево не прекращавшихся молній, а трескомъ своимъ заглушили даже грохотъ громовыхъ раскатовъ. Казалось, точно тысячи невидимыхъ титановъ сразу опрокинули съ высоты небесъ на этотъ несчастный уголокъ земли цѣлыя горы ледяныхъ глыбъ, раздробленныхъ ими въ безформенный ледяной щебень. Не прошло и четверти часа съ начала этой небесной канонады, какъ уже всѣ стекла были выбиты, а болѣе ветхія крыши буквально продырявлены и обращены въ рѣшето. Цѣлыя груды льда покрыли землю мѣстами очень толстымъ пластомъ. Бѣдствіе принимало очень серьезные размѣры. Вся трава, цвѣты и кусты были совершенно уничтожены или прибиты къ землѣ, небольшія деревца переломаны и исковерканы; на старыхъ сломаны и уничтожены тонкія вѣтки и побѣги, и почти сплошь обита листва.

Многіе дома и постройки по обѣимъ сторонамъ рѣки, стоявшіе ближе къ руслу и оказавшіеся теперь на пути этого грознаго потока, были исковерканы, опрокинуты и

мѣстами совершенно смыты и унесены вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, птицей и скарбомъ. Впослѣдствіи оказалось нѣсколько и человѣческихъ жертвъ, потому что тѣ, которые были захвачены наводненіемъ врасплохъ, или пытались неосторожно спасать изъ затопленныхъ уже водою домовъ и сараевъ свое имущество, были сшиблены съ ногъ этимъ, никогда еще не бывалымъ, напоромъ воды, ошеломлены и, брошенные страшной силой разъяреннаго потока о какой-нибудь встрѣчный предметъ, захлебнулись и погибли. Тамъ и сямъ при вспыхивающемъ свѣтѣ молніи можно было замѣтить уже изуродованные трупы этихъ несчастныхъ, которыхъ катила и бросала въ разныя стороны рѣка вмѣстѣ съ обломками строеній, бочками, разною домашнею утварью и скарбомъ и многочисленными трупами мелкаго скота и птицы.

Надъ мирнымъ Бахчисараемъ нежданно - негаданно грянуло и разразилось, хотя и въ не столь чудовищныхъ размѣрахъ, такое же самое ниспосланное небесами бѣдствіе, которое нѣкогда смыло съ лица земли и навѣки погребло въ пучинѣ водъ Содомъ и Гоморру, эти ветхозавѣтные вертепы грѣха и злодѣйствъ, переполнившіе, наконецъ, чашу даже Божественнаго терпѣнія.

Въ числѣ многихъ другихъ жертвъ этого памятнаго бѣдствія погибъ и старый водовозъ Салыкъ-Зальбухаръ, и погибъ трогательно.

Онъ успѣлъ заблаговременно отослать изъ дома къ кому-то изъ много дальше и выше отъ рѣки живущихъ сосѣдей свою дочь-вдову и внуковъ, но, перейдя съ ними и самъ въ это безопасное мѣсто, онъ вдругъ вспомнилъ, что его четвертый уже изъ третьяго десятка старый оселъ, о которомъ онъ, спасая семью отъ ужасной бѣды, до

сихъ поръ совсѣмъ и забылъ, остался въ своемъ сараѣ безъ всякаго призора и помощи.

И онъ, немедля ни минуты, побѣжалъ спасать своего безсловеснаго слугу и кормильца.

Подбѣжавъ къ своему дому старикъ ужаснулся: грозный потокъ успѣлъ уже почти окончить свое разрушительное дѣло, потому что ветхое строеніе это было уже почти снесено водою, и только одинъ сарайчикъ, въ которомъ находился оселъ, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣлъ, вѣроятно, потому, что онъ стоялъ на пути воды за домомъ и былъ, пока домъ еще не былъ снесенъ, защищенъ имъ отъ силы напора.

Добравшись кое-какъ до своего дома, водовозъ вдругъ услыхалъ даже среди грохота бури и грома неистовый, уже осипшій ревъ своего животнаго: забытое и погибавшее, оно точно молило о помощи.

Несчастный старикъ, позабывъ всякую осторожность, бросился къ этому сараю, но на бѣду въ тотъ самый моментъ, когда онъ уже добрался до входа, рѣка сорвала сдерживавшій ея напоръ остатокъ забора и потокъ бѣшено хлынулъ въ этотъ сарай, гдѣ въ ту же секунду уже смолкъ и ревъ погибавшаго осла. Черезъ нѣсколько мгновеній оттуда раздался раздирающій душу крикъ человѣческій, и потомъ все снова, и теперь уже окончательно, стихло.

На другой день, когда уже буря давно прекратилась и вода окончательно сбыла, на этомъ самомъ мѣстѣ у двухъ уцѣлѣвшихъ отъ сарая столбовъ были найдены заваленные цѣлой грудой нанесенныхъ водою самыхъ разнообразныхъ предметовъ и обломковъ два окоченѣвшіе изуродованные трупа: трупъ человѣческій оказался подмытымъ водою подъ трупъ ослиный.

VII.

Все унесла вода.

Черезъ два дня послѣ этого неслыханнаго бѣдствія, разразившагося надъ Бахчисараемъ, къ кадію Дауту-Хайруллѣ-Шарафетдину-оглу пришелъ утромъ старикъ-татаринъ, который жилъ у него въ виноградномъ саду, верстахъ въ десяти отъ города и досматривалъ за этимъ садомъ. Онъ же былъ и боштанджи на большой табачной бахчѣ, которую старикъ развелъ въ послѣдніе два года, заарендовавъ для этой цѣли у того же мурзака-помѣщика, у котораго онъ арендовалъ и землю подъ садъ, еще значительный кусокъ земли и по очень высокой цѣнѣ. Тамъ же, на прилегавшихъ къ саду и бахчѣ подгорныхъ пастбищахъ, ходила и его отара овецъ тысячи въ полторы головъ, для которой старикъ еще только годъ тому назадъ выстроилъ здѣсь неподалеку отъ сада хорошую просторную кошару. Все это имущество: садъ, бахча и овцы, представляло изъ себя значительную цѣнность и дѣлало Даута-Хайруллу человѣкомъ весьма зажиточнымъ, несмотря даже на непомѣрно высокую арендную плату за землю.

Мурзакъ-помѣщикъ, изъ года въ годъ возвышавшій эту плату, дѣйствовалъ навѣрняка. Онъ зналъ, что кадій, разведшій на этомъ участкѣ прекрасный виноградный садъ, не можетъ уже отказаться отъ земли, и потому безнаказанно выжималъ изъ старика послѣдніе соки. По договору, который Даутъ-Хайрулла, какъ честный татаринъ, считалъ для себя священнымъ, разъ онъ его принялъ, уплата этихъ денегъ была гарантирована этимъ же самымъ садомъ, который, такимъ образомъ, при неуплатѣ аренды поступалъ въ полную собственность мурзака.

Уже отъ предыдущихъ годовъ накопилась нѣкоторая довольно значительная сумма, которая не могла быть внесена старикомъ своевременно, и для полученія возможности разсчитаться съ безжалостнымъ собственникомъ земли кадій рѣшилъ развести, кромѣ сада, еще табачную плантацію, такъ какъ при урожаѣ эта плантація могла дать ему весьма большіе доходы.

Расчеты старика были вполнѣ правильны: въ этомъ именно году плантація, судя по всходамъ, обѣщала неслыханный урожай, и кадій основательно надѣялся получить возможность сразу же покрыть всю накопившуюся за нимъ недоимку.

Абибе только что принесла и поставила передъ отцомъ низенькій табуретъ въ тѣни подъ деревомъ, гдѣ сидѣлъ онъ, попыхивая трубкой. Вернувшись въ домъ, она вынесла еще на жестяной тарелкѣ жирныя лепешки-катламу, только что ею изжаренныя и еще аппетитно дымившіяся, и небольшой глиняный кувшинчикъ съ ароматнымъ и густымъ кофе, который никто не умѣлъ приготовлять такъ вкусно, какъ она. Поставивъ еще около отца пустую чашку для кофе и другую съ бѣлымъ зернистымъ медомъ, дѣвушка положила тутъ же на табуретъ небольшое красиво расшитое ею шелками и металлической ниткой полотенце съ самодѣльной бахромой и проговорила ласково:

— Ѣшь и пей, отецъ, на здоровье и во славу Аллаха!

Послѣ этого она ушла въ домъ и, поднявшись на крышу, сѣла въ томъ концѣ ея, который еще былъ закрытъ тѣнью отъ орѣха, и наклонилась надъ какимъ-то вышиваньемъ.

Кадій только что хотѣлъ приняться за горячую кат-

ламу, когда на дорожкѣ сада показался его бостанджи Максютъ.

Поздоровавшись съ хозяиномъ, Максютъ присѣлъ въ сторонѣ на карточки и вынулъ изъ кармана кисетъ, чтобы набить трубку въ ожиданіи, пока хозяинъ начнетъ съ нимъ разговоръ. Но кадій сказалъ:

— Когда человѣкъ ѣстъ или пьетъ, змѣя ему не мѣшаетъ.—Ты, вѣрно, голоденъ не меньше меня, Максютъ: садись и ѣшь. Такую катламу, какъ жаритъ Абибе, и такой кофе, какъ она варитъ, найдешь не во всякомъ хану. Прежде поѣшь со мной, а потомъ я спрошу тебя, какія ты принесъ вѣсти.

Максютъ не заставилъ хозяина повторить приглашеніе, но, прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, онъ отправился за домъ, совершилъ тамъ обычное омовеніе, и только послѣ этого подсѣлъ къ табурету. Хозяинъ и слуга ѣли въ глубокомъ молчаніи.

И только когда вся стопочка катламы на жестяной тарелкѣ была уничтожена, весь кувшинчикъ кофе былъ выпитъ, и снова обоими было совершено омовеніе, старики набили трубки и... погрузились въ молчаніе.

Первыя трубки были выкурены безмолвно. Раскуривши вторую, кадій спокойно произнесъ, вызывая Максюта на бесѣду:

— Сонъ? [1]).

— Была великая буря,—сказалъ Максютъ.

— Такой бури я на своемъ вѣку и не помню,—прибавилъ кадій.

— И я не помню,—подтвердилъ бостанджи.

[1]) Ну?

Помолчали. Черезъ нѣсколько минутъ Максютъ продолжалъ:

— Пришла великая вода, какой еще никогда и не бывало.

— Съ горъ пришла.

— Я чуть не пропалъ, когда мой шалашъ снесло.

— Слава Богу, что не пропалъ; значитъ, ты счастливъ,—согласился хозяинъ.

— Зато все, что у меня было, пропало: вода все унесла... Теперь мнѣ уже нечего беречь, потому что все, что у меня осталось, на мнѣ,—говорилъ Максютъ совершенно спокойнымъ тономъ.

— Не хорошо,—согласился съ нимъ хозяинъ и продолжалъ:—а все же твоя бѣда была еще не такая, какъ у другихъ, потому что для другихъ бѣда была еще больше.

— Для кого больше?

— Для многихъ... У иныхъ, кромѣ имущества, и дѣти пропали.

— Твоя правда: это еще хуже.

— Но и это еще не самая послѣдняя бѣда. Были такіе, для которыхъ эта бѣда была совсѣмъ бѣда,—продолжалъ спокойно кадій и глубоко затянулся.

— Что же можетъ быть еще хуже? Трудно и догадаться,—не понималъ бoштанджи.

— Можетъ быть... Салыку еще хуже пришлось.

— Какому Салыку?

— Салыку-Зальбухару, водовозу.

-- Чѣмъ хуже?

— У него все пропало: и домъ пропалъ, и старый оселъ пропалъ.

— Дѣти дороже осла,—возразилъ спокойно боштанджи.

— Дѣти дороже, — не спорилъ кадій, — но онъ самъ еще дороже, а онъ и самъ пропалъ.

— Какъ пропалъ?

— Утонулъ.

— Тогда его бѣда, твоя правда, ага, хуже, — совершенно основательно согласился слуга.

— Вмѣстѣ съ осломъ пропалъ,—продолжалъ хозяинъ.

— Я про это не слыхалъ... Жалко Салыка... Какъ же это случилось?

— Осла пошелъ выручать, и оба утонули.

— Не стоилъ того оселъ. Крѣпко жалко старика.

— И я такъ говорю, и всѣ сосѣди такъ говорятъ. Отъ воды жилъ, отъ воды и кончилъ.

— Всякому свое... — глубокомысленно замѣтилъ бошланджи.—Никто не знаетъ, отъ чего ему бѣда придетъ. Одинъ только Аллахъ всевѣдущъ.

Старики задумались и помолчали.

— Тебѣ, ага, эта буря также не мало бѣды сдѣлала,— началъ, наконецъ, опять Максютъ.

— Значитъ, такъ и мнѣ было суждено,—спокойно отвѣтилъ кадій. — И я не лучше другихъ... И я не знаю, гдѣ счастье и гдѣ бѣда.

— Табакъ собирать не будешь, хотя урожай долженъ былъ быть и очень хорошій: бахчу сначала смолотило градомъ, а потомъ всю водой снесло.

— Худо,—замѣтилъ грустно кадій:—мурзаку нечѣмъ будетъ заплатить. Съ одного сада винограда столько не соберешь.

— И винограда совсѣмъ собирать не будешь,—неумолимо-спокойно продолжалъ Максютъ.—Земля осталась на мѣстѣ, а кустовъ больше совсѣмъ нѣтъ.

— Значитъ, и садъ пропалъ?

— До послѣдняго куста пропалъ: вода черезъ садъ шла. И мой шалашъ со всѣми вещами оттого унесло. Чубуки виноградные торчатъ кое-гдѣ, а сада вовсе нѣтъ. Я за тѣмъ и пришелъ, чтобы сказать тебѣ это.

Какъ ни спокоенъ казался на видъ Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу, но и онъ насупился: вѣсти были очень серьезныя.

— Тогда меня мурзакъ совсѣмъ задавитъ, — сказалъ онъ, разсуждая вслухъ.—Придется половину отары продать, чтобы отъ него откупиться.

— Не стоитъ продавать, — возразилъ Максютъ. — Все равно этихъ денегъ не хватитъ.

— Почему не хватитъ? Должно хватить: теперь овцы въ цѣнѣ.

— Немного продавать придется. Съ отарой также неблагополучно.

Старикъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— Отару почти всю унесло водой. Не знаю, осталось ли три четыре десятка головъ. Буря была такая, какой никогда еще у насъ не бывало.

Кадій сидѣлъ безмолвно. Вѣсти были таковы, что даже и его восточнаго равнодушія не хватило: онъ, оказывается, былъ разоренъ въ конецъ.

— Что же вы смотрѣли съ пастухомъ? — упрекнулъ онъ черезъ нѣсколько минутъ Максюта. — Ну, хорошо: садъ пропалъ, бахча пропала, потому что и саду и бахчѣ отъ воды было уйти некуда: вода пришла, все прахомъ пошло. А овцы? Ихъ отъ воды отогнать можно было. Зачѣмъ не отогнали? Вода долиной шла, на горахъ столько ея не могло быть. Зачѣмъ же отару не отогнали на горы?

У васъ съ пастухомъ, вѣрно, не болѣло; не вы теряли, я терялъ. Чужую руку хоть ножомъ рѣжь, хоть огнемъ пеки, своя не болитъ. Если бы я самъ былъ тамъ, отара цѣла осталась бы.

Максютъ покорно выслушалъ всѣ эти упреки. Онъ понималъ, что кадій, не бывшій на мѣстѣ и не видавшій размѣровъ бѣдствія, не могъ представить себѣ, что тамъ дѣлалось. Потери же его были таковы, что у всякаго дрогнуло бы сердце: изъ богатаго человѣка онъ въ одну только ночь сталъ бѣднякомъ.

— Ты напрасно, Даутъ-ага, упрекаешь насъ,—оправдался онъ.—Ты справедливый кадій на всякое чужое дѣло, всѣмъ это вѣдомо давно, разсуди же и твое справедливо. Вода хлынула сразу. Никогда еще ничего подобнаго не бывало, и ни я, ни пастухъ, и никто не могъ ожидать такой небывалой бѣды. Часъ тому назадъ и виноградникъ и бахча стояли невредимо и тутъ же въ долинѣ спокойно ходила отара, и вдругъ по этой самой долинѣ понеслась глубокая рѣка. Съ неба точно камни посыпались, и загорѣлся страшный небесный огонь, а громъ загрохоталъ такъ, что мы съ пастухомъ оглохли. Теперь страшно и вспомнить, что вдругъ сдѣлалось. Овцы стали метаться какъ безумныя. Овца и такъ глупая: нѣтъ на свѣтѣ ничего живого глупѣе овцы. Мы бросились отгонять ихъ наверхъ изъ долины, но ночью этого сдѣлать было нельзя: чуть-чуть сами не погибли. Хорошо, кадій-ага, что тебя не было тамъ, потому что, чего Боже упаси, съ тобой могло случиться то же, что съ бѣднякомъ Салыкомъ. Онъ за одного осла пропалъ, а тебѣ за цѣлую отару и подавно нетрудно было бы утонуть. Слава Богу, ага, что тебя не было: ты дороже сотни отаръ! И отъ

кошары осталось не больше того, что отъ сада: такъ только кое-гдѣ кусочки плетня торчатъ. Нѣтъ, ага, ты не думай, что отара пропала оттого, что была твоя, а не наша. Твое ли добро, наше ли добро—все равно добро. Мы вмѣсто тебя тамъ около него были, значитъ, оно намъ было такое же, какъ и тебѣ. Если бы можно было сберечь, вѣрно бы сберегли. Это что-то неслыханное въ нашей сторонѣ случилось и не мы въ этомъ виноваты. Никто не виноватъ... Значитъ, такъ должно было случиться... Всякое добро отъ Аллаха и всякое зло по его же святой волѣ. Только вчера къ вечеру мы съ пастухомъ собрали два-три десятка овецъ, которыя какимъ-то чудомъ уцѣлѣли живыми. А всѣ остальныя по долинѣ кругомъ лежатъ мертвыми. Нужно поскорѣе хоть шкуры успѣть поснимать съ нихъ; я за тѣмъ и пришелъ, чтобы ты послалъ десятка два сосѣдей сдѣлать это, потому что потомъ будетъ уже поздно.

Абибе, сидѣвшая на крышѣ неподалеку отъ бесѣдовавшихъ и хорошо слышавшая ихъ разговоръ, низко наклонилась надъ своей работой: изъ глазъ ея закапали слезы. Но она плакала не отъ сознанія тяжести потерь, понесенныхъ ея отцомъ изъ-за этой ужасной бури, а единственно только отъ того, что вѣсти Максюта доставляли ея старику-отцу большое огорченіе: это она слышала по голосу отца и видѣла по выраженію его омрачившагося отъ горя лица.

А старики между тѣмъ замолчали и задумались.

VIII.

Сватовство.

Черезъ нѣсколько дней къ кадію Дауту-Хайруллѣ пришла старуха Зайнабъ, мать Темиръ-Булата. Уже одинъ внѣшній видъ гостьи, одѣтой въ праздничный атласный бешметъ съ яркими цвѣтами и всѣми, какія только у нея имѣлись, металлическими украшеніями, начиная отъ длинныхъ серебряно-вызолоченныхъ серегъ и такихъ же колецъ съ сердоликами, бирюзой и кораллами, могъ дать понять хозяину, что гостья явилась не для того только, чтобы провѣдать его, а что, очевидно, цѣль этого посѣщенія болѣе важная и торжественная.

Такъ это и оказалось.

Абибе засуетилась надъ угощеніемъ гостьи, и скоро около положенныхъ въ саду подъ развѣсистымъ орѣховымъ деревомъ тюфячковъ для сидѣнія и двухъ-трехъ ковровъ съ узорчатыми рисунками, появились два низенькихъ стола-табурета съ разными сластями.

Кадій набилъ свою трубку, а гостья и Абибе принялись за сладкое. Нѣкоторое время длилось молчаніе, но когда, наконецъ, Зайнабъ отвѣдала по принятому обычаю всего, что было поставлено, дабы хозяинъ дома не могъ упрекнуть ее, что она чѣмъ-нибудь погнушалась, она ласково обратилась къ дѣвушкѣ:

— Хотя каждая звѣздочка—дочь солнца, потому что солнце—великій свѣтъ, а звѣзды—малыя искры этого самаго свѣта, но когда солнце на небѣ, ни одной звѣзды не видно,—при этомъ она внушительно посмотрѣла на кадія и на Абибе.

Оба поняли этотъ деликатный и аллегорическій намекъ,

потому что старикъ одобрительно кивнулъ головой, а дѣвушка сейчасъ же покорно встала и удалилась въ домъ. Старики остались одни.

— Я начала, Даутъ-ага, про солнце,—сказала гостья черезъ нѣсколько минутъ съ торжественною задумчивостью,—про солнце буду и продолжать, если тебѣ угодно будетъ позволить мнѣ, чтобы я разговаривала съ тобой.

— Ты, Зайнабъ, сейчасъ сама доказала, что никто не отказывается отъ угощенія, потому что ласково отвѣдала всего, что для тебя поставила моя дочь Абибе. А всякая умная рѣчь слаще всякихъ пряниковъ, шербета и меда, потому что сласти дѣлаютъ пріятное на минуту только языку, а умное слово какъ райская музыка ласкаетъ ухо и мысли и на долгое время успокаиваетъ душу отъ всякой тоски и заботы.

—Ты, Даутъ-ага, настолько снисходителенъ и ласковъ, что хвалишь угощеніе прежде, чѣмъ отвѣдалъ его. Что умнаго могу сказать тебѣ, мудрый и справедливый кадій, я, женщина, о которой даже въ Коранѣ сказано, что она только склонна къ спорамъ и думаетъ о нарядахъ [1]), и потому-то всякая жена много ниже достоинствомъ своего мужа, который можетъ и долженъ бить ее [2]).

— Хотя всѣ каштаны горьки и противны на вкусъ, но вѣдь бываютъ и сладкіе, похожіе вкусомъ на лепешку, испеченную изъ лучшей муки на каймакѣ. Много женщинъ болтливыхъ и глупыхъ, но всякій, кто знаетъ тебя, соcѣдка Зайнабъ, скажетъ, что ты только по платью женщина, а по головѣ и языку—мужчина, и умный мужчина, потому что твои слова—толковыя слова, и твоя рѣчь—

---

1) Коранъ, Сура 43 (золотыя украшенія), айетъ 17.

2) Ibidem, Сура 4 (жены), айетъ 38.

разумная рѣчь, а не сорочья стрекотня, которой не сталъ бы слушать мужчина. Такъ оно и быть должно; вѣдь ты одна на свѣтѣ и за тебя некому говорить съ тѣхъ поръ, какъ Сейфулла-Арсланъ-оглу, твой покойный мужъ, который былъ нашимъ сборщикомъ податей, убитъ былъ на вѣтряной мельницѣ лопнувшимъ жерновомъ. Онъ былъ честный и мудрый сосѣдъ и, вѣрно, оставилъ тебѣ въ наслѣдство, кромѣ сына Темиръ-Булата, еще и большую часть своего ума. Пожалуйста, продолжай говорить, о чемъ ты начала,—пригласилъ хозяинъ свою гостью продолжать прерванную ею рѣчь.

Зайнабъ, ободренная словами кадія, не заставила повторить этого приглашенія.

— Когда солнце на небѣ, свѣтъ его проникаетъ во всѣ закоулки на землѣ и всюду приноситъ съ собой радость. Такъ ли я говорю, ага?

— Ты говоришь настоящее слово,—согласился тотъ,— потому что и святая книга учитъ, что солнце источникъ свѣта [1]), ярко пылающій [2]).

— Поэтому, когда солнца нѣтъ на небѣ,—продолжала гостья,—землю окутываютъ мракъ и темнота, какъ густая чадра окутываетъ тѣло молодой дѣвушки!

— Теперь эта темнота бываетъ временная, а въ день кончины міра солнце навсегда обовьется мракомъ [3]), какъ сказано въ неисчерпаемомъ источникѣ всякой мудрости, святомъ Алкоранѣ.

— Когда на землѣ темнота, для глаза темно и на душѣ нерадостно,—продолжала старуха.

---

1) Коранъ, Сура 71 (Ной), айетъ 15.
2) Ibidem, Сура 78 (вѣсть), айетъ 13.
3) Ibidem, Сура 81 (обвитіе), айетъ 1.

Хозяинъ вмѣсто отвѣта утвердительно качнулъ головой,

— Куда солнце уходитъ отъ земли? Зачѣмъ уходитъ?

— Про это въ Коранѣ ничего не сказано. Одинъ только Аллахъ всевѣдущъ.

— Гдѣ оно сидитъ? Куда прячется?

— И про это Магометъ ничего не повѣдалъ.

— Значитъ, ты не знаешь?

— Не знаю.

Помолчали.

— У меня есть сынъ,—сказала черезъ нѣсколько минутъ Зайнабъ.

— Темиръ-Булатъ, — подсказалъ Даутъ. — Покойный Сейфулла-Арсланъ-оглу оставилъ здѣсь на землѣ свое сердце въ его груди и свой умъ—въ его головѣ. Завидный сынъ!

— Онъ мой правый глазъ,—продолжала Зайнабъ.

— Онъ—твои оба глаза,—поправилъ старикъ,—потому что другихъ дѣтей у тебя нѣтъ.

— Онъ душа души моей!—воскликнула восторженно гостья.—Онъ давно теперь ходитъ черный какъ ночь.

— Что же его печалитъ?—простодушно спросилъ кадій.

— Онъ говоритъ, что для него нѣтъ солнца на небѣ, а значитъ, нѣтъ и радости на душѣ.

— Зачѣмъ онъ такъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, что знаетъ, гдѣ солнце прячется.

— Гдѣ?

— Подъ твоей крышей, ага. Онъ его видѣлъ, когда оно еще было маленькой звѣздочкой, потомъ, когда эта звѣздочка выросла въ ласковую луну, а теперь, говоритъ, эта звѣздочка стала уже яркимъ солнцемъ.

— Онъ, вѣрно, слѣпой,—прикинулся непонимающимъ

кадій.—Подъ моей крышей, кромѣ Абибе, никого нѣтъ со мной.

— Нѣтъ, онъ не слѣпой, хотя ослѣпнетъ отъ горя, если ты не отдашь ему своей Абибе, потому что Абибе и есть его солнце,—сказала съ нѣжностью старуха и сейчасъ же горячо продолжала:—Дай его глазамъ и сердцу свѣтъ, дай его и моей душѣ радость! Пусть наши дѣти подружатся бракомъ, какъ и пророкъ Магометъ подружился бракомъ съ богатой и знатной вдовой Хедиджой, а потомъ, по смерти ея,—съ Гаишей, дочерью Абубекра, которыхъ обѣихъ любилъ какъ свою душу. И Темиръ-Булатъ будетъ любить Абибе не меньше, чѣмъ великій пророкъ этихъ двухъ изо всѣхъ своихъ женъ... Пусть миндальное дерево расцвѣтетъ богатымъ цвѣтомъ любви и мира между ихъ душами! И намъ, старикамъ, глядя на нихъ, будетъ радостно: ты получишь сына, котораго тебѣ не далъ Аллахъ, а я получу дочь, которой я по грѣхамъ моимъ не могла вымолить у Милосерднаго! Не торопись, ага, говорить своего отвѣтнаго слова прежде, чѣмъ самъ пророкъ не просвѣтлитъ твоей мысли, потому что это слово будетъ началомъ или концомъ радостей на землѣ для моего джигита и для меня, его матери; вѣдь онъ голосъ, я—эхо, а если голосъ станетъ стонать, то и эхо не будетъ смѣяться! Хорошо подумай, почетный ага, и съ благословенія Аллаха скажи свое отеческое слово.

Старикъ опустилъ голову на грудь и, углубившись въ свои мысли, долго молчалъ, а Зайнабъ не спускала съ него глазъ, ожидая отвѣта.

Наконецъ, старикъ заговорилъ тихо и съ разстановкой:

— Я уже сказалъ тебѣ, сосѣдка Зайнабъ, что твой сынъ Темиръ-Булатъ—завидный сынъ: у него глазъ зоркій, рука

сильная, языкъ правдивый, а значитъ и душа правдивая, ибо не даромъ же говорятъ, что языкъ колоколъ души. Не назову я худымъ тотъ день, съ котораго стану называть твоего сына и моимъ сыномъ, если Аллаху и Его святому пророку Магомету это будетъ угодно. Но прежде, чѣмъ я скажу тебѣ свое отвѣтное слово, пусть намъ обоимъ это слово скажетъ всевѣдущая книга, въ которой, какъ прибрежный кустъ въ спокойной водѣ озера, самимъ всемогущимъ Аллахомъ отражена жизнь всякаго человѣка и всякой былинки и въ которой на все и всегда есть и будетъ отвѣтъ. Такъ дѣлали наши отцы и отцы нашихъ отцовъ, такъ сдѣлаемъ и мы.

И съ этимъ кадій пошелъ въ домъ и скоро вынесъ оттуда священную книгу Корана, которую онъ трижды благоговѣйно поцѣловалъ и послѣ каждаго поцѣлуя прикоснулся къ ней лбомъ.

Положивъ книгу на тубаретъ и обѣ руки на книгу, онъ опустилъ голову и сосредоточенно задумался: старикъ мысленно задавалъ самъ себѣ вопросъ, отвѣтъ на который онъ желалъ получить въ книгѣ.

Наконецъ, онъ сразу открылъ книгу и, опустивъ глаза на первый попавшійся айетъ, громко прочиталъ:

«Если вы опасаетесь разрыва между мужемъ и женой, то призовите судью изъ его родственниковъ и судью изъ ея родственниковъ; если они оба захотятъ помириться, то Богъ устроитъ между ними согласіе, потому что Богъ знающій, вѣдающій [1])».

При чтеніи этого айета глаза Зайнабъ наполнились слезами, а лицо кадія просвѣтлѣло.

---

[1]) Коранъ, Сура 4 (жены), айетъ 39

Онъ благоговѣйно поцѣловалъ святую книгу и съ умиленіемъ въ голосѣ произнесъ:

— Пусть будетъ такъ, сосѣдка Зайнабъ, какъ ты хочешь, потому что, ты слышала, этого же хочетъ и самъ Аллахъ, да будетъ свято Его имя во вѣки вѣковъ! Пусть дерево мира богато расцвѣтаетъ надъ головами нашихъ дѣтей и прикроетъ ихъ въ часъ бѣды и несчастья; пусть домъ ихъ уподобится душистому соту, съ котораго свѣтлыми каплями каплетъ медъ, обильно налитый трудолюбивыми пчелами въ его ячейки; пусть къ порогу ихъ дома не найдетъ пути нога злого человѣка, врага и вѣстника горя, а чрезъ порогъ ихъ пусть не переползетъ внутрь дома ядовитый паукъ, скорпіонъ, змѣя и сороконожка! Пусть смѣхъ, пѣсни и громкій говоръ друзей въ ихъ домѣ услышатъ даже глухіе сосѣди, а стона, плача и шопота враговъ не услышитъ ухо даже самаго чуткаго изъ нихъ! Пусть твой и будущій мой сынъ, Темиръ-Булатъ, не менѣе трехъ разъ въ жизни перестроитъ свой меньшій домъ на бóльшій, чтобы ему было куда помѣстить свое добро и дѣтей, и пусть глаза Абибе и его дождутся увидѣть, какъ правнукъ ихъ, входя къ нимъ въ домъ, долженъ будетъ нагнуться, чтобы не зашибить своей головы, потому что дверь эта для него уже стала низка! По благословенію святого Корана и горячему желанію своего сердца принимаю, сосѣдка Зайнабъ, твое слово и отдаю въ добрый часъ свою единственную дочь Абибе за твоего единственнаго сына Темиръ-Булата! Пусть будетъ такъ, какъ будетъ!..

Старики поговорили еще нѣсколько времени о подробностяхъ свадьбы, и Зайнабъ удалилась

Въ эту ночь Абибе не спала до зари. Она стояла неподвижно на крышѣ своего дома съ глазами, устремлен-

ными вверхъ, но,—странное дѣло—хотя ночь была и ясная, но на небѣ было очень мало звѣздъ, потому что какая-то туманная дымка окутала большую часть небосклона и повисла надъ землей непроницаемымъ покрываломъ, сквозь которое только кое-гдѣ проглядывали одинокія звѣздочки.

Абибе впивалась глазами въ эти рѣдкіе небесные фонарики, но они сегодня чуть замѣтно мерцали и вовсе не вспыхивали разноцвѣтными огнями, какъ тогда, не «улыбались» ей.

Получивъ радостную вѣсть отъ матери объ успѣшномъ исходѣ сватовства, Темиръ-Булатъ былъ наверху блаженства. Онъ надѣлъ праздничный костюмъ, богато расшитый позументами, нанялъ музыкантовъ, собралъ всѣхъ своихъ друзей и, предшествуемый двумя огромными даулами, нѣсколькими дудками, скрипками и бубнами, два дня и двѣ ночи ходилъ по Бахчисараю, заходя ко всѣмъ сосѣдямъ и не пропуская ни одной кофейни и ни одного хана. Даулы оглушительно грохотали, дудки пронзительно пищали, а бубны и скрипки звенѣли и трещали, возвѣщая всѣмъ и каждому радостную вѣсть о помолвкѣ джигита съ «красой Бахчисарая», подругой звѣздъ. Вездѣ по дорогѣ къ гурьбѣ, сопровождавшей счастливаго жениха, присоединялись многіе изъ встрѣчавшихся, и потому, когда шествіе достигло кофейни Мухаметжана-Чилиби, толпа уже не могла помѣститься въ домѣ и на террасѣ и большинство осталось во дворѣ и на улицѣ.

Въ это время на террасѣ кофейни сидѣлъ вмѣстѣ съ жирнымъ хозяиномъ ея пріѣхавшій въ Бахчисарай сосѣдъ-помѣщикъ, мурзакъ Джанъ-Барабатыръ-бей-Арслановъ, тотъ самый, у котораго кадій Даутъ арендовалъ землю.

Увидѣвъ еще издали на концѣ улицы это шествіе, мурзакъ спросилъ хозяина:

— Кто это гуляетъ, Мухаметжанъ?

— Это гуляетъ одинъ нашъ молодой джигитъ, Темиръ-Булатъ, сынъ того самаго нашего сборщика податей, Сейфуллы-Арслана-оглу, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ убило на мельницѣ.

— Почему онъ гуляетъ?

— Онъ засватался.

— Богатую невѣсту взялъ?

— Была богатая, теперь бѣдная.

— Зачѣмъ же онъ бѣдную беретъ?

— Такая бѣдная богаче самой богатой, бей,—пояснилъ ему Чилиби.

— Почему такъ?

— Потому что красивѣе и добрѣе ея нѣтъ ни въ Бахчисараѣ, ни въ цѣломъ Крыму.

— Это ты говоришь пустяки, ага, — замѣтилъ ему равнодушно мурзакъ.

Мухаметжанъ-Чилиби обидѣлся.

— Тогда зачѣмъ ты разспрашиваешь меня? — сказалъ онъ съ гордостью, — кто не хочетъ пить, пусть не прикладываетъ рта къ отверстію фонтана.

— Пока не сдѣлаетъ хоть одного глотка, не разберетъ и не узнаетъ, что вода соленая и воняетъ грязью,— возразилъ въ тонъ ему мурзакъ.

— Я, бей, не сказалъ ничего пустого, — настаивалъ хозяинъ кофейни.

— Нѣтъ, ты сказалъ совсѣмъ пустое. Скажи самъ, развѣ худой баранъ можетъ быть жирнѣе самаго жирнаго?

— Не можетъ.

— А какъ же бѣдная невѣста можетъ быть богаче самой богатой?

— Богатство бываетъ разное,—возразилъ Мухаметжанъ-Чилиби:— одинъ богатъ землей, другой—скотомъ и лошадьми, третій—товарами, а десятый—мудростью.

— Изъ одной мудрости ни ковровъ не надѣлаешь, ни атласнаго бешмета не сошьешь, — иронически замѣтилъ на это мурзакъ.

— Мудрость питаетъ душу и умъ.

— И сто пудовъ мудрости не сдѣлаютъ такимъ жирнымъ, какъ ты, ага!

— Мой жиръ не краденый, бей,—обидѣлся опять Чилиби и продолжалъ:— отъ мудрости онъ, или отъ чего другого, про то Аллахъ вѣдаетъ. А только, если мудрость не даетъ жира, то и богатство не даетъ ума. Я, бей, знаю многихъ беевъ очень богатыхъ, такихъ богатыхъ, что землю ихъ и на хорошемъ конѣ въ одинъ день не объѣдешь, но у которыхъ ума въ головѣ столько же, сколько волосъ на твоей ладони! А ты, Джанъ-Барабатыръ-бей, знаешь такихъ?—закончилъ ядовитымъ вопросомъ Чилиби.

— Нѣтъ, я такихъ не знаю,—отвѣтилъ скороговоркой мурзакъ, для котораго, очевидно, бесѣда на эту тему становилась непріятной, и опять возвратился къ вопросу о невѣстѣ.

— Чью дочь онъ засваталъ?

— Дочь кадія Даута, Абибе.

— Очень красивая?

— Такой красавицы въ нашей сторонѣ еще никогда не бывало. Въ волосахъ у нея ночь; на лицѣ и на шеѣ бѣлый снѣгъ лежитъ; на щекахъ розы цвѣтутъ; вмѣсто глазъ брильянты горятъ; на губахъ яркіе кораллы; все лицо нѣжнѣе самаго нѣжнаго персика, а въ сердцѣ вѣчно цвѣ-

тутъ и благоухають резеда и фіалки. Такая дѣвушка — рѣдкая рѣдкость, и если бы ее увидѣлъ самъ султанъ, онъ захотѣлъ бы взять ее себѣ въ жены. Оттого Темиръ-Булатъ радуется и гуляетъ съ друзьями,—говорилъ патетически Мухаметжанъ-Чилиби.

— Все хорошо,—замѣтилъ въ раздумьѣ ему на это мурзакъ.—Если она и наполовину только такая, какъ ты, Чилиби, говоришь, такъ ей слѣдуетъ не за простого татарина выйти за мужъ, а за богатаго бея. И зачѣмъ этому Темиръ-Булату такая? Ему лучше взять богатую.

— Каждый самъ лучше знаетъ, что ему лучше.

— Лучше ѣсть жирный пилавъ, горячій шашлыкъ и вкусную пасту и пить душистый кофе и сладкіе шербеты съ не очень красивой женой, чемъ голодать и пить простую воду съ райской красавицей,—философствовалъ назидательно мурзакъ.

— Ты такъ, бей, думаешь, а онъ не такъ думаетъ.

— Всякій, кто не глупѣе осла, скажетъ, и правду скажетъ,—продолжалъ мурзакъ,—что простой воловій пузырь, того набитый серебромъ и червонцами, лучше, чѣмъ самый богатый и расшитый шелками атласный кисетъ, наполненный вмѣсто денегъ лепестками розъ и фіалками.

— Твоя правда, Джанъ-Барабатыръ-бей,—ехидно согласился съ нимъ хозяинъ,—только такъ будетъ говорить и думать не одинъ тотъ, кто не глупѣе осла, но и тотъ, кто жаднѣе самой жадной чушки, которая перестаетъ жрать только тогда, когда засыпаетъ, а спитъ очень мало, потому что вѣчно жрать хочетъ.

Мурзакъ закусилъ губы и не отвѣтилъ ничего на эту тираду, потому что веселая процессія уже подошла къ кофейнѣ, и ликующій женихъ сталъ подниматься по лѣст-

ницѣ на террасу. А когда Мухаметжанъ-Чилиби всталъ и пошелъ ему навстрѣчу, Джанъ-Барабатыръ-бей пробормоталъ вполголоса:

— Этотъ нищій уже началъ кутить на тотъ кладъ, котораго еще не нашелъ. Какъ солнце на небѣ не для слѣпого, такъ и красавица-жена не для нищаго!

И съ этими словами мурзакъ черезъ внутреннюю комнату вышелъ изъ кофейни.

IX.

Долгъ или дочь?!

Счастливый Темиръ-Булатъ и не подозрѣвалъ, что въ то время, какъ онъ, заказавъ Мухаметжану-Чилиби для всей компаніи кофе, веселился на открытой террасѣ съ друзьями, Джанъ-Барабатыръ-бей Арслановъ нетерпѣливо стучалъ желѣзнымъ кольцомъ у калитки дома его будущаго тестя, кадія Даута-Хайруллы-Шарафетдина-оглу.

Не дождавшись, чтобы кто-нибудь вышелъ къ нему изъ дома, прибывшій повернулъ кольцо калитки и вошелъ самъ въ окружавшій домъ кадія садикъ. Осмотрѣвшись кругомъ и не видя никого, Джанъ-Барабатыръ-бей пошелъ по дорожкѣ къ дому, виднѣвшемуся недалеко изъ-за зелени кустовъ и деревьевъ.

Но, дойдя до поворота дорожки, онъ вдругъ остановился какъ вкопаный, и на лицѣ его нарисовалось выраженіе изумленнаго восторга.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ тѣни развѣсистаго каштана, спала глубокимъ сномъ на коврѣ неописанной

красоты дѣвушка. Бѣлая чадра была отброшена съ лица, и ея роскошные, до синевы черные волосы, заплетенные въ безчисленное количество косичекъ, цѣлой массой прихотливо извивавшихся змѣекъ сбѣгали по всему стану до самыхъ ногъ и окутывали все тѣло дѣвушки точно изъ вороненой стали выкованной кольчугой-сѣткой. Двѣ ослѣпительно черныя дуги бровей и такія же длинныя и густыя рѣсницы красиво оттѣняли бархатисто-матовую бѣлизну лица, на которомъ, какъ на пушистомъ тѣльцѣ свѣжаго, только что сорваннаго персика, привѣтливо игралъ и мигалъ восхитительный румянецъ самой роскошной весенней розы, переходившій на полуоткрытыхъ и чуть замѣтно улыбавшихся пышныхъ губахъ красавицы въ яркій пурпуръ сочной вишни. Туго перетянутый полосатымъ бешметомъ станъ дѣвушки, живописно раскинувшейся на коврѣ среди зелени и цвѣтовъ, издали казался великолѣпнымъ рисункомъ, причудливо освѣщеннымъ трепетавшими сквозь листву дерева струйками свѣта. Дѣвушка спала очень крѣпко и даже не пошевельнулась при приближеніи Джанъ-Барабатыръ-бея.

Налюбовавшись съ изумленіемъ и восторгомъ этимъ чудеснымъ видѣніемъ, пришедшій, наконецъ, тихо повернулъ назадъ и, выйдя за калитку, помедлилъ нѣкоторое время у воротъ дома. Потомъ онъ снова сталъ громко и настойчиво стучать большимъ желѣзнымъ кольцомъ.

Абибе, наконецъ, услыхала этотъ стукъ и убѣжала въ домъ; она разбудила также спавшаго отца, который поспѣшилъ выйти, чтобы впустить гостя.

Размѣнявшись обычными привѣтствіями и усѣвшись по приглашенію хозяина на томъ самомъ коврѣ, на которомъ только что спала Абибе, мурзакъ сказалъ кадію:

— Срокъ уплаты арендныхъ денегъ за землю, Даутъ, давно прошелъ.

— Твоя правда, бей: давно уже прошелъ, — подтвердилъ тотъ.

— А за тобой еще много осталось и за прошлые годы.

— И это правда, осталось не мало, потому что эти годы мое счастье было такое, что земля не окупала себя. И другіе арендаторы также не разсчитались со своими хозяевами за землю: у всѣхъ горя было больше, чѣмъ винограда. Плохіе годы были, бей, ты самъ это хорошо знаешь.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ за деньгами, Даутъ, — продолжалъ мурзакъ.

— Значитъ, тебѣ придется уѣхать безъ денегъ, бей.

— Почему такъ?

— Потому что съ куста можно снимать виноградъ только тогда, когда на немъ есть виноградъ; а если на немъ только одни листья, то корзина, приготовленная для винограда, опять останется пустой,—отвѣчалъ съ добродушной простотой кадій.

— Тогда я отберу отъ тебя землю и отдамъ ее другому, который будетъ платить мнѣ за нее исправнѣе, чѣмъ ты.

— Земля твоя, бей, и ты можешь отдать ее, кому захочешь.

— А за долгъ возьму себѣ твою отару, — продолжалъ мурзакъ.

— Отары ты не возьмешь, бей, — хладнокровно отвѣчалъ Даутъ.

— Отчего не возьму? Вѣдь ты же мнѣ долженъ много денегъ?

— Долженъ.

— Я за долгъ и возьму твоихъ овецъ.

— Нѣтъ, бей, овецъ за долгъ ты не возьмешь у меня.

— Почему?

— Потому что ихъ у меня нѣтъ.

— А гдѣ же онѣ?

— Ихъ унесла вода. Изъ всей отары осталось только десятка три.

И гость и хозяинъ задумались и помолчали.

— Но дома твоего вода не унесла? — спросилъ опять мурзакъ.

— Домъ мой еще, хвала Аллаху, стоитъ на мѣстѣ, какъ видишь.

— Тогда я возьму его за долгъ. Онъ будетъ мой, а не твой, и въ немъ будетъ жить тотъ, кто его у меня купитъ, или кто будетъ платить мнѣ за него.

— А гдѣ буду жить я и моя дочь, бей? — спросилъ наивно кадій.

— Это не моя забота, а твоя,—отвѣчалъ равнодушно кредиторъ.

— Если вырвать старое дерево изъ земли, въ которой оно сидѣло много лѣтъ, то оно все засохнетъ: и стволъ, и всѣ молодыя вѣтки, и дерево погибнетъ, хотя оно бы могло еще много лѣтъ цвѣсти и приносить плоды.

— Я не садовникъ, Даутъ, чтобы думать объ этомъ. Какъ я сказалъ, такъ и будетъ; если ты черезъ семь дней не привезешь мнѣ всѣхъ денегъ, сколько ты мнѣ долженъ, возьму этотъ твой домъ себѣ.

— Ни черезъ семь дней, ни черезъ семь разъ по семи дней не привезу,—сказалъ кадій.—Если бы вода не унесла всего, что я имѣлъ и не погубила и сада и бахчи, я бы тебѣ привезъ всѣ деньги, или же пригналъ бы самъ

къ тебѣ половину моей отары, которой хватило бы на уплату долга. Теперь же ты, бей, если хочешь получить свои деньги, долженъ подождать, пока я поправлюсь. Когда съ дерева сняты уже или сбиты градомъ всѣ плоды, съ него уже нечего снимать до тѣхъ поръ, пока дерево не зацвѣтетъ опять и не дастъ новаго урожая.

— Это ты, Даутъ, говори кому-нибудь другому, кто захочетъ слушать такія твои рѣчи, а не мнѣ. Я же тебѣ говорю такъ: или отдай мнѣ мои деньги, или отдай за деньги твой домъ, а больше я ничего слушать не хочу,— возразилъ неумолимый мурзакъ и сдѣлалъ движеніе встать.

— Погоди немного, благородный бей,—остановилъ его спокойно кадій,—отвѣть мнѣ ради Аллаха еще на то, о чемъ я тебя спрошу.

— Спрашивай.

— Случалось ли тебѣ въ знойный день на пути остановиться у фонтана, чтобы утолить жажду?

— Конечно, случалось... Всякому случалось.

— Хорошо. Но если ты, остановившись, находилъ, что прохладная струя воды не течетъ изъ фонтана, потому что отъ зноя и бездождья пересохъ источникъ, питавшій фонтанъ, что ты тогда дѣлалъ?

— Я ѣхалъ дальше, до другого фонтана, гдѣ вода есть, или до рѣчки,—отвѣчалъ Джанъ-Барабатыръ-бей.

— А уѣзжая, фонтана не разваливалъ?

— Конечно, не разваливалъ; вѣдь я не сумасшедшій.

— И отверстія фонтана не забивалъ грязью, травой и каменьями, чтобы изъ него не могла уже вовсе политься вода, когда Аллахъ пошлетъ дождь и подземный источникъ опять будетъ полонъ?

— Что ты говоришь, Даутъ?! Фонтанъ—отрада путни-

ка, и всякій благочестивый человѣкъ, который хочетъ сдѣлать доброе дѣло, долженъ построить фонтанъ, гдѣ можно, а не разорять того, который построенъ трудами другого благочестиваго человѣка!..

— Такъ, такъ, благородный бей,—перебилъ его съ живостью кадій.—Ты очень мудро и справедливо говоришь, но поступаешь не такъ, какъ говоришь.

— Почему же не такъ?

— Потому что хочешь развалить и уничтожить фонтанъ, въ которомъ ты не могъ напиться, и только за то, что въ немъ послѣ засухи не нашлось воды для тебя,—сказалъ спокойно кадій.—Ты — путникъ, — продолжалъ онъ,—я—фонтанъ, мой долгъ тебѣ—вода. Вмѣсто того, чтобы подождать, пока изъ фонтана опять брызнетъ и потечетъ вода, ты хочешь разорить его, потому что грозишь отнять послѣднее мое достояніе—домъ, въ которомъ жили отецъ и дѣдъ мои, и меня, старика, съ дочерью лишить крова и хлѣба. Не дѣлай такого злого дѣла, Джанъ-Барабатыръ-бей, если не ради меня и моей дочери, то ради самого себя, потому что и люди станутъ укорять и осуждать тебя за это, и милосердый Аллахъ не проститъ тебѣ такого великаго грѣха. Ты самъ, бей, сказалъ, что ты не сумасшедшій, чтобы разваливать фонтанъ за то, что въ немъ временно нѣтъ воды, такъ не разваливай же моего фонтана, чтобы онъ, по благости Аллаха, опять далъ воду! Подожди, ради самого пресвѣтлаго пророка Магомета, чтобы я, собравшись съ силами, могъ отдать тебѣ твои деньги. Не снимай съ меня, старика, послѣдняго платья и не выгоняй меня съ дочерью изъ дома на зной и стужу! И у тебя есть дѣти... Пожалѣй же мое дитя и меня самого ради твоихъ дѣтей!..

И старикъ, вставши, поклонился до земли мурзаку. Но Джанъ-Барабатыръ-бей Арслановъ оказался неумолимымъ.

Рѣчь Даута-Хайруллы-Шарафетдина-оглу и то обстоятельство, что онъ самъ себя противъ своей воли назвалъ сумасшедшимъ, сильно его обозлили. Онъ всталъ и съ высокомѣрною гордостью, на которую только способенъ восточный властелинъ и мурзакъ, произнесъ:

— Ты много уже намололъ пустяковъ, Даутъ, и каждое ухо мое, слушая эти пустяки, стало похоже на обтрепанный кусокъ ремня на концѣ старой нагайки!

Мурзакъ кипятился и, возвышая постепенно голосъ, началъ громко кричать:

— Не хочу больше слушать всякій твой вздоръ! Какъ я сказалъ, такъ и будетъ. Семь дней тебѣ срока, и если на седьмой день не привезешь мнѣ всѣхъ моихъ денегъ, выгоню тебя какъ стараго, негоднаго пса изъ этого дома, а домъ твой, и садъ, и лошадь въ конюшнѣ, и этотъ коверъ, и все, что только есть въ домѣ, возьму себѣ! Ты все лжешь, старикъ, насчетъ твоей бѣдности. Ты богатый человѣкъ и легко можешь, если бы ты только захотѣлъ, заплатить мнѣ все, что долженъ, но ты не хочешь. Ты на-дняхъ долженъ былъ получить калымъ за свою дочь отъ ея жениха, и вѣрно богатый калымъ, потому что, говорятъ, дочь твоя красавица... Значитъ, ты могъ бы отдать долгъ, а если не отдашь, я отберу у тебя все, что есть! Все до послѣдней нитки возьму!..

— Нѣтъ, бей, не правда! Ничего не возьмешь, чтобы не быть проклятымъ, и чтобы не сожгла тебя своимъ пламенемъ и не убила первая же звѣзда, которая въ ночной тишинѣ скатится съ небеснаго свода и упадетъ на землю!—раздался вдругъ неожиданно третій голосъ, пре-

рвавшій рѣчь мурзака, и передъ изумленными глазами кадія и Джанъ-Барабатыръ-бея точно изъ-подъ земли выросла, появившись внезапно изъ-за кустовъ, Абибе съ непокрытымъ чадрою лицомъ.

Зная дѣла отца и увидѣвъ изъ окошка, какой гость пришелъ къ нему, она незамѣтно прошла за кустами изъ дома къ бесѣдовавшимъ и слышала весь разговоръ.

— Ты—князь, бей, не можешь поступить не по-княжески,—продолжала дѣвушка, глядя на него своими, какъ два брильянта, блестящими глазами.—Наша святая книга, я сама читала это тамъ, велитъ добротой отгонять отъ себя зло [1]). Покажи же свою княжескую доброту, бей, и пусть далеко, очень далеко будетъ этимъ прогнано зло отъ твоей головы, отъ руки и ноги твоей и отъ порога дома твоего. Подожди, князь, пока Аллахъ вознаградитъ отца урожаемъ за недавнюю бѣду, и ты тогда все свое возьмешь отъ него. А если непремѣнно хочешь теперь взять что-нибудь, возьми меня, князь, слугой и рабой къ себѣ, и не отпускай до тѣхъ поръ, пока отецъ не расплатится съ тобой. Я день и ночь буду работать для тебя и твоего дома, какъ самая вѣрная собака, буду сторожить твое добро и буду надежнымъ залогомъ за долгъ моего отца, потому что онъ будетъ стараться какъ можно скорѣе выкупить меня отъ тебя. Вѣдь я одна дочь у него; онъ одинъ отецъ у меня. Послушай же меня, бей, не отбирай дома у отца, не оставляй его сѣдую голову безъ крова на солнцѣ и стужѣ! Возьми лучше меня рабой, и Аллахъ за это сдѣлаетъ такъ, что никогда твои дѣти не будутъ ничьими рабами!..

---

[1]) Коранъ, Сура 23 (вѣрующіе), аистъ 98.

И при этихъ словахъ изъ двухъ большихъ брильянтовъ, съ мольбой глядѣвшихъ на очарованнаго мурзака, отдѣлились два маленькихъ алмазныхъ шарика и, скользнувъ по лицу, упали въ складочки чадры на высоко вздымавшейся отъ волненія груди красавицы.

Все это произошло такъ неожиданно и быстро для кадія и Джанъ-Барабатыръ-бея, что оба не успѣли даже хорошенько придти въ себя отъ удивленія.

Изумленный мурзакъ, точно очарованный этимъ видѣніемъ, любовался удивительной красотой подруги звѣздъ и долго не могъ произнести ни слова.

— Брильянтъ, а не дѣвушка!—невольно воскликнулъ онъ.

— Абибе, ты безумная,—раздался въ это время голосъ кадія,—у тебя открыто лицо. Ты позоришь себя и меня. Уходи въ домъ. Здѣсь не мѣсто тебѣ!

Слова отца отрезвили дѣвушку. Порывъ миновалъ, и она вдругъ поблѣднѣла и, повернувшись быстро, какъ лань, испуганная внезапнымъ появленіемъ охотника, стремительно побѣжала къ дому.

А пришедшій въ себя Джанъ-Барабатыръ-бей крикнулъ ей вслѣдъ:

— Не рабой, а госпожей возьму тебя къ себѣ, брильянтъ!

Когда захлопнулась дверь, въ которую скрылась Абибе, мурзакъ сказалъ кадію:

— Кто имѣетъ такую дочь, Даутъ, тотъ богаче самого султана! Въ жизни своей не видалъ такой красоты! Отдай мнѣ ее въ жены и будемъ квитъ съ тобой.

— Она уже отдана другому, бей,—отвѣчалъ кадій.

— Тотъ бѣднякъ; пусть онъ лучше служитъ табунщикомъ у меня, и пусть твою дочь будетъ называть «ха-

нымъ», а не женой. И для отца почетнѣе имѣть дочь, жену мурзака и бея, чѣмъ жену табунщика.

— Червонецъ въ торбѣ пастуха и въ карманѣ султана стоитъ одно и то же.

— Не даромъ всѣ говорятъ, что ты упрямый человѣкъ, Даутъ,— сказалъ рѣзко мурзакъ.—Ты самъ не понимаешь своего счастія: я хочу взять въ жены твою дочь, а ты, вмѣсто того, чтобы радоваться такому счастью, опять мелешь вздоръ. Вѣдь твоя дочь, когда будетъ женой табунщика, не сошьетъ себѣ кафтана изъ парчи и рубашки изъ чистаго шелка и не сдѣлаетъ себѣ такого богатаго дома съ перинами, коврами, серебромъ и зеркалами, какой она найдетъ у меня.

— Муха также не можетъ сдѣлать такой красивой и хитросплетенной паутины, какую для нея въ одну только ночь растягиваетъ паукъ, а спроси муху, рада ли она, когда попадаетъ въ эту узорно сотканную ловушку?— проговорилъ ему съ улыбкой старикъ.

Мурзакъ вспыхнулъ.

— Когда хозяинъ хочетъ выкупать лѣтомъ осла въ рѣкѣ, онъ, глупый, упирается всѣми четырьмя ногами и не хочетъ идти въ воду, хотя купанье и доставило бы ему прохладу. Тогда умный хозяинъ долженъ взять хорошую палку и молотить бока и спину эшека до тѣхъ поръ, пока это не надоѣстъ ему и онъ не войдетъ въ рѣку. Зато, когда ушастое животное попадетъ, наконецъ, въ воду и почувствуетъ себя тамъ лучше, чѣмъ на жарѣ, хозяину придется позвать одного или двухъ сосѣдей, чтобы вытянуть опять упрямца изъ воды на берегъ... Оселъ— очень глупая скотина, Даутъ, не правда ли?—произнесъ Джанъ-Барабатыръ-бей съ усмѣшкой.

— Правда, бей, правда,—отвѣчалъ ему въ тонъ кадій,—но люди бываютъ не рѣдко еще глупѣе ословъ... Я, напримѣръ, слыхалъ про одного, бей, который хотѣлъ непремѣнно войти въ чужой домъ не черезъ открытую дверь, а прямо, сквозь толстую каменную стѣну... А такъ какъ этого никакъ нельзя было сдѣлать, то онъ все старался разбѣжаться, думая, что съ разбѣга онъ войдетъ-таки туда, куда его не пускала надежная преграда. И знаешь, что изъ этого вышло, бей? Онъ до тѣхъ поръ бился о стѣну, пока, наконецъ, не разбилъ себѣ головы и не упалъ тутъ же въ изнеможеніи. Тогда хозяинъ, который сидѣлъ на своей крышѣ и смотрѣлъ на эту его глупую затѣю, сказалъ ему: «Не лучше ли было имѣть хоть и очень глупую голову, но цѣлую, чѣмъ такую же самую, но разбитую?» Не знаю, бей, какъ ты скажешь, но по-моему этотъ настойчивый глупецъ былъ еще глупѣе того твоего осла, который не хотѣлъ купаться.

Поквитавшись этими аллегоріями, бесѣдовавшіе замолчали. Мурзакъ смотрѣлъ по направленію къ дому, гдѣ скрылась Абибе; старикъ сталъ набивать свою трубку.

Наконецъ, гость опять сказалъ:

— Подумай хорошенько, Даутъ, и не противься своей пользѣ. Отдай мнѣ въ добрый часъ твою дочь въ жены... И ей и тебѣ будетъ хорошо.

— Я уже сказалъ тебѣ, бей, что она отдана другому, значитъ, она уже не моя, и я тебѣ не могу отдать чужого.

— Но вѣдь она сейчасъ сама просила, чтобы я взялъ ее!

— Она—неразумное дитя... Когда твое дитя попроситъ тебя, чтобы ты далъ ему пылающій уголь въ руку, ты дашь, бей?

— Но вѣдь ты этимъ заплатишь мнѣ весь свой долгъ

и—пусть уже будетъ такъ, чтобы ты зналъ, что я умѣю быть щедрымъ по-княжески,—вся земля, которую ты теперь арендуешь, станетъ навсегда твоею собственностью: такого калыма не дадутъ тебѣ и десять другихъ жениховъ.

— Ни одна матка изъ твоихъ табуновъ не отдастъ волку своего жеребенка и за цѣлыя горы лучшаго овса, хотя бы она издыхала отъ голода и хотя бы волкъ тысячу разъ грозилъ ей, что онъ сожретъ ее самое.

Мурзакъ заскрежалъ зубами.

— Ты прожилъ уже весь свой умъ, старикъ, до послѣдней капли, если его у тебя было когда-нибудь хоть горсточка!—воскликнулъ онъ злобно.—Ты—совсѣмъ безмозглый дуракъ!

— Думай, мурзакъ, что ты эти слова сказалъ въ пустынѣ, гдѣ кромѣ эхо никто тебѣ отвѣчать не можетъ, а ты знаешь, что эхо на слово «дуракъ» не отвѣтитъ словомъ «мудрецъ»!—сказалъ насмѣшливо Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу и прибавилъ: — ты забылъ, бей, что ты пріѣхалъ въ Бахчисарай, вѣрно, не за однимъ этимъ дѣломъ ко мнѣ и что тебѣ, вѣрно, есть еще какое-нибудь дѣло за калиткой этого, пока еще моего, а не твоего дома!

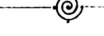
Мурзакъ слегка поблѣднѣлъ при такомъ, хотя и вполнѣ вѣжливомъ, но не оставляющемъ никакого сомнѣнія въ истинномъ его смыслѣ, напоминаніи и, ставъ, чтобъ уйти, произнесъ:

— Черезъ семь дней ты мнѣ привезешь или всѣ деньги полностью до копейки, или... свою дочь Абибе, хотя бы ты и не стоилъ, чтобы я ее бралъ у тебя. А если не захочешь привезти то или другое, тогда уходи, какъ стоишь,

вмѣстѣ съ дочерью изъ этого дома, куда хочешь, потому что на восьмой день онъ уже будетъ мой, а не твой. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово. А теперь я уйду... Помни же, упрямый старикъ, и не являйся ко мнѣ безъ того или другого.

— Хорошо, бей, помню,—добродушно-грустно отвѣчалъ старикъ.—Или я приду въ твой домъ, или уйду изъ твоего дома.

Мурзакъ ушелъ, а старикъ остался сидѣть на мѣстѣ и крѣпко задумался и только послѣ того, какъ захрипѣла докуренная имъ третья трубка, Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу всталъ и тихо побрелъ по дорожкѣ садика къ дверямъ своего дома...

X.

Какъ помочь бѣдѣ?

— Если его жадный глазъ нашелъ, гдѣ мое счастье, такъ мой кинжалъ еще лучше найдетъ, гдѣ его сердце!..—говорилъ, скрежеща зубами отъ гнѣва, Темиръ-Булатъ.

— У него сердца нѣтъ,—спокойно произнесъ кадій, больше думая вслухъ, чѣмъ обращаясь къ кому-нибудь.—У него вмѣсто сердца твердый камень.

— Хорошій кинжалъ въ хорошей рукѣ пронижетъ камень точно такъ же, какъ и печеный хлѣбъ!

— Святая книга удержитъ твою слѣпую отъ гнѣва руку,—произнесъ важно главный мулла, Файзулла-Нубинъ-Шарафетдинъ-эффенди, сидѣвшій около своего брата-кадія, у котораго въ домѣ происходилъ этотъ разговоръ

дня черезъ три-четыре послѣ посѣщенія мурзакомъ Джанъ-Барабатыръ-беемъ Даута-Хайруллы-Шарафетдина-оглу.

— Святая книга не захочетъ, чтобы я вмѣсто его сердца пронзилъ свое собственное, чтимый мулла-эффенди,— произнесъ почтительно джигитъ и съ горячностью продолжалъ:—онъ ослѣпилъ меня! Онъ отнялъ у меня, готоваго умереть отъ жажды, каплю росы, которою самъ милосердный Аллахъ хотѣлъ спасти меня отъ смерти! Онъ вырвалъ мое сердце и безжалостно растопталъ его ногами! Если онъ требуетъ Абибе, я требую его жизни... И вы, отецъ и дядя ея, лучше меня еще понимаете, что такая цѣна за эту дѣвушку—ничтожная цѣна, потому что каждый волосъ съ головы твоей дочери, Даутъ-ага, стоитъ больше жизни такой собаки, какъ этотъ мурзакъ, который, будучи мусульманиномъ, готовъ выпить кровь изъ каждаго изъ насъ, его единовѣрцевъ... Если я убью его, я сдѣлаю только благо для всего нашего народа, потому что избавлю его отъ такого вреднаго паука, какъ этотъ завистливый мурзакъ.

— Ты кипишь гнѣвомъ, какъ море волной, Темиръ-Булатъ,—сказалъ спокойно кадій,—а ты знаешь, что чѣмъ больше море кипитъ и бушуетъ, тѣмъ больше непоправимаго зла оно дѣлаетъ, потому что разбиваетъ суда и лодки и топитъ всякаго, кого застигнетъ буря, не разбирая, добрый ли онъ, или злой человѣкъ... Успокойся и тогда будемъ говорить и думать.

— Братъ Даутъ хорошо говорилъ тебѣ, но не сказалъ главнаго,—счелъ своимъ долгомъ вставить и свое замѣчаніе мулла.—Онъ не сказалъ тебѣ, что во многихъ мѣстахъ премудраго и святого Корана самъ великій пророкъ Магометъ строго запрещаетъ убійство и грозитъ

каждому правовѣрному за него геенной [1]), гдѣ грѣшники въ одеждахъ изъ смолы и изъ огня [2]) и въ цѣпяхъ и ошейникахъ [3]) будутъ претерпѣвать жестокіе побои желѣзными рожнами [4]) и адское жженіе огнемъ [5]). Огонь будетъ обнимать ихъ со всѣхъ сторонъ [6]), будетъ стоять шатромъ на высокихъ столбахъ надъ ихъ несчастными головами [7]), и лица ихъ отъ вѣчныхъ мукъ будутъ искажаться отъ боли [8]), потому что кожа ихъ, по мѣрѣ того какъ она будетъ пропекаться и, истлѣвая, отпадать, будетъ замѣняться все новой и новой [9]).. Вѣчный вой, стоны и визгъ будутъ оглашать эти страшныя огненныя дебри геенны [10]), и грѣшники, какъ о величайшей милости, будутъ просить себѣ только смерти [11])... Но муки ихъ будутъ безконечны и безысходны [12])... Пищей для нихъ будутъ служить вонючія помои, а питьемъ—отвратительный гной [13]) и кипящая вода [14]). Вотъ что ожидаетъ тебя, слѣпецъ, если ты исполнишь свой грѣшный замыселъ! А это все будетъ навѣрно, потому что иначе не было бы объ этомъ сказано въ пресвятомъ Алкоранѣ, который одинъ только—чистый

---

1) Коранъ, Сура 4 (жены), айетъ 94 и 95, Сура 5 (трапеза), айетъ 35 Сура 6 (скотъ), айетъ 152, Сура 17 (сыны Израилевы), айетъ 35, Сура 25 (фурканъ), айетъ 68.

2) Коранъ, Сура 22 (праздникъ), айетъ 20.

3) Коранъ, Сура 76 (человѣкъ), айетъ 4.

4) Коранъ, Сура 22 (праздникъ), айетъ 21.

5) Коранъ, Сура 2 (корова), айетъ 22.

6) Коранъ, Сура 104 (хулитель), айетъ 6—9.

7) Коранъ, Сура 18 (пещера), айетъ 28, Сура 90 (городъ), айетъ 20.

8) Коранъ, Сура 23 (вѣрующіе), айетъ 106.

9) Коранъ, Сура 4 (жены), айетъ 59.

10) Коранъ, Сура 11 (гудъ), айетъ 108.

11) Коранъ, Сура 25 (фурканъ), айетъ 14—15.

12) Коранъ, Сура 22 (праздникъ), айетъ 22.

13) Коранъ, Сура 69 (неминуемое), айетъ 36 и Сура 38 (с), айетъ 57.

14) Коранъ, Сура 6 (скотъ), айетъ 69.

источникъ правды, какъ и солнце—одинъ только источникъ чистаго огня...

Темиръ-Булатъ, выслушавъ столь ярко и точно, по словамъ Корана, воспроизведенное описаніе страшной картины мукъ геенны, опустилъ голову съ видомъ страдальца, который ничѣмъ и никакъ не можетъ облегчить своихъ страданій.

— Зачѣмъ же онъ хочетъ разбить мою жизнь?—сказалъ онъ, наконецъ, тоскливо.—Зачѣмъ же онъ позавидовалъ мнѣ и отнимаетъ у меня то, что мнѣ дороже самой жизни?

— Абибе сама предложила ему взять ее,—сказалъ кадій и разсказалъ Темиръ-Булату то, что произошло при посѣщеніи его Джанъ-Барабатыръ-беемъ.

— Хоть ухо мое и слышитъ твои слова, кадій-ага, но сердце не можетъ и не хочетъ вѣрить этому,—произнесъ съ запальчивостью юноша.

— Отецъ правду говоритъ,—сказала громко Абибе, вошедшая вдругъ въ комнату изъ-за шерстяной перегородки, которой отдѣлялась часть комнаты, гдѣ были сложены тюфячки, подушки и платье. Лицо ея было сплошь закутано бѣлоснѣжной чадрой и только два большихъ глаза горѣли сквозь небольшую щель покрывала.—Но я хотѣла и хочу,—продолжала дѣвушка, не давая опомниться присутствующимъ отъ ея внезапнаго появленія,—чтобы онъ взялъ меня рабой, а не женой... Я хочу отработать ему самымъ тяжелымъ трудомъ хотя часть долга отца и жить заложницей у него до тѣхъ поръ, пока Аллахъ поможетъ отцу разсчитаться съ нимъ. Я хочу, чтобы онъ не прогналъ отца на закатѣ его дней съ родного уголка земли. Пусть онъ лишитъ меня жизни, но не ли-

шасть отца того дома, въ которомъ увидалъ свѣтъ и онъ, и его отецъ, и его дѣдъ...

И прежде чѣмъ слушатели могли что-нибудь отвѣтить на эту неожиданную рѣчь, подруга звѣздъ быстро вышла изъ комнаты.

— Изумрудъ, а не дѣвушка!—произнесъ съ восхищеніемъ мулла.—Счастливъ ты, братъ Даутъ, имѣя такую дочь!

— Такою ее создалъ Аллахъ: во всемъ его святая воля!—отвѣчалъ старикъ.

А Темиръ-Булатъ только поникъ головой.

— Что же ты надумалъ, кадій?—тихо спросилъ онъ.

— Пока ничего, кромѣ того, что не отдамъ мурзаку своего дитяти, потому что другія двѣ жены его забьютъ мою бѣдную Абибе, какъ коршуны забиваютъ робкую горличку.

— Тогда онъ возьметъ твой домъ и твой садъ и все твое имущество,—произнесъ мулла.

Старикъ ничего не отвѣтилъ.

— А если я украду ее?—вдругъ спросилъ Темиръ-Булатъ.—Ты привезешь Абибе въ назначенное время къ мурзаку и когда она уже будетъ въ его дворѣ, налетитъ, какъ стадо орловъ, толпа джигитовъ и отниметъ у тебя и у него дорогую плѣнницу... Я, какъ вѣтеръ, унесу ее на своемъ конѣ, и пусть этотъ старый хищникъ попробуетъ догнать меня и отнять драгоцѣнную ношу, которую я буду держать передъ собой на сѣдлѣ. Онъ скорѣе сможетъ вырвать по одному всѣ зубы изъ челюстей самого сатаны, чѣмъ вырвать изъ моихъ рукъ дорогую подругу!

Глаза джигита горѣли огнемъ неукротимой рѣшимости, рука сжимала рукоятку ножа, который былъ у него за поясомъ. Правда его словъ была очевидна сама собою.

— Это ничему не поможетъ,—сказалъ спокойно кадій.—Если онъ не получитъ того, что считаетъ равнымъ моему долгу, онъ будетъ правъ взять у меня и домъ и все остальное.

— Ты свое дѣло сдѣлаешь,—горячо возразилъ молодой татаринъ:—ты привезешь дочь мурзаку и не твоя вина, что ее у него со двора отнимутъ.

— Можно обмануть мурзака, но своего сердца и ока Аллаха, который видитъ все явное и скрытое, не обманешь,—спокойно сказалъ Даутъ.

Молодой человѣкъ безпомощно опустился опять на коврикъ, съ котораго онъ, волнуясь, вскочилъ, когда говорилъ о томъ, что похититъ Абибе. Онъ опустилъ голову почти на самую грудь и сильно задумался.

Старики безмолвно курили свои трубки, а Темиръ-Булатъ тяжело дышалъ. Такъ прошло много времени въ глубокомъ молчаніи.

Наконецъ, женихъ подруги звѣздъ всталъ. Онъ скрестилъ руки на груди и теперь уже имѣлъ видъ человѣка, спокойно обдумавшаго свое положеніе и принявшаго какое-то твердое рѣшеніе. Ни гнѣва, ни запальчивости въ его голосѣ и жестахъ уже не было замѣтно. Онъ спросилъ кадія:

— Когда тебѣ мурзакъ велѣлъ привезти къ нему Абибе, ага?

— Онъ далъ мнѣ семь дней сроку.

— Сколько же еще остается дней?

— Четыре.

— Значитъ, онъ хочетъ получить мою невѣсту въ тотъ самый день, когда у насъ въ Бахчисараѣ должна быть борьба?

— Выходитъ такъ.

— Но вѣдь онъ, навѣрно, будетъ самъ здѣсь въ этотъ день, потому что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, на моей памяти, онъ ежегодно въ этотъ день скачекъ и борьбы бываетъ здѣсь и борется. Онъ хвастаетъ тѣмъ, что еще никто послѣ смерти знаменитаго нашего борца Османа не могъ побороть его.

— Онъ, навѣрно, будетъ здѣсь,—сказалъ мулла-эффенди,—потому что, слыхалъ я, онъ вызывалъ на борьбу самаго извѣстнаго борца, рыбака Юрку, изъ Ѳеодосіи, за котораго ѳеодосійскіе и карасубазарскіе мурзаки будто бы ставятъ большой закладъ.

— И я слыхалъ про это,—подтвердилъ Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу.

— Ну, вотъ видишь, сказалъ радостно джигитъ,—значитъ, онъ самъ позабылъ про это и ошибся. Значитъ, если бы ты исполнилъ его слово, некому было бы принять отъ тебя твою дочь.

— Не знаю, но онъ ясно сказалъ: «черезъ семь дней».

— Сдѣлай же мнѣ, ага, великую милость ради счастья твоей дочери и моего.

— Ради счастья Абибе можно все сдѣлать,—сказалъ старикъ,—потому что и она сама ради моего счастья готова даже свою молодую жизнь загубить.

— А если братъ не сможетъ сдѣлать—я сдѣлаю!—вставилъ рѣшительно мулла, очевидно заинтересовавшійся просьбой Темиръ-Булата.—Абибе всего стоитъ, потому что другой такой Абибе не найти въ цѣломъ Крыму,—прибавилъ онъ.

— Поѣзжай завтра же къ мурзаку.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Зачѣмъ?

— Скажи, что ты согласенъ отдать ему Абибе въ жены,—сказалъ отчетливо джигитъ.

Оба старика удивленно взглянули на молодого человѣка, но тотъ стоялъ съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, сознающаго смыслъ своихъ словъ.

— Скажи, что ты будешь счастливъ отдать ему свою дочь въ жены и будешь гордиться такимъ богатымъ и славнымъ зятемъ-беемъ, какъ онъ.

— Что же будетъ дальше?—спросили въ одинъ голосъ старики-братья.

— А вотъ что: ты ему скажи, что нигдѣ не слыхано и не видано между татарами,—какая бы ни была невѣста и какой бы ни былъ женихъ,—чтобы самъ отецъ везъ молодую въ домъ къ ея мужу, и потому пусть онъ самъ пріѣдетъ за нею, чтобы принять отъ тебя твою единственную дочь и, посадивъ ее въ украшенный цвѣтами и лентами и запряженный четверкой самыхъ дорогихъ лошадей фургонъ, отвезти въ свой домъ.

— Это онъ говоритъ толково,—поддержалъ джигита мулла,—потому что по нашему закону не невѣста идетъ за женихомъ, а женихъ за невѣстой. Вѣдь и путникъ идетъ къ фонтану, когда захочетъ утолить жажду, а не фонтанъ къ путнику...

— Такъ дѣлается во всемъ свѣтѣ, такъ и нужно сдѣлать,—согласился кадій.

— Но ты скажи ему, что ты отдашь ему свою дочь не раньше какъ окончатся дни скачекъ и борьбы; а такъ какъ будетъ два дня скачекъ и одинъ день борьбы, то значитъ на три дня позже назначеннаго имъ срока.

— Для чего это нужно?

— Это нужно для счастья Абибе.

— А если онъ не согласится продолжить срокъ?

— Онъ безъ всякаго сомнѣнія согласится, потому что ему главное—получить Абибе. Ты самъ разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ ее, а кто видѣлъ ее хоть одинъ разъ въ своей жизни одну только секунду, тотъ уже будетъ думать о ней и искать ее цѣлую жизнь, хотя бы ему суждено было прожить столько же лѣтъ, сколько можетъ простоять на землѣ самый могучій и самый долговѣчный дубъ. Онъ, навѣрно, согласится и не можетъ поступить иначе, потому что въ дни скачекъ и борьбы онъ и самъ будетъ здѣсь: его лошади будутъ скакать, а онъ самъ будетъ бороться со всѣми и съ Юркой.

— Что же изъ этого всего будетъ? Развѣ этотъ срокъ на три дня позже можетъ помочь твоему и нашему горю?—спросилъ кадій.

— Будетъ то, чему милосердный Аллахъ по милости и заступничеству своего святого пророка повелитъ быль,—произнесъ загадочно молодой человѣкъ.

Кадій и мулла покачали головами, очевидно сомнѣваясь въ полезности и исходѣ какого-то, пока еще неизвѣстнаго для нихъ, плана Темиръ-Булата.

— Ты скажи ему,—продолжалъ тотъ,—что ты, ага, считаешь свой долгъ уплаченнымъ ему выраженнымъ тобой согласіемъ на его бракъ съ твоею дочерью и что ты охотно отдаешь ее ему въ жены, *если онъ самъ пожелаетъ пріѣхать за ней*, но не раньше окончанія дня борьбы, которая должна быть въ Бахчисараѣ послѣ предстоящихъ у насъ скачекъ.

— И, значитъ, когда онъ пріѣдетъ, отдать ему Абибе?—спросилъ удивленно старикъ.

— Если пріѣдетъ,—отдай!—отвѣчалъ рѣшительно Темиръ-Булатъ. — Но только я тебѣ говорю, что *онъ не пріѣдетъ за нею, потому что не захочетъ самъ.*

— Какъ ты можешь говорить такъ увѣренно о томъ, чего еще не было и что совсѣмъ неизвѣстно — будетъ ли?

— Могу говорить, если говорю, потому что знаю, что я не о шуточномъ дѣлѣ говорю, а о судьбѣ той, за которую сейчасъ же готовъ погубить всѣхъ людей на всемъ свѣтѣ и самого себя!.. Прошу тебя, умоляю тебя, заклинаю тебя пресвѣтлымъ именемъ Аллаха, ага, сдѣлай такъ, какъ я говорю, и ты увидишь, что бѣда пройдетъ сама мимо твоей и моей головы и мимо той головы, за каждый волосъ которой я готовъ отдать всю свою жизнь!—И молодой человѣкъ поклонился до земли старику, удивленно разводившему только руками.

— Сдѣлай, какъ онъ хочетъ, Даутъ,—произнесъ важно мулла,—потому что, я вижу, онъ говоритъ не спроста: вѣрно, самъ Аллахъ невидимымъ лучомъ своего божественнаго свѣта просвѣтлилъ его умъ и внушилъ его языку сказать то, что онъ сказалъ.

— Хорошо,— согласился старикъ,—я завтра же поѣду къ Джанъ-Барабатыръ-бею и скажу ему слово въ слово такъ, какъ ты мнѣ говорилъ.

— И его отвѣтъ привезешь мнѣ?

— Привезу, если доѣду живымъ.

— Самъ Аллахъ внушилъ тебѣ исполнить эту мою просьбу!—закончилъ джигитъ, собираясь уходить.

— Прощай теперь, мой второй отецъ, и ты, чтимый мулла-эффенди... Все въ рукахъ Аллаха и все, что будетъ, будетъ по его святой волѣ!

И Темиръ-Булатъ пошелъ изъ комнаты, но въ дверяхъ онъ вдругъ повернулся и грознымъ голосомъ произнесъ:

— Если эта собака скажетъ на твои слова «да», онъ подаритъ намъ всѣмъ счастье, а себѣ самому—жизнь; если же онъ скажетъ «нѣтъ»,—и при этомъ глаза говорившаго сверкнули дикимъ и зловѣщимъ огнемъ,—этотъ самый ножъ пройдетъ сквозь его сердце, прежде чѣмъ наступитъ данный имъ тебѣ срокъ для уплаты твоего долга!

И съ этими словами Темиръ-Булатъ исчезъ за дверью.

Когда на другой день поздно ночью кадій Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу, исполнивъ въ точности порученіе Темиръ-Булата, возвращался уже домой, передъ нимъ очень далеко, за городомъ, вдругъ точно выросъ изъ темноты всадникъ.

— Нѣтъ Бога кромѣ Бога...—раздался голосъ Темиръ-Булата.

— Магометъ пророкъ Его,—отвѣтилъ старикъ.

— Отецъ, это ты возвращаешься?

— Я, Темиръ-Булатъ, по волѣ Аллаха.

— Говори же скорѣй, отецъ, не мучь меня, съ чѣмъ ты ѣдешь обратно?

— Мурзакъ отпустилъ меня съ большимъ почетомъ и богатымъ подаркомъ для Абибе, которую онъ теперь уже считаетъ не твоей, а своей невѣстой.

Темиръ-Булатъ при этихъ словахъ заскрежеталъ зубами.

— Какой подарокъ посылаетъ онъ ей?—спросилъ онъ чуть слышно.

— Большой кусокъ дорогого атласу на бешметъ и десять червонцевъ на головной уборъ.

— Въ этотъ самый атласъ его завернутъ, чтобы похоронить, когда я убью его, а червонцы отдадутъ тѣмъ, кто будетъ рыть для него могилу,—мрачно произнесъ Темиръ-Булатъ, поѣхавшій рядомъ съ кадіемъ.—А условіе твое о срокѣ онъ принялъ?—продолжалъ допросъ молодой человѣкъ и при этихъ словахъ онъ даже вздрогнулъ.

— Съ великою радостью принялъ и сказалъ, что пріѣдетъ за Абибе не на четырехъ, а на сорока четырехъ лошадяхъ, потому что фургонъ ея будутъ окружать сорокъ верховыхъ джигитовъ, лошади которыхъ съ головы до ногъ будутъ убраны шелковыми платками и лентами.

— Когда пріѣдетъ?

— На третій день послѣ борьбы.

Вздохъ облегченія вырвался изъ груди Темиръ-Булата.

— Онъ подарилъ себѣ жизнь, а меня избавилъ отъ огненной геенны и всѣхъ мукъ ея!—радостно вскричалъ Темиръ-Булатъ и вдругъ, пригнувшись къ лукѣ сѣдла, гикнулъ, свистнулъ и какъ вихрь помчался по дорогѣ впередъ.

— Абибе моя! Абибе моя!! Слава повелителю міровъ, Аллаху!—донесся изъ темноты дикій радостный крикъ ликовавшаго джигита, и вслѣдъ затѣмъ скоро совсѣмъ затихъ и дробный топотъ бѣшено скакавшаго по дорогѣ коня.

XI.

Накануиѣ Курбанъ-Байрама.

Въ Бахчисараѣ шли оживленныя и спѣшныя приготовленія къ празднованію Курбанъ-Байрама, который обыкновенно наступаетъ черезъ два мѣсяца и десять дней

послѣ Рамазана, и установленъ въ память принесенія въ жертву Богу Авраамомъ, сыномъ Азара, своего сына Исмагыля [1]) во исполненіе полученнаго имъ во снѣ видѣнія [2]). Но десница Божія во время удержала руку отца, занесшаго во славу имени Аллаха ножъ надъ сердцемъ сына.

Впослѣдствіи этотъ столь покорный волѣ Творца и потому получившій священное названіе «друга Божьяго» (Халиль-Улла) [3]) патріархъ сталъ образцомъ вѣры [4]) и, построивъ вмѣстѣ съ спасеннымъ отъ его руки сыномъ Исмагылемъ священную Каабу, сдѣлался первымъ ея имамомъ [5]), и черезъ того же Исмагыля передалъ истинную вѣру потомству [6]). Въ память этихъ знаменательныхъ для торжества Ислама событій древности и установлено четырехдневное празднованіе Курбанъ-Байрама, къ которому теперь готовились бахчисарайцы.

На той самой равнинѣ, край которой надъ ущельемъ рѣки Чурукъ-Су нѣкогда при ханѣ-поэтѣ, Буре-Гази-Гиреѣ, былъ убранъ адской изгородью изъ многихъ десятковъ, если не сотенъ, посаженныхъ на колы мучениковъ, теперь расчищалось и приготовлялось обширное мѣсто для борьбы, скачекъ и игръ.

И теперь тутъ вбивались колы, но уже вовсе не для демоническаго украшенія ихъ корчившимися отъ нечело-

---

[1]) По ученію Магомета, измѣнившаго библейское преданіе, Авраамъ, сынъ Азара, хотѣлъ принести въ жертву Богу сына Исмагыля (Измаила), а не Исаака.

[2]) Коранъ, Сура 37 (чинно стоящіе), айеты 97—113.

[3]) Коранъ, Сура 4 (жены), айетъ 124.

[4]) Коранъ, Сура 60 (испытываемая), айетъ 4.

[5]) Коранъ, Сура 2 (корова), айеты 118—122.

[6]) Коранъ, Сура 43 (золотыя украшенія), айетъ 27.

вѣческихъ мукъ тѣлами страдальцевъ, а лишь для того, чтобы отдѣлить протянутымъ по этимъ коламъ канатомъ большой просторный кругъ для борьбы, въ которомъ мѣстные и пріѣзжіе богатыри-борцы покажутъ удивленной толпѣ могучую силу своихъ мышцъ и ловкость. А далеко, въ сторонѣ отъ этого круга, снова вбивается прочный высокій столбъ съ перекладиной въ видѣ буквы Г, но также не для того, чтобы повѣсить на немъ помертвѣвшаго отъ страха знатнаго плѣнника, а лишь для того, чтобы свѣшивать съ этой перекладины цвѣтной платокъ, который долженъ въ каждомъ скаковомъ кругу срывать при оглушительныхъ крикахъ и одобреніи праздничной толпы зрителей и при громѣ дауловъ, зурнъ, дарэ и скрипокъ первый достигшій призового столба наѣздникъ.

Тамъ и сямъ спѣшно ставились временные столы и лотки съ навѣсами для защиты отъ солнца, сдѣланными изъ разноцвѣтныхъ матерій для торговцевъ съѣстнымъ: бузой, сластями, язмой, шербетами и другими прохладительными напитками; вбивались столбы и козла для всевозможныхъ игръ и состязаній. Шашлычники и чичиръ-бурешники наскоро рыли въ землѣ свои продолговатыя и круглыя печи для того, чтобы тутъ же на мѣстѣ приготовлять для сотенъ желающихъ вкусный шашлыкъ, катламу и самые жирные чичиръ-буреки. Громогласные телалы ставили для себя небольшіе подмостки, чтобы въ перерывахъ между скачками и борьбой выкрикивать съ нихъ цѣны продаваемыхъ тутъ же съ публичнаго торга разныхъ предметовъ, а нерѣдко и особенно отличившихся быстротой и рѣзвостью лошадей.

Вынимались самые дорогіе цвѣтные наряды для предстоящаго праздника; вездѣ пекли, варили и жарили цѣ-

лыя горы разной ѣды и угощеній для ожидаемыхъ изо всѣхъ, даже очень далекихъ окрестностей гостей на этотъ особенно весело и разнообразно справляемый въ Бахчисараѣ годовой праздникъ, и въ особенности для двухъ послѣднихъ дней его, такъ какъ первый день предназначенъ для дѣлъ благочестія и отдыха, а во второй — въ скачкахъ, борьбѣ и другихъ играхъ участвуютъ одни только подростки и дѣти. Настоящій же интересъ праздника начинается съ третьяго дня его, дня скачекъ для взрослыхъ, и оканчивается четвертымъ и послѣднимъ днемъ, когда происходитъ борьба силачей и раздача наградъ и призовъ отличившимся.

Словомъ, всѣ прочіе интересы, занятія и заботы теперь были отложены въ сторону, и Бахчисарай отъ мечетей, хановъ, кофеенъ и до самыхъ бѣднѣйшихъ лачугъ и закоулковъ дѣятельно и спѣшно приготовлялся къ веселому годовому празднику Курбанъ-Байрама.

Наканунѣ самаго праздника ночь была восхитительная. Напоенная ароматомъ травы и цвѣтовъ темнота окутывала прохладнымъ мягкимъ покровомъ крѣпко заснувшій послѣ спѣшныхъ работъ и трудовъ городъ и прорѣзывающую его по всей длинѣ чуть серебрившуюся ленту рѣки, и всѣ его тридцать пять мечетей, и древній таинственный Ханъ-Сарай, и сто десять колодцевъ, и далекій высѣченный въ скалистыхъ высотахъ Чуфутъ-Кале, съ нависшимъ на скалахъ же противъ этого гнѣзда караимовъ поэтическимъ Успенскимъ скитомъ, и старинные мавзолеи Эски-Юрта, и таинственныя пещеры Тепекермена и, наконецъ, далекія древнія развалины лѣтнихъ ханскихъ резиденцій: Хани-Эль-Ашламы и Алмы-Сарая.

Все это потонуло и скрылось въ густой мглѣ тихой

лѣтней ночи. И только одинъ, точно брильянтами выложенный куполъ неба, раздвигалъ надъ всей этой непроницаемой тьмой со всѣхъ сторонъ свои сверкающіе милліонами разноцвѣтныхъ огней своды.

Было тихо, до жуткости тихо, и только откуда-то очень издалека доносился по временамъ крикъ какой-то ночной птицы: «сплю», «сплю», «сплю», старавшейся убѣдить весь спавшій міръ, что и она спитъ. Вторые пѣтухи уже болѣе часу тому назадъ прогорланили среди этой темной тишины свои пронзительныя колыбельныя пѣсни, подъ которыя еще крѣпче заснули убаюкиваемыя этими нѣжными по ихъ понятіямъ гимнами куры-насѣдки. Вслѣдъ за этимъ вторымъ пѣніемъ пѣтуховъ потухъ, наконецъ, и одинаково мерцавшій до сихъ поръ огонекъ въ какой-то лачужкѣ труженика, для работы котораго солнце, вѣроятно, недостаточно долго свѣтило днемъ надъ землею.

Все давно уже спало глубокимъ мертвымъ сномъ.

А надъ домомъ стараго кадія Даута чуть замѣтно вырисовывалась сквозь темноту одинокая фигура женщины и казалась при слабомъ, невѣрномъ мерцаніи звѣздъ вдвое больше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Это—бѣдная, истерзанная сердцемъ Абибе вышла среди ночной тишины на крышу своего дома, чтобы повидаться со своими неземными подругами и рѣчами своихъ глубокихъ чудныхъ очей излить передъ ними наболѣвшую душу.

Она повѣряла имъ свои грустныя мысли; она беззвучно рыдала передъ ними невидимыми слезами боровшагося въ ея душѣ безвыходно-тягостнаго двойного чувства; съ одной стороны, дочерняго долга, съ другой — впервые

вспыхнувшаго въ душѣ какого-то совсѣмъ еще ей непонятнаго непреодолимаго влеченія къ джигиту Темиръ-Булату; она умоляла всѣхъ своихъ подругъ, жительницъ высокаго небосклона, посочувствовать ей, и своей мягкой мерцающей лаской облегчить ей гнетущій ея сердце разладъ этихъ чувствъ и научить, какъ поступить, что сдѣлать, чтобы и отецъ не лишился родного крова и любимый джигитъ не былъ потерянъ для нея безвозвратно. По временамъ эти невидимыя беззвучныя слезы, которыя теперь непрестанно лила ея душа съ тѣхъ поръ, какъ она стала цѣною благополучія своего разорившагося отца и сама предложила себя рабой мурзаку за неоплатный изъ-за неожиданнаго несчастья долгъ старика, вдругъ сдавливали ей точно тисками горло и грудь, и часто, брызнувъ изъ глазъ, выливались цѣлымъ потокомъ большихъ жгучихъ капель. И все это щемившее ей сердце и камнемъ давившее ей грудь она повѣряла теперь съ глухими рыданіями своимъ единственнымъ, хотя и далекимъ небеснымъ подругамъ и у нихъ искала и спрашивала совѣта, поддержки и предсказаній въ своей неисходной бѣдѣ.

Но... странное дѣло! Золотыя звѣздочки не раздѣляли, повидимому, ея горя, потому что онѣ свѣтили не грустно, а радостно; онѣ не мерцали печально сквозь непроглядную дымку тумана, а напротивъ,—искрились и сверкали и по временамъ точно брызгали въ нее цѣлыми пучками разноцвѣтныхъ нѣжныхъ стрѣлокъ; онѣ мигали ей голубыми и красными лучами, а потомъ вдругъ темно золотились. Онѣ улыбались ей, но не плакали съ нею! Вѣрно, онѣ знали и предсказывали ей счастливый исходъ казавшагося ей самой безысходнымъ горя...

И сколько бы разъ она ни обращала свой грустный взоръ въ горѣвшую золотыми факелами высь небосклона, ей сами собой сейчасъ же бросались въ глаза и такъ отчетливо, ярко, такъ радостно ярко мигали семь большихъ звѣздъ. Вотъ эти семь главныхъ ея подругъ уже совсѣмъ подошли къ горизонту, но и оттуда онѣ ни на секунду не переставали улыбаться ей своими неземными золотыми глазками. Онѣ точно говорили ей: «Перестань страдать и плакать! Нигдѣ не видно твоей бѣды: мы ясно видимъ въ будущемъ,—которое не видно тебѣ съ далекой низкой земли, но отчетливо ясно для насъ съ высокаго неба,—твое счастье, твое длинное-длинное полное счастье... И оно гораздо ближе къ тебѣ, чѣмъ ты сама могла бы этого ожидать!..»

Такъ мигали ей семь большихъ яркихъ звѣздочекъ до той самой минуты, пока не подошли къ самому краю неба и не стали одна за другой пропадать въ невѣдомой темной дали.

Абибе не могла понять, почему это сегодня такъ свѣтлы и такъ радостны всѣ до одной ея подруги-звѣздочки, когда у нея самой на сердцѣ такъ мрачно и такъ невыносимо печально?

Она крѣпко задумалась, глядя вслѣдъ только что скрывшимся за краемъ далекаго небосклона семи звѣздочкамъ, и не слыхала даже, какъ съ самаго близкаго къ крышѣ орѣховаго дерева тихій голосъ дважды уже назвалъ ее по имени. И только когда этотъ голосъ въ третій разъ и уже почти громко произнесъ ея имя, она встрепенулась.

— Абибе, моя яркая звѣздочка, отчего ты не отвѣчаешь?—говорилъ ласковый голосъ ея джигита.

— Я не слышала твоего зова,—отвѣчала дѣвушка.

— Абибе! Твой голосъ не поетъ радостной птичкой, а стонетъ печально,—продолжалъ Темиръ-Булатъ.—Скажи мнѣ, свѣтлая мечта всей моей жизни, что тебя заботитъ?

— Всякая пташка въ когтяхъ у коршуна бьется и стонетъ,—отвѣчала со слезами въ голосѣ дѣвушка.

— Прежде чѣмъ коршунъ успѣетъ схватить пташку, пуля охотника пройдетъ сквозь его сердце... Его когти будутъ неподвижны и мертвы прежде, чѣмъ даже одно только перышко, одна только пушинка будетъ вырвана имъ изъ бѣдной беззащитной птички!—шепталъ горячо джигитъ, успокаивая подругу.

— И я хочу думать то же, и звѣзды мнѣ сегодня говорятъ то же, а сердце все плачетъ и плачетъ, и нѣтъ конца моимъ жгучимъ слезамъ...

— Твои сестры-звѣзды правду говорятъ, самая лучшая изъ звѣздочекъ!—почти закричалъ Темиръ-Булатъ.—Слушай ихъ, слушай и вѣрь имъ, потому что онѣ знаютъ, что говорятъ.

— Черезъ семь дней злой мурзакъ увезетъ меня изъ роднаго дома... Онъ навсегда разлучитъ меня съ моимъ отцомъ и... съ тобой,—едва слышно прибавила Абибе.

— Черезъ семь дней мурзакъ пришлетъ сказать твоему отцу, что онъ уже получилъ весь свой долгъ отъ него, и что ему не нужно тебя,—сказалъ быстро, почти задыхаясь, джигитъ.

— Ты говоришь невозможное, джигитъ,— возразила Абибе.—Мурзакъ не прислалъ бы мнѣ черезъ отца богатаго подарка, если бы думалъ отказаться отъ долга и отъ меня.

— Я затѣмъ и пришелъ сегодня, чтобы сказать тебѣ про это, моя бѣдная пташка. Не бойся ничего: домъ мурзака не услышитъ твоего звонкаго голоса.

— Ты льешь душистый бальзамъ въ рану моего сердца, Темиръ-Булатъ,—сказала дѣвушка, и въ голосѣ ея слышалась радостная надежда.

— Я бы не сталъ обманывать и тебя и себя, — продолжалъ джигитъ взволнованнымъ шопотомъ.—А если бы, чего Боже упаси, я ошибся, если бы въ самомъ дѣлѣ онъ пріѣхалъ свадебнымъ поѣздомъ за тобой, — тогда возьми вотъ это, что бросаю тебѣ, и пусть само сердце подскажетъ тебѣ, что ты должна сдѣлать и какъ поступить...

И съ дерева къ ногамъ дѣвушки упала и сейчасъ же блеснула въ темнотѣ какая-то небольшая вещь.

Абибе наклонилась и подняла маленькій кинжалъ съ блестящей серебряной ручкой. Она его въ ту же минуту спрятала на груди за бешметомъ.

А Темиръ-Булатъ продолжалъ:

— Если не совершится то, что должно совершиться, и если мурзакъ пріѣдетъ за тобой, знай, что, значитъ, меня уже нѣтъ на свѣтѣ и приходи сама ко мнѣ туда, гдѣ я буду ожидать тебя... Это я тебѣ бросилъ ключъ, чтобы и ты могла послѣдовать за мною... Но Аллахъ милосердъ, и, вмѣсто мурзака, я пріѣду за тобой въ свое время...

— Хорошо, джигитъ, я знаю, что сдѣлать съ этимъ ключомъ и какъ отпереть имъ дверь, за которой ты будешь ожидать меня... Ты можешь мнѣ вѣрить, что тебѣ долго ждать не придется,—сказала твердо дѣвушка, пряча кинжалъ подальше въ бешметъ.

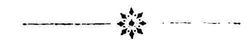
— А теперь заря уже занялась, и твои сестры, смотри, какъ начали блѣднѣть... Мнѣ пора уходить, — сказалъ Теймиръ-Булатъ.—Прощай, душа моей жизни и свѣтъ моихъ глазъ, Абибе!

— Ты не такъ сказалъ, джигитъ,—прошептала дѣвушка.—Скажи вмѣсто «прощай» — «до радостной встрѣчи здѣсь или... тамъ!»

И она подняла руку къ начинавшимъ уже чуть-чуть золотиться розовыми лучами разсвѣта небесамъ.

Внизу что-то шелохнулось въ кустахъ, потомъ дальше въ травѣ и снова все стихло.

Абибе подождала еще на крышѣ, пока прокатились по небу послѣднія утреннія звѣздочки, и тихо спустилась въ домъ.

XII.

Мурзаку самъ шайтанъ ворожитъ.

Курбанъ-байрамныя празднества были въ самомъ разгарѣ. Сегодня только что окончились скачки, и многотысячная толпа хлынула шумливой, пестрой волной съ равнины надъ ущельемъ рѣки Чурукъ-Су, гдѣ происходили празднества, въ городъ для того, чтобы, попировавъ и отдохнувъ, завтра снова чуть свѣтъ устремиться обратно и снова залить своимъ шумнымъ потокомъ всю эту равнину.

Завтра наступалъ послѣдній и самый интересный и важный день празднества, потому что завтра отъ зари и до зари будутъ бороться всѣ самые знаменитые силачи и борцы не только Бахчисарая, но и Карасубазара, Перекопа, Стараго Крыма, Отузъ, Таракъ-Таша и многихъ другихъ далекихъ и близкихъ городовъ и деревень цѣлаго Крыма.

Завтра толпа будетъ въ теченіе цѣлаго дня замирать, слѣдя за перипетіями этой борьбы, и оглушительными криками и ревомъ, которые вырвутся изъ тысячъ грудей,

одобрять и порицать, превозносить и стыдить отличившихся или сплоховавшихъ борцовъ. И, наконецъ, завтра же пронесется по равнинѣ далеко-далеко, до самыхъ отроговъ Яйлы, а по ущелью рѣки до самаго моря восхищенный громоподобный ревъ, которымъ эта живая толпа наградитъ и прославитъ послѣдняго богатыря-борца, который, поборовъ предпослѣдняго побѣдителя всѣхъ предшествовавшихъ силачей, переборетъ, стало быть, всѣхъ и тѣмъ заслужитъ славу перваго борца въ цѣломъ Крыму, общій почетъ и много-много закладовъ лошадьми, вещами и деньгами. Если этимъ счастливцемъ будетъ бѣднякъ—онъ станетъ богачемъ; если простой неизвѣстный татаринъ—онъ станетъ героемъ дня и заслужитъ такую почетную извѣстность, которой позавидуютъ всѣ самые почетные богачи и самые именитые и гордые мурзаки и беи. Ликующая толпа на своихъ плечахъ принесетъ этого счастливца съ арены состязаній въ городъ, въ кофейню, и тамъ будутъ переданы ему всѣ заклады и деньги, которые будутъ ему слѣдовать по борьбѣ.

А потомъ цѣлый вечеръ и большую часть ночи будетъ идти пиръ горой въ той же кофейнѣ подъ громъ и трескъ дауловъ, даръ, скрипокъ и зурнъ, и всѣ громко будутъ восхвалять удальство, ловкость и силу побѣдителя, а побѣжденные будутъ корчиться и зеленѣть отъ досады и зависти.

Хлынувшая въ городъ послѣ скачекъ толпа запрудила всѣ кофейни и ханы. Толстый Мухаметжанъ-Чилиби учетверилъ количество слугъ и посуды, и то чувствовался большой недостатокъ въ тѣхъ и другой, такъ какъ всѣ самые важные и почетные посѣтители изъ своихъ и пріѣзжихъ собрались у него въ кофейнѣ и ни за что не

хотѣли перейти въ другую, гдѣ бы имъ, навѣрно, было болѣе просторно и удобно.

Вся терраса кофейни была занята одними только именитыми и богатыми мурзаками и беями, изъ которыхъ многіе имѣли по стольку лошадей, сколько абрикосовъ можетъ влѣзть въ самый большой мѣшокъ, а овецъ—по стольку, сколько штукъ самой мелкой вишни можетъ помѣститься въ двухколесной горной арабѣ. Если же соединить вмѣстѣ всѣ табуны и отары всѣхъ этихъ богачей, то, разставивъ голова къ хвосту всѣхъ этихъ лошадей и овецъ, можно было бы окружить живымъ кольцомъ цѣлый Крымъ, невзирая на многочисленные изгибы его береговъ на востокѣ, югѣ и западѣ полуострова.

Изъ мѣстной знати на террасу были допущены только главный мулла Файзулла-Нуббинъ Шарафетдинъ-эффенди и сборщикъ податей Абдулла-Жаббаръ-оглу.

Тутъ же засѣдалъ съ мурзаками и знаменитый во всемъ Крыму борецъ, ѳеодосійскій рыбакъ Юрка, который въ прошломъ году переборолъ всѣхъ въ Таракъ-Ташѣ и Карасубазарѣ и заработалъ въ два дня столько денегъ и разныхъ дорогихъ закладовъ, что уже бросилъ свое обычное ремесло—рыболовство—и занялся торговлей лошадьми, карточной игрой въ гостиницахъ и кофейняхъ и постоянными драками со своими партнерами, если они начинали спорить при денежныхъ расчетахъ.

Вся эта компанія группировалась около Джанъ-Барабатыръ-бея Арсланова, который, невзирая на свои слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, былъ завзятымъ спортсменомъ и борцомъ и по своей силѣ пользовался славой непобѣдимаго въ татарской борьбѣ на кушакахъ. Впрочемъ, до сихъ поръ ему еще не случалось помѣряться силами съ

Юркой, и потому онъ, не желая раздѣлять лавровъ съ рыбакомъ, катораго онъ считалъ по сравненію съ собой тараканомъ, вызвалъ его на состязаніе, но при этомъ прибавилъ, что такъ-на-такъ не станетъ бороться, а если Юрка желаетъ, то не иначе какъ на крупную ставку въ нѣсколько сотенъ серебряныхъ рублей, съ тѣмъ чтобы этотъ закладъ передъ началомъ борьбы былъ отданъ на руки почетнымъ судьямъ состязанія.

Юрка первоначально уклонился было отъ этого вызова, боясь рискнуть такой большой суммой денегъ изъ заработанныхъ имъ въ прошломъ году, но окрестные ѳеодосійскіе и карасубазарскіе мурзаки, услыхавъ объ этомъ вызовѣ, сейчасъ же сложились и, нанявши Юрку для этой борьбы безотносительно исхода ея за сто рублей, предложили Джанъ-Барабатыръ-бею поставить въ закладъ тысячу серебряныхъ рублей и десять лучшихъ жеребцовъ изъ ихъ табуновъ по выбору выигравшей стороны, съ тѣмъ чтобы на случай побѣды Юрки надъ мурзакомъ и эти сто рублей были уплачены рыбаку имъ же.

Закладъ выходилъ очень крупнымъ, но для самонадѣяннаго силача-бея отступленія безъ щекотливой для его спортсменской репутаціи огласки, конечно, уже быть не могло, и онъ принялъ вызовъ.

Кромѣ того, Джанъ-Барабатыръ-бей привелъ на скачки, которыя происходили сегодня, двухъ своихъ лошадей— джоргу (иноходца) и скакуна, и эти лошади, какъ оказалось, побѣдили всѣхъ остальныхъ и взяли уже сегодня всѣ призы, стоимость которыхъ въ общемъ превысила половину назначенной на завтра за исходъ борьбы ставки.

Такой успѣхъ сильно поднялъ духъ мурзака. Онъ ли-

ковалъ и теперь уже ни на секунду не сомнѣвался въ побѣдѣ и надъ непобѣдимымъ Юркой.

Какъ только толпа вступила въ кофейню, Джанъ-Барабатыръ-бей, занявъ центральное мѣсто на террасѣ, сейчасъ же обратился къ хозяину съ такими словами:

— Столько мурзаковъ и беевъ, Мухаметжанъ-Чилиби, твоя кофейня, вѣрно, еще и не видала. Принимай же и угощай насъ по-княжески. За все, что будетъ съѣдено и выпито, плачу я одинъ, потому что сегодняшній и завтрашній дни—дни моей великой славы. а они всѣ почетные свидѣтели этой славы. Значитъ, я хозяинъ, они — гости. Пусть же ѣдятъ и пьютъ, сколько хотятъ во славу Аллаха и мою и пусть разнесутъ потомъ эту мою славу по всему Крыму и дальше между правовѣрными и между гяурами!

Жирный хозяинъ въ отвѣтъ на это только поклонился, но одинъ изъ гостей, старый и богатый мурзакъ весь въ серебрѣ, замѣтилъ:

— Отъ ѣды и питья не отказываются, но не слишкомъ ли рано, бей, ты уже кричишь самъ про свою славу и хочешь еще, чтобы и мы всѣ кричали?

— Когда солнце зашло, про него не рано сказать, что оно взойдетъ и завтра,—отвѣчалъ съ высокомѣрной увѣренностью въ успѣхѣ мурзакъ.

— И солнце бываетъ иногда не видно за тучами,— замѣтилъ на это сборщикъ податей Абдулла-Жаббаръ-оглу, но Джанъ-Барабатыръ-бей только взглянулъ на него насмѣшливо, но отвѣтомъ не удостоилъ.

— Хорошенько покорми Юрку, Чилиби,—продолжалъ опять неугомонный хвастунъ Джанъ-Барабатыръ-бей, — а то онъ отощаетъ совсѣмъ и не дастъ даже времени всѣмъ

тѣмъ, кто заложился за него, посмотрѣть на борьбу, прежде чѣмъ я завтра прикрою его тѣломъ два съ половиной аршина земли и выдавлю его головой и лопатками три ямки, которыя потомъ онъ и его заручники могутъ наполнять своими слезами стыда и зависти.

— Вѣдь вы знаете, мурзаки,—обратился насмѣшливо въ отвѣтъ на эти слова Юрка ко всѣмъ присутствующимъ,—что, когда индюкъ начинаетъ хорохориться, онъ всегда выпускаетъ длинный-длинный носъ. И чѣмъ длиннѣе вытянется у индюка носъ, тѣмъ важнѣе онъ кажется самому себѣ. Такъ и Джанъ-Барабатыръ-бей: онъ думаетъ, что чѣмъ больше онъ наговоритъ сегодня разныхъ пустяковъ, тѣмъ больше будетъ его слава. Ничего, пускай себѣ индюкъ тянетъ свой красный носъ сегодня. Чѣмъ больше онъ его вытянетъ сегодня, тѣмъ длиннѣе носъ мы ему натянемъ завтра, когда я стукну его этимъ самымъ носомъ о землю. Теперь у него носъ красный, а завтра будетъ синій. Такъ пусть же себѣ онъ хорохорится сегодня, а мы пока будемъ ѣсть и пить.

У Джанъ-Барабатыръ-бея, большого охотника до спиртныхъ напитковъ (вѣдь Коранъ предписываетъ лишь воздержаніе отъ винограднаго вина), носъ въ натурѣ былъ всегда багрово-краснымъ, а потому эта игра словъ Юркина по поводу носа и его цвѣта очень больно кольнула мурзака въ сердце. Онъ заскрежеталъ зубами отъ злости и сказалъ:

— Ну, такъ вотъ же, что я вамъ скажу, мурзаки и беи и всѣ, кто только тутъ есть: завтра у всякаго, кто только захочетъ бороться со мной, носъ будетъ въ два раза краснѣе, чѣмъ мой, потому что, поборовши его, я, кромѣ того, еще выкрашу ему носъ его же собственною кровью. Такъ вы это и знайте всѣ.

— Мы здѣсь собрались на борьбу, а не на драку,— замѣтилъ ему кто-то.

— Это все равно,—отвѣчалъ мурзакъ.—Кто поборолъ кого, тотъ надъ тѣмъ господинъ и хозяинъ, а господинъ можетъ дѣлать все, что захочетъ.

— Ну, хорошо,—вмѣшался опять Юрка. — А что же сдѣлать съ тобой тому, кто тебя поборетъ? Тебѣ вѣдь носъ красить не стоитъ: онъ и безъ того уже у тебя выкрашенъ.

— Тотъ можетъ сдѣлать, что захочетъ, и чего онъ отъ меня потребуетъ, то я и обязанъ буду сдѣлать.

— Не много ли ты, бей, ставишь въ закладъ за то только, чтобы самому стать красильщикомъ носовъ?— спросилъ кто-то изъ мурзаковъ.

— Каждый самъ считаетъ свое,—отвѣчалъ силачъ.—Я тому, кого поборю, буду красить носъ его кровью, а самъ за это отвѣчаю тѣмъ, чего только захочетъ тотъ, кому бы я могъ выкрасить носъ, если бы онъ не поборолъ меня.

— А если не исполнишь? — раздался чей-то голосъ сзади изъ сосѣдней съ террасой комнаты.

— Мое слово—княжеское слово, а вы всѣ здѣсь слышали и, конечно, не забудете, что я сказалъ, — съ надменною гордостью произнесъ Джанъ-Барабатыръ-бей.

— Твоя правда, слышали и будемъ помнить. Смотри же, не забудь и ты его,—произнесъ опять тотъ же голосъ сзади.

Въ это время стали подавать ѣду и напитки, и всѣ на время занялись утоленіемъ голода и жажды на счетъ праздновавшаго свою сегодняшнюю и завтрашнюю славу мурзака.

Мухаметжанъ-Чилиби превзошелъ себя, и угощеніе вышло на славу. Потомъ появились шашки и карты.

Звѣзда счастья Джанъ-Барабатыръ-бея, очевидно, разгоралась сегодня все ярче и ярче, потому что онъ и въ карты сталъ сильно выигрывать: онъ поминутно придвигалъ къ себѣ со столика цѣлыя горки серебра и бумажекъ и ссыпалъ все это въ поставленную около него шапку, такъ что къ тому времени, когда, наконецъ, игра прекратилась, вторая половина завтрашней борьбовой ставки была уже имъ взята.

Проигравшіеся мурзаки только покачивали головами, и не у одного изъ нихъ при видѣ такой удачи и счастья противника закрадывалось въ душу сомнѣніе и относительно завтрашняго дня.

Даже Юрка, которому въ сущности нечего было проигрывать завтра, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ получить свою сотню рублей, пріунылъ: онъ въ числѣ другихъ успѣлъ спустить уже мурзаку половину завтрашняго своего заработка и, бросивъ игру раньше другихъ, боясь спустить и вторую половину, только смотрѣлъ на игравшихъ.

— Тебѣ сегодня, видно, самъ шайтанъ ворожитъ,— сказалъ со злостью счастливому мурзаку одинъ изъ партнеровъ послѣ того, какъ Джанъ-Барабатыръ-бей взялъ съ него очень крупную ставку.

— Тогда ты найми себѣ двухъ шайтановъ, а если двухъ будетъ мало, такъ хоть цѣлую дюжину. А то у тебя съ другими одинъ только шайтанъ нанятъ, — добавилъ онъ съ усмѣшкой, намекая на наемъ компаніей Юрки.

При этомъ Джанъ-Барабатыръ-бей побѣдоносно ссыпалъ выигрышъ въ свою шапку, наполненную деньгами уже почти доверху.

— Его счастье поднимаетъ сегодня очень высоко —

произнесъ глубокомысленно самъ не принимавшій участія въ игрѣ и сидѣвшій до сихъ поръ безмолвнымъ зрителемъ главный мулла Файзулла-Нубинъ-Шарафетдинъ-эффенди.

— Счастье слѣпое, не видитъ того, кого возноситъ,— замѣтилъ на это старый богачъ-мурзакъ, тотъ самый, который выражалъ сомнѣніе, не рано ли Джанъ-Барабатыръ-бей кричитъ о своей славѣ.

— Твоя правда, бей,—согласился съ нимъ мулла.— Счастье—вѣтеръ: не знаешь, откуда задуетъ завтра и въ какую сторону понесетъ легкое перо, которое онъ подхватитъ изъ кучи сора. А перо лежало всегда на задворкахъ, и вдругъ поднялось высоко, выше мечети и всѣхъ самыхъ высокихъ деревьевъ... А что такое перо? Мразь, хоть оно и летитъ при вѣтрѣ выше орла! Такъ и счастье: оно не смотритъ, умный или глупый человѣкъ, котораго оно начинаетъ поднимать, а только поднимаетъ, какъ и вѣтеръ, который возноситъ до самаго неба перо и всякій соръ.

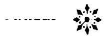
— Зато чѣмъ выше подниметъ, тѣмъ больше разобьется тотъ, кто былъ поднятъ, когда вдругъ упадетъ оттуда нанизъ,—произнесъ пророчески Юрка и злобно посмотрѣлъ на обыгравшаго его мурзака.

До глубокой ночи продолжались пиръ и игра, и только послѣ пѣтуховъ мурзаки угомонились.

Мухаметжанъ-Чилиби здѣсь же на террасѣ приказалъ разостлать нѣсколько десятковъ тюфячковъ, и скоро всѣ захрапѣли. А Юрка не захотѣлъ спать въ кофейнѣ и улегся на дворѣ въ томъ фургонѣ, въ которомъ мурзаки привезли его на состязаніе.

Навеселившійся, уставшій Бахчисарай снова погрузил-

ся въ глубокую тишину, и только надъ домомъ кадія Даута-Хайруллы-Шарафетдина-оглу чуть слышно раздавался до самой зари какой-то сдержанный ласковый шопотъ.

XIII.

Праздничныя игры и борьба.

Солнце только что зазолотило своими первыми лучами городъ, рѣку и далекія горы, а уже вся равнина надъ ущельемъ рѣки Чурукъ-Су кипѣла движеніемъ и жизнью. Разряженная по-праздничному толпа съ нетерпѣніемъ ожидала начала борьбы, для которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ были огорожены кольями съ протянутой по нимъ веревкой большіе круги, причемъ въ каждомъ изъ этихъ круговъ была выкошена трава и репейникъ, кочки утрамбованы и каждое ограниченное веревкой пространство въ кругу заботливо очищено отъ камней и всего того, что могло бы помѣшать состязающимся борцамъ. Тамъ и сямъ въ толпѣ расхаживали всевозможные «усталаръ» (мастера) изъ цыганъ. Элекчи, нагруженные цѣлыми горами рѣшетъ, ситъ и подситковъ, и демерджи съ принадлежностями для ковки лошадей и ящиками съ ножами, серебряными цѣпочками, браслетами (белезики) и массивными украшеніями для поясовъ, на всѣ манеры выкрикивали, предлагая желающимъ свои товары и услуги; курбеты, съ десятками привязанныхъ къ ихъ повозкамъ лошадей, старались убѣдить всѣхъ проходившихъ мимо, что у каждой изъ приведенныхъ ими на продажу лошадей ноги вылиты изъ стали, а бѣгъ быстрѣе вѣтра.

Разносчики бузы, язмы и разныхъ сластей сновали въ толпѣ, присматриваясь зорко, гдѣ остановилась кучка, чтобы сейчасъ же предложить ей свои напитки и лакомства; а около печей для приготовленія шашлыка и чичиръ-буреков было такъ людно, что трудно было протиснуться, потому что каждый спѣшилъ утолить голодъ, чтобы не отрываться потомъ, когда начнутся состязанія. И все это сновало, кричало, жевало, торговалось подъ наблюденіемъ важно расхаживавшихъ тутъ же выбранныхъ муллами отъ каждаго прихода надсмотрщиковъ съ черешневыми палками, которыми они, не стѣсняясь, призывали къ порядку каждаго, нарушившаго, по ихъ мнѣнію, таковой, въ особенности около мѣстъ, гдѣ происходили разныя игры.

Въ одномъ мѣстѣ нѣсколько молодыхъ джигитовъ, положивъ на землю не толстую, но крѣпкую веревку, легли на нее рядомъ лицомъ внизъ и плотно одинъ около другого, а выбранные ими два атамана заботливо покрыли ихъ нѣсколькими буйволовыми кожами и, обвязавъ себя вокругъ пояса концами веревки, на которой укрытые кожей лежали, стали по обѣимъ сторонамъ лежавшихъ. А цѣлая толпа молодыхъ татаръ, вооружившись свитыми изъ кушаковъ длинными жгутами, приготовилась къ нападенію.

Задача игры состоитъ въ томъ, что атаманы должны всѣми силами защищать лежащихъ подъ кожами отъ ударовъ жгутами, которыми награждаютъ ихъ нападающіе со всѣхъ сторонъ, и во что бы то ни стало тронуть кого-нибудь изъ ударившихъ ногою. Въ такомъ случаѣ «запятнанный» (эта игра отчасти напоминаетъ «пятнашки») выходитъ изъ числа нападавшихъ, и, когда такихъ

наберется столько же, сколько лежитъ подъ кожами, они мѣняются мѣстами и изъ нападающихъ обращаются въ осаждаемыхъ, которымъ подъ кожами приходится поистинѣ несладко, потому что, кромѣ довольно чувствительныхъ ударовъ жгутами, они еще много страдаютъ и отъ своихъ же атамановъ-защитниковъ. Защитники эти, привязанные веревкой, лишены свободы дѣйствій на далекое разстояніе и вынуждены бываютъ то и дѣло вскакивать на лежащихъ подъ кожами, стараясь коснуться ногой того или другого изъ нападающихъ со всѣхъ сторонъ сразу. При этомъ они путаются все время между собой, падаютъ и въ такомъ случаѣ, пока поднимутся опять на ноги, принимаютъ своей и уже не покрытой никакой другой, кромѣ собственной кожи, спиной, всю порцію жгутовъ, на которую совсѣмъ не скупятся проворные нападающіе. Крики, стоны, возгласы, смѣхъ стоятъ все время надъ мѣстомъ игры, и весь этотъ гамъ и шумъ, чѣмъ дальше идетъ игра, все усиливается и усиливается, потому что освобожденные всякій разъ изъ-подъ кожъ джигиты, обратившись сами въ нападающихъ, стараются съ лихвой отдать все полученное ими тѣмъ, которые оказались теперь осаждаемыми. И не одну недѣлю потомъ всѣ принимавшіе участіе въ игрѣ носятъ на себѣ несомнѣнныя доказательства того, насколько оживленна и весела была эта пріятная забава.

А если еще при этомъ кто-нибудь изъ играющихъ отступитъ отъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ правилъ игры и начнетъ спорить, когда ему укажутъ на это нарушеніе и потребуютъ, чтобы онъ исполнилъ упущенное, тогда въ дѣло вмѣшиваются всегда присутствующіе здѣсь же серьезные и непогрѣшимые надсмотрщики. Вѣрные правилу:

«чтобъ словъ не тратить попустому, гдѣ нужно власть употребить», эти справедливые судьи факта начинаютъ своими черешневыми палками очень настойчиво и вполнѣ убѣдительно доказывать спорщику всю неосновательность его заблужденія, чего обыкновенно и достигаютъ благополучно, такъ какъ черешня дерево столько же твердое, сколько и гибкое, и всякій самый задорный и упрямый спорщикъ послѣ такихъ убѣдительныхъ черешневыхъ доказательствъ обыкновенно весьма скоро отказывается отъ самыхъ завѣтныхъ убѣжденій по спорному вопросу и, воззвавъ ко всѣмъ земнымъ и небеснымъ богамъ, обращается въ стремительное бѣгство, преслѣдуемый еще нѣкоторое время попятамъ двумя-тремя надсмотрщиками, которые обыкновенно и сами оказываются столь же упрямыми, сколько и настойчивыми спорщиками, потому что не скоро отстаютъ отъ спора. Въ такихъ случаяхъ только поистинѣ заячья быстрота ногъ единственное спасеніе заблуждавшагося.

А въ то же самое время неподалеку отъ играющихъ въ эти своеобразныя пятнашки происходитъ другая игра, менѣе чувствительная для спинъ, но зато весьма чувствительная для ногъ. И здѣсь точно такъ же присутствуетъ нѣсколько вооруженныхъ такими же длинными и такими же гибкими черешневыми тростями надсмотрщиковъ, которые зорко наблюдаютъ порядокъ и не менѣе зорко слѣдятъ за исполненіемъ всѣхъ правилъ игры.

Около полусотни татаръ усѣлись въ кругъ такимъ образомъ, чтобы между двумя рядомъ сидящими оставалось пространства не менѣе двухъ-трехъ шаговъ. Изъ нѣсколькихъ кафтановъ сдѣланъ и туго перевязанъ веревками большой шаръ, который сидящіе въ кругу очень быстро

перебрасываютъ одинъ другому, а одинъ джигитъ все время бѣжитъ за этимъ шаромъ, стараясь поймать его налету.

И здѣсь все время стоитъ несмолкаемый шумъ, потому что по правиламъ игры, если шаръ схваченъ ловящимъ его не налету, а въ рукахъ у сидящаго или съ земли, то это не считается, и шаръ снова летитъ отъ одного къ другому, и снова ловящій мчится за нимъ по кругу. Вотъ онъ уже опередилъ его и, значитъ, сейчасъ схватитъ его налету, какъ только сидящій броситъ его слѣдующему. Онъ уже приготовился и протянулъ обѣ руки впередъ, но тотъ, у кого былъ шаръ, вдругъ неожиданно повернулся и бросилъ его въ другую сторону сосѣду, а этотъ опять дальше, такъ что, прежде чѣмъ ловящій успѣетъ въ свою очередь повернуться, шаръ уже очень далеко отъ него. И онъ снова и снова безуспѣшно мчится за нимъ, пока, наконецъ, изловчится схватить его налету и помѣняться ролями съ тѣмъ, кто такъ неловко бросилъ его послѣднимъ.

Вотъ ловящій схватилъ долго не дававшійся ему шаръ въ тотъ самый моментъ, когда онъ долеталъ уже до сидящаго въ кругу, такъ что оба схватили его почти въ одну и ту же секунду и тянутъ каждый къ себѣ. Поднимается споръ и крикъ: ловившій доказываетъ, что шаръ пойманъ, сидящій и прочіе играющіе распинаются за то, что это не считается, потому что шаръ пойманъ, на рукахъ у сидящаго. Шумъ и гамъ стоятъ невообразимые: никто не хочетъ уступить, никто не убѣждается доводами противника. Дѣло доходитъ до того, что ловившій начинаетъ вырывать шаръ изъ рукъ сидящаго, за котораго заступаются ближайшіе сосѣди. Начинается перебранка.

Но въ тотъ самый моментъ, когда споръ обостряется настолько, что грозитъ перейти въ свалку, появляется неизмѣнно хладнокровный надсмотрщикъ съ присущимъ ему твердымъ и гибкимъ аттрибутомъ власти, и черешневая трость начинаетъ безстрастно и быстро молотить спину того, кто, съ точки зрѣнія надсмотрщика, былъ неправъ.

Споръ былъ такъ горячъ, что послѣ перваго удара получившій его даже не соображаетъ причины жестокой боли въ спинѣ и по инерціи продолжаетъ тянуть шаръ къ себѣ, крича свои доводы. Но трость, извиваясь со свистомъ, неуклонно перетягиваетъ его второй, третій, десятый разъ.

Спорщикъ взревѣлъ нечеловѣческимъ голосомъ и, моментально же забывъ и о шарѣ, и обо всемъ въ мірѣ, кромѣ собственной спины, безуспѣшно старается нѣсколько секундъ схватить налету уже не шаръ, а черешневую палку, но вслѣдъ затѣмъ, конечно же, обращается въ бѣгство. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ поворачиваетъ тылъ, справедливый третейскій судья, лично обратившій свое непогрѣшимое рѣшеніе къ предварительному исполненію, съ особеннымъ стараніемъ и удовольствіемъ вытягиваетъ его въ послѣдній разъ «на дорожку» по всей длинѣ спины, захвативъ кончикомъ трости и кончикъ лѣваго уха, и затѣмъ въ виду совершенной несомнѣнности отступленія врага прекращаетъ военныя дѣйствія и отступаетъ спокойно и самъ. Игра продолжается.

Въ третьемъ мѣстѣ два важныхъ длиннобородыхъ телала съ оглушительными голосами продаютъ съ публичнаго торга весьма основательно настеганнаго передъ этимъ бураго мерина, серебряную шейную цѣпочку съ массой какихъ-то странныхъ привѣсковъ, двѣ пары стре-

мянъ, атласныя черныя штаны съ расшитой шнурками атласной же курткой, совершенно новую нагайку съ дорогой обложенной серебромъ рукояткой и пару молодыхъ павлиновъ. Одинъ выкрикиваетъ высшую цѣну, предложенную за все это имущество гуртомъ, другой кричитъ цѣны каждаго предмета порознь. Публика живо интересуется торгами, неуклонно набавляетъ цѣны по копейкамъ.

Страсти разгораются. Телалы уже охрипли, а надбавки все идутъ и идутъ. Настеганный меринъ здѣсь же привязанъ къ столбу, пугливо прядетъ ушами и дико озирается по сторонамъ при приближенiи къ нему кого-либо изъ торгующихся или публики.

Одинъ изъ телаловъ, выкрикивавшiй гуртовую цѣну, уже смолкъ, потому что гуртовыя надбавки прекратились, а цѣны порознь въ общей суммѣ далеко превысили послѣднюю цѣну, предложенную за все имущество сразу. Еще черезъ нѣсколько времени всѣ предметы были уже проданы, кромѣ нагайки и одного павлина. Изъ-за нагайки состязаются два мурзака: низенькiй и жирный въ синемъ нарядѣ и сухой и длинный какъ жердь — въ черномъ; павлина же ожесточенно оспариваютъ другъ у друга какой-то мулла, содержатель шашлычни и богатый заѣзжiй курбетъ.

Синiй мурзакъ, доведенный копеечными надбавками своего противника до изступленiя, не выдержалъ, наконецъ: онъ прибавилъ сразу половину послѣдней цѣны и предложилъ, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ пятерную стоимость нагайки. Сухой мурзакъ былъ такъ ошеломленъ столь неожиданной прибавкой, что не успѣлъ даже ничего прибавить со своей стороны до тѣхъ поръ, пока

телалъ не выкрикнулъ въ послѣдній разъ этой цѣны, и нагайка досталась жирному. Это такъ разобидѣло проигравшаго конкурента, что онъ противъ всякаго ожиданія ввязался въ торгъ о павлинѣ, и тамъ сразу же предложилъ двойную цѣну.

Мулла, курбетъ и шашлычникъ открыли только рты отъ удивленія и... лишились столь желаннаго павлина.

Пока длинный какъ жердь неожиданный обладатель птицы вносилъ телалу стоимость ея, курбетъ и шашлычникъ вздумали затѣять споръ о томъ, что мурзакъ не имѣлъ де права вмѣшиваться въ этотъ торгъ, но телалъ весьма основательно замѣтилъ на это, что торгъ общій, и принимать участіе въ немъ могла бы и любая собака, и всякая другая скотина, если бы только она имѣла деньги и могла торговаться.

Покупатель-мурзакъ ничуть не обидѣлся за сравненіе, но оставшіеся за флагомъ курбетъ и шашлычникъ не хотѣли угомониться. Оба одновременно начали было кричать о какомъ-то мошенничествѣ со стороны телала, но... пара черешневыхъ палокъ сейчасъ же заставила обоихъ тутъ же отказаться отъ столь неосторожно высказаннаго вслухъ мнѣнія о телалѣ, и порядокъ былъ возстановленъ.

Наконецъ, около полудня началась и борьба

Около главнаго мурзачьяго круга, гдѣ должны были состязаться Джанъ-Барабатыръ-бей и Юрка, образовалось цѣлое скопище народа. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого рѣдкаго состязанія.

Съ одной стороны круга стоялъ Юрка, окруженный всѣми заложившими за него закладъ мурзаками, съ другой—Джанъ-Барабатыръ-бей со своей партіей. Въ самомъ

кругу на краю у веревки важно усѣлись на разостланныхъ на землѣ коврикахъ почетные судьи состязанія: главный мулла Файзулла-Нубинъ-Шарафетдинъ-эфенди, сборщикъ податей Абдулла-Жаббаръ-оглу и тотъ самый жирный мурзакъ въ синемъ костюмѣ, который на торгахъ пріобрѣлъ нагайку. Предметъ счастливой покупки былъ у него въ рукахъ.

При избраніи почетныхъ судей вмѣсто сборщика податей былъ выбранъ сначала кадій Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу, но въ виду своего родства съ другимъ судьей, муллой, а также и потому, что придется высказывать мнѣніе о Джанъ-Барабатыръ-беѣ, съ которымъ у кадія были и свои личные счеты, онъ самъ устранилъ себя отъ этой почетной роли и былъ замѣненъ сборщикомъ податей Абдуллой-Жаббаромъ-оглу.

Тогда кадія сейчасъ же пригласи[illegible] судьей въ другой сосѣдній кругъ.

Началась борьба. Состязались с[illegible]и и пріѣзжіе силачи, но ставки были по[illegible] сравнительно мелкія.

Боролось сразу не больше одной пары для того, чтобы судьи съ достаточнымъ вниманіемъ могли слѣдить за ходомъ состязаній и справедливо присуждать призы. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ состязаній побѣдителемъ остался карасубазарскій атлетъ, кожевникъ Ахметъ колоссальнаго роста и силы.

Когда онъ уложилъ послѣдняго противника и получилъ довольно крупный призъ, охотниковъ состязаться съ нимъ уже не нашлось. Напрасно три телала съ трехъ разныхъ сторонъ круга громогласно вызывали желающихъ:—таковыхъ не находилось.

Въ толпѣ уже начинали роптать, что-де Карасубазаръ

одолѣлъ всѣхъ, и всѣ-де боятся его, потому что никто не выступаетъ. Юрка не выдержалъ и сталъ просить заложившихся за него мурзаковъ пустить его на состязаніе съ Ахметкой, но тѣ запротестовали на томъ основаніи, что онъ можетъ утомиться съ такимъ огромнымъ противникомъ и проиграть изъ-за этого только свою партію съ Джанъ-Барабатыръ-беемъ.

Услышавъ это Арслановъ насмѣшливо улыбнулся и гордо выступилъ на арену.

— Развѣ можно назвать хорошей саблей ту, которая можетъ перерѣзать только одного человѣка, а потомъ становится ни на что не годной?—сказалъ онъ, пріосаниваясь молодецки.—На такой саблѣ лучше шашлыкъ жарить, а не брать ее на войну! И если джорга только одну версту идетъ хорошо, а потомъ начнетъ спотыкаться, я не сяду на него, потому что значитъ это оселъ-водовозъ, а не джорга! Пусть Юрка сидитъ со своей компаніей, а я до него еще и этого верзилу объ землю брошу... Какой закладъ?

— Полтораста рублей,—прокричали телалы.

— Держу,—отвѣчалъ мурзакъ и снялъ съ себя куртку.

— Положи деньги передъ судьями, гдѣ лежатъ и мои,—сказалъ ему спокойно Ахметъ-кожевникъ, которому чрезвычайно польстило то обстоятельство, что противъ него вышелъ такой именитый мурзакъ.

— Я хотѣлъ прежде тебя положить на землю около нихъ, — произнесъ насмѣшливо мурзакъ, но исполнилъ требуемое.

— Не съ того начинаешь, — отвѣтилъ противникъ и засучилъ получше рукава рубашки.

Они схватились, и не больше какъ черезъ три минуты

верзила-кожевникъ, дѣйствительно, уже лежалъ плашмя на спинѣ у самыхъ ногъ судей около денегъ.

Восторженный крикъ толпы былъ наградой побѣдителю, который самъ даже не упалъ, а только нагнулся всѣмъ корпусомъ, чтобы придавить противника плечами къ землѣ.

— Когда такой поборетъ—не стыдно,—сказалъ побѣжденный, вставая.

Эта фраза была верхомъ торжества для мурзака.

— Ты молодой борецъ, я—старый, — сказалъ онъ съ достоинствомъ.—У тебя силы больше, у меня — умѣнья. И клинышекъ, хоть и маленькій, а колетъ большое и толстое дерево... Не хочу твоихъ денегъ... Бери себѣ назадъ свой закладъ, а я возьму свой... Мнѣ довольно того, что я тебя, такого большого и сильнаго, поборолъ.

Побѣжденный карасубазарскій кожевникъ взялъ отъ судей свой закладъ и удалился съ арены, по которой теперь гордо расхаживалъ одинъ побѣдитель-мурзакъ.

— Ну, Юрка, выходи со своей дюжиной мурзаковъ,— насмѣшливо вызывалъ онъ противника.—Да попроси ихъ, не сдѣлаютъ ли они тебѣ подстилку изъ своихъ штановъ и кафтановъ на землѣ, чтобы тебѣ мягче было упасть и лежать. А можетъ быть, ты сегодня еще ничего не ѣлъ отъ страха? Такъ поѣшь шашлыка на мой счетъ, да хорошенько, а то силы будетъ мало.

— Ему ѣсть не нужно. Ты смотри, не голоденъ ли самъ, чтобы не отощалъ, пока будешь бороться съ Юркой,—огрызнулся за Юрку кто-то изъ мурзаковъ-закладчиковъ.

— Ага! — усмѣхнулся Джанъ-Барабатыръ-бей. — Твоя правда, что ему не нужно ѣсть: вѣдь пса никогда не нужно кормить до охоты.

— Конечно, не нужно,—громко сказалъ Юрка, входя въ кругъ,—потому что сытый онъ не погонится за трусливымъ зайцемъ, когда тотъ начнетъ убѣгать, и не станетъ терзать хищнаго волка, когда поймаетъ и придушитъ его.

— Ну, выходи, песъ голодный,—сказалъ, заскрежетавъ зубами отъ обиднаго сравненія мурзакъ.

— Рано оскаливаешь зубы, волкъ,—отвѣчалъ въ тонъ ему Юрка и также снялъ съ себя куртку.

Послѣ этого противники очень туго подтянули на себѣ кушаки и оба же засучили рукава рубахъ. Но прежде чѣмъ приступить къ борьбѣ, мурзаки и Джанъ-Барабатыръ-бей выложили передъ судьями свои заклады, по тысячѣ серебряныхъ рублей въ торбахъ и, кромѣ того, здѣсь же торжественно было повторено, что побѣдитель, т.-е. Джанъ-Барабатыръ-бей съ одной, или мурзаки-закладчики съ другой стороны, имѣютъ право взять на выборъ изъ табуновъ противной стороны по десяти жеребцовъ, и что Юркѣ платитъ также проигравшая сторона.

Наконецъ, противники схватились. Они были оба одного роста и почти одинаковаго тѣлосложенія. Взявши другъ друга за кушаки такъ, что у каждаго правая рука проходила подъ лѣвой рукой противника, они начали съ того, что каждый, испытывая силу другого, попробовалъ потрясти противника, и уже послѣ этого перваго пріема для всякаго опытнаго глаза сейчасъ же стало яснымъ, что перевѣсъ на сторонѣ мурзака, потому что корпусъ его при этомъ сотрясеніи буквально не дрогнулъ, тогда какъ Юрка на секунду поколебался всѣмъ тѣломъ. Эту разницу замѣтили и всѣ жадно слѣдившіе за всякимъ

движеніемъ борцовъ мурзаки-закладчики, и кто-то изъ нихъ сейчасъ же крикнулъ Юркѣ.

— Юрка, держись!.. Юрка, держись крѣпко!..

На этотъ возгласъ ни одинъ изъ боровшихся не отвѣчалъ ничего. Они низко согнулись, и какъ медвѣди топтались на одномъ мѣстѣ, поминутно поворачиваясь то въ одну, то въ другую сторону.

Каждый изъ нихъ, очевидно, не рѣшался наступать и ждалъ, чтобы это сдѣлалъ противникъ, и чтобы быть готовымъ своевременно отразить его попытку. Вокругъ наступила такая полная тишина, что только и было слышно, какъ тяжело дышали оба борца. Вотъ, наконецъ, Юрка попробовалъ было быстрымъ движеніемъ и не слѣва направо, какъ можно было ожидать, а въ обратную сторону съ очевидной цѣлью застигнуть противника врасплохъ, опрокинуть его на землю, но мурзакъ былъ слишкомъ опытный и сильный борецъ, чтобы поймататься на эту удочку: онъ своевременно остерегся, отставивъ подальше въ сторону свою правую ногу, чтобы имѣть должный упоръ, и не только устоялъ противъ этого натиска, но еще самъ чуть не бросилъ Юрку въ ту же самую сторону, въ которую тотъ хотѣлъ его опрокинуть.

Какъ ни быстро совершились эти два наступательныя движенія у борцовъ, они рефлективно отразились и на тысячной толпѣ зрителей: каждый изъ слѣдившихъ за борьбой, и въ особенности матеріально заинтересованные въ исходѣ состязанія мурзаки-закладчики невольно продѣлали, кто только головой, а кто и всѣмъ корпусомъ, такія же самыя два движенія.

И снова на нѣкоторое время борцы по-медвѣжьи грузно закружились на одномъ мѣстѣ. Они оба такъ сильно

упирались въ землю ногами, что отъ подбитыхъ гвоздями каблуковъ на мѣстѣ борьбы образовался глубоко вытоптанный въ землѣ кругъ.

Кушаки у обоихъ боровшихся отъ сильнаго натягиванія ихъ руками противника ослабли настолько, что ихъ пришлось подтянуть потуже. Одновременно они выпустили другъ друга изъ рукъ и въ глубокомъ молчаніи спачала распустили свои кушаки, а потомъ затянули ихъ туго-натуго, завернувъ при этомъ концы въ нѣсколько оборотовъ вокругъ поясовъ. И снова, сцѣпившись, они затопали на новомъ, но одномъ и томъ же мѣстѣ.

Уже отъ начала борьбы прошло болѣе десяти минутъ. Ожиданіе, видимо, начинало утомлять толпу, и то тамъ то сямъ стали раздаваться возгласы, приглашавшіе борцовъ переходить въ наступленіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше начинали волноваться зрители. Одни только судьи сидѣли неподвижно и безмолвно, застывъ на своихъ мѣстахъ какъ статуи.

Вдругъ Джанъ-Барабатыръ-бей стремительно выпрямился, притянувъ вплотную къ себѣ Юрку такъ, что два тѣла точно слились въ одно.

— Держись, держись, Юрка!—крикнулъ кто-то изъ зрителей отчаяннымъ голосомъ.

— Поздно!.. Ступай на землю! — раздался въ отвѣтъ сиплый голосъ Джанъ-Барабатыръ-бея, и въ ту же секунду оба тѣла уже лежали на землѣ: Юрка внизу, мурзакъ—сверху.

XIV.

Абибе или рабство!

Общій крикъ толпы пролетѣлъ по всей равнинѣ въ тотъ самый моментъ, когда мурзакъ побѣдоносно поднимался на ноги.

И снова наступило общее молчаніе.

— Нужно было бы тебѣ еще носъ выкрасить, да не стоитъ рукъ пачкать собачьею кровью,—произнесъ Джанъ-Барабатыръ-бей, насмѣшливо и гордо отряхнувшись.

Юрка ничего не отвѣтилъ и какъ-то виновато всталъ и пошелъ изъ круга.

А мурзаки-закладчики въ то же время и такъ же совершенно безмолвно стали удаляться.

— Когда жеребцовъ приведете?—крикнулъ имъ вслѣдъ Арслановъ.

— Мы тебѣ не табунщики: самъ придешь и возьмешь. Ты поборолъ, мы уговоръ держимъ, а водить сами не станемъ,—отвѣчали они.

А Джанъ-Барабатыръ-бей гордо подбоченился и, обходя козыремъ по кругу, крикнулъ:

— Что же вы уходите, Юркины друзья? Куда спѣшите? Не хочетъ ли кто-нибудь изъ васъ отбороться? Пусть выходитъ! И хоть я уже съ двумя боролся, но могу еще десятерыхъ бросить на землю. Ну-ка! Кто не трусливѣе зайца, выходи сюда на кругъ, попробуй счастья!

Общее молчаніе было отвѣтомъ вызывавшему. А онъ, переминаясь молодецки, продолжалъ:

— Что? Вѣрно, тутъ собрались одни только зайцы? Такъ бѣгите же скорѣе отсюда, а то я велю своему кучеру свистнуть собакъ сюда изъ города: загрызутъ!

— Смотри, чтобы и тебя самого не разорвали: собаки вѣдь волчьяго духа не любятъ,—отвѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Трусы!.. Чушки!..—продолжалъ оскорблять побѣдитель присутствовавшихъ.—Боитесь, потому что бараны: козлы пошли и стадо за ними. Стойте, я вамъ пастуховъ пришлю, чтобы поберегли васъ, а то пропадете!

Толпа, отодвинувшись отъ круга, безмолвствовала, и только недружелюбно глядѣла на расходившагося хвастуна.

— Ну, что же? Ни одного храбраго нѣтъ? Никто не выйдетъ? Я вызываю всякаго, кто захочетъ со мной бороться, и отвѣчу всѣмъ, чѣмъ угодно. Вчера говорилъ вамъ это и сегодня слова своего не перемѣню, потому что оно княжеское.

— Стойте, сосѣди и всѣ правовѣрные! Я накажу этого хвастуна,—раздалось въ отвѣтъ откуда-то изъ-за круга.

И вдругъ вся начинавшая было уже расходиться толпа, какъ одинъ человѣкъ, остановилась и стала опять подвигаться къ кругу, а въ одномъ мѣстѣ кто-то спѣшно и рѣшительно протискивался впередъ къ веревкѣ.

Этотъ возгласъ былъ такъ неожиданъ, что даже самъ Джанъ-Барабатыръ-бей удивленно остановился на одномъ мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько секундъ передъ изумленной толпой въ кругъ вошелъ твердой походкой молодой и красивый татаринъ.

— Темиръ-Булатъ! Темиръ-Булатъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Джанъ-Барабатыръ-бей презрительно измѣрилъ его глазами и насмѣшливо спросилъ:

— Откуда, грибъ, вышелъ? На навозѣ выросъ?

— Каждая трава на своемъ мѣстѣ растетъ,—отвѣчалъ въ тонъ ему джигитъ.—Грибъ хоть и на навозѣ растетъ, да его люди ѣдятъ, а проклятый дурманъ хоть и въ степи стоитъ, да его всякая скотина обходитъ, потому что онъ дурманъ!

— Молодецъ, молодецъ, Темиръ-Булатъ! Хорошій отвѣтъ далъ. Такъ ему и нужно,—раздались со всѣхъ сторонъ одобрительныя восклицанія присутствующихъ.

— Хорошо, грибъ,—отвѣчалъ, позеленѣвъ отъ злобы, надменный мурзакъ.—Твоя правда, что грибы люди ѣдятъ. Тогда подходи же, я тебя съѣмъ сейчасъ!

— Ашъ-олсунъ [1]), бей, только, смотри, не подохни потомъ, потому что не всякій грибъ и съѣсть можно: есть такіе грибы, что отъ нихъ даже поганая чушка дохнуть можетъ...

— Ты выходишь со мной, беемъ, бороться,—перебилъ его мурзакъ, которому, какъ оказывалось, становилось невыгоднымъ состязаться съ новымъ противникомъ въ язвительности,—а какой же закладъ ты положишь? У тебя хоть шапка-то на головѣ есть ли?

— Что на моей головѣ есть и чего нѣтъ, всякій видитъ, а вотъ есть ли что-нибудь въ твоей головѣ, никому не видно, а по словамъ твоимъ выходитъ, и всякій такъ подумаетъ, что тамъ у тебя какъ въ пустой ямѣ,—отвѣчалъ съ достоинствомъ джигитъ.

— Какой же закладъ ты можешь поставитъ противъ моего?—спросилъ уже прямо Джанъ-Барабатыръ-бей и прибавилъ гордо:—Я поставлю денегъ, сколько хочешь, потому что онѣ у меня тутъ,—и мурзакъ самодовольно

---

[1]) На здоровье, съѣшь.

похлопалъ себя по карману шароваръ,—а у тебя гдѣ капиталы?

— А мои капиталы вотъ здѣсь,—отвѣчалъ не менѣе гордо джигитъ и протянулъ впередъ двѣ руки.—Твои капиталы отъ тебя унести можно; моихъ не унесешь; а стоютъ они не меньше твоихъ, потому что на всякую работу способны.

— Я поставлю тысячу рублей,—сказалъ нетерпѣливо мурзакъ, а ты сколько?

— И я не меньше, потому что моимъ закладомъ буду я самъ: если ты поборешь меня, я на десять лѣтъ твой рабъ и слуга. Это стоитъ не меньше твоихъ денегъ. Но я думаю, что нашъ закладъ, и твой, и мой, очень малъ: нужно прибавить къ этимъ закладамъ еще что-то, много больше того, чѣмъ сколько мы оба ставимъ!

И вся безмолвная теперь толпа зрителей и самъ мурзакъ, повидимому, были поражены такими рѣчами джигита.

— Что же мы поставимъ еще?—спросилъ Джанъ-Барабатыръ-бей удивленно.

— Мы поставимъ то, что стоитъ больше, чѣмъ сто самыхъ большихъ бочекъ серебра! Оно теперь одинаково: и твое и мое, и не твое и не мое. Такъ пусть же наша борьба покажетъ, чье оно!

— Я не знаю, что же это такое?—спросилъ съ полнымъ недоумѣніемъ мурзакъ.

— Это—Абибе!—крикнулъ джигитъ и, не давая мурзаку опомниться, повернулся къ толпѣ и громко произнесъ:

— Будьте вы всѣ, добрые люди, сколько васъ тутъ есть, свидѣтелями и судьями нашего дѣла. Я засваталъ Абибе, дочь кадія Даута-Хайруллы-Шарафетдина-оглу, а онъ, этотъ богатый бей, перебилъ мое сватовство и за-

ставляетъ Даута отдать дочь ему, а не мнѣ. Онъ, этотъ волкъ, позавидовалъ моему счастью, потому что всѣ знаютъ, что Абибе—брильянтъ. Я сначала хотѣлъ убить его за это, но отецъ Абибе и мулла-эффенди Файзулла-Нубинъ-Шарафетдинъ-эффенди именемъ святого Корана запретили мнѣ это преступленіе. Такъ пусть же рѣшитъ мое счастье наша честная борьба. Онъ знаменитый борецъ, который сейчасъ на вашихъ глазахъ поборолъ даже самого Юрку; значитъ, ему бояться нечего! Если онъ поборетъ меня, Абибе—его жена, а я—его рабъ на десять лѣтъ; если же Аллахъ поможетъ мнѣ, Абибе моя, а онъ—квитъ съ ея отцомъ за долгъ, вмѣсто котораго онъ хочетъ взять себѣ Абибе, а вся земля, за которую выросъ этотъ долгъ, не его, а кадія Даута.

— Ну, а эта тысяча рублей, что я теперь ставлю?—спросилъ мурзакъ.

— Эти деньги твои. Ихъ не нужно, потому что вмѣсто нихъ будетъ долгъ отца Абибе, Даута. Значитъ: или ты потеряешь его и землю, и Абибе, или ты выиграешь мою службу на десять лѣтъ и долгъ, т.-е. Абибе, потому что этимъ долгомъ ты хочешь купить Абибе, останется твой! Справедливо ли я говорю, судьи?

— Закладъ ровный,—отвѣчалъ мулла-эфенди,—и борьба на такомъ закладѣ—честная борьба.

— Принимай, бей, принимай!—крикнула сотня голосовъ изъ толпы.—Ты самъ и вчера, и сегодня здѣсь передъ всѣми сказалъ, что примешь всякій закладъ.

— Я сказалъ, что мое слово княжеское, и не отступлюсь отъ него,—гордо отвѣтилъ Джанъ-Барабатыръ-бей.

И противники стали готовиться къ этой борьбѣ на никогда еще небывалый закладъ.

Пока они повторяли передъ судьями снова и подробно свои условія, которыхъ сборщикъ податей Абдулла-Жаббаръ-оглу все не могъ никакъ хорошенько взять въ толкъ, а потомъ, пока они затягивали кушаки и засучивали рукава, слухъ о такомъ небываломъ состязаніи, какъ борьба на невѣсту, успѣлъ уже облетѣть всю равнину, и всѣ, кто только тамъ былъ, даже занятые у своихъ печей шашлычники и чичиръ-буречники, бросились къ этому кругу борьбы.

Народъ напиралъ со всѣхъ сторонъ такъ, что окаймляющій кругъ канатъ грозилъ лопнуть. Наконецъ, давка сдѣлалась уже такой, что въ дѣло сочли своимъ долгомъ вмѣшаться десять надсмотрщиковъ со своими магическими черешневыми тростями. Они попытались было начать дѣйствовать на первый рядъ зрителей, который непосредственно напиралъ на веревку, но это оказалось безполезнымъ, потому что, не взирая на щедрую порцію палокъ, получившимъ ихъ некуда было дѣваться: толпа напирала сзади.

Тогда надсмотрщики перемѣнили систему. Они съ помощью тѣхъ же тростей пробрались кое-какъ черезъ толпу въ задніе ряды и тамъ произвели столь энергическое воздѣйствіе, что въ пять минутъ толпы у круга какъ и не бывало: задніе ряды стремительно разбѣжались и этимъ дали возможность отодвинуться переднимъ.

Исполнивъ столь блестяще свою стратегическую задачу, надсмотрщики спокойно возвратились назадъ и безстрастно заняли свои мѣста около судей и по всей передней линіи круга, готовые снова при первой же надобности неукоснительно взяться за свои черешневыя эмблемы для возстановленія и поддержанія должнаго порядка.

Борьба началась. Пальцы обоихъ противниковъ точно стальными клещами впились въ пояса другъ другу. Вотъ они наклонились корпусами почти до самой земли, потомъ опять выпрямились и снова наклонились.

Джанъ-Барабатыръ-бей былъ и сильнѣе, и толще, и много выше джигита; зато стройный и гибкій Темиръ-Булатъ былъ, очевидно, гораздо ловчѣе мурзака.

Потоптавшись нѣсколько минутъ и сдѣлавъ три-четыре оборота на одномъ мѣстѣ, мурзакъ дважды притянулъ къ себѣ противника и дважды же оттолкнулъ его, а вслѣдъ затѣмъ приподнялъ его на воздухъ. Весь тонкій корпусъ молодого борца отдѣлился почти на поларшина отъ земли, но въ это время со всѣхъ сторонъ круга раздались голоса зрителей:

— Не смѣешь, бей, черезъ голову бросать, не смѣешь! Ты старый борецъ и долженъ знать правила борьбы.

— Лучше васъ знаю,—отвѣчалъ, продолжая борьбу и кряхтя, мурзакъ.—Я хотѣлъ только посмотрѣть, какой онъ тяжелый. Легкій какъ ягненокъ, а такой тяжелый закладъ принялъ на себя!

— Маленькій жукъ еще легче, а какой большой и тяжелый шаръ катитъ передъ собой по дорогѣ и не думаетъ даже, изъ чего этотъ шаръ состоитъ,—послышался голосъ джигита.

Толпа отъ такого сравненія мурзака съ навознымъ шаромъ одобрительно и весело загоготала.

— Откуси себѣ языкъ, мальчикъ, а то я тебѣ выдавлю его изъ горла!—закричалъ разсвирѣпѣвшій мурзакъ и потрясъ противника нѣсколько разъ своими могучими руками.

— Я не груша, что ты трясешь меня,—отозвался на

это джигитъ, ловко упираясь о землю при каждомъ поворотѣ то правой, то лѣвой ногой.—Все равно ни усовъ моихъ, ни моей злобы на тебя изъ меня не вытрясешь.

Эта насмѣшка окончательно разозлила мурзака, и онъ вслѣдъ затѣмъ порѣшилъ сейчасъ же перейти въ наступленіе и покончить съ наглымъ джигитомъ тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ онъ только что побѣдилъ уже двухъ силачей: карасубазарскаго кожевника и рыбака Юрку.

Вотъ онъ вдругъ выпрямился во весь ростъ, а руки его въ то же самое время, сгибаясь въ локтяхъ, какъ два желѣзные шалнера, притянули джигита вплотную къ нему. Расчетъ былъ очевиденъ: прижавъ противника плотно къ себѣ и слившись съ нимъ почти въ одно цѣлое, онъ имѣлъ въ виду затѣмъ навалиться на него всею тяжестью своего грузнаго тѣла и грохнуть его о землю.

Но Темиръ-Булатъ не даромъ зорко слѣдилъ, стоя у самой веревки, за каждымъ движеніемъ своего противника въ то время, когда тотъ боролся съ кожевникомъ и Юркой. Онъ успѣлъ изучить до тонкости этотъ его обычный пріемъ и заранѣе приготовился.

Какъ только онъ почувствовалъ, что рѣшительный моментъ наступаетъ и руки мурзака начинаютъ уже тянуть его къ противнику, онъ противъ всякаго ожиданія Джанъ-Барабатыръ-бея, обманувши его притворнымъ сопротивленіемъ этому притягиванью въ первую секунду, потомъ самъ вдругъ рванулся къ нему, потянувъ и его къ себѣ, и едва прикоснувшись грудь съ грудью къ врагу, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ къ силѣ своихъ мощныхъ рукъ присовокупить еще и тяжесть своего огромнаго тѣла, онъ лѣвой, а не правой какъ всегда, ногой стремительно ударилъ мурзака по икрѣ его правой ноги, и эта изумительно

ловко и быстро данная противнику подножка рѣшила его судьбу.

Задрожавъ въ воздухѣ какъ подломленный дубъ, Джанъ-Барабатыръ-бей грохнулся во весь ростъ на землю, а руки его, инстинктивно искавшія въ моментъ паденія гдѣ-нибудь опоры и задержки, сами собой отдѣлились отъ пояса противника и вмѣстѣ съ тѣломъ упали ладонями вверхъ въ обѣ стороны.

На весь этотъ послѣдній моментъ пошло не болѣе двухъ-трехъ секундъ времени.

Какъ молодой ягуаръ спрыгнулъ Темиръ-Булатъ со своего крестомъ еще лежавшаго подъ нимъ на землѣ противника и дикимъ голосомъ радостно вскрикнулъ:

— Абибе!.. Абибе!.. Ты не его, а моя!

Но въ этотъ моментъ онъ и самъ вдругъ зашатался и, потерявъ на нѣсколько минутъ сознаніе отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и нервовъ, тихо опустился на землю въ сторонѣ отъ повергнутаго имъ противника, у самыхъ ногъ продолжавшихъ безмолвно сидѣть на своихъ мѣстахъ судей борьбы.

Пораженная всѣмъ происшедшимъ толпа на секунду замерла. Но вслѣдъ затѣмъ раздался оглушительный ревъ, и толпа, точно наэлектризованная какой-то силой, рванулась вся сразу впередъ.

Веревки и кольевъ въ одинъ моментъ какъ и не бывало.

Подхвативъ на руки молодого героя, она понесла его въ городъ. Затѣмъ вдругъ раздались крики:

— Даутъ!.. Кадій!.. Отецъ подруги звѣздъ!..

И когда Темиръ-Булатъ очнулся, онъ увидѣлъ, что толпа несетъ на себѣ не его одного: рядомъ съ нимъ лежалъ и старикъ Даутъ.

— Бѣда прошла, отецъ,—сказалъ тихо счастливый джигитъ, и у обоихъ, старика и юноши, изъ глазъ брызнули слезы.

Толпа бережно спустила съ рукъ отца Абибе и ея счастливаго жениха у калитки дома кадія. Кто-то сорвалъ съ нихъ обоихъ шапки, и въ эти шапки вдругъ полетѣлъ цѣлый дождь золота, серебра и мѣди.

— Кто такъ себѣ взялъ жену, тотъ пусть живетъ богато!—кричали мурзаки, а денежный дождь, все звеня и звеня, сыпался въ обѣ стоящія на землѣ у ногъ молодого героя шапки.

. . . .

И снова въ эту ночь до самой свѣтлой зари надъ крышей стараго кадія раздавался счастливый шопотъ, но его слышали и понимали только миріады звѣздъ, которыя, точно радуясь счастью своей бѣлолицей подруги, особенно ярко горѣли и переливали всѣми цвѣтами въ таинственной выси сплошь убраннаго алмазами небосклона.

Онѣ брызгали въ глаза счастливой Абибе золотыми стрѣлками; вспыхивали то голубыми, то красными, то чуть зеленоватыми комочками пламени; онѣ «улыбались» и на своемъ языкѣ говорили понимавшей ихъ дѣвушкѣ, что радуются ея счастью, что онѣ знали все это впередъ и вотъ почему недѣлю тому назадъ, когда Абибе изливала передъ ними щемившую ея сердце тоску, онѣ не могли ей сочувствовать и играли съ ней радостными лучами вмѣсто того, чтобы затуманиться и померкнуть, глядя на ея жгучія слезы.

Въ день свадьбы Темиръ-Булата и Абибе кадій Даутъ-Хайрулла-Шарафетдинъ-оглу подарилъ новобрачнымъ для разведенія новаго винограднаго сада тотъ самый кусокъ земли, который теперь уже сталъ его собственностью и за аренду котораго онъ чуть-чуть не заплатилъ мурзаку Джанъ-Барабатыръ-бею Арсланову счастьемъ своей любимой дочери, а всѣ участвовавшіе въ закладѣ за рыбака Юрку мурзаки прислали каждый Темиръ-Булату по коню, а Абибе—по коровѣ.

